

ISSN 1824-761X

Studi Slavistici

XIV • 2017 | Rivista dell'Associazione Italiana degli Slavisti

Studi Slavistici

Rivista dell'Associazione Italiana degli Slavisti

XIV · 2017

Firenze University Press

Studi Slavistici

XIV • 2017

<http://www.fupress.com/ss>

Direttore responsabile

Nicoletta Marcialis

Segreteria di redazione

Giuseppina Larocca

Editing

Alberto Alberti

Chiara Benetollo

Progetto grafico

Alberto Alberti

Redazione

Alberto Alberti, Alessandro Amenta, Giovanna Brogi Bercoff, Maria Chiara Ferro, Gabriella Elina Imposti, Giuseppina Larocca, Nicoletta Marcialis, Rosanna Morabito, Donatella Possamai, Giovanna Siedina, Bianca Sulpasso, Vittorio Springfield Tomelleri, Andrea Trovesi

Comitato scientifico internazionale

Maria Di Salvo (*Università di Milano*), Alexander Etkind (*European University Institute*), Lazar Fleishman (*Stanford University*), Marcello Garzaniti (*Università di Firenze*), Lucyna Gebert (*Università di Roma "La Sapienza"*), Harvey Goldblatt (*Yale University*), Mark Lipoveckij (*University of Colorado-Boulder*), Jordan Ljuckanov (*Balgarska Akademija na Naukite*), Roland Marti (*Universität des Saarlandes*), Michael Moser (*Universität Wien*), Ivo Pospíšil (*Masarykova univerzita*), Krassimir Stantchev (*Università Roma Tre*)

Il volume è curato dalla redazione sulla base delle specifiche competenze dei suoi componenti. "Studi Slavistici" è una rivista *peer reviewed*. Tutti i contributi (eccettuati i *Materiali e Discussioni*, il *Forum* e le *Recensioni*) vengono inviati per valutazione a due referee anonimi

Contatti

NICOLETTA MARCIALIS

c/o Università di Roma "Tor Vergata", Dipartimento di Storia, Patrimonio Culturale, Formazione e Società, via Columbia, 1 – 00133 Roma
(marcialis@lettere.uniroma2.it)

ASSOCIAZIONE ITALIANA DEGLI SLAVISTI

presidente Giorgio Ziffer
<http://www.associazioneslavisti.it>
(giorgio.ziffer@uniud.it)

GIUSEPPINA LARocca

c/o Università degli Studi di Firenze, Dip.to di Lingue, Letterature e Studi Interculturali, via S. Reparata 93-95 – 50129 Firenze
(studi.slavistici@associazioneslavisti.it)

Per abbonamenti

FIRENZE UNIVERSITY PRESS
via Cittadella, 7 – 50144 Firenze
<http://www.fupress.com/>
(journals@fupress.com)

Rivista di proprietà dell'Associazione Italiana degli Slavisti
(registrato al n° 5385 – 29.XII.2004 del tribunale di Firenze)
ISSN 1824-7601 (online) · ISSN 1824-761X (print)

© 2017 Firenze University Press – Università degli Studi di Firenze

In copertina: motivo ornamentale di ricamo,
da E. Gasparini, *Il matriarcato slavo*, Firenze 2010 (1973'), p. 696.

INDICE

BLOCCO TEMATICO

1917-2017. One Hundred Years of Graphic (R)evolution in the Soviet Space

a cura di M. Di Salvo, V.S. Tomelleri, N. Marcialis, G. Larocca

M. Di Salvo, V.S. Tomelleri, N. Marcialis, G. Larocca	<i>Introduction</i>	7-8
V.M. Alpatov	<i>Scripts and Politics in the USSR</i>	9-19
D. Bunčić	<i>Factors Influencing the Success and Failure of Writing Reforms</i>	21-46
Л. Голетиани	<i>Буква, которой не хватало. О возвращении буквы Г в законодательный украинский язык</i>	47-66
R. Horbyk, O. Palko	<i>Righting the Writing. The Power Dynamic of Soviet Ukraine Language Policies and Reforms in the 1920s-1930s</i>	67-89
K. Karunyk	<i>The Ukrainian Spelling Reforms, Half-Reforms, Non-Reforms and Anti-Reforms as Manifestation of the Soviet Language Policy</i>	91-110
G. Siedina	<i>L'infinita quaestio del Pravopys ucraino nell'Ucraina indipendente</i>	111-132
А.А. Кожинова	<i>Языки и графические системы Беларуси в период от Октябрьской революции до Второй мировой войны</i>	133-156
П. Онъибене	<i>Алфавит как политический выбор. Палеоазиатские языки и их алфавиты</i>	157-170
I. Marchesini	<i>Russian (1917-1918) and Armenian (1922) Orthographic Reforms. Assessing the Russian Influence on Modern Armenian Language</i>	171-190
А.В. Андронов, Е. Симонато, В.С. Томеллери	<i>Евгений Дмитриевич Поливанов, Абхазский Аналитический Алфавит. Издание текста с переводом на английский язык</i>	191-252

A.B. Андронов	<i>Графическое обозначение фонологических признаков как ориентир при совершенствовании алфавитного письма и свидетельство реальности фонологических категорий</i>	253-274
S. Moret	<i>Langues internationales, alphabets et Révolution. Les idées de N.V. Jušmanov</i>	275-292
Ш. Хайров	<i>Графика как объект лингвистической имагологии. О некоторых типах эстетических и идеологических оценок дореформенной кириллицы в России до и после 1918 г.</i>	293-307
К.А. Прокопчук	<i>Иностранные прагматонимы в современной русской литературе. Латиница или кириллица?</i>	309-327

MATERIALI E DISCUSSIONI

V.K. Кантор	<i>Революция, или Безумие в облике истины</i>	331-350
-------------	---	---------

RECENSIONI

K. Stantchev, M. Calusio (a cura di), <i>San Clemente di Ocrida: allievo e maestro. Nell'undicesimo centenario del beato transito (912-2016)</i> , Biblioteca Ambrosiana-Bulzoni editore, Roma 2017 (G. Brogi Bercoff)	353-355
S. Graciotti, <i>La Dalmazia e l'Adriatico dei pellegrini "veneziani" in Terrasanta (Secoli XIV-XVI). Studi e testi</i> , Società Dalmata di Storia Patria-La Musa Talia Editrice, Roma-Venezia 2014 (G. Brogi Bercoff)	355-357
I. Bjelaković, I. Cvetković Teofilović, A. Milanović (prired.), <i>Rečnik slavenosrpskog jezika. Ogledna sveska</i> , Matica srpska, Novi Sad 2017 (P. Lazarević Di Giacomo)	357-360
A. Milanović, <i>Reč pod okriljem poetike</i> , Narodna biblioteka "Stefan Prvovenčani", Kraljevo 2016 (P. Lazarević Di Giacomo)	360-362
B. Mitrović, M. Mitrović, <i>Storia della cultura e della letteratura serba</i> , Argo, Lecce 2015 (P. Lazarević Di Giacomo)	362-365
E. Restagno, <i>Schönberg e Stravinsky, Storia di un'impossibile amicizia</i> , Il Saggiatore, Milano 2014 (A. Giust)	365-367
<i>Profilo degli autori</i>	369-372

BLOCCO TEMATICO

1917-2017

*One Hundred Years of Graphic (R)evolution
in the Soviet Space*

a cura di

M. Di Salvo, V.S. Tomelleri,
N. Marcialis, G. Larocca

Maria Di Salvo, Vittorio S. Tomelleri,
Nicoletta Marcialis, Giuseppina Larocca

Introduction

The papers collected in this thematic section of “*Studi Slavistici*” exemplify the response to the Call for Papers the editorial board launched in summer 2016. Our shared idea was to add a rather different voice to the supposedly big chorus that was expected to celebrate the centenary of the Russian Revolution. We therefore chose to look at cultural revolution(s) from a sociolinguistic perspective, particularly as they were, and are still today, reflected in the issue of writing systems: how the epochal changes produced after the Bolshevik revolution and, seventy years later, the collapse of the Soviet Union, are echoed in the choice of alphabets or orthographic rules. The focus of our attention became the ways in which the new revolutionary climate changed or influenced the “writing world” in its many facets, such as the war against illiteracy, the creation of new alphabets and writing systems for the peoples of the Soviet Union, the debate about the possible abandonment of the Cyrillic alphabet in favor of the more international and revolutionary Latin alphabet, and the way it was imposed in the cultural struggle of the central power against any form of national self-identification and definition within the country.

The editorial board of “*Studi Slavistici*” asked a small group of its members, happily joined by Maria Di Salvo, to formulate and propose the guidelines of the planned issue to the scientific community. We decided not to suggest a theoretical framework or to give practical recommendations as to the structuring of the papers; we only outlined some topics that it would be interesting to tackle:

- graphic and/or orthographic reforms
- language policy particularly in relation to writing systems
- Latinization, Cyrillization
- Marr’s analytical alphabet
- the birth of phonology as a field of applied work
- problems of (phonetic) transcription and transliteration

It was a great pleasure to see that our proposal aroused considerable interest among scholars: we received dozens of proposals, covering almost all the theoretical aspects and areas we were interested in.

Unfortunately, as inevitably occurs in such cases, not every author was able to submit his/her contribution, nor was every submitted contribution accepted for publication in the present volume. The result were fourteen papers, differing both thematically and methodologically, written in several languages (English, French, Italian and Russian), in which general questions as well as concrete cases are examined and discussed.

Thus, the papers collected here represent a wide variety of interesting fields. In addition to two opening articles by VLADIMIR MICHAJLOVIČ ALPATOV and DANIEL BUNČIĆ, in which the political and sociocultural implications of alphabet reforms are investigated, four contributions are dedicated to different aspects of the Ukrainian alphabet and orthographies. The papers proceed with a quantitative analysis of the post-Soviet reintroduction of the previously banned letter *r*, based on a corpus of legal texts (LIANA GOLETIANI); language policy in the 1920s-1930s, considered both from a general point of view (ROMAN HORBYK and OLENA PALKO) and with respect to different spelling reforms (KATERINA KARUNYK); and, finally, the *vexata quaestio* of the establishment of a unitary orthography (GIOVANNA SIEDINA). ALLA KOŽINOVA's paper deals with the multilingual and multigraphic situation in Belarus, while three more articles tackle questions to do with alphabets related to non-Slavonic languages of the former Soviet Union, namely the creation of alphabets for Paleosiberian languages (PAOLO OGNIBENE), the Armenian orthographic reform of 1922 (IRINA MARCHESINI) as well as Evgenij Dmitrievič Polivanov's criticism of the Abkhaz analytical alphabet (ALEKSEJ VIKTOROVIČ ANDRONOV, ELENA IL'INIČNA SIMONATO and VITTORIO S. TOMELLERI).

Other contributions treat further relevant topics, such as the theoretical (and practical) Soviet dispute over phonology in the 1920s-1930s, viewed as an important contribution to modern research rather than historically (ALEKSEJ VIKTOROVIČ ANDRONOV); they discuss the question of constructed international languages in the work of the Soviet linguist and orientalist Nikolaj Vladimirovič Jušmanov (SÉBASTIEN MORET), provide an imagological approach to the analysis of Cyrillic before and after the orthographic reform of 1917-1918 (SHAMIL KHAIROV), or examine the different stylistic possibilities offered to contemporary authors by the graphic variation of Latin and Cyrillic in contemporary Russian literature (KLAVDIJA ALEKSEEVNA PROKOPCZUK).

We would like to express our sincere gratitude to the contributors and the anonymous reviewers for their painstaking and patient work and hope that the reader(s) will find here informative material and stimulating ideas.

October 2017

Vladimir Mikhajlovich Alpatov

Scripts and Politics in the USSR

1. *Four Aspects of the Alphabet Problem*

The Soviet Union existed for 69 years, from 1922 to 1991, as a multinational and multi-lingual entity. It is difficult to calculate the number of the languages in the USSR (due in part to the problematic differentiation of languages and dialects), but it was upwards of 150 (for further details on the linguistic map of the former Soviet Union see Matthews 1951, Creisels 1977, Isaev 1977, Comrie 1981, as well as the monumental scholarly work in five volumes edited by Vinogradov 1966-1968). Almost half of these did not have written alphabets even during the Soviet period, but more than 80 have or had alphabets. Moreover, the majority of these languages changed their alphabets two or three times (for some examples see Glück 1994: 747-751). No country in the world has changed its language policy – including the choice of alphabet – so frequently (Jachnow 1994). There were three main periods of alphabet change: the 1920's; the second half of the 1930's; and the last years of the USSR.

The alphabet situation was stable before the October Revolution of 1917. At least seven alphabets were used: Cyrillic, Latin, Arabic, Old Mongolian, Hebrew, Georgian and Armenian (Grenoble 2003: 48); many languages remained without writing (scripts). The creation of new alphabets for unwritten languages was mostly the work of Orthodox missionaries (Baldauf 1993: 3-34), such as Nikolaj Ivanovič Il'minskij (Kreindler 1979); these alphabets were all Cyrillic, the only exception being the Latin alphabet, based on IPA, created by Semën Andreevič Novgorodov (1892-1924) for Yakut before the Revolution (Polivánov 1928: 316-318; 1931: 82-86 = 1974: 186-188).

The Revolution set new goals. It posed the need to transfer official communication from Russian into the languages of ethnic minorities; to create middle and higher education; and to encourage the creation of *belles lettres* and theatre in all of the country's languages. However, this was impossible if the language was unwritten or if the existing script was considered unacceptable. It was necessary to create new alphabets, but it was difficult to realize this program during a time of civil war; it only came into full force after the end of the war with the creation of the USSR. The only significant change of the alphabet situation in the first years after the Revolution was the almost complete extinction of the Latin script (except for German in the settlements in Volga region, where the people using this alphabet were not associated with the Soviet state).

The choice of an alphabet involves four main issues: linguistic, economic, psychological and political.

1.1. The linguistic aspect of this problem concerns the degree of a script's rationality, that is, how suitable it is for the structure of a particular language. Usually this aspect is not the predominant one. We will cite two interesting cases.

The first is the absolute uselessness of an overly 'rational' script. An example of this is Nikolaj Jakovlevič Marr's 'analytic' alphabet (Marr 1926; on this alphabet see Tomelleri 2016). Marr was not a specialist in these problems and did not understand the difference between an alphabet and phonetic transcription (Jakovlev 1931: 49-50; see also Simona-to 2005: 265). Thus, he tried to take phonetic nuances into account as much as possible and his alphabet became too difficult. There were several attempts to introduce it for the Abkhazian language but it could not be taught, not only to pupils but even to teachers (Kamčín-Bek 1929: 63).

The second example is when a script appropriate to one language is imposed on another which has a different structure. For instance, the traditional Arabic script without signs marking short vowels is convenient for Arabic but not for Turkic languages. Many Turkic nations, however, used this alphabet for many centuries because the linguistic difficulties were compensated for by its prestige among Muslims. Before the Revolution the Turkic secular intelligentsia pointed to the inconvenience of this alphabet and proposed its reform. A project for a reformed Arabic script (with signs for vowels) was proposed by Achmet Bajtursunovič Baitursunov (Baitursyn) for Kazakh, and was given a positive assessment by Nikolaj Feofanovič Jakovlev in his article *A mathematical formula for the construction of an alphabet* (Jakovlev 1928: 60; on this formula, and the criticism by Rozalija Osipovna Šor 1928, see the recent contributions by van Helden 2014 and 2016).

Hence the difference in the degree of fitness of a script for a language is not very significant. It would be possible to compare the suitability of Latin, Cyrillic and reformed Arabic scripts for Turkic languages but the real differences would not be evident. Usually when somebody speaks about the linguistic advantages of the Latin or Cyrillic alphabet for some Turkic (or other) language, such arguments are only a formal cover for political or other extra-linguistic issues. As Evgenij Dimitrevič Polivanov wrote, the Latin alphabet is neither better nor worse than the Cyrillic alphabet in its quality (Polivanov 1928: 321-322). By nature, an alphabet is to a greater or lesser degree a system of conventions, and its correlation to a given language is determined by usage.

1.2. Economic factors are not very significant either. They work in the direction of preserving the existing script, insofar as a change of alphabet is costly. This can be important in times of peace, while in revolutionary epochs reformers do not consider expense, although this may influence implementation. Even though the Soviet power did not have much money in the 1920's-30's, the change of alphabets took place quickly. In contrast, it has been suggested that the restoration of the old national script in Mongolia in the 1990's failed due to economic factors.

1.3. The psychological aspect of the problem of alphabet change is connected with historically established habits and stereotypes. It seems that everybody wants to have a simple and convenient script and orthography. But this is a major problem primarily for people who do not yet know any script. In the modern world, the majority of such people are little children or persons not yet born. The people who have an influence on linguistic policy are literate adults, who have already overcome the difficulties of education and do not want to have to do so again. In periods of revolutions and social change other significant ideas and feelings may play a role, but in times of evolutionary development this tendency toward stability predominates. English or French orthography is very difficult and old-fashioned but there is little possibility of making it better. Pre-revolutionary Russian orthography was complicated (although less so than English or French orthography) but it was reformed only during the revolutionary period, in 1917-1918; some further attempts to improve it in the 1960's and 1990's failed – society rejected them.

The same is true for the choice of a script. The challenge of abolishing Chinese characters was urgent at the time of Europeanization in several countries. However, this was accomplished only in two countries: in the Korean People's Democratic Republic after the revolution and in Vietnam in colonial times. There were projects to abolish characters in China after 1949 and in Japan in 1945. However, the moment passed, and now such reforms seem impossible both in Japan and China.

In 1937 one Soviet linguist said that a great number of people became illiterate for several years at the time of transition from one script to another one (Alpatov 2000: 63; see also Glück 1994: 748). This is a time when political or cultural factors become more significant.

1.4. The political aspect is not significant in periods of historical calm but it becomes a major factor in times of social transformation, of the formation or disintegration of states, or of changes in cultural orientation. Political, social and cultural considerations can be more or less significant depending on specific circumstances.

2. *First Period of the Alphabet Change*

The Soviet Union of the 1920's faced important decisions concerning the choice of alphabets. For the Turkic and many other languages of the Muslim peoples in the country, there were four logical possibilities:

- 1) the traditional Arabic script;
- 2) the reformed Arabic script;
- 3) the Latin script;
- 4) the Cyrillic script.

All four were equally suitable linguistically with the exception of using the traditional Arabic script for Turkic or Iranian languages. However, the traditional Arabic script had

a psychological advantage because of its familiarity to many people; this advantage was important only for literate persons, but literacy was very low. The main factor was political. The Buryat and Kalmyk people had to choose between Cyrillic, Latin and Old Mongolian scripts. The problem of choice also existed in Georgia and Armenia but their traditional scripts were preserved, although it was planned in 1932 to transfer Armenian to the Latin alphabet (Vasil'ev 2016: 236). The Hebrew alphabet was preserved as well.

2.1. From the political point of view, the traditional Arabic alphabet was unacceptable since it was connected with the old political and economical system and with the old Muslim culture. The Cyrillic alphabet was not acceptable either: it was associated with tsarism. Polivanov wrote about “the hatred of the people for missionary transcriptions” (Polivanov 1928: 320). Thus, both the Soviet power and the national intelligentsia of the 1920's accepted only two possibilities: the second and the third ones, reformed Arabic or Latin.

2.2. Reformed Arabic seemed to hold the edge in the first half of the 1920's: it was suitable for the Turkic languages and it did not have any religious connotations; and people who knew the Arabic script had no need to change their habits. However, it had significant political shortcomings: the reformed Arabic script was not used anywhere except the USSR, and its use furthered the isolation of the Muslim peoples of the USSR both from the peoples of the other parts of the Soviet Union and from those in other countries. Some Turkic and Caucasian peoples used this alphabet for several years but then abolished it at the end of the 1920's.

2.3. The most neutral script was the Latin alphabet: it did not have any undesirable associations (its association with English appeared later) and was really international, “the most international writing system” (Polivanov 1931: 85-86 = 1974: 188). Hopes for a worldwide Socialist revolution were still significant; the Soviet Union “hoped to become the Piedmont of world revolution” (Kučera 1952: 116; for a general survey of the Latinization see Imart 1965). The example of Latinization in Turkey was also important and was taken into account in the USSR (S.Š. 1929); the alphabet reform in the USSR also had an influence on Latinization in Turkey (Lewis 1961: 426; on the political discussion around the alphabet revolution see Bayraktarlı 2008).

The USSR's new linguistic policy faced little direct resistance but internal difficulties were significant. Only one of them was recognized at that time: the uneven development of languages, which involved problems with alphabets. Intensive work in order to overcome this situation spread, under the banner of language building. Many of the best Soviet scholars took part in it: Jakovlev, Polivanov and others. The main organization supporting the new alphabet policy was the All-Union Central Committee of the New Turkic Alphabet (*Vsesojuznyj central'nyj komitet novogo tjurkskogo alfavita*), whose name was later changed to All-Union Central Committee of the New Alphabet (*VCKNA*) after the reorganization of the committee (Winner 1952: 144). It was established in Baku and then moved

to Moscow from 1926 to 1937. A considerable number of its documents have recently been published (Vasil'ev 2016).

One of the most important stages of the alphabet reform in the USSR was the First All-Union Turkology Congress, held in Baku in 1926 (Menzel 1927, Baldauf 1993: 387-457). The problem of the alphabet was central there, as the speakers said: "the question of the reception of alphabets is a part of Party interests" (Vasil'ev 2016: 26-27). There was a desperate struggle between the supporters and the opponents of Latinization. The centre of the pro-Latinization group was Baku and the centre of those defending the reformed Arabic alphabet was Kazan. The supporters of the Latin alphabet won out. Originally the decisions of the Congress were only recommendations but in 1929 all Arabic alphabets were forbidden. The Old Mongolian script was forbidden too.

To the end of the 1920's all the main Turkic, Mongolic and other non-Christian peoples of the USSR (except Jews) began to use the Latin alphabet for their languages. Some people had to change their habits but the number of persons who learned to read and write for the first time in the Latin script was more significant. The creation of the new alphabets was considered not only as a Soviet but as a universal, worldwide policy. The data on Turkey, for example, was included in the reports of the VCKNA (Vasil'ev 2016: 276). These reports also noted every statement of support for Latinization in Iran, Afghanistan, China and Japan (Vasil'ev 2016: 191, 220), but such hopes turned out to be vain. At the same time, the successful example of Latinization in Vietnam was ignored because it was accomplished by colonizers. A project for the Latinization of Chinese was proposed by a group of Leningrad scholars and was used by the Soviet Chinese for several years. About 80 new alphabets were created in the 1920s and 1930s.

2.4. VCKNA's report of 1932 noted that the change of alphabets from Arabic to Latin script was realized more quickly than the analogous change from other "backward alphabet forms" including the Cyrillic script (Vasil'ev 2016: 213). For instance, Chuvash people preserved the Cyrillic missionary alphabet even in 1935 (Vasil'ev 2016: 285). The Latin script for this language existed but was never used in practice.

However, the main impediments to universal Latinization in the USSR were Ukrainian, Belorussian and especially Russian. As Jakovlev wrote:

Nowadays the territory of the Russian alphabet is a kind of wedge between the countries of the October Revolution, where the Latin alphabet is used, and the countries of Western Europe, in which we find national-bourgeois alphabets, resting on the same basis (Jakovlev 1930a: 35-36).

There was an attempt to transfer Russian from Cyrillic to Latin in 1929-1930 (Kučera 1951: 133-137). A special committee headed by Jakovlev proposed three versions of the Latin script for Russian (*Materialy po voprosu o latinizacii russkoj pis'mennosti*, "Kul'tura i pis'mennost' Vostoka", 1930, 6, pp. 208-221). The resolution contained a very negative assessment of the Cyrillic alphabet:

The Russian State alphabet appears as an anachronism of the 18th and 19th century class-alphabet of the Russian feudal landowners and bourgeoisie, an alphabet of the autocratic yoke, of missionary propaganda, of Great-Russian national chauvinism and the forcible russification of the majority of the nationalities of the USSR and at the same time, as a heritage of Tsarist Russian expansion abroad (Jakovlev 1930b: 208 – English translation: Kučera 1951: 135).

The project was solid from a linguistic point of view but by 1930 the political situation in the Soviet Union had changed. A stable, centralized political system had been firmly established. The policy of building ‘Socialism in one country’, first declared in 1925, rejected the idea of an imminent world revolution maintained by Trockij and his supporters, and this led to the rise of the role of the Russian and of the Cyrillic script. The Latinization project was considered unacceptable by the Politburo, the leading organ of the Communist party (in March, 1930), and was therefore rejected (Alpatov 2015).

3. *Second Period of the Alphabet Change*

The previous language policy continued until the middle of the thirties, and then it was changed. From 1935 to 1938 it was decided to transfer all Soviet languages using the Latin alphabet into Cyrillic. On the whole, this transfer was finished by 1941, before the beginning of the Second World War. A unique exception to this process took place in Abkhazia and South Ossetia (part of the Georgian Republic): in 1938 Abkhazian and Ossetian changed its script from Latin not to Cyrillic, but to Georgian (the Cyrillic script was introduced later, in 1954). The official slogans remained the same, but the spread of Russian became a main task of Soviet language policy. However, the Latin script was preserved in the USSR because Lithuanian, Latvian, Estonian and Finnish became languages of the USSR from 1940. At the same time, the number of languages with alphabets decreased. This situation did not change until the 1980s.

The number of people who had to be re-trained was more significant than earlier but this change of alphabets seemed to be natural for the majority of the population. It might have been disagreeable to the nationally-oriented intelligentsia of many nations, but the situation represented a *fait accompli*. In about a half of a century many people had become accustomed to the Cyrillic alphabet.

4. *Third Period of the Alphabet Change*

The situation changed abruptly in Gorbačëv’s time. National movements in the USSR spoke out against Russian and the use of the Cyrillic script. Already at the end of the Soviet era Moldavia introduced the Latin script. After the disintegration of the USSR in 1991 and the formation of many new states the problem of alphabet choice again became urgent. This was the case, in particular, for the former republics of Central Asia. Four possibilities faced them. The reformed Arabic script had been forgotten and was not used anywhere; a

rebirth of this alphabet was not feasible. As before, the linguistic factor is not significant. One major psychological factor is connected to the desire to preserve a modern system (i.e. the Cyrillic alphabet), especially since the majority of the population is literate. This factor works together with the economic one: a change of alphabet would be expensive. But political factors can be even more powerful.

A radical change of scripts was realized quickly only in Azerbaijan (since 1992). This republic was the pioneer of Latinization both in the 1920s and in the 1990s. Turkmenistan realized this transition too. Resolving this problem in Uzbekistan proved to be more complicated. The coexistence of two alphabets there has been preserved for many years. To cite only one example (which I observed in Tashkent in 1999): on a New Year's street billboard the phrase "Happy New Year" was written in Uzbek in Latin script but the date on the calendar ("31 December") was written in Cyrillic (Alpatov 2005). One should mention that the experience of Soviet language building is not taken into account in the new Latinization process; there is no return to the alphabets of the 1920's-1930's, while the imitation of Turkic orthography clearly prevails (except in Uzbekistan). This model of development is considered to be Turkish and not Sovietic.

The other new states and all of the national territories within the Russian Federation continue to use the Cyrillic script (the only exception is the Karelian language that has adopted the Latin script). The problem of the choice of alphabets depends on political and cultural orientation. The Arabic script has prestige in the new states but is not used anywhere except in the religious sphere. Its use in schools, mass media, official documents, etc., would mean isolation both from the USA, Europe, and Turkey as well as from Russia. This path of Muslim development has been avoided (at least officially) by all the new states. Preserving the Cyrillic script means continuing a traditional orientation to Russia. This is natural for national territories within Russia but is also sustainable for the countries of the Commonwealth of Independent States. The choice of the Latin alphabet is naturally correlated with Western or Turkish orientation. This script is accepted or will be accepted in Azerbaijan, in Turkmenistan and in Uzbekistan. As to Russia, some attempts to abolish the Cyrillic script were undertaken in the 1990's (during the Chechen war the Latin script was officially introduced by the Chechen separatists) but now the policies of the Russian state offers no possibility for changing alphabets. There have been some proposals to latinize Russian (Arutjunov 2001) but they have no practical significance (Alpatov 2015: 9-10).

Thus, during the last hundred or so years there were three periods in which alphabets underwent change in the part of the world under consideration. We now see a period of new stability, although the spread of the Latin script to Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan is possible. Many nations that were becoming literate switched alphabets two or three times, while several established languages (e.g., Russian, Ukrainian, Georgian and Armenian) hardly changed at all.

Literature

- Alpatov 2000: V.M. Alpatov, *150 jazykov i politika: 1917-2000. Sociolingvističke probleme SSSR i postsovetskogo prostranstva*, Moskva 2000.
- Alpatov 2005: V.M. Alpatov, *Multilingualism in Modern Tashkent*, in: G. Rasuly-Palechek, J. Katschnig (eds.), *Central Asia on Display. Proceedings of the VII Conference of the European Society for Central Asian Studies*, Vienna 2005, pp. 219-223.
- Alpatov 2015: V.M. Alpatov, *A Latin Alphabet for the Russian Language*, in: V. Springfield Tomelleri, S. Kempgen (eds.), *Slavic Alphabets in Contact*, Bamberg 2015, pp. 1-11, cfr. <http://kodeks.uni-bamberg.de/slavling/downloads/Slavic_Alphabets_In_Contact_Web.pdf> (24.06.2017).
- Arutjunov 2001: S.A. Arutjunov, *Vseobščij perechod na latinicu neizbežen*, "Nezavisimaja gazeta", 2001, 7 avgusta, <http://www.ng.ru/style/2001-08-07/8_perehod.html> (27.09.2017).
- Baldauf 1993: I. Baldauf, *Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Russland- und Sowjettürken (1850-1937): Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen*, Budapest 1993.
- Bayraktarlı 2008: I.Y. Bayraktarlı, *Die politische Debatte um die türkische Schrift- und Sprachrevolution von 1928*, Freiburg 2008.
- Comrie 1981: B. Comrie, *The Languages of the Soviet Union*, Cambridge 1981.
- Creissels 1977: D. Creissels, *Les langues d'U.R.S.S. Aspects linguistiques et sociolinguistiques*, Paris 1977.
- Glück 1994: H. Glück, *Schriften in Kontakt*, in: H. Günther, L. Otto (eds.), *Schrift und Schriftlichkeit / Writing and Its Use*, 1, Berlin-New York 1994, pp. 745-766.
- Grenoble 2003: L.A. Grenoble, *Language Policy in the Soviet Union*, Dordrecht 2003.
- Imart 1965: G. Imart, *Le mouvement de "latinisation" en U.R.S.S.*, "Cahiers du monde russe et soviétique", VI, 1965, 2, pp. 223-239, cfr. <http://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1965_num_6_2_1619> (25.06.2017).
- Isaev 1977: M.I. Isaev, *National Languages in the USSR: Problems and Solutions*, Moscow 1977.
- Jachnow 1994: H. Jachnow, *Die sowjetischen Erfahrungen und Modelle der Alphabetisierung*, in: H. Günther, L. Otto (eds.), *Schrift und Schriftlichkeit / Writing and Its Use*, 1, Berlin-New York 1994, pp. 803-813.
- Jakovlev 1928: N.F. Jakovlev, *Matematičeskaja formula postroenija alfavita*, "Kul'tura i piš'mennost' Vostoka", 1928, 1, pp. 41-64, cfr. <<http://creleco.seriot.ch/textes/JAKOVLEV28b/txt.html>> (24.06.2017).

- Jakovlev 1930a: N.F. Jakovlev, *Za latinizaciju ruskogo alfavita*, “Kul'tura i pis'mennost' Vostoka”, 1930, 6, pp. 27-43, cfr. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/Jakovlev30a.html>> (24.06.2017).
- Jakovlev 1930b: N.F. Jakovlev, *Tezisy prof. Jakovleva N.F. O neobchodimosti latinizacii ruskogo alfavita, prinjatye v načale rabot podkomissii po latinizacii ruskogo alfavita pri Glavnauke*, “Kul'tura i pis'mennost' Vostoka”, 1930, 6, pp. 209-211.
- Jakovlev 1931: N.F. Jakovlev, *Analitičeskij ili novyj alfavit?*, “Kul'tura i pis'mennost' Vostoka”, 1931, 10, pp. 43-60, cfr. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/Jakovlev31b.html>> (24.06.2017).
- Kamčin-Bek 1929: A. Kamčin-Bek, *Naši uspechi (k III-mu plenumu VCKNTA)*, “Kul'tura i pis'mennost' Vostoka”, 1929, 3, pp. 58-90.
- Kreindler 1979: I. Kreindler, *Nikolai Il'minskii and Language Planning in Nineteenth-century Russia*, “International Journal of the Sociology of Language”, 1979, 22, pp. 5-26.
- Kučera 1951: J. Kučera, *Language Policy in the Soviet Union*, Ph.D. thesis, Department of Slavic Languages and Literatures, Harvard University, Cambridge (MA) 1952.
- Lewis 1961: B. Lewis, *The Emergence of Modern Turkey*, London et al. 1961.
- Marr 1926: N.Ja. Marr, *Abchazskij analitičeskij alfavit (k voprosu o reformach pis'ma)*, Leningrad 1926, cfr. <<http://menadoc.bibliothek.uni-halle.de/id/221034>> (24.06.2017).
- Matthews 1951: W.K. Matthews, *Languages of the U.S.S.R.*, Cambridge 1951.
- Menzel 1927: T. Menzel, *Der 1. Turkologische Kongreß in Baku (26.II. bis 6.III.1926.)*, “Der Islam. Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients”, XVI, 1927, pp. 1-76, 169-228.
- Polivanov 1928: E.D. Polivanov, *Osnovnye formy grafičeskoj revoljucii v tureckich pis'mennostjach SSSR*, “Novyj Vostok”, 1928, 23-24, pp. 314-330 (reprinted in: E.D. Polivanov, *Revoljucija i literaturnye jazyki sojuza SSR*, in: Id., *Za marksistskoe jazykoznanie. Sbornik populjarnych lingvističeskich statej*, Moskva 1931, pp. 95-116).
- Polivanov 1931: E.D. Polivanov, *Revoljucija i literaturnye jazyki sojuza SSR*, in: Id., *Za marksistskoe jazykoznanie. Sbornik populjarnych lingvističeskich statej*, Moskva 1931, pp. 73-94 (reprinted in: Id., *Stat'i po obščemu jazykoznaniju*, Moskva 1968, pp. 187-205).
- Polivanov 1968: E.D. Polivanov, *Stat'i po obščemu jazykoznaniju*, Moskva 1968.
- Polivanov 1974: E.D. Polivanov, *Revolution and the Literary Languages of the U.S.S.R.*, in: Id., *Selected Works. Articles on General Linguistics*, ed. by A.A. Leont'ev, The Hague-Paris 1974, pp. 179-194 (English translation of Polivanov 1968: 187-205).

- Simonato-Kokochkina 2003: E. Simonato-Kokochkina, *Choisir un alphabet, une question linguistique? Discussions sur le choix des systèmes d'écriture en URSS (1926-1930)*, in: P. Sériod (éd.), *Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne (épistémologie, philosophie, idéologie)*, Lausanne 2003 (= Cahiers de l'Institute de Linguistique et des Sciences du Langage, 14), pp. 193-207, cfr. <<http://crecleco.seriot.ch/colloques/02LSCB/Simonato.html>> (25.06.2017).
- Simonato 2005: E. Simonato, *Marr et Jakovlev: deux projets d'alphabet abkhaz*, in: P. Sériod (ed.), *Un paradigme perdu: la linguistique marriste*, Lausanne 2005 (= Cahiers de l'Institute de Linguistique et des Sciences du Langage, 20), pp. 255-269, cfr. <<http://www.unil.ch/files/live/sites/clsl/files/shared/CILSL20.pdf>> (15.02.2015).
- Šor 1928: R.O. Šor, *K voprosu o sokraščenii alfavita (Kritičeskie zamečanja na stat'ju prof. N. F. Jakovleva "Matematičeskaja formula postroenija alfavita")*. "Kul'tura i pis'mennost' Vostoka", 1928, 2, pp. 62-75.
- S.Š. 1929: S.Š., *Reforma alfavita v Turcii*, "Novyj Vostok", 1929, 25, pp. 249-257.
- Tomelleri 2016: V.S. Tomelleri, *Das abchasische analytische Alphabet. Einige linguistische und historisch-philologische Überlegungen*, "Rivista italiana di linguistica e dialettologia", XVIII, 2016, pp. 115-173.
- van Helden 2014: A. van Helden, *Jakovlev's Magic Formula and the Linotype*, in: E. Fortuin et al. (eds.), *Dutch Contributions to the Fifteenth International Congress of Slavists. Minsk (August 20-27, 2013)*. *Linguistics*, Amsterdam-New York 2014, pp. 59-107.
- van Helden 2016: A. van Helden, *Ingénierie linguistique ou "mentalité orthographique"? R.O. Šor et la formule de N.F. Jakovlev*, in: E. Velmezova, S. Moret (éds.), *Rozalija Šor (1894-1939) et son environnement académique et culturel*, Lausanne 2016, pp. 155-172.
- Vasil'ev 2016: A.D. Vasil'ev, *Aéropplan "Oktjabr'skij alfavit" (novye istočniki po istorii reform tjurksich alfavitov 1920-1930-ch gg.*, Astana 2016.
- Vinogradov 1966-1968: V.V. Vinogradov (red.), *Jazyki narodov SSSR*, I-V, Moskva 1966-1968.
- Winner 1952: T.G. Winner, *Problems of Alphabetic Reform Among the Turkic Peoples of Soviet Central Asia, 1920-41*, "The Slavonic and East European Review", XXXI, 1952, 76, pp. 133-147.

Abstract

Vladimir Mikhajlovich Alpatov

Scripts and Politics in the USSR

No country in the world has changed its language policy – including the choice of alphabet – as frequently as the Soviet Union did. There were three main periods of alphabet change: the 1920s; the second part of the 1930s; and the last years of the USSR. The revolution set new goals – it expressed the need to transfer official communication from Russian into the languages of ethnic minorities, to create middle and higher education in them and so on. However, many languages were unwritten; the existing scripts of some other languages (traditional Arabic or Mongolian) were considered unacceptable. It was necessary to create new alphabets. After some hesitation, the Latin script was chosen as predominant in the world. More than 80 alphabets were constructed in the 1920s-1930s. However from 1935 to 1938 it was decided that all Soviet languages using the Latin alphabet would adopt Cyrillic. This Cyrillization was completed in 1941, before the beginning of the war. The official slogans remained the same, but the spread of Russian and the Cyrillic script became a main task of Soviet language policy. This situation did not change until the 1980s when national movements in the USSR spoke out against Russian and the use of the Cyrillic script. After the disintegration of the USSR in 1991 and the formation of new states, the problem of alphabet choice became urgent. Latinization was accomplished in Azerbaijan, Uzbekistan, Turkmenistan and Moldavia; it is planned in Kazakhstan and Kyrgyzstan. Some proposals to latinize Russian have no practical significance.

Keywords

Soviet Union; Language Policy; Alphabet; Latin Alphabet; Cyrillic Alphabet; Arabic Alphabet; Latinization; Change of Policy; New States.

Daniel Bunčić

Factors Influencing the Success and Failure of Writing Reforms

1. Introduction

The spelling reform that was introduced in Russian schools a hundred years ago, on 1 September 1917, was very successful – so successful that nowadays many young Russians, when confronted with a pre-1917 Russian text, do not know how to read ⟨ѣ⟩, ⟨ѳ⟩, or ⟨ся⟩ (like ⟨е⟩, ⟨ф⟩, and ⟨ě⟩, respectively), and even a young Russian philologist recently asked me if I could tell her what kind of letter ⟨ѣ⟩ was (I could: a ⟨ѣ⟩ in italics). However, numerous reforms of writing systems have not met with success. Many have remained proposals – e.g. the 1930 attempt to convert Russian to the Latin alphabet (cfr. Alpatov 2001, 2015) and the Russian spelling reform projects of 1964 and 2000 (cfr. Karpova 2010). Some were officially implemented but then revoked – e.g. the Second Chinese Character Simplification Scheme of 1977, which the People’s Republic of China had to withdraw in 1986 due to continuing public resistance. Other reforms, though endorsed by the government, have been largely ignored by the public – e.g. the French “Rectifications” of 1990¹ or the Latinization of Uzbek, which was enacted in 1993 and entered into force in 1995 but which even twenty-two years later and after the end of the twice extended ‘transitional period’ of altogether fifteen years has still not been implemented by newspapers and magazines. In this paper I try to shed some light onto the question which factors determine whether a writing reform is successful or not.

Discussions about writing reforms usually focus on evaluating how good a reform proposal is, and if a reform was not successful this is often attributed to its not having been good enough. However, “practical criteria of efficiency have never been the sole determining factor of the success or failure of writing reforms” (Coulmas 2003: 237). Some of the best reforms failed, and some proposals took several centuries before they were finally accepted as the best solution. Therefore we will consider the actual contents of a reform proposal (which Sampson [1985: 207] calls the “objective matters”) as one of the factors

¹ For instance, Saussure’s (1916: Introduction, ch. VI, § 5) famous example of spelling pronunciation, *gageure* ‘challenge, impossible task’, whose normative pronunciation is /gazyʁ/ but which is sometimes mispronounced as /gazyʁ/, should be disambiguated as (gageüre) according to the “Rectifications”; however, a Google search conducted in March 2017 shows that unreformed ⟨gageure⟩ is still 120 times more frequent on the net than ⟨gageüre⟩ (759,000 vs. 6,270 hits). Other elements of the reform fare slightly better (e.g. unreformed ⟨ambiguïté⟩ /ãbiguïte/ ‘ambiguity’ has only 10 times more hits than ⟨ambigüité⟩, and ⟨événement⟩ /evenmã/ ‘event’ only 3 times as many as ⟨évènement⟩).

influencing its success, but try to identify other factors that might play an even more important role (although Sampson calls them “subjective issues”).

I use *writing reform* as a cover term for reforms of writing systems on three levels: *script reforms*, which change the script used for a language (e.g. from the Latin to the Cyrillic alphabet, from the Arabic to the Latin script, or from the Chinese script to the Latin alphabet); *glyphic reforms* that change the script variant (e.g. from blackletter to roman type or from Old Cyrillic to *graždanskiј šrift*); and *spelling reforms* that affect the orthography (e.g. the Russian reform of 1917, Vuk Karadžić’s Serbian reform, or the simplification of Chinese characters of 1956).

Spelling reforms are ubiquitous. Few languages with a noteworthy written history have never had any. Script changes are also very common – even languages with very long unbroken written histories often changed their scripts during the first centuries of their literacy. For example, Latin was initially written in the Etruscan alphabet, and the Germanic tribes employed runes before they adopted the Latin alphabet (Dale 1980: 8). Even Greek, which has been written in the same alphabet for almost 2,800 years now, used to be written in Linear B and the Cypriot syllabary before that (Haarmann 2006: 2406), and the latter was directly replaced by the Greek alphabet in the 4th century BC. In contrast to this, glyphic reforms like the introduction of *graždanskiј šrift* by Peter I in 1708 or the abolition of blackletter for German in 1941 are rather rare, since glyphic variants of scripts usually evolve gradually. This can also happen with orthographies and even with scripts: for example, the Indic scripts (Nagari, Bengali, Gurmukhi, Tamil, Tibetan, etc.) all developed from a common ancestor, the Brahmi script, in the course of two millennia, mostly without any punctual reforms. I will not deal with such evolutionary changes here. Furthermore, this paper can only deal with a small selection of the writing reforms ever proposed for the languages of the world. In view of the occasion for this special issue and as a Slavist, I concentrate on reforms of Slavic languages and languages of the former Soviet Union, adding a few prominent cases from other languages.

The outline of this paper is the following: first we examine strictly linguistic factors of representation on various levels of language (2.), then we turn to factors of economy (3.), then to the semiotic values associated with writing systems (4.), and finally to various sociological factors, including the political system (5.1.), literacy rate (5.2.), the motivation for the reform (5.3.), and timing (5.4.).

2. Representation

2.1. Grapheme Inventory

Many writing reforms have been proposed in order to change a writing system that represents the spoken language in an ‘imperfect’ way. For example, one of the arguments brought forward for the Latinization of Turkish and many languages of the Soviet Union that were previously written in the Arabic script was that the Arabic script does not represent vowels (e.g. Clement 2008: 174). At the same time, many language communities (even

non-Semitic ones) continue to use consonantal alphabets and employ vocalization systems only in language pedagogy and for their holy scriptures. After the October Revolution, full-fledged Arabic alphabets were developed for several languages by adding letters for all vowels and writing them consistently (e.g. Yaña imlâ for Tatar; similar alphabets were developed for Bashkir, Crimean Tatar, Karakalpak, Kazakh, Kumyk, Nogai, and Turkmen), but nonetheless they were all replaced with the Latin alphabet towards the end of the 1920s. Another example of an unsuccessful though maximally representative alphabet was Franc Metelko's Slovenian alphabet of 1825, which was the only one that distinguished the phonemes /ɛ/, /e/, and /ə/ (by using the letters ⟨e⟩, ⟨ė⟩, and ⟨ż⟩, respectively) as well as /o/ and /ɔ/ (by using ⟨o⟩ and ⟨ȯ⟩). Nonetheless, it never won general acceptance. Instead, since 1839 the Gajica alphabet, which does not distinguish these phonemes, has asserted itself as the official alphabet for Slovenian.

One might ask what it means for a writing system to provide complete representation. For example, most writing systems do not represent word stress, even if it is distinctive (as in Russian /mu'ka/ 'flour' vs. /'muka/ 'agony, torment', which are both spelled ⟨мука (muka)⟩, or German /y:bər'zɛtsən/ 'to translate' vs. /'y:bərzɛtsən/ 'to ferry across', which are both spelled ⟨übersetzen⟩); and none at all, to my knowledge, regularly represents sentence intonation.

The Russian spelling reform of 1917 worked in the opposite direction, being concerned with abolishing 'superfluous' letters: ⟨ø (f)⟩, ⟨i (i)⟩, ⟨ʒ (ě)⟩, and ⟨v (ÿ)⟩, as well as the hard sign ⟨ʁ (")⟩ in final position. Indeed none of these letters was necessary for the representation of the phonemes of Russian, though they could serve purposes on different linguistic levels (see 2.2 and 2.3). Similarly, the Greek spelling reform of 1982 abolished several diacritics that did not correspond to Modern Greek pronunciation: the three accents (acute ⟨´⟩, grave ⟨`⟩, and circumflex ⟨˘⟩), which had originally marked different pitch patterns, were conflated into a single accent mark (called *tonos*, but graphically identical to the acute) that is used only in polysyllabic words to indicate the stressed syllable²; the two breathings, which used to indicate the presence (rough breathing ⟨´⟩) or absence (soft breathing ⟨˘⟩) of a word-initial /h/, as well as the iota subscript ⟨ι⟩, which used to indicate an Ancient Greek long diphthong, were eliminated entirely because both /h/ and the long diphthongs were lost in Greek.

At the same time, however, due to a sound change called *iotacism* Modern Greek sports seven ways of spelling /i/: ⟨ι (i)⟩, ⟨η (ī)⟩, ⟨υ (y)⟩, ⟨ει (ei)⟩, ⟨οι (oi)⟩, ⟨ηι (īi)⟩, ⟨υι (yi)⟩, which have not been touched by the reform. The abundance of phonologically superfluous spellings for the sounds of English (e.g. ⟨ee, ea, ei, ie, e⟩ for /i:/) has given rise to dozens of reform proposals (both spelling reforms and script reforms, advocated by such influential people

² Note that by restricting the use of the accent mark to polysyllables the distinction between stressed monosyllables and clitics is lost, so that e.g. [ˈse] 'you (acc. sg.)' (from Ancient Greek σέ (sé)) and [se] 'in' (from εις (eis)) are both spelled ⟨σε (se)⟩. Therefore in a few cases the tonos is now used with a distinctive function, e.g. ⟨ή (ī)⟩ 'or' (from ἦ (ē)) vs. ⟨η (ī)⟩ (article, nom. sg. fem; from ἡ (hē)).

as Benjamin Franklin, George Bernard Shaw, James Pitman, H. G. Wells, Daniel Jones, or Mark Twain), none of which has met with success.

2.2. Phonology vs. Morphology

A good reason for making concessions with regard to the representation of phonology is the representation of morphology. In many cases, however, this is not the content of reforms but an argument against reform, because traditional spellings often still reflect morphological ties and distinctions that have been lost in speech due to sound changes. For example, the silent letter in ⟨sign⟩ reflects its relationship with ⟨signature⟩, where the ⟨g⟩ corresponds to /g/ – a visual key to word families that would be lost if the word were respelled as ⟨sine⟩, Shavian ⟨ΣΛ⟩ (vs. ⟨ΣΙΡΛΙΣ⟩ for *signature*) or any other more ‘phonetic’ way. Similarly, the fact that Russian orthography does not reflect vowel reduction e.g. in ⟨озеро (ozero)⟩ /'ozɪra/ ‘lake’ and its plural form ⟨озёра (ozëra)⟩ /a'zʲɔra/ keeps its stem ⟨озер (ozer)⟩ uniform, in contrast to deliberately ‘phonetic’ and un-Russian Belarusian orthography, where the cognate is spelled ⟨возера (vozera)⟩ in the singular and ⟨азэры (azëry)⟩ in the plural, more accurately reflecting the pronunciation but obscuring the morphological relationship.

A counterpart of the morphemic principle is the lexical principle, i.e. the graphical distinction of homophonous words. This is very frequent in English, e.g. ⟨right⟩ vs. ⟨write⟩ vs. ⟨rite⟩ vs. ⟨wright⟩, but it also occurs in many other languages whose orthographies are not too shallow, e.g. German /'zʌɪtə/ = ⟨Seite⟩ ‘side; page’ or ⟨Saite⟩ ‘string (of an instrument)’, Russian /kam'panʲiʲi/ = ⟨компания (компанѳа)⟩ ‘company’ or ⟨кампания (кампанѳа)⟩ ‘campaign’, Polish /'buk/ = ⟨buk⟩ ‘beech’ or ⟨Bóg⟩ ‘God’. In pre-1917 Russian orthography, the ‘superfluous’ letters ⟨ѳ (f), ѳ (i), ѳ (ě), ѳ (ÿ)⟩ could differentiate homonyms: ⟨лѳчу (lěču)⟩ ‘I heal’ vs. ⟨лечу (leču)⟩ ‘I fly’, ⟨ѳсть (ěst')⟩ ‘to eat’ vs. ⟨есть (est')⟩ ‘is’, ⟨Паѳось (Pafos)⟩ ‘Paphos’ vs. ⟨паѳось (pafos)⟩ ‘pathos, enthusiasm’, ⟨мѳра (mÿra)⟩ ‘of the chris̄m’ vs. ⟨мѳра (mĳra)⟩ ‘of the world’ vs. ⟨мира (mira)⟩ ‘of the peace’. However, the number of such minimal pairs was small: with ⟨ѳ (f), ѳ (i), ѳ (ÿ)⟩ there seem to have been only one each (the ones mentioned above), and with ⟨ѳ (ě)⟩ probably less than a dozen. Consequently, this lexical principle did not counterbalance the amount of time needed to learn the extensive ‘*jat*’ drills’ that were necessary to know where to write ⟨ѳ (ě)⟩ and where ⟨e (e)⟩.

An example of a spelling reform that deliberately ‘deepened’ an orthography by introducing morphemic spellings was the so-called *kori(j)enski pravopis* ‘root spelling’ of Croatian. For example, the plural ⟨dohoci⟩ ‘earnings’ (pronounced /'dɔ̌xɔ̌tsi/) was changed to ⟨dohodci⟩ because of the singular /'dɔ̌xɔ̌dak/ ⟨dohodak⟩ (cfr. the ministerial order issued on 23 June 1941 by the Minister for Worship and Education, Mile Budak, item 2). This spelling reform was carried out by the fascist government of the Independent State of Croatia and reversed when Tito’s communists came into power.

Some reforms aim to strengthen both the phonemic and the morphemic principle. An example is the spelling of ⟨ß⟩ in German. While in intervocalic position there has long

been a well-established visual distinction between ⟨ss⟩ after short vowels and ⟨ß⟩ after long vowels, in final position ⟨ss⟩ used to be judged typographically impossible because its counterpart in blackletter, ⟨ff⟩ contains a long s, which cannot occur word-finally. Therefore in this position ⟨ß⟩ used to be written even after short vowels³, so that the difference between the long vowel in ⟨Fuß⟩ and the short vowel in ⟨Fluß⟩ was just as invisible as the constancy of the stem between ⟨Fluß⟩ und ⟨Flusses⟩. This double imperfection was amended by the 1996 spelling reform:

(1)	a.	⟨Fuß⟩	=	⟨Fuß⟩	/ˈfu:s/	‘foot’	(nom. sg.)
	b.	⟨Fußes⟩	=	⟨Fußes⟩	/ˈfu:səs/	‘foot’	(gen. sg.)
	c.	⟨Fluß⟩	→	⟨Fluss⟩	/ˈflʊs/	‘river’	(nom. sg.)
	d.	⟨Flusses⟩	=	⟨Flusses⟩	/ˈflʊsəs/	‘river’	(gen. sg.)

As one can see, ⟨ß⟩ now consistently indicates a preceding long vowel, just as ⟨ss⟩ indicates a short vowel. At the same time, the spelling now usually remains constant within the same morpheme (except in those rare cases where vowel length changes due to ablaut, e.g. /ˈmɛsən/ ⟨messen⟩ ‘to measure’ vs. /ˈmɑ:sən/ ⟨maßen⟩ ‘[we/they] measured’). However, although the new spelling has finally prevailed and after ten years of debate between 1996 and 2006 there now seems to be ‘spelling peace’ (‘Rechtschreibfrieden’), the reform can hardly be called successful, seeing that this ⟨ß⟩ spelling was first proposed in 1827 (see § 5.1.).

Another example is the problem of representing /o/ after palatalized consonants in Russian. Historically, /o/ did not appear in this position, until in the 12th century in certain cases /e/ changed to /o/. Consequently, the Cyrillic letter ⟨e⟩ came to represent both /e/ and /o/ after palatalized consonants. There were several attempts to find an adequate representation for /jo/ in the 18th century, most notably the ligature ⟨iô⟩ (sometimes substituted by ⟨iô̆⟩ or ⟨iô̇⟩), which was introduced by Adodurov in 1731, but also digraphs like ⟨ьo⟩ (‘o’) and ⟨йo⟩ (‘jo’) (Pčelov, Čumakov 2000: 22-27). However, people still had to choose between indicating the pronunciation /o/ and indicating the underlying morphology by writing ⟨e⟩. In 1783 princess Ekaterina Romanovna Daškova (to this day the only ever female president of the Russian Academy of Sciences among 26 men) invented the letter ⟨ë⟩ as a solution to this problem (cfr. Pčelov, Čumakov 2000: 13-16):

(2)	a.	⟨жена⟩	=	⟨жена⟩	=	⟨жена⟩	/ʒiˈna/	‘wife’ (nom. sg.)
	b.	⟨жены⟩	→	⟨жоны⟩	→	⟨жѣны⟩	/ˈʒoni/	‘wives’ (nom. pl.)
	c.	⟨ель⟩	=	⟨ель⟩	=	⟨ель⟩	/ˈjeli/	‘fir-tree’
	d.	⟨елка⟩	→	⟨йолка⟩/⟨iôлка⟩	→	⟨ѣлка⟩	/ˈjolka/	‘Christmas tree’

³ Even within this train of thought it is inconsistent that ⟨ß⟩ was written even in positions where ⟨f⟩ was possible, cfr. ⟨du haßt⟩ ‘you have’ vs. ⟨du haßt⟩ ‘you hate’, not *⟨du haßft⟩, because ⟨ff⟩ (and consequently ⟨ss⟩) was admitted “only between two vowels” (“nur zwischen zwei Selbstlauten”, Duden 1926: XI).

Mann жена Männer жёны

Fig. 1. Uniform stem with umlaut

As demonstrated in FIG. 1, the two dots indicate a different pronunciation while at the same time keeping the spelling of the stem constant in the base letter, just like the German umlaut letters, which probably inspired Daškova. However, ⟨ë⟩ is not used consistently even today, 234 years after its ingenious invention. Outside children's books, textbooks, and dictionaries, it is mostly still replaced with ⟨e⟩.

A remaining problem of Russian orthography is the spelling of the hard sign ⟨ь (")⟩, which always indicates a /j/ after a consonant; the problem is that /j/ in the same position can also be indicated by the soft sign ⟨' (')⟩. The alleged phonetic difference that consonants before the soft sign are palatalized and consonants before the hard sign are not does not seem to correspond to phonetic reality; consonants pronounced without a break immediately before /j/ are always palatalized. Consequently, especially in foreign words spellings like ⟨пъеса (p'esa)⟩ /'p'jesa/ 'theatre play' (from French *pièce*) and ⟨адъютант (ad'jutant)⟩ /ad'ju'tant/ 'adjutant' have to be learned by heart. In Russian words, the hard sign is used at the end of prefixes (e.g. ⟨объём (ob"ëm)⟩ /a'b'ijom/ 'volume') but not at the boundary between stem and ending (e.g. ⟨пъём (p'ëm)⟩ /'p'jom/ 'we drink', ⟨с помощью (s pomošč'ju)⟩ /'spomaʃ':ju/ 'with the help of'). In 1964, a spelling commission headed by Viktor Vinogradov proposed, among other changes, to use only the soft sign, so that the hard sign would finally have been abolished completely (cfr. Karpova 2010). This proposal was not accepted. In 2000, another spelling commission proposed to take the morphological boundary function of the hard sign more seriously and use it also in acronyms like ⟨минюст (minjust)⟩ /m'in'just/ 'ministry of justice' or ⟨госязык (gosjazyk)⟩ /gosji'zik/ 'official language of a country' (*ibidem*), where the current spelling seems to imply pronunciations like /mi'n'just/ or /gos'i'zik/ and which could be disambiguated by spelling them ⟨минъюст (min"just)⟩ and ⟨госъязык (gos"jazyk)⟩. These words would then better correspond to both the phonemic and the morphemic principle. Due to strong resistance the proposals are no longer under discussion.

All in all, the direction of the reform – towards phonology, towards morphology, or both – does not seem to be decisive for its success.

2.3. Etymology

Even more than the morphemic principle the etymological principle tends to assert itself by evolution, not by writing reforms. Consequently, there are few reforms that strengthen the etymological principle. A few English words are famous for having been Latinized or Grecized in the 16th or 17th century, e.g. ⟨debt⟩ (originally ⟨dett⟩, from Old French *dete*,

adjusted to Latin *debitum* ‘debt’ or ⟨doubt⟩ (originally ⟨douten⟩, from Old French *douter*, adjusted to Latin *dubitare* ‘to doubt’). In a few cases these changes of spelling were based on false etymologies: ⟨island⟩ (formerly ⟨iland⟩), unlike *isle*, is not derived from Latin *insula* ‘island’ but from Old English *ieġ-land* (cfr. German *Eiland* ‘island’), the first part of which is related to Swedish *ö* ‘island’, German *Aue* ‘meadow by a river’, and Latin *aqua* ‘water’; the ⟨c⟩ in *scissors* and *scythe* was added on the wrong assumption that these words were related to Latin *scindere* ‘to split’; the verb ⟨ache⟩ was originally spelled ⟨ake⟩ but was adapted to Greek *ἄχος* ‘pain’ by Samuel Johnson though it is actually related to *ἄχος* ‘curse’; probably the strangest spelling is the bird’s name ⟨ptarmigan⟩, which is derived from its Scottish Gaelic equivalent *tàrmachan* but received its ⟨p⟩ by wrong connection with Greek *πτερόν* ‘wing’.

In Russia, Church Slavonic orthography was etymologized systematically. This even happened twice: during the time of the ‘Second South Slavic Influence’, which began at the end of the 14th century, and during the ‘correction of the church books’ (Russian *knižnaja sprava*) in the middle of the 17th century. Although these reforms were mainly directed towards restoring the sense of the church books, they had severe effects on orthography:

(3)	a.	⟨АНГЕЛЪ (angel)⟩	→	⟨АГГЕЛЪ (aggel)⟩	/ˈanɣiel/	‘angel’
	b.	⟨ЕВАНГЕЛИЕ (evangelie)⟩	→	⟨ЕВАНГГЕЛИЕ (eĵaggelie)⟩	/(j)eˈvanɣelije/	‘gospel’
	c.	⟨СПАСЕНИА (spasenija)⟩	→	⟨СПАСЕНИЯ (spasenija)⟩	/spaˈsienija/	‘salvation’ (gen. sg.)
	d.	⟨ЗѢЛО (zělo)⟩	→	⟨ЗѢЛЪ (zělo)⟩	/zjeˈlo/	‘very’
-
(4)	a.	⟨Исꙋсꙋ (Īsus)⟩	/iˈsus/	→	⟨Иисꙋсꙋ (Īsus)⟩	/i.iˈsus/	‘Jesus’
	b.	⟨Михаилъ (Mixaíl)⟩	/mʲiˈxa.il/	→	⟨Михаїлъ (Mixaíl)⟩	/mʲi.xaˈil/	‘Michael’

The changes in (3) were introduced during the ‘Second South Slavic Influence’ (cfr. Uspenskij 2002: 304–317 = §§ 11.1–11.4) and restored by the ‘correction of the church books’ wherever they had in the meantime given way to ‘shallower’ representations. The changes in (4) were only introduced in the 17th century and belong to the long lists of names whose pronunciation and spelling were adapted to Greek and/or Ruthenian norms (*ibid.*: 439 = § 17.2.1, 465 = § 17.3.8). The new spellings are still normative in Church Slavonic today.

More often, however, etymology is used as an argument against reform. For example, Fëdor Polikarpov in 1724 argued for the retention of the distinction between the letters ⟨ф (f)⟩ (*fert*) and ⟨ѳ (f̄)⟩ (*fita*) in Russian, although in every-day speech they were pronounced exactly the same way, and both letters only occur in loanwords:

Вмѣстѣ ѳ не глаголи ф, ниже т, акъ деодѳръ, а не феодѳръ, ни теодѳръ, ни хдеодѳръ. Противно во разуму по произведенію реченія, зане ѳрѣ ѳ: деодѳръ, бѣодѳръ, ѳрѣ ф, феодѳръ, сміодѳръ (quoted in Živov 1986: 59).

In the place of *f̄* do not say *f* nor *t*, e.g. *Fëodor* and not *Feodor* nor *Teodor* nor *Xfëodor*, for this is contrary to the derivation of the word, since with *f̄*, *Fëodor* means ‘God’s gift’, and with *f*, *Feodor* means ‘snake gift’.

Similar etymological arguments can be found whenever etymological distinctions are given up in favour of a shallower orthography. Another example is the German spelling reform of 1996, which abolished, for example, the distinction between ⟨gräulich⟩ ‘greyish’ and ⟨greulich⟩ ‘gruesome’ (both words are now spelled with ⟨ä⟩ because the latter is related to *Grauen* ‘horror’). This has been ridiculed by opponents of the reform like Theodor Ickler (1997: 19). However, all these arguments for the retention of orthographic distinctions usually underestimate the function of context. For example, adjectives are always accompanied by a noun, which is usually enough to disambiguate homophones without the assistance of spelling. Therefore ⟨eine gräuliche Geschichte⟩ is just as unlikely to mean ‘a greyish story’ as ⟨eine gräuliche Tönung⟩ is unlikely to be intended in the sense of ‘a horrible tint’. Similarly, there simply is no name **Pheodore* (meaning *‘snake gift’⁴), so that *Fëdor* is always a cognate of *Theodore*.

2.4. *Spelling of Names*

The vainness of etymological arguments of the type brought up by Polikarpov was already understood by Trediakovskij, who argued in 1748 that *Fëdor* did not mean anything in Russian but was just a proper name (Müller 1994: 74). He even remarked humorously that the arguments in favour of the retention of the distinction of ⟨ϕ⟩ vs. ⟨θ⟩ always used the name *Fëdor* as an example because it was Polikarpov’s own first name (*ibid.*: fn. 138). In fact, as banal as it sounds, the spelling of the names of the protagonists in a reform debate might play a fairly important role. For example, it was Đuro Daničić who invented the letter ⟨đ⟩ for Serbo-Croatian (cf. Simić 2010: 181–183), which made an unambiguous representation of the phoneme beginning his first name possible. The decree of 1942 that made the Russian letter ⟨ë⟩ a compulsory element of the Soviet school programme (НКР) was signed by the People’s Commissar for Education, Vladimir Petrovič Potëmkin. In 1849 one of the main opponents of the replacement of ⟨w⟩ with ⟨v⟩ in Czech was Wáclaw Wladiwoj Tomek (Sedláček 1993: 63; nowadays spelled (Václav Vladivoj Tomek)).

Trix (1997: 13 f.) has examined how the Albanian orthographies that were under consideration at the Congress of Manastir in 1908 would have represented the pronunciation of the congress participants’ names:

I found no evidence that this was brought out in discussions, but how one’s name is pronounced is certainly not an extraneous matter to most politicians. And I did find

⁴ The Ancient Greek word for ‘snake’ is ὄφις, so that compounds with this stem start with ὄφιο- (as in ὄφιοβόρος ‘snake-eating’, Bailly 1935: 1430, or *ophiology*) or sometimes ὄφιο- (as in ὄφιοθήκη alongside ὄφιοθήκη ‘killed by a snake’, *ibidem*) but never with *φιο-. In Modern Greek the stem has lost the initial ο- but has also been augmented to φίδι, which does not yield compounds with *φιο- either. Probably what Polikarpov meant is that together with the article (which is also used with proper names), ὁ Φεόδωρος instead of ὁ Θεόδωρος could be heard as ὄφειδωρος ‘gift of a snake’ in Modern Greek pronunciation.

evidence that Midhat Frashëri cared how his name was pronounced. [...] I found several books that had belonged to him [...]. On these books he had written “Mitat Frashëri”, a spelling that reflects the general devoicing at the end of syllables (/d/ → /t/), and a loss of /h/ in syllable-initial positions, an alternative form in Tosk. The spelling also removes all possibility of the digraph *miscue* **miḍat*”.

Apart from the protagonists’ own names, holy names also play a role in discussions about script reforms. Trix (1997: 12-13) has demonstrated this for such Albanian words as ‘Allah’, ‘mosque’ or ‘church’. The spelling of the name of Jesus in Russian Church Slavonic had been one of the central issues leading to the schism of 1666, since the Old Believers insisted on keeping the traditional spelling ⟨*Ісꙋсъ* (Īsus)) (pronounced /i’sus/) instead of the new spelling ⟨*Иисꙋсъ* (Īisus)) (pronounced /i.i’sus/), which was ‘restored’ by Patriarch Nikon in accordance with the Greek spelling ⟨*Ἰησοῦς*). Simeon Polockij argues that the trisyllabic spelling includes “two mysteries” (“*ДѢТѢ ТРИИТѢ*”):

҃резъ двѣ слога первѣа, еже ѣсть, ҃резъ ꙗко и Дѣла и тѣло знаменѣтся Бжїа Сна
воплощенна. ҃резъ третїи пакѣи слога трепїсменный сѣс ѡблѣается Сѣа Трїца (Simeon
Polockij, *Žezl pravlenija*, 1667; quoted in Trunte 2014: 380 = § 29.7d).

(By the first two syllables, i.e. *i* and *i*, the soul and body of the incarnate Son of God are signified; the third syllable, on the other hand, i.e. the three letters *sus*, signifies the Holy Trinity).

In 1708 Peter I tried to reduce the number of /i/ letters in the Russian alphabet to one, which would have yielded the spelling ⟨*Іисꙋсъ* (Īisus)). Maybe Musin-Puškin (cfr. Živov 1986: 58) convinced the tsar that the introduction of a third spelling for *Jesus* was not advisable (even though the reform only applied to secular books, while the church books remained untouched). Lomonosov (1755: 42, § 85) later gives several reasons for keeping both ⟨*и*⟩ and ⟨*ѣ*⟩, using ⟨*по вознесенїи Иисꙋсовѣ* (po voznesenїi Īisusovѣ)) for ⟨*по вознесенїи Иисꙋсовѣ* (po voznesenїi Īisusovѣ)) ‘after the ascension of Jesus’ as one of his examples of the repulsive and undistinctive appearance the retention of just one /i/ letter created. In 1917 the spelling was changed to ⟨*Иисус* (Iisus)) anyway.

In 1956 the new rule was formulated that in Russian the stressed instrumental singular masculine ending *-óm* after ⟨*ш* (š), *ж* (ž), *ч* (č), *ц* (c), *щ* (šč)) should be spelled ⟨*-ом*⟩ rather than ⟨*-ем*⟩. However, the members of the orthographic commission noticed that in Lenin’s patronym it had previously been spelled ⟨*-ем*⟩: ⟨*Владимиром Ильичѣм Лениным* (Vladimirom Il’ičem Leninyum)), which contradicted this rule. Nonetheless the spelling of this ‘holy name’ was retained as a tacit exception to the general rule “[i]n order to preserve V.I. Lenin’s orthographic inviolability” (“[ч]тобы сохранить орфографическую неприкосновенность В.И. Ленина”). Other instances of the same patronym, however, conform with the rule, e.g. the instrumental case of Tchaikovsky’s name is ⟨*Петром Ильичом Чайковским* (Petrom Il’ičom Čajkovskim)) (Bukčina 1990: 76).

Steuereinschätzungskommission Steuereinschätzungskommission

Fig. 2. Economic blackletter

3. *Economy*

Another very popular argument in discussions about writing reforms is economy. Even in a very recent text Luidl (1998) argues that blackletter saves space because of its narrower letters (see FIG. 2 from Luidl 1998: 17)⁵. In 1929, the commission for the conversion of the Russian language to the Latin alphabet calculated to the kopeck the financial savings that would be associated with Latinization. For example, 15,985,440 roubles per year would be gained by saving 69,240,000 kg of paper; 633,000 kg of lead for type could be saved, which was equivalent to 329,160 roubles; the fact that publishers would annually have to proofread and print 559,920,000 sheets less would economize 2,159,760 roubles (cfr. Frings 2007: 310-317).

All these calculations were based on the assumption that a Latin text runs approximately 11-13% shorter than the same text in the Cyrillic alphabet (cfr. Frings 2007: 314; Lunačarskij 1930: 25 talks about almost 20%). This is mostly due to the existence of the narrow letters ⟨f, i, j, l, r, t⟩ in the Latin alphabet, all of which correspond to letters of *n*-width in the Cyrillic: ⟨ф, и, ѣ, л, р, т⟩. Apart from that, some *m*-wide Cyrillic letters can have *n*-wide Latin counterparts: ⟨ж (ž)⟩ corresponded to ⟨z⟩ in the reform proposal, ⟨ш (š)⟩ was to be replaced with ⟨s⟩, and ⟨ю (ju)⟩ with ⟨ú), ⟨ü) or ⟨y) in the three versions of the proposal (cfr. Alpatov 2001: 19). The Cyrillic alphabet of today does not have any narrow letters due to the abolition of ⟨i (i)⟩ in favour of ⟨и (i)⟩ in the spelling reform of 1917, and only one letter, ⟨м (m)⟩, is slightly narrower than its Latin counterpart. However, the proposal also replaced some Cyrillic letters with sequences of two Latin letters (⟨ш (šč)⟩ with ⟨sc) and syllable-initial ⟨я (ja), е (e), и (i), ё (ë), ю (ju)⟩ with ⟨ja, je, ji, jo, ju)⟩; cfr. Frings 2007: 314). Therefore some words could in fact turn out longer in the Latin alphabet than in the Cyrillic, the most extreme example probably being ⟨jejo) ‘her’, which is about 60% wider than Cyrillic ⟨eë). Nonetheless, the estimated ratio seems to be realistic, as a short sample text shows (FIG. 3; the introduction of the Communist Manifesto – from “A spectre is haunting Europe” to “published in the English, French, German, Italian, Flemish and Danish languages” – to take a text that would have had some significance for the Soviet decision-makers): The reduction from 23 Cyrillic lines to 20½ Latin lines is indeed approximately 12%.

⁵ The word *Steuereinschätzungskommission* is not used in German any more. According to Muret, Sanders (1920: 1914) it can be translated as ‘commissioners for the assessment of taxes’.

Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма. Все силы старой Европы объединились для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские. Где та оппозиционная партия, которую её противники, стоящие у власти, не ославили бы коммунистической? Где та оппозиционная партия, которая в свою очередь не бросала бы клеймящего обвинения в коммунизме как более передовым представителям оппозиции, так и своим реакционным противникам? Два вывода вытекают из этого факта. Коммунизм признаётся уже силой всеми европейскими силами. Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии. С этой целью в Лондоне собрались коммунисты самых различных национальностей и составили следующий «Манифест», который публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках.

Fig. 3. Economic Latin Alphabet

For someone who prefers Cyrillic over Latin, however, the digraphs used in the Latin alphabet make it easy to demonstrate the opposite. In Jezbera's (1860: 9) argumentation, the Russian orthography is much more space-saving than any (existing) orthography based on the Latin alphabet:

Ruské „защищающий“ (ochraňující) píše

Čech : **zaščiščajuščij ;**

Lech : **zaszczyszczajuszczj ;**

než nastojte!

Němec : **zascchtschischschajuschschiji !!!**

Protivníci písma kyrilského! jestliže zde ještě nevidíte, teda vás už z lidí nikdo více nepřesvědčí; avšak contra stultitiam etiam dii impotentes, t. j. proti hlouposti bojují sami bohové nadarmo!

(Russian “защищающий” (defending) is spelled *zaščiščajuščij* by a Czech, *zaszczyszczajuszczj* by a Pole (oh help!), *zascchtschischschajuschschiji* by a German!!!

Opponents of the Cyrillic script! If you still do not see it here, then no other human being will convince you either; after all, *contra stultitiam etiam dii impotentes*, i.e. against stupidity even the gods are helpless!⁶

However, in any case it seems that information that has to be taken in visually cannot be compressed without decreasing the ease and speed of reading. For example, in Chinese the introduction to the Communist Manifesto takes up only 14½ lines (FIG. 4), which in comparison to the Russian Cyrillic text is a reduction by 37%. This is of course due to the fact that the Chinese writing system uses only one character of about the width and height of the letter ⟨М⟩ for each morpheme-syllable. Yet, in order to be able to read the minute strokes of the Chinese characters with the same ease as the Cyrillic letters, one would have to print them larger, which would approximately use up the space saved before. If the Chinese lines are printed as narrowly as the Cyrillic lines (as they are in FIG. 4), it can be rather hard to make out differences between similar characters like ⟨末 (mò)⟩ ‘last’ and ⟨未 (wèi)⟩ ‘not yet’, between ⟨采 (cǎi)⟩ ‘collect’ and ⟨采 (biàn)⟩ ‘distinguish’ or between ⟨間 (jiān)⟩ ‘space’, ⟨閒 (xián)⟩ ‘peaceful’ and ⟨開 (kāi)⟩ ‘open’ (cfr. Liu, Lin 2008: 94)⁷. Similarly, while the line spacing of the Cyrillic text in FIG. 3 looks acceptable, the line spacing of the Latin text is definitely too narrow due to the large number of ascenders and descenders in the Latin script (which seem to be the counterbalance of the on average narrower characters). But an increase of the line height by just 12% would nullify the 12% gained on average letter width.

This is not to say that orthographies cannot be tweaked to save some space if they are imperfect. For example, the abolition of redundant word-final ⟨ъ⟩ in the Russian spelling reform of 1917 did save space while at the same time rendering spellings clearer rather than obscuring them: Due to the similarity of ⟨ъ⟩ and ⟨ь⟩, the new form ⟨угол (ugol)⟩ ‘corner’ looks more different from ⟨уголь (ugol’)⟩ ‘coal’ than the old form ⟨уголь⟩ did.

On the whole, however, differences between writing systems will rarely have a financial effect. ‘Scientific’ figures provided by proponents or opponents of a reform are futile or at the very least extremely exaggerated. What they never take into account is that, in the terms of communication theory, any elimination of redundancy in language implies a loss of signal strength. Therefore more energy is needed to overcome the inevitable noise in the

⁶ Note that the Latin examples in the first part of the quotation, which is here given in facsimile, are printed in bold type and slightly larger than the Cyrillic one. Furthermore, the German transcription has a redundant ⟨i⟩ at the end and would normally begin with ⟨f⟩ rather than ⟨j⟩.

⁷ Tranter (2008: 139) reports that in Japanese *manga* comics the characters often use unfamiliar foreign words written in one of the syllabaries, which have to be glossed for the readers with Japanese synonyms in Chinese characters. However, since the latter are more complex than the former and therefore need more space to be read easily, the gloss is written in regular size on the line with the word actually uttered in smaller type above the line, rather than the other way round as is usually the case when Chinese characters are provided with a *furigana* gloss.

1 一個幽靈，共產主義的幽靈，在歐洲遊盪。為了對這個幽靈進行神聖的圍剿，舊歐洲的一切勢力，教皇和沙皇、梅特涅和基佐、法國的激進派和德國的警察，都聯合起來了。有哪一個

5 反對黨不被它的當政的敵人罵為共產黨呢？又有哪一個反對黨不拿共產主義這個罪名去回敬更進步的反對黨人和自己的反動敵人呢？從這一事實中可以得出兩個結論：共產主義已經被歐洲的一切勢力公認為一種勢力；現在是共產

10 黨人向全世界公開說明自己的觀點、自己的目的、自己的意圖並且拿黨自己的宣言來反駁關於共產主義幽靈的神話的時候了。為了這個目的，各國共產黨人集會于倫敦，擬定了如下的宣言，用英文、法文、德文、意大利文、弗拉

15 芒文和丹麥文公布于世。

Fig. 4. Economic Chinese

channel, which in written communication means the use of more space on the paper to achieve the ideal information density for a given purpose. This nearly always reduces the desired effect to zero.

4. *Semiotic Values and Associations*

While linguistic and economic criteria are often put forward in support or rejection of writing reform, the real incentives for reforms often have to do with politics (cfr. Simanato-Kokochkina 2003: 200) or foreign influences. Thus, Turkey switched from the Arabic script, which was associated with Islam, to the Latin alphabet, which was associated with France – the model of a secular nation-state – and the French Revolution. The Mongolian parliament decided in 1991 to switch from Cyrillic, which was associated with communism and Russian paternalism, to the Mongolian script, which was associated with national values, autonomy and Genghis Khan (though this switch was never implemented completely; cfr. Grivelet 2001)⁸. In 1945 the pro-Soviet Bulgarian government abolished ⟨ѣ (ě)⟩, ⟨ѡ (ǎ)⟩, and word-final ⟨ѣ (")⟩ (NZP), practically copying the Russian reform of 1917 and creating a Bulgarian alphabet that does not contain a single letter that is not also in the Russian alpha-

⁸ According to a widespread but apocryphal story, it was Genghis Khan himself who in 1204 noticed that Tata Tonga, a captured Uighur, could write, and ordered him to create the Mongolian orthography. Although the concrete circumstances of the adaptation of the Uighur script for Mongolian are unknown, it is indeed rather probable that it would have been elevated to a state script in Genghis Khan's empire, even if it had been introduced earlier; the earliest extant manuscript is from 1224-1225 (cfr. Chuluunbaatar 2008: 23-25).

bet. The introduction of orthographies with the Czech háček (ˇ) in Slovak, Upper Sorbian, Lower Sorbian, Slovenian, and Serbo-Croatian in the 18th-19th century made these languages look uniformly ‘Slavic’, completely in the spirit of Slavic National Revival. Collin (2011: 59) sums up the current situation in the Central Asian post-Soviet republics as follows:

Any further moves toward Arabic script will be considered victories for radical Islam or Islamism, while the triumph of Turco-Roman will suggest endorsement of secular Islamic and Western values. The continued use of Cyrillic implies a persistence of Russian cultural and political influence in the area.

In general, such semiotic values are indexical, i.e. they are based on co-occurrence in the real world. For example, the Arabic alphabet happens to be used primarily by Muslims and to be the script of the Qur’an, so it is naturally associated with Islam. On the other hand, the associations are open for reinterpretation. For example, at the turn of the 20th century the blackletter variant of the Latin alphabet was seen as ‘the German script’, which is justified in so far as it was by that time mainly used for German, whereas roman type was used for most other languages written in the Latin script. However, Friedrich Soennecken, who promoted the roman variant, rejected the designation *deutsche Schrift* ‘German script’ on the grounds that the Gothic variant had originally formed in northern France in the 12th century and that “these bizarrely tangled letter forms arisen from haphazard writers’ whims” (“diese verworrenen, durch Schreibwillkür entstandenen absonderlichen Buchstabenformen”) could not be regarded as the “attire of the German language and the expression of the German character” (“Kleid der deutschen Sprache und [...] Ausdruck deutschen Wesens”, Soennecken 1916: 3). At that time, Soennecken was not very successful; both blackletter and roman type continued to be used for German. Later, in 1941, when blackletter was abolished by Hitler’s administration, identifying it as “Schwabacher Judenletter” (“Schwabach Jew-letters”, cfr. Rück 1993: 256; Spitzmüller, Bunčić 2016: 297-298; Bunčić *et al.* 2016: 327-328), this was supported neither by historical facts nor, as it seems, by the associations even of most of his Nazi followers. However, now, after several decades of almost exclusive use of roman type, the two glyphic variants have definitely lost their associations as ‘German’ vs. ‘un-German’. Blackletter is nowadays associated with tradition (when used on pub signs, beer labels, in hotel names, newspaper mastheads, diplomas, etc.), Nazis (ironically, since they abolished it), and heavy metal music.

5. *Sociological Factors*

5.1. *Political System, Organs of Language Policy*

As Coulmas (2003: 237) remarks, “[u]nless the political constellations are right, the best reform programme is bound to miscarry”. In this context it might at first glance seem that it is easier for an absolute monarch or a dictator to decree a writing reform than to get a reform proposal through a democratic parliament. Tsar Peter’s alphabet reform of 1708, the Belarusian spelling reform of 1933, Hitler’s abolition of blackletter in 1941, the simpli-

fication of Chinese characters in the People's Republic in 1956-1964, and – of course – the Russian spelling reform of 1917 seem to point in this direction.

However, there are numerous counter-examples. On the one hand, democratic societies have writing reforms as well, e.g. the Swedish spelling reform of 1906, the Latinization of Azerbaijani in 1991 or the Dutch spelling reform of the Nederlandse Taalunie of 1994. Even Atatürk's Turkish alphabet reform passed a democratically elected parliament on 1 November 1928 (cfr. Wood 1929: 199). On the other hand, even reforms promoted by totalitarian regimes can fail. For example, the "Second Chinese Character Simplification Scheme" published in 1977-1978 had to be recalled by the communist government (Rohsenow 1986). The Russian spelling reform had a long history in tsarist Russia but it was found too daring to be implemented.

Both the introduction of the *kori(j)enski pravopis* 'root spelling' for Croatian by the Ustaša government in 1941 and the reintroduction of the Latin alphabet for Belarusian by the Nazi administration in 1942 (cfr. Antipova, Bunčić 2016: 165-167) were reversed when the respective regimes were overcome. The 'Claudian letters', which were introduced by Roman Emperor Claudius, did not survive the end of his reign in AD 54 (Ryan 1993: 611). This shows that writing reforms decreed without democratic legitimation can be short-lived because they depend much more on the rulers staying in power than democratically legitimized reforms.

Furthermore, longer processes of deliberation can ensure the linguistic quality of a reform project (even if they are applied by an otherwise non-democratic government). For example, the Latinization of many languages on the basis of the New Turkic Alphabet (*Janalif*) during the early, relatively liberal phase of the Soviet Union (cfr. Crisp 1990) was much more consistent than the Cyrillic orthographies developed later at the height of Stalinism. The Latin alphabet for Turkmen created by authoritarian president Saparmyrat Nyýazow rather quickly in 1991 and obviously without competent linguistic advice, is a case in point: with a view to circumventing technical problems with non-standard characters, he designed an alphabet consisting exclusively of characters available in codepage 437, which at the time was the standard on American configurations of IBM compatible computers. For this reason, apart from a few special letters like ⟨ç⟩ for /tʃ/, ⟨ä⟩ for /æ/, or ⟨ñ⟩ for /ɲ/, which happened to be present in the codepage, the new Turkmen alphabet contained several non-alphabetic characters reinterpreted as letters: The phoneme /s/ was represented by ⟨ç⟩ as a small and ⟨\$⟩ as a capital letter; /z/ by small ⟨f⟩ and capital ⟨£⟩; and /j/ by small ⟨ÿ⟩ and capital ⟨Ÿ⟩⁹. When it turned out that this alphabet would not be accepted by the population, a public debate ensued, which resulted in its revision in 1995, replacing ⟨\$ç⟩ with ⟨\$ç\$⟩, ⟨£f⟩ with ⟨Žž⟩, and ⟨ÿŸ⟩ with ⟨Ýý⟩ (and ⟨ñ⟩ was also changed to ⟨ñ̂⟩; cfr. Clement 2008: 178-181). This second attempt at Latinization was rather successful (*ibid.*: 182).

⁹ Note that ⟨ÿ⟩ is included as a letter in codepage 437, but capital ⟨Ÿ⟩ is missing (just as in ISO 8859-1), probably because in French this letter never occurs word-initially. The character ⟨f⟩ might have been chosen because of its similarity to *long s* ⟨ſ⟩; however, it is the top half of the integral symbol (position F4 in codepage 437, U+2320 in Unicode; both are followed by the bottom half ⟨J⟩).

If dictatorial powers are not conducive to the success of writing reforms in the long run, does at least the existence of a government with authority over the whole language area facilitate writing reforms, compared with languages spread over several countries? Indeed Sampson (1985: 207) sees the lack of “a single cultural centre” for the English language community as one of the reasons why it is so hard to reform English spelling. However, the German spelling reform of 1996 was agreed upon by eight countries¹⁰, as was the Portuguese spelling reform of 1990 (which took effect in 2009 although it had not been ratified by all signatories). In the case of English it would probably be sufficient if the United Kingdom and the United States agreed upon a reform to make the other 52 officially English-speaking countries follow suit.

5.2. *Literacy Rate*

Doubtless the main obstacle for writing reforms are the people who can write. Therefore it might be easier to reform a writing system that is used by fewer people, especially if the reform promises to make it easier for the illiterate to learn it. For example, when the Russian spelling reform was implemented in 1917-1918, the literacy rate was still rather low, whereas by 1930, when the proposal to switch to the Latin alphabet was made, the *Likbez* literacy campaign had already been running for eleven years, and the spelling reform projects of 1964 and 2000 were confronted with an almost completely literate population. A similar case is the successful simplification of Chinese characters in 1956-1964 and the unsuccessful ‘Second Scheme’ of 1977.

However, too small a number of proficient writers can be detrimental to writing reform as well. For example, when the Soviet authorities tried to Latinize small languages of Northern Russia with only about 1,000 speakers each, these alphabet reforms were stopped because it made no sense to re-educate the few writers of these languages, print new school-books, etc. (cfr. Frings 2007: 387-396). The dismissal of these small reforms seems to have initiated the general backlash to Cyrillic in the 1930s and 1940s (*ibidem*). Moreover, the 1936 spelling reform of Polish, the 1994 reform of Dutch, the 1996 reform of German, etc. are ample proof that a high literacy rate does not preclude writing reform.

5.3. *Motivation for the Reform*

Reforms of writing systems are a very suitable means to make political or social changes visible and are therefore often put into effect immediately after revolutions and similar events. A good example are the reforms of the Chinese script:

¹⁰ One might argue that Germany, comprising almost 80% of the German-speaking population, is the ‘cultural centre’ of the German language. However, Switzerland and Austria pursue a rather autonomous language policy, which can be seen e.g. from the fact that Switzerland does not use the letter (ß) and that Austria when joining the European Union in its “protocol №10” secured the right to continue using specific Austrian words in trade regulations etc.

Fig. 5. Atatürk in Kayseri (Sep. 1928)

Language reform became a rising tide chiefly after society underwent a big change. For instance, Zhuyin Zimu was adopted after the 1911 revolution; the vernacular style was favored in the May 4 movement of 1919; and the Pinyin System was adopted after the 1949 revolution (Zhou 1986: 22).

Even in English, as Coulmas (2003: 238) notes, “it is no coincidence that the only spelling reform ever to be effected coincided with the independence of the United States”. He of course refers to American spellings like ⟨color⟩, ⟨center⟩, ⟨dialog⟩ and ⟨program⟩, which were introduced “by American nationalist Noah Webster, who in 1789 declared: ‘As an independent nation, our honor requires us to have a system of our own, in language as well as government [...]’ (Webster 1992: 34)”. Another example is Atatürk’s script reform of 1928, which replaced the Ottoman version of the Arabic script with the Latin alphabet for writing Turkish. The well-known photo shown in FIG. 5 is an excellent illustration of the typical circumstances under which a script reform takes place. It is ordered in the aftermath of a fundamental political change and is endowed with a high symbolic value. This is why we see Mustafa Kemal Atatürk as the nation’s supreme teacher in front of the blackboard:

As soon as the language commission were ready to recommend the new alphabet, President Kemal began enthusiastically to study and to teach it. Dolma Baghtche Palace, where he was spending his summer vacation, became a primary school where ministers of state and other high officials in Turkey learned their ABC’s with the president of the republic as their teacher. Many interesting stories are told of President Kemal as a teacher of the new alphabet. Whomever he came in contact with, whether great or small, was sure to be asked if he had learned the new alphabet and to be given a lesson forthwith

if he had not. He paused in the midst of a busy day to enter the schoolroom of his little adopted daughters to give a lesson on the new characters to their English instructor (Wood 1929: 199).

One of the things Atatürk wanted to show by teaching the new alphabet himself was that everyone could learn it. This is typical of script reforms endorsed by leftist governments: they tend to introduce scripts that are (perceived to be) easier to learn than the old ones, while conservative governments usually put forward other reasons for the reform. A good example of the latter is the reintroduction of the Mongolian alphabet in Mongolia at the beginning of the 1990s (Grivelet 2001), which nobody claimed to be easier than Cyrillic¹¹; instead it was promoted as a matter of national identity as the traditional Mongolian alphabet before the Sovietization of the country.

In contrast to such writing reforms with a political motivation, those reform proposals that are not linked up to any sociopolitical event often take very long to win general acceptance, if they are ever generally adopted at all. An example of this is the introduction of ⟨ë⟩ in Russian. As mentioned above, it was invented in 1783 by Ekaterina Daškova. The first book with this letter, Ivan Ivanovič Dmitriev's *I moi bezdělki*, was printed in Moscow in 1795 (Pčelov, Čumakov 2000: 45-52), and it might have been Gavriil Romanovič Deržavin, who was present at the academy meeting in 1783, who promoted the idea by using it in his letters (*ibid.*: 52-54). In 1797 it was used in Nikolaj Karamzin's almanac *Aonidy*, which was printed in the same printing house. This time the use of the new letter was explained in a footnote: “Буква е съ двумя точками на верху замѣняетъ іѳ.” (“The letter e with two dots above replaces iö”, II, p. 166; consequently, Karamzin has until recently been credited with inventing this letter, e.g. by Grigor'eva 2004: 31). However, it took 159 years, until 1942, for the letter to become an obligatory part of the school programme, and up to now the letter is generally used only in children's books, schoolbooks, dictionaries, etc. In common usage it is only written in those rare cases where a syntactic ambiguity would arise from its replacement with ⟨e⟩. Ten years ago and 224 years after its invention, the use of ⟨ë⟩ was finally made obligatory by the Russian Ministry of Education and Science – but only for proper names in official documents (МОН).

An example from the German language is the indication of long and short vowels before /s/. As early as the 1827 first Radlof (1827: 357) and then Heyse (1827: 215–223) in his influential grammar recommended spelling ⟨ss⟩ (and ⟨ff⟩ in blackletter¹²) after short vowels

¹¹ Moreover, the traditional Mongolian alphabet fails to distinguish between /k/ and /g/, /o/ and /u/, and some other phonemic contrasts of Mongolian, which are faithfully represented in Mongolian Cyrillic.

¹² In blackletter, which makes a difference between long ⟨f⟩ and round ⟨ſ̄⟩, Heyse recommended the form ⟨ff⟩: ⟨daſſ⟩, ⟨blaſſ⟩, ⟨verhaſſt⟩, ⟨küſſt⟩; at the end of a word he later also accepted ⟨ſ̄ſ̄⟩ (especially in print, whereas in handwriting he considered ⟨ff⟩ to be more convenient than ⟨ſ̄ſ̄⟩) but suggested the use of a ligature ⟨ſſ̄⟩ (different from ⟨ſſ⟩) as the ideal: ⟨daſſ̄⟩, ⟨blaſſ̄⟩, ⟨verhaſſt̄⟩, ⟨küſſt̄⟩ (Heyse 1838: 257).

in all positions: “*der Fluss, des Flusses, muss, müsst, wisst, dass so gut, wie müssen, wissen* etc. (nicht *muff, müßf, oder gar mufz* etc.)” (*ibid.*: 221). This spelling was in some German states even introduced in the schools (though hardly used outside of them, cfr. Markner 2006) but from the unification of German orthography in 1901 until 1998 the only normative German spellings continued to be ⟨Fluß⟩, ⟨muß⟩, ⟨müßt⟩, ⟨wißt⟩, ⟨daß⟩ (but ⟨des Flusses⟩, ⟨müssen⟩, ⟨wissen⟩). So from 1827 it took more than 170 years until the spelling reform of 1996, which was implemented with a transitional period from 1998 to 2006, revitalized Heyse’s linguistically fully justified rule and elevated the spellings ⟨Fluss⟩, ⟨dass⟩, etc. to the standard.

An extreme example is the distinction of consonantal /v/ from vocalic /u/ in Latin, which for historical reasons had only a single letter ⟨v⟩ for both. As early as the middle of the first century AD, Emperor Claudius proposed using ⟨ɹ⟩ for consonantal /v/ (Ryan 1993: 611). However, it took more than one and a half millennia until the problem was solved for New Latin by reinterpreting the allographs ⟨v⟩ and ⟨u⟩ as separate letters with different functions.

5.4. *Timing*

So we have seen that writing reforms have a higher chance of success if they are linked to a political turning point, so that the new writing system is associated with the new order. However, for this mechanism to be effective, such reforms have to be implemented before a large body of texts reflecting the new political system have been written in the old writing system and before a significant part of the population has learned to write in the new circumstances. In other words, the unreformed way of writing still has to be associated mainly with the old political context. Therefore there seems to be a certain *kairos*, a short time span immediately after a political change, during which a writing reform can be accomplished more easily than later. The more time elapses between the political event and the writing reform, the smaller the chances become for the reform to find the necessary acceptance.

This can be seen in the different fates of the post-Soviet writing reforms. For Azerbaijani, the switch from Cyrillic to Latin was decreed on 25 December 1991 (Hatcher 2008: 111), just four days after Azerbaijan had joined the Community of Independent States and on the very day that Michail Gorbačëv declared his resignation, which led to the peaceful dissolution of the USSR and the full independence of Azerbaijan six days later. Of course Cyrillic texts did not stop being written immediately (*ibid.*: 113-114). As Glück (1994: 748) has pointed out, any reform of the writing system brings about “a transitional phase spanning at least two generations” (“eine wenigstens zwei Generationen umfassende Übergangszeit”). However, the reform was definitely successful; Azerbaijani is now overwhelmingly written in the Latin script.

In the Republic of Moldova, an official law to convert the ‘Moldovan language’ to the Latin alphabet was passed even earlier, on 31 August 1989 (cfr. King 1994: 349). The advantage here was that no new alphabet had to be developed because the Moldovans simply adopted the Romanian alphabet and orthography (and it is a matter of heated debate whether Moldovan is a separate language or a variety of Romanian, cfr. King 1994). This script re-

form was a quick success in those parts of Moldova that are controlled by the government. In Transnistria, however, the ‘Moldovan language’ is still written in the Cyrillic alphabet.

As mentioned above, the first attempts at Latinizing the Turkmen language were made in 1991, although officially president and parliament only decided for the switch on 12 April 1993, now with an alphabet without currency symbols (Clement 2008: 180). By 1996 the Latinization of Turkmen can be said to have been successful (*ibid.*: 182).

A law on the Latinization of Uzbek, another post-Soviet Turkic language, was passed on 2 September 1993, with instruction in the new alphabet for first-graders starting in 1994 and an official transitional period until 2002, which was then extended to 2005 and afterwards to 2010. At present, Uzbek is apparently bigraphic, most newspapers and magazines still being printed in Cyrillic. For Kazakh and Kyrgyz, a common Latin alphabet was proposed in 1995. Since then, the transfer to this Latin alphabet has been discussed several times, several publications in Latin letters have appeared, but there is still no definitive decision in either country, and at the moment it seems that the Kazakhs and Kyrgyz are not inclined to give up Cyrillic. In Tajikistan, the introduction of the Arabic script for the official language, now identified as “Tajik Persian”, was discussed as early as 1989 but never enacted. Instead, in 1998 the Cyrillic spelling was reformed¹³.

Of course the differences in timing among the post-Soviet republics are no coincidence. Their different language policies in general can be associated with demographic differences (cfr. Fierman 2009), and events like the Black January massacre of 1990 in Baku certainly affected public opinion on national symbolism and script. However, I would argue that the moment chosen for a reform of the writing system is not only a symptom but also a factor influencing the fate of the reform. This can be demonstrated by looking at several reforms for the same language.

The Russian spelling reform, again, is a case in point. After long years of preparations but without decisions in tsarist Russia, the Provisional Government finally introduced the new spelling in the schools on 1 September 1917, six months after the February Revolution. On 23 December, just 59 days after the October Revolution, the reformed orthography was decreed to be the only official spelling starting a week later, on 1 January 1918 (Grigor’eva 2004: 293-294). Less than a year after the October Revolution, the implementation was reinforced by a fine of 10,000 roubles for printing texts in the old spelling (*ibid.*: 295-296). Apart from this, even the introduction of the Latin alphabet was discussed in 1917, but Lenin was afraid to act precipitately: “I have no doubt that the time for the Latinization of the Russian script will come, but it would be imprudent to act hastily now” (“Я не сомневаюсь,

¹³ The reform abolished the four letters ⟨ц (c), щ (šč), ы (y), ъ (’). The first three had been used only in Russian loanwords, and ⟨ъ (’)⟩ had been used according to the Russian model in words like ⟨чорьяк (čor’jak)⟩ /tʃɔ:ɾ’jak/ ‘quarter’ to indicate that the iotated vowel letters ⟨я (ja), ю (ju), ө (ë)⟩ really represent /ja, ju, jo/ and not just /a, u, o/ after a palatalized consonants. However, since Tajik in contrast to Russian does not have any palatalized consonants, this is completely superfluous and the new spelling ⟨чоряк (čorjak)⟩ therefore sufficient.

что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно”; from a personal conversation quoted by Lunačarskij 1930: 22). However, when in 1930, thirteen years after the Revolution, a special commission headed by Nikolaj Jakovlev presented its plan for an introduction of the Latin alphabet, the *kairos* was obviously over. The Cyrillic alphabet was not perceived as “the alphabet of the autocratic yoke, missionary propaganda and Great Russian national chauvinism” (“алфавитом самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, великорусского национал-шовинизма”, Jakovlev 1930) any more. Especially with the new orthography, it was associated with Russian as the primary language of the Soviet Union, and the Latin script started to be associated with the capitalist West rather than Marx and Engels, whose works were now sitting on so many bookshelves in Russian translations (cfr. Bunčić *et al.* 2016: 326-327). Therefore the reform proposal was not even discussed in public (Alpatov 2001).

Obviously the time frame within which a politically motivated reform can successfully be implemented is relative and influenced by other factors. In the case of Chinese, seven years elapsed between the revolution of 1949 and the publication of the first list of simplified characters in 1956 (Rohsenow 1986: 73). Maybe the low literacy rate made this delay possible. However, the simplified characters of the “Second Scheme”, which were published in 1977, came much too late. They were not accepted by the public and therefore had to be recalled officially in 1986; *ibidem*).

6. Conclusion

Reforms of writing systems can be judged on the basis of graphematic criteria. Reforms promoted by leftist forces often strengthen the phonemic principle, aiming at making learning the writing system easier, whereas reforms supported by rightist groups of society tend to be promoted primarily for different reasons, especially national associations – although such associations are subject to interpretation. (Of course, both arguments can be combined, as in the case of Atatürk’s alphabet reform.) ‘Scientific’ arguments about the economy of writing systems, which are frequently put forward, are usually void because orthography does not change the information density needed in a given situation. A doubtless improvement of a writing system is a reform that strengthens both the phonemic and the morphemic principle.

However, even such linguistically justified reform proposals very often fail or take extremely long to be accepted unless they are linked to a political turning point, so that the new way of writing is associated with the new way of living. In this case, however, timing is crucial. The time span between the political change and the implementation of the writing reform has to be short because the more texts are written in the meantime the less the old writing system will be associated with the old political system.

Abbreviations

- MON: Ministerstvo obrazovanja i nauki Rossijskoj Federaciji, *O rešenijax Mežvedomstvennoj komisii po russkomu jazyku*, N° AF-159/03, "Rossijskaja gazeta", 2007, 3 May, <<http://img.rg.ru/pril/article/26/13/58/pismo.doc>> (30.03.2017).
- NZP: *Naredba-zakon za pravopisa (27.02.1945 g.)*, "Ezik i literatura", 2015, 3-4, p. 15 (originally published in: "Däržaven vestnik", LXVII, 1945, 47, p. 1).
- NKP: Narodnyj komissariat prosveščeniya RSFSR, *Prikaz ot 24 dekabnja 1942 g. N 1825 o primenenii bukvy «È» v russkom pravopisanii*, <<http://www.kaznachey.com/doc/aNN9NLR0BYR/text/>> (27.03.2017).

Literature

- Alpatov 2001: V.M. Alpatov, *Un projet peu connu de latinisation de l'alphabet russe*, "Slavia occitania", XII, 2001, pp. 1-28.
- Alpatov 2015: V.M. Alpatov, *A Latin Alphabet for the Russian Language*, in: V.S. Tomelleri, S. Kempgen (eds.), *Slavic Alphabets in Contact*, Bamberg 2015, pp. 1-11.
- Antipova, Bunčić 2016: A. Antipova, D. Bunčić, *Catholic and Orthodox Belarusian*, in: D. Bunčić *et al.*, *Biscriptality: A Sociolinguistic Typology*, Heidelberg 2016, pp. 15-167.
- Bailly 1935: A. Bailly, *Dictionnaire grec-français*, Paris 1935.
- Bukčina 1990: B.Z. Bukčina, *Ob odnom neglasnom orfografičeskom isključenii*, in: M.Ja. Glovinskaja, E.A. Zemskaja (eds.), *Jazyk: Sistema i podsistemy. Sbornik k 70-letiju M.V. Panova*, Moskva 1990, pp. 75-76.
- Bunčić *et al.* 2016: D. Bunčić *et al.* (eds.), *Biscriptality: A Sociolinguistic Typology*, Heidelberg 2016.
- Chuluunbaatar 2008: O. Chuluunbaatar, *Einführung in die mongolischen Schriften*, Hamburg 2008.
- Clement 2008: V. Clement, *Emblems of Independence: Script Choice in Post-Soviet Turkmenistan*, "International Journal of the Sociology of Language", CXCII, 2008, pp. 171-185.
- Collin 2011: R.O. Collin, *Revolutionary Scripts: The Politics of Writing Systems*, in: M.A. Morris (ed.), *Culture and Language: Multidisciplinary Case Studies*, Frankfurt am Main 2011, pp. 29-67.
- Coulmas 2003: F. Coulmas, *Writing Systems: An Introduction to their Linguistic Analysis*, Cambridge 2003.

- Crisp 1990: S. Crisp, *Soviet Language Planning 1917-53*, in: M. Kirkwood (ed.), *Language Planning in the Soviet Union*, Basingstoke 1990, pp. 23-45.
- Dale 1980: I.R.H. Dale, *Digraphia*, "International Journal of the Sociology of Language", XXVI, 1980, pp. 5-13.
- Duden 1926: J.E. Wülfing, A.C. Schmidt, *Duden, Rechtschreibung der deutschen Sprache und der Fremdwörter*, Leipzig 1926⁹.
- Fierman 2009: W. Fierman, *Language Vitality and Paths to Revival: Contrasting Cases of Azerbaijani and Kazakh*, "International Journal of the Sociology of Language", CXC VIII, 2009, pp. 75-104.
- Frings 2007: A. Frings, *Sowjetische Schriftpolitik zwischen 1917 und 1941: Eine handlungstheoretische Analyse*, Stuttgart 2007.
- Glück 1994: H. Glück, *Schriften im Kontakt*, in: H. Günther, O. Ludwig (eds.), *Schrift und Schriftlichkeit / Writing and its Use*, I, Berlin 1994, (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft), pp. 745-766.
- Grigor'eva 2004: T.M. Grigor'eva, *Tri veka russkoj orfografii (XVIII-XX vv.)*, Moskva 2004.
- Grivelet 2001: S. Grivelet, *Digraphia in Mongolia*, "International Journal of the Sociology of Language", CL, 2001, pp. 75-93.
- Haarmann 2006: H. Haarmann, *Language Planning: Graphization and the Development of Writing Systems*, in: U. Ammon et al. (eds.), *Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society*, III, Berlin 2006³, pp. 2402-2420.
- Hatcher 2008: L. Hatcher, *Script change in Azerbaijan: Acts of identity*, "International Journal of the Sociology of Language", CXCII, 2008, pp. 105-116.
- Heyse 1827: J.C.A. Heyse, *Theoretisch-praktische deutsche Grammatik, oder Lehrbuch zum reinen und richtigen Sprechen, Lesen und Schreiben der deutschen Sprache*, I, Hannover 1827⁴.
- Heyse 1838: J.C.A. Heyse, *Theoretisch-praktische deutsche Grammatik, oder Lehrbuch zum reinen und richtigen Sprechen, Lesen und Schreiben der deutschen Sprache*, I, Hannover 1838⁵.
- Ickler 1997: T. Ickler, *Die sogenannte Rechtschreibreform: Ein Schildbürgerstreich*, Sankt Goar 1997.
- Jakovlev 1930: N.F. Jakovlev, *Tezisy prof. Jakovleva N.F. "O neobchodimosti latinizacii russkogo alfavita"*, *prinjatye v načale rabot podkomissii po latinizacii russkogo alfavita pri Glavnauke*, "Kul'tura i pis'mennost' Vostoka", 1930, 6, pp. 208-219, cfr. <<http://tapemark.narod.ru/rus-latinica-1930.html>> (20.01.2016).
- Jezbera 1860: F.J. Jezbera, *O pismenech všech slovanských národův*, Praha 1860.

- Karpova 2010: O. Karpova, *Istorija s orfografiej: Neudavšiesja reformy russkogo pravopisanija vtoroj poloviny XX veka*, "Neprikosnovennyj zapas", III, 2010, pp. 195-212.
- King 1994: Ch. King, *Moldovan Identity and the Politics of Pan-Romanianism*, "Slavic Review", LIII, 1994, 2, pp. 345-368.
- Liu, Lin 2008: C.-L. Liu, J.-H. Lin, *Using Structural Information for Identifying Similar Chinese Characters*, in: *ACL-08: HLT. 46th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, June 15-20, 2008, The Ohio State University, Columbus, Ohio, USA*, Companion Volume: *Short Papers, Proceedings of the Student Research Workshop, Proceedings of the Demo Session, Tutorial Abstracts*, Stroudsburg (PA) 2008, pp. 93-96.
- Lomonosov 1755: M. Lomonosov, *Rossijskaja grammatika*, Sanktpeterburg 1755 (Reprint: Leipzig 1972).
- Luidl 1998: P. Luidl, *A Comparison of Fraktur and Roman Type: A German Study*, in: P. Bain, P. Shaw (eds.), *Blackletter: Type and National Identity*, New York 1998, pp. 16-21.
- Lunačarskij 1930: A.V. Lunačarskij, *Latinizacija ruskoj pis'mennosti*, "Kul'tura i pis'mennost' Vostoka", VI, 1930, pp. 20-26.
- Markner 2006: R. Markner, *Eine orthographische Legende*, 07 February 2006, <<http://markner.blogspot.com/2006/02/eine-orthographische-legend.html>> (14.09.2011) (shortened version also published in "Frankfurter Allgemeine Zeitung", 03.02.2006).
- Müller 1994: M. Müller, *V.K. Tredjakovskijs "Gespräch zwischen einem Fremden und einem Russen über die alte und neue Orthographie und alles, was zu dieser Materie gehört": Eine philologisch-kritische Darstellung*, Regensburg 1994.
- Muret, Sanders 1920: E. Muret, D. Sanders, *Enzyklopädisches englisch-deutsches und deutsch-englisches Wörterbuch (Große Ausgabe)*, II, Berlin-Schöneberg ca. 1920.
- Pčelov, Čumakov 2000: E.V. Pčelov, V.T. Čumakov, *Dva veka ruskoj bukvy Ė: Istorija i slovar'*, Moskva 2000.
- Radlof 1827: J.G. Radlof, *Ausführliche Schreibungslehre der teutschen Sprache*, Frankfurt am Main 1827² (1820¹).
- Rohsenow 1986: J.S. Rohsenow, *The Second Chinese Character Simplification Scheme*, "International Journal of the Sociology of Language", LIX, 1986, pp. 73-86.
- Rück 1993: P. Rück, *Die Sprache der Schrift – zur Geschichte des Frakturverbots von 1941*, in: J. Baurmann, H. Günther, U. Knoop (eds.), *Homo scribens: Perspektiven der Schriftlichkeitsforschung*, Tübingen 1993, pp. 231-272.

- Ryan 1993: F.X. Ryan, *Some Observations on the Censorship of Claudius and Vitellius, A.D. 47-48*, "American Journal of Philology", CXLIV, 1993, 4, pp. 611-618.
- Sampson 1985: G. Sampson, *Writing Systems: A Linguistic Introduction*, London 1985.
- Saussure 1916: F. de Saussure, *Cours de linguistique générale*, éd. par C. Bally et A. Sechehaye, Lausanne 1916.
- Sedláček 1993: M. Sedláček, *K vývoji českého pravopisu: Část 1*, "Naše řeč", LXXVI, 1993, 2, pp. 57-71.
- Simić 2010: R. Simić, *Srpsk(o-hrvatsk)a latinica i problem fonološke grafije*, in: B. Brehmer, B. Golubović (eds.), *Serbische und kroatische Schrifilinguistik: Geschichte, Perspektiven und aktuelle Probleme*, Hamburg 2010, pp. 179-188.
- Simonato-Kokochkina 2003: E. Simonato-Kokochkina, *Choisir un alphabet, une question linguistique? Discussions sur le choix des systèmes d'écriture en URSS (1926-1930)*, in: P. Sériot (ed.), *Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne (épistémologie, philosophie, idéologie)*, Lausanne 2003 (= "Cahiers de l'ILSL", XIV), pp. 193-207.
- Soennecken 1916: F. Soennecken, "Dem deutschen Volke", "Berliner Tageblatt", XLV, 1916, 196 (15 April) [quoted from a special offprint, 4 pages].
- Spitzmüller, Bunčić 2016: J. Spitzmüller, D. Bunčić, *German: Blackletter and Roman*, in: D. Bunčić et al. (eds.), *Biscriptality: A Sociolinguistic Typology*, Heidelberg 2016, pp. 282-300.
- Tranter 2008: N. Tranter, *Nonconventional Script Choice in Japan*, "International Journal of the Sociology of Language", CXCII, 2008, pp. 133-151.
- Trix 1997: F. Trix, *Alphabet Conflict in the Balkans: Albanian and the Congress of Monastir*, "International Journal of the Sociology of Language", CXXVIII, 1997, pp. 1-23.
- Trunte 2014: N. Trunte, *Slavenskij jazyk: Ein praktisches Lehrbuch des Kirchenslavischen in 30 Lektionen, zugleich eine Einführung in die slavische Philologie*, II, München 2014².
- Uspenskij 2002: B.A. Uspenskij, *Istorija russkogo literaturnogo jazyka (XI-XVII vv.)*, Moskva 2002³.
- Webster 1992: N. Webster, *Declaration of Linguistic Independence*, in: J. Crawford (ed.), *Language Loyalties: A Source Book on the Official English Controversy*, Chicago 1992, pp. 33-36.
- Wood 1929: M.M. Wood, *Latinizing the Turkish Alphabet: A Study in the Introduction of a Cultural Change*, "American Journal of Sociology", XXXV, 1929, 2, pp. 194-203.

- Zhou 1986: Y. Zhou, *Modernization of the Chinese Language*, “International Journal of the Sociology of Language”, LIX, pp. 7-24.
- Živov 1986: V.M. Živov, *Azbučnaja reforma Petra 1 kak semiotičeskoe preobrazovanie*, in: Ju.M. Lotman (ed.), *Semiotika prostranstva i prostranstvo semiotiki*, Tartu 1986, pp. 54-67.

Abstract

Daniel Bunčić

Factors Influencing the Success and Failure of Writing Reforms

The Russian spelling reform of 1917-1918 was very successful – so successful that many young Russians, when confronted with a pre-1917 Russian text, do not know how to read ⟨ѣ⟩, ⟨ѳ⟩ or ⟨ея⟩. However, many reforms of writing systems have not met with success. Among them are the 1930 attempt to convert Russian to the Latin alphabet; the Second Chinese Character Simplification Scheme of 1977, which the PRC government had to withdraw in 1986; the French spelling reform of 1990, which is still ignored by most of the public; and the Latinization of Uzbek of 1993-1995, which, even twenty years later and after the end of the twice extended ‘transitional period’ of altogether fifteen years, has not been implemented by newspapers and magazines.

This paper examines a range of writing reforms (script reforms, spelling reforms, and glyphic reforms) – mainly from the Slavic and post-Soviet area – to determine which factors influence the success or failure of a reform and to what extent. Among the factors considered are the orthographic principles touched by the reform; the motivation for it; the scientific arguments put forward in the discussion; the semiotic values associated with the reformed writing system; the timing; the political system of the country; and the literacy rate of the speech community.

The results of this analysis might be a bit disillusioning for us as linguists because linguistic factors turn out to play a very minor role compared to extralinguistic factors. In fact, the most decisive factor seems to be timing.

Keywords

Alphabet Reform; Writing Reform Proposals; Slavic Languages; Languages of the Soviet Union.

Лиана Голетиани

Буква, которой не хватало. О возвращении буквы г в законодательный украинский язык

1. Введение

Название предлагаемой статьи – синтаксическая аллюзия на статью *Літера, за якою тужать*, которую опубликовал Б. Антоненко-Давидович (1969) в газете “Літературна Україна” в конце так называемой ‘золотой’ пятилетки брежневской эпохи¹. Речь шла о букве Г, закрепленной в украинском алфавите еще в Грамматике Мелетия Смотрицкого для обозначения заднеязычного смычного взрывного звонкого согласного в ряде собственно украинских и иноязычных слов. Долгий путь, который прошла украинская графика и орфография, в XX веке выдался наиболее сложным (Огієнко 2001; Синявський 1931, Німчук 2002). В советский период использование буквы Г (наряду с буквой Г, обозначающей фрикативный звук) и целый ряд других норм, учитывающих как традиции центральной, так и западной Украины, вошли в так называемое Харьковское правописание 1928 года². В 1933 году это правописание было объявлено ‘буржуазно-националистическим’, в языковой политике установился жесткий курс на ‘сближение братских языков’, а нормы, отражавшие специфические черты украинского языка отменены. Графема Г, отсутствовавшая в русском алфавите, была попросту вынута из украинского алфавита³. Но развитие независимой лингвистической мысли продолжалось, и появление статьи Антоненко-Давидовича было ее

¹ Здесь не место для освещения социально-экономической ситуации Украины брежневского периода, ограничусь указанием на общий тон происходивших в обществе процессов. К концу 1960-ых в СССР проявились некоторые позитивные результаты так называемой ‘косыгинской’ реформы. Ее автором был украинский экономист, профессор Харьковского инженерно-экономического института Е.Г. Либерман. Решая стратегические задачи советского правительства по экономическому развитию, концепция Либермана расширяла хозяйственную самостоятельность и стимулировала самоуправление предприятий и местных организаций, что способствовало общему более свободному выражению личной инициативы ‘снизу’. О культурном ренессансе в Украине 1960-ых см. в Масенко 2005: 19 и Yekelchuk 2015.

² 26 мая–6 июня 1927 г. в Харькове работала Всеукраинская конференция по правописанию, в которой были представлены авторитетные научные школы всех исторических украинских территорий. Она обсудила и приняла новые нормы правописания, принятые к исполнению в 1928 г. и введенные в действие в январе 1929 г. Окончательный вариант редактировал Олекса Синявский, внесший значительный вклад в кодификацию украинского языка (Синявський 1931, Синявський 1941). Синявский был репрессирован и расстрелян в 1937 г.

³ Издания эмиграции продолжали следовать нормам Харьковского правописания.

примечательным проявлением, учитывая жесткость тотальной идеологической цензуры. Уже через три недели после выхода статьи Антоненко-Давидовича газета опубликовала ответную статью В. Русанивского с не менее красноречивым названием “За чим тужити?”, сопроводив ее комментарием “редакция разделяет мнение автора” (Русанівський 1969). Должно было пройти еще более 20 лет, прежде чем буква была ‘реабилитирована’. Это произошло 14 ноября 1989 г., когда Орфографическая комиссия АН Украины утвердила новую редакцию Украинского правописания (см. также изменения в УП193 и УП199).

Указанные временные пересечения – сталинский 1933-ий, брежневский 1969-ый и горбачевский 1989-ый – равно как и политические метафоры (‘репрессии’, ‘реабилитация’), в истории этой буквы далеко не случайны. Эта история связана с лингвистической политикой в отношении украинского языка тех государственных образований, которые инкорпорировали территории, где проживали его носители. Ассимиляционная политика, которая проводилась на территориях, входивших в состав Российской империи, и, позднее, Советского Союза, сказывается на лингвистической ситуации в Украине и сегодня. Это объясняет тот интерес к ее исследованию, который проявляют разные междисциплинарные направления – социолингвистика, политическая и диахроническая лингвистика, контактная лингвистика, постколониальная история и др. (Shevelov 1989, Besters-Dilger 2003, Масенко *и др.* 2005, Bulli 2007, Flier *и др.* 2017):

Розвиток української мови впродовж усього ХХ століття мав частіше насильницький, аніж еволюційний характер, і мотивувався ідеєю боротьби з українським буржуазним націоналізмом, обґрунтовуючись пролетарським інтернаціоналізмом та необхідністю зближення націй. У мовознавстві лозунги пролетарського інтернаціоналізму та зближення націй і мов доволі швидко перетворилися на доктрину, систематично опрацьовувану в ідеологічних документах 1930-1970-х років, які спричинили значну нівеляційну динаміку лексичного складу української мови (Масенко *и др.* 2005).

Политика искусственного сближения языков и формирование украинского новояза охватывали все уровни, не только лексический. Вследствие этого естественные для эволюции языков и их кодификации процессы конвергенции и консолидации в украинском языке деформировались во всех его подсистемах, включая фонетическую и орфографическую. Идеологическое вмешательство, увеличивая число социолингвистических факторов, обуславливающих вариативность в произношении и правописании, приводило к искажениям в развитии письма и речи в исторической проекции, которые проявлялись уже у второго поколения носителей языка. На рубеже тысячелетий перед украинским научным сообществом встал непростой вопрос: в какой мере следует запустить ‘реабилитационные’ процессы в украинском языке, какими инструментами может проводиться политика лингвистической ‘деколониализации’, чтобы нивелизировать ‘вред’, нанесенный десятилетиями тоталитарного пе-

риода. О проблемах правописания в среде лингвистов вспыхнула и по сей день не прекращается оживленная дискуссия, иногда – в крайне полемических формах⁴.

2. *Дизайн исследования*

2.1 *Актуальное состояние проблемы*

Если попытаться обобщенно представить весь континуум мнений, высказанных за прошедшие 25 лет относительно кодификации буквы Г, то можно разделить их на два разнонаправленных подхода – расширительный и ограничительный. В соответствии с первым сфера буквы должна была быть расширена в сторону большей преемственности с нормами Харьковского правописания. В этом русле лежали и достаточно умеренные меры, предложенные в проекте редакции УП99, но так и не принятые (см. об этом Німчук 2001, Вихованець 2004, Фаріон 2004). Согласно проекту буква должна была вернуться в написание иностранных собственных имен, например: *Вергілій, Герель, Васко да Гама*. В то же время представители ограничительного подхода предостерегали от чрезмерного расширения и даже допускали вариантное использование Г:

Безоглядне впровадження літери Г завдало б непоправної шкоди українській мові. Важко збагнути намагання в українському правописі розширити сферу вживання літери Г. Доцільніше було б запропонувати цю літеру до вжитку тільки в давно запозичених і українізованих словах, а в деяких випадках допустити варіантність. Приміром, уживати не тільки *грунт*, але й *грунт*. (Головашук 2001: 4)

Каким образом законодательные тексты следуют обозначенным подходам, будет проанализировано в четвертой части статьи. Забегая вперед, отметим, что естественная в языке вариативность не должна один к одному отражаться в нормативной вариантности⁵ и противоречит требованию терминологической унификации – важнейшему в специальных языках.

Наряду с интенсивной полемикой относительно формы и содержания орфографических норм ощущается дефицит как специальных, так и обобщающих дескриптивных исследований узуса. Тогда как нормотворческая дискуссия необходимым образом должна учитывать все три члена в ‘треугольнике’ система – норма – узус

⁴ Литература по этим вопросам насчитывает более сотни публикаций, назову лишь важнейшие общие монографии и сборники, а также статьи, касающиеся непосредственно буквы Г: Грицак 1995, Головашук 2001, Вихованець 2004, Купчинський 1996, Купчинський 1997, Німчук 2001, Німчук 2002, Пономарів 2002, Русанівський 2002а, Русанівський 2002б, Сіренко, Кузишин 2009, Фаріон 2004.

⁵ О разграничении понятий *вариантность* и *вариативность* и типах вариативности см. Berruto 2007 и Lasselsberger 2000. Здесь под вариантностью понимается допущение вариантов в кодификации, а под вариативностью – функционирование вариантов в узусе.

(ср. Lasselsberger 2000: 6). Именно социолингвистические исследования диастратической и диатопической вариативности, выполненные с привлечением обширных эмпирических данных диахронии и синхронии, помогли бы пролить свет на реальное функционирование установленных ранее норм и оптимизировать нормотворческую работу в будущем.

Среди известных нам диахронических исследований заслуживает внимания работа Berger 2014. Автор на материале учебной литературы исследовала применение орфографических норм, циркулировавших в Галиции в период между первой и второй мировыми войнами, сосредоточившись, в том числе, и на вызывавших частые разногласия правилах передачи иностранных собственных имен. Работа предоставляет ценную информацию для понимания причин того компромисса, который был найден в Харьковском правописании 1928, отразившем, в том числе, орфографические традиции Западной Украины. Во многом благодаря усилиям этой части украинской интеллектуальной элиты, а также издательской деятельности диаспоры и ученых-эмигрантов украинское лингвистическое разнообразие было сохранено на протяжении многих десятилетий, и это наследие вызывает сегодня острый интерес в перспективе эколлингвистических и постколониальных исследований. Вместе с тем, хотелось бы напомнить постулат, которого придерживался Олекса Горбач вслед за своим учителем Василем Симовичем, о чем свидетельствует Закревська (1995: 70): “З правопису не слід творити ‘святощів’, ‘фетиша’, а тим більше пов’язувати з ним різні національно-політичні програми”. Научно обоснованная орфографическая норма должна согласно Горбачу учитывать три критерия: историчность, традиция, узуальность (Закревська 1995: 71). Именно поэтому наряду с исследованиями на историческом материале необходимы исследования орфографической вариативности, выполненные на материале узуса последнего периода в профессиональных группах, наиболее релевантных для стабилизации правописания сегодня. Примерами таких работ, хотя и крайне ограниченных по объему, можно считать публикации Маргалик 2005 и Чепурко 2014. В первой показаны основные тенденции в использовании действующих норм в речи украинских тележурналистов, во второй – в языке газет. Маргалик 2005 приходит к выводу об устойчивости вариантной нормы: в то время как журналисты канала СТБ активно придерживаются правил Харьковского правописания, на других каналах наблюдается хаотическое использование разных вариантов. Чепурко 2014 фиксирует большой диапазон отклонений не только в разных региональных изданиях, но даже на страницах одного и того же издания. Отметим, что Харьковское правописание в использовании буквы Г строго придерживается ряд известных писателей и журналистов и таких авторитетных издательств как “Критика” или “Видавництво Старого Лева”. Данный факт представляет собой интересный социокультурный феномен намеренного игнорирования стандарта со стороны наиболее престижного социального слоя, демонстрирующего высокий уровень металингвистического сознания и культурной памяти.

2.2. Задачи и структура исследования

Как представляется, любые дальнейшие шаги по совершенствованию орфографических норм могут быть предприняты только на основании широкомасштабных и дифференцированных (относительно типа эмпирических данных) исследований узуса, привлекающих инструментарий корпусной и квантитативной лингвистики. В последнее время квантитативные или статистические методы успешно применяются для решения разных задач в социолингвистике (Berruto 2007; Gries 2008). Даже простейшие инструменты этих методов могут прояснить действительное применение уже существующих норм относительно графического знака Г с момента его возвращения в украинский алфавит.

В данном исследовании речь будет идти о диахронической и диастратической вариативности, касающейся использования буквы Г в современных законодательных текстах. В частности ставятся следующие задачи:

- установить ряд продуктивных терминов, в которых согласно действующей норме должна использоваться буква Г и выбрать из них *convenience sample*;
- определить для *convenience sample* количественные показатели двух узуальных вариантов написания – нормативного с буквой Г (действующий УП93) и отклоняющегося от нормы – с буквой Г (бывшее ‘советское’ правописание);
- проследить минидиахроническую вариативность узуальных вариантов для *convenience sample*;
- выяснить степень влияния нормы, установленной Харьковским правописанием 1928.

Период исследования охватывает с 1991-го (первый год после ее возвращения в действующий украинский алфавит) по 2016 год включительно. Как показывают результаты в Goletiani 2015 и Goletiani 2016, указанный 25-летний период функционирования украинского языка в качестве государственного оказался достаточным для оживления и стабилизации его некоторых специфических черт в морфологии и синтаксисе, находившихся в ‘репрессированном’ и/или ‘депрессированном’ состоянии в советский период, когда в сфере права доминировал русский язык. Правомерно ожидать, что и в орфографической области протекают подобные процессы. Что касается буквы Г, то диахронический анализ данных об использовании ранее отсутствовавшего графического знака не только даст дополнительный штрих к общей картине орфографической вариативности в свете действующих норм, но и позволит диагностировать дальнейшие изменения в этом аспекте. Описанию корпуса, примененных методов, хода и результатов исследования посвящена предпоследняя – четвертая часть статьи. В третьей части будет представлена действующая норма и наиболее часто критикуемые в научной литературе ее недостатки. В заключительной пятой части будут сформулированы выводы и намечены возможные перспективы предложенного исследовательского направления.

3. Буква Г в последней редакции украинского правописания: чем руководствоваться?

Действующая норма украинского правописания посвящает использованию буквы Г параграф 15, он входит в первый раздел *Правописание основы слова*, а именно – в подраздел *Буквенные обозначения звуков* и устанавливает, какие звуки передает эта буква. Для лучшего понимания использования этой буквы данную норму необходимо рассматривать вместе с нормой о букве Г, обозначающей ‘конкурирующий’ фрикативный звук в § 14. Ниже дается дословный перевод содержания этих параграфов (Мазніченко *и др.* 2015: 20 и 119-120):

§ 14. Буква Г

Буква Г передает на письме гортанный согласный как в украинских словах: *гадка, гей, могутний, плуг*, так и в иноязычных (вместо *h, g*) более давнего происхождения: *газета, генерал, грамота, Євангеліє; Гегель, Гомер, Англія, Гаага*, а также в недавних часто используемых заимствованиях, особенно в звукосочетаниях *гео-, -лог-, -гог-, -грам-, -граф-*: *агітація, агресія, горизонт, магазин, географія, геологія, педагог, кілограм, фотографія* (см. также § 87).

§ 15. Буква Г

Буква Г передает на письме заднеязычный смычной согласный как в украинских словах, так и в давно заимствованных и украинизированных: *агрус, гава, газда, гандж, ганок, гатунок, гвалт, гвалтувати, гетати, гедзь, гелготати, герготати, герготіти, гигнути, гирлига, глей, гніт* (в лампе), *гогель-могель, грасувати, грати* (существительное), *гратчастий, гречний, grindжолі, ґрунт, гудзик, гуля, джигун, дзиґа, дзиґлик* и в подобных, в образованных от них, а также в фамилиях *Галаган, Гудзь* и подобных.

Замечание.

В собственных наименованиях иноязычного происхождения этимологический *g* согласно с установившейся традиции произносится как *г*; однако сохранение *g* в произношении не является нарушением орфоэпической нормы. Итак, правильным является произношение: *Гданськ* и *Гданськ, Гренландія* и *Гренландія, Гібралтар* и *Гібралтар; Гарібальді* и *Гарібальді, Гете* и *Гете*.

Кроме того, учитывая частичную преемственность с нормами Харьковского правописания 1928, целесообразно привести норму, зафиксированную в параграфе 87. Эта норма входит в третий раздел, посвященный правописанию слов иноязычного происхождения, в частности, заимствований из языков, использующих латиницу.

§ 87. *G* и *h* обычно передаются буквой *г*: *авангард, агітація, агресор, гвардія, генетика, гімнастика, гоніометр, грандіозний, графік, гроз, ембарго, лінгвістика, міграція; гандбол, гегемонія, гектар, гербарій, герцог, гінді* (мова), *гіпотеза, горизонт, госпіталь, гугенот, гумус; Гаага, Гавана, Гавр, Гарвард, Гаронна, Гвінея, Гельсінгфорс, Гельсінкі, Гіндустан, Гренландія, Греція, Йоганнесбург, Люксембург; Ганнібал, Гейне, Гете*,

Гізо, Гомер, Горацій, Горн, Гюго, Магомет. В отдельных словах английского происхождения *h* передается буквой *х*: *хобі, хокей, хол; Хемінгуей* и др. (Мазніченко и др. 2015: 119-120):

Итак, в замечании к параграфу 15 эксплицитно устанавливается орфоэпическая и орфографическая вариантность. Помимо этого бросаются в глаза нечетко установленные границы между сферами использования *Г* и *Г̃*, во-первых, в тех формулировках, где норма выражается с помощью аппроксимативных *особенно, часто, обычно, в отдельных случаях*, во-вторых, в открытых (но частично совпадающих!) списках примеров по аналогии. Такие формулировки не могут не вызывать разночтений и альтернативных подходов к их применению. Для тех носителей украинского языка, кто не ознакомлен с периодизацией процессов заимствования иноязычной лексики, различать классы давних и недавних заимствований вряд ли под силу. Не говоря уже о том, что степень освоенности иноязычного слова – величина переменная, и однозначная категоризация внутри процесса адаптации невозможна. Поэтому в исторически сложившейся ситуации вариативного узуса, которая наблюдалась в Украине на рубеже тысячелетий (Oswald 2003: 321), подобным образом сформулированная норма сама может стать дополнительным фактором социолингвистической вариативности:

Orthographische Varianten können mit den Wechselbeziehungen von generellen und singulären Regeln, mit der Ungenauigkeit, der Unklarheit oder dem Fehlen genereller Regeln [...] im Zusammenhang stehen. (Nerius 1989: 277)

Неудивительно, что эти и другие нормы продолжают оставаться предметом постоянной критики не только внутри научного сообщества, но и в среде издателей, писателей, учителей, журналистов (Альберда 2014; Григор'ева 2013; Харченко 2004). Отчасти неудовлетворительность эксплицитированных действующих норм⁶ компенсируется в лексикографических и справочных изданиях. В 1993 г. вышел специальный справочник (Паночко 1993), а первое издание ОСУМ (Головащук и др. 1994) было дополнено реестром слов, которые должны писаться с буквой *Г̃* (см. также СУМ-11, Голоскевич 1929, Пономарів 1997 и другую справочную литературу в библиографии). Ряд лексикографических источников после переработки был переиздан в 2000-ые годы⁷. Различия реестров слов с буквой *Г̃* в этих источниках кодификации заслуживают отдельного исследования и выходят за рамки задач этой статьи.

⁶ О различии между эксплицитированными нормами и имплицитными (или данными) нормами и соответствующими источниками кодификации см. Lasselsberger 2000, Nerius 1989.

⁷ Общий обзор состояния современной украинской лексикографии см. в Німчук 2012.

4. Буква Г в законодательных текстах: эмпирическое исследование вариативности

Выбор законодательных текстов в качестве корпуса исследования предопределен несколькими причинами. Во-первых, законодательные документы согласно закону о государственном языке⁸ должны издаваться на украинском языке, и естественно ожидать именно в этих текстах соблюдение закона. Во-вторых, эти документы содержат большое количество терминологических единиц, что предполагает их соответствие требованию унификации. Вместе с тем, такие факторы как многолетнее доминирование русского языка в языке права и коллективная языковая инертность не могут не способствовать привычному использованию буквы Г вместо вновь действующей буквы Ґ. Верификация этих гипотез и решение задач, указанных во второй части составляет содержание следующих этих параграфов.

4.1. Материал и методы исследования

Материалом эмпирического исследования послужили те законодательные тексты, которые находятся в свободном доступе на сайте Верховной Рады (<<http://zakono.rada.gov.ua/laws>>) в электронной форме. Хотя в данном случае мы не имеем дело с лингвистическим аннотированным корпусом, данная база текстов предоставляет ценную возможность поиска во всем массиве законодательных документов, вышедших в Украине за рассматриваемый период. Эта характеристика повышает общую объективность выводов и оптимально отвечает целям предполагаемого диахронического исследования. База данных (в дальнейшем – корпус) снабжена аппаратом, посредством которого возможен быстрый и удобный поиск конкурирующих вариантов написания любого слова, содержащего не менее трех букв, с учетом разных параметров. Для целей нашего минидиахронического исследования релевантным является только временной параметр, так как он дает возможность дискретного представления количественных показателей. Недостатком такого способа получения данных является его трудоемкость: при поиске определенного варианта написания того или иного слова за тот или иной год приходится не только каждый раз задавать одни и те же параметры, но и в ручном режиме просматривать все тексты, так как система выдает только список документов, в которых зафиксирована искомая графическая комбинация, а не текстовый фрагмент, как это происходит в лингвистических корпусах. Кроме того, необходимость мануальной перепроверки связана с тем, что несмотря на установленный законом 1989 года переход законодательства на государственный язык, часть документов за рассматриваемый период имеется только в русскоязычной версии. Учитывая, что графема Г есть и в русском алфавите и некоторые словоформы в двух языках совпадают (например, для пар укр. *грунт* / *грунт* – русск.

⁸ Функции государственного языка были закреплены за украинским в статье 2 закона *О языках в Украинской ССР* от 28 октября 1989 года, действовавшего до принятия закона *Об основах государственной языковой политики* 2012 года, см. об этом в Moser 2013.

грунт, укр. *гендер / гeндeр* – русск. *гендер*), то существовал риск включить в число документов русскоязычный текст и тем самым исказить количественные показатели. Однако полнота статистических данных, которые можно получить при таком методе, явилась тем преимуществом, что перевесила все недостатки.

4.2. *Ход и результаты исследования*

Первым шагом исследования было установление исчерпывающего ряда терминов и терминологических сочетаний, в которых согласно действующему правописанию используется графема Г. В настоящий момент корпус насчитывает 48820 терминов. Из них методом сплошной выборки были извлечены 50, ниже приводится их полный список.

1. Автомобільна дорога ґрунтова
2. Агроекологічне обґрунтування
3. Агрохімічне обстеження ґрунтів
4. Безпосереднє скидання у ґрунтову воду
5. Бонітування ґрунтів
6. Вільний рух ґрунту
7. Гендер
8. Гендерна рівність
9. Гендерно-правова експертиза
10. Ґрунт
11. Ґрунтова вода
12. Ґрунтова маса
13. Ґрунтові води
14. Ґрунтова кірка
15. Ґрунтовий контроль
16. Ґрунтове обстеження
17. Ґрунтовий покрив земельних ділянок
18. Ґрунтові покриття, оброблені в'язкими матеріалами
19. Деградація ґрунтів
20. Добрий стан ґрунтової води
21. Дорога ґрунтова
22. Забруднення ґрунтів
23. Зґвалтування
24. Екологічно обґрунтоване поводження

25. Економічно обґрунтовані витрати
26. Масив ґрунтової води
27. Медико-біологічне обґрунтування терміну придатності до споживання природних лікувальних ресурсів, у тому числі преформованих засобів
28. Містобудівне обґрунтування
29. Науково-біологічне обґрунтування
30. Наявний запас ґрунтової води
31. Невиконання умов зняття, збереження і нанесення родючого шару ґрунту
32. Необґрунтований показ насильства
33. Необґрунтоване попередження
34. Нецільове або необґрунтоване використання коштів
35. Обґрунтована відмова у взаємоз'єднанні
36. Обґрунтоване попередження
37. Обґрунтування тимчасової непрацездатності в разі захворюваності та травми
38. Органічні добрива та покращувачі ґрунту
39. Охорона ґрунтів
40. Пікове прискорення ґрунту
41. Попереднє техніко-економічне обґрунтування національного проекту
42. Родючість ґрунту
43. Охорона ґрунтів
44. Пікове прискорення ґрунту
45. Попереднє техніко-економічне обґрунтування національного проекту
46. Родючість ґрунту
47. Спеціальний дозвіл на зняття та перенесення ґрунтового покриву (родючого шару ґрунту) земельних ділянок
48. Стан ґрунтової води
49. Техніко-економічне обґрунтування
50. Якість ґрунту

Как видно из списка, самым продуктивным является слово, состоящее из корневого морфа *ґрунт*. Оно мотивирует образование ряда однокоренных слов - *ґрунтовий* (русск. 1. *ґрунтовой*; 2. *основной*), *обґрунтувати* (русск. *обосновать*), *обґрунтування* (русск. *обоснование*). *ґрунт* и производные от него содержатся в 46 терминах и терминологических сочетаниях из разных специальных областей – геологии, экологии, экономики, права. В образовании еще трех терминов участвует слово с корневым морфом *ґендер* (русск. *гендер*) и производное от него *ґендерний* (№ 7, 8, 9). От корневого морфа *ґвалт* (русск. *насилие*) образован еще один термин – *зґвалтування* (русск.

изнасилование – № 23). Этот первый промежуточный результат направил дальнейшие шаги исследования – поиск во всем корпусе обоих вариантов написания корневых морфов *грунт* / *грунт*, *гендер* / *гендер* и *гвалт* / *гвалт* – как в составе терминов, так и в однокоренных словах с нетерминологическим значением.

Как и ожидалось, варианты пары *грунт* / *грунт* зарегистрированы в самом значительном числе документов – 4781 и 2066 соответственно. Вариативность в написании *грунт* показана в примерах (1) и (2). В скобках для каждого примера указывается наименование документа, его жанр, дата и номер.

- (1) При заповненні окремих рядків таблиці 2 Звіту для відображення скидів шахтно-кар'єрних вод, що не використовуються, колекторно-дренажних вод, що відводяться з метою зниження рівня *грунтових* вод [...] (*Про затвердження Порядку ведення державного обліку водокористування*, Наказ, 16.03.2015).
- (2) За умовами карантинного обмеження в неблагополучних пунктах забороняється... закопування трупів тварин, які загинули від емфізематозного карбункула, у місцевості з високим рівнем *грунтових* вод. (*Про заходи з профілактики та боротьби з емфізематозним карбункулом*, Інструкція, 10.10.2000 № 47).

Варианти пары *гендер* / *гендер* зустрілись в 89 і 365 документах. Ети варіанти показані в прикладах (3) і (4):

- (3) [...] сприяння забезпеченню *гендерної* рівності оплати праці в усіх сферах економічної діяльності шляхом посилення державного та громадського контролю, поступового введення гендерних квот на державних підприємствах [...] (*Про схвалення Стратегії подолання бідності*, Розпорядження, 16.03.2016 № 161-р).
- (4) Забезпечення *гендерної* рівності є складовою частиною Принципів державного управління, що передбачає здійснення відповідних заходів на всіх етапах реалізації цієї Стратегії. (Деякі питання реформування державного управління України, Розпорядження, 24.06.2016 № 474-р).

Варианти *гвалт* / *гвалт* в корневом морфе терміна *згвалтування* и в личных формах глагола *згвалтувати* – в 46 и 73 документах соответственно. Варианты написания этого термина – *згвалтування* / *згвалтування* – показаны в примерах (5) и (6):

- (5) [...] згвалтування неповнолітньої чи неповнолітнього, малолітньої чи малолітнього або таке, що спричинило особливо тяжкі наслідки [...] (*Про затвердження Інструкції про порядок залучення працівників органів досудового розслідування поліції* [...], Наказ, 03.11.2015, № 1339).
- (6) За таких обставин необхідно визнати, що з боку Ш. мало місце не *згвалтування* неповнолітньої, а замах на цей злочин (*Вчинення замаху на згвалтування* [...], Ухвала, 26.05.1998).

Таблица 1.
Вариативность *грунт*, *гендер* и *гвалт*

ВАРИАНТЫ	<i>грунт</i>	<i>грунт</i>	<i>гендер</i>	<i>гендер</i>	<i>гвалт</i>	<i>гвалт</i>
КОЛ-ВО ДОК-ТОВ	4781	2115	89	361	46	73

Для большего контраста были приведены текстовые фрагменты, содержащие идентичные словоформы. Этим подчеркивается, что орфографическая вариативность никак не зависит от контекста, и нарушение нормы (написание с Г) объясняется, по-видимому, недосмотром составителей и редакторов. Еще более однозначно фактор орфографической инертности выступает в тех случаях, когда оба варианта написания встречаются в пределах одного документа. Примеры (7) и (8) взяты из одного текста и иллюстрируют оба варианта написания термина *грунт*:

- (7) об'єкт регулювання - будь-яка рослина, рослинний продукт, склад, пакувальний матеріал, транспортний засіб, контейнер, *грунт* і будь-який інший організм, об'єкт або матеріал, що може слугувати місцем укриття шкідливих організмів або сприяти їхньому поширенню (*Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Республіки Сербія* [...], Угода, 06.06.2013)
- (8) Упаковка та пакувальні матеріали повинні бути вільними від *грунту* (*Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Республіки Сербія* [...], Угода, 06.06.2013).

Полученные показатели для вариантных пар в документах за период с 1 января 1991 года по 31 декабря 2016 года приводятся в ТАБЛИЦЕ 1.

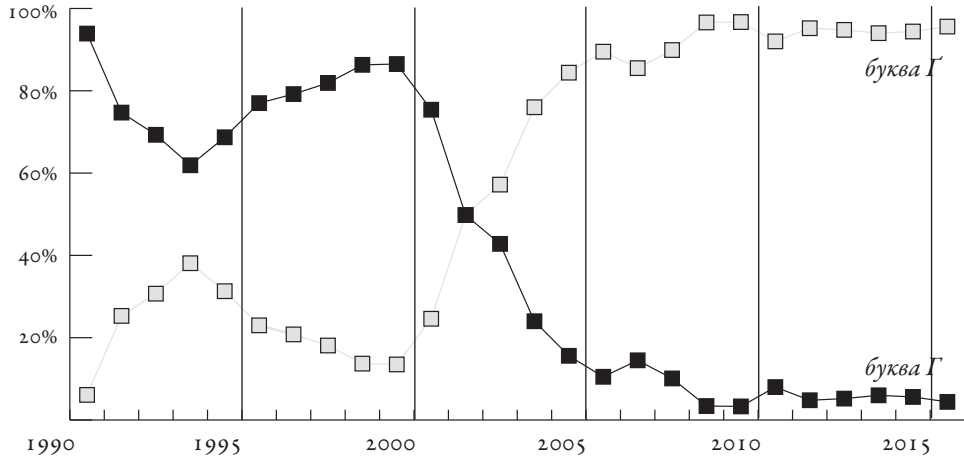
Следующим шагом исследования стало исследование диахронической вариативности для наиболее продуктивного корневого морфа *грунт*. Для того чтобы проследить динамику изменения процентного соотношения вариантов *грунт* и *грунт*, полученные количественные показатели были представлены для каждого года в виде таблицы. Таблица содержит: 1) количество всех законодательных документов, помещенных на сайте, 2) количество документов, в которых используется вариант с Г и его процентное отношение к сумме двух вариантов, 3) количество документов, в которых используется Г и его процентное отношение к сумме двух вариантов, 4) общее количество документов (сумма двух вариантов) и его процентное отношение к количеству всех законодательных документов за этот год. ТАБЛИЦА 2 содержит перечисленные данные для вариантов *грунт* и *грунт*.

Для большей наглядности на основании полученных показателей, взятых в процентном соотношении, был построен ГРАФИК 1. Он четко показывает, что ситуация за прошедшие 25 лет перевернулась: из периферии узуса в 1991 г. (6,1 %) буква

Таблица 2.
Статистические данные вариантов *грунт* и *грунт* за 1991-2016 гг.

ГОД	все документы	написание корня с буквой Г		написание корня с буквой Г		общее количество документов	
		число	процент	число	процент	число	процент
1991	1.910	46	93,9%	3	6,1%	49	2,6%
1992	3.768	74	74,7%	25	25,3%	99	2,6%
1993	4.783	97	69,3%	43	30,7%	140	2,9%
1994	4.783	78	61,9%	48	38,1%	126	2,6%
1995	6.249	90	68,7%	41	31,3%	131	2,1%
1996	7.128	127	77,0%	38	23,0%	165	2,3%
1997	6.727	126	79,2%	33	20,8%	159	2,4%
1998	7.568	127	81,9%	28	18,1%	155	2,0%
1999	9.120	139	86,3%	22	13,7%	161	1,8%
2000	7.302	166	86,5%	26	13,5%	192	2,6%
2001	7.246	190	75,4%	62	24,6%	252	3,5%
2002	8.458	165	50,2%	164	49,8%	329	3,9%
2003	9.206	137	42,8%	183	57,2%	320	3,5%
2004	11.564	126	24,0%	399	76,0%	525	4,5%
2005	11.636	99	15,6%	534	84,4%	633	5,4%
2006	10.336	48	10,5%	407	89,5%	455	4,4%
2007	10.822	95	14,5%	560	85,5%	655	6,1%
2008	9.850	38	10,1%	338	89,9%	376	3,8%
2009	10.360	8	3,4%	227	96,6%	235	2,3%
2010	11.924	9	3,3%	266	96,7%	275	2,3%
2011	9.625	23	8,0%	263	92,0%	286	3,0%
2012	10.262	16	4,8%	316	95,2%	332	3,2%
2013	7.617	12	5,2%	219	94,8%	231	3,0%
2014	10.078	10	6,0%	156	94,0%	166	1,6%
2015	8.173	11	5,6%	185	94,4%	196	2,4%
2016	6.853	9	4,4%	195	95,6%	204	3,0%

График 1.
Динамика вариативности для вариантов *грунт* и *грунт*

Г перешла в абсолютно доминантную позицию (95,6 %). Этот путь не всегда был поступательным в 1990-ые гг. После резкого роста в первой половине, наступил спад во второй половине 1990-ых. Реверс закончился в 2000-ом, и к 2003 г. частотность Г и Г сравнялась. Достигнув 90 %-ной отметки в 2006 г., Г достаточно стабильно доминирует в течение последних десяти лет.

Наконец, для того чтобы составить более полную картину о тенденциях использования буквы, в корпусе был произведен поиск вариантов написания тех терминов, которые согласно действующей норме пишутся с Г, в то время как их написание с Г устанавливалось Харьковским правописанием. Для этого в списке терминов были выбраны четыре продуктивных заимствования, в написании которых действующая норма и Харьковское правописание расходятся. В качестве таких *convenience sample* рассматриваются *міграція*, *агресія*, *агітація*, *агентство* и однокоренные (ср. их написание в Голоскевич 1929 и Мазніченко и др. 2015, а также СУМ-11). Вне корпуса написание *міграція* и *агресія* (в соответствии с нормами Харьковского правописания) встречается в текстах разных жанров регулярно, что иллюстрируется в примерах (9) и (10):

- (9) Перевірено також відомості останньої праці, що підсумовує набутки *еміграції*, – це фундаментальне п'ятитомове видання *The Encyclopedia of Ukraine* (I-V), що вийшло в Торонто (Білокінь 2010).
- (10) Нагота, голе тіло – надзвичайно потужний художній прийом у сценічному мистецтві. Багато хто з ним просто бавиться. Але дедалі частіше він сигналізує про рівень *агресії* у суспільстві, вимагає говорити про це без будь-яких застережень,

прикрас, з усією можливою відповідальністю перед земним призначенням людини (Кужельний 2016).

Однако в нашем корпусе, как показала проверка, эта тенденция к расширению сферы использования буквы не нашла подтверждения. Как и следовало ожидать, для этого и подобных случаев здесь соблюдается действующая норма: вариант написания с Г (термин *міграція* и однокоренные с ним) встретился в 2025 документах, а вариант написания с Г (*мігрант*) зафиксирован только в одном документе – переводе Договора об основании ЕС, в редакции 2005 г. Два варианта написания представлены примерами (11) и (12):

- (11) *міграція* або сезонний переліт птахів - регулярне щорічне переміщення або переселення птахів на відносно великі відстані [...] (*Про затвердження Правил [...]*, Наказ, 15.09.2016 № 478)
- (12) [...] належить ухвалювати заходи, потрібні, щоб втілити в життя свободу пересування працівників, через введення системи, що забезпечує працівникам-*мігрантам*, які працюють за наймом чи самостійно [...] (*Договір про заснування Європейської Спільноти*, Договір, 25.03.1957, ред. 01.01.2005)

Подобная ситуация наблюдается и для написания термина *агресія* и его дериватов. Так, в корпусе зафиксировано более 500 документов с нормативным написанием *агресія*, как в примере (13):

- (13) [...] відсутність належної реакції на порушення *агресорами* норм міжнародного права, а також політика поступок захопили комуністичний і нацистський режими до агресії, а в результаті - до розподілу Європи [...] (*Про декларацію пам'яті [...]*, Постанова, 20.10.2016)

Написание с Г встретилось только в одном документе, также переводном. Его фрагмент приведен в примере (14):

- (14) За словами пані Окстад, під час розмови за реалістичних умов [L.] розповідала про “домагання, лапання, погрози та *агресію* з боку [заявника]”. (*Справа “О. Проти Норвегії”*, Рішення Ради Європи, 11.02.2003)

Что касается термина *агентство*, то написание с Г, то есть в соответствии с действующей нормой, встретилось более чем в 5000 документах, а вариант с Г, соответствующий Харьковскому правописанию, зафиксирован в 3 документах. Примеры (15) и (16) показывают оба варианта в контексте:

- (15) *Агентство* — юридична особа, яка здійснює продаж авіаційних перевезень за дорученням авіаперевізника або Генерального агента. (*Про затвердження Положення про сертифікацію [...]*, Наказ, 27.12.1999)

- (16) Національне *агентство* з питань розвитку та європейської інтеграції [...] (*Про орієнтований план проведення засідань* [...], Постанова, 25.12.1998, № 2060)

Наконець, термин *агітація* виступив в корпусі виключно в нормативному написанні, а саме – в 1271 документах, його ілюструє приклад (17):

- (17) Агітація референдуму - це здійснення будь-якої діяльності, яка спонукає учасників всеукраїнського референдуму голосувати [...] (*Про український референдум*, Закон, 06.11.2012, № 5475-VI)

Ничтожно малі значення для варіантів *міграція*, *агресія*, *агентство* і нульовий показувач для варіанта *агітація* показують, що в мові законодавства тенденція до розширювального використання букви в відповідності з Харківським правописом не має місця.

5. *Заключення*

Основним результатом проведеного дослідження є те, що повернення букви *Г*, деклароване 25 років тому назад, сьогодні можна вважати фактом навіть в такій жорстко русифікованій в радянський період сфері як тексти законодавства. Диференційовані статистичні дані говорять про те, що більш послідовно нова офіційна норма застосовується для високочастотних термінів (*грунт* і *однокоренні*). Синхронічна варіативність обумовлена, скоріше, соціолінгвістичними факторами: вона не залежить від лінгвістичного контексту, а використання конкуруючого варіанта з *Г* в тому ж документі говорить про високу орфографічну інертність. Дослідження діахронічної варіативності показало, що в цілому ревіталізація букви *Г* проходила успішно. Разом з тим потрібно відзначити, що вона носила не рівномірний, а скачкообразний, місцями – реверсивний характер. В майбутньому було б цікаво дослідити причини стійкого реверсу кінця 1990-х рр. і інші зони варіативності в правописі. Що стосується норм Харківського правопису 1928, то вони не знаходять застосування в мові законодавства, однак не можна виключати, що саме їх застосування в інших сферах комунікації, рівно як і широка дискусія про правопис в науковому середовищі і ЗМІ, сенсибілізували громадське міння і в цілому сприяли відновленню української орфографічної традиції.

Враховуючи, що Україні ще доведеться вирішувати завдання консолідації і стабілізації правопису, хотілось би нагадати про досвід орфографічної кодифікації в Німеччині. Коли в 1901 році (через 30 років після заснування єдиного німецького суду) було офіційно кодифіковано єдине правописання, в орфографічному узусі там спостерігалася не менш складна ситуація, ніж в Україні на початку цього тисячоліття. До кінця минулого століття дослідження правописної практики

Германии констатували уже очень незначительный уровень вариативности: “Die geringe Variabilität bzw. Varianz der graphischen Norm, also der Rechtschreibung, steht auch mit dem hohen Grad ihrer gesellschaftlichen Verbindlichkeit im Zusammenhang” (Lasselsberger 2000: 16). Высокой степени соціальної обов’язковості – це те, чого, як здається, не хватає українському правопису сьогодні. В тому числі, в використанні повернутої букви.

Сокращення

- СУМ-11: *Словник української мови в 11 томах*, Київ 1970-1980, ср. <<http://sum.in.ua/>> (15.05.2017).
- УП93: *Український правопис*, Київ 1993.
- УП99: *Український правопис (проект найновішої редакції)*, Київ 1999.

Литература

- Альберда 2014: Т. Альберда, *Труднощі правопису. Част. 1, 2, 3*, “Я-Корреспондент”, 2014, 14/09, 20/09, 22/09, <<http://blogs.korrespondent.net>> (15.05.2017).
- Антоненко-Давидович 1969: Б.Д. Антоненко-Давидович, *Літера, за якою тужать*, “Літературна Україна”, IV, 1969, с. 11.
- Білокінь 2010: С. Білокінь, *Доля членів Центральної Ради в СРСР*, “Українська правда”, XVII, 2010, 10, <<http://istpravda.com.ua/research/2010/10/17/601>> (15.05.2017).
- Бурячок 2002: А.А. Бурячок, *Орфографічний словник української мови*, Київ 2002⁺.
- Вихованець 2004: І. Вихованець, *Ненаукові пристрасті навколо українського правопису*, “Українська мова”, 2004, 2, с. 3-25.
- Головащук *и др.* 1994: С.І. Головащук *и др.* (уклад.), *Орфографічний словник української мови*, Київ 1994.
- Головащук 2001: С.І. Головащук, *Про деякі пункти найновішого “проекту” українського правопису*, “Літературна Україна”, XVIII, 2001, 2, с. 4.
- Голоскевич 1929: Г. Голоскевич, *Правописний словник (за нормами Українського Правопису Всеукраїнської Академії Наук)*, Харків 1929, ср. <<http://r2u.org.ua/data/Правописний%словник%20%281929%29.pdf>> (15.05.2017).
- Григор’єва 2013: О. Григор’єва, *Чим більшовицькій системі не догодила літера Г*, “Дзеркало тижня. Україна”, 2013, 3, <<http://gazeta.dt.ua/CULTURE/chim-bilshovickiy-sistemi-ne-dogodila-litera-g.html>> (15.05.2017).

- Грицак 1995: П. Грицак, *Деякі проблеми української букви "ґ"*, "Нові дні", 1995, 5, с. 6-7.
- Закревська 1995: Я. Закревська, *Олекса Горбач. Життєписно-бібліографічний нарис*, Львів 1995.
- Кужельний 2016: О. Кужельний, *Агресія наготи*, "Критика", 2016, 11, <<https://krytyka.com/ua/articles/agresiya-nahoty>> (15.05.2017).
- Купчинський 1996: О. Купчинський (ред.), *Український правопис і наукова термінологія: історія, концепції та реалії сьогодення. Матеріали засідань мовознавчої комісії та Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1994-1995 років*, Львів 1996 (= Праці сесій, конференцій, симпозіумів, круглих столів НТШ. Філологічна секція, 7).
- Купчинський 1997: О. Купчинський (ред.), *Український правопис і наукова термінологія: проблеми норми і сучасність. Матеріали засідань мовознавчої комісії та Комісії всесвітньої літератури НТШ у Львові 1996-1997 років*, Львів 1997 (= Праці сесій, конференцій, симпозіумів, круглих столів НТШ. Наукове товариство ім. Шевченка у Львові. Філологічна секція, 9).
- Мазніченко *и др.* 2015: Є.І. Мазніченко, Н.М. Максименко, О.В. Осадча, *Український правопис*, Київ 2015.
- Маргалик 2005: В. Маргалик, *Відображення правописних проблем у мовленні українських тележурналістів*, в: Н. Шумарова (ред.), *Стиль і текст: науковий збірник*, VI, Київ 2005, с. 180-185.
- Масенко *и др.* 2005: Л. Масенко *и др.* (упоряд.), *Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду: документи і матеріали*, Київ, 2005.
- Німчук 2001: В.В. Німчук, *Сучасні проблеми українського правопису*, "Літературна Україна", XI, 2001, 1, с. 4-10.
- Німчук 2002: В.В. Німчук, *Проблеми українського правопису ХХ-початку ХХІ ст.*, Київ 2002.
- Німчук 2012: В.В. Німчук, *Про сучасну українську тлумачну лексикографію*, "Українська мова", 2012, 3, с. 3-30.
- Огієнко 2001: І. Огієнко, *Історія української літературної мови*, Київ 2001, (Вінніпег 1949'), ср. <<http://litopys.org.ua/ohukr/ohuzo.htm>> (15.05.2017).
- Паночко 1993: М. Паночко, *Довідник слів із літерою г*, Київ 1993.
- Пономарів 1997: О. Пономарів, *Фонемі Г та Ґ. Словник і коментар*, <<http://ukrlife.org/main/prosvita/1p0.htm>> (15.05.2017).
- Пономарів 2002: О. Пономарів, *Український правопис у запитаннях і відповідях*, "Українська мова", 2002, 4, с. 107-114.
- Русанівський 1969: В.М. Русанівський, *За чим тужити?*, "Літературна Україна", XXVIII, 1969, 11.

- Русанівський 2002а: В.М. Русанівський, *Стосунок “проекту” до реального українського правопису*, “Мовознавство”, 2002, 6, с. 92-98.
- Русанівський 2002б: В.М. Русанівський (гол. ред. кол.), *Мовна ситуація в Україні та дискусії навколо українського правопису: збірник матеріалів семінару Київського проекту Ін-ту Кеннана, 28 листопада 2002 р.*, Київ 2002.
- Сіренко, Кузишин 2009: Г.О. Сіренко, О.В. Кузишин, *Історія вживання літери [r] в українській науковій термінології*, Івано-Франківськ 2009, с. 95-101 (= Вісник Прикарпатського національного університету імені Василя Стефаника. Серія Хімія, 7).
- Синявський 1931: О. Синявський, *Коротка історія “Українського правопису”*, в: *Культура українського слова*, I, Харків 1931, с. 93-112.
- Синявський 1941: О. Синявський, *Норми української літературної мови*, Львів 1941.
- Фаріон 2004: І. Фаріон, *Правопис – корсет мови? Український правопис як культурно-політичний вибір*, Львів 2004.
- Харченко 2004: К. Харченко, *Правописний fin de siècle: галуження як діагноз*, “Дзеркало тижня”, 2004, 4, <https://gazeta.dt.ua/CULTURE/pravopisniy_fin_de_siecle_galuzhennya_yak_diagnoz.html> 15.05.2017).
- Чепурко 2014: К. Чепурко, *Відхилення від норм української літературної мови при передачі літери Г у словах іншомовного походження (на матеріалі сучасних українських газет)*, в: І.С. Попова (за ред.), *Дослідження з лексикології і граматики української мови. Збірник наукових праць*, XV, Дніпропетровськ 2014, с. 162-170.
- Berger 2014: K. Berger, *Untersuchungen zur Kodifizierung des Ukrainischen: Rechtschreibreformen und ihre Umsetzung in Galizien zwischen 1919 und 1938*, Wien-Berlin-Münster 2014 (= Slavische Sprachgeschichte, 8)
- Berruto 2007: G. Berruto, *Fondamenti di sociolinguistica*, Roma-Bari 2007.
- Bulli 2007: E. Bulli, *La situazione linguistica in Ucraina tra passato, presente e futuro. I risultati di una ricerca sociolinguistica*, “Quaderni del Dipartimento di Linguistica – Università di Firenze”, XVII, 2007, pp. 13-32.
- Besters-Dilger 2003: J. Besters-Dilger (Hrsg.), *Die Ukraine in Europa. Aktuelle Lage, Hintergründe und Perspektiven*, unter Mitarbeit von Irma Oswald, Wien 2003.
- Flier u др. 2017: M.S. Flier, A.Graziosi, L.A. Hajda (eds.), *The Battle for Ukrainian*, Harvard 2017.
- Goletiani 2015: L. Goletiani, *Zur Übersetzung deontischer Modalmarker ins Ukrainische: eine korpusgestützte Untersuchung anhand des Korpus von den EU-Richtlinien*, “Zeitschrift für Slawistik”, LX, 2015, 2, pp. 269-293.

- Goletiani 2016: L. Goletiani, *Deontic Modality in Legal Ukrainian: Focus on the Synthetic Future of Imperfective Verbs*, in G.E. Garzone, D. Heaney, G. Riboni (eds.), *Language for Specific Purposes: Research and Translation across Cultures and Media*, Cambridge 2016, pp. 275-300.
- Gries 2008: S.T. Gries, *Statistik für Sprachwissenschaftler*, Göttingen 2008.
- Lasselsberger 2000: A.M. Lasselsberger, *Die Kodifizierung der Orthographie im Rechtschreibwörterbuch*, Tübingen 2000.
- Moser 2013: M. Moser, *Language Policy and Discourse on Languages in Ukraine under President Viktor Yanukovych*, Stuttgart 2013.
- Nerius 1989: D. Nerius, *Deutsche Orthographie*, Leipzig 1989.
- Oswald 2003: I. Oswald, *Der ukrainisch-russische Sprachkontakt*, in: J. Besters-Dilger (Hrsg.), *Die Ukraine in Europa. Aktuelle Lage, Hintergründe und Perspektiven*, unter Mitarbeit von Irma Oswald, Wien 2003, pp. 309-336.
- Shevelov 1989: G.Y. Shevelov, *The Ukrainian Language in the First Half of the Twentieth Century (1900-1941). Its States and Status*, Cambridge (MA) 1989.
- Yekelchyk 2015: S. Yekelchyk, *The Early 1960s as a Cultural Space: a Microhistory of Ukraine's Generation of Cultural Rebels*, "Nationalities Papers", XLIII, 2015, 1, c. 45-62.

Abstract

Liana Goletiani

The Letter that was Missing. On the Return of the Letter І to the Ukrainian Legal Language

This paper is about the orthographic variability of the Ukrainian contemporary legal language. The focus will be on the usage of the letter "І" (ge with upturn). During the Soviet age this letter was codified in the orthographic norm of Charkiv (1928) but in 1933 it was taken out of the Ukrainian alphabet because of the Soviet Russification policy. It fell out of usage for decades, but was reintroduced on the eve of Ukrainian independence in 1990. This study was carried out on a corpus of Ukrainian legal documents from the last 25 years. Regardless of varying results for discrete words, the figures show unequivocally that the letter has returned to active linguistic usage.

Keywords

Legal Ukrainian; Orthographic Variability; Language Policy in the Soviet Union.

Roman Horbyk
Olena Palko

Righting the Writing. The Power Dynamic of Soviet Ukraine Language Policies and Reforms in the 1920s-1930s

The historical and current situations of the Ukrainian language offer perhaps an especially graphic illustration of Jacques Derrida's well known paradox: "We only ever speak one language... (yes, but) We never speak only one language..." (Derrida 1996: 10). The current existence of minimum four varieties of standard Ukrainian (Danylenko 2015: 242) has deep roots in the history of political divisions and extensive language contact. As posited by George Ševel'ov (1996) and increasingly established in contemporary studies, "standard Ukrainian is a pluricentric language which, contrary to its exclusively 'Kyjiv-Poltava' foundational myth, has undergone both centripetal and centrifugal codification" (Danylenko 2015: 243). From the perspective of political centralisation, this has always been perceived as a deficiency, lamented by Ahatanhel Kryms'kyj (1927: 342): "As we regretfully know from everyday experience, there are still two literary Ukrainian languages".

This deficiency was precisely what the Orthographic Commission of the Ukrainian People's Commissariat for Education (Narkompros), created in 1925, and the First All-Ukrainian Orthographic Conference, summoned in Charkiv in 1927, sought to eliminate. It led consequently to the first comprehensive spelling reform that codified a single literary standard Ukrainian based on two extant literary standards, the Western-Ukrainian and the Eastern-Ukrainian. This article aims to consider broader social implications of the linguistic policy fluctuations in Soviet Ukraine during the 1920s-1930s. Departing from Derrida's grammatological critique of the modern preoccupations with spoken language, which predicates writing as both secondary and a threat, able to distort the 'pure' language; and on Pierre Bourdieu's theory of fields and symbolic power of language, this study purports to show how writing and language standardisation became a central focal point of linguistic contestation in Soviet Ukraine.

The role of the Soviet authorities in creating a standardised Ukrainian language in the late 1920s is in the centre of this discussion. The publication of the 'Charkiv orthography' is regarded a pinnacle of the *korenizacija* policy, the preferential nationalities policy launched in 1923 Union-wide. Nevertheless, as the article shows, the role of the Soviet orthographic projects is somewhat overestimated with regards to practical application: the core of the writing system was codified, stabilised and even implemented by 1920. Hence, the Soviet orthographies were aptly used as a tool in the on-going power-struggle between central (Moscow) and local (Charkiv) political actors. The fate of the 'Charkiv orthogra-

phy', invalidated by Soviet authorities following its 1933 condemnation as 'bourgeois nationalist', extrapolates Soviet Ukraine's overall power dynamic at the turn of the decade, when, despite previous relative political pluralism, any attempts to emphasise a separate trajectory of the Ukrainian political and cultural development from the Russian one came to be deemed anti-Soviet, as the one rejecting the slogans of the "united family of Soviet peoples", "fraternal friendship" or "proletarian internationalism". In comparison with the 1920s, the 1930s represent a break with the attempts to establish a single Ukrainian literary standard autonomous of the Russian, introducing Russification of Ukrainophones and the policy of 'rapprochement of languages' that altered the very structure of Ukrainian targeting its characteristic features and seeking to obliterate its difference with Russian. Needless to say, all of the above was brought about by coercive mechanisms that included arrests, imprisonments, and executions.

Dwelling on Vakulenko (2009) who sees the 1929 standard as a two-directional process, towards both logical reordering of orthography according to the language's underlying principles and autonomising the language by reorienting it towards direct borrowings rather than those via Russian, we argue that this linguistic motivation – the marriage of Ferdinand de Saussure and Mykola Chvyly'ovyj, that is, of structural linguistics and national liberation – was inscribed into the knowledge / power paradigm. Within this paradigm, the motivations of finalising the distinctiveness of Ukrainian linguistic community amalgamated with the party-driven objectives of social homogenisation as well as gaining influence on West Ukrainians (the project that Education Commissar Mykola Skrypnyk personally cherished). Thus, different groups taking part in this process used a variety of techniques (such as 'the First Congress' or 'protection from writing' argumentation) to assert its power of performative utterance. From the perspective of field theory, it represented a merger of the political field and an academic field, while a Derridean interpretation suggests a complex dynamic of modernisation / demodernisation that unfolded in 1928-1933 around Ukrainian orthography.

1. *Theoretical Framework 'Linguistic Market' and 'Protecting Language from Writing'*

Pierre Bourdieu conceptualised the social formation of language through the concept of linguistic community as a "product of political domination" that forms and is formed by its own "linguistic market" (Bourdieu 2012: 46). Sociologically speaking, he accepted the distinction between purely linguistic acts and "performative utterances" (Bourdieu 2012: 74) that constitute a social act in itself and are invested with symbolic power to carry legal consequences (as in a swearing in or a naming of a ship). However, he also insisted that eventually many non-performative acts, including the ones that explicitly define a linguistic community (especially if it is contested) possess this symbolic power effect. Establishing a codified prescribed standard of written language falls within this category; moreover, this act of making / unmaking a community blends together power and knowledge in a way fundamental for the French sociologist:

Specifically political action is possible because agents, who are part of the social world, have a (more or less adequate) knowledge of this world and because one can act on the social world by acting on their knowledge of this world. This action aims to produce and impose representations (mental, verbal, visual or theatrical) of the social world which may be capable of acting on this world by acting on agents' representation of it. Or, more precisely, it aims to make or unmake groups – and, by the same token, the collective actions they can undertake to transform the social world in accordance with their interests – by producing, reproducing or destroying the representations that make groups visible for themselves and for others (Bourdieu 2012: 127).

The primacy of the written language is of special importance for the present discussion. As Joseph Vachek (1989) demonstrated from a functional linguistics perspective, the written language is functionally autonomous from the spoken language. More broadly and with further reaching implications, Jacques Derrida (1967: 29-30) criticised the modern linguistics preoccupation with phoneme and consideration of writing as a derivative endowed with the function to represent the somehow more fundamental, originary spoken word. In this, the founding father of structural linguistics Ferdinand de Saussure who conceptualised the spoken word as the sole object of linguistics continued the tradition that began with Aristotle's definition of spoken words as symbols of mental experience and written words as symbols of spoken words, thus secondary of the former.

Writing would thus have the exteriority that one attributes to utensils; to what is even an imperfect tool and a dangerous, almost maleficent, technique [...]. It is less a question of outlining than of protecting, and even of restoring the internal system of the language in the purity of its concept against the gravest, most perfidious, most permanent contamination which has not ceased to menace, even to corrupt that system (Derrida 1967: 34).

The aporia here resides in the supposedly independent status of the spoken language, whereby writing is its representational derivative that somehow manages to “usurp” (Saussure's terminology) the main role and is thus seen as a treacherous, malleable, dangerous thing to protect the pure language from. As the article will demonstrate, the cornerstone of the language debates in the 1920s was the question of how to best protect the Ukrainian language from its writing. The 1920s debate remained largely within the confines of Western modernity, with linguists advocating for ‘distancing the writing from Russian’ in a characteristic modernist move towards autonomy and structure-building while the authorities' eventual demand to ‘push it back towards Russian’ represented an essentially de-modernising manoeuvre.

2. *Writing Makes the Language: The Ukrainian Graphical Way from Abstand to Ausbau*

The centrality of writing was not the invention of the twentieth century but a more generic modern phenomenon. Creating a new standard language involved primarily creating a written language. It is no wonder that both intra-Ukrainian language feuds, such as

azbučni vijny ('alphabet wars' of 1834-36 and 1859 in Galicia around the use of Latin graphics based on Polish or Czech traditions for Ukrainian writing) or Ivan Nečuj-Levyc'kyj's and Borys Hrinčenko's crusade against Galician elements in literary Ukrainian, and the imperial persecutions, such as the Valuev circular or the Ems decree, concerned exclusively the written language, while there is virtually nothing in the major language controversies on the spoken vernacular that existed in the form of *Abstand* language (Klos 1967) and was, as it seems, almost of no interest to the parties involved.

As Remy (2005: 189) argued, "from the 1820s onward, the orthographic discussion was dictated and motivated mainly by the political orientations of the participants". Applying Einar Haugen's four-part model of language planning, Yavorska (2010: 165-166) suggested the following periodisation for the Ukrainian language:

1. norm selection (1790s-1840s);
2. codification (1840s-1910s);
3. implementation (1920s-1940s);
4. elaboration (1950s-ongoing).

While not without grounds in sociolinguistic processes, such clear-cut scheme is still problematic, especially given the concurrent development of the stages. In the absence of a single power centre, making the *Abstand* language into an *Ausbau* language by writing was a chaotic process. Between 1798 and 1905, there were nearly fifty different graphisations of the Ukrainian (Ohijenko 1990: 15-22). However, not all systems were equally developed and widely used. When the New Standard Ukrainian (NSU) was first put into use by Ivan Nekraševyč and Ivan Kotljarevs'kyj in the 1780s-1790s, its orthography was implicitly formulated under influence of the Church Slavonic orthography of the Meletian recension and *prostaja mova* (cfr. Kryms'kyj 1929: 178-179). The etymological orthography oriented towards ensuring accessibility by Great Russians was further developed by Mychajlo Maksymovyč in his diacritic system while the educational spread of the Great Russian pronunciation rules stimulated writers interested in accessing a broad Ukrainian public to use the Russian graphic in *jaryžka* favoured by the Russian imperial government (Kryms'kyj 1929: 180-181). Since 1853, Pantelejmon Kuliš boldly compiled a number of earlier dispersed innovations in the so-called *kulišivka* (dropping *ѣ*, and introducing *ε* and *i* borrowed from Oleksij Pavlovs'kyj's 1818 graphisation). His two-volume collection *Zapiski o Južnoj Rusi* ('Notes on Southern Rus'), 1856-1857, and *Hramatka* (an ABC) for Ukrainian Sunday Schools, 1857, became one of the first examples of books printed in this new phonetic orthography. Later on, it was also used for Taras Ševčenko's *Kobzar* (1860) and the first Ukrainian monthly in the Russian Empire, *Osnova*, published in St Petersburg in 1861-1862.

¹ It seems that he has to be considered among creators of the new idiom alongside Kotljarevs'kyj (see Danylenko 2008: 103).

Kuliš's phonetic orthography, although a milestone in the Ukrainian cultural development, did not become standard for the Ukrainian literary language. The 1860s, despite initial hopes for democratisation of the Russian autocracy², witnessed further repressions in response to numerous student unrests and revolutionary activities, intensified Polish separatist and Ukrainophiles movements. On 30 July 1863, a tsarist minister of Internal Affairs Petr Valuev issued a so-called Valuev Circular, a secret instruction, placing limits on Ukrainian-language publications, stating "no separate Little Russian language ever existed, does not exist, and could not exist"³. The Circular banned publication of religious and educational books in Ukrainian, limiting its usage primarily to belles-lettres. Consequently, the Ems Decree from 1876 further restricted the use of the Ukrainian language, now banning the publication of all Ukrainian books and their import from abroad. These restrictions remained in force until the first Russian Revolution of 1905 (Remy 2007; Miller 2000; Saunders 1995; Weeks 1996).

In the meantime, all the Ukrainian-language publications and journalist activities were moved abroad, especially to Austrian Galicia. Western Ukraine saw the combination of etymological orthography and gradual adoption of *kulišivka*; for a time, a Latin graphisation by Oleksandr Lozyns'kyj was in governmental use (Čornovol 2001). Mychajlo Drahomanov came up with his original system that, however, did not take hold. Eventually, the 1885 development of *kulišivka* by Jevhen Želechivs'kyj – *želechivka* with a broad use of *i* and other peculiarities – became the official orthography used in Austrian Ukraine since 1893. The modification of *želechivka* by Borys Hrinčenko used in his fundamental *Dictionary of the Ukrainian Language* (published 1907-1909) marked the final stage of the orthographic codification: with its no separation of *-cs*, no *i* after palatalised consonants, use of apostrophe, the orthography of the core vocabulary was finally stabilised. Hence, the tenet of Rowenczuk (1992) that placed the peak of standardisation process between 1909 and 1929 appears only partially true.

Nonetheless, the above-mentioned graphisation endeavours for the Ukrainian language had limited ramifications and did not evolve into a standardised orthography for the Ukrainian language approved and used on the entire territory of Ukraine. The main reasons for the failure of the above-discussed language reforms were, of course, a lack of governmental interest in standardising the written language and a non-existent school system (cfr. Bourdieu 1992: 48)⁴. Not surprisingly, language reforms were given new impetus by the February revolution of 1917, which initiated different projects of national state-building on Ukraine's territory. The language question entered the agenda of both the Ukrainian People's Republic (*Ukrajins'ka Narodna Respublika*, UNR), formed on 20 November

² On reforms and democratisation attempts in late imperial Russia see: Pipes 1970, Rogger 1983, Waldron 2007.

³ The translation of the Valuev Circular can be found in Magocsi (2010: 393-94)

⁴ The importance and the political use of schooling for language standardisation in the Soviet Union in the 1920s was discussed in, Pauly 2014; Smith 1998; Ewing 2006; Holmes 1991.

1917 and proclaimed independent on 22 January 1918, and the Soviet Republic in Ukraine, which existed under various names from December 1917⁵.

The UNR leaders devoted much attention to de-Russification of all spheres of public life, aimed at accelerated development of national identity and national culture. Already on 22 April 1917, a national legislative authority, *Central'na Rada* (Central Rada), declared its course on the sweeping Ukrainization of the republic, yet focusing mainly on the army and schooling (DZZ: 69-71; Ševčenko 2013). These daring endeavours, however, required standardising the Ukrainian language first. Thus, in 1917, an orthographic commission chaired by Ivan Ohijenko, a well-known Ukrainian academic and future UNR Minister for Education was formed. The Commission was tasked with developing the *Major Rules* (*Holovniši pravyla*) of Ukrainian language, officially endorsed in April 1918.

Nevertheless, due to the instability of the civil war years, the implementation of these reforms was postponed until later. The project finally was published in January 1919 and developed into the *Most Essential Rules* (*Najholovniši pravyla*). With some corrections, it was approved by the Ukrainian Academy of Sciences (VUAN) in April 1919. This codification was confirmed by the Soviet authorities in 1920 (Nimčuk 1999: 250-251). In 1921, the developed version of Ohijenko's rules was adopted by the Lviv Ševčenko Scientific Society (with modifications such as non-use of apostrophe, broader use of *r* and *nb* in loan words – cfr. Simovyč, Rudnyc'kyj 1949). With these developments, Ukrainian for the first time received an orthography that was officially implemented by state authorities and accepted in both major literary traditions (Dnieper and Western Ukraine), despite a number of disagreements retained in practice. As such, the *Most Essential Rules* constitute the first empowered orthography forming the basis for all further Ukrainian writing projects. From this vantage point, the emphasis on the 1929 project in the current historiography and lack of interest to the 1917-1921 language reforms seems disproportionate at best (even though it can be explained by the superficial and haphazard level of codification in the earlier attempts as compared to the elaborate Charkiv rules). This interpretation sets the stage for a new perspective on the 1929 orthography.

3. *Language and Power: Different Views on Soviet Ukraine*

Undeniably, the intensity of the language debates during the 1920s was enabled by the relative political pluralism in Soviet Ukraine in the wake of the revolution and the civil wars. Similarly, the fate of the Ukrainian orthography in the 1930s extrapolates the radical shift in the balance of political powers between the all-Union centre (Moscow) and the peripheries (in our case, Charkiv). To understand the trajectory of language, and more

⁵ The name of the Soviet Republic in Ukraine changed from Ukrainian People's Republic of Soviets (adopted by the First All-Ukrainian Congress of Soviets in December 1917), Ukrainian Soviet Republic, proclaimed on 19 March 1918 and Ukrainian Socialist Soviet Republic, declared on 10 March 1919.

broadly, cultural reforms in Soviet Ukraine, it is necessary to provide an overview of the political negotiations between different actors within the Soviet camp in Ukraine.

The Soviet regime in Ukraine was only established in 1921, when the Bolsheviks succeeded in occupying its entire territory⁶. And yet, this victory presented the Bolshevik leadership with a number of challenges. One of the most vital tasks was the need to neutralise numerous political and ideological opponents, who claimed their right to represent the Ukraine's toiling masses, composed of the republic's proletariat and the peasantry, and sought an independent communist Ukraine. The ideological heterogeneity of the communist camp in Ukraine was observed by Moisej Ravič-Čerkasskij, the first historian of the КР(б)У [Communist Party of Bolsheviks of Ukraine, *Komunistyčna Partija Bilšovyktiv Ukraïny*], who suggested that the history of the КР(б)У was "a sum of two histories: that of the Ukrainian proletariat and that of the Russian proletariat in Ukraine" (Ravič-Čerkasskij 1923: 5).

Accordingly, there were two distinct ideological roots in the КР(б)У, one extending from the Russian Revolutionary movement and another from the Ukrainian socialist movement. The first camp was represented by former ideologists and members of the Russian Social-Democratic Workers Party (Bolsheviks) (РСДРП(б), the Mensheviks, and Russian Socialist revolutionaries (SRS) in Ukraine, who after their merger with the Bolshevik party contributed to a pan-imperial horizon, with clear orientation towards an all-Russian political space and support to the idea of unchanged political borders and, as before, a centralist government. Consequently, they contributed to strengthening a centralised vision of the Soviet Union and a single Communist party leadership. Conversely, the descendants from the Ukrainian Social-Democratic Working Party (УСДРП) and the Ukrainian SRS (УПСР) after their merger with the КР(б)У in 1920 continuously asserted a separatist orientation, advocating Ukraine's broadest autonomy in political, economic and cultural matters. This Ukrainian wing in the КР(б)У, also known as Ukrainian national communism, focused on the rebirth of the Ukrainian nation within its ethnic boundaries, defending the idea of a self-standing Communist party and a loose federation with other Soviet republics (Velychenko 2015; Palko 2014; Mace 1983; Majstrenko 1954).

The two different political horizons, developed during the 1920s parallel to each other within the institutional framework of the КР(б)У, contributed to the on-going debates about the sovereignty of Soviet Ukraine, the status of its Communist party, as well as the implementation of all-Soviet policies within the republic's borders, especially the nationalities policy of *korenizacija*. *Korenizacija* (literally, 'rootenisation' or 'indigenisation') was adopted at the Twelfth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks) (РКП(б))⁷, held in April 1923. As defined, the new Soviet nationalities policy was meant to fight both "Great-Russian chauvinism" and any manifestations of local nationalism (Stalin 1953: 269-

⁶ On the Ukrainian-Soviet War see: Udovyčenko 1995; Mirčuk 1957; Kul'čyc'kyj 1996; Mazepa 1934; Borys 1960; Adams 1963.

⁷ The name was changed to *ВКП(б)* - the All-Russian Communist Party of Bolsheviks in 1925, and finally the КРСС, The Communist Party of the Soviet Union, until 1991.

81) by “systematically promoting the national consciousness of its ethnic minorities and establishing for them many of the characteristic institutional forms of the nation-state” (Martin 2001: 1). At the same time, encouraging ethnic diversity (or ethnic particularism) was seen as a tool in the Bolshevik grand “modernisation campaign” (Hirsch 2005).

The 1923 RKP(b) Resolution on *korenizacija* was followed by similar decrees passed by the Central Committee (ЦК) of the КР(б)У. Ukraine-minded communists, however, quickly took charge over the implementation of this all-Soviet policy in the republic, redefining its rationale and scope. For the Ukrainian communists, *korenizacija* predominantly meant *Ukrajinizacija*, the continuation of the pre-revolutionary initiative of an accelerated nation-building, executed by the national governments in 1917-1919. Not surprisingly, the two chief Ukrainisers of the 1920s, the People’s Commissars for Education Oleksandr Šums’kyj (in office 1924-1927) and Mykola Skrypnyk (1927-1933) were the main representatives of the Ukrainian horizon, the Ukrainian national communist group in the КР(б)У, and continuously defended its separate status within the Soviet Union. Consequently, the ideological heterogeneity of the Communist party in Ukraine, as the paper argues, created preconditions for a fully-fledged cultural development of Soviet Ukraine in the 1920s, marked by a unique period of cultural flowering in Ukraine.

Worth mentioning, however, is that the vision of the Soviet Ukrainisers differed significantly from the previous attempts to de-Russify the republic, executed by the UNR and a short-lived Hetmanate (*Het’manat*, or the Ukrainian State), that existed with a significant German support in April-December 1918 (Ševčenko 2013; Hunczak 1977). The difference was mainly ideological. Unlike their predecessors, the promoters of Soviet *Ukrajinizacija* dreamed of a self-standing Soviet Ukraine, where both national and social questions would be successfully resolved. At the same time, this separatist *Ukrajinizacija* project ran counter to the vision of *korenizacija*, as defined centrally. Despite the fact that both interest groups promoted Ukrainian, the use of the language differed significantly. Whereas the Ukraine-minded activists saw the Ukrainian language as a prerequisite for creating a modern urban Ukrainian culture with equal appreciation of the traditional social structure (Ukrainian-speaking peasantry) and the nineteenth century cultural trends, the centralist group used the Ukrainian language (the language of the largest ethnic group in the republic) as a necessary concession in order to achieve their far-reaching strategic goals.

4. *The Splendours of Power: The Soviet Ukrainian Orthography*

The course on *korenizacija* was adopted at the Twelfth RKP(b) Congress in April 1923. In Soviet Ukraine, it acquired its local denomination, *Ukrajinizacija*, targeting the Ukrainians, a titular nation in the republic. Linguistic de-Russification (which included e.g., *Ukrajinizacija* or *Belarusizacija*), was one of the key components of the *korenizacija* policy. The promotion of the Ukrainian language and culture was meant to help overcome Russian century-long cultural dominance and, hence, suspicion to the Bolsheviks, seen by many as a Moscow-led and Russian speaking party. Given the primary importance

of the Ukrainian language, comprehensive *Ukrajinizacija* was to be achieved by 1 January 1926 (Zobinna *et al.* 1959: 282-286; Martin 2001: 96). Despite the decisiveness of the central party leadership, these far-reaching objectives were premature. The main predicament for the success of the Soviet plans in Ukraine was the fact that up until the decade's end syntactical and orthographical norms for the Ukrainian language were not implemented republic-wide. The 1919 *Most Essential Rules* were indeed adopted and incorporated by the Soviet authorities. The Soviet Ukrainian authorities, nonetheless, became the first one to intentionally sponsor the effort of language standardisation (Pauly 2014: 25).

Due to its political importance, the language question was prioritised by the Soviet government in Ukraine. Having experienced a number of setbacks during the civil wars, the Bolsheviks took steps to tackle Russification and ensure the status of the Ukrainian language. At first, this often took a form of promoting the equality of the two languages in the republic. For instance, a draft constitution of the Ukrainian SSR, adopted by the Third All-Ukrainian Congress of Soviets (March 1919), highlighted the adverse consequences of "forced Russification"⁸. As a follow-up, the Ukrainian Commissariat for Education adopted a resolution according to which the official state language was abolished in favour of free development of local, commonly spoken languages (Pyrih *et al.* 1990: 110). Moreover, adherence to the Ukrainian language was highlighted in the Resolution of the ЦК РКР(б) "On the Soviet Rule in Ukraine," adopted on 4 December 1919. It was stated that the Ukrainian language should be regarded as "an instrument for the communist education of the working people" and therefore proficiency in the Ukrainian language for civil servants and party workers was desired (Zobinna *et al.* 1959: 60-62). Furthermore, in 1920 Stalin, the Commissar for Nationalities at the time, made a speech stating the need to introduce national languages into schooling, the judicial system, public administration and executive authorities. The same points were reiterated by the Commissar for Nationalities at the Tenth Party congress in March 1921 (Borisenok 2006: 66-69).

The language question was further advanced with the launch of the *korenizacija* policy in 1923. Shortly after, a number of decrees were issued concerning the status of Ukrainian (attempts to proclaim it as the second official language failed due to the opposition of the pro-Russian party members, insisting to make it another commonly-used language), schooling (the Radnarkom Decree *On Measures for Ukrajinizacija of Schools, Educational and Cultural Institutions* (Zobinna *et al.* 1959, 1: 71-72) and major tasks to regulate political education and propaganda in the countryside (Pančuk *et al.* 1994: 130-132). The most decisive decree on *Ukrajinizacija*, *On Measures for Guaranteeing the Equality of Languages and on the Equal Development of the Ukrainian Language*, was issued on 1 August 1923. It was stated that:

the formal equality [of languages] [...] is not sufficient. [...] Russian language has, in fact, become the dominant one. In order to destroy this inequality, the Workers'-Peasants' Government hereby adopts a number of practical measures which, while affirming the

⁸ Documents on *Ukrajinizacija* were published in BRU; ZZTR; Jurčuk 1976; Pančuk *et al.* 1994.

equality of languages of all nationalities on the Ukrainian territory, will guarantee a place for Ukrainian language corresponding to the numerical superiority of the Ukrainian people on the territory of the Ukrainian SSR. (Pančuk *et al.* 1994: 106-109)

Once all the provisions for a comprehensive language reform were in place, the Soviet Government initiated the process of language standardisation. On 23 July 1925 the Commissariat for Education created a commission tasked to prepare a unified project for the orthography of the Ukrainian language. The commission, headed by Šums'kyj, the Commissar for Education, and later Skrypnyk in the same capacity, included a number of authoritative and well-known academics, writers and cultural figures, representatives of the pre-revolutionary and new proletarian intelligentsia. "Although nominally chaired by the Commissar for Education, the Commission actually worked under the linguist Oleksa Synjavs'kyj" (Hornjatkevyč 1993: 298).

The Commission took the 1919 Most Essential Rules as the basis for their further work. In 1926 it produced a discussion document, in which not only orthography, but also morphology, punctuation, and some other areas were covered. Among the language developers, there were members of the former UNR orthography commission Kryms'kyj and Jevhen Tymčenko; Kyjivan literary scholar Serhij Jefremov; young Charkiv writers Majk Johansen, Mychajlo Jalovyj, Mykola Chvyľovyj; and the editor-in-chief of Charkiv newspaper *Sil's'ki Visti* (Rural News) Serhij Pylypenko. In addition, representatives from Western Ukraine were invited, including Roman Smal'-Stoc'kyj, Volodymyr Hnatjuk, Vasyl Simovyč, and Ilarion Svjencic'kyj.

The projects of a new orthography developed by the Commission were submitted to a general public discussion. The first All-Ukrainian Orthography Conference, symbolically held in the republican capital city of Charkiv, the stronghold of a distinct, moderately purist school, took place in May-June, 1927. Altogether, the conference was attended by fifty-five scholars, out of them three from Galicia and one Communist functionary from Transcarpathia (Ohijenko 1991: 301-302). Over sixty discussion and review articles were published in *Visti VUCVK* during the Congress (*ibidem*). Shortly after, it was accepted by the Ukrainian Academy of Sciences (Kyjiv) on 31 March 1929, and by the Ševčenko Scientific Society on 29 May 1929. Skrypnyk promulgated the orthography on 6 September 1929 and required its use in all schools and publications. The orthography, widely known as *skrypnykivka*, was published in Charkiv by the State Publishers of Ukraine in 1929 (Hornjatkevyč 1993: 300).

5. *The Miseries of Power: Reaction and Repression*

The affirmative attitude of the Soviet authorities and its tolerant attitude towards Ukraine's cultural managers did not remain intact for long. The major change in the way the nationalities policy was perceived and implemented occurred during the Stalin's 'great break' in 1928-29. With the introduction of the First Five-Year Plan, the party centrally initiated 'hard line' policies in dealing with alleged class enemies. In historiography, this

period is widely known as ‘the cultural revolution’ conducted, according to Fitzpatrick by the means of ‘class war’ (Fitzpatrick 1978). Among those most targeted were the so-called fellow-travellers, a collective name used for pre-revolutionary intelligentsia who after 1917 stopped openly opposing the Soviet regime and tacitly accepted it (Trotsky 1923). In addition, the party took radical stand against any, as perceived, manifestations of local nationalism, including those ‘free-thinkers,’ ‘dissenters’ and national deviationists within the party.

Following the 1928 Shakhty trial, a show-trial against a large group of mining engineers and technicians from the Donbas area in Ukraine, charged with conspiracy and sabotage, a political confrontation between ‘proletarian’ communists and the old ‘bourgeois’ intelligentsia began in earnest. In Ukraine, the 1928 trial was followed by several major national conspiracies and terrorist plots ‘unmasked’ between 1929 and 1934. The most important trials of the early 1930s were the trials over conspiratorial ‘nationalist’ organisations: the Union for the Liberation of Ukraine (*Spilka Vyzvolennja Ukrainy*, SVU), the Ukrainian National Centre (*Ukrajins’kyj Nacional’nyj Centr*, UNC) and the Ukrainian Military Organisation (*Ukrajins’ka Vijs’kova Organizacija*, UVO).

The SVU trial, held in 1930 at Charkiv Opera Theatre, by right can be defined as the most important event for the cultural and national development of Soviet Ukraine. The persecution of the forty-five Ukrainian intellectuals, writers and theologians, former politicians and activists, and VUAN leading members, had serious repercussions for the cultural and political sphere. Firstly, by eliminating the VUAN leadership, the autonomous status of this academic institution, granted in the early 1920s, was abolished. By this, the Academy, the main promoter of academic research and language reforms, was subjugated to the political agenda of the Communist Party centrally, who from now on gained control over the activity of their members. Secondly, the SVU trial signalled the process of reconsidering the *Ukrajinizacija* policy, as noted by Pauly: “By tarring Ukrainian literature with the slander of nationalism, conflating it with counterrevolutionary reaction, the SVU trial and its reporting also undermined the public’s faith in Ukrainization and pre-revolutionary cultural elites” (Pauly 2014: 249).

The SVU impacted the process of implementing the language reforms. Firstly, the entire activity of the Narkompros orthographical commission was scrutinised. The 1929 orthography was condemned as “counter-revolutionary” and “bourgeois nationalist” (Masenko *et al.* 2005: 113-132). Consequently, the steps were taken to underplay the achievements of the commission and the significance of *skrypnykivka*. Secondly, the SVU trial targeted the most ardent supporters of the new language reforms, the teachers. The trial had immense scope: some thirty thousand educators and school teachers were arrested all over Ukraine (Šapoval *et al.* 1997: 135). The persecutions against Ukraine’s cultural figures and political activists continued. For instance, the most prominent convicts of the UNC case were the two Ukrainian academics Mychajlo Hruševs’kyj and Matvij Javors’kyj (Prystajko, Šapoval 1999; Bertelsen, Shkandrij 2014); whereas the UVO trial tackled the representatives of the higher political echelons.

The new perspective on the Ukrainian culture and language was introduced by a СР ВКР(б) directive “On suppressing Ukrainian nationalism and introducing communist ideas” on 3 April 1932. The directive initiated a campaign against alleged bourgeois nationalists and was conducted side by side with the industrialisation and collectivisation campaigns. Among those ‘bourgeois nationalists’ were the Commissar for Education Skrypnyk and other members of the orthography commission, who were arrested shortly thereafter. Skrypnyk was targeted for his activities as the Commissar for Education, which, among others, included the approval of the 1929 orthography. The campaign against the Narkompros chief, the so-called *skrypnykivščyna* emphasised the underlying political aspects of the language reforms:

Despite the SVU trial, the Commissariat for Education’s old leadership championed by Skrypnyk did not learn from their mistakes; they did not fight nationalism and significantly neglected the language front, this important sphere in advancing the Ukrainian Soviet culture. (UP: 3-5; Masenko *et al.* 2005: 108-109).

Eventually, the *Ukrajinizacija* policies were curtailed and Soviet ethnic particularism was replaced by the ideology of all-Union uniformity and Russification. Following the mood of the decade, the 1929 orthography was quickly defined as “nationalistic”; its creators were labelled “Ukrainian fascists” (Chvylja 1933; Masenko *et al.* 2005: 120). In 1933, a chief party propagandist and a deputy Commissar for Education Andrij Chvylja published an article in the official newspaper “Bilšovyk Ukrainy” with a telling title *To Eradicate, to Exterminate the Nationalistic Roots on the Language Front* (Chvylja 1933; Masenko *et al.* 2005: 112-132). The article later appeared as a separate brochure and was distributed republic-wide. The previous orthographic commission was accused by Chvylja of “directing the Ukrainian language along the nationalistic lines” (Chvylja 1933). Skrypnyk’s language reforms were seen as means of “constructing barriers between the Ukrainian Soviet culture and the Russian Soviet culture” and redirecting the trajectory of Ukraine’s cultural development “towards bourgeois-nationalist path” (Masenko *et al.* 2005: 116). By this, Skrypnyk was put in line with the UNR leaders and the Ukrainian nationalists in Galicia, who, as asserted by Chvylja, repeatedly tried to orient the Ukrainian language and culture towards the “bourgeois Europe” and, thus, against “the fraternal union with the Russian culture [seen as] Asiatic language and culture” (Masenko *et al.* 2005: 120).

Chvylja was later appointed chair of a new orthographic commission, tasked to develop a new and ideologically correct orthography of the Ukrainian language. Unlike in 1925-29, the new orthography was initiated from above by a party directive. No public discussion followed. The main objective of Chvylja’s commission was to tackle the “intentional distortions” of the previous orthography, which intended to “Westernise” the Ukrainian (UP: 4). Instead of “bourgeois” Polish and Czech influences, the new orthography was to highlight the similarities between the Ukrainian and Russian languages, which would play into the hand of Moscow communist ideologists, who by the time had started to promote the image of “fraternal peoples” and the historical unity of the Slavic people under the wise leadership of the Communist party.

	1921	1929	1933
NUMBER OF NORMS:	64	400	389
New norms	N/A	336	41
Norms cancelled	N/A	4	16
Norms ignored	N/A	4	36
OF THEM:			
Suffixes regulated	12	46	34
Declination norms	17	213	198
Loan words rules	14	33	21
Proper names rules	0	22	13

TABLE 1.

Quantitative comparison of the three major Ukrainian orthographies in the 1920s and 1930s

6. *Comparing Orthographies and the Two Faces of Soviet Modernisation*

It is now time to turn to the orthographies themselves and trace how these power struggles found reflection and had impact on codification of writing rules and even graphisation of Ukrainian. While the 1928 and, to a lesser extent, the 1933 systems have been studied (cf. Hornjatkevyč 1993; Masenko *et al.* 2005; Vakulenko 2009; Orazi forthcoming), the earlier, de facto pre-Soviet codifications, peaking at *The Most Essential Rules* remain on the periphery for both historians and linguists (and unduly so). Hence, the present discussion suggests a focus on the quantitative comparison of these three codifications, something that has been rather overlooked previously. While the character of the changes between the three is crucial to understand, the very scope of these changes is vital for understanding the significance and particular standing of the codifications as regards to the language they codified.

For this analysis, the codifications were broken down into calculable units, individual rules, defined here as a prescriptive statement on a particular speech situation or type of situations and differentiable from other such statements (TABLE 1). This quantitative analysis has its limitations, however, since orthographies are difficult to quantify. Their paragraphs often contain more than one rule and sometimes no rules at all; therefore, the norms have to be extracted from the texts deductively by way of coding, which must necessarily be taken with some scepticism. The key challenge is to define what qualifies as an individual rule or norm and what does not. The normative statements are sometimes given in notes or in passing, and their often ambiguous formulations and policies that allow linguistic variance inevitably create irregularities. Equally difficult is to compare systematically the codifications that vary in their levels of detailisation. Still, this analysis is precise enough for the purposes in mind and provides an overall understanding of the scope of changing and resilient patterns in the three orthographies.

From this quantitative perspective, the 1929 orthography represents a dramatic expansion of the set of rules (from 64 prescriptive statements to 400), while the 1933 system, on the contrary, represents a shrinking of the normative scope to 389 rules (even though it added 41 completely new rules, chiefly in what concerns the writing of acronyms and punctuation). The code shrank especially in the chapters covering proper names and loan words where nearly half of the previous norms were either cancelled or simply ignored and not mentioned. But even in the suffixes, declension and conjugation chapters the number of norms fell, so that for example out of 46 suffixes normativised in 1929 only 34 survived in 1933. As a result, not only did the structure of language simplify, but also the diversity of productive paradigms and stylistic repertoires, with orthography once again influencing the structure of the spoken language.

Skrypnykivka was much more traditionalist and inclusive in its attitude to the preceding system, cancelling only four norms of the 1921 code and ignoring other four. In fact, while 1933 is scathing in treatment of the Charkiv norms (overall, only some 250 normativisations remained, or around 60%), in some ways it may represent a certain relative and partial rollback to the 1921 code, for example by taking to the extreme the latter's tendency to minimise the use of *r* and prefer hard *л* over the soft *лб* in loan words. In total, well over 70% (47 individual rules) of the 1921 norms can still be found in Chvylyja's orthography, which is notably better than the continuity with the 1928.

Also, Ohijenko and Kryms'kyj's code was oriented rather towards the needs of practitioners such as schoolteachers, bureaucrats and journalists. Thanks to this, it focused on generalities in a much more superficial way, similar also for the 1933 text that certainly lacks the 1929's fundamental academic approach. The emphasis in 1921 was on the writing rules for the core language corpus that would not have yielded to sweeping changes without overturning key paradigms and even the dialectal foundation of the standard language, which would have contradicted the more careful Stalinist planners' tactic to target recent and less strongly established norms and thus create the appearance of language improvement rather than redrawing the core rules.

Unwillingly perhaps, the Soviet language planners solidified the foundational status of the 1917-1921 codification efforts but also – more willingly in this respect – returned the codification of the Ukrainian to an earlier stage, before a number of inconsistencies and omissions of the early effort had been at least partly solved.

The especially radical change in the orthography of loan words (often reversing not only the 1929 suggestions but also the 1921 rules) and proper names hints to the political character of the language autonomy problem. The Charkiv orthography tried to establish the practice of borrowing words from foreign languages directly rather than via Russian, and this was reversed most consistently. Unlike the core corpus where at least the majority of the 1921 basic rules survived, foreign borrowings became the key battleground against the modernist autonomy of the 1928 planners. Only 6 out of 20 norms for loan words in 1921 code remained in force after 1933. Out of 33 rules for the orthography of loan words in the 1929 code, 10 were left largely intact, 2 were essentially modified, 11 cancelled and

10 simply ignored (ignoring previously normativised rules being a typical tactic of the Stalinist planners).

Focusing famously on the *г/Г, л/ЛБ* and *т/Ф* problems, the 1933 orthography abandoned the modernist/structuralist principle of forging internally consistent and systematic principles in favour of heteronomic orientation towards Russian, but also the indigenous tradition and changing the graphisation of the language, for example by removing the letter *г* from the alphabet, firmly entrenched by 1917 in practice, allowed by *The Most Essential Rules* and meticulously normativised by *skrypnykivka*. The sole rule for rendering loan words and foreign proper names became, in essence, ‘write it the way it is written in Russian’, importing the Russian’s own internal contradictions and idiosyncrasies instead of, so to speak, developing one’s own.

A similar process concerned the orthography for proper names (not discussed in 1917-1921 but detailed in 22 individual rules in 1929). Only 6 of those rules remained, 4 were tweaked significantly, 3 cancelled and 9 once again not mentioned. Thus the premise for Soviet modernisation was shaped: new ideas and technologies (prominently featured among loan words) could only enter Ukrainian through the control of the Russian language, and names of people and places could not be too distinctly Ukrainian. What Chvyłja aimed for was regulation of the language’s autonomy and distinction.

The sharp rise in complexity and detail of codification in the 1929 orthography, its radical utopianism of dialectal inclusivity and rationalist structuralism represent the high point of modernity and modernisation effort in Ukraine as long as it comes to language policy, whereas the subsequent decline in complexity, diversity, detalisation and rational systematicity of the codification in 1933 testify to the essentially de-modernising policy of the Soviet authorities towards Ukrainian following the demise of national communist horizon in the party and Skrypnyk’s suicide on 7 July 1933. This is evident from the quantitative data above but also from the closer qualitative comparison between the codes.

The 1933 codification systematically excluded all the attempts present in the text of *skrypnykivka* to discuss orthoepy and pronunciation, the link between the written language and the spoken speech. Thus, while the Charkiv project implicitly recognised the Derridean dependence of language on writing, Chvyłja’s orthography very clearly sought to sever this link and eliminate the phonological and articulatory, grammatical, morphological prescriptions dictated by *skrypnykivka*, as well as its narrative on the history of the language. Equally interesting is that the changes in the illustrative examples show not only the purging of dissident authors, such as Chvył’ovyj or Hruševs’kyj, and adding examples from Lenin, Ivan Mykytenko or Pavlo Postyšev, but also choosing those examples from classics such as Ševčenko that could only be related to the context of class struggle, and removing most things concerning village life and traditional agriculture. Interesting to note is a moralising approach, whereby such examples as *pljuvaty* ‘to spit’, *bljuvaty* ‘to vomit’ or *sp’janilyj* ‘drunken’ all were censored out of the 1933 orthography.

The 1933 language planners surely used the modernising rhetoric of improvement and cultivation as well as tried to ground the success of the new orthography not only in co-

ercion but in some rationalising and simplifying motions. For the broad public it did represent some carrots alongside the usual sticks, such as simpler though less logical rules for teachers and pupils or more commonalities to Russian for non-native speakers with poor familiarity with literary Ukrainian.

7. Conclusion

Modernity can be characterised by three foundational features: irreversible dynamisation that opens up a vista of endless reconstruction, ambivalent rationalisation focused on grounding agency in rational principles, and differentiating universalisation which at once separates social fields and establishes for them universal frames of reference (Fornäs 1995: 20-32). From the perspective of orthography as understood by Derrida, modernity epitomised in modern linguistics treated writing as, first of all, secondary to the spoken word and, secondly, as a potential danger that can subvert the primary oral substance of language, thus in fact putting written language in the central position of language discussions.

Even prior to 1917, the Ukrainian orthographic debates were premised on this centrality of writing, the issues of orthography and alphabet discussed most passionately and grammar or vocabulary only following them because their problems stand closer to those of writing; only then syntax, morphology or orthoepy were even considered. The classical Shevelovian example – the alleged decline of hard pronunciation before *i* (*зострий ніж* vs *більше ніж* type) – has practically faced almost no debate because of its insignificance for writing as long as *želevivka* went off the table, although this concerns the phonemic structure of Ukrainian, something that makes it systematically different.

In this context, it seems too hasty to derive a clear periodisation from the history of codification of the New Standard Ukrainian, in particular the one based upon Haugen's four stages. The Ukrainian situation seriously challenges this theory and calls for a better scheme because it has tended to experience three or even all four stages happening simultaneously as well as revisit the stages that seemed completed. In particular, the 1920s and 1930s (marked by Yavorska [2010] as the 'implementation' phase) witnessed in fact the fiercest and most radical struggle around the norm selection and codification as has been demonstrated by contemporary studies, including this article. The lack of debate in Soviet Ukraine regarding the language matters since the 1950s may as well represent the final stage of elaboration. However, at the very least, such view fails to take into account the use of parallel standards in diasporas and problematisation of using Soviet norms post-1991. As the alternatives to the official standard do have some currency in Ukraine, the ghosts of the stages of norm selection and codification (recodification this time indeed!) are looming again on the horizon.

In the context of this, the Ukrainian orthographic perils of the 1920s partook of the aporias of modernity. While the 1917-1921 codifications shaped and reconfirmed key norms, their scope was limited, and the 1929 project – using a typical modernist legitimising technique of a language congress – sought to reconstruct the norm, rationalise it and at the same time differentiate and universalise Ukrainian. In it, it constructed the idea of

orthography as at once following the spoken word and protecting it, thus actively intervening in the realms of orthoepy, phonology, morphology, grammar, and history of language. It was modernist, Saussurean enterprise through and through.

'First Congress' was in itself a not unpopular language planning tool; altogether they number about 30, as counted by Joshua Fishman. However, one would never hear about the first congress of French, English or Russian. Typically, it was a technique employed by postcolonial (Hindi, Wolof or Indonesian), contested (Catalan or Dutch in Belgium), or otherwise disempowered languages of stateless nations (typically in Eastern Europe: Yiddish, Ukrainian, Belarusian, Macedonian) or those that required a speedy Europeanisation (Turkish, but possibly also Ukrainian and other East European) (cfr. Fishman 1993: 4-5).

The 1933 orthography, on the contrary, drew its legitimacy from the power of hierarchical coercion rather than collective action of intellectuals, and needed no congress. It dramatically reduced the complexity of the norm, abandoned a number of internal rationalising principles and pushed Ukrainian towards unificatory universalisation that however gravitated to another language, Russian, rather than itself. The differentiation of the academic and governmental fields was also weakened, and rather than grounding political action in knowledge (cfr. Bourdieu 2012: 127, quoted in theory section above), the relationship was reversed as now knowledge had to be grounded in political action. This approach makes it essentially a de-modernising effort that rather prioritised Sovietisation and sought to destroy the representation that made Ukrainians a separate community offering another in which they were part of a common community with Russians. Of course, Sovietisation had to be masked as modernisation, hence the use of modernist rhetoric of reconstruction, protecting the "authentic" speech from "bad" writing; not least, the modernist drive towards reconstruction and rationalising improvement facilitated Chvylija's orthography in passing for a modernising project.

There was another important and long-lasting implication of the 1933 orthography, however. In the introduction, it was said that the 1929 orthography was adopted to "artificially tear the Ukrainian language away from the language of the millions of Ukrainians, of the Ukrainian workers and peasants; [it was] the departure of the Ukrainian language away from the Russian language" (UP: 3-5; Masenko *et al.* 2005: 108-110). Hence, the dominant role of the Russian language in everyday life of Ukrainian cities and industrial centres was restated. This, however, annulled the decade-long attempts of numerous Ukrainian communists to introduce the Ukrainian language and culture into urban and historically Russified spaces.

It should be admitted that the question of *Ukrajinizacija* of the republic's working class remained a debated issue since the policy's launch in 1923. Despite a common understanding of how important comprehensive *Ukrajinizatcija* was for the working class's unity (and the Bolshevik's rule over it), the Party was wary of defining proletarians as its immediate target since it could make the process appear to be non-voluntary. The key predicament was the national heterogeneity of the working class, which at the time included many non-Ukrainians and russified Ukrainians, who identified themselves as Ukrainians but

whose native language was Russian. The Commissar for Education Šums'kyj on numerous occasions highlighted the pivotal importance of broadening *Ukrajinizacija* to those russified Ukrainians, seen as a prerequisite for urban de-Russification. In this, however, he was opposed by Stalin himself, who emphasised the difference between the concept of *Ukrajinizacija* of the party and other apparatus (a declared objective of the policy) with *Ukrajinizacija* of the republic's proletariat, which, according to Stalin, "contradict[ed] the principle of the free development of nationalities [...] and [was] equal to national oppression" (CDAHO: 1-7; translation in Luckyj 1990: 66-68).

Skrypnyk, who succeeded Šums'kyj in the Narkompros in 1927, maintained Stalin's view on natural and gradual *Ukrajinizacija* of the working class. Skrypnyk's tenure coincided with the first Five-Year Plan. Hence, his steps in office were conditioned by the atmosphere of antinationalism and 'class war'. Thus, the new Commissar for Education shifted the emphasis towards greater ideological conformity, advancing the question of proletarian *Ukrajinizacija*. This was to be achieved through creating a total Ukrainian urban environment, a favourable setting, in which working masses would either convert or become inclined towards the Ukrainian language and new Soviet Ukrainian culture. In 1933, however, these attempts were condemned as "nationalist twists that had created artificial barriers for the broad Ukrainian masses to become literate" (Masenko *et al.* 2005: 112-132). The pedagogical argumentation strategy citing "difficulties" in the language teaching and teachers' dissatisfaction with the complexity of the Charkiv rules was used strategically to criticise the orthography (Hornjatkevych 1993: 300). By this, the question of *Ukrajinizacija* of the working class was taken off the table: the decisive role of the Russian language, "the language of the millions of Ukrainians, of the Ukrainian workers and peasants" was given an absolute priority in Soviet Ukraine.

Abbreviations

BRU:	<i>Budivnyctvo Radjans'koji Ukrajiny</i> , Charkiv [s.a.].
CDAHO:	<i>Central'nyj Deržavnyj Archiv Hromads'kych Ob'jednan' Ukrajiny</i> , F.1, op.20, Spr.2248, ark.1-7.
DZZ:	<i>Druhe Zagal'ne Zibrannja Ukrajins'koji Central'noji Rady</i> , in: V. Verstiuk, V. Smolij (eds.), <i>Ukrajins'ka Central'na Rada. Dokumenty i Materialy</i> , 1, Kyjiv 1996, pp. 69-71.
UP:	<i>Ukrajins'kyj Pravopys</i> , Charkiv 1933.
ZUTR:	<i>Zbirnyk Uzakonen' ta Rozporiadžen' Robitnyčo-Selians'koho Urjadu Ukrajiny</i> , Charkiv 1924-1925.

Literature

- Adams 1963: A. Adams, *The Bolsheviks in the Ukraine: The Second Campaign, 1918-1919* New Haven 1963.
- Bertelsen, Shkandrij 2014: O. Bertelsen, M. Shkandrij, *The Secret Police and the Campaign Against Galicians in Soviet Ukraine, 1929-34*, "Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity", XLII, 2014, 1, pp. 37-62.
- Borisenok 2006: E. Borisenok, *Fenomen Soveckoj Ukrainizacii, 1920-30-e Gody*, Moskva 2006.
- Borys 1960: J. Borys, *The Russian Communist Party and the Sovietization of Ukraine: a Study in the Communist Doctrine of the Self-Determination of Nations*, Stockholm 1960.
- Bourdieu 2012: P. Bourdieu, *Language and Symbolic Power*, Cambridge 2012¹⁴ (1991¹).
- Bourdieu 1992: P. Bourdieu, *Language and Symbolic Power*, Cambridge 1992².
- Chvylja 1933: A. Chvylja, *Vykorinyty, znyščyty nacionalistyčne korinnja na movnomu fronti*, "Bilšovyk Ukrajinu", 1933, 7 (Traven' 8), pp. 42-56.
- Čornovol 2001: I. Čornovol, *Latynka v ukrajins'komu pravopysi: retrospektyva i perspektyva*, "Ji", XXIII, 2001, pp. 205-212.
- Danylenko 2008: A. Danylenko, *The Formation of New Standard Ukrainian: From the History of an Undeclared Contest Between Right- and Left-Bank Ukraine in the 18th C.*, "Die Welt der Slaven", LIII, 2008, pp. 82-115.
- Derrida 1967: J. Derrida, *De la grammatologie*, Paris 1967 (engl. transl. by G. Chakravorty Spivak, *Of Grammatology*, Baltimore 1997³).
- Derrida 1996: J. Derrida, *Le monolinguisme de l'autre; ou La prothèse d'origine*, Paris 1996 (engl. transl. by P. Mensah, *Monolingualism of the Other, or, The Prosthesis of Origin*, Stanford 1998² [= Cultural Memory in the Present]).
- Ewing 2006: T. Ewing, *Ethnicity at School: Reforming Education in the Soviet Union During the 1930s*, "Journal of the History of Education", XXXV, 2006, 4-5, pp. 499-519.
- Fishman 1993: J.A. Fishman, *Introduction: Exploring an Overlooked Sociolinguistic Dimension*, in: Id. (ed.), *The Earliest Stage of Language Planning: The First Congress Phenomenon*, Berlin-New York 1993, pp. 1-9. (= Contributions to the Sociology of Language, 65).
- Fitzpatrick 1978: S. Fitzpatrick, *Cultural Revolution in Russia, 1928-1931*, Bloomington 1978.
- Fornäs 1995: J. Fornäs, *Cultural Theory and Late Modernity*, London 1995.
- Hirsch 2005: F. Hirsch, *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*, Ithaca 2005.

- Holmes 1991: L. Holmes, *The Kremlin and the Schoolhouse: Reforming Education in Soviet Russia, 1917-1931*, Bloomington 1991.
- Hornjatkevyč 1993: A. Hornjatkevyč, *The 1928 Ukrainian Orthography*, in: J.A. Fishman (ed.), *The Earliest Stage of Language Planning: The First Congress Phenomenon*, Berlin-New York 1993, pp. 293-304 (= Contributions to the sociology of language, 65).
- Hunczak 1977: T. Hunczak, *The Ukraine under Hetman Pavlo Skoropadskyi*, in: Id. (ed.) *The Ukraine, 1917-1921: A Study in Revolution*, Cambridge (MA) 1977, pp. 61-81.
- Jurčuk 1976: V.I. Jurčuk (red.), *Komunistyčna Partija Ukrajiny v Rezolucijach i Rišennjach Z'jizdiv, Konferencij i Plenumiv CK*, I, Kyjiv 1976, pp. 1918-1941.
- Kloss 1967: H. Kloss, 'Abstand Languages' and 'Ausbau Languages', "Anthropological Linguistics", IX, 1967, 7, pp. 29-41.
- Kryms'kyj 1929: A. Kryms'kyj, *Narys istoriji ukrajins'koho pravopysu do 1927 roku*, "Zapysky istoryčno-filolohičnoho viddilu VUAN", XXV, 1929, pp. 174-186.
- Kryms'kyj 1927: A. Kryms'kyj, *D-r Smal'-Stoc'kyj. Pravopysna sprava [...]*, "Zapysky istoryčno-filolohičnoho viddilu VUAN", XII, 1927, pp. 342-364.
- Kul'čyc'kyj 1996: S. Kul'čyc'kyj, *Komunizm v Ukrajinii; Perše Desjatylyttja (1919-1928)*, Kyjiv 1996.
- Luckyj 1990: G.S.N. Luckyj, *Literary Politics in the Soviet Ukraine, 1917-1934*, Durham-London 1990.
- Mace 1983: J. Mace, *Communism and the Dilemmas of National Liberation: National Communism in Soviet Ukraine, 1918-1933*, Cambridge (MA) 1983.
- Magocsi 2010: P.R. Magocsi, *A History of Ukraine. The Land and Its Peoples*, Toronto 2010 (1996¹).
- Majstrenko 1954: I. Majstrenko, *Borot'bism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism*, New York 1954.
- Martin 2001: T. Martin, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*, Ithaca 2001.
- Masenko et al. 2005: L. Masenko, V. Kubajčuk, O. Dems'ka- Kul'čyc'ka, *Ukrajins'ka mova u XX storičči: istorija linhvocydu*, Kyjiv 2005, pp. 113-132.
- Mazepa 1934: I. Mazepa, *Ukrainia under Bolshevik Rule*, "The Slavonic and East European Review", XXXV, 1934, 12, pp. 323-346.
- Miller 2000: A.I. Miller, *Ukrainskij vopros v politike vlastej i russkom obščestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX v.)*, Sankt-Peterburg 2000 (engl. transl. by O. Poato, *The Ukrainian Question: The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century*, Budapest 2003²).
- Mirčuk 1957: P. Mirčuk, *Ukrajins'ko-Moskovs'ka Vijna 1917-1919*, Toronto 1957.

- Nimčuk 1999: V.V. Nimčuk, *Problemy ukrajins'koho pravopysu v XX stolitti*, in: Id. (ed.), *Ukrajins'kyj pravopys (projekt najnovishoji redakciji)*, Kyjiv 1999, pp. 242-333.
- Nimčuk 2004: V. Nimčuk (ed.), *Istorija ukrajins'koho pravopysu: XVII-XX stolittja*, Kyjiv 2004.
- Ohijenko 1990: I. Ohijenko, *Narysy z istoriji ukrajins'koji movy. Systema ukrajins'koho pravopysu*, Winnipeg 1990.
- Orazi forthcoming: L. Orazi, *Spelling and Identity: the Ukrainian 1928/29 and 1933 Spelling Codes in the Newspaper Visti VUTSVK in 1933*, in: *Against All Odds: Ukraine and Ukrainian Studies a Decade After George Shevelov*, in print (= "Slavica Lundensia", xxviii, special issue).
- Palko 2014: O. Palko, *Ukrainian National Communism: Challenging History*, "Journal of Contemporary Central and Eastern Europe", xxii, 2014, 1, pp. 27-48.
- Pančuk et al. 1994: M. Pančuk, I. Hošul'ak, D. Dibrova, *Nacional'ni Vidnosyny v Ukrajinі v XX st.: Zbirnyk Dokumentiv i Materialiv*, Kyjiv 1994.
- Pauly 2009: M.D. Pauly, *Tending to the 'Native Word': Teachers and the Soviet Campaign for Ukrainian-Language Schooling, 1923-1930*, "Nationalities Papers", xxxvii, 2009, 3, pp. 251-276.
- Pauly 2014: M.D. Pauly, *Breaking the Tongue: Language, Education, and Power in Soviet Ukraine, 1923-1934*, Toronto 2014.
- Pipes 1974: R. Pipes, *Russia under the Old Regime*, New York 1974.
- Plokhly, 2005: S. Plokhly, *Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History*, New York-Toronto 2005.
- Prystajko, Šapoval 1999: V. Prystajko, Ju. Šapoval, *Mychajlo Hruševs'kyj: Sprava UNC' i Ostanni Roky*, Kyjiv 1999.
- Pyrih et al. 1990: P. Pyrih, A. Kentij, A. Solovkova, L.V. Jakovljeva, A.V. Ohin'ska (uporjad.), *Do Istoriji Mižnacional'nyh Procesiv na Ukrajinі*, "Ukrajins'kyj Istoryčnyj Žurnal", 1990, 6, pp. 109-118.
- Ravič-Čerkasskij 1923: M. Ravič-Čerkasskij, *Istorija Komunističeskoj Partiji (bov) Ukrajinjy*, Charkiv 1923.
- Remy 2007: J. Remy, *The Value of Circular and Censorship of Ukrainian Publications in the Russian Empire (1863-1876): Intention and Practice*, "Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes", XLIX, 2007, 1-2, pp. 87-110.
- Rogger 2014: H. Rogger, *Russia in the Age of Modernisation and Revolution, 1881-1917*, London-New York 2014² (Cambridge 1983¹).
- Rowenchuk 1992: K.M. Rowenczuk, *The Standardization of Modern Ukrainian (1909-1929)*, Ann Arbor 1992.

- Šapoval *et al.* 1997: Ju. Šapoval, V. Prystajko, V. Zolotar'ov, *CHK-GPU-NKVD v Ukrajinii: Osoby, Fakty, Dokumenty*, Kyjiv 1997.
- Saunders 1995: D. Saunders, *Russia and Ukraine Under Alexander II: The Value of an Edict of 1863*, "The International History Review", XVII, 1995, 1, pp. 23-50.
- Ševčenko 2013: V. Ševčenko, *Procesy Ukrajinizaciji Revolucijnoji Doby ta Het'manat Pavla Skoropads'koho*, "Nacional'na ta Istoryčna Pam'jat'", 2013, 7, pp. 267-276.
- Ševel'ov 1996: J. Ševel'ov, *Vnesok Halyčyny u formuvannja ukrajins'koji literaturnoji movy*, L'viv 1996.
- Simovyč, Rudnyc'kyj 1949: V. Simovyč, I. Rudnyc'kyj, *Istorija ukrajins'koho pravopysu*, in: *Encyklopedija ukrajinoznavstva. Zahaľna častyna (EU-1)*, 1, Munich-New York 1949, pp. 359-364.
- Smith 1998: M.G. Smith, *Language and Power in the Creation of the USSR, 1917-1953*, Berlin-New York 1998.
- Spolsky 2004: B. Spolsky, *Language Policy*, Cambridge 2004.
- Stalin 1953: J.V. Stalin, *National Factors in Party and State Affairs: Theses for the Twelfth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks)*, in: Id., *Works*, v, Moscow 1953, pp. 269-281.
- Trotsky 1923: L. Trotsky, *Literature and Revolution* [1923], <http://www.marxists.org/archive/trotsky/1924/lit_revo/ch02.htm> (last accessed 18.04.2017).
- Udovyčenko 1995: O. Udovyčenko, *Ukraina u Vijni za Deržavnist'*, Kyjiv 1995.
- Vachek 1989: J. Vachek, *Written Language Revisited*, Amsterdam 1989.
- Vakulenko 2009: S. Vakulenko, *The European Dimension within the Current Controversy over the Ukrainian Language Standard*, in: L.M.L. Zaleska Onyshkevych, M.G. Rewakowicz (eds.), *Contemporary Ukraine on the Cultural Map of Europe*, Armonk-London 2009, pp. 297-315.
- Velychenko 2015: S. Velychenko, *Painting Imperialism and Nationalism Red: The Ukrainian Marxist Critique of Russian Communist Rule in Ukraine, 1918-1925*, Toronto 2015.
- Waldron 2007: P. Waldron, *Governing Tsarist Russia*, London 2007.
- Weeks 1996: T. Weeks, *Nation and State in Late Imperial Russia*, DeKalb (IL) 1996.
- Yavorska 2010: G. Yavorska, *The Impact of Ideologies on the Standardization of Modern Ukrainian*, "International Journal for Sociology of Language", 2010, 201, pp. 163-197.
- Zobinna *et al.* 1959: Z. Zobinna, H. Kravčenko, Ju. Medvedjev *et al.*, *Kul'turne Budivnytvo v Ukrajin'skij RSR. 1917-1959*, 1 (1917-1941), Kyjiv 1959.

Abstract

Roman Horbyk, Olena Palko

Righting the Writing. The Power Dynamic of Soviet Ukraine Language Policies and Reforms in the 1920s-1930s

The first post-revolutionary decades became decisive for the development of the Ukrainian language, national culture and identity. The Ukrainian language, previously subject to a number of bans, finally entered the stage of intensive status and corpus planning. Thanks to this, it became a decisive factor in the rivalry between different forms of statehood vying on the Ukrainian territory after 1917. At the same time, the status upgrade and broader public use called for the standardisation of the language. The first practical steps towards the unification of different orthographic traditions were undertaken from 1918 to 1921. The turbulence of civil war, however, determined the failure of comprehensive language reform. Calls for linguistic unification gained new force in the second half of the 1920s: with the introduction of *Ukrainizacija*, the local variant of the all-Union nationalities policy of *korenizacija* introduced in 1923, the Ukrainian language was acknowledged as the means to the republic's Sovietisation. This was part and parcel of the Soviet "affirmative action empire" (Terry Martin) which had to contain the 1917-1921 rise of nationalism of the empire's minorities. Locally, the elites had to negotiate their own interests and the centre's demands. How exactly do the debates on the "correct" codification of the language and the actual steps towards different ideals reflect the changing power dynamic between the centre and the republics in the interbellum USSR? This is the problem this study sets out to tackle using the example of Soviet Ukraine.

The paper explores the link between language and politics in Soviet Ukraine in the 1920s and 1930s. While examining the political preconditions for the language policies in Ukraine, significant attention will also be devoted to the specifics of the 1928 spelling reform and its reception by the general public in Ukraine and abroad. In general, it is argued that in the Soviet Union language was often used as a tool of political consolidation, and the power struggle between different visions of the future of the republics can be seen in debates and reforms of language. Hence, the correlation between Soviet language policies and the subsequent Sovietisation (or Russification) is highlighted.

The subsequent debates around the status of the Ukrainian language, its orthography and vocabulary exposed the unbridgeable differences between the political elites in the republic and powers in Moscow. The draft of the new orthography was thoroughly discussed by academics and linguists, representing different parts of Ukraine and the final draft was publicly discussed republic-wide. The spelling reform, adopted in 1929, can rightly be regarded as one of the greatest achievements of *Ukrainizacija*. This newly-acquired status was significantly challenged by the centralisation drive of the Moscow party leadership. This orthography, widely known as '*skrypnykiivka*' (after the then Commissar for Education Mykola Skrypnyk) or 'Charkiv orthography' was attacked for its attempts to dissociate the Ukrainian language from Russian and 'westernise' the language. After 1933, the main principles of the spelling reform were labelled 'nationalistic'. The reform was quickly abandoned. Furthermore, after 1937, all the corpus planning attempts were geared towards 'purifying' the Ukrainian language from foreign influence, when Russian equivalents and cognates were introduced or prioritised.

Keywords

Korenizacija; Ukrainizacija; Language Reform; Modernity; Sovietisation.

Kateryna Karunyk

The Ukrainian Spelling Reforms, Half-Reforms, Non-Reforms and Anti-Reforms as Manifestation of the Soviet Language Policy

1. *Efforts to Regulate the Ukrainian Spelling Chaos in a Democratic Way*

Standardization of the Ukrainian language during the Soviet period passed through a number of fluctuations which had their impact on the language structure. The spelling, as one of the main elements of the language standard, equally went through deep modifications.

By the 1920s, the Ukrainians were divided between four countries (The Soviet Union, Poland, Romania and Czechoslovakia). Only in the Soviet Ukraine did the native language of the Ukrainians fulfil administrative functions, enjoying support from the state, which made it necessary to implant a language standard (cfr. Šumlians'kyj 1927: 4). Thus in 1921 the first state-supported spelling code, entitled *The Most Essential Rules of the Ukrainian Spelling*, appeared in the Soviet Ukraine (NA21a). This succinct reference guide brought various spelling habits to a common standard at least in the Soviet part of Ukraine (Nakonečnyj 1928: 3) and had a positive impact on the homogenization of the spelling habits, on the alphabetization of the masses, on the language of printed editions, etc. (Pliušč 1967: 20). The rules derived mainly from the language usage of the Eastern Ukrainians (Nakonečnyj 1928: 3; Moskalenko 1968: 34) – the so-called Eastern variety of the standard language. Nevertheless, being reprinted in the Polish part of Ukraine (NA21b, NA22a) and by the Ukrainian emigration in Germany (NA22b) and in Czechoslovakia (NA25), the 1921 spelling gained some acceptance also outside of the Soviet republic. Admittedly, these rules were not comprehensive; a number of points remained either ambiguous or contradictory (Moskalenko 1968: 35-36). Disregarding the Western Ukrainian spelling traditions, they did not encourage linguistic unity, and that was another shortcoming. The spelling variance persisted. The renowned linguist Stepan Smal'-Stoc'kyj (1859-1938) draw his colleagues' attention to this fact: "[...] unlike other civilized peoples, we do not possess yet one common spelling. Indeed, there are several of them, and more precisely – let us make a clean breast of it – there is quite a lot of chaos in the field of spelling" (Smal'-Stoc'kyj 1926: 180).

1.1. *Attempts at Latinizing the Ukrainian Script*

In the same period of time, overall language standardization, including alphabetization and spelling norms, was one of the top priorities for quite numerous peoples of the Soviet Union. For instance, a campaign for the introduction of Latin-based alphabets first in the Turkic languages and later in some other languages was initiated in the early 1920s. The Yakut and the Azerbaijan languages, which officially had adopted the Latin script by

1922, were leading the way in this respect. At the First All-Union Turcological Congress, held in February 1926, a resolution was passed which recommended the adoption of the Latin script for other Turkic languages and for the languages of culturally related peoples (Crisp 1990: 26-27). Latinization was also promoted by the Georgian-born academician Nicholas Marr (1865-1934), who advocated the idea of a future universal language based on a common graphic system. This proposal gained popularity among some Ukrainian writers (Moskalenko 1968: 9).

Three years before the All-Union Latinization campaign flourished (Moser 2016: 495), the Ukrainian writer Serhij Pylypenko (1891-1934) had made a deliberate effort to introduce the Latin script for Ukrainian. In 1923 the magazine “Červonyj Šljach” had published his *Earnest Letter to Everyone Interested in This Matter* in a Czech-style Latin transliteration.

PYLYPENKO'S SYSTEM OF TRANSLITERATION

a = a	ж = ž	н = n	х = x
б = b	з = z	о = o	ц = c
в = v	и = y	п = p	ч = č
г = h	і = i	р = r	ш = š
г = g	ї = ji	с = s	щ = šč
д = d	к = k	т = t	ю = ju
е = e	л = l	у = u	я = ja
є = je	м = m	ф = f	ь = '

The author insisted on introducing the Latin script “either right now, or never” and explained his rationale for the former. The unification of alphabets was perceived by Pylypenko (1923: 267) as the mankind's inevitable future challenge on its way to a common international language:

PYLYPENKO'S ORIGINAL
LATIN SCRIPT

XX storičja maje cju problemu rozv'jazaty razom iz velykoju socijal'noju perebudovoju. Ljudstvo maje odnakovo pysaty, aby men'se vytračaty času na oznajomlennja z unšymy movamy. Ljudstvo maje ce zrobyty, aby spryjaty procesovi kopuljaciji mov i tvorennju jedynoji internacional'noji movy (lyše bahatoji na dijalekty terytorijal'ni j profesijni) (*ibidem*).

CYRILLIC
BACK TRANSLITERATION

XX сторіччя має цю проблему розв'язати разом із великою соціальною перебудовою. Людство має однаково писати, аби менше витратити часу на ознайомлення з іншими мовами. Людство має це зробити, аби сприяти процесові копуляції мов і творенню єдиної інтернаціональної мови (лише багатой на діалекти територіяльні й професійні).

‘The 20th century has to solve this problem in parallel with a thoroughgoing social remodelling. The mankind should write the same way to spend less time on learning foreign languages. The mankind should do this in order to promote the process of the lan-

guage copulation and the formation of a common international language (granted the diversity of territorial and professional dialects)'.

Another argument of his was the young age of the Ukrainian statehood and the lack of a comprehensive language corpus, propitious for a radical reform:

PYLYPENKO'S ORIGINAL
LATIN SCRIPT

Znov vertajučy do dylemy: 'teper čy niko-ly', majemo skonstatuvaty, ščo kožen novyj rik maje uskladnjaty spravu i ščo til'ky v najblyžči roky vona mohla b buty perevedena v žyttja bez velykyx trudnoščiv. Poky my ne majemo solidnyx velykyx naukovyx prac', poky v sferi pidručnykiv обмежуємося головним чynom počatkovoju ško- loju i til'ky dumajemo pro profesijnu, po- ky til'ky zasivajet'sja lan novoho radjan- s'koho pys'menstva – ce zrobyty ne tak važko (*Ibid.*: 268).

CYRILLIC
BACK TRANSLITERATION

Знов вертаючи до дилеми: 'тепер чи ні-коли', маємо сконстатувати, що кожен новий рік має ускладняти справу і що тільки в найближчі роки вона могла б бути переведена в життя без великих труднощів. Поки ми не маємо солідних великих наукових праць, поки в сфері підручників обмежуємося головним чином початковою школою і тільки ду- маємо про професійну, поки тільки за- сивається лан нового радянського пись- менства – це зробити не так важко.

'Readdressing the dilemma of 'either right now or never', we must recognize that with every passing year the thing will become more and more difficult and that it only would be possible to carry it out without serious complications in the next few years. As long as we have no substantial, voluminous scholarly works, as long as we, concerning the text- books, mainly limit ourselves to the elementary school and just contemplate producing them for the vocational education, as long as the field of new Soviet literature is merely in course of being seeded, it is not so very difficult to achieve this.'

In the end of his appeal the writer pointed up the practical easiness of the Latin script. Yet he did not insist on the exclusive correctness of his own system of transliteration.

PYLYPENKO'S ORIGINAL
LATIN SCRIPT

P.S. Pyšu cijeu transkrypcijeju, zovsim ne propagujučy imenno jiji, ale ščob pokazaty, jak lahko, navit' bez nijakoji zvyčky, rozbyratysja v nij, a, značyt', na razі potreby – j nazavše do čohoś podibnoho pe- rejty (*ibidem*).

CYRILLIC
BACK TRANSLITERATION

P.S. Пишу цією транскрипцією, зовсім не пропуючи іменно її, але щоб показати, як легко, навіть без ніякої звички, розбиратися в ній, а, значить, на разі потреби – й назавше до чогось подіб- ного перейти.

'While using my transcription, I am by no means pushing for precisely this one, but trying to show how easy it is, even without any practice, to grasp it, and, therefore, if necessary, to adopt for all time something of the kind'.

In a short time two more proponents of the Latin script expressed their approval of Pylypenko's initiative in the same magazine, albeit voicing a few remarks about his transliteration. The linguist and writer Mychajlo Johansen (1895-1937) seemingly agreed on the whole with Pylypenko's system of rendering the Ukrainian letters while criticizing only some weak points in it. The combination of consonants with iotized vowels was one of his targets: since Pylypenko introduced the apostrophe (') to indicate the palatalization of consonants, there was no need to assign the same function to ⟨j⟩, like in the word *vidbuknet'sja* (Johansen 1923: 167).

We have to abandon such a legacy of our school 'curriculum' as soon as possible. First, there is no difference in pronunciation of the palatalized consonants in both instances. Second, to put it the other way round, we do use ⟨j⟩ as a symbol of iotization, and thus palatalization and iotization are confused in the spelling. So it seems that ⟨j⟩ should be kept for iotization and (') for palatalization, as they are used in the scholarly transcription (*ibidem*).

In order to avoid combinations of two consonants accompanied with apostrophe, Johansen (1923: 167-168) suggested that the latter be put after a group of such consonants, e.g., *poLS'kyj* (cfr. *польський* 'Polish') like *paNS'kyj* (cfr. *панський* 'landlord's'), and, accordingly, *vidbuknetS'a* (cfr. *відгукнется* 'he / she will respond'). Inasmuch as the Ukrainians pronounced *l* in many words as an alveolar lateral approximant (similar to the one typical of Central European languages), the author found it unnecessary to indicate the palatalization of ⟨l⟩ in such cases, therefore he proposed to write *fLota* (cfr. *флота* 'fleet' then in force), *Lohika* (cfr. *логіка* 'logic' then in force), as well as *centralnyj* (cfr. *центральный* 'central') and *tiLky* (cfr. *тільки* 'only'). Yet some Ukrainian words, according to his system, had to be written with an apostrophe to symbolize the real palatalization of /l/: "But we shall write *l'ubl'u* ['I love' – К.К.] with palatalization, which we hear in pronunciation, as well as *stavlat'* ['they put' – К.К.] etc." (Johansen 1923: 168).

Johansen put forward one more amendment to Pylypenko's transcription: instead of rendering the Cyrillic letters ⟨и⟩ and ⟨е⟩ with ⟨y⟩ and ⟨e⟩ respectively, he proposed to distinguish between the stressed /y/, marked as ⟨ê⟩, and the unstressed /e/ and /y/, indiscriminately symbolized by the grapheme ⟨e⟩. Surprisingly, he said nothing about the stressed /e/, while his instance of a Latinized Ukrainian text displays an inconsistency in this respect, cfr.: *prekmêtneke* vs. *прикмѣтники* 'adjectives', *protelêžne* vs. *протиѣжне* 'opposite', but *serEdn'ij* vs. *серѣдній* 'middle', *serEdene* vs. *серѣдини* 'Gen. for the middle of', *před* vs. *нѣред* 'before', *popředn'oho* vs. *попереднього* 'Gen. for preliminary', *projekt* vs. *проѣкт* 'project', *lehén'ke* vs. *легѣньке* 'slight', *dejaket* vs. *дѣяким* 'Dat. for some' (two words are spelled with ⟨ê⟩, the same way as for the stressed /y/, while the grapheme ⟨e⟩

¹ In Ukrainian unstressed /y/ and /e/ sound like [y^c] and [e^c] respectively, hardly distinguishable by ear. Johansen treated these allophones as an instance of complete phonological neutralization.

stands for both stressed and unstressed /e/ in all the other cases). Be it as it may, Johansen (1923: 168) stood firm: the sign ⟨ê⟩ is necessary and its functions can be easily grasped just by reading aloud a small fragment of a Ukrainian text thus spelt:

Takêj v korotkex rêsax projekt sproščenoho pravopesu, ščo mê proponujemo do vžêtku. Lehen'ke počutt'a nezvêklostë do znaku ê znekaje, pročetaťavše vholos xoč be j c'oho lesta. Z dejakem zdevuvann'am četač pomitet' naskilke ce označenn'a točno vidpovidaje joho vlasnij vemovi (kole v joho dobra vemova, scilicet!).

'This is a brief outline of the project of a simplified spelling which we propose to employ. A slight feeling of oddity one might have about the sign ⟨ê⟩ is dispelled by just reading aloud something of the kind of this message of mine. With a certain surprise the reader will notice how precisely this symbolization corresponds to his own pronunciation (provided he has a good one, scilicet!).'

Johansen's proposal went thus much deeper than Pylypenko's: instead of transliteration he was campaigning in favour of phonetization of the Ukrainian spelling based on a new Latin alphabet. However, his distinction of stressed and unstressed /e/ and /y/ did not meet with approval from another champion of the Latin alphabet, the Galician Ivan Tkačuk (1891-1948), who would rather stick to Pylypenko's simpler rendering of ⟨e⟩ and ⟨u⟩. All the other points, like the use of apostrophe, Czech letters and iotized letters, were, according to him, subject to discussion (Tkačuk 1924: 247). Still, the very issue of shifting from the Cyrillic to the Latin script, as Tkačuk stressed, was urgent and overdue (*ibid.*: 246).

After a State Spelling Committee was appointed by the Council of the People's Commissars of the Ukrainian Soviet Republic in July 1925, it formed a subgroup responsible for the choice of alphabet. By the end of the year, this subgroup came to the conclusion that a radical alphabet reform, i.e., Latinization, was ill-timed (Syniavs'kyj 1931: 97). Both Pylypenko and Johansen were members of the Spelling Committee, and they made another motion concerning the adoption of a Latin script at the All-Ukrainian Spelling Conference of 1927², but it was only backed by a minority of the participants: three according to Syniavs'kyj (1931: 102), fifteen according to Moser (2016: 496) and twenty according to Simovyč (2005: 69). The idea of Latinizing the Ukrainian writing system was thus buried for good.

1.2. *In Pursuit of a Compromise All-Ukrainian Spelling*

The decision to establish an official state committee with an eye to improving the spelling was prompted by the general feeling, very widespread by the mid-1920s, that the 1921 rules were no longer sufficient, and that there was "an imperative need to amplify and

² A ten-days long All-Ukrainian Spelling Conference was held in Charkiv in May and June 1927 (Syniavs'kyj 1931: 101). This meeting – its purpose being to reach unity in spelling for all the Ukrainian lands – was attended, apart from Soviet participants, by linguists from the Western part of Ukraine: Simovyč, Kyrylo Studyns'kyj (1868-1941) and Ilarion Sviencic'kyj (1876-1956) (*ibidem*, cfr. Nakonečnyj 1928: 4-5).

disambiguate” the norms in force (Nakonečnyj 1928: 3). The committee was comprised of professional linguists, writers, editors and teachers (UPP26: 3); the West Ukrainian scholars S. Smal'-Stoc'kyj, Volodymyr Hnatiuk (1871-1926) and Vasyľ Simovyč (1880-1944) were invited to join it in order to incorporate also the Western writing and speaking practice (Nakonečnyj 1928: 3; cfr. Syniavs'kyj 1931: 100).

It was Oleksa Syniavs'kyj (1887-1937), probably the most influential member of the committee, who edited a draft of a new emended and supplemented Ukrainian spelling (UPP26), published in April 1926 in 2,000 copies and distributed both in and outside the Soviet Ukraine, generating a lively discussion in the press.

One of the main tendencies consisted in propounding further phonetization of the Ukrainian spelling. Already in 1925, when the state committee was starting its work, the renowned linguist Jevhen Tymčenko (1866-1948) indicated several deficiencies in the Ukrainian writing system and suggested some steps to make it more consistent. He advanced three precepts to be applied in the spelling reform: each sound (phoneme) must have a separate letter in the alphabet; the spelling must base on the phonetic principle; loanwords and foreign proper names must preserve their original pronunciation when rendered by means of the Ukrainian script (Tymčenko 1925: 188). In particular, the scholar proposed to borrow symbols from the international transcription to designate the Ukrainian affricates /dʒ/, /dʒʲ/ and to substitute the Cyrillic letter ⟨й⟩ by the Latin ⟨j⟩. He treated the letters ⟨ш⟩, ⟨я⟩, ⟨ю⟩, ⟨є⟩, ⟨ї⟩ and ⟨ь⟩ as superfluous: ⟨ш⟩ indicated two sounds /ʃ/ and /ʃʲ/, each of them having its own letter in the alphabet; the iotized vowel symbols can be replaced with ⟨j⟩ + non-iotized vowel symbol. Tymčenko also envisioned the abolition of the palatalization mark ⟨ь⟩, because it does not designate any sound – but his proposals as to the possible alternatives were not quite consistent (Tymčenko 1925: 189-190).

In 1926, Petro Savyc'kyj (??-after 1934), a teacher from the Western Ukraine, while pinpointing the same imperfections in the Ukrainian alphabet, came up with six amendments to improve it. What he regarded as a viable solution included:

1. establishing an alphabet of 38 letters, equal to the number of sounds used in the language;
2. abolishing the symbols for iotized vowels and retaining only the letters ⟨a⟩, ⟨e⟩, ⟨u⟩, ⟨i⟩, ⟨o⟩, ⟨y⟩;
3. preserving the existing 20 letters for non-palatalized consonants: ⟨б⟩, ⟨в⟩, ⟨г⟩, ⟨ґ⟩, ⟨д⟩, ⟨ж⟩, ⟨з⟩, ⟨к⟩, ⟨л⟩, ⟨м⟩, ⟨н⟩, ⟨п⟩, ⟨р⟩, ⟨с⟩, ⟨т⟩, ⟨ф⟩, ⟨х⟩, ⟨ч⟩, ⟨ц⟩, ⟨ш⟩;
4. introducing the special symbols ⟨g⟩ and ⟨ʒc⟩ for the affricates /dʒ/ and /dʒʲ/ respectively (instead of the previously used digraphs ⟨дз⟩ and ⟨дж⟩);
5. employing ⟨шч⟩ (as pronounced) instead of the traditional letter ⟨ш⟩;
6. eliminating the palatalization mark ⟨ь⟩ and introducing 10 symbols for palatalized consonants: ⟨á⟩, ⟨áʲ⟩, ⟨áʲ⟩, ⟨íʲ⟩, ⟨íʲ⟩, ⟨íʲ⟩, ⟨íʲ⟩, ⟨íʲ⟩, ⟨íʲ⟩, ⟨íʲ⟩ (instead of ⟨аь⟩, ⟨эь⟩, ⟨аь⟩, ⟨нь⟩, ⟨рь⟩, ⟨сь⟩, ⟨ть⟩, ⟨ць⟩, ⟨дзь⟩ and ⟨йь⟩ respectively) (Savyc'kyj 1926: 180-181).

Half of Savyc'kyj's corrections (nos. 2, 4, 5) coincided on the whole with Tymčenko's suggestions, even if the symbols he proposed for /ɕ/ and /ɕʒ/ were dissimilar. In particular, Savyc'kyj's proposal of differentiating between palatalized and non-palatalized consonants was quite explicit and functional. His system would produce a graphic expression for Ukrainian of the following kind:

Історія літератури та історія соціялна је лише двома боками јединого процесу: бороти зi стихійними силами природи лудського суспілства, поділеного на класи. Настрої, ідеї, засоби художньої творчости певної доби залежає від досягнутої в цю добу височини технічної та економічної култури і мінаютьса разом зi зміною форми виробництва – економічного фактора і класової бороти, шчо виникає на ґрунті розподілу матеріяльних дібр і знаходит відгук у творах мистецтва, котре је в умовах класового суспілства знаряддам бороти і відбиває ідеологію пануючої в певну добу суспілної верстви (Savyc'kyj 1926: 181).

As can be observed, Savyc'kyj's sample text contains two words spelt at variance with his own declared principles: *доСЯгнутої* 'of the achieved' and *знаРЯддам* 'by tool', (one would expect *доСлагненої* and *знаР'Аддам* instead). It may be presumed, however, that these instances reflect the author's authentic pronunciation. Namely, the Western Ukrainians mostly pronounce, e.g., *буряк* 'beet-root' as [bu'ɾjak] and *рясний* 'abundant' as [ɾjas'nyj]. S. Smal'-Stoc'kyj (1926: 188) actually claimed that a Ukrainian is unable to read ⟨ря⟩ otherwise than [ɾja]. This is why the Western Ukrainians staunchly refused to use an apostrophe after the symbols for labials and after ⟨p⟩ to indicate the non-palatalized pronunciation of these consonants (Karpova 1960: 135-136). When the question of whether to preserve the apostrophe in the Ukrainian script was debated at the Spelling Conference, a great majority of participants voted at first against it; nonetheless the final decision was in its favour, though with certain restrictions (Syniavs'kyj 1931: 108).

The proposed revisions of the – basically Cyrillic – Ukrainian alphabet were another matter of discussion at the 1927 conference: votes were taken on the replacement of the letter ⟨й⟩ by ⟨j⟩, on the entire or partial elimination of the letters ⟨я⟩, ⟨ю⟩, ⟨є⟩, ⟨ї⟩, on the abolishment of the letter ⟨r⟩, on introducing special symbols for the alveolar /l/, bilabial /w/, affricates /ɕʒ/ and /ɕ/ etc. None of these motions gained support, so that the Cyrillic script and the writing system remained virtually unchanged (Syniavs'kyj 1931: 103).

Another heated discussion concerned the spelling of loanwords and of foreign proper names. The Eastern Ukrainian intellectuals, who had learnt Russian at school, and were used to the Russian ways of pronunciation and spelling, had a non-palatalized pronunciation of the foreign ⟨l⟩ (*класа* 'class', *декламация* 'declamation', *Ла-Маниш*, 'La Manche'), yet in some loanwords their /l/ underwent palatalization (*пляж* 'beach', *молюск* 'mollusc') – if that was the case also in Russian; Ukrainians in the West, influenced by the Polish and the German linguistic traditions, typically pronounced the same loanwords with a palatalized /l/: *кляса*, *деклямація*, *Ля-Маниш*, *пляж*, *молюск* (Nakonečnyj 1928: 12; cfr. Syniavs'kyj 1931: 104-105). The 1921 spelling rules recommended to render foreign ⟨g⟩

and ⟨h⟩ with the Ukrainian ⟨r⟩ (plosive /g/) and ⟨r⟩ (fricative /fi/) respectively only in proper names, while common names had to be spelt invariably with ⟨r⟩: *Гуго* ‘Hugo’, but *Генерал* ‘general’ (НА21а: 12). The Western Ukrainians practised this distinction both in proper names and in common loanwords. The distinguished Ukrainian historian Mychajlo Hruševs’kyj (1866-1934) commended the so-called Galician spelling tradition and sharply criticized those Ukrainians who were accustomed to the Russian way of spelling:

What distinguished the Ukrainian orthography from the Russian one was labelled as ‘Galician barbarism’, to be eradicated, crushed and forgotten as soon as possible, in order not to offend the ‘Little-Russian’ eye. In truth, it has been purified to the extent that the Ukrainians are now breaking their tongues to ape the Great-Russian pronunciation, prompted by the orthography, thus obliterating the difference between the Ukrainian and the Russian languages (Hruševs’kyj 1925: 189).

At the Spelling Conference the participants could not reach a consensus on the rendition of the foreign ⟨l⟩ and ⟨g⟩: 22 votes went in favour of the palatalization of the former and 20 against; the letter ⟨r⟩ obtained a better result, with 26 votes ‘for’ and 10 ‘against’ (Syniavs’kyj 1931: 105). Finally, the Spelling Conference came to a certain compromise on these and other divergences (*ibid.*: 105-106]). Non-palatalized /l/ and fricative /fi/ (spelt ⟨r⟩) were to be used in words of Greek origin, palatalized /l/ and plosive /g/ (spelt ⟨r⟩) in those borrowed from other European languages (with some exceptions). The Committee’s presidium unanimously approved this admittedly “artificial” formula (*ibid.*: 107). On the 6th of September 1928 the People’s Commissar of Education Mykola Skrypnyk (1872-1933) signed the new Ukrainian Spelling Rules, which thus gained the status of official norm (УР28: 1). Discussed and approved in a totally democratic way, this spelling appeared as a real, albeit moderate, reform, which fulfilled its key aim of reconciling the speaking and writing habits of both Easterners and Westerners (cfr. Moskalenko 1968: 41).

2. *Convergence with Russian*

When the Soviet authorities assumed an oppressive attitude towards non-Russian peoples at the turn the 1930s, Volodymyr Zaton’skyj (1888-1938), having supplanted Skrypnyk in the People’s Commissariat of Education, appointed on the 6th of April 1933 a special committee “to inspect the work done on the language front” (Vakulenko 2009: 75). This inspection condemned the 1928 spelling as “bourgeois nationalist” and pro-Polish (УР33: 5; Smal’Stoc’kyj 1936: 172). What had been treated as a balanced solution acceptable to all Ukrainians came to be interpreted as an attempt to tear Ukrainian away from Russian. The anti-reform of 1933 brought the Ukrainian spelling in many aspects as close as possible to the Russian one. As George Y. Shevelov (1908-2002; 1994: 5) put it: “Particularly the components of Middle European origin absorbed by Ukrainian when the country belonged, though marginally, to the Middle European community (Sprachbund) were to be eradicated mercilessly”. As a result, the letter ⟨r⟩ was banned outright from the Ukrainian alphabet, and this caused a serious

alteration in the phonemic system, as neither loanwords nor native Ukrainian words were any longer spelt, and later even pronounced, with the plosive /g/. The new rendering of the foreign ⟨g⟩ and ⟨h⟩ with Ukrainian ⟨r⟩ and ⟨x⟩ respectively duplicated the Russian pattern, and the same happened to the foreign /l/ (УР33: 60) and to the German diphthong /ai/ (*ibid.*: 63). The gender of numerous loanwords changed from feminine to masculine, again in order to comply with the Russian usage. Some foreign proper names were remodelled on the Russian forms. The new rules introduced a hiatus, alien to Ukrainian, in many words of foreign origin (*ibid.*: 21, 61-62). In grammar, the new spelling rules established the form of present participle in *-аючий* (*-уючий*) as normative (*ibid.*: 59).

SPELLING CHANGE	1928	1933	TRANSLATION
r → r (foreign g)	ґрунт	ґрунт	foundation
	лінґвістика	лінґвістика	linguistics
	аґресор	аґресор	aggressor
ля, льо, лю → ла, ло, лу	балаєст	балаєст	ballast
	блоєк	блоєк	block
	целюльоїд	целулоїд	celluloid
ай → ей (Germ. <i>ei</i>)	Ляйпціґ	Лейпціґ	Leipzig
	наївний	наївний	naïve
<i>hiatus:</i> аї, ає, ія, іє, ію, оє, ої → ai, ae, ia, ie, iy, oe, oi	траєкторія	траєкторія	trajectory
	соціалізм	соціалізм	socialism
	клієнт	клієнт	client
	тріюмф	тріумф	triumph
	проєкт	проект	project
	целюльоїд	целулоїд	celluloid
loanwords <i>f.</i> → <i>m.</i>	<i>f.</i> генéза	<i>m.</i> гéнезис	genesis
	<i>f.</i> метóда	<i>m.</i> мéтод	method
Present participle in <i>-аючий</i> (<i>-уючий</i>)	–	бажаючий	the willing
	–	виростаючий	the growing
	–	конкуруючий	the competing

These spelling changes reflect new principles, opposed to the former ones, and programmatically aimed at: 1) withdrawal of ‘artificial barriers’ between the Ukrainian and Russian languages; 2) abolishment of archaisms, parallelisms and provincialisms; 3) simplification of the rules; 4) total revision of “incorrect and politically harmful sections on spelling of ‘loanwords’ and proper names” (Chvylja 1933: 41). In the Soviet Ukraine, the 1933 spelling rules were reprinted in 1934 and 1936 with some minor corrections (УР34; УР36). The Western Ukrainians (in Poland, Czechoslovakia and Romania) did not accept the Soviet anti-reform, sticking instead to the previous rules (Nimčuk 1991: 17).

In 1937, the mastermind behind the 1933 spelling Andrij Chvylja (Oliner; 1898-1938) and his assistants, having been accused in their turn of the bourgeois nationalist bias, were swept away by another wave of Stalin's repressions. The Ukrainian press immediately launched an attack against Chvylja's spelling (Shevelov 1989: 166). Complaints were voiced that it was inconsistent and insufficient:

In order to make the understanding of the rules more difficult, the spelling advanced antiscientific statements, there were discrepancies between its several sections, finally, more complicated spelling issues were eschewed or formulated quite inadequately (Bez-krovnyj *et al.* 1938: 46).

Although the anti-reform of 1933 had brought the Ukrainian spelling system and some grammatical forms closer to Russian, even this was seen as not quite satisfactory (cfr. *Pidsumky*: 102, 105; Nakonečnyj 1939: 86-89). Moreover, the Russian linguists were preparing in the mid-1930s a new spelling for Russian, which necessitated further alterations in Ukrainian (Moskalenko 1968: 44). On the other hand, the 1933 rules clashed with the internal structure of the Ukrainian language and with actual language usage (Kyryčenko 1947: 4). Hence they required further revision.

Since January 1938 the press was discussing possible changes to the Ukrainian spelling. On the 14th of May 1938 the Ukrainian Council of Peoples' Commissars appointed an official spelling committee consisting of seven members – linguists, editors and teachers (UPP38: 3; Jefimenko 2002: 184). The committee's key task was "to eliminate nationalist distortions and correct mistakes" in the spelling rules (UPP38: 3), taking into account criticism and recommendations expressed in the press. In other words, it had to bring them closer to the everyday speech of the Ukrainian proletarians and to simplify some Ukrainian grammatical forms by duplicating the Russian ones (*Pidsumky*: 102; Kyryčenko 1947: 4-5).

The leading role in this process belonged to the linguist Mykola Hrun's'kyj (1872-1951), the editor of all the draft projects issued by the spelling committee. It is surprising that neither the committee's work, nor the spelling projects produced by it have ever been thoroughly investigated. Some scholars mention the spelling project of 1938 (Rusaniv's'kyj 1967: 139) or of 1940 (Levčenko 1946: 193; Moskalenko 1968: 26, 44) or both (Nimčuk 2002: 24-25). In his historical outline of the Soviet Ukrainian linguistics Mychajlo Žovtoibrjuch (1905-1995; 1991: 206) wrote about two editions, published in the end of 1938 and in the end of 1939 respectively. Petro Tymošenko (1920-1984; 1967:4) tentatively mentioned four editions of Hrun's'kyj's spelling project. In reality, during the years 1938 to 1940 the committee submitted no less than five versions of the amended spelling rules. The first one (UPP38) appeared in 1938 (in 350 copies) and was even reviewed in the press (Bez-krovnyj *et al.* 1938). Three more drafts with the same print run bear the year 1939 on the front pages (UPP39.1; UPP39.2; UPP39.3). In 1940, the committee printed 50 copies of its last draft (UPP40), which was approvingly evaluated in two reviews (Pelipas 1940; Zahrods'kyj 1941).

This planned reform did imply changes in the very grammatical structure of Standard Ukrainian. In addition to the two existing Ukrainian superlative forms, i.e. **НАЙбільший**

‘the biggest’, *НАЙкращий* ‘the best’ and *НАЙБІЛЬШ зручний* ‘the most convenient’, all the five drafts proposed to establish a Russian-like one of the type *САМИЙ більший* ‘the biggest’, *САМИЙ кращий* ‘the best’, *САМИЙ зручний* ‘the most convenient’ (UPP38: 65; UPP39.1: 68; UPP39.2: 68; UPP39.3: 68; UPP40: 71). Furthermore, Genitive, Dative and Locative cases of the numerals from 50 to 80, as well as their ordinal forms were adjusted to the Russian declensional and derivational models: *ШЕСТИдесяти* (cfr. Russian *ШЕСТИдесяти*) instead of proper Ukrainian *ШИСТдесяти* ‘Gen., Dat. and Loc. for sixty’; *ШЕСТИдесятий*, *СЕМИдесятий* (cfr. Russian *ШЕСТИдесятий*, *СЕМИдесятий*) instead of proper Ukrainian *ШИСТдесятий*, *СИМдесятий* ‘the sixtieth, the seventieth’ (UPP38: 67-68; UPP39.1: 70; UPP39.2: 70; UPP39.3: 70; UPP40: 73). The active past participle in *-ший*, borrowed from Russian, was illustrated with one single word *перемігШИЙ* ‘having won’ in 1938 (UPP38: 77), but next year two more examples – *бувШИЙ* ‘having been’ and *спалахнувШИЙ* ‘having flashed’ – were added (UPP39.1: 81; UPP39.2: 80; UPP39.3: 81; UPP40: 84). A further portion of loanwords changed their gender from feminine to masculine: f. *теза* → m. *тезис* ‘thesis’, f. *криза* → m. *кризис* ‘crisis’, f. *синтакса* → m. *синтаксис* ‘syntax’, etc. (UPP38: 84; UPP39.1: 89; UPP39.2: 88; UPP39.3: 89; UPP40: 92).

At the same time, the draft projects reflected a sort of indecisiveness with respect to loanwords. E.g. the hiatus was to be avoided in some instances: the first draft of 1939 proposed to revert to *героїчний* ‘heroic’, *наївний* ‘naïve’, *прозаїк* ‘prose-writer’, *клієнт* ‘client’, *пацієнт* ‘patient’, but *дієта* ‘diet’ was to keep its hiatus (UPP39.1: 85-87). The second version contained parallel forms *клієнт* and *клиєнт* (UPP39.2: 85, 87), as well as *пацієнт*, but upheld *плетет* ‘piety’ (*ibidem*). The third version of 1939 was identical with the first one, but for *дієта* which was skipped (UPP39.3: 85, 87). The draft of 1940 included three more loanwords with epenthetic /j/: *проект* ‘project’, *проекція* ‘projection’, *траєкторія* ‘trajectory’ (UPP40: 90). This slight modification was, presumably, a side-effect of the incorporation of the Western Ukrainian lands (Galicia, Volhynia and Bucovina) into the Soviet Union in 1939-1940 (Shevelov 1989: 170; Šerech 1952, 16: 8). One of Hrunc’kyj’s assistants remarked that “the reunification with the Ukrainian people of the Western regions and of the Northern Bucovina [...] sets new tasks for the Ukrainian spelling” (Pelipas 1940: 45). Simovyč (2005: 214) also admitted that after Galicia’s integration, the Western Ukrainians became gladly received. This created a situation in which some writers even dared to disapprove of the official course in the Soviet Ukrainian spelling (*ibidem*).

Though none of these five drafts was officially approved, the Ukrainian press was willing to implement the new spelling rules without delay (Zahrods’kyj 1941: 119; Bulachovs’kyj 1945: 20; Il’jin 1946: 4; Levčenko 1946: 193; Kyryčenko 1947: 7-8). This caused a state of “language anarchy” which was “made use of to further Russify the Ukrainian language” (Šerech 1952, 16: 7). New grammar books, based on the spelling project of 1938, appeared immediately (Žovtobrjuch 1939). This effort to bring the Ukrainian spelling and grammar structure still closer to Russian may be regarded as a continuation of the previous anti-reform. Thus the 1930s in the history of the Ukrainian spelling were the years of the sharpest turn toward Russification. Eventually the spelling project of 1940 was abandoned; Hrunc’kyj’s spelling committee had to stop their work because of the German occupation of Ukraine.

While the Soviet institutions were evacuated to the Eastern regions of the European Russia and functioned there in 1941-1944, the Ukrainians who found themselves under German rule chose to stick to the 1928 orthography. By January 1942, scholarly institutions in Kyjiv and in Lviv, having acknowledged that the official Ukrainian Bolshevik spelling did not reflect the Ukrainian language laws, but rather mirrored the Russian spelling, agreed to restore the unifying Ukrainian norms of 1928 (Simovyč 2005: 214). Numerous Ukrainian periodicals published in 1941-1944 adhered basically to these rules.

Concurrently the evacuated Ukrainian linguists were revising again the official spelling. In June 1942 the Ukrainian Government appointed a new spelling committee headed by the academician Leonid Bulachovs'kij (1888-1961) (Onyščenko *et al.* 2007: 55). The committee had to lean on the work of their pre-war predecessors and to take account of the Russian spelling project of 1940 (*ibid.*: 65). In April 1943 Bulachovs'kyj presented a draft which, despite adhering to the official requirements, tried to maintain some essential features of Ukrainian. For instance, it ventured to re-establish the letter ⟨r⟩ at least in such Ukrainian words as *гавва* 'crow', *гедзь* 'gadfly', *гудзик* 'button', *ремигати* 'ruminant' etc., but later, "under pressure of political circumstances," Bulachovs'kyj changed his mind (Bojačuk 1989: 19). The new spelling could be approved in August 1943, when a meeting of the spelling committee was attended by the Head of the Council of the People's Commissars of the Ukrainian SSR Nikita Chruščev (1894-1971) and other leaders of the Ukrainian Communist Party. However, there were a few details, like the spelling of Russian surnames, the letter ⟨r⟩ etc., on which a compromise could not be reached (Bulachovs'kyj 1945: 20). The People's Commissar of Education, Pavlo Tyčyna (1891-1967), refused to sign a new orthographic code without the letter ⟨r⟩. Only after having been informed about Josef Stalin's (1878-1953) "direct instruction" concerning the inadmissibility of the letter ⟨r⟩ (Tel'niuk 1989: 4) did he endorse the new spelling rules on the 8th of May 1945 (UP45: 4). Approved and printed in 1945, the orthography was put into practice enforced since 1946.

These spelling rules followed the draft of 1940 with regard to vowel hiatus resolution, except for the word *project* (UP45: 104-106); a few more feminine nouns moved from to the masculine gender (*ibid.*: 109), etc.:

SPELLING CHANGE	1933	1945	TRANSLATION
<i>hiatus filling:</i> ai, ae, ie, oi → aī, aē, iē, oī, but: ia, iy, oe	НАІВНИЙ ТРАЕКТОРІЯ КЛІЄНТ ЦЕЛУЛОІД СОЦІАЛІЗМ ТРІУМФ ПРОЕКТ	НАЇВНИЙ ТРАЄКТОРІЯ КЛІЄНТ ЦЕЛУЛОЇД СОЦІАЛІЗМ ТРІУМФ ПРОЕКТ	naïve trajectory client celluloid socialism triumph project
loanwords <i>f.</i> → <i>m.</i> or <i>f.</i> + <i>m.</i>	<i>f.</i> СИНТА́КСА <i>f.</i> оаза <i>f.</i> тезА	<i>m.</i> СІНТАКСИС <i>m.</i> оазИС <i>f.</i> тезА and <i>m.</i> тезИС	syntax oasis thesis

Bulachovs'kyj's committee declined most morphological alterations proposed in the preceding projects of 1938-1940, although it partially accepted some suggestions concerning word-building, e.g.: *двоохотий* (cfr. *двосотий* 'the two-hundredth')³, *двохосьовий* (cfr. *двоосьовий* 'bi-axial') vs. *двометровий* 'two metres high'⁴ (*ibid.*: 87, 30). Curiously, Bulachovs'kyj (1945: 21) did not consider the spelling rules of 1945 as a reform, but only as an adjustment of the 1933 spelling, while a colleague of his claimed that the spelling had been "fundamentally reformed" (Levčenko 1946: 193). The preface to the 1945 spelling rules specified 8 principles which were basic for this edition (УР45: 4). The first three points declared an intention to combine the received tradition, the living usage and the language of the best Ukrainian writers. These maxims made it possible to reach a quasi-compromise between the spelling rules of 1928 and 1933, which can be called a 'half-reform'.

3. Convergence with Russian vs. Reinstatement of the Older Spelling Practice

In 1956, an amended version of Russian spelling rules came out (ПРОП), prompting another revision of the Ukrainian spelling (*Pro perevydannia*: 7; Varčenko 1959: 2). A new edition of the Ukrainian spelling rules appeared in 1960. The changes were rather random: the spelling of the hyphenated nouns and adjectives repeated the Russian rules, e.g. *ясно-червоний* 'bright red', *кисло-солодкий* 'bitter sweet', *пів-яблука* 'half an apple', *пів-аркуша* 'half a page' (УР60: 36); in a few nouns the suffix *-овк(a)*⁵ changed back into *-івк(a)/-ївк(a)*: *спиртІВКА* 'spirit-lamp', *маїВКА* 'spring-time outing' (*ibid.*: 32); some proper names, like *ІєННА* 'Jena', *ГаванНА* 'Havana', since 1960 were to be spelt without gemination in the root: *ІєНА*, *ГаванНА* (*ibid.*: 117, 115).

In summer 1962 the editorial board of the Moscow-based journal "Russkijazyk v škole" urged its readers "to engage in a discussion of spelling issues" (*Ot redakcii*). For two years the journal was publishing under the heading *Spelling Problems* various proposals as to how to improve the spelling and the graphic system of Russian. Very soon (in December 1962) the newspaper "Radians'ka osvita" published an open letter by seven teachers from the provincial town of Uman', addressed to the Institute of Linguistics in Kiev, with an appeal for an "integral streamlining of the Ukrainian spelling rules"

³ Three drafts of Hrun's'kyj's spelling projects proposed the forms like *двоохотий* (УРР39.1: 71; УРР39.3: 71; УРР40: 74); two more editions contained a form *двосотий* (УРР38: 68; УРР39.2: 71).

⁴ Since 1939 Hrun's'kyj's projects persistently gave the form *двохметровий* (УРР39.1: 24; УРР39.2: 25; УРР39.3: 24; УРР40: 24), while the draft of 1938 prescribed solely *двометровий* (УРР38: 24).

⁵ Although the spelling regulations of the 1920s-1930s did not include this rule at all, the suffix *-овк(a)* started prevailing over *-івк(a)* since about mid-1930s. Hrun's'kyj's projects suggested exclusively the suffix *-овк(a)*, e.g., *майОВКА* 'spring-time outing', *нотьОВКА* 'card of admission', *спиртОВКА* 'spirit-lamp', *формулірОВКА* 'formulation' (УРР38: 22; УРР39.1: 23; УРР39.2: 23; УРР39.3: 23; УРР40: 23). Bulachovs'kyj preserved this model with an exception for *нутІВКА* (УР45: 28).

(Vološčuk *et al.* 1962: 1). Further messages with similar suggestions, in line with the position of the Uman' teachers, appeared in the following issues of the same newspaper (*Liubytz*; Kulyk 1962). The Ukrainian periodicals for teachers encouraged the readers to express their opinion concerning the overcomplicated and imperfect Ukrainian orthography (cfr. Moskalenko 1968: 28-29).

In January 1963, yet another spelling committee, this time headed by Vitalij Rusaniv's'kyj (1931-2007) set about simplifying the Ukrainian spelling (Andruščenko 1963: 3; Kovalenko 1963: 3). Linguists and teachers were coming up with their arguments and propositions as to how to amend and streamline the spelling rules then in force, which were, admittedly, a hindrance to mastering the Ukrainian language (Vološčuk *et al.* 1962: 1). School teachers, who expressed their attitudes mainly in newspaper publications, often claimed that the Ukrainian spelling was causing difficulties because of its divergence from the Russian one and pressed for their harmonization (*Hramotnist'*: 1). By contrast, university teachers and professional linguists articulated their views in the journal "Ukrajins'ka mova i literatura v školi". Some authors suggested to transcribe the German diphthongs /ai/, /oi/ according to their original pronunciation instead of /ej/, as in Russian (Kobyljans'kyj 1964: 76; Stril'civ 1963: 69), and to render the foreign ⟨i⟩ after dental consonants with the Ukrainian ⟨и⟩, e.g. *Алжир* 'Algeria', *Мадрид* 'Madrid', *Сицилія* 'Sicilia' instead of *Алжир*, *Мадрид*, *Сицилія* (Doboš 1964: 73; Kobyljans'kyj 1964: 77; Stril'civ 1963: 68; Masjukevyc 1963: 73), to resolve the hiatus in the word *проект* 'project' by writing instead *проект* (Stril'civ 1963: 69) etc. There appeared once more proposals (Krot' 1964: 75-76; Slyn'ko 1963: 69-70) to codify the declensional and derivational models of numerals from 50 to 80 (in Gen., Dat., Loc. cases) of the type *п'ятидесяти* 'Gen., Dat., Loc. for fifty', *п'ятидесятий* 'the fiftieth' proper to Russian (but by that time also current in colloquial Ukrainian).

The discussion also concerned the graphic system. A number of authors insisted on bringing back the letter ⟨r⟩ both in Ukrainian words and in loanwords (Doboš 1964: 73; Kobyljans'kyj 1964: 76-77; Moskalenko 1963: 77; 1968: 15-16; Stril'civ 1963: 68). The linguist from the University of Odessa Artem Moskalenko (1901-1980; 1963: 78; 1968: 16) proposed to introduce special graphemes for the phonemes /dʒ/ and /dʒ/ instead of the digraphs ⟨дж⟩ and ⟨дз⟩. His colleague from Lviv, Bronislav Kobyljans'kyj (1896-1986; 1963: 77) supported this idea and suggested that such graphemes could be taken from the phonetic transcription. Generally speaking, the public demanded a cardinal spelling reform (Kulyk 1962: 3; Hulak 1963: 71; Masjukevyc 1963: 73; Kobyljans'kyj 1964: 77).

This discussion lasted for over a year and was concluded in 1964 with a paper by the head of the spelling committee Rusaniv's'kyj (1964: 271-279), entitled *Not a Reform but a Rectification*. In reality, neither a 'reform' nor a 'rectification' was carried out in the Ukrainian spelling till the late 1980s – a heated discussion resulted in a 'non-reform'. Chruščev's Thaw was an opportunity to express various views and propositions, but all the steam went into the whistle.

4. *Fragmentary Reinstatement of the Older Spelling Practice*

In 1980 the Institute of Linguistics published a collaborative volume under the title *Difficult Issues in the Current Ukrainian Spelling*. The authors dealt with some problems that had been articulated in the early 1960s, like the transcribing of the German diphthongs /ai/ and /oi/, the letter ⟨r⟩, the rendering of foreign ⟨i⟩ after dentals with ⟨и⟩ in place-names etc. (Rusaniv's'kyj 1980: 63-69, 77, 82, 110-111).

Michail Gorbačev's course on democratization made it possible to grant Ukrainian an official status in the Soviet Ukraine in November 1989. Concurrently the Ukrainian linguists were preparing the third edition of the spelling rules, which were again a matter of open discussion. The new spelling rules came out in 1990. They reintroduced some of the authentic Ukrainian features: namely the letter ⟨r⟩ reappeared in the Ukrainian alphabet, though exclusively in the Ukrainian words (УР90: 20) and in a single recent loanword *зигзаг* 'zigzag' (*ibid.*: 106). Some German proper names "of recent origin" with the diphthongs /ai/ and /oi/ were supposed to be transcribed, e.g., *Нортгайм* 'Northeim', *Нойбауер* 'Neubauer' (*ibid.*: 108); some geographical names since 1990 have the letter ⟨i⟩ changed to ⟨и⟩, e.g., *Бразилія* 'Brazil', *Братислава* 'Bratislava', *Сицилія* 'Sicily', *Чикаго* 'Chicago' (*ibid.*: 106-107). All these partial amendments were only another 'half-reform'.

5. *Conclusions*

Fluctuations in the Communists Party's general line either toward liberalization or toward oppression in its nationality and language policy unavoidably provoked revisions of the Ukrainian spelling, which either gravitated to the authentic Ukrainian tradition, or rather to what Standard Russian dictated. These fluctuations made themselves felt in the standardization principles applied in each case:

1921	Codification of the most common (Eastern) Ukrainian spelling practice;
1928	Pursuit of all-national unity;
1933-1936	Convergence with Russian, 1 st stage;
1938-1940	Convergence with Russian, 2 nd stage (unaccomplished);
1945	Compromise between the Ukrainian and Russian language systems;
1960	Convergence with Russian, 3 rd stage;
1962-1964	Simplification and fragmentary reinstatement of the older spelling practice (failed);
1990	Fragmentary reinstatement of the older spelling practice.

Since 1991, when Ukraine became independent, the language policy, especially in corpus planning, has been indeterminate. The spelling issues continue to be in the hands of the Academy of Sciences which has not liberated itself from the Soviet approaches. The efforts to reform the Ukrainian spelling after 1991 were all unproductive, and the official spelling

in force is still based mainly on the criteria and norms of 1945. However, due to the inefficient language policy, the living usage shows a tendency to disregard the official prescriptions and to re-establish the traditional spelling habits codified in the 1920s: it is becoming not unusual to read or to write, e.g., *ГемінГВей* and *ПортуГалія* instead of *ХемінГуей* and *Португалія* inherited from the Soviet period.

Abbreviations

- Hramotnist'*: *Hramotnist'* – *dzerkalo školy*, “Radians’ka osvita”, 1963, 7 (Sičen, 26), p. 1.
- Liubyty*: *Liubyty, znaty, pestyty ridnu movu*, “Radians’ka osvita”, 1962, 99 (Hruden, 15), p. 3.
- NA21a: *Najholovniši pravyla ukrajins’koho pravopysu*, Kyjiv 1921.
- NA21b: *Najholovniši pravyla ukrajins’koho pravopysu. Peredruk z Kyjivs’koho vydannia 1921 roku*. Rivne na Volyni 1921.
- NA22a: *Najholovniši pravyla ukrajins’koho pravopysu. Peredruk z Kyjivs’koho vydannia 1921 roku*, Stanyslaviv-Kolomyja 1922.
- NA22b: *Ukrajins’ka literaturna mova j pravopys*, I. *Ukrajins’ka Akademija Nauk. Najholovnišči pravyla ukrajins’koho pravopysu*, II. E. Čykalenko, *Pro ukrajins’ku literaturnu movu*, Berlin 1922.
- NA25: *Najholovniši pravyla ukrajins’koho pravopysu*, Praha 1925.
- Ot redakcii*: *Ot redakcii*, “Russkij jazyk v škole”, 1962, 4, p. 100.
- Pidsumky*: *Pidsumky narady po obhovoreniiu probram i pidručnykiv z movy ta literatury v serednij školi. Mova*, “Komunistyčna osvita”, 1938, 1, pp. 97-107.
- PROP: *Pravila russkoj orfografii i punktuacii*, Moskva 1956.
- Pro perevydannia*: *Pro perevydannia “Ukrajins’koho pravopysu” 1946 r.*, “Ukrajins’ka mova v školi”, 1957, 2, pp. 6-7.
- UP28: *Ukrajins’kyj pravopys*, Charkiv 1928.
- UP33: *Ukrajins’kyj pravopys*, Charkiv 1933.
- UP34: *Ukrajins’kyj pravopys. Druhe vydannia*, Charkiv-Kyjiv 1934.
- UP36: *Ukrajins’kyj pravopys. Tretie vydannia*, Kyjiv 1936.
- UP45: *Ukrajins’kyj pravopys*, Kyjiv 1945.
- UP60: *Ukrajins’kyj pravopys. Vydannia druhe, vypravlene i dopovnene*, Kyjiv 1960.
- UP90: *Ukrajins’kyj pravopys. 3-tie vydannia, vypravlene j dopovnene*, Kyjiv 1990.
- UPP26: *Ukrajins’kyj pravopys (Projekt)*, Charkiv 1926.

- UPP38: *Ukrajins'kyj pravopys (proekt vydannia četvertoho)*, Kyjiv 1938.
- UPP39.1: *Ukrajins'kyj pravopys*, Kyjiv 1939, pp. 138.
- UPP39.2: *Ukrajins'kyj pravopys. Vydannia četverte*, Kyjiv 1939, pp. 138.
- UPP39.3: *Ukrajins'kyj pravopys*, Kyjiv 1939, pp. 142.
- UPP40: *Ukrajins'kyj pravopys*, Kyjiv 1940.

Literature

- Andruščenko 1963: V. Andruščenko, *Vynen ne odyv pravopys*, "Radians'ka osvita", 1963, 3 (Sičen, 12), p. 3.
- Bezkrornyj et al. 1938: O. Bezkrornyj, I. Hubarževs'kyj, P. Lysenko, *Do proektu zmin v ukrajins'komu pravopysu*, "Komunistyčna osvita", 1938, 5, pp. 46-63.
- Bojarčuk 1989: O. Bojarčuk, *Peredostannja sproba*, "Pamjatky Ukrainy", 1989, 3, p. 19.
- Bulachovs'kyj 1945: L.A. Bulachovs'kyj, *Nove vydannia "Ukrajins'koho pravopysu"*, "Radians'ka škola", 1945, 4, pp. 20-24.
- Chvylja 1933: A. Chvylja, *Znyščyty korinnja ukrajins'koho nacionalizmu na movno-mu fronti (Zbirka)*, Charkiv 1933.
- Crisp 1990: S. Crisp, *Soviet Language Planning 1917-53*, in: M. Kirkwood (ed.) *Language Planning in the Soviet Union*, New York 1990, pp. 23-45.
- Doboš 1964: V.I. Doboš, *Uvahy do pravopysu*, "Ukrajins'ka mova i literatura v školi", 1964, 1, pp. 73-75.
- Hruševs'kyj 1925: M. Hruševs'kyj, *Do upravyl'nennia ukrajins'koho pravopysu*, "Ukraina", 1925, 5, pp. 189-191.
- Hulak 1963: L.I. Hulak, *Moji propozyciji*, "Ukrajins'ka mova i literatura v školi", 1963, 5, p. 71.
- Il'jin 1946: V. Il'jin, *Novyj ukrajins'kyj pravopys*, "Literaturna hazeta", 1946, 48 (Lystopad, 27), p. 4.
- Jefimenko 2002: H. Jefimenko, *Stavlennia vladnych struktur do rozvytku nacional'nych mov u Radians'kij Ukraini 1930-ch rokov*, in: V. Radčuk (ed.), *Movni konflikty i harmonizacija suspil'stva. Materialy naukovoji konferenciji 28-29 travnia 2001 roku*, Kyjiv 2002, pp. 179-185.
- Johansen 1923: M. Johansen, *Prystosuvannia latynyci do potreb ukrajins'koji movy*, "Červonyj Šljach", 9, 1923, pp. 167-169.
- Karpova 1960: V.L. Karpova, *Z istoriji ukrajins'koho pravopysu v Halyčyni (1917-1939 rr.)*, in: I.P. Krypjakevyč (ed.), *Doslidžennia i materialy z ukrajins'koji movy*, II, Kyjiv 1960, pp. 124-142.
- Kobyljans'kyj 1964: B.V. Kobyljans'kyj, *Sproščennia, a ne sproščenstvo*, "Ukrajins'ka mova i literatura v školi", 1964, 1, pp. 76-77.

- Kovalenko 1963: N. Kovalenko, *Hramatyka – šče ne mova*, “Radians’ka osvita”, 1963, 5 (Sičen, 19), 1963, p. 3.
- Krot’ 1964: D.T. Krot’, *Žyttieva neobchidnist’ udoskonalennia*, “Ukrajins’ka mova i literatura v školi”, 1964, 1, pp. 75-76.
- Kulyk 1962: B. Kulyk, *Ne pivzachody, a korinna reforma*, “Radians’ka osvita”, 1962, 100 (Hruden, 19), p. 3.
- Kyryčenko 1947: I.M. Kyryčenko, *Osoblyvosti novoho ukrajins’koho pravopysu*, Kyjiv 1947.
- Levčenko 1946: S. Levčenko, *Nove vydannia “Ukrajins’koho pravopysu”*, “Vitčyzna”, 1946, 10-11, pp. 193-202.
- Masjukevych 1963: O.M. Masjukevych, *Neobchidna hruntovna reforma!* “Ukrajins’ka mova i literatura v školi”, 1963, 3, pp. 70-73.
- Moser 2016: M. Moser, *New Contributions to the History of the Ukrainian Language*, Edmonton-Toronto 2016.
- Moskalenko 1963: A.A. Moskalenko, *Dumky pro sučasnyj pravopys*, “Ukrajins’ka mova i literatura v školi”, 1963, 2, pp. 77-79.
- Moskalenko 1968: A.A. Moskalenko, *Istorija ukrajins’koho pravopysu (Radians’kyj period)*, Odesa 1968.
- Nakonečnyj 1928: M. Nakonečnyj, *Pro novyj pravopys ukrajins’kyj*, Charkiv 1928.
- Nakonečnyj 1939: M.F. Nakonečnyj, *Aktual’ni pytannia ukrajins’koho pravopysu*, “Naučnyje zapiski Char’kovskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta inostrannykh jazykov”, 1, 1939, pp. 83-108.
- Nimčuk 1991: V.V. Nimčuk, *Pro hrafiku ta pravopys jak element etničnoji kul’tury: istorija r*, “Movoznavstvo”, 1991, 3, pp. 12-21.
- Nimčuk 2002: V.V. Nimčuk, *Problemy ukrajins’koho pravopysu XX-počatku XXI st.*, Kamjanec’-Podil’s’kyj 2002.
- Onyščenko 2007: O.S. Onyščenko (ed.), *Istorija Nacional’noji akademiji nauk Ukrainy 1941-1945*, 11, Kyjiv 2007.
- Pelipas 1940: Ju. Pelipas, *Pro dejaki pytannia ukrajins’koho pravopysu*, “Komunistyčna osvita”, 1940, 11, pp. 34-45.
- Pliušč 1967: P.P. Pliušč, *Ustalennia pravopysnych norm ukrajins’koho literaturnoji movy pislia Žovtnia*, “Visnyk Kyjivs’koho universytetu. Serija fililohiji”, 1967, 9, pp. 18-26.
- Pylypenko 1923: S. Pylypenko, *Odvertyj lyst do vsix, xto cikavyt’sja cijeju spravouju*, “Červonyj Šljach”, 1923, 6-7, pp. 267-268.
- Rusaniv’s’kyj 1964: V.M. Rusaniv’s’kyj, *Ne reforma, a udoskonalennia*, in: I.K. Bilodid et al. (eds.), *Pro kul’turu movy*, Kyjiv 1964, pp. 271-279.
- Rusaniv’s’kyj 1967: V.M. Rusaniv’s’kyj, *Stanovlennia i rozvytok systemy pravopysu*, in: J.A. Bahmut et al. (eds.), *Movoznavstvo na Ukraini za pjatdesiat rokov*, Kyjiv 1967, pp. 128-144.

- Rusanivs'kyj 1980: V.M. Rusanivs'kyj (ed.), *Skladni pytannia sučasnoho ukrajins'koho pravopysu*, Kyjiv 1980.
- Savyc'kyj 1926: P. Savyc'kyj, *Do reformy ukrajins'koho pravopysu (diskysija)*, "Ukrajina", 1926, 1, pp. 180-181.
- Šerech 1952: Ju. Šerech, *Pryncypy j etapy bolševyc'koho movnoji polityky na Ukrajinі*, "Sučasna Ukrajina", 1952, 14 (Červen', 29), pp. 9-10; 15 (Lypen', 13), pp. 5-6; 16 (Lypen', 27), pp. 7-8.
- Shevelov 1989: G.Y. Shevelov, *The Ukrainian Language in the First Half of the Twentieth Century (1900-1940). Its State and Status*, Cambridge (MA) 1989.
- Shevelov 1994: G.Y. Shevelov, *Tours and Detours of the Ukrainian Official Spelling* [Typescript 1994], Columbia University Library. George Y. Shevelov Archival Collection, box 21, folder 8, pp. 1-16.
- Simovyč 2005: V. Simovyč, *Praci v dvoch tomach*, 1. *Movoznavstvo*, Černivci 2005.
- Slyn'ko 1963: I.I. Slyn'ko, *Nablyzty pravopys do potreb školy*, "Ukrajins'ka mova i literatura v školi", 1963, 3, pp. 67-70.
- Smal'-Stoc'kyj 1926: S. Smal'-Stoc'kyj, *Pravopysna sprava*, "Ukrajina", 1926, 4, pp. 180-191.
- Smal'-Stoc'kyj 1936: R. Smal'-Stoc'kyj, *Ukrajins'ka mova v Soviets'kij Ukrajinі*, Varšava 1936.
- Stril'civ 1963: P.S. Stril'civ, *Sproščenyj pravopys – krašča hramotnist'*, "Ukrajins'ka mova i literatura v školi", 1963, 5, pp. 66-69.
- Šumlians'kyj 1927: F. Šumlians'kyj, *Najholovniši pravyla ukrajins'koho pravopysu Ukrajin'skoho Akademiji Nauk vydannia 1921 roku. Rozvidka*, Cherson 1927.
- Syniavs'kyj 1931: O. Syniavs'kyj, *Korotka istorija "Ukrajins'koho pravopysu"*, in: *Kul'tura ukrajins'koho slova. Zbirnyk Naukovo-Doslidčoho Instytutu T. Ševčenko*, 1, 1931, pp. 93-112.
- Tel'niuk 1989: S. Tel'niuk, *Narkom URSR P.H. Tyčyna: u ti najvažči roky...*, "Radians'ka osvita", 1989, 3 (Sičen', 10), p. 4.
- Tkačuk 1924: I. Tkačuk, *Nevidkladne zavdannia (do spravy zavedennia latyn'skoho alfavitu v ukrajins'kim pys'mi)*, "Červonij Šljach", 1924, 4-5, pp. 245-247.
- Tymčenko 1925: Je. Tymčenko, *Desiderata v spravi našoho pravopysu*, "Ukrajina", 1925, 4, pp. 188-191.
- Tymošenko 1967: P.D. Tymošenko, *Ukrajins'ke movoznavstvo v Kyjiv'skomu universyteti za roky radians'koho vlady*, "Visnyk Kyjiv'skoho universytetu. Serija filolohiji", 1967, 9, pp. 3-10.
- Vakulenko 2009: S. Vakulenko, *1933-ij rik v istoriji ukrajins'koho movy: čynna norma ta pravopysna praktyka (na prykladi redakcijnymi polityky hazety "Komunist")*, "Vyvčajemo ukrajins'ku movu ta literaturu", 2009, 16-18, pp. 74-79.

- Varčenko 1959: I. Varčenko, *Pytannia pravopysu – zahal'nonarodna sprava*, “Literaturna hazeta”, 18 (Berezen', 6), 1959, p. 2.
- Vološčuk *et al.* 1962: Ja. Vološčuk, M. Kozyr, M. Novakivs'ka, H. Tymošenko, Je. Šuhnylo, I. Jacenko, V. Cvilichivs'kyj, *Liubty, znaty, pestyty ridnu movu. Vidkrytyj lyst [do] Instytutu movoznavstva Akademiji nauk URSR*, “Radians'ka osvita”, 1962, 96 (Hruden', 5), p. 1.
- Zahrods'kyj 1941: A. Zahrods'kyj, *Kil'ka uvah do proektu ukrajins'koho pravopysu*, “Komunistyčna osvita”, 1941, 3, pp. 119-123.
- Žovtobryuch 1939: M. Žovtobryuch, *Novi pidručnyky ukrajins'koho movy*, “Komunistyčna osvita”, 1939, 1, pp. 136-142.
- Žovtobryuch 1991: M. Žovtobryuch, *Narys istoriji ukrajins'koho radians'koho movoznavstva*, Kyjiv 1991.

Abstract

Kateryna Karunyk

The Ukrainian Spelling Reforms, Half-Reforms, Non-Reforms and Anti-Reforms as Manifestation of the Soviet Language Policy

Standardisation of the Ukrainian language during the Soviet period passed through a number of fluctuations which had their impact on the language structure, including the spelling.

In 1921 the first state-supported spelling rules appeared in Soviet Ukraine, which were based on the language usage of the Eastern part of the country. By contrast the spelling reform of 1928 aimed at unifying the speaking and writing habits of both Easterners and Westerners. When the Soviet authorities assumed an oppressive attitude towards non-Russian peoples at the turn of the 1930s, the official spelling was rejected as “nationalistic” and pro-Polish. Instead, in the anti-reform of 1933, Ukrainian spelling was brought as close as possible to the Russian one (by the same token, it clashed with the internal structure of the language). Thus it required further revision and the spelling discussions of 1938-1945 finally reached a quasi-compromise between the two previous codes, which resulted in a “half-reform”. In the 1960s, another discussion followed, but had no practical results (a non-reform). Finally, in 1990 another half-reform reintroduced some of the authentic Ukrainian elements in the new version of the spelling.

Keywords

Ukrainian Spelling Rules; Language Standardisation; Soviet Language Planning.

Giovanna Siedina

L'infinita quæstio del *Pravopys* ucraino nell'Ucraina indipendente

Il presente articolo mira ad illustrare le tappe principali della rielaborazione dello 'Ukrajins'kyj pravopys' (letteralmente 'Ortografia ucraina' d'ora in poi UP), ossia l'insieme delle norme generalmente accettate e obbligatorie che regolano l'ortografia, la punteggiatura e la morfologia essenziale della lingua ucraina, nell'Ucraina indipendente. In particolare nell'articolo verranno illustrati e commentati i due più recenti progetti di riforma dell'UP, il progetto del 1999 elaborato dalla Commissione presieduta dal linguista Vasyľ Nimčuk (d'ora in poi UP99) e il progetto del 2003 elaborato dalla Commissione presieduta da Vitalij Rusanivs'kyj (d'ora in poi UP03).

Nei poco più di 25 anni intercorsi dall'indipendenza ad oggi l'UP è stato ristampato numerose volte: la prima edizione dopo l'indipendenza è stata quella del 1993¹, che ha avuto fino al 2015 numerose edizioni e ristampe, tutte pubblicate dalla casa editrice dell'Accademia delle Scienze dell'Ucraina *Naukova dumka*² (si veda l'elenco che precede la bibliografia). Delle ristampe dell'UP fino a quella del 2005 compresa sul frontespizio viene indicato che si tratta di ristampe stereotipiche (*stereotypne vydannja*: 1994, 1996, 1997, 1999, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005), per quelle a partire dal 2007 (2007, 2008, 2010, 2012, 2015) non è indicato se si tratti di ristampe o di nuove edizioni³.

¹ L'edizione del 1993 dell'UP è chiamata sul frontespizio 'quarta edizione' ("4-te vydannja, vypravlene j dopovnene") in quanto successiva a quella del 1990, definita 'terza edizione' poiché l'edizione dell'UP del 1946 era stata chiamata 'prima' e di conseguenza quella del 1960 'seconda'. Questa numerazione ha causato confusione perché di fatto ha 'cancellato' le edizioni dell'UP precedenti a quella del 1946 e dunque l'UP del 1928-29 (approvato nel 1928, ma pubblicato nel 1929) e quello del 1933 (vedi oltre).

² Nell'assenza, a tutt'oggi, di un repertorio bibliografico ucraino, ho tratto i dati relativi alle edizioni dell'UP da Bystryc'kyj 2012 (i dati bibliografici completi delle edizioni citate da Bystryc'kyj sono da me riportati in bibliografia).

³ Un'idea dell'abbondanza di materiali dedicati all'ortografia ucraina nell'ultimo decennio del secolo scorso e nei primi 15 anni di quello attuale si può avere anche visitando il sito <<http://movahistory.org.ua/wiki/Категорія:Правопис>>. Come indicato da Bystryc'kyj, negli oltre 20 anni intercorsi dall'edizione del 1993, nelle ristampe si sono accumulati piccoli cambiamenti ed errori, soprattutto nella mancata corrispondenza di alcuni esempi riportati alla formulazione della regola corrispondente. Alcuni cambiamenti sono costituiti dalla sostituzione di esempi

L'abbondanza delle ristampe è stata accompagnata da un vivissimo dibattito pubblico, in buona parte scientifico, ma spesso caratterizzato anche da intenti pubblicistici e polemici dai toni più che accesi sulla stampa, alla radio e alla televisione. La centralità del *pravopys* per la comunità intellettuale ucraina è testimoniata, oltre che da numerosi articoli sull'argomento, anche da due raccolte di saggi e una antologia ad esso dedicate (rispettivamente: Onyškevyč *et al.* 1997, Taranenko 1997, Nimčuk, Purjajeva 2004) come anche da alcune monografie (Farion 2004, Teterjatnyk 2008, Danylčuk 2013). Tutto ciò è indice dell'importanza assunta dall'ortografia ucraina come campo di battaglia di diverse visioni del presente e del futuro del paese, come sorta di 'recipiente' e catalizzatore del sentimento di autonomia e di differenziazione nazionale degli ucraini. Tuttavia, nonostante i numerosi e accesi dibattiti e i due progetti di riforma che illustrerò a breve, la versione dell'UP oggi in vigore è sostanzialmente quella che risale al 1993, che contiene numerose imprecisioni e incongruenze ed è giudicata insoddisfacente da diverse riviste e case editrici⁴. Non a caso, queste ultime si attengono spesso piuttosto all'UP del 1928-29⁵, il primo *pravopys* ufficiale e unificato per tutta l'Ucraina, che non forniva solo le regole per l'ortografia e la punteggiatura, ma "codificava la struttura fonetica e morfologica della lingua letteraria scritta ucraina"⁶.

Per capire l'intensità e talvolta anche l'asprezza dei dibattiti che hanno caratterizzato l'elaborazione del nuovo UP nei quasi due decenni seguiti all'indipendenza ucraina nel 1991 occorrerà fare un passo indietro e ricapitolare brevemente le tappe principali della storia recente dell'UP e il suo inestricabile legame con l'idea di statualità ucraina (vedi Masenko *et al.* 2005).

Già durante il periodo della *perestrojka* nella comunità accademica ucraina si era cominciato a parlare della necessità di rivedere l'UP vigente al tempo, essenzialmente quello approvato nel 1933 (con alcuni cambiamenti nelle edizioni del 1946, del 1960 e del 1990).

'ideologizzati', altri dalla correzione di vecchi errori, altri ancora sono nuovi errori. Si tratta tuttavia di cambiamenti non sostanziali, che non toccano i punti fondamentali dibattuti nei due progetti UP99 e UP03, sui quali a tutt'oggi non si è trovato un accordo. Un elenco delle differenze fra l'UP93 e l'UP12 viene fornito da Bystryč'kyj 2012.

⁴ In Vynnyč'kyj 2012 vengono analizzate nel dettaglio numerose imprecisioni e inesattezze contenute nell'UP93, ad oggi il codice ortografico ufficialmente in vigore in Ucraina. L'autore di questo articolo fa anche un confronto con l'UP99 e rileva come, in alcuni casi, tali imprecisioni e inesattezze siano ancora presenti in quest'ultimo, in altri casi siano invece state corrette.

⁵ Le riviste "Berezil", "Vsesvit", "Krytyka", "Sučasnist'", i giornali "Naša vira", "Slovo" e altri, le case editrici *Osnovy*, *Litopys*, *Dovira*, *Akta*, dell'Università Nazionale "Kyjevo-Mohyl'jans'ka akademija" si servono o direttamente dell'UP del 1928-29, oppure delle proposte di cambiamenti avanzate nell'UP99, che saranno oggetto di analisi nel presente articolo. Le pubblicazioni dell'emigrazione ucraina hanno continuato ad attenersi prevalentemente alle norme dell'UP del 1928-29, anche se non di rado in maniera incoerente (vedi Ažnjuk 1999, in particolare *Rozdil 5*).

⁶ "Кодифікував фонетичну й морфологічну структуру української писемно-літературної мови" (Nimčuk 2002: 22). Il fatto che ancora oggi l'UP contenga anche elementi grammaticali è indice dell'importanza attribuita all'UP quale sorta di 'baluardo' della preservazione del sistema della lingua ucraina (vedi Nimčuk 2002: 49 ssg.).

L'UP del 1933 rifletteva il nuovo corso del governo sovietico, rinnegava il *pravopys* del 1928-29 etichettandolo come 'nazionalistico' e segnava pertanto il definitivo allontanamento dall'ucrainizzazione e la nuova linea ideologica di 'riavvicinamento' della lingua ucraina alla lingua russa. Conseguenza del nuovo corso fu l'eliminazione della lettera *ɾ*, il cambiamento della regola dell'uso del genere in alcune parole straniere (fra cui il divieto, similmente al russo, di declinare i prestiti stranieri del tipo di *кiно, бюро, ситро*, che fino ad allora erano stati declinati come i sostantivi ucraini in *-o*, quali *вікно, ребро* [Šerech 1998]), l'abolizione della pronuncia palatalizzata della *л* nei prestiti, e una serie di altre modifiche volte ad attenuare la differenziazione dell'ucraino dal russo⁷.

Alla fine degli anni Trenta fu sollevata la questione della nuova regolamentazione dell'ortografia: il nuovo progetto dell'UP curato da Mykola Hrunch'uk, preparato nel 1940, a causa della guerra non fu adottato. Dopo alcune precisazioni e correzioni, nel 1945 fu approvata e nel 1946 uscì la versione rivista dell'UP e nel 1960 la sua seconda edizione, corretta e accresciuta.

Le difficoltà incontrate nello stabilire un codice ortografico accettabile almeno da parte dei linguisti e dell'élite intellettuale del paese è dovuta a diversi fattori, fra cui le diverse tradizioni linguistiche ucraina-occidentale e ucraina-orientale, la stratificazione temporale dei prestiti e la loro diversa provenienza geografica. A questi influssi linguistico-culturali si è sommata l'impossibilità della lingua ucraina di svilupparsi ed evolversi 'liberamente', il suo sviluppo 'eterodiretto' tanto in epoca zarista⁸ quanto nel periodo sovietico, allorché le questioni linguistiche erano sottoposte all'idea della lotta al cosiddetto nazionalismo borghese e dall'ideologia dell'avvicinamento delle due lingue 'imparentate' russa e ucraina. Come osservato da Jurij Ševel'ov, "the Soviet system [...] introduced interference into the structure of the Ukrainian language by prohibiting certain words, syntactic constructions, grammatical forms, spelling, and orthoepic standards, while promoting others patterned on Russian or directly transplanted from Russian" (Shevelov 1987: 214).

Tutto ciò ha portato a un notevole 'restringimento' e livellamento del fondo lessicale dell'ucraino, della sua morfologia e della sua sintassi nella direzione dell'avvicinamento al russo e quindi in definitiva alla sua parziale alterazione.

Nel 1988, durante la *perestrojka*, la Commissione ortografica presso la Sezione di Letteratura, lingua e arte dell'Accademia delle Scienze dell'Ucraina sovietica diede inizio ad una nuova redazione del codice ortografico al fine di rivedere e correggere alcune storture apportate all'UP nel periodo sovietico. Il progetto fu discusso anche nell'Associazione della lingua ucraina "Taras Ševčenko" da poco creata, il cui presidente Dmytro Pavlyčko propo-

⁷ Si deve tuttavia tenere presente che al di là delle modifiche menzionate e di poche altre, la stragrande maggioranza delle regole dell'UP del 1928-29 sono state mantenute nelle successive edizioni dell'UP e sono in vigore a tutt'oggi (vedi Nimčuk 2002: 33).

⁸ Basterà ricordare che nel periodo zarista, con la Circolare di Valuev (1863) e lo *Emskij ukaz* (1876) fu sì permesso di stampare opere letterarie e storiche in ucraino, ma con l'uso obbligatorio dei mezzi dell'ortografia russa (vedi Danylenko 2010).

se di allargare la composizione della commissione e cambiare il suo status giuridico: per decisione del Presidio dell'Accademia delle Scienze, essa divenne il suo organo temporaneo. Il 14 novembre del 1989 la Commissione ortografica confermò la successiva redazione che uscì nel 1990. La cosiddetta "terza edizione"⁹ dell'UP si basa, come le precedenti, sul principio fonemico, completato da quello morfologico (grafia unificata dei prefissi, delle radici, dei suffissi e delle desinenze indipendentemente dalle loro posizioni nella parola e dagli influssi dei processi di assimilazione-dissimilazione), da quello storico-tradizionale (duplice funzione delle lettere *я, ю, є*, uso della lettera *и*) e di differenziazione (grafia della maiuscola nelle parole, grafia delle parole scritte, separatamente e con un trattino). I suoi tratti più significativi furono il ritorno nell'alfabeto della lettera *г*, la denominazione di "caso vocativo" (*кличний відмінок*) al posto di "forma vocativa" (*клична форма*) e l'ampliamento dell'uso della desinenza *-г* nel genitivo singolare dei nomi di genere maschile della seconda declinazione. Fu anche introdotta una modifica riguardante l'uso delle lettere *і* e *и* nella resa dei nomi propri stranieri, dopo la cosiddetta *dev'jatka* (cioè dopo le nove consonanti *п, т, с, д, ш, ц, з, ч, ж*, che illustro nel dettaglio più avanti).

Tuttavia, la necessità di una revisione cardinale dell'UP fece sì che nell'agosto del 1993, al I Congresso internazionale degli ucrainisti, fosse approvata una risoluzione sulla necessità di elaborare norme ortografiche unitarie per gli ucraini della madrepatria e quelli della Diaspora. In essa si raccomandava di creare una commissione internazionale che avrebbe presentato il progetto di una redazione unica dell'UP in una delle successive riunioni dell'Associazione Internazionale degli Ucrainisti.

Il governo dell'Ucraina con una delibera del giugno del 1994 confermò la composizione della Commissione nazionale ucraina per le questioni del *pravopys* presso il Gabinetto dei Ministri dell'Ucraina: di essa facevano parte linguisti dell'Ucraina e della Diaspora (fra questi ultimi G. Shevelov e A. Hornjatkevyc̣h); essa era chiamata ad approntare la nuova redazione dell'UP entro la fine del 1996. La responsabilità per l'esecuzione di questo lavoro fu affidata all'istituto di Lingua ucraina, creato nel 1991. La commissione era diretta dal noto linguista Vasyľ Nimčuk, storico della lingua ucraina, esperto di dialettologia, lessicologia, lessicografia, formazione delle parole, onomastica, glottogenesi e altri campi; di essa facevano parte altri 9 linguisti di chiara fama¹⁰. Questa commissione terminò la discussione delle proposte elaborate dal gruppo di lavoro della commissione alla fine del 1996, ma il progetto della nuova redazione dell'UP (in solo 100 esemplari) a cura di V. Nimčuk fu pubblicato solo nel luglio del 1999: il progetto fu inviato alle istituzioni scientifiche dell'Accademia delle Scienze dell'Ucraina e dell'Accademia delle Scienze pedagogiche, al Ministero dell'Istruzione, all'Unione degli Scrittori dell'Ucraina, all'Unione dei giornalisti, a istituti

⁹ Vedi nota 1.

¹⁰ Questi i loro nomi: H.P. Pivtorak, K.H. Horodens'ka, S.I. Holovaščuk, V.V. Žajvoronok, A.P. Hryščenko, N.F. Klymenko, O.D. Ponomariv, N.I. Toc'ka, I.R. Vychovanec'. Per maggiori informazioni sul loro apporto scientifico vedi Vychovanec' 2004 e l'enciclopedia *Ukrajin's'ka mova* (Kyjiv 2004).

di istruzione superiore, redazioni di case editrici, giornali, riviste e anche singoli eminenti studiosi, scrittori, giornalisti. Il testo finale del progetto avrebbe dovuto essere discusso e approvato dalla Commissione Nazionale Ucraina per le questioni del *pravopys* presso il Gabinetto dei Ministri dell'Ucraina, che si prevedeva di convocare al completo nel febbraio del 2001. Alla fine dell'agosto del 1999 il progetto fu discusso e generalmente accolto con favore al IV Congresso internazionale degli ucrainisti a Odessa¹¹, anche se furono sollevate una serie di osservazioni.

Esso proponeva una serie di cambiamenti per liberare il *pravopys* ucraïno da tutto ciò che gli era sostanzialmente estraneo e renderlo maggiormente aderente alla lingua ucraïna, senza che questo significasse un ritorno all'UP del 1928-29 *tout-court*: un simile ritorno, tenendo conto dell'evoluzione della lingua e della crescita del suo fondo lessicale, sarebbe stato quanto meno anacronistico. Infatti, come affermava Shevelov, "si deve in particolare ricordare che il *pravopys* non deve lottare con la lingua e imporle quello che le è estraneo. Il compito essenziale del *pravopys* è quello di formulare come si debba scrivere quello che è presente nella lingua, e non riformare la lingua per mezzo del *pravopys*"¹². Proprio questo invece è stato fatto con l'ortografia ucraïna in epoca sovietica con l'eliminazione dall'ucraïno di alcuni elementi che lo differenziavano dal russo e l'introduzione di altri ad esso estranei allo scopo di avvicinarlo alla lingua dominante. Esaminerò qui di seguito i punti principali di questo progetto (UP99).

1. La lettera *Г*

La lettera *г* indica la consonante occlusiva velare sonora sia in parole ucraïne che nei prestiti: essa fu introdotta nell'alfabeto cirillico in uso nell'Ucraina del XVI-XVII secolo dalla *Grammatica* di Meletij Smotryč'kyj del 1619, che per primo espose in dettaglio alcune regole ortografiche dello slavo-ecclesiastico di redazione ucraïna (Nimčuk 2004b).

Già nell'UP del 1928-29, noto anche come *skrypnykivka* dal nome del Ministro dell'Istruzione Mykola Skrypnyk, ampiamente discusso ad una Conferenza panucraïna tenutasi a Charkiv fra il 26 maggio e il 6 giugno 1927 con la partecipazione di oltre 50 delegati, autorevoli rappresentanti di tutti i territori storicamente ucraïni, alcuni punti furono oggetto di accese discussioni e le decisioni finali frutto di un compromesso, ancorché prese in modo democratico. Mi riferisco in particolare all'uso delle lettere *з* e *г* nei prestiti stranieri,

¹¹ Nel dicembre del 1999 la Società Scientifica "Taras Ševčenko" di New York per iniziativa del suo presidente esecutivo L. Onyškevych organizzò una discussione del progetto a New York e Filadelfia con la partecipazione dei membri della Commissione Nazionale Ucraina per le questioni del *pravopys* l'accademico Ju. Shevelov (USA) e il professor A. Hornjatkevych (Canada), come anche il direttore dell'Istituto della lingua ucraïna dell'Accademia delle Scienze dell'Ucraina V. Nimčuk e gli studiosi A. Danylenko e Svjatoslav Trochimenko.

¹² "Особливо треба пам'ятати, що правопис не повинен воювати з мовою й накидати їй те, що їй чуже. Посутнє завдання правопису – формулювати, як писати те, що є в мові, а не реформувати мову засобами правопису" (Ševelov 1997: 75).

alla pronuncia palatalizzata della *л* nelle combinazioni *ла, ло, лу*, e di *л* in fine della sillaba nei prestiti stranieri¹³, che vedevano contrapposti rappresentanti della *Naddnistrjansčyna* e delegati della *Naddnprjansčyna*.

Alla fine fu raggiunto un compromesso: nei prestiti più antichi, in particolare di origine greca, si decise di conservare la lettera *z* al posto della *g* dell'originale, generalmente il termine greco mediato dalla tradizione slavo-ecclesiastica (esempi: *газ, гама, гегемонія, логіка, генеалогія*, e numerosi altri). Per quanto riguarda la lettera occlusiva sonora *g* nei prestiti più recenti (generalmente latinismi), fu deciso di renderla in ucraino con la lettera *г* (esempi: *агент, агітація, агроном, гарантія*, ecc.).

Com'è palese, e fu subito chiaro anche allora, questa formulazione, pur cercando di risolvere la questione, in realtà la complicava. L'indefinitezza della formulazione "i prestiti più recenti" vs "i prestiti mutuati in precedenza" e la difficoltà, non solo per i parlanti comuni, ma talvolta anche per i linguisti di distinguere i prestiti più recenti da quelli più antichi, influenzò anche il destino ulteriore delle lettere *z* e *г*.

L'UP del 1933 aboliva la lettera *г*. Come osservato da Nimčuk (2002), già pochi anni dopo, nel progetto di riforma dell'UP del 1942 i linguisti, capeggiati da Leonid Bulachov's'kyj, rendendosi conto che la liquidazione della lettera *г* di fatto aveva privato la lingua letteraria scritta di un segno per la resa di un suono presente sia in parole ucraine che nei prestiti, avevano caldeggiato la sua reintroduzione nell'alfabeto ucraino. L'impossibilità di usare la *г* si rifletteva negativamente anche sul sistema fonetico della lingua, in quanto sotto l'influsso della produzione a stampa di opere letterarie e di massa con la sola lettera *z*, il suono [g] cominciava a scomparire non solo nei prestiti più recenti, ma anche in quelli più remoti e nei lessemi propriamente ucraini. Tuttavia, come sappiamo, sarebbe stato necessario aspettare il 14 novembre 1989, quando la Commissione ortografica approvò la nuova redazione del *Pravopys* ucraino, che reintroduceva ufficialmente la lettera *г* nell'alfabeto ucraino.

La lettera *г* nell'UP93 è trattata al §15, ma per chiarezza riporterò anche il paragrafo precedente (§14) dedicato alla lettera *z*:

¹³ Questi punti erano già stati affrontati nelle *Najholovniši Pravyla Ukrajins'koho pravopysu*, a cura di Ivan Ohijenko e Ahatanhel Kryms'kyj, approvate del 1919-1920 e pubblicate nel 1921: esse erano basate sulle *Holovniši Pravyla Ukrajins'koho pravopysu* compilate da I. Ohijenko, discusse e in parte modificate da una commissione nominata all'uopo, infine pubblicate nel 1919. Queste regole si articolavano in 28 punti, che riguardavano l'ortografia delle parole ucraine e in 12 punti dedicati alla grafia delle parole straniere (Nimčuk 2002: 10-12). Per quanto attiene alla *л* nelle combinazioni *ла, ло, лу*, fu deciso di mantenere la *л* non palatalizzata nei prestiti più remoti, grosso modo quelli mutuati fino alla metà del XIX secolo (sia di origine greca che da altre lingue; esempi: *атлас, латинський, фабула, диплом, кілограм, хлор, плутократія, білет, галера*); per quanto riguarda i prestiti più recenti dalle lingue europee occidentali, si decise invece di rendere la pronuncia palatalizzata della *л* seguita dalle vocali *а, о, у*, e in fine di sillaba (esempi: *аероплян, баляда, скаля, флякон; блюва, льозунг, фльора, фльота; блюза, металюргія; автомобіль, альгебра*, e numerosi altri; vedi Nimčuk 2002: 18-21).

§ 14. Літера Г

Літера г передає на письмі гортанний щілинний приголосний як в українських словах: *гадка, гей, могутній, плуг*, так і в іншомовних (на місці **h, g**) давнішого походження: *газета, генерал, грамота, Євангеліє; Гегель, Гомер, Англія, Гаага*, а також у недавніх запозиченнях, часто вживаних, особливо в звукосполученнях **гео-**, **-лог-**, **-гог-**, **-грам-**, **-граф-**: *агітація, агресія, горизонт, магазин; географія, геологія, педагог, кілограм, фотографія* (див. ще §87¹⁴)

§ 15. Літера Г

Літера г передає на письмі задньоязиковий зімкнений приголосний як в українських словах, так і в давно запозичених і зукраїнізованих: *агрус, гава, газда, гандж, ганок, гатунок, гвалт, гвалтувати, гегати, гедзь, гелготати, герготати, герготіти, гцгнути, гирлиця, глей, гніт* (у лампі), *гогель-могель, грасувати, гра́ти* (іменник), *гратчастий, гречний, grindжолі, грунт, гудзик, гуля, джигун, дзиґа, дзиґлик* тощо та похідні від них, а також у прізвищах *Галаган, Гудзь* і под.

Примітка. У власних назвах іншомовного походження етимологічний **g** згідно з усталеною традицією вимовляється як г; проте збереження **g** у вимові не є порушенням орфоспічної норми. Отже, правильною є вимова: *Гданськ і Гданськ, Гренландія й Гренландія, Гібралтар і Гібралтар; Гарібальді й Гарібальді, Гете й Гете*.¹⁵

¹⁴ Al punto 87 leggiamo: “§ 87. г, н – **G** і **h** звичайно передаються літерою г: *авангард, агітація, агресор, гвардія, генетика, гімнастика, гоніометр, грандіозний, графік, грөг, ембарго, лінгвістика, міграція; гандбол, гегемонія, гектар, гербарій, герцог, гінді* (мова), *гіпотеза, горизонт, госпіталь, гугенот, гумус; Гаага, Гавана, Гавр, Гарвард, Гаронна, Гвінея, Гельсінгфорс, Гельсінкі, Гіндустан, Гренландія, Греція, Йоганнесбург, Люксембург; Ганнібал, Гейне, Гете, Гізо, Гомер, Горацій, Горн, Гюго, Магомет*.”

В окремих словах англійського походження **h** передається літерою х: *хобі, хокей, хол; Хемінгуей* та ін.” (“**G** і **h** si rendono generalmente con la lettera г: *авангард, агітація, агресор, гвардія, генетика, гімнастика, гоніометр, грандіозний, графік, грөг, ембарго, лінгвістика, міграція; гандбол, гегемонія, гектар, гербарій, герцог, гінді* (lingua), *гіпотеза, горизонт, госпіталь, гугенот, гумус; Гаага, Гавана, Гавр, Гарвард, Гаронна, Гвінея, Гельсінгфорс, Гельсінкі, Гіндустан, Гренландія, Греція, Йоганнесбург, Люксембург; Ганнібал, Гейне, Гете, Гізо, Гомер, Горацій, Горн, Гюго, Магомет*. In singole parole di origine inglese **h** viene resa con la lettera х: *хобі, хокей, хол; Хемінгуей* e altre”).

¹⁵ “§14 Lettera Г. La lettera г rende nella grafia la consonante glottidale fricativa sia in parole ucraïne: *гадка, гей, могутній, плуг*, sia in parole straniere (al posto di **h, g**) di origine antica: *газета, генерал, грамота, Євангеліє; Гегель, Гомер, Англія, Гаага*, come anche in prestiti più recenti, usati spesso, in particolare nelle combinazioni di suoni **гео-**, **-лог-**, **-гог-**, **-грам-**, **-граф-**: *агітація, агресія, горизонт, магазин; географія, геологія, педагог, кілограм, фотографія* (vedi anche il § 87).

§15 Lettera Г. La lettera г rende nella grafia la consonante occlusiva velare sia nelle parole ucraïne sia in prestiti antichi ormai ucraïnizzati: *агрус, гава, газда, гандж, ганок, гатунок, гвалт, гвалтувати, гегати, гедзь, гелготати, герготати, герготіти, гцгнути, гирлиця, глей, гніт* (nella lampada), *гогель-могель, грасувати, гра́ти* (sostantivo), *гратчастий, гречний, grindжолі*

Come osservato da Nimčuk (2002: 45) questa regola sull'uso della lettera *r* non è formulata in maniera chiara, in quanto permette di usarla solo in quei cognomi che derivano da nomi comuni nei quali è presente la *r*. Inoltre, la seconda parte della nota contraddice la prima parte, perché se la pronuncia della *z* laringale nei nomi propri stranieri ha una tradizione consolidata, perché usare *r* in quei casi?

Alla storia del fonema e della lettera *r* Nimčuk ha dedicato un lungo studio pubblicato negli anni 1990-1991 sulla rivista "Movoznavstvo", in cui ha ripercorso dettagliatamente e circostanziatamente lo sviluppo della lettera *r* nella lingua ucraina e il suo rapporto con la lettera *z*. Lo studioso ha dimostrato che il fonema era proprio della lingua ucraina già dal XII-XIII secolo (mentre il grafema risale al XVII secolo, alla succitata *Grammatica* di M. Smotryč'kyj). Riconoscendo che la norma che regolava l'uso di questa lettera nel *Pravopys* corrente (UP93 e le sue numerose ristampe negli anni successivi) era formulata in maniera non chiara, nell'UP99 si cerca di offrire una soluzione il più possibile razionale a questa annosa questione. In primis, viene raccomandato, nei nomi comuni e geografici di origine straniera, indipendentemente dalla pronuncia nella lingua di origine, *z* o *r*, di usare solo la lettera *z*: *агент, геніальний, глобус, газета, гол, гербарій, Гвінея, Чикаго*, come è già d'uso nella lingua ucraina scritta e parlata. Per quanto riguarda invece i nomi propri di persona, che servono a identificare e quindi devono riflettere massimamente il loro aspetto fonemico e grafico nella lingua di origine, queste due lettere devono essere distinte, come avviene nella lingua di origine; ad esempio: *Магатма Ганді, Фридрих Гегель, Густав Герц*.

Infine, nelle parole non mutate o mutate da lungo tempo, la lettera *r* si scrive conformemente alla pronuncia: *агрус, рава*, e altre. Questo riguarda anche i cognomi e i nomi geografici ucraini: *Галаган, Іжицький, Мамалига* (cognomi), *Горгани, Угля* (nomi geografici della *Zakarpattja*). Di fatto questa soluzione ricalca per molti aspetti quella proposta nelle *Najholovniši pravyla* del 1921 (l'UP del 1921), solo in parte tenute in considerazione nell'edizione dell'UP del 1928-29.

Purtroppo questa proposta dell'UP99 non è stata accolta e l'UP07 (e le successive ristampe), nella cui prefazione si cita solo la Commissione ortografica guidata da V. Rusaniv's'kyj (sul cui 'progetto' mi soffermo più avanti), ripete letteralmente la formulazione dell'UP del 1993, che riproduce la regola stabilita dalla Commissione Ortografica presso il presidio dell'Accademia delle Scienze ucraina che, come già detto, nel 1989 sancì il ritorno della lettera *r* nell'alfabeto ucraino. La formulazione del § 15 dell'UP93, che riporto nuovamente qui di seguito, viene ripetuta identica nell'UP07, nell'UP12 e nell'UP15:

ли, грунт, гудзик, гуля, джигун, дзига, дзиглик ecc., e nei loro derivati, come anche nei cognomi *Галаган, Гудзь* e sim.

Nota. Nei nomi propri di origine straniera la **g** etimologica secondo la tradizione consolidatasi si pronuncia come *z*; tuttavia, il mantenimento di **g** nella pronuncia non costituisce una violazione della norma ortoepica. Pertanto sono da ritenersi corrette le pronunce: *Гданськ* e *Гданськ*, *Гренландія* e *Гренландія*, *Гібралтар* e *Гібралтар*; *Гарібальді* e *Гарібальді*, *Гете* e *Гете*.

Літера *г* передає на письмі задньоязиковий зімкнений приголосний як в українських словах, так і в давно запозичених і зукраїнізованих: *агрус, гава, газда, гандж, ганок, гатунок, гвалт, гвалтувати, гегати, гедзь, гелготати, герготати, герготіти, гигнути, гирлига, глей, гніт* (у лампі), *гогель-могель, грасувати, граги* (іменник), *гратчастий, гречний, grindжолі, грунт, гудзик, гуля, джигун, дзиґа, дзиґлик* тощо та похідні від них, а також у прізвищах *Галаган, Гудзь* і под.

Примітка. У власних назвах іншомовного походження етимологічний *g* згідно з усталеною традицією вимовляється як *г*; проте збереження *g* у вимові не є порушенням орфоепічної норми. Отже, правильною є вимова: *Гданськ* і *Гданськ*, *Гренландія* й *Гренландія*, *Гібралтар* і *Гібралтар*; *Гарібальді* й *Гарібальді*, *Гете* й *Гете*.

Vynnyč'kyj (2012: 82) osserva che in diversi dizionari ucraïni il numero delle parole con la lettera *r* differisce non di poco¹⁶. Per questo motivo egli ritiene che l'UP dovrebbe contenere in appendice un lemmario completo e unificato con tutte le parole che contengono la lettera *r* e ad esso dovrebbero uniformarsi tutti i dizionari della lingua ucraïna.

2. Regola della dev'jatka (delle nove consonanti)

Questa regola, che vige nell'ortografia ucraïna attuale (risalente all'UP93), dispone di scrivere la vocale *u* al posto di *i* nei nomi comuni di origine straniera (ma non nei nomi propri, né nei nomi geografici) dopo le 9 consonanti *д, т, з, с, ц, ж* (*дж*), *ш, ч, р* davanti alla lettera successiva se si tratta di una consonante (tranne la *j*): *дизель, динамо, математика, позиція, система, цистерна, цифра, режим, речитатив, шифр, бригада*, e numerosi altri. Così, ad esempio, la regola tuttora vigente prescrive la grafia *дизель* se si parla del motore, ma *Дизель* se invece ci si riferisce al suo inventore, e ancora *Сібаріс* (l'antica colonia greca nell'Italia meridionale), ma *сібарум* (*sibarita*).

Questa regola era presente nell'UP del 1921, venne confermata in quello del 1928-29, rimase dopo la sua revisione nell'UP del 1933, ed è in vigore a tutt'oggi.

Nell'UP93, tuttavia, per quanto riguarda i nomi geografici, la spiegazione dell'uso di *u* e *i* contiene una serie di imprecisioni, che contribuiscono a creare confusione in una materia già tutt'altro che semplice.

Nell'UP93 e nelle successive versioni (il confronto è stato fatto con UP07, UP12 e UP15) l'uso di *u* e *i* dopo le consonanti nelle parole di origine straniera è trattato al §90: l'uso della *i* ai punti 5) а) 1-5, quello della *u* ai punti 5) в) 1-6. Mi soffermerò sui paragrafi qui rilevanti.

Al punto 5) а) 3) si prescrive, dopo le consonanti nei nomi propri e nei nomi geografici – tranne i casi illustrati ai punti в) 3-5, di cui parlerò subito dopo –, come anche negli aggettivi da essi derivati, di scrivere *i* davanti a consonante e in fine di parola; ad esempio:

¹⁶ Lo studioso cita questi dati: il *Velykyj tlumačnyj slovnyk sučasnoji ukraïns'koji movy* (Kyjiv-Irpin' 2001) contiene 150 parole con la lettera *r*, l'*Ukrajins'kyj orfohrafičnyj slovnyk* (Kyjiv 2002) ne contiene 168, l'*Ukrajins'kyj orfohrafičnyj slovnyk* (Kyjiv 2009) 210.

Замбезі, Капрі, Лісабон, Міссісіпі, Монтевідео, Ніл, Севілья, Сідней, Сомалі, Сочі, Дідро, Россіні, Дізель, Овідій, лісабонський.

Al punto 5) в) 1) di questo capitolo è illustrata la suddetta regola della *dev'jatka* che, viene detto, si applica ai nomi propri (vedi esempi succitati); al punto successivo в) 2) viene detto che la vocale *u* si scrive nei nomi geografici che terminano in *-ида, -ика*, quali *Антарктида, Атлантида, Адриатика, Африка, Балтика, Корсика, Мексика*, ecc. Al successivo punto в) 3) si afferma che la vocale *u* si scrive nei nomi geografici dopo le consonanti *дж, ж, ч, ш, щ, ц* davanti a una consonante; esempi: *Алжир, Вашингтон, Вірджинія, Сан-Франциско, Чикаго*. Tuttavia, si precisa che davanti ad altra vocale e in fine di parola si scrive *i*; esempi: *Шіофок, Віші*. Il punto в) 4) tratta dei nomi geografici che contengono la combinazione di suoni *-ри-* davanti a consonante (tranne *j*): in questo caso si usa, appunto, la *u* e non la *i*; esempi: *Великобританія, Крит, Мавританія, Мадрид, Париж, Рига, Рим, Цюрих* (ma *Австрія, Ріо-де-Жанейро*). Il punto 5) в) 5) è quello che crea confusione se confrontato con quanto affermato al suddetto punto 5) а) 3). Vi si afferma infatti che la *u* si scrive in una serie di altri nomi geografici dopo le consonanti *д* e *т* e **in alcuni casi conformemente alla pronuncia tradizionale** (il grassetto è mio, GS); vengono dati i seguenti esempi: *Аддис-Абеба* (assente in УР07), *Аргентина, Братислава, Бразилія, Ватикан, Единбург, Єгипет, Єрусалим, Китай, Кордильєри, Пакистан, Палестина, Сардинія, Сиракузи, Сирія, Сицилія, Скандинавія, Тибет* e i loro derivati *аргентинець, аргентинський* ecc.

Com'è evidente, risulta assai difficile anche per un parlante nativo distinguere la pronuncia tradizionale da quella, per così dire, più 'recente': come essere sicuri quindi della grafia di *Міссісіпі, Сідней* (punto 5) а) 3)) e contemporaneamente di quella di *Сиракузи, Сирія, Сицилія* che segue la regola della *dev'jatka*?

Per mettere ordine in questo campo, ritenendo ingiustificata la differenziazione fra i nomi comuni e i nomi propri di origine straniera, e considerando anche l'assenza di palatalizzazione delle consonanti davanti a *i* nelle lingue di origine, nell'УР99 si proponeva di estendere la regola della *dev'jatka* alla grafia dei nomi propri stranieri, quali ad esempio *Аристотель, Един, Сизиф; Занзибар, Сиракузи*.

Dalla regola della *dev'jatka* rimanevano in ogni caso esclusi i termini della sfera ecclesiastico-religiosa, entrati da molti secoli nella lingua ucraina, tenendo conto anche della pratica contemporanea delle chiese di lingua ucraina (la Chiesa Ortodossa Ucraina del Patriarcato di Kyjiv, la Chiesa Autonoma Ortodossa Ucraina, la Chiesa Greco-Cattolica Ucraina). Così, nei termini della sfera ecclesiastico-religiosa si raccomanda di scrivere *u* fra tutte le consonanti, ad esempio: *євангеліст, єпископ, алимуня, Вифлеєм*. Nell'УР93, come anche nell'УР07, nell'УР12 e nell'УР15 questa regola viene data solo nella nota 2 al punto 5) а) 5) del §90.

3. Fonemi *u* / *i* in inizio di parola

La sostituzione del sistema vocalico esafonemico medioucraino con uno vocalico pentafofonemico e lo spostamento di /u/ a posizione di variante extrafonemica (combinatoria) di /i/ viene definita da G. Shevelov come "l'esempio più drastico di ingerenza

dell'ortografia nel sistema di una lingua¹⁷. Effettivamente l'eliminazione di questo fonema dall'inizio di parola e in altre posizioni ha portato alla graduale perdita del suo status fonemico e quindi alla scomparsa dell'originalità della lingua ucraïna e all'avvicinamento del suo sistema fonemico vocalico a quello della lingua russa. Come osservato da Nimčuk (2002: 34), se nelle *Najholovniši pravyla* del 1921 si lasciava la possibilità di usare il fonema /и/ in inizio di parola davanti a *н*, nell'UP del 1928-29 questa possibilità veniva del tutto esclusa e, per semplificare l'ortografia e probabilmente non senza l'influsso dell'uso galiziano, si dichiarava che "all'inizio di parola *и* non si scrive mai, solo *і*: *Іван, іти, іду, ім'я, імення* [...], *іншій, іноді, іній, Ірод* e così via"¹⁸. Questa affermazione è arrivata immutata all'UP93 e a tutte le successive edizioni fino a quella del 2015. Tuttavia in inizio di parola, come osservato negli studi di Nimčuk e di altri linguisti il fonema /и/ è tuttora presente anche prima delle consonanti *н* e *р* (oltre ad altre consonanti, cfr., ad es., le parole *ива, идол, искра*), ed è anche registrato in questa posizione nelle opere di numerosi scrittori del XIX-primo terzo del XX secolo, fra cui I. Kotljarevs'kyj, P. Hulak-Artemovs'kyj, T. Ševčenko, B. Hrinčenko e V. Drozd, che nel 1974 intitolò dimostrativamente il suo romanzo *Ірїй* e non *Ірїі* (vedi Nimčuk 2002: 34-37). Per tutti questi motivi nell'UP99 si proponeva di sostituire il fonema /и/ con /і/ in inizio di parola davanti alle consonanti *н* e *р*, nei lessemi ucraïni, quali ad es. *инак, инако, инакомовний, инакше, инакший, инде, индик; иржа, иржавий, иржавіння, иржавіти*, e sim.

4. La grafia di пів

Uno dei punti del progetto dell'UP93 riguardava la grafia dell'elemento *пів-*.

Nell'UP del 1928-29 si prescriveva di scrivere *пів-* attaccato ai sostantivi quando fa parte di un'unica parola con il sostantivo che segue: ad es., *південь, піваркуш, піврік* (quando cioè sono possibili forme come *півднем*); negli altri casi veniva indicato di scrivere *пів* separatamente, ad es.: *пів Харкова, пів доповіді*.

La norma attualmente vigente, che risale all'UP90 ed è ripetuta immutata in tutte le edizioni successive, stabilisce che i nomi composti che hanno come prima parte *пів-, напів-, полу-* si scrivano come un'unica parola, ad esempio *піваркуша, півгодини, півдюжини, півкарбованця, півколо, півмісяць, півогірка, пів'яблука; напівавтомат, напівоберт; полукіпок, полумисок*. In nota si precisa poi che davanti ai nomi propri *пів-* si scriva con un trattino, ad esempio: *пів-Європи, пів-Києва*.

Tuttavia, come indica Nimčuk (2002: 48-49), non si tratta di parole composte, ma di sostantivi prefissali con i prefissi *напів-, полу-*, e similmente a questi si comporta una parte delle parole con il prefisso *пів-*, quali *півколо, півмісяць*. Per quanto riguarda invece i casi in cui *пів-* è seguito dal sostantivo al genitivo e quindi forma con esso una sorta di

¹⁷ "Найдрастичніший приклад втручання ортографії в систему мови" (Ševel'ov 1997: 73).

¹⁸ "В початку слова и ніколи не пишеться, тільки і: *Іван, іти, іду, ім'я, імення* [...], *іншій, іноді, іній, Ірод* и т. ін." (UP1928-29, §3).

locuzione nel significato di ‘metà’, a parere di Nimčuk sarebbe più corretto scriverli separatamente, in quanto *niv* nella lingua ucraina, diversamente dall’elemento russo *пол-* è una parola (indeclinabile) ‘indipendente’ con il significato di ‘metà’, e quindi sarebbe corretto scrivere le locuzioni con *niv-* nel significato di ‘metà’ separatamente (esempi *niv аркуша, niv кавуна, niv яблука, niv Києва, niv Європи*), differenziandoli al tempo stesso dai nomi derivati con l’elemento *niv-*, quali *nivдень, nivдуга, nivколо, nivмісяць*, dagli aggettivi (*nivвіковий, nivгодинний*) dalle parole predicative (*nivбїди, nivлиха*) e dai numerali (*nivтора, nivтораста*)¹⁹.

5. Parole di origine greca

Secondo le norme ortografiche vigenti, nella resa delle parole di origine greca si usano o la lettera *ф* o la lettera *т* per la resa della Θ (*th*) greca, in dipendenza dell’epoca e della mediazione attraverso la quale il prestito è entrato nella lingua ucraina. Così, si scrive, ad esempio: *арифметика, ефір, кафедра, логарифм, міф, орфографія*, ma *бібліотека, ортодокс, ортодоксальний, ортопедія, ритм, театр, теорія, Бористен, Тадей, Текля*.

Nell’UP99 si propone pertanto di permettere l’uso delle forme parallele *ефір-етер, кафедра-катедра, марафон-маратон*, tenendo conto dell’uso di queste forme nella lingua letteraria ucraina fino alla loro proibizione nel 1933 e del fatto che alcuni mezzi di comunicazione a stampa usano le varianti con la *т*. Una dettagliata e approfondita analisi della resa della lettera greca Θ nei manoscritti slavo-orientali e poi ucraini a partire dall’XI secolo e fino agli inizi del XX secolo è stata fatta da Nimčuk (2002: 73-77) e ciò rende la proposta dell’UP99 senz’altro giustificata e meritevole di essere accolta.

6. Apostrofo

Un altro ambito in cui le norme vigenti dell’ortografia ucraina non sono del tutto coerenti è quello dell’uso dell’apostrofo nei nomi di origine straniera. Secondo l’ortografia vigente (UP93 e successive ristampe da me consultate (quelle del 2007, 2012, 2015)), nelle parole di origine straniera si scrive l’apostrofo dopo le consonanti *б, п, в, м, ф, з, к, х, ж, ч, ш, р* davanti a *я, ю, е, ї*; ad esempio: *комп’ютер, н’єдестал, інтерв’ю, прем’єр, к’янтї, миш’як, кар’єра; Барб’є, П’ємонт, Б’юкенен, Женев’єва, Ф’єsole*. L’apostrofo si scrive anche dopo la consonante finale di un prefisso; ad esempio: *ад’юнкт, ін’єкція, кон’юнктура*. L’apostrofo non si scrive davanti a *йо: кур’юз, серйозний*. Tuttavia, nell’UP del 1928-29, prima del paragrafo dedicato all’apostrofo, si specifica che la *и* francese e la *ü* tedesca vengono rese in ucraino con *ю*, e vengono dati i seguenti esempi: *Бельвю, бюро, бюджет, бюст, вестибюль, жюри, купюра, меню, ноктюрн, нюанс, увертюра, Жюль Верн, бюргер, Дюрін, Дюссельдорф, Любек, Мюнцер, Шюц*. Probabilmente è da questa affermazione che nasce l’incoerenza che ha portato gli autori dell’UP93 (e successive versioni) ad affermare che

¹⁹ Vedi anche Teterjatnyk 2008: 160.

quando con *я, ю* si indica la palatalizzazione della consonante precedente davanti ad *а, у* le parole di origine straniera si scrivono senza apostrofo (alcuni esempi: *бязь, бюджет, бюро, юнітр, мюрид, фюзеляж, Барбюс, Вюртемберг, Мюллер, Гюго*). Tuttavia, com'è noto, nella lingua ucraina possono essere palatalizzate solo le consonanti dentali *д, т, з, с, дз, ц, л, н* in qualsiasi posizione, mentre *р* solo davanti alle vocali. Inoltre studi su parlanti nativi ucraini non influenzati dalla lingua russa hanno mostrato che almeno la pronuncia delle labiali davanti a vocali iotizzate generalmente non presenta palatalizzazione e i due suoni (labiale e vocale iotizzata) sono distinti: per questo motivo Nimčuk nell'UP99 suggerisce di estendere la grafia con l'apostrofo nei casi suddetti a tutte le parole di origine straniera.

7. Altre proposte di modifica

Altri cambiamenti proposti riguardavano i nomi comuni di origine straniera, nella cui resa ucraina generalmente non si rendono le consonanti doppie (esempi *тона, нето, бруто*, ma con eccezioni quali *ванна, вілла, манна, булла*) poiché in ucraino questi nomi non vengono pronunciati con le consonanti doppie.

Nelle parole di origine straniera in cui a inizio di parola è presente il suono *j* seguito da *о*, si raccomanda di scrivere la *й* prima della *о*; ad esempio: *йон, йонійський, йоаніт, Йоан, Йов*. La ragione di questa proposta risiede da un lato in una resa quanto più possibile fedele all'originale, dall'altro nell'uniformazione della grafia delle parole di origine greca con *j* iniziale (mentre nell'UP corrente troviamo *йод*, ma *іон*)²⁰.

Si propone inoltre la grafia *ія* nel mezzo delle parole di origine straniera al posto di *иа*; esempi: *артеріяльний, геніяльний, матеріял*. Le ragioni di questa proposta risiedono nell'uso nella lingua parlata (*валер'янка, матер'ял*), che riflette una tradizione lunga di secoli interrotta nel 1933.

Nell'UP99 viene anche avanzata la proposta di modifica riguardante la resa del dittongo straniero *ai* con *ав* nei nomi comuni. Nell'UP vigente (UP93), al § 94²¹, il dittongo *ai* viene reso prevalentemente con *ау*, meno spesso con *ав*, e il dittongo *oi* con *оу*. Cfr.: “Дифтонги *ai, oi* передаються переважно через *ау, оу*: *аудиторія, аудієнція, гауптвахта, лауреат, локаут, пауза, фауна* (але: *мавзолей*); *джоуль, клоун, Джорджтаун, Каунас; Краузе, Паульсен, Фауст, Штраус; Воуверман, Шоу*. Разом із тим у цілому ряді слів *ai* передається через *ав*: *автентичний, автобіографія, автомобіль, автор, авторитет, автохтон; Австралія, Австрія; Август, Аврора*”.

L'UP99 propone di rendere il dittongo straniero *ai* con *ав* nei nomi comuni ad eccezione delle parole *аут, джоуль, клоун, ноу-хау, Каунас, Лаура, Фауст, Пауль* e altre, non specificate, nelle quali la sostituzione di *ау* con *ав* (o di *оу* con *ов*) potrebbe creare difficoltà. Questa proposta costituiva un ritorno all'UP del 1928-29: quest'ultimo, infatti, estendeva

²⁰ Forme del tipo *Йоан* e simili possono anche essere spiegate con la tendenza storica della sillaba del tipo *с+в*. Si veda anche Ševel'ov 2002.

²¹ Questo paragrafo è identico nell'UP07, nell'UP12 e nell'UP15.

la resa del dittongo straniero *au* con *av* (*яв*) e di *ou* con *ov* anche alla fine di parola, ad es. nei nomi *Макс Нордав* e *Бернард Шов*. Tuttavia, nei casi in cui i dittonghi *au* e *ou* precedessero la vocale *e*, nell'UP del 1928-29 essi venivano resi rispettivamente con *ay* e *oy* (esempi: *Ауе, Ауербач, Бауер, Шопенгауер, Гебауер, Тоуер, Соуер*).

Pertanto la proposta dell'UP99, come la norma dell'UP del 1928-29, mirava ad evitare una combinazione di vocali estranea alla lingua ucraina, e allo stesso tempo rifletteva le norme della pronuncia ucraina: infatti la lettera *в* in sillaba chiusa e in fine di parola si pronuncia *ʝ*²².

8. *Morfologia*

Nell'UP99 sono contenute tre proposte che riguardano la morfologia. Si tratta, nell'ordine, di introdurre la desinenza *-и* al genitivo singolare dei sostantivi della terza declinazione che terminano in *-ть* preceduta da consonante (ad es. *вість – вісти, незалежність – незалежності, радість – радості, смерть – смерті, честь – честі*) e anche nelle parole *кров, любов, осінь, сіль, Русь, Білорусь*. Tutti gli altri sostantivi appartenenti a questa declinazione sarebbero rimasti identici, ossia con il genitivo singolare in *-і*. Una simile proposta, anche se trova giustificazione nel fatto che storicamente alcuni sostantivi di questa declinazione hanno subito il cambiamento della desinenza da *-і* a *-и* (ad es. T. Ševčenko, usando l'ortografia russa, scriveva *благодаты, сповиды, висты*); questo cambiamento purtroppo romperebbe l'uniformità delle desinenze dei sostantivi della terza declinazione, creando nuove 'eccezioni' e di fatto complicando il quadro.

Un'altra proposta dell'UP99 riguarda i sostantivi della IV declinazione nei quali ai casi obliqui compare il suffisso *-ен-*: si tratta dei cinque sostantivi *ім'я, плем'я, сім'я, тім'я, вим'я*. Secondo le norme ortografiche in vigore, al genitivo singolare questi sostantivi prendono la desinenza *-і*, mentre tutti gli altri sostantivi che appartengono a questa stessa declinazione, che prendono il suffisso *-ам-*, al genitivo singolare hanno la desinenza *-и*. È importante sottolineare che la desinenza *-і* del genitivo singolare dei nomi con *-ен-* è stata introdotta nell'UP del 1945 allo scopo di avvicinare la lingua ucraina a quella russa. Tenendo conto di questo fatto, dell'esiguità dei sostantivi 'coinvolti' e dell'importanza di tendere all'uniformità qualora possibile, questa proposta appare quanto mai ragionevole.

Infine, sempre per quanto riguarda la flessione nominale, è stata avanzata la proposta di declinare i sostantivi e i nomi propri di origine straniera in *-о* (*пальто – пальта, бюро – бюра, Леонардо – Леонарда*), ad eccezione di quelli in cui la *о* finale è preceduta da altre vocali (*радио, Марио*). Questo cambiamento rispecchierebbe il fatto che fino all'UP del 1933 queste parole erano declinate nella lingua parlata (la parola *пальто* anche nel periodo sovietico), e questo si rifletteva nella norma letteraria, come anche si riflette nelle opere di alcuni scrittori contemporanei.

²² Il dittongo *au* era reso con *av* (ad eccezione della posizione davanti a *e*) già nelle *Najholovniši Pravyla Ukrajin'skoho pravopysu* del 1921 (vedi anche Teterjatnyk 2008: 57-58).

Purtroppo la storia ulteriore della codificazione dell'UP non è andata nel senso di un accoglimento, almeno parziale, delle proposte avanzate dalla Commissione guidata da Nimčuk²³.

Ancora una volta l'influenza di personaggi spesso privi delle dovute conoscenze linguistiche e tuttavia molto influenti nell'Accademia delle Scienze Ucraina, ha impedito l'armonico sviluppo del *pravopys* che si stava avviando ad una codificazione razionale della lingua. Se ciò sia dovuto a pura cecità, a scarsa competenza linguistica, a risentimenti personali o a più perniciose influenze politiche è difficile dirlo. Sta di fatto che, poco più di sei mesi dopo l'uscita dell'UP99, il 28 marzo 2000, l'accademico V. Rusaniv's'kyj sottomise al presidente dell'Accademia delle Scienze Ucraina Borys Paton un memorandum nel quale erano contenute in forma palesemente distorta le proposte dell'UP99. La reazione a questo memorandum fu la delibera del Presidio dell'Accademia delle Scienze del 26 aprile 2000 *Pro stvorennja Komisiji NAN Ukrainy z vyučennja proektu novoji redakciji ukrajins'koho pravopysu*. Sostanzialmente venne creata una commissione per lo studio dell'UP99, che attraverso varie vicende, spesso abbastanza oscure, da un lato fomentò una parte dell'opinione pubblica contro le proposte di cambiamento dell'UP99, dall'altro ottenne la formazione di una nuova commissione, dalla quale furono esclusi numerosi eminenti linguisti che avevano contribuito all'elaborazione dell'UP99²⁴.

Nel febbraio 2002 venne ufficializzata la composizione della nuova commissione, dalla quale non facevano più parte eminenti linguisti quali A.H. Pohribnyj, O.D. Ponomariv, I.P. Juščuk, N.I. Toc'ka, I.R. Vychovanec', N.F. Klymenko, A.A. Burjačok, P. Čučka e anche tutti i membri stranieri della Commissione, fra i quali G. Shevelov. La commissione così indebolita cessò di essere internazionale, panucraina.

Nel frattempo nel maggio 2003 la nuova direzione della Commissione nazionale ucraina per le questioni del *pravopys* propose un nuovo progetto, stampato con il suo marchio, anche se non era stato esaminato alle riunioni della Commissione²⁵.

Questo progetto (UP03) è fornito di una *Prefazione* anonima con informazioni brevi ma incomplete sulla storia dell'ortografia ucraina. In essa sono contenute molte affermazioni discutibili e scorrette. Non vi viene nemmeno ricordato il progetto del *pravopys* pubblicato nel 1999 e le discussioni attorno ai cambiamenti in esso proposti. Alla sua fine

²³ Ricorderò, fra l'altro, che le sue osservazioni sull'ortografia ucraina, corredate da un'approfondita analisi storico-filologica dei numerosi punti oggetto delle proposte di cambiamento nell'UP99, sono esposte nel suo lavoro del 2002.

²⁴ Vedi Tryfonov 2005, in cui vengono analizzate le tecniche di manipolazione dell'opinione pubblica riguardo alla riforma del *pravopys*. Tutti gli avvenimenti che portarono dall'UP99 al progetto del 2003 elaborato dalla Commissione presieduta da V. Rusaniv's'kyj sono dettagliatamente descritti in Nimčuk 2004a.

²⁵ Sul retrocopertina di questo progetto era indicato: "Autori: V.M. Rusaniv's'kyj (redattore scientifico), B.M. Ažnjuk, S.Ja. Jermolenko, N.F. Nepyjvoda, O.O. Taranenko, L.I. Ševčenko, L.L. Ševčenko. Redazione e elaborazione informatica del testo a cura del Fondo linguistico-informativo ucraino della NANU".

viene detto che l'UP elaborato sotto la guida di V. Rusaniv's'kyj da un gruppo di membri dell'attuale Commissione nazionale ucraina per le questioni del *pravopys* presso il Ministero dell'istruzione e della scienza dell'Ucraina e presso l'Accademia delle Scienze Ucraina, tiene conto completamente delle proposte di modifica avanzate dalla precedente Commissione ortografica (e cioè quelle esposte nell'UP99).

Tuttavia, come osservato e argomentato da Nimčuk (2004a), da Vychovanec' (2004) e da Kočerha 2004, sostanzialmente l'UP03 non contiene nulla di nuovo rispetto all'edizione dell'UP93, e pertanto non è un caso che l'edizione dell'UP07 nella cui prefazione di parla esclusivamente della Commissione presieduta da Rusaniv's'kyj, ricalchi praticamente quella dell'UP93. Mi soffermerò solo su alcuni punti. Nell'UP03 gli autori e il redattore capo V. Rusaniv's'kyj, secondo Vychovanec', annoverano erroneamente fra le consonanti palatalizzate i fonemi ucraini /б'/, /п'/, /в'/, /м'/, /г'/, /к'/ e altri, che non sarebbero presenti nella lingua ucraina, ma sono presenti in quella russa; infatti, mentre l'ucraino ha 10 consonanti palatalizzate (/д'/, /т'/, /з'/, /с'/, /ц'/, /џ'/, /л'/, /н'/, /р'/, /ј'/), il russo ne ha 19 (/б'/, /п'/, /в'/, /ф'/, /м'/, /д'/, /т'/, /з'/, /с'/, /н'/, /л'/, /р'/, /г'/, /к'/, /х'/, /ј'/, /ч'/, /ѡ'/, /ѣ'/)²⁶.

Su questa linea è anche la convinzione, espressa nell'UP03, che nelle parole di origine straniera *бюро*, *пюнітп* e simili vengano pronunciate le consonanti deboli (palatalizzate) /б'/, /м'/ e altre, mentre in ucraino le consonanti /б/, /п/, /в/, /ф/, /м/, /г/, /к/, /х/, /г/, /ж/, /ч/, /ш/, /дж/ appartengono alle consonanti dure. Infatti, osserva giustamente Vychovanec', nell'UP99 si proponeva di mettere l'apostrofo dopo le consonanti dure davanti a *я*, *ю*, mentre erroneamente nell'UP03 vengono considerate deboli le consonanti /б/, /п/, /м/, /г/, /к/ nelle parole di origine straniera *бювет*, *бюджет*, *бюро*, *бюрократ*, *бюст*, *зюур*, *кювет*, *мюзикл*, *пюнітп*, *пюре*.

L'UP03 contiene inoltre una serie di affermazioni false riguardanti l'UP99. Ad esempio, sulla proposta avanzata nell'UP99 di sostituire la desinenza del genitivo singolare dei nomi della III declinazione che hanno desinenza zero e terminano in *-ть* preceduta da consonante e nei nomi “кров, любов, осінь, сіль, Русь, Білорусь” nell'UP03 si esprimono dubbi riguardo ai sostantivi “*печатъ* (*печати?*), *печаль* (*печали?*), *мить* (*мити?*)”, sostantivi che non rientravano affatto in quella proposta (si veda *supra*).

Fra le proposte dell'UP03 sono contenuti anche dei cambiamenti che non trovano giustificazione nel sistema della lingua ucraina e che costituirebbero un allontanamento dalle innovazioni dell'UP93, entrate nell'uso generale nei dieci anni seguiti alla loro introduzione, e un ritorno alle vecchie regole. Nell'UP93, nonostante l'ucraino possieda parole con consonanti doppie, troviamo prestiti stranieri in cui le consonanti doppie sono state eliminate nella resa ucraina, riflettendo così la pronuncia: *бароко*, *беладона*, *бравісимо*,

²⁶ Come osserva Vychovanec', i fonemi consonantici ucraini duri /б/, /п/, /в/, /м/, /ф/, /ж/, /ч/, /ш/, /дж/, /г/, /к/, /х/, /г/ davanti alla vocale /i/ talvolta si realizzano in una variante semi-palatalizzata /б'/, /п'/, /в'/, /м'/, /ф'/, /ж'/, /ч'/, /ш'/, /дж'/, /г'/, /к'/, /х'/, /г'/, che tuttavia non essendo completamente palatalizzata, non si oppone nel sistema della lingua alle consonanti dure.

грунето, інтермецо, лібрето, піанісимо, піцикато, стакато, фортисимо e altre, mentre nell'УРОЗ troviamo: *барокко, беладонна, группето, інтермеццо, лібретто, піаніссимо, піцикато, стакато, фортіссімо*. Nell'УР93 la grafia dei nomi geografici *Корсіка, Лейпциг, Цюрих, Сиракузи, Сирія* era in linea con la regola della *dev'jatka*, anche se formalmente i nomi geografici stranieri non sottostavano a questa regola, mentre nel progetto del 2003 troviamo: *Корсіка, Лейпціг, Сіракузи, Цюріх*. Si ha l'impressione che gli autori dell'УРОЗ abbiano fatto dei ritocchi casuali all'УР93 al solo scopo di mostrare di aver effettuato dei cambiamenti.

In realtà, come osserva Nimčuk (2004a), nell'УРОЗ è presente un cambiamento sostanziale privo di ogni fondamento. Si tratta della proposta di togliere la forma della terza persona plurale del presente del verbo *відповісти – відповідять* e sostituirla con la locuzione *дадуть відповідь*. Questa sostituzione è però priva di ogni giustificazione. Fra l'altro non viene detto nulla delle corrispondenti forme dei verbi *оновісти, розповісти*: questa proposta contraddice la pratica contemporanea.

Abbastanza illustrativa della prassi editoriale degli autori dell'УРОЗ è la 'migrazione' dal testo dell'УР93 a quello dell'УРОЗ di singoli lapsus linguistici: ai sostantivi della seconda declinazione del gruppo misto è attribuito il sostantivo *бабище* (!), mentre il sostantivo *ворота* è ascritto ai sostantivi della prima declinazione, che allo strumentale hanno la desinenza *-ми: ворітьми (воротами)* (!).

Altro lapsus linguistico migrato direttamente dalla Prefazione dell'УР93 a quella dell'УРО7 sotto la redazione di V. Rusaniv's'kyj è l'affermazione "Отже, якщо брати до уваги графіку, то український правопис бере свій початок від кінця минулого тисячоліття" (УР93: 3; УРО7: 5). Se nell'УР93 questo datava l'inizio dell'ortografia ucraïna alla fine del X secolo, nell'УРО7 si tratta di un chiaro errore che daterebbe alla fine del XX secolo la nascita dell'ortografia ucraïna!!

Il progetto contiene una serie di gravi errori: al posto della *ъ* è stampata *ь*, al posto della *g* la *j*. Non viene preso niente del progetto del 1999, neanche la declinazione della parola *Господь*.

In tutta una serie di altri punti l'УРОЗ riproduce l'УР93: ad es. nella grafia della lettera *и* in inizio di parola, nella grafia delle parole composte, fra cui quelle con l'elemento *нів-*, mentre le proposte dell'УР99 vengono ignorate. Fra gli altri punti, osservati nell'articolo di Kočerha 2004, la resa della lettera greca θ (*th*) che, si dice, sostanzialmente deve seguire il modo di assimilazione ormai accertato, e quindi in sintesi le prescrizioni dell'УР del 1933 con le successive modifiche che seguono i prestiti delle stesse parole nel russo. Come osserva Kočerha (2004), tutte le contraddizioni già presenti nell'УР93, sono state conservate, fra di esse l'uso di *-ія* vs. *-ія* (*матерія*, ma *матеріал*), l'applicazione selettiva della regola della *dev'jatka* (*Дізель* vs. *дизель*), la grafia tradizionale *Фрейд* (Freud), mentre tutte le traduzioni ucraïne riportano il nome di questo autore come *Фройд*.

Nell'anno 2002 Rusaniv's'kyj aveva inoltre pubblicato un articolo dal titolo *Стосуюнок "Проекту" до реального українського правопису* (Rusaniv's'kyj 2002), volto non ad argomentare con prove scientifiche la presunta ascientificità delle posizioni dell'УР99, ma ad

attaccare subdolamente i suoi oppositori per mezzo di etichette ed epiteti che di scientifico non hanno nulla. Non mi soffermo pertanto sull'analisi di quest'articolo, che non offre argomenti validi per l'elaborazione dell'ortografia ucraina, e rimando il lettore interessato alla pacata rassegna di Vychovanec' 2004.

Nonostante l'UP sia stato oggetto di numerosi studi, spesso di buon livello scientifico, nonostante esso sia stato al centro dell'attenzione di linguisti e intellettuali, il fatto che a oltre 25 anni dall'indipendenza dell'Ucraina la società civile di questo paese disponga di un codice ortografico (UP93) non del tutto unitario e non ancora universalmente accettato e rappresentativo delle peculiarità fonetiche e morfologiche della lingua ucraina costituisce un fattore di debolezza. La mancanza di armonia e di coerenza ortografica si riflette negativamente sull'istruzione degli alunni delle scuole, rende difficile l'assimilazione di testi e costituisce un ostacolo nel processo di affermazione dell'ucraino come lingua statale. Per ragioni assolutamente extralinguistiche, che nulla hanno a che vedere con la scientificità, le uniche proposte serie e filologicamente argomentate di riforma del *pravopys*, quelle contenute nell'UP99, sono state rigettate in toto nelle edizioni successive dell'UP senza spiegazioni valide²⁷.

Al momento attuale si può solo esprimere l'auspicio che una nuova generazione di linguisti, slegati e lontani cronologicamente dal passato sovietico, si avvicinino all'ortografia con occhio nuovo e con sguardo libero da pregiudizi e decidano di mettere mano una volta per tutte all'ortografia ucraina, elaborando un *pravopys* che rifletta in maniera esauriente e scevra da condizionamenti ideologici le leggi della lingua letteraria ucraina in maniera chiara, sintetica e comprensibile e che diventi stabile, universalmente riconosciuto e obbligatorio su tutto il territorio dell'Ucraina.

Abbreviazioni

- UP93: *Ukrajins'kyj pravopys*, NAN Ukrajinu, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', 4-te vydannya, vypravlene j dopovnene, Kyjiv, Naukova dumka 1993, 240 pp., ISBN 5-12-003832-8.
- UP94: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukrajinu, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', 4-te vydannya, vypravlene j dopovnene, Kyjiv, Naukova dumka 1993, 240 pp., ISBN 5-12-003832-8.

²⁷ Ricorderò che G. Shevelov riguardo all'UP99, pur riconoscendo che esso "non è ideale", lo ha definito "la variante migliore di tutte quelle proposte" ("не ідеальний, але це найкращий варіант з усіх запропонованих": la citazione è tratta da Vychovanec' 2004).

- UP96: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', 5-te vydannya, stereotyp., Kyjiv, Naukova dumka 1996, 240 pp., ISBN 966-00-0046-4.
- UP97: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', 6-te vydannya, stereotyp., Kyjiv, Naukova dumka 1997, 240 pp., ISBN 966-00-0125-8.
- UP98: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', 7-e vydannya, stereotyp., Kyjiv, Naukova dumka 1998, 240 pp., ISBN 966-00-0489-3, Tyraž 5000.
- UP99: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', stereotyp. vyd., Kyjiv, Naukova dumka 1999, 240 pp., ISBN 966-00-0519-9.
- UP00: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', stereotyp. vyd., Kyjiv, Naukova dumka 2000, 240 pp., ISBN 966-00-0638-1.
- UP02: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', stereotyp. vyd., Kyjiv, Naukova dumka 2002, 240 pp., ISBN 966-00-0792-2, Tyraž 10000.
- UP03: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', stereotyp. vyd., Kyjiv, Naukova dumka 2003, 240 pp., ISBN 966-00-0120-7.
- UP04: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', stereotyp. vyd., Kyjiv, Naukova dumka 2004, 240 pp., ISBN 966-00-0120-7.
- UP05: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. O.A. Ditel', stereotyp. vyd., Kyjiv, Naukova dumka 2005, 240 pp., ISBN 966-00-0120-7, Tyraž 5000.
- UP07: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. Je.I. Mazničenko, N. M. Maksymenko, K. S. Čajka, Kyjiv, Naukova dumka 2007, 288 pp., ISBN 978-966-00-0617-1, Tyraž 10000.
- UP08a: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukraïny, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. Je.I. Mazničenko, N. M. Maksymenko, K. S. Čajka, Kyjiv, Naukova dumka 2008, 288 pp., ISBN 978-966-00-0723-9.

- UP08b: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukrainy, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. Je.I. Mazničenko, N. M. Maksymenko, K. S. Čajka, Kyjiv, Naukova dumka 2008, 288 pp., ISBN 978-966-00-0955-0.
- UP10: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukrainy, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. Je.I. Mazničenko, N. M. Maksymenko, O. V. Osadča, Kyjiv, Naukova dumka 2010, 288 pp., ISBN 978-966-00-1023-0.
- UP12: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukrainy, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. Je.I. Mazničenko, N. M. Maksymenko, O. V. Osadča, Kyjiv, Naukova dumka 2012, 288 pp., ISBN 978-966-00-1263-9, Tyraž 7000.
- UP15: *Ukrajins'kyj pravopys*. NAN Ukrainy, Instytut movoznavstva im. O. O. Potebni; Instytut ukrajins'koj movy, red. Je.I. Mazničenko, N. M. Maksymenko, O. V. Osadča, Kyjiv, Naukova dumka 2015, 288 pp., ISBN 978-966-00-1509-8, Tyraž 3000.

Bibliografija

- Ažnjuk 1999: B.M. Ažnjuk, *Avtoferat dysertaciji na zdobuttja naukovoho stupenja doktora filolohičnych nauk Evoljucija ukrajins'koji movy v diaspori (etno- i sociolinhvistyčni aspekty)*, Kyjiv 1999.
- Bystryc'kyj 2012: M. Bystryc'kyj, *Neoficijni zminy v čynnij ukrajins'kij orfohrafiji pislja četvertoho vydannja*, Kyjiv 2012, cfr. <<http://izbornyk.org.ua/pravopys/zminy.htm>> (ultimo accesso: 11.06.2017).
- Danylčuk 2013: D. Danylčuk, *Ukrajins'kyj pravopys: rozdorizžžja i dorohovkazy*, Kyjiv 2013.
- Danylenko 2010: A. Danylenko, *The Ukrainian Bible and the Value Circular of July 18, 1863*, "Acta Slavica Iaponica", 2010, 28, pp. 1-21.
- Farion 2004: I. Farion, *Pravopys – korset movy? Ukrajins'kyj pravopys jak kul'turno-polityčnyj vybir*, L'viv 2004.
- Holovaščuk 2001: S.I. Holovaščuk, *Pro dejaki punkty najnovišoho "proektu" ukrajins'ko-ho pravopysu*, "Literaturna Ukrajina", 18.02.2001, p. 4.
- Kočerha 2002: O. Kočerha, *Pravopys čužomovnoho pochodžennja*, "Krytyka", 2002, 3, pp. 6-9.
- Kočerha 2004: O. Kočerha, *Jichni tradyciji v našomu pravopysi*, "Krytyka", 2004, 1-2, pp. 17-18.

- Kulyk 2001: V. Kulyk, *Pravopysne boževillja*, “Krytyka”, traven' 2001, <<https://krytyka.com/ua/articles/pravopysne-bozhevillya>> (ultimo accesso: 11.06.2017).
- Masenko *et al.* 2005: L. Masenko *et al.* (upor.), *Ukrajins'ka mova u XX storičči: istorija linhvocydu: dokumenty i materialy*, Kyjiv 2005.
- Nimčuk 2002: V.V. Nimčuk, *Problemy ukrajins'koho pravopysu XX-počatku XXI st.*, Kyjiv 2002.
- Nimčuk 2004a: V.V. Nimčuk, *Dolja proektu novoji redakciji ukrajins'koho pravopysu, “Ukrajins'ka mova”*, 2004, 1, <<https://r2u.org.ua/node/144>> (ultimo accesso: 11.06.2017).
- Nimčuk 2004b: V.V. Nimčuk, *Perednje slovo*, in: *Istorija ukrajins'koho pravopysu: XVI-XX stolittja. Chrestomatija*, Kyjiv 2004, <<http://litopys.org.ua/rizne/nimch.htm>> (ultimo accesso: 11.06.2017).
- Nimčuk, Purjajeva 2004: V.V. Nimčuk. N.V. Purjajeva (upor.), *Istorija ukrajins'koho pravopysu: XVI-XX stolittja. Chrestomatija*, Kyjiv 2004.
- Onyškevč *et al.* 1997: L. Onyškevč *et al.* (red.), *Pro ukrajins'kyj pravopys i problemy movy. Zbirnyk dopovidej movnoji sekciji 16-oji Ričnoji Konferenciji Ukrajins'koi Problematyky, Urbana-Champaign, Ill., 20-25 červnja 1997*, N'ju Jork-L'viv 1997.
- Ponomariv 2002: O. Ponomariv, *Ukrajins'kyj pravopys u zapytannjach i vidpovidjach, “Ukrajins'ka mova”*, 2002, 4, pp. 107-114.
- Rusanivsk'kyj 2002: V.M. Rusanivsk'kyj, *Stosunok “Projektu” do real'noho ukrajins'koho pravopysu, “Movoznavstvo”*, 2002, 6, pp. 92-98, cfr. <<http://izbornyk.org.ua/rizne/rusan.htm>> (ultimo accesso: 11.06.2017)
- Rusanivsk'kyj *et al.* 2003: V.M. Rusanivsk'kyj *et al.* (red.), *Proekt. Ukrajins'ka Nacional'na Komisija z Pytan' Pravopysu. Ukrajins'kyj pravopys*, Kyjiv 2003.
- Shevelov 1986: G.Y. Shevelov [Ševel'ov], *The Language Question in the Ukraine in the Twentieth Century (1900-1941)*, “Harvard Ukrainian Studies”, x, 1986, 1-2, pp. 71-170.
- Shevelov 1987: G.Y. Shevelov [Ševel'ov], *The Language Question in the Ukraine in the Twentieth Century (1900-1941)*, “Harvard Ukrainian Studies”, xi, 1987, 1-2, pp. 118-217.
- Ševel'ov 1997: Ju. Ševel'ov, *Pro kryteriji v pytannjach oficijnoho ukrajins'koho pravopysu*, in: O.A. Ditel' (red.), *Ukrajins'kyj pravopys: Tak i ni*, Kyjiv 1997, pp. 68-76.
- Ševel'ov 2002: Ju. Ševel'ov, *Istoryčna fonolohija ukrajins'koi movy*, Charkiv 2002.
- Šerech 1998: Ju. Šerech (Ju. Ševel'ov), *Poza knyžkamy i z knyžok*, Kyjiv 1998.
- Taranenko 1997: O.O. Taranenko (upor.), *Ukrajins'kyj pravopys. Tak čy ni: obhovorennja novoji redakciji “Ukrajins'koho pravopysu”*, Kyjiv 1997.

- Teterjatnyk 2008: V. Teterjatnyk, *Bilše niž pravopys*, Kyjiv 2008.
- Tryfonov 2005: R. Tryfonov, *Charkivs'ki zasoby masovoji komunikaciji pro reformuvannja ukrajins'koho pravopysu na počatku XXI st.: misce frajmovykh struktur u dyskursi*, "Zbirnyk Charkivs'koho istoryko-filolohičnoho tovarystva", 2005, 11, pp. 157-168.
- Vychovanec' 2004: I. Vychovanec', *Nenaukovi prystrasti navkolo ukrajins'koho pravopysu*, "Ukrajins'ka mova", 2004, 2, pp. 3-25.
- Vynnyč'kyj 2012: V.V. Vynnyč'kyj, *Pro dejaki netočnosti u traktuvanni movoznavčyx ponjat' u sučasnykh pravopysach ukrajins'koho movy*, "Movoznavstvo", 2012, 2, pp. 65-82.

Abstract

Giovanna Siedina

The Debate Around Ukrainian Pravopys in Independent Ukraine

My paper examines the debate that characterised the re-elaboration of the Ukrainian *Pravopys*, i.e., the set of rules that regulates Ukrainian orthography and punctuation in independent Ukraine, and that culminated in the new Ukrainian *Pravopys* of 2007 (republished in 2015). The need for a revision of the Ukrainian *pravopys* of 1929-1933 arose due to the many interventions it underwent during the Soviet period in the direction of Russification. The lively debates and discussions that ensued once again demonstrated that the issue of Ukrainian *pravopys* was characterised by a marked political tinge, and was perceived as a catalyst for the expression of national identity. Linguists and academics mainly gathered around the two groups headed respectively by linguists V. Rusaniv's'kyj and V. Nimčuk. The orientation of the two groups, curiously enough, were reminiscent of the two camps that catalyzed the debates on the Ukrainian *pravopys* in the second half of the nineteenth century, those favoring a 'rapprochement' with the Russian language and those supporting the phonetic approach based on Ukrainian pronunciation. The latter were the principles that governed the elaboration of the 1929 *Pravopys*. My paper thus focuses on the different stages and the different proposals of the *pravopys* reform, and on the work of the two commissions in charge of the project of *pravopys* emendation, leading to the publication of the 2007 new Ukrainian *pravopys*, which is mainly an expression of the group of linguists headed by V. Rusaniv's'kyj.

Keywords

Orthography; Ukrainian Language; Language and Politics.

Алла Андреевна Кожинова

Языки и графические системы Беларуси в период от Октябрьской революции до Второй мировой войны

1. Введение

Главной особенностью Беларуси являлось и является то, что она представляет собой поле постоянного взаимодействия народностей и языков не только в живом повседневном общении, но и в том, что представляется коммуникацией менее живой и менее повседневной, хотя бы потому, что она вторична и опосредована. Речь идет о коммуникации письменной. Пожалуй, к этому типу коммуникации более применимо понятие языковой политики, поскольку именно здесь общество в целом и его наиболее политизированная институция – государство – может проявить свое влияние в полную силу. Это обусловлено зависимостью письменной коммуникации от того, что может институционально контролироваться, а, следовательно, разрешаться и запрещаться – образования, позволяющего человеку владеть тем или иным видом письменности на том или ином языке, и печати, дающей возможность реализовать полученные в процессе образования умения.

Таким образом, в настоящей статье речь пойдет о вторичной графической форме представления языка и определенных выше необходимых моментах существования этой формы.

Важность учета языкового фактора в социалистическом государственном строительстве была отражена в принятой 31 июля 1920 г. *Декларации о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии*: “Устанавливается полное равноправие языков (белорусского, русского, польского и еврейского) в сношениях с государственными учреждениями и в организациях и учреждениях народного просвещения и социалистической культуры” (ПРНВ: 122). Эта идея была реализована и в *Конституции Белорусской Социалистической Советской Республики* 1927 г. (К27: ст. 21 -23). Все четыре языка появились на государственном гербе (рис. 1).

Представление о необходимости равноправного сосуществования четырех государственных языков было ярко представлено в следующей инициативе почтового ведомства, рекомендации которого приводит Э. Бэмпарад (2007: 66):

РИС. 1

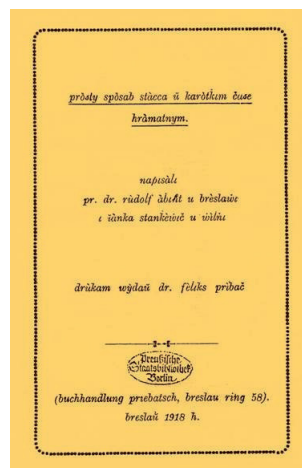

РИС. 2

7 мая 1924 г. администрация Главпочтамта в Минске обратилась к окружному и городскому комитетам партии с сообщением, которое через несколько дней было опубликовано в местной прессе. Почтовая служба искала работников, которые могли бы читать, говорить и писать на местных языках. В сообщении скрупулезно описывалась система, на основании которой почта должна была доставлять адресату посылки или письма. Адреса писем на местных языках, таких как польский или белорусский, обычно писались на левой стороне конверта, а правую сторону отправитель оставлял чистой; это позволяло почтовому работнику перевести адрес на русский язык на правой стороне конверта. Призыв почтамта к потенциальным сотрудникам содержал специальное объяснение, связанное с идишем; раз на идише адреса писались обычно на всей поверхности конверта справа налево и чистого места не оставалось, работнику нужно было переводить адрес на обратной стороне конверта.

Так началось сосуществование четырех государственных языков, подчас принимающее бурные революционные формы.

2. *Белорусский язык. Советская власть + белорусизация всей республики*

Белорусизация, в конечном итоге обусловившая все изменения в других государственных языках, в республике происходила дискретно. Первый ее пик пришелся на осень-лето 1915 г., когда западная часть территории была захвачена кайзеровской Германией, которая старалась ослабить на этих землях российское влияние (Рудовіч 2001: 7). По-белорусски предполагалось осуществлять административную деятельность, учить в школах и т.д. Именно тогда и возникла первая белорусская школа, а «до 1915 г. не существовало национального образования, даже начального» (Мячкоўская

2001: 173). 16 января 1916 г. был издан приказ фельдмаршала П. фон Гинденбурга о равноправии литовского, русского, польского, белорусского языков (Запрудскі 2015: 6).

Вторая волна белорусизации связана с провозглашением в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР), где в апреле этого же года белорусский язык был определен государственным и обязательным – в первый раз в новой истории он обрел этот статус (Рудовіч 2001: 9). Кроме того, в Вильне было основано Белорусское научное общество (Беларускае навуковае таварыства) во главе с А. Луцкевичем. Были предприняты и другие попытки укрепления статуса белорусского языка. Эти начинания остались нереализованными, поскольку в 1919 г. БНР прекратила свое существование, однако они дали определенные плоды – хотя первое орфографическое руководство по белорусскому языку *Jak prawilna pisać pa biełarusku* было издано А. Луцкевичем еще в 1917 г. (Łuckiewiç 1917), именно в 1918 г. выходит большая часть учебных пособий, предпринимаящих попытку нормализовать белорусскую орфографию и помочь носителям языка овладеть ею: *Hramatyka biełaruskaj mowy* Б. Почобко (Pačobka 1918), *Biełaruski prawapis* А. Луцкевича и Я. Станкевича (Łuckiewiç, Stankewiç 1918), *Pròsty spòsab stácca ŭ karòtkim čáse hràmatnym* Р. Абихта и Я. Станкевича (Àbicht, Stankèviç 1918)). Как можно заметить, все эти издания были осуществлены латиницей, и они практически исчерпали попытки выработать систему латинографического правописания на белорусском языке до Второй мировой войны и обучить этой системе белорусов. Каждая из этих небольших брошюр вносила свои предложения в преобразование латиницы. Уже их названия показывают принципы, которыми они руководствовались, ср: *Jak prawilna pisać pa biełarusku. Ułažyŭ Anton Łuckiewiç. Čaść I. Wilnia 1917; Hramatyka biełaruskaj mowy. Apracawaŭ B. Pačobka, wučyciel Biełaruskaj mowy u Świsłockaj Biełaruskaj wučycielskaj seminariji, redaktar časopisi "Biełarus". Wilnia: Drukarnia "Homan", 1918; Ant. Łuckiewiç, J. Stankewiç. Biełaruski prawapis. Wilnia: Druk. M. Kuchty, 1918.* Здесь очевидны попытки, предпринятые еще в издании букваря 1906 г. *Belaruski lementar* обозначать звуки не на польский манер диграфами, а при помощи диакритиков, как в чешском, словацком, словенском и др. письме (Мечковская 2003: 59). Попытки эти были проведены непоследовательно, см. диграф в фамилии издателя: *М. Кучнта*. Обложка же учебного пособия Р. Абихта и Я. Станкевича (рис. 2) демонстрирует их предложение элиминировать различия больших и маленьких, печатных и рукописных букв.

Отдельное место среди первых попыток выработать нормативное правописание занимает *Белорусская грамматика для школ* Б. Тарашкевича, опубликованная сначала в латинографической (Тараškiewiç 1918), затем в кириллической (Тарашкевиç 1918) версии, выдержавшая при жизни автора 5 изданий и надолго определившая вектор развития белорусского письменного языка. И все это благодаря тому, что “она представляет собой первый, и тем не менее удачный опыт выделения основных закономерностей белорусского языка” (Крамко и др. 1968: 162). Эти закономерности были обнаружены автором в белорусском говоре, представляющем твердое *p* и сильное аканье. Также Б. Тарашкевич закрепил фонетический принцип передачи гласных и морфологический с

некоторыми отклонениями – согласных, а заимствованные слова предложил записывать в соответствии с тем, насколько они ассимилированы белорусским языком.

Однако началась третья волна белорусизации, связанная с великой целью построения социализма в отдельно взятой беднейшей европейско-азиатской стране. И соответствующая политика должна была помочь в достижении этой цели – в данном случае привлечь на сторону большевиков белорусское крестьянство, в большинстве своем необразованное, культурно и экономически отсталое. О том, насколько это представлялось важным, свидетельствуют слова И.В. Сталина, произнесенные им на X съезде РКП(б) в 1921 г. (Сталин 1951: 48):

Я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская нация, которая имеет свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном для него языке.

Предполагалось, что белорусский язык агитационных воззваний позволит сделать это наилучшим образом – в партийной резолюции 1921 г. писалось (см. Коршук и др. 2001: 30):

Необходимо как можно обильнее снабжать белорусское [так в документе – А.К.] крестьянство и рабочих коммунистической литературой на белорусском языке (крестьянская газета, орган профессиональных союзов, листки, брошюры, календари и т. п.). Необходимо, чтобы ЦБ Коммунистической партии Белоруссии повело агитацию и пропаганду среди белорусских масс на белорусском языке¹.

Кроме того, белорусизация была призвана решить ряд побочных задач: установить контроль над национальной идеей белорусской интеллигенции, подозрительно относившейся к русскоязычным большевикам, привлечь на свою сторону белорусское население в Польше, где белорусский язык и белорусские институты не пользовались симпатиями государства, завоевать симпатии белорусской эмиграции² (Клімаў 2001).

Белорусизация была частью “коренизации”, то есть национально-культурного строительства в СССР, которое предусматривало перевод преподавания, СМИ (в то время – газет), делопроизводства на родной язык, расширение книгоиздательства на национальном языке, изучение работниками партийных и советских органов местного языка (Алпатов 2000: 38 и далее).

Расширение функций языка требовало его исследования для нормализации, кодификации и обучения ему. В Минске в феврале 1921 г. была создана Научно-терми-

¹ Как видно из примера, сам язык резолюции вполне мог быть русским. Такое языковое смешение – призыв к использованию белорусского языка, сформулированный по-русски, – наблюдается и в наше время, нередко даже в оппозиционных источниках, особенно на интернет-сайтах.

² Что, кстати, удалось сделать.

нологическая комиссия (Навукова-тэрміналагічная камісія), а в октябре того же года – Белорусский государственный университет, где с самого начала велось изучение и преподавание белорусского языка. Однако важнейшим событием было основание в конце января 1922 г. Института белорусской культуры (Инстытут беларускай культуры, Инбелкульт): “Значение этой организации для развития белорусской культуры и науки в 1920-е годы настолько велико, что этот период часто называют *инбелкультуровским*” (Запрудскі 2015: 8). Именно эта организация инициировала разработку белорусского правописания.

Необходимость этого действительно назрела. Так, многие газеты, и, прежде всего, сельские, созданные на протяжении 1924-1925 гг., совершенно неудовлетворительно подходили к вопросу правописания. Например, в газете *Полоцкий пахарь* (№ 68) из 15 заметок, опубликованных на белорусском языке, не было ни одной, которая бы не содержала ошибок: *зпачатку пазанісывалісь дажа старыя селяне* вместо *спачатку запісаліся нават старыя сяляне, у вёскі* вместо *у вёсцы, ремонце школы* вместо *рамонце школы, далучана* вместо *даручана* (Прахарэня 2017: 489).

В 1926 г. в Минске силами Инбелкульта была проведена Академическая конференция по реформе белорусского правописания и азбуки (Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі), которая оказалась не только первым лингвистическим форумом, но и первым научным выходом Беларуси на международную арену. На ее созыв повлияли факторы различного рода. Это, как показывает С. Запрудский (2004: 22),

отдельные недостатки правописания того времени, звучная постановка вопроса реформы правописания и алфавита в обществе, желание властей провести в молодой советской республике международную конференцию, потребность белорусского языкознания осмотреть результаты своей работы за несколько лет.

Этому мероприятию предшествовала бурная дискуссия в печати (см., например, Багдановіч 1925; Лёсік 1925; Цвяткоў 1926). В самой же конференции приняли участие все ведущие сотрудники Инбелкульта во главе с его председателем В. Игнатовсим, профессор БГУ П. Бузук и доценты А. Богданович, И. Волк-Леванович, А. Цветков, профессор Московского университета П. Расторгуев, ректор Литовского университета в Ковно М. Биржишка, доцент Латвийского университета в Риге Э. Блесэ, доцент Ленинградского университета П. Горчинский, доцент Варшавского университета Ю. Голомбек, доцент Харьковского института народного просвещения К. Нимчинов, профессор Берлинского университета М. Фасмер, редактор ковенского журнала “Кривич” В. Ластовский и др. (Запрудскі 2004: 21).

На конференции, безусловно, были рассмотрены некоторые конкретные вопросы правописания (расширение фонетического принципа правописания на согласные, написание безударного [e], распространение аканья на заимствованные слова, написание *у* и *ў*-краткого и др.), однако главной ее интригой было противостояние

сделавших основные доклады (Жураўскі 2014: 419) Я. Лёсика, который выступал за радикальную реформу, и сторонника более осторожного подхода С. Некрашевича, считавшего, что отменять правописание, предложенное Б. Тарашкевичем, нет оснований, и предлагавший прежде, чем предпринимать радикальные шаги, “широко начать работу по исследованию белорусских говоров и на основе выводов исследования сделать реформу правописания” (Некрашэвіч 2004: 14). В результате конференции не провела реформы правописания, но показала необходимость серьезных исследований белорусского языка.

Дискуссии продолжались и после конференции. Так, в 1927-1929 гг. несколько раз со статьями, посвященными реформе алфавита и правописания, выступил поэт В. Дубовка (Запрудскі 2005: 40). Он, в частности, предложил ввести специальные знаки для аффрикат [дз’] и [дж], в которых своеобразно представил веяния нового времени – в одной из графем видно изображение серпа и молота (рис. 3).

В конце 1927 г. при Инбелкульте была создана Комиссия по правописанию (Правапісная камісія), опубликовавшая свой проект в первой половине 1930 г. (П30), в котором в целом были сохранены правила, предложенные еще Б. Тарашкевичем.

И хотя первоначальная оценка конференции в партийных кругах была достаточно положительной, вскоре все изменилось. В 1928 г. на базе Инбелкульта была создана Белорусская академия наук, в составе которой был и Институт языкознания. А уже в 1930 г. его деятельность была парализована арестами. Основное обвинение – вредительская деятельность белорусских национал-демократов (т.н. нацдемов) по отношению к языковому строительству в СССР. Именно этим объяснялось промедление с выработкой белорусского нормативного правописания (П33: 31):

Белорусская контрреволюционная нацдемовщина старалась отвлечь пролетариат от участия в деле создания литературного языка; поэтому, безусловно, нацдемы тянули с вопросом правописания. На так называемой Академической конференции 1926 года они старались дать такое правописание, которое притуляло бы язык как орудие классовой борьбы.

Итогом продолжительной работы, целью которой было как устранение инакомыслящих, так и собственно выработка правильных позиций реформирования языка, было принятие 26 августа 1933 г. декрета Совета народных комиссаров БССР *Об изменениях и упрощении белорусского правописания*, опубликованного 28 августа 1933 г. в газете *Звязда*, а позже отдельной брошюрой (ПП33). Он содержал следующие орфографические нормы: писать *я* вместо *е* только в первом предупредительном слоге (*вялікі* ‘большой, великий’), перед начальными гласными *о* и *у* всегда писать *в*, за исключением географических названий (*восень* ‘осень’, но *Орша*), исключить обозначение ассимилятивной мягкости (написание *ь* между мягкими согласными – писать не *сьвет*, а *свет*), для обозначения раздельного произнесения согласного и следующего гласного (кроме *л*) писать апостроф (*з’ява* ‘явление’) и др.; целый ряд изменений касался написания заимствованных слов (с классовой рекомендацией не подчинять интернациональные

	друкаваныя		рукапісныя	
	вялікія	малыя	вялікія	малыя
Дз	Д	д	Д	д
Дж	Г	г	Г	г

РИС. 3

РИС. 4

революционные слова общему правилу аканья [т.е. писать не *рэвалюцыя*, а *рэволюцыя*]), имен, фамилий и географических названий, а также грамматических форм.

С этого момента и до настоящего времени в белорусском правописании начали противоборствовать две системы: принятая на основании этого декрета наркомовка (официальный вариант, с некоторыми изменениями действующий и в наши дни) и тарашкевица (классическое правописание, предложенное Б. Таршкевичем, которого придерживается оппозиция).

Возвращаясь к 20-м годам, следует вспомнить, что реформирование белорусского языка было связано, в том числе, с белорусизацией образования. Уже в январе 1921 г. на съезде работников просвещения в Минске была принята резолюция о создании по мере возможности белорусских школ с белорусским языком преподавания (Głogowska 1996: 123), а в 1925 г. Совет народных комиссаров БССР постановил ввести белорусский язык как язык обучения во всех начальных школах, в которых учились дети белорусской национальности, и как предмет во всех остальных школах. Для высших учебных заведений переход на белорусский язык рассматривался как рекомендация (Głogowska 1996: 134). В 30-е же годы «республикой был взят курс на сворачивание белорусизации в сфере образования. Население легко отказалось от белорусского языка» (Сергейко 2010: 161).

Почему так произошло? Следует сказать, что, несмотря на все принимаемые меры, белорусизация населения республики не всегда проходила успешно. В качестве примера можно привести ситуацию в Восточном Полесье (современный Мозырский р-н Гомельской области) (Старовойтов 2003: 21-25), которую во многом можно экстраполировать на ситуацию в республике в целом. Причин отказа от белорусского языка было несколько. К основным можно отнести, во-первых, высокий удельный вес крестьянства (84,9%), практически относящегося к жизни и не видящего экономической пользы в белорусизации, а, во-вторых, национальный состав рабочего класса, который в городах на 60% состоял из лиц еврейской национальности, а на железной дороге содержал большой процент русских и украинцев. Таким образом, к белорусизации население относилось не враждебно, но равнодушно, однако именно

такое настроение способно погубить любое начинание, и не только в языковой политике. Получающая же образование молодежь нередко рассматривала изучение белорусского языка как препятствие при изучении русского и помеху при поступлении в вузы в других частях СССР.

Можно, таким образом, сделать вывод о том, что советская власть, приступив после революции к достаточно жесткой белорусизации, в конечном итоге начала с ней непримиримую борьбу, закончившуюся настолько убедительной победой, что белорусский язык и в наши дни не может оправиться от ее последствий.

3. *Русский язык. Догоним и перегоним*

Несмотря на государственную языковую политику Российской Империи, предполагающую русификацию населяющих ее народов, перепись 1897 г., в ходе которой этническая идентичность определялась по языковой принадлежности, показала, что на белорусских землях “белорусскоязычное население составляло 73,3%. Второе место принадлежало языку иудеев, – 14 %. Русскоязычное население составило 4,3 %, польское – 2,4 %” (Латышева 2009: 134). Из этого можно сделать вывод, что русификация затронула не сферу устной (по которой определялась языковая принадлежность), а сферу письменной коммуникации. Об этом свидетельствует, в частности, история книгопечатания: так, в 1910 г. в России было опубликовано только 14 книг по-белорусски (Гапоненка 2011: 52).

После Октябрьской революции же, то есть начиная с 1917 г., русский и белорусский языки, образно говоря, старались вытолкнуть друг друга с дороги белорусской социалистической государственности. Так, объявление о проведении 5-17 декабря 1917 г. Первого Всебелорусского съезда советов написано по-русски с дореволюционной орфографией (рис. 4).

Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства, опубликованный 1 января 1919 г. в газете *Вестки*, который объявил о создании Социалистической Советской Республики Белоруссии, был написан по-белорусски (возможно, потому, что его автором был председатель правительства белорусский писатель Тишка Гартный (Д.Ф. Жилунович) (рис. 5).

Но уже первая конституция Беларуси, принятая 3 февраля 1919 г. Всебелорусским съездом Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, была написана по-русски с соблюдением всех правил проведенной в 1918 г. орфографической реформы (рис. 7).

При этом надпись на гербе новообразованной республики была сделана по-белорусски: *Пролетарыі усіх краёў, злучайцеся!* (рис. 6).

По-белорусски же была написана следующая конституция 1927 г., поскольку издание этого основного закона пришлось на период политики белорусизации, о которой говорилось выше (рис. 8).

РИС. 5

РИС. 6

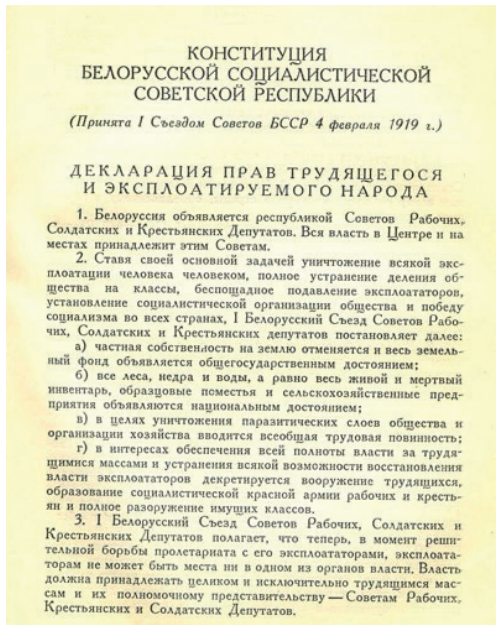

РИС. 7

РИС. 8

Русский язык постепенно вытеснялся из области печатного слова. Хотя среди русского населения процент грамотности составлял 84,4% у мужчин и 44,8% у женщин, то есть был выше, чем среди белорусского (соответственно, 72,2% и 27,2%) (П26: 66-69), только 9 из 20 газет и 5 из 15 журналов, вышедших в 1925 г. были русскоязычными (Мікулич 1996: 88) (при том, что уровень грамотности в белорусскоязычной периодике, как было показано выше, оставлял желать лучшего). В области книгоиздания дело обстояло еще хуже: из 5,329.000 выпущенных в 1924-1928 гг. экземпляров книги на русском языке составляли только 562.000 (К30: 10-13).

Согласно переписи 1926 г., русскоязычные школы-четырёхлетки составляли всего 2,3% от общего количества школ, а семилетки – 3,1% (при том, что школы с белорусским языком обучения 84,5% и 57,1% соответственно (П26: 66-69).

Несколько иначе обстояло дело с высшим образованием. Хотя в 20-е гг. белорусский язык начал вводиться в создаваемых вузах, прежде всего, в Белорусском государственном университете, белорусизация не всегда проводилась последовательно. Этому мешала неподготовленность соответствующих национальных кадров: в конце 20-х годов не хватало 42 профессоров, 56 ученых специалистов, 54 доцентов, 48 научных работников, более 100 ассистентов (Шчарбакоў 1931: 35-36). Соответственно, в республику по приглашению, а позже и по разнарядке приезжали ученые со всего Советского Союза, среди них Н. Дурново, В. Пичета, И. Замотин и др. Как и многие другие ситуации, возникавшие на пересечениях языковой политики в республике, эта поражает своей противоречивостью: с одной стороны, наблюдалось активное сопротивление русской профессуры белорусизации и стремление наркомата просвещения воспитать как можно больше национальных кадров, а, с другой, имело место обвинение ученых, приехавших поднимать белорусскую культуру и образование, в частности, И. Замотина и В. Пичеты, в выражении националистических настроений некоторой части белорусской интеллигенции (Шаўчук 2003: 141).

Как уже говорилось выше, в начале 30-х годов белорусизация начала сворачиваться, что, безусловно, привело к разворачиванию, или, лучше сказать, возрождению, русификационной политики.

Нужно сказать, что при этом внешняя русификация (газеты, книги, образование) в довоенной Советской Белоруссии проводилась не слишком быстрыми темпами: “Во второй половине 1930-х гг. из 10 республиканских газет 5 выходили на белорусском, 2 на еврейском и по 1 на русском, польском и литовском языках” (Пушкін 2010: 69). Нечто подобное наблюдается и в книгоиздательском деле: “В 1927 г. на каждые 20 книг по-белорусски приходилось 10 по-русски, 1 по-польски и 2 на идише” (Вакаг 1956: 142). С 1934 г. совершается перевод, особенно в городах и восточной части БССР, школ на русский язык обучения (Пушкін 2010: 72), однако в 1939-1940 гг. в объединенной БССР работало 5.643 школы, из них в 4.278 обучение проходило на белорусском языке, а в остальных 1.365 – на русском, польском, еврейском и литовском (Пушкін 2010: 99).

Существовала, однако, гораздо большая опасность для белорусского языка, и именно она воплотилась в жизнь. Благодаря генетической близости языков, русификация началась с самой языковой системы, а не с общественных отношений, как это происходило в других республиках Советского Союза. Этот процесс был запущен орфографической реформой 1933 г., о которой шла речь выше. Она практически вся была посвящена сознательной или полусознательной обработке белорусского языка по модели русского.

Если говорить именно об орфографии (а реформа предполагала изменения и на других уровнях системы) (ППЗЗ), то это, прежде всего, элиминация обозначения ассимилятивной мягкости согласных (*свет, насенне* вместо *сьвет, насеньне*), что, в конечном итоге, привело к отвердению белорусского произношения. Такое произношение уже можно наблюдать сейчас, когда большинство белорусов осваивает язык по школьным учебникам.

Любопытно, что новые белорусские орфографические правила учитывали не только букву, но и дух орфографической реформы русского языка (Саўка 2008: 19):

Как русскоцентрическое следует также интерпретировать правило о написании приставок через апостроф: *з'езд* (вместо тарашкевичевского *зьезд*) по образцу русского *с'езд*. Дело в том, что реформа русского правописания 1918 г. уничтожила *ѣ* на конце слов, оставляя ему функцию “разделения” на границе приставки и корня. Но, чтобы издатели и печатники не испытывали искушения использовать *ѣ* в до-реформенной функции, эту букву фактически вывели из стандартного печатного набора и поэтому стали заменять апострофом.

Именно орфографическая реформа направила произношение иноязычных слов в сторону русского, а не славянских европейских языков, и прежде всего польского, поскольку постановила, что иноязычное *e* в них необходимо передавать буквой *e*, а не *э* (*методыка*, а не *мэтодыка*), *i* – буквой *i* а не *ы*³ (*сістэма*, а не *сыстэма*), европейское *l* в середине слова – как твердый, а не мягкий звук (*дыпламат*, а не *дыплямат*)⁴, звук, восходящий к греческому θ , – через *ф*, а не *т* (*кафедра*, а не *катедра*)⁵.

Резкие смены языковых приоритетов привели к тому, что уже тогда начался процесс, расцветающий пышным цветом в наше время – письменная мозаика, а именно заполнение по-русски формуляров и документов, официально напечатанных по-белорусски, как это видно на рис. 9.

Итак, курс на русификацию был взят. Соревнование языков прекратилось, поскольку белорусский язык просто был отправлен на скамейку запасных. Русификация последовательно продолжалась после Второй мировой войны и, как известно,

³ Фонетическое исключение составляет написание *д, т* (*дэлегат, тэатр, дырэктар, матыв*), а лексическое (в случае *e*) – давние заимствования (*литаратура*).

⁴ За исключением сочетаний *-ляваць, -люцыя, -ляр, -лятар, -льны*.

⁵ Правда, *метод, тезис*.

РИС. 9

РИС. 10

привела к тому, что, как бы это не представляли результаты опросов и переписей, практически абсолютное большинство населения Беларуси с трудом говорит на белорусском литературном языке и практически неспособно писать на нем.

4. *Иврит и идиш. Классовая борьба за существование*

Еврейская диаспора в Беларуси ведет свое существование с начала XIV в. К XX в. ее численность достигла своего апогея – всего на белорусских землях, по данным, представленным Варшавским статистическим комитетом в 1909 г., проживало 983,6 тыс. евреев, что составляло 13,2 % от всего населения этой территории (Эбэрхардт 1997: 62). Однако потрясения, пришедшие на начало XX в., сильно уменьшили количество евреев, впоследствии оказавшихся на территории Советской Белоруссии. В результате, согласно переписи 1926 г., в БССР проживало более 407 тыс. евреев, преимущественно в Минском, Витебском, Бобруйском и Гомельском округах. Однако и это была большая цифра: “ни в одной республике еврейское национальное меньшинство не составляло столь значительную группу. Доля евреев в населении БССР достигала 8,2%, в то время как в УССР – 5,4%, а в РСФСР – 0,5% (средний показатель по Советскому Союзу - 1,8%)” (Розенблат, Еленская 2002: 30).

Пришедшим к власти большевикам было понятно, что такое национальное меньшинство необходимо было учитывать в партийной работе. Уже в 1918 г. в составе Народного комиссариата по делам национальностей (во главе его стоял И.В. Сталин) был образован Еврейский комиссариат (Евком) (Pinkus 1988: 58) и отдельные евсекции в его составе. Языковые проблемы также попали в его ведение, поскольку было понятно, что возможность разговаривать с народными массами на одном языке будет залогом успешного построения нового общества.

Внимание к языку еврейского населения именно на белорусской территории было обусловлено и тем, что, как считают исследователи (Зельцер 2006: 134),

политика белорусизации, основу которой составляло введение белорусского языка во все сферы государственной и общественной жизни, включая перевод работы советского и партийного аппарата, предполагала внимание к языкам других национальных меньшинств.

Сразу же возник вопрос выбора этого языка – иврит или идиш. Между этими двумя языковыми образованиями в XIX-нач. XX в. существовало неприкрытое соперничество, которое хорошо иллюстрируют заглавия двух публицистических текстов: Ицхак Бер Левинзон *Идиш – это испорченный жаргон* и Менделей Мойхер-Сфорим *Душа моя жаждала идиша* (Мендес-Флор, Рейнхарц 2006: 206-207 и 210-211). Этому соперничеству не был положен конец и на Черновицкой конференции 1908 г., которая “объявила в своей резолюции идиш “одним из национальных языков” ..., не умаляя статуса иврита” (Ямпольская 2016: 26).

В 1917-1919 гг. иврит на территории восточно-славянского еврейства переживает бурный расцвет – тогда, как показывает статистика: “в России появилось свыше 180 книг, брошюр и журналов на иврит” (Слуцкий 1968: 242).

Но уже 4 июня 1919 г. Коллегия Наркомпроса приняла дополнение к *Постановлению о языке в школах национальных меньшинств*. Дополнение гласило: “Родным языком массы трудящихся евреев, проживающих на территории РСФСР, является только идиш, но не иврит!” (Прейгерзон 2010). Запрещение иврита распространилась и на белорусскую территорию. Следует, кстати, отметить, что именно на этой территории “религиозные издания, несмотря на большие трудности и незначительные тиражи, выходили до 1928 г.” (Смиловицкий 2017).

Предпочтение, отданное коммунистической властью идишу, было понятно. Идиш был противопоставлен “клерикальному” ивриту, языку иудаизма и сионизма, проводнику чуждой заграничной культуры, и призван был выполнять важную функцию – “критерия еврейской национальной идентичности” (Бэмпарад 2007: 75), которая позволила бы еврейскому народу наравне с другими войти в состав новой социалистической федерации. Кроме того, на идише, согласно переписи 1920 г., говорил 91% еврейского населения БССР (для сравнения – в РСФСР 48%) (Смиловицкий 2002).

Активная идишизация, проводимая не только в Советской Белоруссии, но и на всей территории победившего пролетариата, требовала стандартизации идиша, не имевшего, несмотря на многовековую историю, единой орфографии. Во многом это было связано с тем, что письменность здесь формировалась под влиянием двух стихий – графики иврита и немецкого правописания. Реформа назревала давно, уже упомянутая конференция в Черновцах ставила эти вопросы на повестку дня, но не решила их. Можно предположить, что коммунистическим реформаторам были близки изменения, которые надлежало произвести⁶: ввести фонетический принцип правописания, чтобы сепаратизировать идиш от немецкого языка (на-

⁶ Ср. ниже подобное стремление при попытке реформы польской орфографии.

РИС. 11

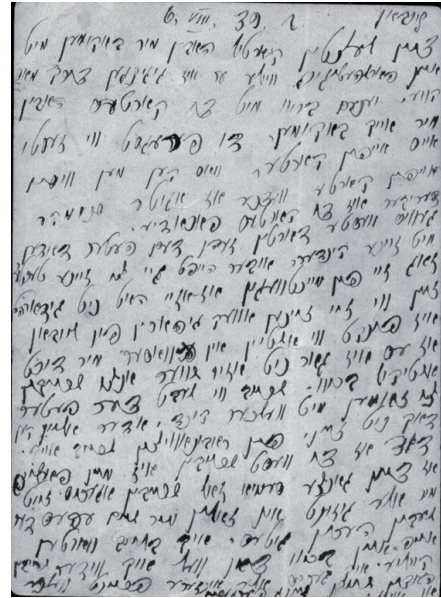

РИС. 12

пример, писать **קילייה** [hejlik] вместо **גילייה** [hejlig] и от иврита (в частности, ввести вокализированное написание гебраизмов и выработать правила транскрипции древнееврейских слов). Орфографические баталии обошли Беларусь стороной, сосредоточившись в Киеве и Москве, в результате чего “в июле 1920 г. фонетическое написание как немецко-коренных, так и древнееврейско-коренных слов было принято в Москве Первым Всероссийским конгрессом деятелей образования” (Куцмани 2007: 233).

Реформа орфографии позволила обеспечить на идише различного рода коммуникативную деятельность. Так, в Витебске уже к первой годовщине Октябрьской революции начала выходить газета на идише *Свободный рабочий* (Зельцер 2006: 48). В Минске и в Витебске открылись еврейские суды, в которых и судо-, и делопроизводство должны были вестись на идише. Также, как пишет, Э. Бэмпарад (2007: 66),

на многих важных городских организациях, таких как Белорусский государственный университет [см. рис. 10 – А.К.], красовались таблички с официальным названием организации на белорусском языке и идише. Язык можно было услышать на государственном радио и увидеть в кинотеатрах (в субтитрах к кинолентам). Во время местных выборов сообщения о них распространялись на идише, ЦИК получал корреспонденцию на идише, и заявления на вступление в партию или зачисление в кандидаты подавались в местные партийные комитеты на идише.

Однако в области письменной коммуникации дело все же обстояло достаточно плохо. Так, например, в суд “обращения писались на русском и даже на белорусском языке” (Бэмпарад 2007, 69).

Казалось бы, этого не должно было быть. Количество школ на идише на пике развития в 1933 г. достигло 339, при этом в них обучалось 36501 учеников (Смиловицкий 2017). Активному развитию подобных учебных заведений способствовала, как ни странно, политика белорусизации. Идиш, в отличие от польского и русского, не рассматривался в качестве конкурента для белорусского языка, борющегося за свое призвание и место в обществе. Педагогов для школ готовили еврейские педагогические техникумы, учительские институты, еврейские отделения при педагогических институтах, с 1922 г. активно действовало еврейское отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета (Halevi 1976).

Эта политика принесла свои плоды. Часть еврейского населения овладела идишем в письменной форме. Об этом свидетельствует, например, открытка, посланная в 1940 г. жительницей городского поселка Любань брату в Палестину, которая написана на идише (рис. 12). При этом адрес на ней – на иврите (рис. 11)⁷.

Тем не менее, идишитские школы не пользовались особой популярностью, и как раз по языковым причинам. Для сторонников старого мира престиж иврита был неизмеримо выше, сторонники же мира нового предпочитали русский язык. Этому способствовало как традиция, в которой русский выступал языком высокой письменной культуры (кстати, то же самое можно сказать и об иврите), так и понимание того, что именно владение русским позволит войти в ряды советской интеллигенции и партийной верхушки. Доходило до того, что рабочие не считали ликвидацию неграмотности на идише таковой и ставили вопрос об одновременном обучении чтению и письму на русском языке и на идише (Раманова 2002: 151-156). Любопытно, что в западных областях Беларуси, входящих в состав Польши, “в значительной степени сохранялась приверженность евреев родному языку (в 1931 году 88,9% евреев признали идиш родным), в то время как в восточных областях происходила их стремительная аккультурация (если в 1926 году 90% евреев БССР назвали родным языком идиш, то в 1939 году – всего 55%)” (Розенблат, Еленская 2002: 35).

В конце 30-х годов школы на идиш пришли в упадок. Кроме представленных выше факторов, определенную сыграла роль и нагрузка на учащихся – им приходилось изучать белорусский, русский, один из иностранных языков и к тому же идиш. В результате качество языковых знаний оставляло желать лучшего. Но, безусловно, основной причиной стала общая национальная политика укрепившегося сталинизма, уже не нуждавшегося в поддержке и одобрении национальных окраин. Шла борьба против “национал-демократизма”, в 1938 г. польский язык и идиш были лишены статуса государственных. Завершение истории школ на идиш наступило летом 1938 г.,

⁷ Открытка размещена Зиновием Кнелем на странице *Belisrael* <<http://belisrael.info/?tag=belorusskie-policaï>>.

когда Народный Комиссариат просвещения принял к исполнению решение ЦК Компартии республики от 3 июля 1938 г. *О реорганизации еврейских школ в Белоруссии в белорусские школы*. Одновременно с этим начали закрываться еврейские творческие союзы, газеты и журналы на идише. В 1940 г. вышли из печати всего 8 изданий художественной литературы на этом языке (Смиловицкий 2017).

Таким образом, идиш одержал над ивритом пиррову победу. Его существование в языковом пространстве Беларуси, к сожалению, было кратким. После Второй мировой войны идишу так и не удалось вернуть свои позиции в общественной коммуникации.

5. *Польский язык. Орфография – оружие пролетариата*

Выше уже отмечалось, что к концу XIX в. польскоговорящее население белорусских земель составляло всего 2,4%. Во многом это объясняется успехом имперской политики России, направленной на нейтрализацию польского влияния. В результате по данным на 1926 г. количество поляков в БССР составляло 97,5 тыс. человек, однако по-польски говорила только половина – 42,4 тыс. (Migonowicz 2004: 43).

К польскому языку на землях, входящих в состав современной Беларуси, всегда было особое отношение – “в связи с существованием независимого польского государства, враждебно относящегося к советской власти, а также в связи с богатым наследием взаимных обид и антагонизмов” (Iwanow 2016: 120).

Как уже говорилось, основой национально-языковой политики первых лет Советской власти в области письменной коммуникации была “коренизация”, то есть перевод этой коммуникации на языки притесняемых ранее меньшинств. В отношении польского населения коренизация выглядела следующим образом. В соответствии с постановлениями съездов Советов об автономиях национальных меньшинств, которые имели собственные государства за границами СССР, на территории республики должен был быть создан польский национальный район. Он был создан в марте 1931 г.⁸ – Койдановский, в котором из 17 сельсоветов 10 были польские; в 1932 г. Койданово было преобразовано в г. Дзержинск, и польский национальный район стал Дзержинским, а в 1937 г. был ликвидирован. Но, хотя слово *полонизация* никогда не звучало, сам этот процесс не ограничивался одним небольшим районом: “имеющий развитое классовое сознание поляк, говорящий по-польски советский патриот – так должен был выглядеть идеальный продукт идеологического наступления партии на ‘польском направлении’ в то время” (Iwanow 2016: 129). А поскольку ‘польскость’ населения белорусских земель во многих случаях определялось по вероисповеданию, а не умению говорить и писать по-польски, к 1926 г. только 50% польского населения было грамотным (Kawecka 1971: 54). И власть начала создавать польские школы вез-

⁸ Для сравнения – на Украине подобный район (им. Юлиана Мархлевского) был образован в 1925 г.

РИС. 13

РИС. 14

де, где набиралось хотя бы 25 детей-поляков школьного возраста. Безусловно, поляки рассматривали такой процесс как непосредственное завоевание Советской власти, что давало этой власти в их глазах определенные бонусы.

Количество польских школ постоянно увеличивалось – оно возросло с 73 в 1921/22 учебном году до 111 в 1926/27, а к 1934 уч. г. увеличилось на 107 и составило 3,6%, заняв второе место после школ белорусских. Когда же к Советской Белоруссии в 1939 г. была присоединена Западная, число школ еще более выросло – на сентябрь 1940 г. в западных областях республики действовало 946 польских школ. Все польские школы прекратили свое существование в конце 40-х годов (Радкевич 2006: 64-65).

Как и во многих других случаях, учителей катастрофически не хватало. В 1931 г. в преобразованном из педагогического факультета Белорусского государственного университета Белорусском государственном высшем педагогическом институте в Минске начала действовать польская секция, которую планировалось преобразовать в Польский педагогический институт, но эти попытки к 1934 г. провалились, и польских учителей продолжал готовить отдельный факультет педагогического института. Научной работой занимался польский сектор, созданный в 1922 г. при Институте белорусской культуры (Инбелкульте) (Захаркевич 2009: 248).

На территории республики выходили польские газеты. В начале 1921 г. было возобновлено издание газеты *Молот* (*Młot*) (рис. 13), первоначально выходившей тиражом 4.000⁹ экз. и распространявшейся по территории всей Советской России (Myśliński 1972: 100). В 1926 г. его сменила газета *Пащина* (*Orka*). При том, что *Молот* старался еще поддерживать достаточно высокий языковой уровень, *Пащина* явно не хватало редакторов, корректоров и даже шрифтов. Особенно же польский язык страдал в региональных газетах: например, в органе польского национального района – *Штурмовик Дзержинщины* (*Szturmoviec Dzierżyńszczyzny*) – постоянно встречаются русизмы: *zagłówek* ‘заголовок’ вместо *tytuł*, *zrywać* ‘срывать (план)’ вместо *opóźniać* и др. (Myśliński 1972: 108). К середине 30-х годов количество подписчиков польских

⁹ Позже тираж уменьшался.

газет резко упало, поскольку, несмотря на организацию большого количества польских школ, “большинство потенциальных читателей слабо владело польским языком и предпочитало читать русские и белорусские газеты” (*там же*). С 1937 г. польские газеты вообще исчезли из информационного пространства Советской Белоруссии. Их издание возобновилось только в сентябре 1939 г. после присоединения западных областей (Mysłiński 1972: 111).

Что касается орфографии, то для польского языка в Советском Союзе официально были приняты нормы, предложенные А. Крыньским, но в практике также применялись орфографические принципы Я. Лося (Grek-Pabisowa *и др.* 2008: 47). Как известно, А. Крыньски был одним из горячих сторонников так называемой “варшавской орфографии”, принципы же Я. Лося, изложенные в работе *Pisownia polska ustalona: uchwały ostateczne, przepisy, słowniczek* (1918 г.) и одобренные Польской академией знаний в 1919 г. в рамках орфографической реформы, относились к “краковской орфографии” (см., в частности, Saloni 2005). Можно подозревать, что не в последнюю очередь неприятие официальной Польшей принципов Крыньского подвигло большевиков высказаться в их пользу.

Однако этого было недостаточно. Именно на страницах газеты *Młot* в середине 20-х годов была начата дискуссия об изменении орфографии. Причин было несколько: непосредственная и благородная – упрощение письма должно было способствовать ликвидации безграмотности среди простых поляков, далекой и неблагоприятной – оторвать их от костела путем усложнения чтения религиозных книг (Iwanow 2016: 133) и вообще от возрождающейся после приобретения Польшей независимости польской культуры. Основные положения этой дискуссии были даже представлены на страницах журнала *Język polski* за подписью Х. Тур и прокомментированы К. Ничем¹⁰ (Nitsch 1925: 85-87). Предложения реформаторов от орфографии были просты и лежали на поверхности: замена *rz* на *ż*, *ó* на *u*, диграфов *sz* и *cz* на однобуквенные знаки, например, *ś* и *ć*, удаление носовых *ą* и *ę* и внедрение вместо них *om* и *em* или *on* и *en* (в зависимости от позиции в слове), а также, возможно, замена *ch* на *h* (насчет последнего у реформаторов были сомнения, вызванные различным произношением обозначаемых этими буквами звуков в различных диалектах). Как видно, реформаторы (в особенности Т. Домбаль и Ч. Домбровский¹¹) не раздумывали ни над сохранением единства слова, ни над исторической преемственностью, стремясь лишь, как сами утверждали, к революционизации и “онародливанью” (*uludowieniu*) орфографии. Под последним понимался фонетический принцип правописания, который, кстати, также не проводился последовательно. По этому поводу К. Нич язвительно заметил, имея в виду отражение на письме оглушения согласных, что поскольку “не

¹⁰ К. Нич редактировал издания работы *Pisownia polska* после смерти Я. Лося (см. Saloni 2009).

¹¹ Ч. Домбровский пропагандировал изменение орфографии и на личном примере, подписывая позднейшие работы не *Dąbrowski*, а *Dombroski*.

следует останавливаться на трусливой реформе, а идти до конца” – то нужно было бы писать *bir* и *wius* рядом с *bobu* и *wiozła*, на чем г-н Домбровский как-то не настаивает. Не настаивает по очень простой причине: поскольку и русская реформа оставила *боб* и *без*, то и господину Д. это не приходит в голову”¹² (Nitsch 1925: 86). Из критиков, принявших участие в дискуссии, только С. Хелтман, по выражению К. Нича, “демонстрирует теоретическое и практическое знакомство с вопросом, трое же остальных производят впечатление детей, играющих в науку или политику” (Nitsch 1925: 86).

Итогом дискуссии стало принятое в 1931 г. на совещании в польском секторе Белорусской академии наук решение о скорейшем проведении реформы орфографии. Была создана специальная Лингвистическая комиссия по вопросам реформы орфографии (Komisja Lingwistyczna do Spraw Reformy Pisowni) (Iwanow 2016: 134), куда вошли не только языковеды, но и представители творческой интеллигенции. В связи с этим Ч. Домбровский издал брошюру *Materiały dyskusyjne w sprawie reformy pisowni polskiej*, где были представлены приведенные выше орфографические упрощения, а также содержалась критика противников подобного подхода, в частности, Н.Н. Дурново, который решительно и аргументировано выступал против разрыва с письменной традицией (Dombroski 1932: 65).

Однако в это время уже разворачивалась борьба против национал-демократизма и, что за этим следовало, сворачивались остальные языковые проекты. Предложенные принципы новой орфографии так и остались только декларацией. А Т. Домбаль, будучи вице-президентом Белорусской академии наук, вошел вместе с политиками Н. Голодедом, А. Червяковым, В. Шаранговичем в состав созданной 5 мая 1933 г. Политической комиссии для пересмотра русско-белорусского словаря и новых правил правописания белорусского языка (Саўка 2008: 16)¹³, то есть принял участие в упрощении уже белорусского правописания – создании орфографии-наркомовки. Именно эта комиссия подготовила документ, о котором говорилось выше, – *Об изменении и упрощении белорусского правописания*.

Таким образом, польский язык повторил путь идиша и отчасти белорусского – после временного расцвета, инициированного советской властью, наступило долгое забвение вплоть до 90-х годов XX в.

6. Заключение

Межвоенное десятилетие в языковой политике Беларуси, как и в других областях общественной жизни, было чрезвычайно ярким и насыщенным. Казалось, Октябрьская революция принесла народам не только возможность возрождения,

¹² Следует отметить, что и белорусская орфография не распространяет фонетический принцип на написание согласных.

¹³ Белорусская комиссия, в отличие от польской, носила название политической – игры в возрождение национального сознания закончились.

возможность говорить и писать на своем языке, но и право обсуждать это в непримиримых, но, тем не менее, демократических дискуссиях, затрагивающих не только сущность языковой системы, но и форму реализации письменной коммуникативной деятельности – графику и орфографию.

Такая ситуация просуществовала до конца 30-х годов. В *Конституции* 1937 г. еще говорится о возможности использования всех четырех языков законодательной властью – ст. 25 (хотя судопроизводство – на белорусском языке с предоставлением переводчика [ст. 86]), при обучении в школе – ст. 96, о представлении их на гербе. Однако в конце июля 1938 г. это “отклонение” было устранено. Идиш, как и польский, был удален из герба республики и, соответственно, из всех общественных учреждений (Зельцер 2006: 198).

Как известно, революция, как бог Сатурн, пожирает своих детей. Все демократические интенции были подавлены, не успев реализоваться. Происходила успешная русификация, поддерживаемая, к сожалению, не только властями, понявшими, что принципы пролетарского интернационализма лучше укреплять на русском языке, но и населением, прагматически относившемся к возможностям социального аванса, даваемого языком национального большинства Советского Союза. Для всех остальных языков наступала эпоха выживания. В результате в настоящее время в Беларуси практически невозможно говорить ни о какой системной нормативной письменной коммуникации ни на одном языке, кроме русского.

Сокращения (источники)

- К27: *Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Саветае Рэспублікі*, Менск 1927.
- К30: *Кнігапіс за 5 год, 1924-1929*, Менск 1930.
- П26: *Всесоюзная перепись населения 1926 г.*, X, Москва 1928.
- П30: *Беларускі правапіс (праект). Апрацаваны Правапіснай Камісіяй Беларускае Акадэміі Навук*, Менск 1930.
- П33: *Праект спрашчэння беларускага правапісу*, Менск 1933.
- ПП33: *Аб зменах і спрашчэнні беларускага правапісу: настанова Савета Народных Камісараў БССР*, Мінск 1933.
- ПРНВ: *Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике*, I. *Белорусизация. По материалам Центральной национальной комиссии ЦИК БССР*, Минск 1927.

Літэратура

- Алпатов 2000: В.М. Алпатов, *150 языков и политика. 1917-2000. Социологические проблемы СССР и постсоветского пространства*, Москва 2000.
- Багдановіч 1925: А. Багдановіч, *Аб неўстаноўленых выпадках нашага правапісу*, “Польмя”, 1925, 7, с. 153-163.
- Бэмпарад 2007: Э. Бэмпарад, *Ідзішыцкі эксперымент у савецкім Менску*, “Arche”, 2007, 11, с. 61-77.
- Гапоненка 2011: І.А. Гапоненка, *Моўная палітыка і моўная сітуацыя на Беларусі ў XIX-на пачатку XX ст.*, “Веснік БДУ. Серыя 4”, 2011, 2, с. 50-55.
- Жураўскі 2014: А.І. Жураўскі, *Выбраныя працы*, Мінск 2014.
- Запрудскі 2005: С. Запрудскі, *Распрацоўка правапісу беларускай мовы ў канцы 1920-х гг.*, “Роднае слова”, 2005, 10, с. 39-42.
- Запрудскі 2015: С.М. Запрудскі, *Гісторыя беларускага мовазнаўства (1918-1941)*, Мінск 2015.
- Запрудскі 2004: С.М. Запрудскі, *Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі 1926 г.*, “Веснік БДУ. Серыя 4”, 2004, с. 21-26.
- Захаркевіч 2009: С.А. Захаркевіч, *Этнічныя меншасці Беларусі: вопыт сацыяльнай трансфармацыі ў XIX-пачатку XX ст.*, “Працы гістарычнага факультэта БДУ”, 2009, 4, с. 242-249.
- Зельцер 2006: А. Зельцер, *Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917-1941*, Москва 2006.
- Клімаў 2001: І. Клімаў, *Беларусізацыя ў дакументах*, “Беларускі гістарычны агляда”, VIII, 2001, 1-2, <<http://www.belhistory.eu/belarusizacyya-%D1%9E-dokumentax-igar-klima%D1%9E/>> (дата доступу: 20.02.17).
- Коршук і др. 2001: У.І. Коршук і др. (ред.), *Беларусізацыя 1920-я гады. Дакументы і матэрыялы*, Мінск 2001.
- Крамко і др. 1968: І.І. Крамко, А.К. Юрэвіч, А.І. Яновіч, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*, II, Мінск 1968.
- Куцмани 2007: Б. Куцмани, *Советская реформа правописания еврейского языка (идиш) в 1920 г.*, “Тирош”, 2007, 8, с. 222-240.
- Латышева 2009: В.А. Латышева, *Переписи населения 1897 и 1926 гг.: признаки национального самоопределения белорусов*, в: У.Н. Сідарцоў (адк. рэд.), *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны*, V, Мінск 2009, с. 134-142.
- Лёсік 1925: Я. Лёсік, *Неўстаноўленыя выпадкі нашага правапісу*, “Польмя”, 1925, 2, с. 130-148.
- Мікуліч 1996: Т.М. Мікуліч, *Мова і этнічная самасвядомасць*, Мінск 1996.

- Мендес-Флор, Рейнхарц 2006: П. Мендес-Флор, Й. Рейнхарц (сост.), *Евреи в современном мире. История евреев в новое и новейшее время: антология документов*, II, Москва 2006.
- Мечковская 2003: Н. Мечковская, *Белорусский язык: Социолингвистические очерки*, München-Berlin-Washington DC 2003 (= Specimina Philologiae Slavicae 138).
- Мячкоўская 2001: Н. Мячкоўская, *Сацыялінгвістычны погляд на чыннікі, тармазы і прыярытэты нацыянальнага адраджэння*, у: Г. Цыхун (гал. рэд.), *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў "Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый"*, Мінск 2001, с. 173-180.
- Некрашэвіч 2004: С.М. Некрашэвіч, *Выбраныя навуковыя працы акадэміка С.М. Некрашэвіча. Да 120-годдзя з дня нараджэння*, Мінск 2004.
- Прахарэня 2017: М. Прахарэня, *Акруговая прэса ў працэсе ажыццяўлення палітыкі беларусізацыі*, у: В.І. Іўчанкаў (рэд.), *Стылістыка: мова, маўленне і тэкст*, Мінск 2017, с. 485-490.
- Прейгерзон 2010: Ц. Прейгерзон, *Ликвидация*, "Иерусалимский журнал", 2010, 36 <<http://magazines.russ.ru/ier/2010/36/cv23.html>> (дата доступа: 21.02.17).
- Пушкін 2010: І.А. Пушкін, *Удзел нацыянальных меньшасцей у грамадска-палітычным жыцці Савецкай Беларусі (1919-1990 гг.)*, Мінск 2010.
- Раманава 2002: І. Раманава, *Рэтрэсіі супраць нацыянальных меньшасцей Беларусі ў межваенны перыяд*, у: В.П. Андрэеў (рэд.), *Беларусь у XX стагоддзі*, I, Мінск 2002, с. 151-156.
- Раткевич 2006: М.А. Раткевич, *Польский язык в системе образования БССР 20-40-е гг. XX в.*, "Вестник БДУ. Серия 4", 2006, 1, с. 63-67.
- Розенблат, Еленская 2002: Е. Розенблат, И. Еленская, *Динамика численности и расселения белорусских евреев в XX веке*, "Диаспоры", 2002, 4, с. 27-52.
- Рудовіч 2001: С. Рудовіч, *Паширэнне сацыяльных функцый беларускай мовы ў абставінах Першай сусветнай вайны: гістарычны вопыт, урокі для нашчадкаў*, у: Г. Цыхун (гал. рэд.), *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы: Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў "Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый"*, Мінск 2001, с. 6-10.
- Саўка 2008: З. Саўка, *Мазайчная артаграфія. Знагоды прыняцця Правапіснага закону*, "Агсхе", 2008, 11, с. 10-22.
- Сергейко 2010: С.А. Сергейко, *История образования и педагогической мысли*, Гродно 2010.
- Слуцкий 1968: И. Слуцкий, *Судьба иврит в России*, в: Я.Г. Фрумкин (ред.), *Книга о русском еврействе, 1917-1967*, Нью-Йорк 1968, с. 241-247.

- Смиловицкий 2002: Л. Смиловицкий, *Школа на идише в первые десятилетия советской власти. Еврейское образование в Белоруссии. 1921-1941 гг.*, “Новая еврейская школа”, 2002, 11, <<http://old.ort.spb.ru/nesh/njs11/smilov11.htm>> (дата доступа: 03.03.17).
- Смиловицкий 2017: Л. Смиловицкий, *Издание религиозной еврейской литературы в Советском Союзе на примере Белоруссии, 1921-1964 гг.*, <http://souz.co.il/clubs/read.html?article=2837&Club_ID=1> (дата доступа: 25.02.17).
- Сталин 1951: И.В. Сталин, *Сочинения*, V, Москва 1951.
- Старовойтов 2003: М.И. Старовойтов, *Отношение населения Восточного Полесья к белорусизации в 20-е г. XX в.*, в: I.П. Крэнь (рэд.), *Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця*, III, Гродна 2003, с. 21-25.
- Тарашкевіч 1918: Б. Тарашкевіч, *Беларуская граматыка для школ*, Вільня 1918.
- Цвяткоў 1926: Л. Цвяткоў, *Аб некаторых спрэчных пытаннях беларускага правапісу і аб яго рэвізіі*, “Асвета”, 1926, 4, с. 140-144.
- Шаўчук 2003: I.I. Шаўчук, *Навука ў БССР і расійскія вучоныя (20-30 г. XX ст.)*, в: I.П. Крэнь (рэд.), *Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця*, III, Гродна 2003, с. 139-142.
- Шчарбакоў 1931: В. Шчарбакоў, *Праблема навуковых кадраў у БССР*, “Савецкая краіна”, 1931, 1, с. 33-41.
- Эбэрхардт 1997: П. Эбэрхардт, *Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі 1897-1989*, Мінск 1997.
- Ямпольская 2016: С.Б. Ямпольская, *Особенности развития европейского иврита в XIX-начале XX в.: лексические заимствования и система обращения*, Санкт-Петербург 2016.
- Åbicht, Stankèvič 1918: R. Åbicht, J. Stankèvič, *Pròsty spôsáb stácca ŷ karòtkim çàse hràmatnym*, Breslau 1918.
- Dombroski 1932: Cz. Dombroski, *Materiały dyskusyjne w sprawie reform pisowni polskiej*, Mińsk 1932.
- Głogowska 1996: H. Głogowska, *Białoruś 1914-1929. Kultura pod presją polityki*, Białystok 1996.
- Greк-Pabisowa u др. 2008: I. Greк-Pabisowa, M. Ostrówka, B. Biesiadowska-Magdżiarz, *Język polski na Białorusi Radzieckiej w okresie międzywojennym. Polszczyzna pisana*, Warszawa 2008.
- Halevi 1976: Z. Halevi, *Jewish University Students and Professionals in Tsarist and Soviet Russia*, Tel Aviv 1976.

- Iwanow 2016: M. Iwanow, *Autonomia polska w ZSRR w latach 1925-1935. Aspekt prawny*, "Rocznik Stowarzyszenia naukowców Polaków Litwy", XVI, 2016, c. 118-147.
- Kawecka 1971: K. Kawecka, *Szkolnictwo polskie w ZSRR w latach 1921-1930*, "Rozprawy z dziejów oświaty", XIV, 1971, c. 54-66.
- Łuckiewiç 1917: A. Łuckiewiç, *Jak prawidłna pisać pa białaruskim*, I, Wilnia 1917.
- Łuckiewiç, Stankewiç 1918: Ant. Łuckiewiç, J. Stankewiç, *Białaruskim prawapis*, Wilnia 1918.
- Mironowicz 2004: E. Mironowicz, *Kształtowanie się struktury narodowościowej w BSR (1921-1939)*, "Białoruskie zeszyty historyczne", XXII, 2004, c. 42-57.
- Myśliński 1972: J. Myśliński, *Prasa w języku polskim na Białorusi Radzieckiej 1921-1941: (charakterystyka bibliograficzna i przegląd zawartości)*, "Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego", XI, 1972, I, c. 97-116.
- Nitsch 1925: K. Nitsch *Polska ortografia w ZSRR*, "Język polski", X, 1925, c. 84-87.
- Pačobka 1918: B. Pačobka, *Hramatyka białaruskaj mowy*, Wilnia 1918.
- Pinkus 1988: B. Pinkus, *The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority*, Cambridge-New York-New Rochelle-Melbourne-Sydney 1988.
- Saloni 2005: Z. Saloni, *O kodyfikacji polskiej ortografii – historia i współczesność*, "Nauka", 2005, 4, c. 71-96.
- Taraškiewiç 1918: B. Taraškiewiç, *Białaruskaj gramatyka dla škol*, Wilnia 1918.
- Vakar 1956: N.P. Vakar, *Belorussia. The Making of a Nation*, Cambridge (MA) 1956.

Abstract

Alla Kožinova

Languages and Graphical Systems in Belarus from the October Revolution to the Second World War

The article is devoted to the analysis of the language situation in Soviet Belarus in the period from the October Revolution to the Second World War. The languages declared official in the Constitution of the Belarusian Socialist Soviet Republic of 1927 (Belarusian, Russian, Polish, Jewish) are studied in terms of service of written communication. The article deals with the issues related to spelling reforms, school education, and publication of newspapers and books. It is concluded that the development of national languages and graphic systems announced after the revolution is replaced by the Russification of all manifestations of public life in the late 1930s.

Keywords

Belarusian; Russian; Polish; Hebrew; Yiddish; Cyrillic Script; Latin Script; Spelling Reform.

Паоло Оньибене

Алфавит как политический выбор. Палеоазиатские языки и их алфавиты

1. Системы письма

Любая система письменности независимо от своей природы рождается с целью передачи определенного языка. Каждая из них в одинаковой степени в состоянии выразить, но с большей или меньшей легкостью, другие языки¹ без необходимости генетических или типологических отношений близости с тем языком, для которого она была создана². Все письменные системы, в действительности, присоединяют к своей основной функции некоторые дополнительные ценности другого, экстралингвистического характера: чаще всего это культурные, религиозные и политические элементы. В ходе истории именно они прежде всего определяют удачу или неудачу определенной письменной системы, в особенности, когда она обладает экономичностью средств выражения³. В древнем мире при выборе алфавита решающими и преобладающими оказались культурные факторы.

Среди разных видов письменности алфавитная система является максимально экономичной. Она появилась относительно поздно по понятным причинам: была необходима языковая рефлексия. Алфавитное письмо должно быть в состоянии распознавать отличительные элементы языка на фонологическом уровне, чтобы определить наиболее приемлемый инвентарь букв. Естественно, никакой исто-

¹ Вопреки ожидаемому, системы письма, обслуживающие только один язык, не являются преобладающими. Данное утверждение справедливо и в диахронии.

² Конечно же, это не значит, что любая система письма в состоянии передать так же хорошо и с такой же степенью сложности язык непохожий на собственный. См. использование китайских знаков, взятых с их фонетическим значением для передачи, к примеру, монгольского текста: *Монгол-ун нууча тобчан* (см. Pelliot 1949).

³ Отсутствие экономичности не может быть достаточным аргументом для того, чтобы считать это неудачей письменной системы, если при этом присутствуют другие значимые экстралингвистические элементы. Речь идет не только о возможности доступа к предшествующей литературе: это не помешало туркам перейти в свое время на латинский алфавит. В Китае употребляются иероглифы для современного китайского языка, когда могли бы использовать пиньинь. Причины этому практические: разные народы внутри Китая, читая иероглифы, произносят их по-разному, но смысл понятен и тем, и другим, при использовании пиньиня это было бы невозможно.

рический алфавит не является совершенным⁴, и каждый из них более или менее приближается к идеальной модели, в которой каждая буква представляет фонему, и буквенный инвентарь заключает в себе не больше и не меньше необходимых знаков. Переход алфавитов от начальных языков к другим потенциально бесконечным создает необходимость поправок, проявляющихся различным образом: самый распространенный и простой – использование диакритических знаков. Этот способ пополняется также введением новых графических знаков, изменением графических знаков или же употреблением нескольких букв, теряющих свое индивидуальное значение и представляющих собой по сути новый монолитный блок с другим значением. Любой алфавит свободен при выборе всех этих возможностей, хотя обычно тяготеет преимущественно к одной.

Поскольку существует множество алфавитов, и каждый из них в состоянии передать, благодаря поправкам, любой язык, то и возможно писать на одном и том же языке, используя различные алфавиты. На данном уровне проявляется дополнительная ценность алфавита, его культурный, религиозный и / или политический характер. Часто именно эти критерии способствуют переходу языка с одного алфавита на другой. Этот переход может не совпадать с процессом транслитерации / транскрипции. В большинстве случаев системы транслитерации неоднозначны и часто более несовершенны, чем те критерии, которые применяются в начальных и конечных языках⁵. Так как принцип транслитерации заключается в том, что каждый знак отражает один знак⁶, если под сочетанием букв не подразумевается единый блок, то система рушится. Эта проблема особенно проявляется при транслитерации кириллицы кавказских языков в связи с определением и применением ISO 9 для этих языков.

Важнейшим фактором для возникновения и развития алфавита у народов, о которых пойдет здесь речь, была близость к русскому государству и его культуре. После свержения монголо-татарского ига и создания достаточно сильного централизованного государства в России открывается период экспансии, которая происходила достаточно быстрыми темпами. Продвигаясь на юг, на восток и на север, русские вступали в контакт с многочисленными народами, проживавшими до Уральских гор и за ними, в Сибири, на Крайнем Севере, на Кавказе, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. В некоторых случаях, встречаясь с народами, языки которых не имели алфавита, русские сочли нужным дать им его. Аргументы этому были политические:

⁴ Иногда алфавит бывает преднамеренно несовершенным, потому что создается по особой причине. Например, авестийский алфавит со своими 53 буквами не обозначает то же самое количество фонем, но отражает разные их звуковые варианты, употребляемые в языке (Kellens 1989: 32-55). Объяснение этому – типология текста, где требуется очень точная передача произношения.

⁵ См., например, транслитерация буквы *ш* русского языка: *shch*, *šč* vs. ISO 9 *š*.

⁶ В несовершенных системах транслитерации одному знаку может соответствовать несколько знаков.

подразумевалось, что обеспечение алфавитом этих народов и поощрение переводов русской литературы на их языки, создавало более глубокую взаимосвязь, способствующую разделению общих ценностей.

Зачастую этот феномен сопровождался распространением христианства, наличие алфавита давало возможность переводить священные книги⁷. В этом смысле царская Россия – как третий Рим – действовала по примеру Византийской империи. Византийцы уже многими столетиями ранее поняли, что принадлежность к одной религии и создание общей культуры являются исключительными инструментами для политического контроля и влияния. Царская Россия развивала данную идею, предлагая главным образом кириллицу. Часто изменения в кириллице, чтобы достигнуть удовлетворительного результата, требовали времени, и поэтому с целью усовершенствования алфавита модификации происходили неоднократно⁸. В некоторых регионах уже была своя письменность на основе арабского, древнемонгольского и еврейского алфавитов, вплоть до Революции народы пользовались этими алфавитами.

После Революции 1917 г. в русской лингвистической политике происходят значительные изменения: с самого начала заметно упрощение кириллической системы⁹ и отвержение ее народами бывшей империи. Кириллица воспринимается как царское наследие, ее продолжительное существование ассоциируется с императорской властью и, следовательно, там, где она традиционно использовалась (славянские языки), должна быть реформирована и упрощена; другим языкам, которые ею пользовались, лучше перейти на латинский алфавит. Также и для языков, использующих арабский или древнемонгольский алфавиты, необходим переход на латиницу. Этот процесс был всеобъемлющим и затронул многие языки нового геополитического советского пространства¹⁰. Политическое и практическое значение этого выбора нельзя оставить незамеченным: считается, что латинский алфавит более легок для освоения, и поэтому ликвидация неграмотности произойдет быстрее. Главной задачей того времени было распространение культуры, рожденной революцией, охватывающее все народы: необходимы обучение неграмотных, распространение ценностей

⁷ Осетинский алфавит на базе кириллицы был создан с целью перевода православного начального учения, чтобы обратить в прежнюю веру осетин, частично ставших мусульманами.

⁸ См., например, алфавиты для осетинского языка: первый, задуманный для Начального учения, далее алфавит Шегрена, позже модифицированный Миллером (см. Tomelleri, Salvatori 2011); ср. также изменения, вносимые постепенно в некоторые алфавиты палеоазиатских языков; эти изменения заключаются в некоторых случаях во введении новых букв, в других случаях в замене графического знака.

⁹ СДП: 30-32. Комиссия, созданная в 1904 для реформы кириллицы, не привела к какому-либо результату вплоть до Революции.

¹⁰ Процесс проявляется главным образом при переходе тюркских языков Центральной Азии с арабской графики на латинскую. Вскоре переход на латиницу распространился среди многих языков Северного Кавказа. Не затронул он только грузинский и армянский языки, имеющие древнейшие алфавиты.

социализма, создание в каждом уголке страны, даже в самом отдаленном, сильной группы людей, способных передать новые ценности и, следовательно, создать новый руководящий класс на местном уровне.

Вторая конференция по просвещению горских народов Северного Кавказа приводит к переходу на латиницу. До 30-х годов этот процесс усиленно пропагандируется, встречая иногда заметное сопротивление (Алборов 1929: 76). Со второй половины 30-х годов наблюдается обратное движение назад к кириллице, которая переосмысливается и рассматривается теперь как система письменности для всех языков СССР.

2. *Проблема алфавита и палеоазиатские языки*

Задача ликвидации неграмотности среди северных народов тесным образом связана с проблемой создания алфавита для некоторых групп языков, относящихся к разным языковым семьям и, в частности, к палеоазиатской семье языков. Процесс ликвидации неграмотности северных народов происходил медленно; можно сказать, что он почти отсутствовал в досоветский период и до сих пор является малоизученным, хотя в последнее время к данным языкам, находящимся на грани исчезновения, проснулся определенный интерес как научный, так и медиатический. Палеоазиатскую семью языков по праву можно назвать удобной корзиной: общее происхождение языков, которые она включает, необходимо еще доказать.

В рамках азиатской лингвистической панорамы палеоазиатские языки являются оригинальной группой, малочисленной по количеству говорящих (Kazakevich, Kibrik 2007: 233-262; Moseley 2007), малоизученной (Вдовин 1954; Вдовин, Терещенко 1959), но важной в связи с ее отношениями с другими лингвистическими семьями внутри возможных макросемей (Bengtson 2008: 241-262; Fortescue 1998).

Палеоазиатские языки, наряду с кавказскими, наиболее сложно подвергались кириллизации. Создание их алфавитов в некотором смысле пролило свет на пределы кириллицы, обусловленные принципиальным выбором этой системы письма и последующей необходимостью компромиссов. Любой алфавит в действительности предпочитает какие-то определенные решения другим, и, таким образом, выбирает, как выразиться, а этот выбор имеет незамедлительные последствия в момент, когда находит применение в каждом конкретном языке. В случае кавказских языков, где инвентарь фонем очень широк, кириллица чаще всего передает фонемы, не представленные в ее системе, посредством сочетания букв и, в некоторых случаях, используя графические модификации внутри букв. Принципиальный выбор кириллического алфавита – избегать по мере возможности диакритических знаков, которые так типичны в латинице. Это не создает больших проблем при применении кириллицы в кавказских языках, хотя и отягощает письмо, затрудняя чтение. Что касается палеоазиатских языков, в их случае сразу же стало ясно, что кириллическая система здесь сталкивается с проблемой: ведь полисинтетическая или инкорпорирующая природа

многих из них делает эту систему неэкономичной, несмотря на тот факт, что инвертарь фонем палеоазиатских языков не очень большой.

Несколько конкретных примеров для подтверждения вышесказанного. В эскимосском языке фонемный инвентарь – 4 гласные и 22 согласные. Алфавит, используемый поначалу, включал в себя все буквы русского алфавита и только два буквосочетания для передачи фонем (*ль, нѳ*), а также пять букв с диакритическими знаками (*з', к', н', х', ѳ'*). Несмотря на такое компромиссное решение, графика воспринимается тяжело и сложно: *Ятам малих'к'аг'н'агминин'а, касигатан'а, к'айух'льах мыг'нуракыхтых'льахтук'. Малих'к'аг'н'агминин'а и мыг'нуракыхтых'льахтук'* – пример настоящего графического уродства, и это при том, что буквосочетание присутствует здесь только один раз во втором слове. Латинский алфавит упрощает ситуацию только частично. Например: *angyaghllangyugtuq*, графически не выглядит намного лучше.

Проблемы, связанные с применением кириллицы для палеоазиатских языков, если не считать немногие попытки в дореволюционной России, появляются только в середине 30-х годов, а в некоторых случаях и позже. К этим языкам, которые после Революции были названы вместе с рядом других языков 'северными', были применены новые принципы выбора алфавита. Являясь 'подопытными кроликами' идеологии, эти языки полностью перешли на латиницу, осуществляя переход даже тогда, когда в других регионах уже началось обратное движение перехода на кириллицу, продиктованное идеей объединения всех народов СССР, их сплочения при помощи единого алфавита. В Институте востоковедения Академии Наук северные языки начали изучать в 1926 году. В 1930 году был создан Институт народов Севера им. П.Г. Сидовича, и началась работа над созданием Единого северного алфавита (ЕСА) на основе латинской графики, который и был утвержден 23 февраля 1931 года (см. ПСКС: 81). В начале 1932 года состоялась Первая всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера; работа комиссии по практическому внедрению ЕСА среди 14-ти народов Севера продвигалась быстрыми темпами, но тем временем точка зрения поменялась в сторону реабилитации кириллицы: она уже не считается "отголоском старой, русификаторской политики" (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 21, д. 1146, л. 77), а признается, что "все преимущества имеются на стороне русского алфавита" (ЦГА РСФСР, ф. 301, оп. 2, д. 1891, л. 77 об.). Во втором издании БСЭ даже нет статьи о ЕСА.

Как уже было сказано, палеоазиатскими языками называются некоторые языковые группы и некоторые изолированные языки, связи между которыми являются весьма сомнительными. По сути - это термин общего характера, отвечающий необходимости классификации высокого, хотя и не самого большого в мире¹¹, лингвистиче-

¹¹ Ср. с языковой ситуацией Южной Америки.

ского разнообразия. Палеоазиатские языки включают в себя две группы – Чукотско-камчатскую и Эскимосско-алеутскую – и три изолированных языка.

В Чукотско-камчатскую группу входят 5 языков: чукотский¹², корякский¹³, алюторский¹⁴, керекский¹⁵ и ительменский¹⁶.

Впервые на чукотском начинают писать в 1823 году, в то время как первый словарь М. Петелина вышел в 1898 г. (Петелин 1898); официально письменность была введена в 1932 г. на основе ЕСА, а в 1937 г. происходит переход на кириллицу без диакритических знаков. Латинский алфавит продолжает использоваться. Постепенно кириллица пополняется знаками *к'* (увулярный) и *н'* (заднеязычный сонант), которые в 60-е годы заменяются на *қ* / *ң*. В 80-х годах была введена также *л* (*ʃ*) (Богораз 1934а: 5-46; Скорик 1968а: 248-270; Radloff 1867).

В корякском языке письменность ввели в начале 30-х годов на основе ЕСА, в 1937 г. происходит переход на кириллицу как и в чукотском без диакритических знаков и особых букв. В 50-е годы вводятся *в'*, *з'*, *к'*, *н'*, последние две буквы впоследствии становятся *қ* и *ң* (Стебницкий 1934а: 47-84; Стебницкий 1937; Жукова 1968а: 271-293; Жукова 1972).

Для алюторского языка не был разработан особый алфавит, а использовался корякский (на основе чавчувенского диалекта), несмотря на присутствие немаловажных фонологических различий между корякским и алюторским языками. Алюторский является слабоизученным языком, а о его укинском диалекте почти ничего не известно (Жукова 1968б: 294-309).

Что касается керекского языка, то у него никогда не было алфавита ни на базе латиницы, ни на базе кириллицы. Этот язык до сих пор остается устным языком и не имеет письменности. Впервые о нем упоминается в 60-е годы. Говорящих на этом языке менее двадцати человек, а по некоторым данным всего лишь три человека: два говорят на наваринском диалекте и один на хатырском (Скорик 1968б: 310-333).

Ительменский язык пользовался с 1932 года латинским алфавитом, кириллица вводится в 1988 году (Стебницкий 1934б: 85-104; Володин, Жукова 1968а: 334-351; Володин 1976).

¹² Численность населения по Переписи 1989 г. – 15107.

¹³ Или нымыланский язык, его диалекты: чавчувенский, паренский, итканский, апукинский, паланский, карагинский, каменский. Язык содержит 6 гласных и 20 согласных, является агглютинативным языком. Численность населения по Переписи 1989 г. – 8942.

¹⁴ Включает 3 диалекта: собственно алюторский, паланский и карагинский; к алюторскому близок также укинский диалект. Язык относится к агглютинативным языкам.

¹⁵ Агглютинативный язык, состоит из двух групп: мэйнпыльгынской (ыџулаал, акку) и хатырской (иутылаал, акку). Численность населения по Переписи 2002 г. – 15 чел.; по другим данным уже в 1991 г. – 3 чел.

¹⁶ Или камчадалский, агглютинативно-флективный язык. Численность населения по Переписи 2002 г. – 375.

Эскимосско-алеутскую группу составляют два языка: эскимосский и алеутский. Первый из них¹⁷ пользовался алфавитом на базе латиницы, начиная с 1933 года, и на кириллицу перешел в 1937 году (Богораз 1934б: 105-128; Меновщиков 1968а: 366-385). Для алеутского языка¹⁸ алфавит был разработан много ранее, еще в 1829 году Иваном Веняминовым (Веняминов 1846) на базе кириллических букв; после отхода Алеутских островов в 1867 г. к Соединенным Штатам был создан новый алфавит на базе латиницы (Иохельсон 1934а: с. 129-148; Меновщиков 1968б: 386-406).

К палеоазиатским языкам относятся также три изолированных языка: нивхский¹⁹, юкагирский²⁰ и кетский²¹. Нивхский пользуется первоначально латинским алфавитом с 1932 г. и кириллицу начинает применять с 1953 г. (Крейнович 1934: 181-222; Панфилов 1968: 408-434). На юкагирском начинают писать в 1969 г., используя якутский кириллический алфавит (Иохельсон 1900; Иохельсон 1934б: 149-180; Крейнович 1968а: 435-452). Для кетского языка был разработан алфавит в начале 30-х годов на основе латиницы, но практически на этом языке начинают писать в 80-е годы, используя кириллицу (Каргер 1934: 223-238; Крейнович 1968б: 453-473; Дульзон 1968; Castrén 1858; Werner 1997).

В настоящее время изученные преимущественно Институтом лингвистики Академии Наук Санкт-Петербурга эти языки были в центре зажигательных дискуссий в период с 20-х по 40-е годы. В отличие от других языков (особенно кавказских и урало-алтайских) большинство палеоазиатских языков не подверглось двойному переходу кириллица-латиница-кириллица. Несмотря на нередкие контакты с сибирскими народами в дореволюционный период, для многих из этих языков не был разработан алфавит, а латинская графика благодаря использованию диакритических знаков подходила достаточно хорошо к этим языкам, не создавая особых нагромождений. С учетом этого, конечно же, не вызывает сомнений, что последующий переход

¹⁷ Самоназвания языка: юпигетский, уназигмит (уназикский или чаплинский), нывукагмит (науканский). Содержит 4 гласные, 24 согласные, характерен агглютинативно-синтетический морфологический строй. Численность населения по Переписи 2002 г. – 1750.

¹⁸ Самоназвания языка: унанан тууу, унанан умсуу; агглютинативный, полисинтетический язык, кроме медновского диалекта; включает 3 гласные, 17 согласных. Делится на 4 диалекта: уналашкинский, медновский, актинский, беринговский. Численность населения по Переписи 1989 г. – 702, по Переписи 2002 г. – 540.

¹⁹ Самоназвание языка – нивхгу. Диалекты: амурский, северосахалинский, восточно-сахалинский, южносахалинский. Язык агглютинативный, синтетический. Спорным является вопрос о наличии инкорпорации. Численность населения по Переписи 1989 г. – 4700.

²⁰ Два диалекта колымский и тундренный. Язык агглютинативный. Лесные юкагиры – 130 чел, тундренные юкагиры – 230 чел.

²¹ Самоназвание – осыганна ка'. Диалекты: северный, центральный и южный. Южный в свою очередь включает говоры елогуйский и подкаменнотунгусский. Содержит 11 гласных, 19 согласных. Агглютинативно-синтетический язык. Численность населения по Переписи 1989 г. – 1113, по Переписи 2002 г. – 1494.

на кириллицу был явно политическим выбором: кириллица приближает зрительно эти языки к другим языкам Советского Союза, но несмотря на это полисинтетическая / инкорпорирующая или агглютинативная природа палеоазиатских языков явно бросается в глаза и глубоко отличает их. Процесс перехода на кириллицу не был особо травматичным, потому что распространение письменности на этих территориях происходило очень медленными темпами и поскольку число говорящих было и остается крайне ограниченным.

Если для других языков народов СССР переход на кириллицу явился резким переломом, с палеоазиатскими языками все было иначе. Для примера сравним с языками Центральной Азии²². Тюркскими языками первый болезненный перелом был перенесен при замене арабского алфавита на кириллицу. После распада СССР они постепенно переходят на латиницу, осознавая свою близость с турецким языком, в поисках новой идентичности, отдаляющей их от России и от прошлой международной советской принадлежности²³.

В Таджикистане переход с арабского письма на кириллицу повлек за собой отдаление от персидской традиции, таджикский текст, написанный арабскими буквами, весьма похож на персидский. Став самостоятельным государством, Таджикистан и не подумал менять письменность (ҚЗРТ; 1989 ҚҚТ 2010), поскольку новая национальная идентичность не должна быть слишком близкой к Ирану, во избежание расщепления и исчезновения в нем (Оньибене 2012: 313-322; Ognibene 2013: 167-170)²⁴.

С палеоазиатскими языками такой проблемы нет: не существует другой параллельной модели вне русского геополитического пространства, и, поскольку после распада СССР они остаются внутри Российской Федерации, нет необходимости ее создания. Будут ли эти языки пользоваться кириллицей или латиницей, они в любом случае будут отличаться от других языков. Переход к кириллице не продиктован практичностью употребления, а только желанием приблизить эти языки к другим языкам России. К счастью, в отличие от многих кавказских языков, палеоазиатские языки не имеют большого количества фонем, требующих введения множества вариантов кириллических букв и, тем более, групп букв для передачи отдельных фонем. В противном же случае, преобладающая полисинтетическая /

²² Похожая ситуация и в казахском и азербайджанском. См. Landau, Kellner-Heinkele 2001.

²³ Новые центральноазиатские страны создают новую идентичность на основе тюркского элемента, поэтому латинская графика сближает их языки с наиболее престижным референтом – турецким языком.

²⁴ В европейской части СССР молдавский язык до 1989 г. имел кириллический алфавит, теперь государственным языком Республики Молдова является “молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики” (КРМ, ст. 13, п. 1, с. 8 / “*Limba de stat a Republicii Moldova este limba moldovenească, funcționînd pe baza grafiei latine*”, art. 13, s. 1, p. 7), но в Приднестровье продолжают писать по-молдавски на кириллице, что явно указывает на политическую обусловленность выбора алфавита.

инкорпорирующая или агглютинативная природа этих языков привела бы к проблемам куда более страшным, чем те, которые присутствуют в кавказских языках. Графическое выражение этих языков в любом случае остается особенным, так как кроме модифицированных кириллических букв в алфавите присутствуют также латинские буквы.

Внешнее единообразие алфавитов, стремящееся к общему знаменателю в сближении народов советского пространства, следовательно, является единственной причиной перевода палеоазиатских языков на кириллический алфавит. В данном случае нет причин говорить об экономичности и эстетике в выборе этого алфавита. После распада СССР уже годами утвердившаяся традиция не была затронута, и, учитывая все выше сказанное, в момент, когда наблюдаются новые формы противостояния восток-запад (хотя они и базируются не на различных моделях общества), трудно себе представить вероятность смены алфавита в ближайшее время²⁵.

Сокращения

ҚЗРТ:	<i>Қонуни забони Республикаи Советии Социалистии Тоҷикистон, Душанбе 1989.</i>
КК:	<i>Языки народов России. Красная книга, М. 2002.</i>
КРМ:	<i>Конституция Республики Молдова от 29.07.1994, Кишинев 2011.</i>
ҚҚТ:	<i>Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи забони давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон”, Душанбе 2010.</i>
МЯН:	<i>Младописьменные языки народов СССР, М.-Л. 1959.</i>
ПСКС:	<i>Просвещение на Советском Крайнем Севере: в помощь учителю школ Крайнего Севера, Л. 1958.</i>
СДП:	<i>Сборникъ декретовъ и постановлений рабочаго и крестьянскаго правительства по народному образованию, I, М. 1919.</i>
ЯМ:	<i>Языки мира. Палеоазиатские языки, М. 1997.</i>
ЯН:	<i>Языки народов СССР, V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки, Л. 1968.</i>

²⁵ В исследованиях палеоазиатских языков не трудно встретить работы, где эти языки представляются на латинской графике, может быть это происходит под влиянием глобализации.

Литература

- Алборов 1929: Б.А. Алборов, *История осетинских письмен*, Владикавказ 1929.
- Богораз 1934а: В.Г. Богораз, *Луораветланский (чукотский) язык*, в: Е.А. Крейнович (под ред.), *Языки и письменность народов Севера. Сборник статей*, III. *Языки и письменность палеоазиатских народов*, М.-Л. 1934, с. 5-46.
- Богораз 1934б: В.Г. Богораз, *Юитский (азиатско-эскимосский) язык*, в: Е.А. Крейнович (под ред.), *Языки и письменность народов Севера. Сборник статей*, III. *Языки и письменность палеоазиатских народов*, М.-Л. 1934, с. 105-128.
- Вдовин 1954: И.С. Вдовин, *История изучения палеоазиатских языков*, М.-Л. 1954.
- Вдовин, Терещенко 1959: И.С. Вдовин, Н.М. Терещенко, *Очерки изучения палеоазиатских и самодийских языков*, Л. 1959.
- Вениаминов 1846: И.Е. Вениаминов, *Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка*, СПб. 1846.
- Володин 1976: А.П. Володин, *Ительменский язык*, Л. 1976.
- Володин, Жукова 1968: А.П. Володин, А.Н. Жукова, *Ительменский язык*, в: *Языки народов СССР*, V. *Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 334-351.
- Головко 1997: Е.В. Головко, *Алеутский язык*, в: *Языки мира. Палеоазиатские языки*, М. 1997, с. 117-125.
- Дешериев 1957: Ю.Д. Дешериев, *Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху*, "Вопросы языкознания", 1957, 5, с. 18- 30.
- Дульзон 1968: А.П. Дульзон, *Кетский язык*, Томск 1968.
- Жукова 1968а: А.Н. Жукова, *Корякский язык*, в: *Языки народов СССР*, V. *Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 271-293.
- Жукова 1968б: А.Н. Жукова, *Алutorский язык*, в: *Языки народов СССР*, V. *Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 294-309.
- Жукова 1972: А.Н. Жукова, *Грамматика корякского языка. Фонетика и морфология*, Л. 1972.
- Жукова 1980: А.Н. Жукова, *Язык паланских коряков*, Л. 1980.
- Иохельсон 1934а: В.И. Иохельсон, *Унанганский (алеутский) язык*, в: Е.А. Крейнович (под ред.), *Языки и письменность народов Севера. Сборник статей*, III. *Языки и письменность палеоазиатских народов*, М.-Л. 1934, с. 129-148.

- Иохельсон 1934б: В.И. Иохельсон, *Одкульский (юкагирский) язык*, в: Е.А. Крейнович (под ред.), *Языки и письменность народов Севера. Сборник статей*, III. *Языки и письменность палеоазиатских народов*, М.-Л. 1934, с. 149-180.
- Иохельсон 1900: В.И. Иохельсон, *Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе*, I. *Образцы народной словесности юкагиrow*, СПб. 1900.
- Каргер 1934: Н.К. Каргер, *Кетский язык*, в: Е.А. Крейнович (под ред.), *Языки и письменность народов Севера. Сборник статей*, III. *Языки и письменность палеоазиатских народов*, М.-Л. 1934, с. 223-238.
- Кибрик и др. 2000: А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.А. Муравьева, *Язык и фольклор алыторцев*, М. 2000.
- Крейнович 1934: Е.А. Крейнович, *Нивхский (гиляцкий) язык*, в: Он же (под ред.), *Языки и письменность народов Севера. Сборник статей*, III. *Языки и письменность палеоазиатских народов*, М.-Л. 1934, с. 181-222.
- Крейнович 1957: Е.А. Крейнович, *Об изучении юкагирского языка*, "Вопросы языкознания", 1957, 5, с. 104-107.
- Крейнович 1968а: Е.А. Крейнович, *Юкагирский язык*, в: *Языки народов СССР*, V. *Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 435-452.
- Крейнович 1968б: Е.А. Крейнович, *Кетский язык*, в: *Языки народов СССР*, V. *Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 453-473.
- Меновщиков 1968а: Г.А. Меновщиков, *Эскимосский язык*, в: *Языки народов СССР*, V. *Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 366-385.
- Меновщиков 1968б: Г.А. Меновщиков, *Алеутский язык*, в: *Языки народов СССР*, V. *Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 386-406.
- Мудрак 2000: О.А. Мудрак, *Этимологический словарь чукотско-камчатских языков*, М. 2000.
- Николаева, Хелимский 1997: И.А. Николаева, Е.А. Хелимский, *Юкагирский язык*, в: *Языки мира. Палеоазиатские языки*, М. 1997, с. 155-168.
- Оньибене 2012: П. Оньибене, *Соддийское наследие и современный Таджикистан*. в: *Hayastani k'atalak'akrt'akan avandə metak'si čanaparhi patmowt'yan mez*, Erevan 2012, с. 313-322.
- Панфилов 1968: В.З. Панфилов, *Нивхский язык*, в: *Языки народов СССР*, V. *Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 408-434.
- Петелин 1898: М. Петелин, *Русско-чукотский словарь*, Казань 1898.

- Скорик 1958а: П.Я. Скорик, *К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков*, "Вопросы Языкознания", 1958, 1, с. 21-35.
- Скорик 1958б: П.Я. Скорик, *К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков*, "Известия АН СССР. Отделение литературы и языка", XVII, 1958, 6, с. 534-546.
- Скорик 1968а: П.Я. Скорик, *Чукотский язык*, в: *Языки народов СССР, V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 248-270.
- Скорик 1968б: П.Я. Скорик, *Керекский язык*, в: *Языки народов СССР, V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки*, Л. 1968, с. 310-333.
- Стебницкий 1934а: С.Н. Стебницкий, *Нымыланский (коряжский) язык*, в: Е.А. Крейнович (под ред.), *Языки и письменность народов Севера. Сборник статей, III. Языки и письменность палеоазиатских народов*, М.-Л. 1934, с. 47-84.
- Стебницкий 1934б: С.Н. Стебницкий, *Ительменский язык*, в: Е.А. Крейнович (под ред.), *Языки и письменность народов Севера. Сборник статей, III. Языки и письменность палеоазиатских народов*, М.-Л. 1934, с. 85-104.
- Стебницкий 1937: С.Н. Стебницкий, *Основные фонетические различия диалектов нымыланского (коряжского) языка*, в: И.И. Мещанинов (отв. ред.), *Памяти В.Г. Богораза (1865-1936)*, Л. 1937, с. 285-306.
- Стебницкий 1938: С.Н. Стебницкий, *Алюторский диалект нымыланского (коряжского) языка*, "Советский Север", 1938, 1, с. 65-102.
- Bengtson 2008: J.D. Bengtson, *The Languages of Northern Eurasia: Inference to the Best Explanation*, в: *In Hot Pursuit of Language in Prehistory: Essays in the Four Fields of Anthropology in Honor of Harold Crane Fleming*. Amsterdam-Philadelphia 2008, с. 241-262.
- Castrén 1858: М.А. Castrén, *Versuch einer jensei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen*, SPb. 1858.
- Fortescue 1998: М. Fortescue, *Language Relations across Bering Strait. Reappraising the Archaeological and Linguistic Evidence*, London-New York 1998.
- Godart 1992: L. Godart, *L'invenzione della scrittura: dal Nilo alla Grecia*, Torino 1992.
- Kazakevich, Kibrik 2007: О. Kazakevich, А. Kibrik, *Language endangerment in the CIS*, в: М. Brenziger (ed.), *Language Diversity Endangered*, Berlin-New York 2007, с. 233-262.

- Kellens 1989: J. Kellens, *Avestique*, в: R. Schmitt (Hrsg.), *Compendium linguarum iranicarum*, Wiesbaden 1989, pp. 32-55.
- Landau, Kellner-Heinkele 2001: Ja.M. Landau, B. Kellner-Heinkele, *Politics of Language in the ex-Soviet Muslim States: Azerbaijan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Tajikistan*, London 2001.
- Moseley 2007: Chr. Moseley, *Encyclopedia of World's Endangered Languages*, London-New York 2007.
- Ognibene 2013: P. Ognibene, *Political Use of History. The Case of the Sogdian Legacy in post-Soviet Tajikistan*, в: A. Panaino, A. Gariboldi, P. Ognibene (ed.), *Yaghnohi Studies*, 1. *Papers from the Italian Mission in Tajikistan*, Milano 2013 (= Indo-Iranica et Orientalia. Series Lazur, 12).
- Pelliot 1949: P. Pelliot, *Histoire secrète des Mongols. Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres I a VI*, Paris 1949.
- Radloff 1867: L. Radloff, *Über die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjakischen*, SPb. 1867 (= Mémoires de l'Académie impériale des sciences, VII série, III/10).
- Tomelleri, Salvatori 2011: V.S. Tomelleri, M. Salvatori, *Alfabeti per l'Osseto. Brevi cenni*. "Atti del Sodalizio Glottologico Milanese", VI (N.S.), 2011, pp 138-146.
- Werner 1997: H. Werner, *Die kettische Sprache*, Wiesbaden 1997.

Abstract

Paolo Ognibene

Alphabet as a Political Choice. Paleoasiatic Languages and Their Alphabets

Due to their expansion eastward, the Russians came into contact with people speaking Paleosiberian languages. In most cases, Paleosiberian languages were provided with alphabets only in the 1930s. In the beginning, the Latin alphabet was used for languages without a writing system; the Cyrillic alphabet was introduced in most of the Soviet Union's languages, with few exceptions (Estonian, Latvian, and Lithuanian kept their Latin orthography throughout Soviet times, Georgian and Armenian kept their own alphabets, and Yiddish was written in Hebrew characters).

The Latin alphabet was initially chosen in opposition to Cyrillic: the latter was considered, at the dawn of the Soviet era, a legacy of the Russian imperial culture. Later a considerable change in this perspective took place and Cyrillic was revalued as the alphabet of all the Soviet peoples. For example, Latin writing used for Koryak was replaced in 1938 by Cyrillic and the same happened with languages of Central Asia, a choice more political than cultural, evident also in the changes that took place in post Soviet times.

These facts clearly show that the perception of the value of writing systems has changed in contemporary society. Nevertheless, Paleosiberian languages, divided into three groups (plus some isolated languages), have difficulty writing some of their phonemes in Cyrillic, thus demonstrating that the change from Latin to Cyrillic was not painless.

As a matter of fact, the Cyrillic alphabet does not like diacritics and usually, in its standard version, writes lacking phonemes using a combination of letters: a typical situation in many northern and eastern Caucasian languages. This choice has consequences especially when it is applied to polysynthetic, incorporating and agglutinative languages because the writing is very heavy. In this case a compromise takes place: it involves the use of some Latin letters, the introduction of some special signs, Cyrillic letters with particular values and also the presence of diacritics. A result of all this can be found in transliteration: ISO 9 is still not used for these languages.

Keywords

Writing Systems; Alphabets; Cyrillic; Paleosiberian Languages.

Irina Marchesini

Russian (1917-1918) and Armenian (1922) Orthographic Reforms. Assessing the Russian Influence on Modern Armenian Language*

*Consuetudo certissima est loquendi magistra*¹

Marcus Fabius Quintilianus

Today, a discussion on the linguistic, cultural, and political implications of the 1922 reform of Armenian orthography², in relation to the Russian one (1917-1918), proves to be a complex, yet a delicate and urgent matter. Indeed, the 1922 reform of Armenian orthography generated a decades-long controversy within the field of Armenian Studies that is still going on in the present days. Notably, political implications are attached to this debate, which involves the history of the Armenian language and its pluricentric nature³. Actually, it is possible to arrange this language diachronically, distinguishing between Classical Armenian (400 A.D.-1100)⁴, Middle Armenian (1100-1700), and Modern Armenian. Moreover, Modern Armenian is characterized by a marked diatopy, which is realized through the existence of Eastern Armenian (formerly known as ‘Armenian of Russia’)⁵, and Modern

* I am greatly indebted to Prof. Harut’yun Marut’yan (National Academy of Sciences of Armenia) for his precious help and guidance in writing this article. I am also grateful to Nicoletta Marcialis (University of Rome “Tor Vergata”), Gabriella Elina Imposti (University of Bologna) and the anonymous peer reviewers for their insightful comments.

¹ “Usage is the best language teacher”.

² Note on transliteration. Names and surnames of Armenian scholars are reported as they appear in their works, unless directly transliterated from Armenian. Direct transliterations from Armenian are given according to the Library of Congress system. Russian transliteration is given according to the scientific system.

³ Linguists (Comrie 1981, 1987; Gamkrelidze, Ivanov 1984; Fortson 2010: 383) consider Armenian an independent branch of the Indo-European language family. Closely related to Greek (Pedersen 1924; Meillet 1925, 1936; Solta 1960; Hamp 1983, but cfr. Clackson 1995), Armenian presents a large number of loan words borrowed from Indo-Iranian languages, notably Parthian and Persian. On the classification of Armenian within the Indo-European language family, see now Martirosyan 2013.

⁴ Also known as Grabar (literally ‘literary’, ‘through using letters’, ‘written’), this is the older form of the language. It is still used by the Armenian Apostolic Church.

⁵ This is the official language of the Republic of Armenia and of the Nagorno-Karabakh *de facto* (unrecognized) Republic. It is also spoken in the Eastern Armenian diaspora, mainly located in Russia, in enclaves in Azerbaijan and Iran (Persian Armenians). Modern Eastern Armenian is more conservative than the Western variety.

Western Armenian (formerly known as ‘Armenian of Turkey’)⁶. The birth of two formal, literary varieties of Modern Armenian⁷ is inextricably linked to the history of the country. During the nineteenth century, Armenia was under the rule of two empires: the Ottoman in the West and the Russian in the East (1828-1917). Such dismemberment determined the parallel, yet different development of Modern Eastern and Western Armenian. On the one hand, Eastern Armenian would be based on the dialect of the Ararat plain and on the language spoken by the Armenian *intelligencija* in Tbilisi, Georgia. On the other, Western Armenian would be based on the dialect of Constantinople (Istanbul).

The two sets of Soviet reforms (1922-1924 and 1940) further widened the distance between Eastern Armenian – the official language of the Armenian Soviet Socialist Republic (1920-1991), – and the Western variety. Such changes are more evident in orthography, although they can also be observed in phonetics, morphology and syntax⁸. These reforms, which were part of the *ликбез* (*likbez*) policy⁹ carried out by the Soviets, have deeply affected not only the Eastern Armenian alphabet, but also the set of rules and conventions governing writing and word formation.

To delve into this problem, this essay will retrace the fundamental phases of the reform, focussing on the two decades that go from the early 1920s to 1940, i.e. the year when the second orthography reform was promulgated. The Armenian case is undoubtedly a very peculiar one amongst the constellation of the linguistic reforms decreed in the Soviet countries outside Russia. In fact, unlike other Soviet republics, where numerous alphabets underwent a process of Latinization and Cyrillization, Armenia kept its own writing system¹⁰. Nonetheless, the contact between Armenian and Russian fostered the development of the former, especially from a diastatic perspective. This phenomenon, however, occurred not only in Armenia, but it also involved other languages of the Soviet Union.

In nowadays Armenia, the 1922 orthography reform is still perceived as a heavy burden, insofar as it undermines the relationship between the two diasporas and the homeland. Furthermore, its legacy destabilized and still influences the Russian-Armenian relations. Indeed, according to Mark Malkasian, the Russian ingerence in the linguistic field, which intensified during the Soviet period, produced a sense of cultural inferiority in Armenians (1996: 111). Yet, in recent years, the situation seems to have changed. In this

⁶ Mostly spoken in the Western Armenian diaspora, this language developed in the historical Western Armenia and Cilicia. These territories are now part of Turkey.

⁷ Modern Armenian is also collectively called *Ashkharhabar* (or *Ashkharhapar* in Western pronunciation), meaning ‘through/of the world’, ‘worldly’, ‘laic’.

⁸ For example, in Eastern Armenian the indefinite article precedes the noun, whereas in Western Armenian it follows the noun.

⁹ Russian abbreviation for *likvidacija bezgramotnosti* (*ликвидация безграмотности*), i.e. ‘elimination of illiteracy’.

¹⁰ The Armenian alphabet was also the official script for Kurdish in Soviet Armenia from 1921-1928.

respect, the effects of the Soviet orthography reform in Armenia should be regarded as an issue concerning Russian Studies.

1. *The 1922 Reform of Armenian Orthography: Brief Historical Background*

Between 1922 and 1924, Eastern Armenian underwent an orthography reform that modified both the alphabet and the spelling. This process¹¹ was initiated on January 1921, when the historian Ashot Garegini Hovhannisyan¹² (1887-1972), then Minister of Education of Armenian SSR (1920-1921), organized an advisory meeting to encourage education and fight illiteracy, as required by the *ликбез* policy¹³. During this consultation, the linguist and philologist Manuk Abeghyan (1865-1944) proposed a number of orthographic changes that denoted a radical departure from the general norm in use since the Middle Ages. Abeghyan's position was not new: in fact, he had written extensively on the issue since the late 1890s. Indeed this document, which was accepted by a special committee in 1921, presented the same theses of another paper Abeghyan read eight years earlier in Ēchmiadzin during a commemoration of the 1500th anniversary of the creation of the Armenian alphabet.

Hovhannisyan's successor, the translator and journalist Poghos Makints'yan (1884-1937), continued to work in this direction, forming a new committee in February 1922. Instead of transmitting the committee's conclusions, Makints'yan directly presented Abeghyan's proposal to the Soviet of Popular Commissars. On March 4, 1922, under the chairmanship of Alek'sandr Myasnikyan, the Soviet officially decreed the reform. Abeghyan's paper was published in the same year with the title *Guide to the New Orthography of the Armenian Language*.

This reform was intended "ostensibly to make the orthography of Armenian more phonetic" (Sanjian 1996: 361), thus adopting the same principle *писать, как говорят* ('to write the way one speaks') that laid at the heart of the most crucial linguistic debates of Eighteenth and Nineteenth century Russia. Nonetheless, it met immediate, unfavourable reactions. Notably, the poet Hovhannes T'umanyan, chairman of the Union of Armenian Writers, expressed his discontent in a letter to the Soviet of Popular Commissars, written in May 1922. Later on, many objected to the reform, asking the restoration of what they regarded as 'traditional' Armenian spelling. Not surprisingly, the term *традиция* ('tradition') plays a key role in Ch.S. Sarkisyan's request to correct the mistakes of the 1922 reform: "Armenian spelling now urgently needs the elimination of the mistakes made in 1922, that is, the abolition of those changes that were introduced into the alphabet"¹⁴ (Sarkisyan 1940: 116).

¹¹ Some linguists consider this phase as the third stage of development of the Armenian language (Gyulbudaghyan 1973; Sanjian 1996: 360).

¹² From 1922 to 1926 he was the First Secretary of the Communist Party of Armenia.

¹³ For further insights on the Soviet language policy, see Weinreich 1953; Lewis 1972; Kirkwood 1990; Collins 1998; Smith 1998; Leprêtre 2002; Dietrich 2005.

¹⁴ "[н]астоятельной потребностью армянской орфографии в настоящее время является упразднение ошибок 1922 года, т. е. упразднение тех изменений, которые были внесены в азбуку".

As a consequence, on August 22nd, 1940, the linguist Gurgen Sevak (1904-1981) promoted a second reform of Armenian orthography, which marked a partial return to Mesropian spelling. This kind of spelling is the one in use today in the Republic of Armenia, as well as among the communities of the so-called ‘internal’ diaspora¹⁵.

2. *Reforming the Alphabet*

As it happened with Slavic languages, the appearance of the Armenian alphabet was tightly linked to the introduction of Christianity¹⁶. This form of written codification intended to preserve the Armenians living in proximity of the Byzantine borders from linguistic and cultural assimilation (Zekiyan 2004: 161-181). Moreover, it eased the translation of the Holy Scriptures from Greek by adapting the phonetics of the original tongue. Presumably derived from the Greek, the Armenian alphabet was introduced in 405-406 A.D. by Saint Mesrop Mashtots¹⁷, a prominent scholar and official in King Vramshapuh’s chancellery¹⁷. The alphabet originally consisted of thirty-six letters. Two more letters, <o> and <f>, were added during the Middle Ages, raising the number to thirty-eight (Ouzounian *et al.* 2000: 88). Because of its antiquity *aybuben* – i.e. the Armenian word for ‘alphabet’ – has always been considered one of the most important cultural monuments of this civilization. This perception is particularly evident from writer Andrej Bitov’s words:

[i]n the Armenian letter there is the grandeur of a monument and the tenderness of life, biblical antiquity, the contour of lavash and the pungency of the green pointy pepper, the curliness and transparency of grapes and the slenderness and severity of a bottle, the soft curl of sheep’s wool and the solidity of the shepherd’s staff, and the shoulder line of the shepherd ... and the line of his neck ... And all this exactly corresponds to the sound the letter depicts¹⁸ (Bitov 2002: 425).

¹⁵ Ishkanian makes a distinction between ‘internal’ (Eastern) and ‘external’ (Western) diaspora. “The first”, writes Ishkanian, “is called ‘internal’ because, until the collapse of the Soviet Union in 1991, it consisted of the Armenian communities outside Soviet Armenia but within the same overall state (i.e. the USSR)” (2008: 136). ‘External’ diaspora includes those communities in the Middle East, Europe and the Americas. Western Armenian diaspora rejected this reform and kept using the pre-reform spelling. Even though Iranian Armenians write in Eastern Armenian, they too continued to use the Classical Armenian orthography almost in the same way as Western Armenian communities do. The Armenian Apostolic Church adopted the same conservative position.

¹⁶ On the origins of the Armenian alphabet, cfr. Maksoudian 2006; Seibt, Preiser-Kapeller 2011.

¹⁷ Before then, Armenian had been written with scripts that were similar to cuneiform writing. On the Armenian letters, cfr. Müller 1864, 1888-1890; Nersoyan 1985-1986.

¹⁸ “[в] армянской букве – величие монумента и нежность жизни, библейская древность, очертаний лаваша и острота зеленой запятой перца, кудрявость и прозрачность винограда и стройность и строгость бутылки, мягкий завиток овечьей шерсти и прочность пастушьего по-

Armenians kept the alphabet unchanged for one thousand five hundred years. There lie antiquity, history, the fortress and spirit of the nation. Up to now, the handwritten letter does not differ from the printed sign, and even in books the typographic font preserves the inclination of the writer's hand. The manuscript turns into a book, almost without undergoing graphic metamorphosis. And this is wonderful. The progress, that bursts into vocabulary, spelling, unification of rules, simplification of inscription, is useful for general literacy, but not for culture. Protection of language from economic pretensions is just as necessary as protecting nature and historical monuments¹⁹ (Bitov 2002: 426).

As a matter of fact, Abeghyan's reform altered this millennial monument. Starting from 1921, Abeghyan suggested a series of changes²⁰ (Sarkisyan 1940: 115-116; Gyulbudaghyan 1973; Sanjian 1996: 361), which can be summarized as follows:

- (i) elimination of the letter <o>, to be replaced by <n>;
- (ii) elimination of the letter <ւ>, to be replaced by <ն>;
- (iii) elimination of the letter <լ> before vowel, where it acquired the value of [v], and its replacement by the letter <վ>;
- (iv) introduction of the digraph <նլ> as an independent "letter", and adoption of the spelling <նլյ> for the diphthong /uj/. The letter <լ> would appear only in the digraph <նլ>;
- (v) elimination of the ligature <ւս>;
- (vi) the diphthong <ւս> changed to <յւ>;
- (vii) the diphthong <իւ> changed to <յի>;
- (viii) the initial <Յ> changed to <Հ>;
- (ix) elimination of the silent <յ> at the end of a word.

Some examples:

соха, и линия плеча пастуха... и линия его затылка... И все это в точности соответствует звуку, который она изображает".

¹⁹ "Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нем древность, история, крепость и дух нации. До сих пор рукописная буква не расходится у них с печатным знаком, и даже в книгах, в типографском шрифте существует наклон руки писца. Рукопись переходит в книгу, почти не претерпевая графических метаморфоз. И это [...] замечательно. Прогресс, врывающийся в словарь, в правописание, унификация правил, упрощение начертаний – дело, полезное для всеобщей грамотности, но не для культуры. Охрана языка от хозяйственных попользований так же необходима, как и охрана природы и исторических памятников".

²⁰ See also Weitenberg 1991; Khacherian 1999.

	CLASSICAL SPELLING	REFORMED SPELLING	MEANING
(i)	խօսել	խոսել	'To speak'
(ii)	հայերէն	հայերեն	'Armenian'
(iii)	բացուել	բացվել	'To bloom'
(iv)	քոյր	քույր	'Sister'
(v)	Երևան	Երեւան	'Yerevan'
(vi)	Սարգսեան	Սարգսյան	'Sarg(i)syan'
(vii)	ազատութիւն	ազատություն	'Liberty'
(viii)	Յակոբ	Հակոբ	'Jakob'

According to Sarkisyan, though, some changes are unacceptable, insofar as they “*violate the wise principle of unity of the norms of pronunciation, interrupt the continuity of written traditions, change the alphabet*”²¹ (1940: 116. Emphasis in the original). As a result, the 1940 reform reinstated the ligature in point (v), as well as the letters described in points (i) and (ii)²².

3. *Assessing the Effects of the 1922 Orthography Reform in Armenia*

3.1. *Comparing the Russian and the Armenian Orthography Reforms*

Most probably, the Soviet influence functioned as a co-factor for the modification of orthography, as similar debates were already sparkling in Armenia during the years preceding the reforms. Sarkisyan, for instance, viewed the orthographic reform as an expected step for the written language to keep pace with the natural development of its spoken counterpart:

[t]he discrepancy between letter and pronunciation, the lack of correspondence between them is a phenomenon peculiar to almost all languages. One of the reasons for this difference is that language grows and changes phonetically, whereas the graphical fixing of its norms remains the same. When discrepancy or lack of correspondence reaches such an extent that it hinders an easy perception of the letter, it is time for a spelling reform, i.e. a reform of the norms of writing²³ (1940: 111).

²¹ “*наруша[ют] мудрый принцип единства норм произношения, прерыва[ют] непрерывность письменных традиций, изменя[ют] азбуку*”.

²² After the second orthographic reform, the letters <օ> and <է> appear only at the beginning of a word or in compound words. The only exceptions are ‘նվ’, ‘who’, ‘նվբեր’ ‘those (people)’, and the present tense of the verb ‘to be’, with the exclusion of the third person singular.

²³ “[н]есоответствие письма произношению, расхождение между ними – явление, свойственное в той или иной мере почти всем языкам. Одной из причин этого расхождения является то, что язык фонетически растет и изменяется, а графическое закрепление его норм остается прежним, традиционным. Когда несоответствие или расхождение доходит до такой

Despite his substantial criticism, in his 1940 article Sarkisyan compares the Russian and the Armenian orthographic reforms. While the Russian orthographic reform is sustained by the “principle of unity of the norms of pronunciation”²⁴, the Armenian reform was based on the “principle of full correspondence of letter to the sound, of the grapheme to the phoneme”²⁵ (1940: 111). Indeed, according to Sarkisyan, “[t]he orthography of the Armenian language was reformed according to the principle of full correspondence between the letter and the sound (one letter, one sound)”²⁶ (Sarkisyan 1940: 112). In addition to this, Sarkisyan underlines the effect of the Russian orthographic reform, which aimed at simplifying official and everyday writing: “[n]othing has changed from this reform, nothing has suffered from it, it simply became easier to write, it became easier to teach how to write letters”²⁷ (1940: 112).

On the one hand, the changes introduced into the Armenian alphabet actually simplified writing; for example, the alternation of the letters <o> and <n> inside words was finally regulated. On the other hand, however, the introduction of a diphthong and the suppression of a ligature lengthened the text²⁸.

3.2. *Avoiding the Danger of Latinization or Cyrillization*

During the 1920s-1930s the Soviet general linguistic policy fostered the adoption of the Latin alphabet to write the languages of the Soviet Union²⁹. This latinization campaign (*латинизация*) aimed to create Latin-script based alphabets for languages that did not have a writing system. Even languages with a quite well rooted written tradition, as, for example, Komi, underwent a process of latinization (Toulouze 2010).

Ethnic and linguistic homogeneity³⁰, as well as the existence of a large diaspora³¹ (Grenoble 2003: 122), have presumably prevented the substitution of the Armenian al-

степени, что препятствует легкому восприятию письма – настает момент необходимости реформы орфографии, т. е. реформы норм письма”.

²⁴ “принцип единства норм произношения”.

²⁵ “принцип полного соответствия письма звуку, графемы фонеме”.

²⁶ “[п]о принципу полного соответствия письма звуку (одной букве – один звук) была реформирована орфография армянского языка”.

²⁷ “[о]т этой реформы ничего не изменилось, ничего не пострадало, только стало легче писать, легче стало обучать письму”.

²⁸ On the contrary, the Russian orthographic reform shortened texts by 1/30.

²⁹ At a conference in Moscow, Makints‘yan presented a paper entitled “On an Uniform Latin Alphabet for the People of the Socialist Federative Soviet Republic of Russia” (1919). On a unified, Pan-Soviet language, see Suchotin 1932.

³⁰ In Soviet times, as well as today, Armenia was labelled as the ‘mono-ethnic’ republic, because the vast majority of its inhabitants were ethnic Armenians.

³¹ “The existence of the diaspora, coupled with Armenia’s own troubled history with Turkey, has had an impact on Soviet policy in Armenia, at least indirectly, in terms of both Soviet attitudes toward Armenia, as well as initial Armenian attitudes toward the Soviet government” (Grenoble 2003: 122).

phabet with Latin³² or Cyrillic³³ scripts. In keeping with Grenoble, other factors, such as a well-established literary tradition, high educational and literacy rates, and a strong ethnic pride played a key role in this respect (2003: 123). Arguably, also the 1922 linguistic reform helped avoid the substitution of the Armenian alphabet, insofar as it actually demonstrated to Soviet authorities the will to modernize language.

3.3. *Impulse Towards Armenization*

Whereas the 1922 orthography reform was met with hostility, which led to its partial revocation in 1940, other linguistic policies were received in Armenia with particular favour, insofar as they promoted the exaltation of ‘Armenianness’ right after the terrible years of the genocide. Indeed, as Grenoble explains,

[i]n the early years of Soviet rule in Armenia, the nativization policy (*korenizatsiia*) was in full force [...] For this reason, tolerance for very open nationalist sentiments was high in the region, and hand in hand with this, for the nationalist hopes of the Armenian intelligentsia. Armenian nationalism was at least tolerated until the Great Purge of 1936–38, when official policy reversed, and charges of nationalist sentiments were used to explain the purges of party officials and intelligentsia alike (2003: 122).

As part of the *korenizacija* (nativization) and *nacional'noe stroitel'stvo* policy, support for the development of national languages was granted to all the peoples of the Soviet Union. Therefore, the strengthening of the Soviet power in Armenia went through other channels involving the use of language. These include what can be described as a “toponymic overhaul” (Smith *et al.* 1998: 147), where names of cities were either sovietized or armenized.

For instance, the ancient city of Kumayri, now known as Gyumri, in 1837 was renamed as Aleksandropol' in honour of Aleksandra, the wife of Tsar Nicholas I. To sweep away the memory of the Tsarist rule, which was evident in this Russian-flavoured denomination, from 1924 until 1990 it was renamed as Leninakan. This case clearly shows the happy marriage between sovietization and armenization, insofar as the name of the great leader of the 1917 Revolution was fused with the typically Armenian suffix *-akan*, often used to form relational adjectives from nouns (Jahukyan, 1998: 5–48; Dum-Tragut, 2009: 665). This word-formation process reminds the case of Leningrad, where the name of the leader fuses with the ending *-grad* (from OCS *gradŭ*)³⁴.

3.4. *Development of the Armenian Language. The Role of the Russian Language*

According to Grenoble, “the net impact of Soviet language policy on the Armenian language was minimal” (Grenoble 2003: 123). The sovietization wave, however, did intro-

³² On the latinization of Russian and other alphabets, see Jakovlev 1930; Nurmakov 1934; Alpatov 2001, 2002, 2015.

³³ On the cyrillization policy, see Frings 2012; Tomelleri 2015.

³⁴ Cfr. Fortson 2010: 423.

duce critical changes in linguistic, cultural and even political terms³⁵. Indeed, the 1922 reform undoubtedly paved the way towards the modernization of Armenian, not only in terms of norms or status, but also in terms of language productivity. According to Weitenberg, in this specific period of time, “[t]he influence of the Russian language on Eastern Armenian has been enormous”³⁶ (2006: 1900). Likewise, Dum-Tragut holds that “[d]uring the Soviet era, Eastern Armenian was definitely shaped in the most significant and fundamental way” (Dum-Tragut 2009: 4). Dum-Tragut³⁷ summarizes these changes as follows:

- (i) Explicit description, definition and labelling of the specific linguistic functions in Modern Eastern Armenian language in various grammars (codification);
- (ii) Modern Eastern Armenian acquired new linguistic functions related to the political, administrative, juridical, scientific and economic domains;
- (iii) Modern Eastern Armenian acquired the status of an official national language.

The active language reforms conducted in Soviet Armenia stimulated progress in the fields of word formation and terminology building (Weitenberg 2006: 1900)³⁸. This is not surprising, bearing in mind that by 1923 political power in Soviet Armenia was closely linked to the Soviet government. Subsequently, according to H. Ačarjan, the contact “[w]ith the more civilized and educated Russian people, as well as with its advanced elements, with Russian literature, Russian press, Russian school and Russian theater, [...] shook off the dust of antiquity [from the Armenian language, which] assimilated new and free ideas that penetrated into its life, literature and language”³⁹ (1951: 527). Looking at the rapid evolution of terminology in the fields of Chemistry, Medicine, Mechanics, Politics, but also in cooking and everyday language (Ačarjan 1951: 588-589), it is possible to assert that Russian did perform the function of a catalyst for the growth of Armenian⁴⁰. Notably, an acceleration of the process took place under Stalin’s rule, when Russian acquired the status of *lingua franca* in the Soviet Union. In Ačarjan’s words,

³⁵ Compare, for instance, Grenoble’s position with Dum-Tragut’s: “[t]he constant strengthening of MEA [i.e. Modern Eastern Armenian, I.M.] as the main means of communication in Soviet Armenia was heavily disturbed and even undermined by a rigorous Russification policy by central Moscow” (Dum-Tragut 2009: 5).

³⁶ Cfr. Nalbandov’s (2016: 264) position: “[t]he Soviet years extended the severe Russification processes implemented in Armenia by the Russian/Soviet imperial government”.

³⁷ Cfr. Dum-Tragut 2009: 4-5. For a concise yet general discussion on the Russian influence over the Armenian language, see Dum-Tragut 2009: 5.

³⁸ See also Weitenberg 1991.

³⁹ “с более прогрессивным и культурным русским народом, а также с его передовыми элементами, с русской литературой, [армянский язык] стряхнул с себя пыль древности и востригнул новые и свободолюбивые идеи, которые проникли в его жизнь, литературу и язык”.

⁴⁰ See also Matossian 1962; Abrahamyan 1973.

[f]or all of us Russian language serves as an international language. With its help we communicate with all neighboring peoples [...]. Russian language is needed not only within Russia, but also in the whole world. Not all of us know French, German, English, and through them get acquainted with world literature. Russian literature has given voluminous translations from European and non-European languages. Through these translations we can get acquainted with the masterpieces of all literatures⁴¹ (Ačarjan 1951: 587-588).

Yet, before the 1922 Reform, the weight of Russian in the evolution of the Armenian language was already considerable. For instance, in 1919 Manuk Abeghyan published his Russian-Armenian pocket dictionary of juridical terms (*Rus-bayeren iravabanakan ardzern bararan*). This dictionary, which was unique in its genre, has significantly contributed to the development of Armenian legal language.

4. *The Legacy of the Soviet Linguistic Reforms in Today's Armenia*

As several letters characteristic of Classical Armenian (and of Western Armenian) ceased to be used in Modern Eastern Armenian, and the gap between the two variants of Modern Armenian deepened, the break with tradition became more evident (Weitenberg 2006: 1900). This rupture with the past was undoubtedly in line with the Soviet mindset, which made the effacement of the Imperial heritage one of its priorities.

On April 17, 1993, an Armenian Language Law was passed. According to it, the official language is standard Armenian in its Modern Eastern Armenian variant. Therefore, since the early Nineties, the state has been pursuing a centralized Armenian language policy (Zakarian 1996; Dermergueryan 1997:26; Donabedian 1998) characterized by conservatism and a 'puristic' attitude toward the restoration of Armenian (Weitenberg 2006: 1900). As the Article 3 of the Armenian language law reads, "[i]n official conversation, citizens of the Republic of Armenia shall be obliged to ensure the purity of language"⁴².

Nowadays, 'purism' has become the arena where the battle for the Armenian language is fought. "Various efforts" explains Weitenberg, "have been made to abolish the spelling reforms. On the one hand, the reforms were simply identified with Communism and rejected on political grounds; on the other hand, it is recognized that the new orthography (which is not at all radical, but rather moderate and prudent) creates a barrier between Eastern and Western Armenian" (2006: 1900-1901). Although the process of separation

⁴¹ "[p]усский язык служит международным языком для нас всех. С его помощью мы общаемся со всеми соседними народами [...]. Русский язык нужен не только в пределах России, но и в пределах всего мира. Мы все не можем знать французский, немецкий, английский языки и посредством их знакомиться с мировой литературой. Русская литература дала объемистые переводы с европейских и неевропейских языков; посредством этих переводов мы можем знакомиться с шедеврами всех литератур".

⁴² <<http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1793&lang=eng>> (last accessed: 24.04.2017).

between Eastern and Western Armenian can be dated back to the Medieval Ages, the existence of two variants of Armenian orthography is widely perceived as a crucial factor dividing the homeland, Armenia, and its diasporas (Khachatrian 2002; Melkonjan 2006; Abrahamian 1998; Abrahamian 2006: 339-341). Such barrier parting the Armenian people thickened after the 1922 orthography reform. In this respect, Zakarian maintains that “the existence of two branches of Literary Armenian and the diversity of Armenian dialects are circumstances that compromise national unity” (1996: 359). According to Nalbandov, the arguably “whole new” language was created by “[Soviet language architects] [i]n order to separate Soviet Armenians from the ‘corrupting influence’ of the West” (2016: 264). Furthermore, Nalbandov blames the Soviets for the present situation: “the Armenian nation became divided along ideological lines when the land became Soviet” (*ibidem*).

In today’s Armenia the attitude towards Western and traditional orthography has become one of the key linguistic issues. This problem, however, is not exclusively a linguistic one, as Dum-Tragut holds: “Armenian [...] became the centre of attention not only of overzealous Armenian linguists, but also of historians and politicians” (2009: 5). On the fate of Modern Armenian there actually exist two positions⁴³, one supporting (i) the reinstatement of the Classical spelling in Armenia, the other favouring (ii) the adoption of the Eastern Armenian spelling system in the ‘external’ diaspora. A compromise between these two positions is “impossible and senseless” (Khachatrian 2002). In Khachatrian’s words, “it would mean creating a third orthography with additional problems. [...] [W]e must make a decision: either we all adopt the classical spelling system, or we all use the new one” (2002).

To Melkonjan (2006), the return to Mesropian orthography would mean the preservation of national values, a privilege that, so far, has been an exclusive of Western Armenians and the Church. In addition to this, Melkonjan agrees with Weitenberg (2006: 1900) in considering Western Armenian as an endangered language⁴⁴, due to the official status of the Modern Eastern Armenian. Hence, the disappearance of Western Armenian would mean a new genocide (Melkonjan 2006).

Khachatrian, who considers himself an advocate of the new orthography, uses a straightforward example to illustrate a hypothetical return to Mesropian orthography:

[1]et those who advocate classical orthography tell Italians: you break ties with your glorious Roman past, and in the name of restoration, adopt the Latin orthography. Or try to convince [...] the Russians to restore their old orthography, explaining to them that after the spelling reform in 1918 (also initiated by the Bolshevik government) they lost the spirit of their epics. [...] Your interlocutors will explain that the currently ap-

⁴³ It is beyond the scopes of the article to report all the positions of this debate. For further reading, cfr. Khachatrian 2002; Melkonjan 2006. On ethno-linguistic issues raised after the Soviet Union, see Tishkov 1997.

⁴⁴ “[T]he very existence of a Western Armenian literary language was denied” (Weitenberg 2006: 1900).

plicable orthography does not at all prevent them from being aware of their old culture [...] (Khachatrian 2002).

Today this situation, mostly generated by the 1922 orthography reform, remains open.

5. *The Legacy of the Soviet Linguistic Reforms and the Status of Russian in Armenia*

When Armenia gained its independence on September 21st 1991, processes of “de-russification” and “re-armenization” (Dum-Tragut 2009: 6) took place as a reaction against the ever-increasing importance of Russian in the Soviet age. As a consequence, the use of Russian language severely decreased, especially in the years following the collapse of the Soviet Union. All communication fields, particularly in the domains where Russian was more present during the Soviet period, such as administration, education, and military, witnessed a systematic elimination of Russian-influenced words. “In language corpora,” writes Pavlenko, “some Russian neologisms were replaced with alternative terms” (2008: 9). This is the case, for example, of the word ‘republic’, *respublika* during the Soviet times, which returned to be called *hanrapetut’yun*. This process, which can be labelled as ‘ethnic mobilization’ (“*мобилизация этничности*”, Guboglo 1998)⁴⁵, also entailed the reintroduction in Eastern Armenian of many archaic or obsolete Classical Armenian terms.

However, in latest years the situation has changed. In 2010 Russian language education was reintroduced in Armenia, and it is still the first foreign language taught in schools. In a recent meeting between the head of the Armenian Ministry of Education, Levon Mkrtchyan, the Special Representative of the Russian President for International Cultural Cooperation Michail Švydkoj, and the advisor of the Russian Embassy Oleg Šapovalov, Mkrtchyan discussed the difficulties in learning young Armenians are facing today. Among these, Mkrtchyan stressed the issues involving the knowledge of Russian language, as well as problems in finding professional literature in Armenia. Indeed, specific literature related to the field of medicine, technology etc. is not translated into Armenian. Therefore, students find it hard to get acquainted with the latest trends, especially in the scientific field. Support from the Russian part was granted, chiefly in the areas of Russian as a foreign language, joint programs and teacher training. Teacher training, in particular, is vital for the diffusion of Russian language in the former countries of the Soviet Union. To solve the issue of the status of Russian in Armenia, the first secretary of the Armenian Communist Party Tachat Sargisyan is encouraging a referendum, which would grant Russian the official status of second state language. In July, 2017 Vjačeslav Volodin, the speaker of Russia’s State Duma put forward this suggestion, which, at the moment, met firm opposition in Armenia.

The present day situation suggests a shift in the position of Russian language in Armenia. Indeed, from a deliberate removal of its traces, Russian is now growing in importance. To better understand the mechanisms that regulate the presence of Russian in today’s Armenia, it is hence crucial to assess the legacy of the Soviet language reforms.

⁴⁵ Cfr. also Kantemirov 2000.

6. Conclusions

Russian language had already played a pivotal role in the development of Armenian in the decades preceding the Soviet phase⁴⁶. Nonetheless, the 1922 reform of Armenian orthography, which was tightly linked in ideological⁴⁷ and linguistic terms to the 1917-1918 reform of Russian orthography, can be regarded as a crucial moment for Armenian language. Indeed, it acted as a catalyst in the development of the Armenian language, insofar as it put into effect some of the proposals of previous linguistic debates. Yet, in some respects, the 1922 reform was ephemeral, insofar as it did not introduce dramatic changes both into the alphabet and orthography. In addition to this, the 1940 reform partially restored the old rules. Considering the vast panorama of the linguistic reforms carried out on the whole territory of the Soviet Union, the Armenian case is undoubtedly among the less radical ones.

However, the 1922 reform also led to profound consequences, which continue to unsettle the Armenian *archipelago*. In this respect, the question of identity is central, and it can be paralleled to the feelings the Russian diaspora had about the 1917-1918 orthography reform. Sentiments of betrayal and unfaithfulness bond part of the Russian and Armenian society still today.

Moreover, the legacy of the 1922 reform affects the status of the Russian language in today's Armenia. Thus, an in-depth study of this page of linguistic history should be of interest also to linguists and historians of the Russian language.

Literature

- Abrahamian 1998: L.Hm. Abrahamian, *Mother Tongue: Linguistic Nationalism and the Cult of Translation in Postcommunist Armenia*, Berkley 1998.
- Abrahamian 2006: L.Hm. Abrahamian, *Armenian Identity in a Changing World*, Costa Mesa 2006.
- Abrahamyan 1973: S.G. Abrahamyan (ed.), *Hayots' lezvi zargats'umě Sovetakan shrjanum* [*The Development of Armenian in the Soviet Period*], Yerevan 1973.
- Ačarjan 1951: H. Ačarjan, *Istorija armjanskogo jazyka*, II, Yerevan 1951 (Qtd. in: S. Kazarjan, *O knige professora R. Ačarjana "Istorija armjanskogo jazyka"*, "Izvestija Akademii Nauk Armjanskoj SSR", XII, 1952, pp. 95-104.
- Alpatov 2001: V.M. Alpatov, *Un projet peu connu de latinisation de l'alphabet russe*, "Slavica Occitania", XII, 2001, pp. 13-28.
- Alpatov 2002: V.M. Alpatov, *Alphabet Reform: Cyrillic or Latin?*, "Central Asia and the Caucasus", II, 2002, 14, pp. 116-25.

⁴⁶ Cfr. Khachaturian 2009.

⁴⁷ On alphabets and ideology, cfr. Sebba 2006.

- Alpatov 2015: V.M. Alpatov, *A Latin Alphabet for the Russian Language*, in: V.S. Springfield Tomelleri, S. Kempgen (eds.), *Slavic Alphabets in Contact*, Bamberg 2015, pp. 1-12.
- Bitov 2002: A.G. Bitov, *Uroki Armenii*, in: *Imperija v četyrech izmerenijach*, Moskva 2002, pp. 421-498.
- Clackson 1995: J. Clackson, *The Linguistic Relationship Between Armenian and Greek*, Oxford 1995.
- Collins 1998: D. Collins, *The Tower of Babel Undone in a Soviet Pentecost: A Linguistic Myth of the First Five-Year Plan*, "Slavic and East European Journal", XLII, 1998, 3, pp. 423-443.
- Comrie 1981: B. Comrie, *The Languages of the Soviet Union*, Cambridge 1981.
- Comrie 1987: B. Comrie (ed.), *The World's Major Languages*, New York 1987.
- Dermerguerian 1997: R. Dermerguerian, *Espaces de fonctionnement des deux branches de l'arménien littéraire moderne*, in: J. Dum-Tragut (Hrsg.), *Die armenische Sprache in der europäischen Diaspora*, Graz 1997, pp. 19-34.
- Dietrich 2005: A.P. Dietrich, *Language Policy and the Status of Russian in the Soviet Union and the Successor States Outside the Russian Federation*, "Austrian Slavonic East European Studies", XIX, 2005, 1-2, pp. 1-27.
- Donabedian 1998: A. Donabedian, *La politique linguistique en Arménie: de l'Union Soviétique à la République indépendante*, in: S. Chaker (ed.), *Langues et pouvoir, de l'Afrique du Nord à l'extrême Orient*, Paris 1998, pp. 171-185.
- Dum-Tragut 2009: J. Dum-Tragut, *Armenian: Modern Eastern Armenian*, Amsterdam-Philadelphia 2009.
- Fortson 2010: B.W. Fortson, *IV. Armenian*, in: *Indo-European Language and Culture: An Introduction*, Chichester 2010, pp. 382-400.
- Frings 2012: A. Frings, *Cyrillization = Russification? Pitfalls in the Interpretation of Soviet Alphabet Policy*, in: Z. Gasimov (ed.), *Kampf um Wort und Schrift. Russifizierung in Osteuropa im 19.-20. Jahrhundert*, Göttingen 2012, pp. 123-140.
- Gamkrelidze, Ivanov 1984: T.V. Gamkrelidze, V.V. Ivanov, *Indoeuropejskij jazyk i indoeuropejcy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologičeskij analiz prajazyka i protokul'tury*, 1-II, Tbilisi 1984 (english version by J. Nichols: *Indo-European and the Indo-Europeans. A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and a Proto-Culture*, with a preface by R. Jakobson, Berlin 1995).
- Lewis 1972: E.G. Lewis, *Multilingualism in the Soviet Union. Aspects of Language Policy and its Implementation*, The Hague-Paris 1972.
- Grenoble 2003: L.A. Grenoble, *The Armenian SSR*, in: *Language policy in the Soviet Union*, Dordrecht-Boston-London 2003, pp. 122-123.
- Guboglo 1998: M.N. Guboglo, *Jazyki etničkoj mobilizacii*, Moskva 1998.

- Gyulbudaghyan 1973: S.V. Gyulbudaghyan, *Hayereni Ughghagrut'yan Patmut'yun* [History of the Armenian Orthography], Yerevan 1973.
- Hamp 1983: E.P. Hamp, *On the Helleno-Armenian Shared Lexicon*, "Annual of Armenian Linguistics", IV, 1983, pp. 63-64.
- Ishkanian 2008: A. Ishkanian, *Democracy Building and Civil Society in Post-Soviet Armenia*, London 2008.
- Jahukyan 1998: G. Jahukyan, "-akan", in: *Hin hayereni verjaccanc'neri cagumě* [The Origin of Old Armenian Suffixes], Yerevan 1998 pp. 5-48.
- Jakovlev 1930: N.F. Jakovlev, *Za latinizaciju russkogo alfavita*, "Kul'tura i pis'mennost' vostoka", VI, 1930, pp. 209-211.
- Kantemirov 2000: B.Z. Kantemirov, *Ėtničeskij faktor i vlastnye otnošenija v Rossii*, Moskva 2000.
- Khachatrian 2002: H. Khachatrian, *Orthography, State & Diaspora. A Political Analyst's View on Unified Spelling Problem*, Commentary at the Armenia-Diaspora Conference, 2002, <<http://www.groong.org/AD-conf/200205/ad-20020521.html>> (last accessed: 24.04.2017).
- Khachaturian 2009: L. Khachaturian, *Cultivating Nationhood in Imperial Russia: The Periodical Press and the Formation of a Modern Armenian Identity*, New Brunswick 2009.
- Khacherian 1999: L.G. Khacherian, *The History of Armenian Orthography (5th to 20th Century)*, Los Angeles 1999.
- Kirkwood 1990: M. Kirkwood (ed.), *Language Planning in the Soviet Union*, New York 1990.
- Leprêtre 2002: M. Leprêtre, *Language Policies in the Soviet Successor States: a Brief Assessment on Language, Linguistic Rights and National Identity*, "Papeles del Este", III, 2002, <<http://ccat.sas.upenn.edu/~haroldfs/540/handouts/ussr/lepretre/LEPRETRE.HTM>> (last accessed: 24.04.2017).
- Maksoudian 2006: F.K. Maksoudian, *The Origins of the Armenian Alphabet and Literature*, New York 2006.
- Malkasian 1996: M. Malkasian, *Gha-ra-bagh!: The Emergence of the National Democratic Movement in Armenia*, Detroit 1996.
- Martirosyan 2013: H. Martirosyan, *The Place of Armenian in the Indo-European Language Family: The Relationship with Greek and Indo-Iranian*, "Journal of Language Relationship / Voprosy jazykogo rodstva", X, 2013, pp. 85-137.
- Matossian 1962: M.A.K. Matossian, *The Impact of Soviet Policies in Armenia*, Leiden 1962.
- Meillet 1925: A. Meillet, *Remarques sur l'étymologie de quelques mots grecs*, "Bulletin de la société de linguistique de Paris", xxvi, 1925, pp. 1-22.

- Meillet 1936: A. Meillet, *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*, Wien 1936².
- Melkonjan 2006: A. Melkonjan, *Armjanskij jazyk kak sredstvo vyživanija*, "Aniv", IV, 2006, 7, <<http://www.aniv.ru/archive/33/armjanskij-jazyk-kak-sredstvo-vyživanija-ashot-melkonjan/>> (last accessed: 24.04.2017).
- Müller 1864: F. Müller, *Über den Ursprung der armenischen Schrift*, "Sitzungsberichte der Wiener Akademie des Wissenschaften", XLVI, 1864, pp. 431-439.
- Müller 1888-1890: F. Müller, *Zur Geschichte der armenischen Schrift*, "Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes", II, 1888, pp. 245-248; IV, 1890, pp. 284-288.
- Nalbandov 2016: R. Nalbandov, *Not by Bread Alone: Russian Foreign Policy Under Putin*, Lincoln 2016.
- Nersoyan 1985-1986: H. Nersoyan, *The Why and When of the Armenian Alphabet*, "Journal of the Society for Armenian Studies", II, 1985-1986, pp. 51-71.
- Nurmakov 1934: N. Nurmakov, *Latinizacija alfavita – orudie proletarskoj revoljucii*, in: Id. (ed.), *Alfavit Oktjabrja. Itogi vvedenija novogo alfavita sredi narodov RSFSR*, Moskva-Leningrad 1934, pp. 3-8.
- Ouzounian et al. 2000: N. Ouzounian, A.J. Hacikyan, G. Basmajian, E.S. Franchuk (eds.), *The Heritage of Armenian Literature*, Detroit 2000.
- Pavlenko 2008: A. Pavlenko, *Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory*, in: A. Pavlenko (ed.), *Multilingualism in Post-Soviet Countries*, Bristol 2008, pp. 1-40.
- Pedersen 1924: M.H. Pedersen, *Armenier Sprache*, in: M. Ebert (ed.), *Reallexikon der Vorgeschichte*, I, Berlin 1924, pp. 219-226.
- Sanjian 1996: A.K. Sanjian, *The Armenian Alphabet*, in: P.T. Daniels, W. Bright, *The World's Writing Systems*, Oxford 1996, pp. 356-363.
- Sarkisyan 1940: Ch.S. Sarkisyan, *O nekotorych voprosach armjanskij orfografii*, "Teghe-kagir SSRM GA Haykakan Filiali" ["Bulletin of the Armenian branch of the Academy of Sciences of the USSR"], IV-V, 1940, pp. 111-116.
- Sebba 2006: M. Sebba, *Ideology and alphabets in the former USSR*, "Language Problems & Language Planning", XXX, 2006, 2, pp. 99-125.
- Seibt, Preiser-Kapeller 2011: W. Seibt, J. Preiser-Kapeller (eds.), *Die Entstehung der kaukasischen Alphabete als kulturhistorisches Phänomen / The Creation of the Caucasian Alphabets as Phenomenon of Cultural History*, Vienna 2011.
- Smith 1998: M.G. Smith, *Language and Power in the Creation of the USSR, 1917-1953*, Berlin-New York 1998.
- Smith et al. 1998: G. Smith, V. Law, A. Wilson, A. Bohr, E. Allworth, *Nation-building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities*, Cambridge 1998.

- Solta 1960: G.R. Solta, *Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen: eine Untersuchung der indogermanischen Bestandteile des armenischen Wortschatzes*, Wien 1960.
- Suchotin 1932: A.M. Suchotin, *Spor ob unifikacii alfavitov*, "Revoljucija i piš'mennost'", I-II, 1932, II-12, pp. 95-103.
- Tishkov 1997: V. Tishkov, *Ethnicity Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame*, Oslo 1997.
- Tomelleri 2015: V.S. Tomelleri, *Bor'ba kirillicy i latinicy na Severnom Kavkaze*, in: A. Kaljuta (ed.), *Jazykovej kontakt. Sbornik naučnych statej*, Minsk 2015, pp. 159-170.
- Toulouze 2010: E. Toulouze, *Vasili Lytkin and the Latinisation of Komi*, in: E. Ostapova, M. Fedina, G. Punegova (ed.), *V.I. Lytkin: grani nasledija*, Syktyvkar 2010, pp. 9-12.
- Weinreich 1953: U. Weinreich, *The Russification of Soviet Minority Languages*, "Problems of Communism", II, 1953, 6, pp. 46-57.
- Weitenberg 1991: J.J.S. Weitenberg, *Reform Movements in Armenian*, in: C. Hagège, I. Fodor (eds.), *Language Reform. History and Future*, Hamburg 1991, pp. 393-408.
- Weitenberg 2006: J.J.S. Weitenberg, *Armenia/Armenien*, in: U. Ammon (ed.), *Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society*, Berlin-New York 2006, pp. 1900-1903.
- Zakarian 1996: H.L. Zakarian, *The Language Law of the Republic of Armenia and Problems of All-Armenian Language Policy*, in: D. Sakayan (ed.), *Proceedings of the Fifth International Conference on Armenian Linguistics*, Delmar (NY) 1996, pp. 355-360.
- Zekiyani 2004: L.B. Zekiyani, *I processi di cristianizzazione e di alfabetizzazione dell'Armenia in funzione di 'modelli'. Verso una teologia dell'etnia e della 'Chiesa etnica'*, in: R.F. Taft (ed.), *The Formation of a Millennial Tradition. 1700 Years of Armenian Christian Witness (301-2001). Scholary Symposium in Honor of the Visit to the Pontifical Oriental Institute, Rome, of His Holiness Karekin II, Supreme Patriarch and Catholicos of All Armenians, November 11, 2000*, Roma 2004, pp. 161-181.

Աս	Բբ	Գգ	Դդ	Եե	Զզ	Էէ	Ըը	Թթ	Ժժ
այբ	բեն	գիւ	դա	եչ	զա	է	ըթ	թն	ժե
a	b	g	d	e	z	ē	ë	t'	ž
[ɑ]	[b]	[g]	[d]	[ɛ/je]	[z]	[e]	[ə]	[tʰ]	[ʒ]
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Իի	Լլ	Խխ	Ծծ	Կկ	Հհ	Ձձ	Ղղ	Ճճ	Սս
ինի	լիւն	խե	ծա	կեն	հո	ձա	ղաւ	ճե	սեն
i	l	x	ç	k	h	j	ğ	ç	m
[i]	[l]	[x]	[ts]	[k]	[h]	[dz]	[ɣ]	[tʃ]	[m]
20	30	40	50	60	70	80	90	100	200
Յյ	Նն	Շշ	Ոո	Չչ	Պպ	Ջճ	Ռր	Սս	Վվ
հի	նու	շա	ո	չա	պե	ճե	րա	սե	վեւ
hi	now	ša	vo	ča	pe	je	ra	se	vev
y	n	š	o	č	p	j	r	s	v
[h/j]	[n]	[ʃ]	[vo/o]	[tʃʰ]	[p]	[ɟ]	[r]	[s]	[v]
300	400	500	600	700	800	900	1000	2000	3000
Տտ	Րր	Յյ	ՈՈ	Փփ	Էբ	Լ	Օօ	Ֆֆ	
տյուն	րե	յն	հիւն	փյուն	բե	լ	օ	ֆե	
tyown	re	c'o	hiwn	p'yowr	k'	jew	ò	fe	
t	r	c'	w	p'	k'	ew	ò	f	
[t]	[r]	[tsʰ]	[v]	[pʰ]	[kʰ]	[ev/jev]	[o]	[f]	
4000	5000	6000	7000	8000	9000	-	10000	20000	

Fig. 1
Modern Eastern Armenian

Աս	Բբ	Գգ	Դդ	Եե	Զզ	Էէ	Ըը	Թթ	Ժժ
այբ	բեց	գիւ	դա	եչ	զա	էհ	ըթ	թոհ	ժե
a	p	k	t	e	z	ē	ë	t'	ž
[ɑ]	[p ^h]	[k ^h]	[t ^h]	[ɛ/jɛ]	[z]	[ɛ]	[ə]	[t']	[ʒ]
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Իի	Լլ	Խխ	Ծծ	Կկ	Հհ	Ձձ	Ղղ	Ճճ	Մմ
իցի	լուցի	խե	ծա	կեց	հո	ձա	ղասո	ցե	մեց
i	l	x	ç	k	h	j	ğ	ç	m
[i]	[l]	[x]	[dz]	[g]	[h]	[ts]	[ɣ]	[ʒ]	[m]
20	30	40	50	60	70	80	90	100	200
Յյ	Նն	Շշ	Ոո	Չչ	Պպ	Ջճ	Ռռ	Սս	Վվ
հի	նու	շա	ո	չա	պե	ջե	ռա	սե	վեց
hi	now	ša	vo	ča	be	je	ra	se	vev
y	n	š	o	č	b	j	ı	s	v
[h/j]	[n]	[ʃ]	[o/vo]	[tʃ ^h]	[b]	[tʃ ^h]	[r]	[s]	[v]
300	400	500	600	700	800	900	1000	2000	3000
Տտ	Րր	Յյ	Իլ	Փփ	Զբ	Լ	Օօ	Ֆֆ	
տյուն	րե	ցո	իլուց	փյուր	բե	լ	օ	ֆե	
tyown	re	c'o	hiwn	p'yowr	k'	jew	ò	fe	
t	r	c'	w	p'	k'	ew	ò	f	
[d]	[r]	[ts ^h]	[v]	[p ^h]	[k ^h]	[ev/jev]	[o]	[f]	
4000	5000	6000	7000	8000	9000	-	10000	20000	

Fig. 2
Modern Western Armenian

Abstract

Irina Marchesini

Russian (1917-1918) and Armenian (1922) Orthographic Reforms. Assessing the Russian Influence on Modern Armenian Language

The Russian Orthographic Reform (1917-1918), which initiated the Armenian one (1922-1924, modified in 1940) has undoubtedly played a central role in the development of Modern Armenian. To support this thesis, the essay retraces the fundamental phases of the reform, focussing on the two decades from the early 1920s to 1940, i.e., the year when the second orthography reform was promulgated. The Armenian case is a very peculiar one amongst the constellation of the linguistic reforms decreed in the Soviet countries outside Russia. In fact, Armenian avoided both Cyrellisation and Latinization. Nonetheless, the effects of the 1922 orthography reform are still perceived as a heavy burden today. Ultimately, this essay aims at demonstrating that this issue should also be a concern for Russian Studies.

Keywords

Russian; Modern Armenian; Abeghyan; Orthography Reforms; Russian in the CIS.

Алексей Викторович Андронов
Елена Ильинична Симонато, Витторио С. Томеллери

Евгений Дмитриевич Поливанов,
Абхазский Аналитический Алфавит.

Издание текста с переводом на английский язык

0. *Предисловие*

В настоящей статье* вниманию читателей предлагается издание ранее не публиковавшейся (и не предназначавшейся для публикации) работы одного из крупнейших советских лингвистов, Евгения Дмитриевича Поливанова (1891-1938). В данном сочинении автор подробно и весьма убедительно излагает свои лингвистические возращения по поводу Абхазского Аналитического Алфавита академика Николая Яковлевича Марра (1864/65-1934), исходя из соображений как теоретического (фонетико-фонологического) так и практического характера.

Рукопись, хранящаяся в фонде Н.Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (фонд 800, опись 6, дело 395; Леонтьев 1968: 43) и давно ожидавшая публикации (см. Концевич 1991а: 291; 1991б: 593), воспроизводится здесь наборным изданием и снабжается английским переводом, а также примечаниями и библиографическими ссылками.

Публикацию русского текста предваряет вступительная статья издателей, состоящая из четырёх разделов. В первом разделе кратко представлены основные характеристики аналитической транскрипции Н.Я. Марра; второй касается лингвистической дискуссии, возникшей вокруг Абхазского Аналитического Алфавита после его введения в качестве официального алфавита; третий представляет собой комментарий к некоторым вопросам абхазской фонетики и транскрипции; в четвёртом сообщаются сведения текстологического характера и поясняются принципы передачи особенностей текста рукописи при публикации.

1. *О предмете спора*

1.1. Абхазский Аналитический Алфавит (далее – ААА) представляет собой результат эволюции своеобразной транскрипционной системы, первоначально приду-

* Работа является плодом научных усилий трёх авторов. Первый раздел предисловия написан В.С. Томеллери, авторство второго принадлежит Е.И. Симонато, третий и четвёртый подготовлены А.В. Андроновым в рамках научного проекта *Лингвистика утраченная и обретенная (уроки языкового строительства в СССР)* (грант Российского научного фонда № 16-18-02042). Перевод текста Поливанова на английский язык осуществила Грация Джаннетта (Мачерата). Весь текст согласовывался, дополнялся и перерабатывался в ходе совместного критического обсуждения.

манной Н.Я. Марром в конце позапрошлого столетия для графического изображения грузинского и армянского языков с помощью латинских (в основном), а также греческих, русских и арабских букв в сочетании с надбуквенными и подбуквенными знаками точки и угла (Марр 1899: xi-xii). Как известно, с течением времени научные интересы Марра бурно расширялись и подвергались существенным изменениям; соответственно развивался и использовавшийся в его работах аналитический алфавит, получивший название яфетидологической транскрипции и служивший для передачи звуков всех кавказских (яфетических) языков: яфетидологическая транскрипция применялась во многих кавказоведческих работах 30-40-х годов (Климов 1962: 15). При этом абхазский язык, один “из сложнейших по консонантизму языков Кавказа” (Ахвледиани 1940: 89), являлся надёжной точкой отсчёта “для разработки универсальной фонетической транскрипции” (Исаева 2011: 148), как сам изобретатель яфетидологической транскрипции неоднократно подчёркивал:

Если же мы однако первый опыт начинаем с абхазского письма, есть на то совершенно уважительное осно|вание, независимо от потребности и желания самих абхазов. Дело в том, что абхазский язык имеет почти восемь десятков (не менее 78) звуков. Алфавит, передающий все эти многочисленные фонемы, покрывает потребности громадного большинства даже яфетических языков Кавказа, так разнообразно богатых звуковым составом (Марр 1926а: 27-28).

Данная система, осложнённая дополнительными знаками (кружком и зубчиком), которые присоединялись к букве с правой стороны для обозначения лабиализации и палатализации, в конце концов превратилась в ААА¹, использованный Марром в абхазско-русском словаре (Марр 1926в) и, до этого, в работе по записи абхазских текстов (Марр 1918; см. также Hewitt, Khiba 2002: 48).

1.2. Аналитический способ письменной передачи фонем состоял в том, что простые звуки обозначались простыми знаками, а сложные – сложными. Следуя своему индивидуальному, не совсем прозрачному восприятию Марр сравнивал аналитическую транскрипцию с системой записи чисел цифрами, различающей позиционно единицы, десятки и сотни (Марр 1926а: 30-32; это сравнение неизменно цитируется в работах, посвящённых аналитической транскрипции, напр. Гранде 1936: 56; Matthews 1953: 67). Согласно математическому принципу, положенному в основу построения ААА, “пристроенный на простой букве каждый дополнительный знак имеет своё прямое назначение” (Марр, Мегрелидзе 1984: 19). “Звуки-десятки”, обозначающие аффрикаты, являются составными: первый их элемент составляют взрывные зубные (*t, d, ʒ*)² или заднеязычные (*k, g, q*), а второй – щелевые, разделяемые Марром на “сибилянты” (*s, z, ш, j*) и

¹ История возникновения и развития ААА прослеживается в статьях Tomelleri 2016a и Томеллери 2017; интересный лингвистический анализ марровского алфавита провёл Matthews 1953, философско-идеологическую интерпретацию ААА предлагает Sériot 2013.

² Сопоставительную таблицу символов ААА и МФА см. на с. 213-214.

“спиранты” (h, γ, ϵ, y) (Март 1926а: 41)³. Следовательно, если, например, грузинские взрывные и щелевые согласные дентального ряда σ [t^h] и υ [s] выражались простыми буквами ϑ и s , то дентальная аффриката ζ [ts^h], соответствующая им по месту образования ($= \vartheta + s$), обозначалась той же основной буквой, снабжённой надстрочной точкой: $\dot{\zeta}$ (подробное описание и критический разбор см. Чикобава 2010 [1926]: 165-167⁴; Ахвледиани 1926; 1937: 14-15; 1938: 176-178; 1949: 178-180 = 1999: 180-182):

	Единицы (взрывные)		Единицы (щелевые)	=	Десятки (аффрикаты)
Придыхательный	$\sigma \vartheta$ [t^h]	+	υs [s]	=	$\zeta \dot{\zeta}$ [ts^h]
Абруптивный	ϑt [$t^?$]	+	υs [s]	=	$\vartheta \dot{t}$ [$ts^?$]
Звонкий	ϱd [d]	+	φz [z]	=	$\delta \dot{d}$ [dz]
Придыхательный	$\sigma \vartheta$ [t^h]	+	$\vartheta \text{ш}$ [ʃ]	=	$\beta \vartheta$ [$t^h \text{ʃ}$]
Абруптивный	ϑt [$t^?$]	+	$\vartheta \text{ш}$ [ʃ]	=	$\beta \dot{t}$ [$t^? \text{ʃ}$]
Звонкий	ϱd [d]	+	ʃJ [ʒ]	=	$\text{ʒ} \dot{d}$ [$d\text{ʒ}$]

К “сотням” относятся имеющиеся в абхазском языке признаки лабиализации и палатализации. В аналитическом алфавите признак лабиализации “выражается кружком, который ставится на месте завершения рукописной буквы” (Юшманов 1937: 28), тогда как при палатализации к стержневому знаку прибавляется зубчик:

	Десятки (аффрикаты)	Сотни (лабиализация)	Сотни (палатализация)
Придыхательный	$\zeta \dot{\zeta}$ [ts^h]	$\dot{\zeta}^\circ$	$(\dot{\zeta})^\circ$ ⁵
Абруптивный	$\vartheta \dot{t}$ [$ts^?$]	\dot{t}°	$(\dot{t})^\circ$
Звонкий	$\delta \dot{d}$ [dz]	\dot{d}°	$(\dot{d})^\circ$
Придыхательный	$\beta \vartheta$ [$t^h \text{ʃ}$]	$\langle \vartheta^\circ \rangle$	ϑ° ⁶
Абруптивный	$\beta \dot{t}$ [$t^? \text{ʃ}$]	$\langle \dot{t}^\circ \rangle$	\dot{t}°
Звонкий	$\text{ʒ} \dot{d}$ [$d\text{ʒ}$]	$\langle \dot{d}^\circ \rangle$	\dot{d}°

³ Сибилянты далее Март делил на свистящие (s, z) и шипящие ($\text{ш}, \text{ʃ}$), а спиранты – на длительные (h, γ) и прерывные (ϵ, y) (Гранде 1936: 55).

⁴ Следует отметить, что фонетическая часть рецензии на древнегрузинскую грамматику Марра (Март 1925а) принадлежала Г. Ахвледиани (Чикобава 2010 [1926]: 164, прим. 1).

⁵ В круглых скобках даются фонемы, отсутствующие в литературном абхазском языке, основывающемся на абжуйском диалекте, но засвидетельствованные в более сложном бзыбском (подробнее см. Бгажба 1964: 30-33 и 43-52); в угловые скобки заключены обозначения теоретически возможных (но не представленных в абхазском) фонем.

⁶ Вместо таких комбинаций ($\dot{\zeta}^\circ, \dot{t}^\circ, \dot{d}^\circ$) при записи абхазских палатализованных шипящих аффрикат Март использует знаки без зубчика (поскольку соответствующие непалатализованные трактуются им как геминированные и получают поэтому особый отличительный знак – подстрочную чёрточку: $\underline{\zeta}, \underline{\vartheta}, \underline{d}$ (Март 1926а: 42-43); ср. несогласие Поливанова с употреблением подстрочной чёрточки – пункт 3 на границе листов 15-16).

Используемые в ААА точка и “угол”, по терминологии Марра (1926а: 33), распределены дополнительно: точка ставится при глухих согласных, угол – при звонких. Поскольку звонкость и глухость различаются уже использованием разных букв, дифференциация точки и угла не имеет смысла (ср. Matthews 1953: 68). Возможно, поэтому в рукописи Поливанова нередко вместо угла стоит точка (а в единственном случае употребления символа звонкой шипящей “мягкой” аффрикаты угол перевернут: ϱ вместо ϱ [л. 10], в черновой же версии таблицы вместо угла здесь точка: ϱ [л. 11]). Эти мелкие неточности, косвенно свидетельствующие о действительной сложности системы диакритических знаков ААА, в настоящей публикации не исправлялись.

1.3. Специально не занимаясь вопросами фонетики, Марр рассматривал фонему в аспекте глоттогенеза:

Но звуки речи, так называемые фонемы, это результат особой работы человека, коллективной работы над её производством; они получены в результате общественной работы, по всем видимостям, с коллективной или хоровой песней (Марр 1925б: 26 = 1933: 212)⁷.

Соответственно, и транскрипционная система Марра была призвана отражать не столько звучание, сколько тип фонем согласно представлениям яфетической теории о сильных и слабых звуках, причём такое наименование носило не физиологический, а “общественный” характер, так как “слабые действительно легче и скорее подвергаются изменениям и даже исчезновению, чем сильные” (Марр 1926а: 29); поэтому “аффрикаты” записаны теми же начертаниями букв, что простые взрывные согласные. Характерная для всех яфетических (кавказских) языков троичная система взрывных (глухой абруптивный, звонкий и глухой придыхательный⁸) охватывает все сильные простые согласные, которые изображаются “тремя независимыми друг от друга начертаниями, также простыми, т. е. не только без использования дополнительной буквы, но без всяких придаточных знаков” (Марр 1926а: 29): $p \rightarrow b \rightarrow \varphi$, $t \rightarrow d \rightarrow \vartheta$, $k \rightarrow g \rightarrow q$ ⁹. По мнению Марра, “аффрикаты” представляют собой остатки “более ранней

⁷ Ср. также его известное определение: “В языке не звук, а *фонема, отработанный человечеством членораздельный звук* <курсив мой – В.Т.>, сопровождаемый работой мозгового аппарата, раньше влиявшего в тех же целях на руку, звук, направляемый мышлением, как раньше направлялось им движение руки, жесты и мимика линейной речи” (Марр 1926г: 319 = 1936: 200; на немецком языке Магг 1926: 586; цитируется также в работе Марр 1929а: 51).

⁸ В терминологии Марра члены этих троек различаются “степенью озвончения”: глухой, звонкий и средней звонкости (Марр 1925а: 10-11; см. также Мещанинов 1931: 5).

⁹ Удивляет употребление латинской буквы q (вместо греческой буквы χ) для обозначения взрывного глухого придыхательного [k^h], тогда как при соответствующих звуках губного и переднеязычного рядов выступают греческие буквы φ и ϑ , см. также в тексте Поливанова

стадии развития языка; в языках более новых формаций они слабее представлены, так как часть из них успела уже исчезнуть из того или иного языка” (Гранде 1936: 53). Во всяком случае, если в дентальном ряду графическая передача аффрикат находит подтверждение в артикуляционно-фонетической реализации соответствующей фонемы, то заднеязычные и увулярные относить к аффрикатам фонетически никак нельзя¹⁰, что иллюстрирует следующая таблица¹¹:

	Единицы (взрывные)		Единицы (щелевые)		Десятки ("аффрикаты")
Придыхательный	ʃ q [k ^h]	+	h [x]	≠	q̇ [χ] – b
Абруптивный	ʒ k [kʔ]	+	h [x]	≠	k̇ [χʔ] – ɣ
Звонкий	ʒ g [g]	+	ɣ [ɣ]	≠	ġ [ɣ] – ɣ
Придыхательный	ʃ q [k ^h]	+	ɛ[χ]	≠	<q> [q ^h] – ʒ
Абруптивный	ʒ k [kʔ]	+	ɛ[χ]	≠	<k> []
Звонкий	ʒ g [g]	+	у [ɣ]	≠	<g> []

Ср. о том же в публикуемой рукописи Поливанова (IV раздел, лл. 16-17):

Наиболее существенным недостатком ААА (и Яфетидологической транскрипции вообще) является употребление надстрочной точки $\dot{\quad}$ в $k\dot{q}$ (– для глубоко-заднеязычных q^2x (МФА)). Ведь по трактовке Марра $\dot{\quad}$ над буквой (как напр. в $i\dot{\theta} = c^2c'$) означает определённый сорт *аффрикат* (– в ряду передне-язычных, – свистящие аффрикаты). || Но что же общего с аффрикатами в $k\dot{q}$ (ААА) = q^2x (МФА)? Очевидно, Марр совершенно упускает разницу между k и k' (ААА), т. е. между k^2 и q^2 (МФА) *по месту образования* (в первом случае – *не-глубокий*, во втором – *глубокий* заднеязычный ряд), заменяя её *метафизическим* (– для данного случая) понятием аффрикатности <курсив Поливанова>.

(раздел IV, пункт 1 на л. 13): “В первых двух рядах (губном и передне-язычном) взяты греческие буквы, а, следовательно, аналогия требовала бы и в третьем ряду (для k' (МФА)) взять греч. χ (‘хи’)”. Причиной выбора q , по словам африканиста Николая Владимировича Юшманова (1896-1946), была графическая форма греческого χ , “неудобного для насадки диакритических знаков” (Юшманов 1937: 24).

¹⁰ Юшманов (1937: 33) употребляет для обозначения марровских заднеязычных “аффрикат” удачный термин “аффрикатоиды”.

¹¹ Таблица основывается на работе Мещанинова (1931: 10); в угловые скобки заключены звуки, отсутствующие в абхазском языке. Пустые транскрипционные скобки обозначают неясность фонетического значения “аффрикатоида”. О трудности собственно фонетической интерпретации марровских аффрикат свидетельствует замечание Юшманова (1937: 33): “В самом деле, настоящий аффрикат мы получили бы только из $g + \gamma$, тогда как придыхательное q <МФА [k^h]> и эйктивное k <[kʔ]> нисколько не изменились бы в сложениях $q + h$ и $k + \epsilon$, так как придыхание h и гортанный взрыв ϵ друг друга уничтожают, а сложение $g + \gamma$ дало бы палатализованное (или даже палатальное) g ”.

По терминологическим и понятийным соображениям яфетидологическая транскрипция, претендующая на универсальный характер, не могла в действительности считаться надёжной фонетической транскрипцией:

<...> яфетидологическая транскрипция, несмотря на то, что в основе её и лежат известные теоретические положения, не является фонетической транскрипционной системой (дело в том, что выбор известных обозначений продиктован не физиологическим составом данных звуков, а этимологическими соображениями о происхождении их; фонетическим *pensens'*ом является и распространение понятия “аффрикат” на заднеязычные спиранты и смычные, а с ним и появления знаков вроде *ḳ q̣ ḳ q̣ ğ̣* – в параллель к *i ğ̣ ṭ ğ̣ ḍ* (тогда как на самом деле подлинные заднеязычные аффрикаты представлены в меньшинстве кавказских языков, и в таких системах, как грузинская, абхазская или чеченская совершенно отсутствуют)) (Поливанов 1928: 177)¹².

1.4. В рамках языкового строительства ААА был введён в качестве практического алфавита для абхазского языка в 1926 году¹³, но смелый эксперимент “вследствие практических неудобств (многобуквенность, чрезвычайная сложность графического начертания букв)” (Бгажба 1967: 58)¹⁴ провалился; в результате, два года спустя он был заменён другой системой, также основанной на латинском письме. До и после кратковременного периода использования ААА в качестве официального алфавита велись научные дискуссии о его недостатках и, прежде всего, о его применимости к решению практических задач. В спорах принимали участие видные языковеды того

¹² О непоследовательности ААА см. также Matthews (1950: 22 и 1953: 68). В этом отношении любопытны слова Н.В. Юшманова, защищавшего терминологическую неувязку: “В аналитическом алфавите звуки, которые по способу Международной фонетической ассоциации можно обозначить [χ', в, χ] и [q', г, q'], трактуются как аффрикаты, причём первый ряд называется ‘длительными аффрикатами’, а второй ряд ‘прерывистыми аффрикатами’; в этих названиях уже есть указание на современное произношение первого ряда без предыдущей смычки, а потому длительное, и второго ряда – без последующего щельного, а потому мгновенное или прерывистое. Но ведь ‘аффрикат’ с эпитетом ‘длительный’ или ‘прерывистый’ является противоречием? Да, но такими противоречиями полна вся фонетика” (Юшманов 1937: 32).

¹³ Обычно считается, что он официально использовался в Абхазии с 1926 по 1928 год (Бгажба 1967: 58), но Николай Феофанович Яковлев (1892-1974) даёт несколько иную датировку: “абхазский аналитический алфавит, будучи принят в Абхазии в 1924 году и практически введён в школы и печать в 1925 году, уже через два года вызвал сильнейший протест учителя и был заменён существующим сейчас новым унифицированным алфавитом” (Яковлев 1931: 49; см. также Марр 1926а: 14).

¹⁴ Ср. также Яковлев (1931: 48): “Благодаря обилию одинаковых стержневых букв ААА чрезвычайно трудно запоминается. Такие знаки как *t, i, d, ḍ, k, ḳ* и т. д. постоянно путаются у обучающегося грамоте. Отсюда повышенные рецидивы неграмотности, полное забвение выученного алфавита школьниками во время каникул”.

времени, в частности, Н.Ф. Яковлев (1931; об этом см. также Simonato 2005 и Tomelleri 2016a: 141-142) и главный герой настоящего издания. Интересно отметить, что чуть раньше Поливанов выступал с более нейтрально-сдержанной статьёй, в которой он попытался объяснить неосведомлённому читателю фонетическое значение аналитической транскрипции по отношению к грузинскому консонантизму:

Одной из причин недоверия и не общепринятости гениальных изысканий акад. Н.Я. Марра являются его своеобразные транскрипция и фонетическая терминология (наименования согласных в роде “сибилянтов”, “спирантов”, “аффрикат” – не совсем в том значении, в каком эти термины приняты на Западе, и т. п.). Потому в качестве предварительного сообщения, предшествующего подготовленному мною “Очерку грузинской фонетики”, я счёл бы полезным дать краткую классификацию грузинских согласных фонем, обозначив их символами международного фонетического алфавита и общепринятыми терминами – в соответствии транскрипции Н.Я. Марра (Поливанов 1925: 113).

Как явствует из приведённой цитаты, статья открывается осторожными словами (или просто “программным” абзацем со славословием в адрес Марра?); дальше идёт фонологическое описание грузинских согласных, а символы яфетидологической транскрипции просто сообщаются рядом¹⁵.

2. О научном и идеологическом контексте статьи Е.Д. Поливанова

2.1. В данном разделе предпринимается попытка ответить на вопросы о том, почему Поливанов, не будучи кавказоведом, обратился в Академию абхазского языка и литературы с критикой марровского проекта абхазского алфавита, и какова была альтернатива этому проекту. При этом мы не будем останавливаться на изложении взаимоотношений между двумя учёными, что уже было подробно описано ранее (Alpatov 2013: 9; Polivanov 2014: 18-22).

Публикуемая рукопись была направлена Поливановым в Комиссариат народного просвещения Абхазской ССР в ноябре 1927 года, как указано в сопроводительной записке (л. 1; ср. также входящий № 3596 от 5 декабря 1927 года, по-видимому, относящийся к делопроизводству Комиссариата; в верхнем левом углу читается карандашная резолюция “В Академию абхазского языка и литературы”¹⁶). В этой же записке Поливанов отмечает, что рукопись излагает содержание сделанного им в Москве доклада. Таким образом, имеется в виду доклад, предшествовавший упоминаемому во многих

¹⁵ В конце автор даёт “историко-фонетическую” характеристику двум щелевым звукам, обозначаемым Марром буквами *q̣* и *g̣* (см. об этом Иванов 1957: 61; подробнее об этой статье см. Tomelleri 2016b).

¹⁶ Об истории Академии см. Бгажба 1961 (а также Бгажба 1958, где отмечается, в частности: “В составе этого учреждения не было квалифицированных научных кадров, исключая, конечно, его организатора и почётного председателя Н.Я. Марра”).

источниках докладу Поливанова “Абхазский аналитический алфавит”, который был прочитан 9 марта 1928 года в заседании секции языка и литературы в рамках коллективной темы *Вопросы прикладной лингвистики* Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) (Архив РАН, фонд 677 (фонд Института), оп. 1, д. 33, л. 144)¹⁷. Письмо Поливанова написано в ноябре 1927 года. Время это небезынтесное в хронологии “языкового строительства”, так как 1926 год – это год проведения Тюркологического съезда (26 февраля – 5 марта), на котором обсуждались принципы так называемого “алфавитного строительства”. Именно этому съезду Марр и посвятил свой проект ААА (ПВ26: 180). Обращение Поливанова в Наркомат просвещения имело целью изложить свою точку зрения на проект Марра, указать на его недостатки научной и педагогической общественности¹⁸. В сопроводительной записке Поливанов поясняет:

Предлагаемая рукопись моего доклада об Абхазском алфавите *не предназначена для печати* <здесь и далее в цитатах курсив мой – Е.С.>. С другой стороны, она не рассчитана и на популярное изложение; поэтому я прошу смотреть на неё просто как на изложение моего мнения об ААА – в той форме, которая представилась мне возможной для мотивировки моих положений (л. 1).

Одна из причин обращения Поливанова, к разбору ААА, безусловно, связана с сугубо научным характером последнего:

Исключительное положение этой графической системы именно и состоит в том, что здесь автором алфавита является *крупнейший учёный*, исходивший в выборе знаков из своей научной транскрипционной системы – “яфетидологической транскрипции” (л. 2).

¹⁷ См. также ф. 677, оп. 3, д. 78 (личное дело Е.Д. Поливанова), л. 23 (НИ30: 243; Чобан-Заде 1928: 30 и др.). Некоторая путаница в отношении времени докладов Поливанова наблюдается у Л.Р. Концевича: ср. “в РАНИОН’е зимой 1927-1928 гг. и на секции языка и литературы Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока (Иннарвос) 9 марта 1928 г.” (Концевич 1991б: 615) и “на секции языка и литературы Иннарвоса 9 марта 1928 года, и затем в РАНИОН” (Концевич 1991б: 584). В указанных нами выше архивных и опубликованных материалах, на которые опирается Концевич (вместо ф. 677 на с. 615 у него ошибочно напечатано 667), точно сообщается лишь дата доклада 9 марта 1928 г. (ей не противоречит и менее точная датировка 1927-1928 академическим годом). Поскольку Институт народов Востока входил в состав РАНИОН, речь в названных документах может идти именно об одном и том же докладе.

¹⁸ Должный “ход” статье Поливанова, однако, дан не был. Примечательно, что текст сохранился в фонде Марра (в Государственной академии истории материальной культуры), а не в Комиссариате народного просвещения Абхазии, куда был направлен.

Немаловажное значение в дискуссии вокруг абхазского алфавита имеют именно расхождения между Марром и Поливановым в вопросе о понятии ‘фонемы’, а также самих основах системы практической транскрипции, на которые обращали внимание различные исследователи (Simonato 2005; Томеллери 2017 и др.). В этой связи в рукописи упомянут проект якутского алфавита, разработанный в 1917 году, до и независимо от Октябрьской революции¹⁹, якутским политиком и лингвистом Семёном Андреевичем Новгородовым (1892-1924; о проекте якутского алфавита см. Smith 1993: 173-174). Эта новая система письма для якутского языка на латинской основе ориентировалась на Международный фонетический алфавит с некоторыми дополнениями (Коркина, Дмитриев 1977: 8; Коркина, Макаров 1991: 8). Над своим алфавитом Новгородов работал, являясь студентом Петроградского университета, где в это время преподавал Поливанов, проявлявший к проекту молодого исследователя большой интерес и участие (Поливанов 1931: 98; Иванов 1957: 63; Ларцев 1988: 59-60).

2.2. Второй причиной выступления Поливанова с анализом абхазского алфавита, предложенного Марром, является тот факт, что

абхазский графический вопрос может заслуживать особенного внимания уже благодаря исключительному фонетическому богатству абхазского языка (с которым в этом отношении не может сравниться ни один из других языков), – что делает задачу составления абхазского алфавита не в пример другим (даже другим кавказским) письменностям – весьма *сложной и трудной* (л. 4-5).

Абхазский язык обращал на себя внимание не только Поливанова. Можно предположить, что разногласия между учёными в вопросе абхазского алфавита обусловлены отчасти и тем, что к середине 1920-х гг. абхазский язык был изучен недостаточно. Абхазский является во многих отношениях языком уникальным. Его изучение важно для разработки истории и теории языковых союзов, кавказских древностей, истории письменности, фонологии, эпиграфики, для выявления специфики убыхского языка, для уточнения генеалогической и типологической классификации языков, раскрытия смешанного характера контактирующих языков. Абхазский привлекал исследователей различного плана – кроме Марра, Поливанова, Яковлева, это Андрей Михайлович Шёгрэн (1794-1855), Иван Иванович Мещанинов (1883-1967), Анатолий Несторович Генко (1896-1941), Георгий Фёдорович Турчанинов (1902-1989) и др. Многие теоретические принципы лингвистического описания впервые были разработаны и апробированы именно на материале абхазского языка. Учёных привлекала чрезвычайная фонетическая сложность абхазского языка. Уже Пётр Карлович Услар (1816-1875) писал:

¹⁹ Первый якутский букварь – при участии Новгородова – был напечатан уже в конце 1917 года (Ионов 1917).

Не только европейцы, но даже кавказские туземцы считают абхазское произношение наитруднейшим и наименее доступным для не-абхаца. Странное впечатление производит этот язык на того, кто слышит его впервые! Многими замечено было, что английский выговор походит на щебетание птиц; об абхазском можно сказать, что он напоминает жужжание насекомых. Основа абхазского произношения состоит из сплетения самых разнообразных звуков шипящих, дрожащих, свистящих, жужжащих, но разнородность их ускользает от непривычного слуха. Чтобы распутать это *шаривари* звуков, нет другого средства, как положиться на слух самих туземцев, которые всегда безошибочно укажут на звуки тождественные и на звуки раз||нородные. На таковом лишь начале удалось составить абхазскую азбуку (Услар 1887: 5-6).

Н.С. Трубецкой называл абхазский “наитруднейшим и наименее гармоничным из кавказских языков”: “Au point de vue phonétique c’est bien la langue la plus difficile et la moins harmonieuse de tout le Caucase” (Troubetzkoу 1924: 336-337)²⁰.

В 1920-е гг. изучение абхазского языка ведётся сразу в нескольких вузах и научно-исследовательских институтах России. В Петрограде его преподают в университете. В Сухуми по инициативе Марра в 1925 году образована уже упоминавшаяся Академия абхазского языка и литературы (Габуниа 2011: 189), возглавляемая Марром и его учениками-абхазами А. К. Хашбой²¹ и В. И. Кукбой²². В 1921-1922-х гг. экспедиции на Северный Кавказ организуются также Институтом яфетидологических разысканий (ОЗ26). В 1920 же году к исследованию абхазского языка обращается и Яковлев, решивший, как он запишет в автобиографии, “переменить специальность и заняться языками и этнографией народов Северного Кавказа, изучением которых русская наука к этому времени почти перестала заниматься” (Алпатов 2012: 38).

Поливанов в этих экспедициях участия не принимает. Подтверждением этого факта является выступление Льва Ивановича Жиркова (1885-1963) в 1928 году на Третьем Пленуме Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита (ВЦКНТА), где он ставит в вину Учёному совету то обстоятельство, что по абхазскому алфавиту не было запрошено мнение специалистов, и что “была использована

²⁰ Трубецкой является автором отзывов о трудах Яковлева, публиковавшихся в 1925 г. (Troubetzkoу 1925). Он высоко ценил достижения Яковлева по кавказским языкам (Troubetzkoу 1925: 286; Troubetzkoу 1939: passim; Dumézil 1934: 32. О полемике между Дюмезилем и Трубецким см. Египон 1992: 314-321).

²¹ Арсен Константинович Хашба (1900-1938), аспирант Яфетического института, собиратель диалектных материалов по абазинскому и кабардинскому языкам. Член “Абхазского комитета нового латинизированного алфавита”, в 1938 году был репрессирован по ложному обвинению, связанному “с переводом абх. алфавита на груз. графическую основу” (Хеция 2015: 692).

²² Виктор Иосифович Кукба (1904-1944), аспирант Яфетического института, специалист по северозападнокавказским языкам, был репрессирован в 1938 году, умер в заключении несколько лет спустя (Саманба 2015: 436).

только опытность Поливанова, но в этой области имеются труды и других специалистов, которых обойти нельзя, например, профессора Яковлева” (СО3: 12)²³. Яковлев также в своём выступлении на данном пленуме сожалеет о том, что

Запрос был послан проф. Поливанову, который является специалистом по дальневосточным и узбекским языкам и почему-то его сделали специалистом и по абхазскому, и почему-то не потрудились узнать, кто сейчас из учёных РСФСР является специалистом по этому вопросу (СО3: 126-127).

В стенограмме есть и ответ Поливанова:

Здесь сказали, что мне было поручено сделать два проекта алфавитов – дунганский и абхазский, но я заявляю, что я лично не брал такой задачи, потому что сидя в Москве и имея сношения только с двумя абхазцами, не представляется возможным сделать хороший алфавит, потому что нужно учитывать и настроение масс и все те спорные вопросы нововводимых начертаний, которые возникают в местной учительской, главным образом, среде.

Всё это можно решить только зная настроение местных школьных работников²⁴, поэтому я ограничился лишь очень пространными записками, но со скромным назначением, с задачей выяснения принципов, на основании которых можно создать данный алфавит. Составить же проект алфавита от “а” до “я”, послать его на места с рекомендацией Научного Совета с тем, чтобы на следующий же день жизнь опрокинула этот вдали от масс составленный проект – на это я никогда не решался (СО3: 133).

2.3. Для понимания критических высказываний Поливанова, содержащихся в публикуемой работе, обратимся к анализу ситуации, сложившейся вокруг ААА к концу 1927 года. На момент выступлений Поливанова на Первом съезде ВЦКНТА в июне того же года (СО1: 149-151) и направления им своей рукописи в Комиссариат просвещения Абхазии в ноябре к ААА сформировалось двойственное отношение. Причиной этого явилось столкновение двух проектов – ААА Марра и основанного на так называемом “унифицированном алфавите”²⁵ проекта, предложенного ВЦКНТА и поддержанного Поливановым.

²³ Поливанов в письме упоминает “другие <свои> работы по вопросу абхазской письменности” (л. 1), о которых, тем не менее, на сегодняшний день ничего неизвестно, за исключением “Фонетической характеристики абхазского языка”, на которую он ссылается в своём “Введении в языковедение для востоковедных вузов” (Поливанов 1928: III, 163).

²⁴ Это была принципиальная позиция Поливанова, подчёркнутая им и в предисловии к публикуемой рукописи (л. 2).

²⁵ “Новый алфавит” (НА) для 57 народов Советского Союза, разработанный на основе нового тюркского алфавита (НТА), состоял из 33 букв, к которым для каждого конкретного языка добавлялись так называемые “дополнительные буквы”, и насчитывал в общей сумме 105 букв (Яковлев 1936: 29; см. также Simonato-Kokochkina 2010).

Поливанов неслучайно адресовал письмо именно в Сухумскую Академию. Это было сделано несомненно с учётом того высокого авторитета, которым пользовался Марр среди абхазской интеллигенции в 1920-е гг. (Яковлев 1932: 3; см. также Томеллери 2017: 280). Как известно, Марр лично присутствовал на заседаниях комиссии Наркомпроса Абхазии по выработке и уточнению представленного им проекта. Д. И. Гулиа²⁶ приводит интереснейшие факты из истории внедрения алфавита с 1924 по 1927 год. Так, о факте принятия алфавита Марра в 1924 году он сообщает следующее:

Приняли алфавит Марра. Комиссар просвещения Чочуа²⁷ также писал Марру: “Не внедряется Ваш алфавит, затрудняются писать и читать, трудный он и для практического применения, в нём много дополнительных знаков над и под буквами”. Марр отвечал: “Упростите начертание букв так, чтобы не нарушить аналитический принцип” (Мегрелидзе 1985: 14).

Уже в июле 1925 года Чочуа пишет о сложностях восприятия алфавита:

Присланный Вами алфавит произвёл на нас всех невыгодное впечатление своей сложностью, трудностью начертаний букв и многобуквенностью.

1. Печатный алфавит на отдельном листе многочисленен, сложен, труден для письма и производит нерасполагающее впечатление
2. Рукописный же текст довольно красив, приятен для глаза
3. В рукописном тексте почему-то отсутствуют многие буквы из печатного алфавита
4. Начертание одних и тех же букв производится различно, так что трудно установить точное начертание их (Переписка А. Чочуа с Марром, письмо от 29 июля 1925 г. Цит. по Мегрелидзе 1985: 37-38; см. также Габуния 2011: 194).

Чочуа также в учтивой форме просит Марра внести изменения в алфавит:

Обсудив детально этот вопрос, члены Академии признали возможным изменение порядка алфавита и упрощение начертания букв, если это не нарушит *Вашей научной системы*. На *Ваше одобрение* представляю алфавит группы членов Академии. Больше не будем беспокоить Вас, Николай Яковлевич, относительно нового алфавита (Мегрелидзе 1985: 40).

²⁶ Дмитрий Иосифович Гулиа (1874-1960) был приглашён в Совнарком Абхазии для работы по проведению в жизнь проекта абхазского алфавита как одного из языков Республики. В частности, Гулиа создавал терминологическую комиссию при Абцике (подробно см. у Мегрелидзе 1985: 14, Бигуаа 2015а).

²⁷ Андрей Максимович Чочуа (1879-1965) занимал должности заместителя, а затем наркома просвещения Абхазии (1925-1931), и в разное время – руководителя вузов и научно-исследовательских институтов (Куправа 2015).

В письме от 15 мая 1927 года упоминается о существующих мнениях о новом аналитическом алфавите, в частности, о мнении М.А. Хашбы²⁸, цитируемом Чочуа:

Никого не удивлю я, если наш новый алфавит по его сложности и по его огромности назову китайским алфавитом. И для того, чтобы овладеть им ученику-абхазцу, сперва нужно быть художником – это также не удивит Вас, ибо об этом самом говорите и Вы тоже не так редко. Теперь, когда все подобные отстающие нации взялись за упрощение и развитие своего языка и своей письменности, мы, абхазцы, ради практического осуществления яфетической теории, наоборот, усложняем свой алфавит, делаем *технически недоступным* широкой массе трудящихся абхазцев (Мегрелидзе 1985: 49).

Лишь в январе 1927 года Чочуа, наконец, уведомляет Марра о неприятии его алфавита со стороны интеллигенции:

Время от времени появляются *статейки* в нашей абхазской газете о сложности и некоторой *непрактичности нового шрифта*, но *Ваш авторитет* и окончательное наше решение о введении нового шрифта заставляют молчать авторов этих статей. До получения нового шрифта и достаточного усвоения широкой массой – вопрос о новом шрифте не будет ставиться нигде (Мегрелидзе 1987: 46).

В письме к Марру от 25 апреля того же года Чочуа ставит его в известность о предстоящем визите в Академию для чтения курса лекций по грамматике абхазского языка Яковлева, “который произвёл на всех... серьёзное впечатление” (Мегрелидзе 1987: 48)²⁹. Несмотря на своё критическое отношение к алфавиту Марра, члены Академии просят самого же Марра уговорить Яковлева поддержать этот проект (заметьте, что Яковлев вступит в дискуссию лишь в 1931 году со статьёй “„Аналитический“ или „новый“ алфавит”):

Просил бы Вас, если вы одобрите приглашение проф. Яковлева, то способствовать его командировке (...). *Но с непременным условием*, чтобы новый наш алфавит в Вашей транскрипции был бы им одобрен, в противном случае между курсантами будут и могут возникать относительно нового шрифта разного рода толки (Мегрелидзе 1985: 48).

²⁸ Мушни Лаврентьевич Хашба (1903-1992), абхазский писатель и общественный деятель (Авидзба 2015), в 1937 году в своей докладной записке на имя Абхазского Обкома КП(б) Грузии выступал против перехода на новый абхазский алфавит на грузинской основе (Справка о контрреволюционно-националистическом движении в Абхазии см. <<http://doc2ovek.ru/node/1502>>).

²⁹ Как можно установить, Яковлев посещал Абхазию в начале 1927 года. Сведения об этой командировке мы находим в переписке Гулии с Марром, см. письмо Гулии от 10 января 1927 года: “В настоящее время у нас в Абхазии гостит профессор Н.Ф. Яковлев, который думает серьёзно заняться изучением абхазского языка” (Мегрелидзе 1985: 45).

Сам Яковлев пишет Р.О. Шор из Абхазии 14 сентября 1927 года:

В Абхазии я прочёл курс грамматики и абхазские учителя поднесли мне адрес, в котором, меж. проч., просят меня переговорить с Ник. Яковл. <Марром> *об упрощении его абхазского алфавита*. Вот так поручение!?! (Архив Российской академии наук, ф. 677, оп. 3, д. 107, л. 114 об.).

Наконец, о таком же парадоксе упоминает и другой кавказовед, А.Н. Генко, работавший в Абхазии в июне-июле 1928 г. и участвовавший в реформе абхазского алфавита, курируемой Абхазской академией языка и литературы, автор статьи “Абхазский вокализм” (Генко 1928) и абхазско-русского словаря, вышедшего посмертно (Генко 1998). В письме Ф.А. Розенбергу³⁰ от 19 июня 1928 г. Генко упоминает о том, что, приехав в Сухуми, он попал “в крайне двусмысленное положение”:

именно абхазские деятели просвещения атаковали меня по части реформы абхазского шрифта, предложенного Ник. Як-чем. Не имея никакой возможности, без ущерба для своего намеченного предприятия, совсем уклониться от этого дела, я должен был давать им разные советы, которые клонились к изменению системы Н.Я. Опасаюсь взрыва ярости по своему адресу, но делать абсолютно нечего (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 850, оп. 3, д. 34, л. 4, цит. по: Волкова, Сергеева 1999: 107).

Первые детали о критике ААА становятся известными, начиная с 1928 года³¹. Чочуа приглашает Марра приехать и рассмотреть возможные упрощения: “Конечно, это ни в коем случае не повлияет на проведение в жизнь нового алфавита”, – заверяет он Марра. В письме от 5 апреля 1928 года находим и первое упоминание о критике, поступившей со стороны Поливанова:

проф. Поливанов написал целую критику по поводу нового абхазского алфавита, но своего не дал. Профессор Яковлев тоже. В Туркестане на Тюркологическом съезде, в январе текущего года³², где были Поливанов и Яковлев, представитель Абхазии – К. Дзидзария по настоянию, очевидно, этих профессоров, выступил с

³⁰ Фёдор (Фридрих) Александрович Розенберг (1867-1934), иранист-востоковед, член-корреспондент Академии наук СССР (Оранский 1972: 316), дружил с Марром и некоторое время увлекался его яфетической теорией (см. работы Розенберг 1923, 1927), затем отошёл от Нового учения о языке (Каганович 2011: 451-452). (В статье Волковой и Сергеевой [1999] перепутаны инициалы: “А.Ф. Розенберг”.)

³¹ В своём отчёте по весенней (14 апреля-3 мая 1928 г.) командировке в Абхазию Марр (1928: 546-548 = 1938: 389-391) упоминает возражения критиков, воспринимаемые им как “кампания против вообще яфетической теории, и, в частности, против яфетидологической транскрипции” (с. 546 = 389).

³² Очевидно, речь идёт всё-таки о Втором пленуме ВЦКНТА (см. СО2).

критикой нового алфавита. На съезде с резкой критикой абхазского алфавита выступил председатель ЦИК Азербайджана т. Агамалы-оглы (Мегрелидзе 1985: 51).

2.4. В 1928 году принят новый проект абхазского алфавита на основе НА, разработанный ВЦКНТА, исправленный С.Я. Чанбой³³, А.К. Хашбой и Яковлевым и одобренный Поливановым³⁴:

Следующий вопрос, которым мы занимались – это была разработка абхазского алфавита. Абхазский алфавит по своим звукам является более сложным, чем языки Дагестана, о которых я только что говорил. В Абхазии, как известно Пленуму, существовал аналитический алфавит ак. Н. Я. Марра. Этот алфавит имеет приблизительно 70 звуков и даже больше, но он был объявлен негодным для практических – школьных и государственных целей. Мы же разработали практический школьный алфавит и он отвечает всем требованиям. Проф. Поливанов также пришёл к тому заключению, что этот алфавит может быть принят, хотя проф. Поливанов намечал создание другого проекта абхазского алфавита. Этот проект мы переслали на заключение в Комитет Абхазии. Окончательная же проработка абхазского алфавита была произведена местными работниками, в особенности т.т. Чанба и Хашба. Они у себя, с помощью культурного актива, с помощью научных работников, составили проект, который с графической стороны отвечает всем требованиям и является наиболее простейшим из проектов, которые были до сих пор. Таким образом, этот проект был нами одобрен (СОЗ: 110, из речи Б. Чобан-Заде).

На Третьем пленуме ВЦКНТА в 1928 году Умар Джасуевич Алиев докладывает о состоявшейся в Нальчике Черкесско-адыгейской конференции с участием представителей от абхазцев (СОЗ: 148). В Научном совете ВЦКНТА присутствуют Чобан-Заде, Яковлев, Жирков, Поливанов, Поппе, Юшманов, Юдахин и Самойлович, которые одобряют принятое на ней решение. Важно отметить, что новый проект абхазского алфавита разработан на основе так называемого “унифицированного алфавита” (НТА, впоследствии НА). Уже на Втором пленуме ВЦКНТА было решено разработать “единый горский алфавит” на основе НТА (Яковлев 1930: 49), а также

³³ Самсон Яковлевич Чанба (1886-1937), абхазский писатель, драматург, и видный культурный и общественный деятель, принимал участие в разработке нового алфавита, был репрессирован в 1937 году (Бигуаа 2015б).

³⁴ Сведения по поводу авторства данного проекта абхазского алфавита и роли Поливанова в его создании расходятся. Так, Чобан-Заде в своём докладе на Третьем пленуме указывает, что Поливанов намечал создание другого алфавита, но данный проект одобрил (СОЗ: 148), Габуния и Гусман Тирадо, напротив, называют Поливанова автором данного проекта (Габуния, Гусман Тирадо 2007: 14). Согласно ещё одному мнению, латинизированный абхазский алфавит был составлен Н.Ф. Яковлевым в 1928 году по поручению Наркомпроса Абхазии (Бгажба 1967: 58-59). Сам Поливанов на Третьем пленуме ВЦКНТА в Казани в декабре 1928 г. упоминает о том, что давал рекомендации теоретического характера (СОЗ: 133 – см. выше, с. 201).

говорилось о целесообразности унификации близкородственных языков по группам, адыгейского с черкесским и с абхазским³⁵. Позднее количество букв в этом проекте абхазского алфавита будет сокращено с 51 до 38 (Яковлев 1936: 29).

Как в 1931 году напишет Яковлев, ААА “давно сдан в архив истории в Абхазии” (Яковлев 1931: 43). К этому времени уже состоялась печально известная “Поливановская дискуссия”, и Поливанов де факто был отстранён от “алфавитного строительства”.

2.5. В качестве постскриптума процитируем строки из письма Марра Хашбе 5 декабря 1932 года:

<...> не моя вина, что *Абхазию оторвали от первенства в практическом применении* <...> *нового учения об языке* и тем затормозили ход языкового строительства (следовательно национального строительства по-новому) (Мегрелидзе 1985: 58).

Знаменательно, что, несмотря на глубокое уважение к вкладу Марра в абхазоведение, отражённое в статье о нём в недавно вышедшем АБС (Медвенский 2015), в ней нет ни малейшего упоминания об ААА (см. также Салакая 2006).

Обсуждение проектов алфавита для абхазского языка таким образом всё больше приобретает идеологический подтекст. В 1932 году в защиту унифицированного алфавита в журнале “Революция и письменность” выступает также и А.М. Сухотин. Автор высказывается по поводу дискуссии на совместном заседании Научно-исследовательского Института языкознания (НИЯЗ) и Института Народов Востока 5 мая 1931 г., на котором были заслушаны доклады проф. Яковлева и Дмитриева (Кельды), яфетидолога, не сдавшего своих позиций:

Что обо всём этом думают представители яфетидологии, того направления, которое они считают ведущим в советской лингвистике? Продолжают ли они настаивать *на введении ‘абхазского аналитического алфавита’ в качестве практического унифицированного алфавита*, или они предлагают что-нибудь другое и что именно? <...> Что же он <Дмитриев> собственно предлагает? Осчастливить все народы

³⁵ Интересен ход размышлений по поводу унификации горских алфавитов. Как объясняет Яковлев, основанием служила как фонетическая схожесть языков, так и фактор общения между данными народами. “Кабардинцы и нижние черкесы <...> представляют собою группу ближайше родственных языков, различие между которыми не мешает говорящим частично понимать друг друга. Что касается абхазского языка, то последний, принадлежа народу, с древнейших времён культурно-связанному с грузинами, несмотря на своё родство с черкесскими языками <...>, довольно сильно отличается от последних <...>. Однако есть целый ряд причин, благодаря которым унификация абхазского алфавита с черкесскими представляет собою назревшую проблему <...>. Абхазский язык по своему звуковому составу, по своей фонетике являет нам многие черты, аналогичные фонетике черкесских языков” (Яковлев 1930: 51). Тут имеется в виду как количество, так и “способы различения” фонем, например, “надгортанность – подгортанность”, “твёрдость-мягкость”, “активная-пассивная лабиализация”.

СССР абхазским аналитическим алфавитом? (Он же ведь лучший из всех существующих: почему же его не вводить?) Или же ждать, когда из среды яфетидологов появится новый, ещё более совершенный – ‘единый’ алфавит? А жизнь не ждёт. Алфавитная революция идёт своим ходом (Сухотин 1932: 102).

Яфетидология оказалась неспособной повернуться лицом к революционной практике, а предпочла кабинетным путём разрабатывать свою универсальную лингвистическую транскрипцию (в основе которой лежит так называемый абхазский аналитический алфавит), рекомендуя её вместе с тем и в качестве базы для практических алфавитов отдельных национальностей

– заключает Сухотин (1932: 96).

2.6. Исследования абхазского языка не прерываются и после принятия проекта на основе унифицированного алфавита. В “Пятилетнем плане работы Института яфетидологических разысканий на 1929-1934 гг. от 6 марта 1929 г.” (ПП29: 216-221) за подписью Мещанинова упоминается: 1931 – лингвистическое изучение абхазского языка, 1931-1932 то же, то же на 1932-1933, а также составление словаря справочника по кавказским языкам (грузинскому, мегрельскому, чанскому, сванскому, абхазскому и др.).

Сам Марр, вероятно, уже отошёл от данной темы. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что в своём письме в АН СССР 28 июня 1929 г. учёный просит заменить абхазо-черкесскую экспедицию на балкаро-карачаевскую (Письмо Марра в Комиссию экспедиционных исследований АН СССР, Марр 1929б).

Исследования в направлении улучшения абхазского алфавита продолжают и позже, но уже при Институте Востоковедения АН в Ленинграде. Так в “Уточнённом плане работы института на 1936 г.” (УП36: 57), предложенном местными комитетами нового алфавита на Кавказе, ставится задача осуществить преобразование алфавитов, т. е. произвести сокращение количества букв и стандартизацию графических знаков для абхазского, абазинского, кабардинского и адыгейского языков. Вслед за этим на Второй орфографической конференции обсуждается также вопрос об установлении орфографических правил для абхазского языка. А ведь конец 1930-х гг. – это период начала репрессий, от которых в Абхазии пострадает прежде всего интеллигенция.

3. *Вместо “Фонетической характеристики абхазского языка”*

3.1. Публикуемая рукопись является единственной сохранившейся работой Е.Д. Поливанова по абхазскому языку. Она, безусловно, не может заменить утраченный раздел “Фонетическая характеристика абхазского языка”, предназначавшийся для второго, не сохранившегося тома учебника Поливанова по введению в языковедение (Концевич 1991а: 291, 293)³⁶, но позволяет представить некоторые элементы

³⁶ “<Том был> доведён до стадии корректуры (об этом косвенно свидетельствуют ссылки на страницы второго тома в ряде работ самого Е.Д. Поливанова), но дальнейшая судьба

его концепции, ведь уже и по словам автора, одной из задач публикуемой статьи было “описать фонетическую систему языка – хотя бы в виде перечня различаемых в абхазском языке звукопредставлений”³⁷ (л. 5).

3.2. Наиболее интересной представляется проблема “дорсально-губного” ряда согласных, постулируемого Поливановым:

Знаками $\psi^?$ $\psi^{\text{б}}$ ψ' обозначаю ряд губных смычных особого образования: смычка образуется не концами, а более глубокими частями губ; местом смычки являются, следовательно, те части губ, что и при так называемом “губном p ” (т. е. при звуке, передаваемом по-русски через “бррр...”; глухой его вариант мы имеем в русском “тпррр...”). В этом смысле губные смычные данного ряда || могут быть названы “дорсально-губными”. Различение трёх вариаций по моменту гортанной работы (глухой смычно-гортанный или “гамзированный” $\psi^?$, звонкий $\psi^{\text{б}}$, глухой открытогортанный или придыхательный ψ') – то же, что и в других рядах смычных и аффрикат). Исторически эти “дорсально-губные” восходят, по-видимому, к лабиализованным передне-язычным ($*t^w?$ $*d^w$ $*t^w'$): ср. напр. абх. *a-ψκәп* “лавка <магазин>” ← перс. *كآن* <*dūkān*>. (л. 8-9).

Термин “губно-дорсальные” встречается и во “Введении в языкознание” Поливанова (1928: 163; ср. там же, с. 176 – о знаках $\psi^?$ $\psi^{\text{б}}$ ψ' , отсутствующих в МФА), а также в “Грамматике абхазского литературного языка” Яковлева, написанной в конце 1940-х – начале 1950-х годов и по рукописи изданной Б.Г. Джонуа, где этим звукам даётся следующая характеристика: “звуки *тә*, *дә*, *тә* являются губно-губными вибрантами, при произношении которых губы касаются друг друга своей внутренней

ба его неизвестна. Скорее всего, он, как и ряд других работ Е.Д. Поливанова, был изъят из печати в связи с резко критическими выступлениями автора по поводу яфетической теории Н.Я. Марра, адепты которой таким путём расправлялись с её противниками, а после ареста 1937 г. и уничтожен” (Концевич 1991б: 595).

³⁷ Как известно, в своих трудах Е.Д. Поливанов последовательно использовал термин “звукопредставление”, следуя психологической теории фонемы своего учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ, ср.: “Фонема – единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука – психический эквивалент звуков языка” (Бодуэн де Куртене 1963 [1895]: 271); “Существующее в данном языке представление звука языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова, мы будем называть фонемой” (Поливанов 1928: 217). Так понимаемых фонем (звукопредставлений) в языке может быть больше, чем фонем, устанавливаемых при помощи структурного анализа (например, в Пражской или Московской фонологической школах) – ср. мнение Поливанова о наличии в русском языке отдельных звукопредставлений /i/ и /ы/, мягких заднеязычных (ПQр), а также “среднего” /l/ западноевропейского типа в языке дореволюционной интеллигенции (Поливанов 1931: 147-149 (= Поливанов 1968: 232-234; Polivanov 2014: 115-121); английский перевод: Polivanov 1974: 216-218).

поверхностью (дорсально-губная артикуляция). Этим звукам также свойственен оттенок смягчения” (Яковлев 2006: 310). В таблице типов согласных звуков Поливанов (1928: 174) помещает соответствующие символы в столбец дрожащих:

<...> данные дунганские, а с другой стороны, и абхазские губные дрожащие являются одноударными, тогда как фигурирующие в русском языковом быту *brrr...* и *trrr(y)* состоят из нескольких дрожаний губ, т. е. являются многоударными. Эта особенность данных дунганских (и абхазских) звуков служит принципиальной для них чертой, так как только при одноударности возможна их фонологическая квалификация в качестве одного из рядов в системе смычных согласных (дунганского, гесп. абхазского языка) (Поливанов 1968: 123).

Н.В. Юшманов (1937: 29) отмечает, что звуки f^o d^o φ^o “являются губными дрожащими (правда, одноударными – flapped consonants)”.

Содержание понятия “дорсальный” (традиционно: произносимый с участием спинки языка) применительно к рассматриваемым звукам необычно. Можно было бы предположить, что упоминаемый Яковлевым “оттенок смягчения”, или “полумягкость” (Яковлев 2006: 312, 313), отражает как раз участие спинки языка, обеспечивающее более высокий тембр данных звуков (как взрывных, гесп. дрожащих, так и щелевых). Однако, на л. 14-15 публикуемой рукописи Поливанов, вновь возвращаясь к вопросу об этих специфических абхазских звуках, утверждает, что при их произношении “передняя часть языка (*apex*) не участвует вовсе”³⁸. Разъяснение термина “губно-дорсальный” находим в статье Поливанова “Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции”³⁹ (здесь же и более подробный комментарий относительно рассматриваемых звуков – “смычных губных одноударно-дрожащего образования”): они характеризуются

несколько отличным (от *b* и *p*) местом образования: при *p* смычку образуют края губ, а при звуках типа *β*, *φ* – более внутренние зоны губных поверхностей (что и давало проф. Н.Ф. Яковлеву право называть эти абхазские согласные условным термином “губно-дорсальные”; при этом имелось в виду, конечно, не *dogsum* языка, а именно *dogsum* внутренней поверхности каждой из губ) (Поливанов 1968: 124).

Интересно, что трактовку рассматриваемых согласных Поливанов основывает в первую очередь на их артикуляционных характеристиках, настаивая на квалифика-

³⁸ Со ссылкой на краткую характеристику соответствующих артикуляций у А.М. Чочуа (1926: 8): “произнести в... губах, без участия других органов рта” (курсив Поливанова; отметим, что при переиздании “Самоучителя русского, абхазского и грузинского языков” А.М. Чочуа в собрании его сочинений замечание о пассивности других органов рта было опущено (Чочуа 1969: 157).

³⁹ Впервые опубликована в 1968 году по машинописному экземпляру из архива АН Киргизской ССР (Поливанов 1968: 319; Ларцев 1988: 302).

ции их как особого типа губных, а не лабиализованных переднеязычных, происхождение от которых он предполагает. Такой – чисто-фонетический – подход в целом не свойственен Поливанову, общая ориентация которого на функциональные особенности фонем подчёркивалась и в литературе (см., например, Алпатов 1988: 46). Уже общий взгляд на таблицу знаков МФА для абхазского консонантизма, предлагаемую в публикуемой рукописи (л. 7), наводит на мысль о том, что рассматриваемые фонемы (как и соответствующие щелевые) могут заполнять пустые клетки лабиализованных переднеязычных зубных (ср. также использование для них основных начертаний *t* и *d* в сочетании с кружком в ААА и *m*, *ð*, *c*, *z* в составе диграфов с *ə* в современной абхазской графике). О том же свидетельствует и наблюдаемый в абхазских говорах процесс делабиализации, в результате которого рассматриваемые звуки превращаются в переднеязычные (Бгажба 1964: 115, 117; Hewitt 2010: 11). Интересен также факт морфологических чередований лабиализованных и нелабиализованных фонем в близко родственном абхазскому убухском языке (см. комментарий Вяч. Вс. Иванова [Поливанов 1968: 331])⁴⁰.

3.3. Относительно “глубоких” и “неглубоких” заднеязычных в литературе (как, видимо, и в самом абхазском языке и его диалектах) нет единства. Одни исследователи (например, Кычыв, Чкадуа 1998: 115) относят заднеязычные щелевые к неглубоким, объединяя [x] и [k] (современные символы МФА), другие (например, Hewitt 2010: 10) отмечают, что заднеязычные щелевые являются увулярными ([χ]) и соответствуют увулярным взрывным ([q]). Последней точки зрения придерживается и Поливанов, не называя, однако, соответствующие звуки увулярными, а используя более общий термин “глубокие заднеязычные” (подробнее о типах заднеязычных см. Поливанов 1928: 152-154, 172-173).

В публикуемой рукописи для обозначения этих звуков использованы символы *x* и *z*, что соответствует употреблению Л.В. Щербы (1912: 172), следующего за Бругманном (*там же*: 170) и Сиверсом (*там же*: 178). Однако согласно таблице типов согласных звуков в учебнике самого Поливанова (1928: 174), символ *x* обозначает неглубокий заднеязычный глухой спирант (соответствующий звонкий – *ɣ*), глубокий же обозначается символом *ɣ* (звонкий – *β*). По исправлениям в рукописи можно заметить, что Поливанов испытывал колебания в выборе обозначений для этих звуков: на л. 17 и 18 он дважды исправляет первоначальный комбинированный знак *χ* на обычное *x* (об аналогичных звуках в грузинском см. Поливанов 1925: 114-116), а на л. 19 дважды вычёркивает *β* и пишет *z*.

⁴⁰ В типологическом контексте двухфокусных артикуляций данные звуки рассматривает Дж.К. Кэтфорд (Catford 1977: 189-191), специально лабиализованным согласным абхазского языка посвящена работа Catford 1972 (ср. Hewitt 1986 о лабиализованных свистящих в убухском, а также обзор звуковых систем северокавказских языков и соответствующей литературы в книге Colarusso 1988).

3.4. Пояснение к обозначению гортанных звуков даётся Поливановым в учебнике (Поливанов 1928: 95-96):

Особая гортанная артикуляция наблюдается в гортанных спирантах, при которых принимает участие надгортанник (*epiglottis*) и которые можно поэтому называть “эпиглоттальными”; см. ниже в параграфе, посвящённом надгортаннику.

Звуки эти в большинстве языков (в том числе во всех западно-европейских) отсутствуют, и известны нам лишь из языков семитских, хамитских и некоторых кавказских.

Наиболее известный пример их – это арабские *ح* (глухой) и *ع* (соответствующий звонкий спирант).

Таковы же др.-еврейские *ח* и *ע*. В практике МФА (= Международного Фонетического Алфавита) окончательный выбор знаков для ар. *ح* и *ع* ещё не определился, и в настоящем курсе я || пользуюсь символами [H] – для *ح* и [Q] *ع* – лишь потому, что эти знаки были предложены в официальном перечне символов МФА (см. Л. В. Щерба “К вопросу о транскрипции” Изв. Отд. Русск. яз. и сл. XVI (1911) кн. 4. <= Щерба 1912: 165>), вполне сознавая недостатки этих символов (известное неудобство транскрипционного употребления больших букв, а также непоследовательность в выборе Q для звонкого и притом спиранта). Однако, в качестве вполне условных (и временных) символов я допускаю H и Q – именно для данных звуков (арабского типа, т. е. спиранта) [...].

3.5. Поскольку основные различия между графическими системами, применявшимися для абхазского языка в разное время, состоят в обозначении шумных согласных, целесообразно обобщить их в виде четырёх таблиц, представляющих 1) Международный фонетический алфавит, 2) современную абхазскую графику⁴¹, 3) транскрипцию Е.Д. Поливанова, предложенную в публикуемой рукописи, и 4) абхазский аналитический алфавит Н.Я. Марра (см. с. 213-214). Для удобства ориентации таблицы организованы в порядке, близком к современному МФА (то есть развёрнуты относительно таблиц, данных Поливановым (л. 7 и 10): по горизонтали представлено место образования, по вертикали – способ; внутри ячеек, как в МФА, левые символы обозначают глухие, правые – звонкие согласные). При этом сами категории согласных организованы фонологически (отражают функциональные группировки и корреляции): по способу образования противопоставлены взрывные, аффрикаты и щелевые – с подразделением каждой строки на ряды “обычных”, палатализованных и лабиали-

⁴¹ В таблице использованы символы *ŋ* и *ʒ* (“с нижним выносным элементом”), хотя в абхазских текстах всё ещё часто используются более ранние *ɲ* и *ɣ* (“с крюком посередине”); нельзя не отметить многообразие функций этого диакритического элемента: при *n*, *m* и *k* он обозначает придыхательность, при *ç* и *ç* – абруптивность, при *z* – щелинность, при *x* – гортанность (ср. Chirikba 2003: 15-16).

зованных⁴². Колонки глухих согласных подразделяются на абруптивные и аспирированные (за исключением гортанных, не различающих эти разновидности).

Символы в первой таблице (МФА) выбраны в соответствии с собственно фонетическими особенностями звуков. Так, аффрикаты включают “обычные” зубные ([tʃ]), ретрофлексные ([dʒ]), постальвеолярные ([dʒ̥]) и альвеопалатальные ([tʃ̥]). Это один из нередких примеров известной разницы между узко-фонетическим и фонологическим подходами (постальвеолярные считаются мягкими и могли бы обозначаться /dʒʲ/, а альвеопалатальные, являясь лабиализованными соответствиями “обычных” зубных, могли бы обозначаться /tʃʷ/).

Постулированный Поливановым ряд “дорсально-губных” в соответствии с современными представлениями (см. § 3.2) в таблицах распределён между переднеязычными: взрывные (одноударные дрожащие) занимают колонку зубных (рядом с лабиализованными аффрикатами, которые Поливанов не относил к дорсально-губным и помещал в раздел переднеязычных зубных, герсп. свистящих), а щелевые – колонку альвеолярных (рядом с лабиализованными щелевыми).

Относительно глубоких и неглубоких заднеязычных в таблице отражено мнение Поливанова, но о существовании альтернативной точки зрения призвано свидетельствовать отсутствие разделительной линии между ячейками неглубоких и глубоких заднеязычных щелевых (неглубокие показаны в соответствующей ячейке таблицы МФА в скобках).

Согласно тому же принципу, в строке лабиализованных щелевых отсутствует разделительная линия между тремя ячейками (губных, зубных и альвеолярных), отражая многообразие мнений относительно соответствующих звуков (“дорсально-губных” по Поливанову). Ячейка зубных переднеязычных в этой строке содержит взятые в скобки символы ϵ^w и z^w (являющиеся соответствиями взрывным t^{wh} и d^w).

Гортанный звонкий щелевой в абхазском является одновременно палатализованным и лабиализованным, поэтому его обозначение ([ʕʎ]) помещено между соответствующими строками.

⁴² Ввиду фонологической ориентации таблицы в ней не отражается различие типов лабиализации, например, денто-лабиальная артикуляция свистящих щелевых (см. Chirikba 2003: 19).

Сопоставительная таблица обозначений шумных согласных абхазского языка

МФА

	переднеязычные						заднеязычные						гортанные	
	зубные			альвеол.			неслоговые			глубокие				
	гл.	абр.	асп.	зв.	гл.	абр.	асп.	зв.	гл.	абр.	асп.	зв.	гл.	зв.
<i>пал.</i> <i>лаб.</i> вэртвә	рʰ	р ^ʰ	т ^h	д					кʰ	к ^h	г	гʰ		
		т ^{wʰ}	д ^w						к ^{ʰʷ}	к ^{hʷ}	г ^w	г ^{wʰ}		
<i>пал.</i> <i>лаб.</i> афр.		т ^ʰ	д ^ʰ		ʧ ^ʰ	ʧ ^h	дʒ							
		т ^{wʰʰ}	д ^{wʰ}		ʧ ^{wʰ}	ʧ ^{hʷ}	дʒ ^w							
<i>пал.</i> <i>лаб.</i> цәт	f	v	s	z	ɬ	ʒ	ʒ ^w		(x)	(y)	h	h	ɬ	ɬ ^w
			(ɬ ^w)	(z ^w)	ɬ ^w	ʒ ^w			(x ^ʷ)	(y ^ʷ)	h ^w	h ^w	ɬ ^w	ɬ ^{wʷ}

СОВРЕМЕННАЯ АБХАЗСКАЯ ГРАФИКА

<i>пал.</i> <i>лаб.</i> вэртвә	п	ц	б	т	т	д			к	қ	г	к̣		
				тә	тә	дә			к̣ь	қ̣ь	гә	к̣ь		
<i>пал.</i> <i>лаб.</i> афр.				ц	ц	з		ч	кә	қә	гә	кә		
				цә	цә	зә		ч						
<i>пал.</i> <i>лаб.</i> цәт	ф	в	с	з	ш	ж		ш	х	г	х	х	г	х
					шь	жь		шь	хь	гь	хь	хь	гь	хь
					шә	жә		шә	хә	гә	хә	хә	гә	хә

21
1911

Абхазский Аналитический Алфавит

[Опыт критического анализа]

Критический анализ. Прежде всего должен предостеречь читателей от мысли о том, что касательно сфер своего применения или предположений какой-либо проект в области Абх. Алфав. и грамматики. Взаимосвязь с такими проектами и сферами методически несовместимы без установившегося опыта, накопленного абхазским письмом. Тем не менее, в основе моего проекта много раз абхазских ученых, отсюда не должно рассматриваться как предвзятый или предвзятый проект. Это — транскрипционный эксперимент, который должен быть объективным.

I. Среди новых национальных письменностей у Кавказских народов исключительное внимание вызывает абхазский, так называемый "Аналитический алфавит", разработанный академиком Ф. Ф. Марра. Исключительное положение этой графической системы именно и состоит в том, что здесь автором алфавита является крупнейший ученый, исходивший в выборе знаков из своей научной транскрипционной системы ("Ярезинологическая транскрипция"). И, наконец,

Лекция Н. Я. МАРРА
№ 1

*) Сокращенно буду обозначать ее через А.А.А. (Абхазский Аналитический Алфавит).

**) Я не буду останавливаться на том, что "Ярезинологическая транскрипция" не является физической — в полном смысле этого слова — системой (в противоположность другим универсальным транскрипциям — напр. Международному Французскому Алфавиту и Русской Липовичевской "Азбуке"), а основывается, в известной мере, на функционально-физиологическом составе звуков языка, а не на свободном произволе. Не на основании этого, а на основании того, что характерна для Ярезинологической системы.

Первая страница рукописи Е.Д. Поливанова

4. К изданию

4.1. В публикуемой рукописи различается три почерка. Большая часть написана чётким почерком (без наклона или с небольшим наклоном влево), текст которого перемежается фрагментами почерка Поливанова, а также частными исправлениями и добавками, сделанными его рукой (см. факсимиле первой страницы рукописи – с. 215). Содержание этих исправлений позволяет заключить, что первый переписчик не имел специального лингвистического образования: он путает знаки придыхания и гортанной смычки в записи примеров (одна из таких ошибок – на л. 12 – осталась не исправленной Поливановым), не понимает некоторых терминов и сокращений – те в оставленное место вписаны Поливановым (“передняя часть языка (*арех*)”, л. 14; “ор. cit.”, л. 16), неуверенно изображает буквы арабского алфавита (л. 9) или пропускает их (л. 19). Можно предположить, что первый почерк принадлежит супруге Поливанова Бригитте Нирк, которая, как известно, переписывала его тексты перед публикацией (Ларцев 1988: 27-28). Образцы такого почерка встречаются и в коллекции рукописей Поливанова в фонде Р.О. Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (см. школьные тетради в папке 26 “[Studie o japonském jazycе]”). С л. 19 начинается третий почерк, скорее всего, являющийся более аккуратным вариантом почерка Поливанова⁴³ (в этой части рукописи практически нет дополнений и исправлений, этим почерком написано и имя автора в конце текста).

В настоящей публикации различие почерков не отражается: дан “итоговый” текст работы, а представляющиеся важными исправления и дополнения оговариваются в примечаниях издателей.

4.2. Некоторые исправления, сделанные Поливановым в тексте рукописи, свидетельствуют об укреплении его критического отношения к яфетической теории и даже об определённом раздражении против неё, ср.:

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ
(ВЫЧЕРКНУТЫЙ) ВАРИАНТ

л. 2-3 (см. также факсимиле):

<Яфетидологическая транскрипция> основывается, в известной мере, и на некоторых историко-лингвистических предпосылках яфетической теории. Во всяком случае – это вполне строго и рационально разработанная (на основе

ИТОГОВЫЙ ВАРИАНТ

<Яфетидологическая транскрипция> основывается, в известной мере, не на действительном физиологическом составе звуков языка, а на заведомо-ошибочных предпосылках, характерных для яфетической теории⁴⁴.

⁴³ Ср. также с почерком рукописи *Краткой фонетики японского языка* Поливанова, предназначавшейся для стеклографирования, из фонда Якобсона в Праге (папки 14 и 25).

⁴⁴ Критические соображения о марровском алфавите Е.Д. Поливанов высказывает и в своём учебнике по *Введению в языковедение для востоковедных вузов* (Поливанов 1928: 177; см. выше, § 1.3).

своих предпосылок) научная система, теоретически пригодная к роли универсального (т. е. применимого к любому языку) алфавита. Насколько верны сами предпосылки, коренящиеся в особенностях яфетической теории, – это уже другой вопрос.

л. 19:

Тут тоже можно найти минусы, и как показывают современные голоса абхазского учительства – минусы уже ими ощутимые.

Тут тоже можно найти минусы, и как показывают современные голоса абхазского учительства – минусы весьма зловредного характера.

4.3. Текст работы Поливанова публикуется в современной орфографии и пунктуации (не сохраняются написания “варияция”, “об’ективный”, “т.-е.”, “повидимому” и др.⁴⁵, без специальных оговорок исправлены явные описки, раскрыты сокращения), не используется дифференциация скобок, применявшаяся автором (фрагмент текста, находящегося в круглых скобках, заключался в квадратные скобки), поскольку в оригинале это не проведено последовательно, разнообразные подчёркивания с целью логического выделения текста унифицированно передаются курсивом.

В передаче транскрипционных символов сделано лишь одно отступление от оригинала: знак палатализации поставлен не над буквой (g'), а справа от неё (g'), как это обычно для знака лабиализации (g^w). Технические пояснения Поливанова (вроде “Продолжение подстрочного примечания с 1-й страницы” и под.) не воспроизводятся.

Пагинация отражает архивную нумерацию листов и даётся мелким шрифтом внутри текста в угловых скобках. В угловые скобки также заключены другие пояснения технического характера. Комментарии к содержанию рукописи даются в виде концевых сносок (их номера в тексте, в отличие от постраничных сносок самого Поливанова, также заключены в угловые скобки).

⁴⁵ Сохранено лишь использовавшееся Поливановым написание “аинский”.

Е.Д. Поливанов

Абхазский аналитический алфавит

<л. 1>

В Комиссариат Народного Просвещения Абхазской ССР.

Прилагаемая рукопись моего доклада об Абхазском Аналитическом Алфавите не предназначается для печати. С другой стороны, она не рассчитана и на популярное изложение; поэтому я прошу смотреть на неё просто как на изложение моего мнения об ААА – в той форме, которая представилась мне возможной для мотивировки моих положений. В случае надобности я готов высказаться в другой, более общедоступной форме.

Пока же я счёл необходимым довести до Вашего сведения содержание сделанного мною в Москве доклада на вышеупомянутую тему.

В случае, если всё-таки почему-либо Вы сочтёте возможным напечатать этот мой доклад, я убедительно буду просить о посылке мне корректуры – по адресу Москва, Волхонка 18 Институт Языка и Литературы РАН-ИОН^{<1>}. Председателю Лингвистической Секции профессору Поливанову. Повторяю, что я – в случае надобности – готов буду направить Вам и другие мои работы по вопросу абхазской письменности.

XI 1927

С товарищеским приветом

Профессор Евгений Поливанов

Москва, Волхонка 18.

Институт Языка и Литературы РАН-ИОН.

<л. 1а – обложка тетради>

Абхазский Аналитический Алфавит

Е. Д. Поливанов

<штамп:> ГАИМК^{<2>} Кабинет Н. Я. Марра № Е395

E.D. Polivanov

The Abkhaz Analytical Alphabet

Translated by Grazia Giannetta

<f. 1r>

To the People's Commissar of the SSR Abkhazia

The attached manuscript of my report on the Abkhaz Analytical Alphabet is not intended for publication. On the other hand, it is not aimed at a popular exposition for a general audience either; so I ask you to consider it as a mere statement of my opinion about the AAA in a way that seemed to me possible in order to motivate my position. If necessary, I am ready to explain it in a different and more accessible form.

In the meantime, I felt it necessary to bring to your attention the content of my report in Moscow on the above topic.

If, for any reason, you will consider it possible to print this report, I will urge you to send me the proofs at the following address: Moscow, Volkhonka 18, Institute of Language and Literature of the Russian Association of Scientific Research Institutes of the Social Sciences^{<1>}. To the chairman of the Department of Linguistics, Professor Polivanov. I repeat that, if necessary, I will be ready to send you my other works on the issue of the Abkhaz writing system as well.

XI 1927

With comradely greetings

Professor Evgenij Polivanov

Moscow, Volkhonka 18,

Institute of Language and Literature of the Russian Association of Scientific Research
Institutes of the Social Sciences

<f. 1a – notebook cover>

The Abkhaz Analytical Alphabet
E. D. Polivanov

<stamp:> State Academy of the History of Material Culture^{<2>}, room of N.Ja. Marr № E395

<л. 2>

Абхазский Аналитический Алфавит (Опыт критического анализа)

Предисловие

Прежде всего должен предостеречь читателя от мысли о том, что настоящая статья вводит или предполагает какой-либо проект в замену Абхазского Аналитического Алфавита. Выступать с таким проектом я считаю методологически непозволительным без использования опыта, накопленного абхазскими педагогами. Те же обозначения (на основе МФА), которые мною даются для абхазских звуков, отнюдь не должны рассматриваться как предназначенный к практическому употреблению алфавит: это – транскрипция исключительно для лингвистических работ.

I

Среди новых национальных письменностей у кавказских народов исключительное внимание вызывает абхазский, так называемый “Аналитический алфавит”, разработанный академиком Н.Я. Марром. Исключительное положение этой графической системы¹ именно и состоит в том, что здесь автором алфавита является крупнейший учёный, исходивший в выборе знаков из своей научной транскрипционной системы (– “яфетидологической транскрипции”²). И, пожалуй, <л. 3> во всей истории “зарождения и возрождения” национальных письменностей СССР (за время с 1917 г.) можно назвать только два случая, когда создатель практического национального алфавита исходил из теоретической системы фонетической транскрипции универсального характера³: это – во-первых, современное якутское письмо, или так называемая “Новгородовская транскрипция”, где автор (покойный С.А. Новгородов) имел в виду приложить к якутскому языку символы “Международного Фонетического Алфавита”⁴ (– конечно, путём отбора нужных для якутской звуковой системы знаков, а также с допущением некоторых технических <л. 4> упрощений и условностей); во вторых же именно данный (– новейший, принятый в 1925^{<4>} году) Абхазский Аналитический

¹ Сокращённо буду обозначать её через ААА (Абхазский Аналитический Алфавит).

² Я не буду останавливаться на том, что “яфетидологическая транскрипция” не является фонетической – в полном смысле этого слова – системой (в противоположность другим универсальным транскрипциям — напр. “Международному Фонетическому Алфавиту” и “Русской Лингвистической Азбуке”), а основывается, в известной мере, не на действительном физиологическом составе звуков языка, а на заведомо-ошибочных предпосылках, характерных для яфетической теории^{<3>}.

³ Каковой путь, собственно, должен считаться самым правильным с научной точки зрения приёмом языковой политики.

⁴ Сокращённо – МФА.

<f. 2>

The Abkhaz Analytical Alphabet: An Attempt at Critical Analysis

Introductory Note

First of all I have to warn the reader that the present article does not introduce nor implicate any project aimed at replacing the Abkhaz analytical alphabet. In my opinion it is methodologically inadmissible to present such a project without using the experience gained by Abkhaz pedagogues. As regards the symbols, based on the IPA, which I give here for the Abkhaz sounds, they are by no means to be considered as an alphabet intended for any practical use: it is a transcription for linguistic works only.

I

Among the new national writing systems of the Caucasian peoples, the so-called Abkhaz “analytical alphabet”, elaborated by the Academician N.Ja. Marr, arouses exclusive attention. The exceptional position of this graphic system¹ consists precisely in its author being a very prominent scholar, who based his choice of symbols on his own scientific transcription system (“Japhetidological transcription”)². And, perhaps, <f. 3 > in the whole history of “birth and rebirth” of the national writing systems of the USSR (in the period after 1917), only two cases may be mentioned, in which the creator of a practical national alphabet started from a theoretical system of universal phonetic transcription³: the first one is the contemporary Yakut alphabet, or the so-called “Novgorodov transcription”, whose author (the late S.A. Novgorodov) meant to employ the symbols of the “International Phonetic Alphabet” for the Yakut language⁴ (of course, by choosing the signs required for the Yakut language system, but also by allowing a number of technical <f. 4 > simplifications and conventions); the second one is the Abkhaz analytical

¹ I will refer to it as AAA (Abkhaz Analytical Alphabet).

² I will not linger on explaining how the “Japhetidological transcription” is not a phonetic system in the full sense of the word (contrary to other universal transcriptions, for example, the “International Phonetic Alphabet” or the “Russian Linguistic Alphabet”), but it is based, to some extent, not on the actual physiological properties of the sounds of the language, but on obviously-wrong assumptions, characteristic of the Japhetic Theory^{<3>}.

³ This path must be considered essentially as the most appropriate, from the scientific point of view, in the practice of language policy.

⁴ Shortened in IPA.

Алфавит⁵, выросший (или выведенный академиком Н.Я. Марром) из его “яфетидологической транскрипции”.

Но кроме этой своей особенности (– в отличие от алфавитов “обывательского”, если так можно сказать, а не “академического” происхождения), абхазский графический вопрос может заслуживать особенного внимания уже благодаря исключительному фонетическому богатству абхазского языка (с которым в этом отношении не может сравниться ни один из других языков), – что делает задачу составления абхазского алфавита <л. 5> не в пример другим (даже другим кавказским) письменностям – весьма сложной и трудной.

Однако, перед критическим разбором ААА необходимо: 1) дать объективное описание ААА (т. е. перечень употребляемых в ААА букв) и 2) описать фонетическую систему языка – хотя бы в виде перечня различаемых в абхазском языке звукопредставлений⁶. Естественнее всего начать, при этом, со второго вопроса, – т. е. с описания абхазской звуковой системы, к краткому изложению которой я сейчас и перехожу (во II главе).

Для обозначения абхазских фонем (в этом описании) я буду пользоваться, конечно, не ААА (так как нельзя определять неизвестное через неизвестное; ААА же является пока неизвестным: он будет описан в III главе), а МФА, которым я вообще всегда пользуюсь в моих лингвистических работах.

<л. 6>

II

Главную трудность абхазского языка составляет его консонантизм (система согласных): в то время как в большинстве других языков количество согласных фонем колеблется от 10 или 20 до 30-40 (например, немногим больше десятка согласных фонем имеется в аинском и в полинезийских языках, в узбекском – 22, в русском – 37⁶ согласных фонем), в абхазском литературном диалекте⁷ число это доходит до 56 (не считая не-слоговых гласных *i* и *u*). Однако литературный (абжуйский) диалект ещё не представляет максимального числа различий: в бзыбском диалекте имеется уже 56 + 9 = 65 согласных.

Гласные, наоборот, не представляют затруднений: гласных фонем в основном слое абхазского языка всего 4: две слоговых и две не-слоговых гласных фонемы.

Ясно поэтому, что в вопросе оценки алфавита для нас важны будут почти исключительно согласные.

⁵ Описание и мотивировка Аналитического Алфавита дана самим Н.Я. Марром в брошюре «Абхазский Аналитический Алфавит» изд. 1926⁶⁵.

⁶ В моём, напр., индивидуальном произношении (с двумя проточными и двумя смычными “г”: в словах *бога, о боге, город, гяур*, с тремя “л” — в *лампа, ла, лёд*, но без звука *щ*).

alphabet itself⁵ (the latest, approved in 1925^{<4>}), arisen (or extrapolated by N.Ja. Marr) from his “Japhetidological transcription”.

But beyond this peculiarity (in contrast to the alphabets of ‘simple’, if you can say so, not ‘academic’ origin), the Abkhaz graphic question may deserve closer attention precisely because of the exceptional phonetic richness of the Abkhaz language (to which no other language can be compared in this respect), making the creation of an Abkhazian alphabet <f. 5> imore difficult and complex if compared to other writing systems (even other Caucasian ones).

However, before starting the critical analysis of the AAA it is necessary to: 1) give an objective description of the AAA (i.e. a list of the letters used in the AAA) and 2) describe the phonetic system of the language, at least as a list of the sound representations^{<6>} which are differentiated in the Abkhaz language. At the same time, it is most natural to start from the second question, i.e. from the description of the Abkhazian sound system and I shall now come to a short presentation of it (in chapter II).

To represent the phonemes of Abkhaz (in this description), I will not use the AAA, of course (as it is not appropriate to define the unknown through the unknown and the AAA still is, so far, unknown: it will be described in chapter III), but the IPA, which I always use for my linguistic works.

<f. 6>

II

The main difficulty regarding the Abkhaz language is represented by its consonantism (its consonant system): while in the majority of languages the number of consonant phonemes ranges between 10 or 20 to 30-40 (for example the Ainu and the Polynesian languages have little more than ten consonant phonemes, Uzbek has 22 and Russian 37⁶), in the standard^{<7>} dialect of the Abkhaz language this number amounts to 56 (not counting the non-syllabic vowels *i* and *u*). However, the standard dialect (Abzhywa) still does not provide the largest number of distinctions: the Bzyb dialect has already 56 + 9 = 65 consonants.

Vowels, on the contrary, do not raise any problem: in the base layer of the Abkhaz language there are only 4 vocalic phonemes: two syllabic and two non-syllabic vocalic phonemes.

This makes it clear that, for the evaluation of the alphabet, almost exclusively consonants will be relevant to us.

⁵ A description and motivation of the Analytical Alphabet is provided by N.Ja. Marr himself in the brochure “The Abkhaz Analytical Alphabet”^{<5>}.

⁶ For example, in my personal pronunciation (with two fricatives and two occlusives “g”: in the words *бога, о боге, город, згур*, with three “л” in the words *лампа, ла, лёд*, but without the sound *u*).

Постараюсь изобразить согласные фонемы литературного (абжуйского) диалекта фонетической транскрипцией на основе МФА (с дополнениями, указанными профессором Л.В. Щербой в его статье “К вопросу о транскрипции” Изв. Отд. Рус. Яз. и Слов. Ак. Наук т. XVI 1911 г. кн. 4)^{<8>}.

<л. 7>

<Согласные абхазского языка в транскрипции на основе МФА>

	Смычные	Аффрикаты	Спиранты	Носовой	Латеральный	Дрожаний
<i>Губные</i>						
губные обычного типа	$p^{\text{ʔ}}$ b p'		f v	m		
дорсально-губные	$\psi^{\text{ʔ}}$ ψ ψ'		ϕ $\check{\psi}$			
<i>Переднеязычные</i>						
	$t^{\text{ʔ}}$ d t'			n	l	r
свистящие		$c^{\text{ʔ}}$ z c'	s z			
свистяще-лабиализованные		$c^{w\text{ʔ}}$ z^w $c^{w'}$				
шипящие “твёрдые”		$\check{c}^{\text{ʔ}}$ \check{z} \check{c}'	\check{s} \check{z}			
шипящие “мягкие”		$\check{c}'^{\text{ʔ}}$ \check{z}' \check{c}''	\check{s}' \check{z}'			
<i>Не-глубокие заднеязычные</i>						
	$k^{\text{ʔ}}$ g k'					
палатализованные	$k'^{\text{ʔ}}$ g' k''					
лабиализованные	$k^{w\text{ʔ}}$ g^w $k^{w'}$					
<i>Глубокие заднеязычные</i>						
	$q^{\text{ʔ}}$		x z			
палатализованные	$q'^{\text{ʔ}}$		x' z'			
лабиализованные	$q^{w\text{ʔ}}$		x^w z^w			
<i>Гортанные</i>						
			(типа арабских $\text{ح} = H$ и $\text{خ} = Q$)			
			H			
лабиализованный			H^w			
лабиализованный и палатализованный			$Q^{\text{ч}}$			

I will try to represent the consonant phonemes of the standard dialect (Abzhywa) with a phonetic transcription based on IPA (with the additions showed by professor L.V. Ščerba in his article *On the Question of Transcription*, “Transactions of the Section of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences”, XVI, 1911, 4)^{<8>}.

<f. 7>

<Abkhaz Consonants in IPA Transcription>

	Occlusive	Affricates	Spirant	Nasal	Lateral	Trill
<i>Labial consonants</i>						
Regular labial	$p^{\text{?}}$ b p'		f v	m		
Dorsal-labial	$\psi^{\text{?}}$ ψ ψ'		ϕ $\check{\psi}$			
<i>Coronal consonants</i>						
	$t^{\text{?}}$ d t'			n	l	r
Hissing		$c^{\text{?}}$ z c'	s z			
Labialized hissing		$c^{w^{\text{?}}}$ z^w $c^{w'}$				
“Hard” hushing		$\check{c}^{\text{?}}$ \check{z} \check{c}'	\check{s} \check{z}			
“Soft” hushing		$\check{c}'^{\text{?}}$ \check{z}' \check{c}''	\check{s}' \check{z}'			
<i>Velar consonants</i>						
	$k^{\text{?}}$ g k'					
Palatalised	$k'^{\text{?}}$ g' k''					
Labialized	$k^{w^{\text{?}}}$ g^w $k^{w'}$					
<i>Back velar consonants</i>						
	$q^{\text{?}}$		x $ɣ$			
Palatalised	$q'^{\text{?}}$		x' $ɣ'$			
Labialized	$q^{w^{\text{?}}}$		x^w $ɣ^w$			
<i>Laryngal consonants</i>						
			(Arabic type $\tau = H$ and $\xi = Q$)			
			H			
Labialized			H^w			
Labialized and palatalized			Q^w			

<л. 8>

Знаками $p^?$ b p' (как и соответственными рядами $t^?$ d t' , $c^?$ z c' ... $k^?$ g k' для других рядов смычных и аффрикат) обозначаю три вариации смычных (губных) по моменту гортанной <в рукописи ошибочно: губной> работы: 1) глухой смычно-гортанный или “гамзированный” ($p^?$), 2) звонкий (b), 3) глухой открыто-гортанный или придыхательный (p').

Знаками $\psi^?$ ψ ψ' обозначаю ряд губных смычных особого образования: смычка образуется не концами, а более глубокими частями губ; местом смычки являются, следовательно, те части губ, что и при так называемом “губном p ” (т. е. при звуке, передаваемом по-русски через “бррр...”; глухой его вариант мы имеем в русском “тпррр...”). В этом смысле губные смычные данного ряда <л. 9> могут быть названы “дорсально-губными”. Различение трёх вариаций по моменту гортанной работы (глухой смычно-гортанный или “гамзированный” $\psi^?$, звонкий ψ , глухой открытогортанный или придыхательный ψ') – то же, что и в других рядах смычных и аффрикат. Исторически эти “дорсально-губные” восходят, по-видимому, к лабиализованным передне-язычным ($*t^{w?}$ $*d^w$ $*t^{w'}$): ср. напр. абх. $a-\psi k \partial n$ “лавка <магазин>” < перс. $\text{كان و دوكان} <duk \partial n>$.

Латеральная фонема – типа “л” – обозначена мною знаком l (т. е. “л” твёрдого, как в русском $lana$); это сделано потому, что в независимой позиции, как и в большинстве случаев вообще, этот согласный произносится в абхазском именно как “твёрдое” (вроде русского) l , а не как среднее западно-европейского типа l (напр. в русском произношении названия музыкальной ноты $la^{<9>}$).

Символом c обозначается глухая свистящая аффриката – типа “ц” = $t\zeta$ а символом z соответствующая ей звонкая – $d\zeta$. Три вариации – $c^?$ z c' , – как и в прочих рядах смычных и аффрикат, представляют собою 1) глухое “гамзированное” (смычно-гортанное) $c^?$, 2) звонкую аффрикату – $d\zeta$ и 3) придыхательное c' .

$c^{w?}$ z^w $c^{w'}$ – соответствующие лабиализованные фонемы, т. е. звуки, приблизительно выражаемые в виде “цв”, “дзв”, “цв’”. <л. 10>

\check{c} и \check{z} – символы для шипящих (глухой и звонкой) аффрикат: “ч” = $t\check{z}$ и “дж” = $d\check{z}$.

\check{s} и \check{z} – шипящие спиранты: “ш” и “ж”. В абхазском языке, как мы видим, два ряда шипящих: “твёрдые” (апикальные) – $\check{c}^?$ \check{z} \check{c}' \check{s} \check{z} , и “мягкие” (дорсальные) – $\check{c}'^?$ \check{z}' \check{c}'' \check{s}' \check{z}' .

Неглубокие заднеязычные по укладу языка соответствуют турецким ζ ξ , а глубокие заднеязычные (смычные: $q^?$ и т. д.) – турецкому ζ . Значком ' обозначается палатализация (“смягчение”), следовательно $k'^?$ звучит вроде русского $кь$ (или $к$ в *Кяхта*). А значком w – лабиализация (активная губная работа), поэтому $k^{w?}$ и $q^{w?}$ склонны восприниматься русским ухом как “ку”.

x означает заднеязычный (притом глубокий) глухой спирант – вроде рус. x , точнее вроде арабского или турецкого χ . А z – соответствующий звонкий (арабск. или турецк. ξ)^{<10>}.

<f. 8>

With the symbols $p^{\prime} b p^{\prime}$ (as with the corresponding series for $t^{\prime} d t^{\prime}$, $c^{\prime} z c^{\prime}$... $k^{\prime} g k^{\prime}$ for the other series of occlusives and affricates) I denote three variations of the occlusive (labial) according to the laryngeal <in the manuscript, erroneously, 'labial'> activity: 1) unvoiced with constricted glottis or "ejective" (hamza-onset) (p^{\prime}), 2) voiced (b), 3) unvoiced with spread glottis or aspirated (p^{\prime}).

With the symbols $\psi^{\prime} \psi \psi^{\prime}$ I denote the series of labial occlusives with a special articulation: the closure is formed not with the ends of the lips but with deeper parts of them; the closure takes place, consequently, in the same parts of the lips as in the case of the so-called "labial r " (in Russian the sound is "brrr..."; we have its unvoiced variant in Russian "тпррr..."). In this sense, the labial occlusives of the given series <f. 8> may be called "dorsal-labials". The distinction of the three different variations according to the laryngeal activity (unvoiced occlusive constricted glottis activity or "ejective" ψ^{\prime} ; voiced ψ , unvoiced with spread glottis or aspirated ψ^{\prime}), is the same as in the other series of occlusives and affricates. Historically, these "dorsal-labial" seem to go back to labialized coronals ($*t^{w?} *d^w *t^{w'}$): compare e.g. Abkhaz $a-\psi k \partial n$ 'shop' < pers. $\text{دوكان} <dūkān>$.

I have denoted the lateral phoneme – of the type "л" – with the symbol l (hard "л" like the Russian *лана*); I did so because when in independent position, like in most general cases, this consonant is pronounced in Abkhaz exactly like the "hard" l (as in Russian), and not like the average West-European type l (for example the Russian pronunciation for the musical note $la^{<9>}$).

The symbol c denotes the unvoiced hissing affricate of type "ц" = $tʃ$, while its voiced counterpart is represented by the symbol z = $dʒ$. The three variations $c^{\prime} z c^{\prime}$, like in the other series of occlusives and affricates, represent 1) the unvoiced "ejective" (with constricted glottis) u , 2) the voiced affricate $dʒ$ and 3) the aspirated u .

The symbols $c^{w?} z^w c^{w'}$ are the corresponding labialized phonemes, namely sounds which can approximately be expressed as "цв", "дзв", "цвх". <f. 10>

\check{c} and \check{z} are the symbols for the hushing (unvoiced and voiced) affricates: "ч" = $tʃ$ and "дж" = $dʒ$.

\check{s} and \check{z} are the hushing spirants: "ш" and "ж". In the Abkhaz language, as we can see, there are two series of spirants: "hard" (apical) $\check{c}^{\prime} \check{z} \check{c}^{\prime} \check{s} \check{z}$ and "soft" (dorsal) $\check{c}^{\prime?} \check{z}^{\prime} \check{c}^{\prime\prime} \check{s}^{\prime} \check{z}^{\prime}$.

The non back velars correspond, according to the position of the tongue, to the Turkish ξ , while the back velar (the occlusive q^{\prime} and so on), to the Turkish ξ . Palatalization (softening) is indicated by the symbol $'$, therefore $k^{\prime?}$ sounds more like the Russian κb (or κ in the word *Кяхта*). The sign w marks labialization (active labial effort), so $k^{w?}$ and $q^{w?}$ tend to be perceived by the Russian ear as "кы".

x denotes the unvoiced velar (moreover back velar) spirant, like the Russian x , more precisely like the Arabic and the Turkish χ . While z is the corresponding voiced (Arabic or Turkish ξ)^{<10>}.

H – особого рода гортанный спирант, типа арабского ح. *H^w* – то же с лабиализацией. *Q^ʷ* (или, что то же, *Q^{wʷ}*) – составной звук: типа арабского ع, но с добавлением и палатализации, и лабиализации.

III

Приведу теперь знаки ААА в точном соответствии порядку знаков (МФА) в только что рассмотренной таблице:

<Согласные абхазского языка в транскрипции на основе МФА>

	Смьчные	Аффрикаты	Спиранты	Носовой	Латеральный	Дрожаний
<i>Губные</i>						
губные обычного типа	<i>p b φ</i>		<i>f v</i>	<i>m</i>		
дорсально-губные	<i>t° d° φ°</i>		<i>u° p°</i>			
<i>Переднеязычные</i>						
	<i>t d θ</i>			<i>n</i>	<i>l</i>	<i>r</i>
свистящие		<i>i d̥ θ̥</i>	<i>s z</i>			
свистяще-лабиализованные		< <i>i° d̥° θ̥°</i> >				
шипящие “твёрдые”		<i>ṭ ḍ θ̣</i>	<i>ʃ j</i>			
шипящие “мягкие”		<i>ṭ̚ ḍ̚ θ̣̚</i>	<i>ʃ̣ j̣</i>			
<i>Не-глубокие заднеязычные</i>						
	<i>k g q</i>					
палатализованные	<i>ḳ g̣ q̣</i>					
лабиализованные	<i>k° g° q°</i>					
<i>Глубокие заднеязычные</i>						
	<i>k̠</i>		<i>q̠ ǰ̠</i>			
палатализованные	<i>k̠̣</i>		<i>q̠̣ ǰ̠̣</i>			
лабиализованные	<i>k̠°</i>		<i>q̠° ǰ̠°</i>			
<i>Гортанные</i>						
			<i>ħ</i>			
лабиализованный			<i>ħ̣</i>			
лабиализованный и палатализованный			<i>ħ̣̣</i>			

H is a peculiar type of laryngal spirant, of the type of Arabic ح. *H^w* is the labialized one. *Q^y* (or also *Q^{wy}*) is a compound sound of the type of the Arabic ع, but with the addition of both palatalization and labialization.

III

I will now give the AAA symbols in the same order of the IPA symbols in the table examined so far:

<Abkhaz consonants written in IPA>

<Row and column names, omitted by Polivanov, are taken from his previous table of the IPA signs>

	Occlusive	Affricates	Spirant	Nasal	Lateral	Trill
<i>Labial consonants</i>						
Regular labial	<i>p b φ</i>		<i>f v</i>	<i>m</i>		
Dorsal-labial	<i>t° d° ʝ°</i>		<i>u° ɸ</i>			
<i>Coronal consonants</i>						
	<i>t d ʝ</i>			<i>n</i>	<i>l</i>	<i>r</i>
Hissing		<i>t̪ d̪ ʝ̪</i>	<i>s z</i>			
Labialized hissing		< <i>i° d̪° ʝ̪°</i> >				
“Hard” hushing		<i>t̪̣ d̪̣ ʝ̪̣</i>	<i>u, j</i>			
“Soft” hushing		<i>t̪̣̣ d̪̣̣ ʝ̪̣̣</i>	<i>u, j</i>			
<i>Velar consonants</i>						
	<i>k g q</i>					
Palatalised	<i>k̟ g̟ q̟</i>					
Labialized	<i>k° g° q°</i>					
<i>Back velar consonants</i>						
	<i>k̠</i>		<i>q̠ ʒ̠</i>			
Palatalised	<i>k̠̟</i>		<i>q̠̟ ʒ̠̟</i>			
Labialized	<i>k̠°</i>		<i>q̠° ʒ̠°</i>			
<i>Laryngal consonants</i>						
			<i>ħ</i>			
Labialized			<i>ħ°</i>			
Labialized and palatalized			<i>ɣ</i>			

<л. 12 (л. II содержит черновик таблицы знаков ААА, данной в конце л. 10)>

IV

В чём же можно видеть непоследовательность в ААА с чисто-теоретической (– пока), т. е. с фонетической точки зрения?

1) Если смотреть – в данном случае – на ААА, как на фонетическую и принципиальную систему, имеющую задачей (подобно МФА) изобразить анализ каждой фонемы, а не как на практическое письмо, то неправильным будет употребление простых букв $p\ t\ k$ для $p^2\ t^2\ k^2$ <в рукописи ошибочно: $p'\ t'\ k'$ > т. е. глухих смычных с *coup de glotte* (или с “надгортанной экспирацией” по Н.Ф. Яковлеву)⁷. Ведь это – простые (– “стержневые”) звуки, только с кавказской и в частности с грузинской (присущей, естественно, Марру), но не с обще-фонетической точки зрения. Конечно, с точки зрения практической задачи постараться обойтись без лишнего значка для обозначения *coup de glotte* (² в МФА) и было бы выгоднее, но мы ведь условились рассматривать здесь ААА именно как образец фонетической транскрипции, т. е. как научную систему. <л. 13>

Приняв же – так или иначе – простые буквы $p\ t\ k$ для $p^2\ t^2\ k^2$ (МФА), мы тотчас наталкиваемся на непоследовательность в выборе букв для соответствующих им “придыхательных” (– “глухих с подгортанной <в рукописи ошибочно: надгортанной> экспирацией” по Н. Ф. Яковлеву): $\varphi\ \vartheta\ q$.

В первых двух рядах (губном и передне-язычном) взяты греческие буквы, а следовательно, аналогия требовала бы и в третьем ряду (для k' (МФА)) взять греч. χ (“хи”)⁷.

Вместо этого мы находим здесь абсолютно необоснованную и никчёмную латинскую букву q (для k' (в МФА)), что в корне путает традиционные ассоциации, связываемые с этой буквой (думаю, что ни у одного человека, не подготовленного предварительно к этому Марровскому значению q – буква эта (q) не вызовет представле- <л. 14> ния о придыхательном (– “глухом, с подгортанной экспирацией”), притом не-глубокозаднеязычном).

Это же простирается на все осложнения буквы q (т. е. на выражения всех не-глубоко- и глубоко-заднеязычных – придыхательных: $q\ \varphi\ \dot{q}\ \dot{\varphi}$ (= $k''\ k''^w\ x\ x^w$ в МФА)).

2) <в рукописи ошибочно: з)> Изумляет употребление фигур $t\ d\ \vartheta$ в качестве основных частей букв $t^o\ d^o\ \vartheta^o$ (= $\psi^2\ \psi^2\ \psi^2$)⁸ так как символы $t\ d\ \vartheta$ принято ассоциировать с идеей передне-язычных смычных (а следовательно, $t^o\ d^o\ \vartheta^o$ естественно хочется расшифровать как “лабиализованные” $t\ d\ t'$). Между тем в звуках $\psi^2\ \psi^2\ \psi^2$

⁷ Древне-греческое значение которого (– k' (в МФА)) столь же оправдывает употребление χ для абх. (resp. груз.) k' (МФА), как и φ – для p' (МФА), ϑ – для t' (МФА).

⁸ <текст сноски отсутствует>.

<f. 12 (f. 11 contains a draft of the table with the AAA signs, given at the end of f. 10)>

IV

In what can we see the incoherence of AAA from a purely theoretical (for the moment), namely phonetic, point of view?

1) In this case, if we consider the AAA as a phonetic and principled system, aiming (like the IPA) at representing the analysis of each phoneme, and not as a practical writing system, then the use of the simple letters $p t k$ in order to represent the sound $p^? t^? k^?$ <in the manuscript, erroneously, $p' t' k'$ >, that is the unvoiced occlusives with a glottal stop (or with a “supraglottal expiration” according to N.F. Jakovlev^{<11>}), will be improper. In fact, these are simple (“fundamental”) sounds only with regard to the Caucasian languages and particularly Georgian (natural to Marr, of course), but not from the point of view of general phonetics. Of course, from the point of view of a practical task, trying to do without any unnecessary sign to mark the glottal stop ($^?$ in IPA) would be more convenient, but here we agreed to consider the AAA exactly as a sample of phonetic transcription, namely as a scientific system. <f. 13>

Having accepted, either way, the simple letters $p t k$ for $p^? t^? k^?$ (IPA), we come across an incoherence in the choice of letters for their corresponding “aspirated” (“unvoiced with subglottal <in the manuscript, erroneously, supraglottal> expiration” according to N.F. Jakovlev): $\varphi \vartheta q$.

In the first two series (labial and coronal) Greek letters have been taken, and, consequently, analogy would have required to take the Greek letter χ (“хи”)⁷ for the third series too (for k' of the IPA).

Instead of this we find here the completely odd and useless *Latin* letter q (for k' in IPA), which basically confuses the traditional associations linked to this letter (I think that for no one who is not preliminarily prepared for Marr’s meaning of the letter q this letter q would inspire some notion <f. 14> of aspiration (“unvoiced with epiglottis expiration”), moreover not back-velar).

This extends to all the complications of the letter q (namely to the graphic representation of every non-back-velar and back-velar aspirated consonants: $q \varphi \dot{q} \dot{q} \dot{\varphi} (= k'' k'' x x' x''$ in IPA)).

2) <in the manuscript erroneously written 3> The use of the figures $t d \vartheta$ as basic parts of the letters $t^? d^? \vartheta^?$ ($= \psi^? \psi' \psi'$)⁸, is surprising, as the symbols $t d \vartheta$ are usually associated with the idea of coronal occlusives (and subsequently, of course, $t^? d^? \vartheta^?$ tend to be interpreted as “labialized” $t d t'$). In the meantime, in the sounds $\psi^? \psi' \psi'$ the anterior part of the

⁷ Similarly its Ancient Greek meaning (– k' in IPA) justifies the use of χ for Abkhaz (resp. Georgian) k' (IPA), as well as φ for p' (IPA) and ϑ for t' (IPA).

⁸ <no text>.

передняя часть языка (*арех*) не участвует вовсе (сравни у Чочуа: Самоучитель русского, абхазского и грузинского языков, Сухум 1926 г.^{<12>}: стр. 6: по поводу d° (AAA): “произ- <л. 15> нести в губах”; стр. 8: по поводу g° (AAA): “произнести в слабо сжатых губах, без участия других органов рта (курсив мой. Е.П.); *ibidem*, по поводу t° (AAA): “произнести в сильно сжатых губах”⁹).

То же следует сказать по поводу губных спирантов (– особых вариаций) \check{f} \check{w} (МФА), обозначаемых Марром как “лабиализованные передне-язычные”: u° o° (AAA).

3) Чёрточка _ под буквой в \check{t} \check{d} \check{g} ^{<13>} употреблена Н.Я. Марром очевидно в результате неправильной трактовки \check{c}° \check{z}° \check{c}'° – в отличие от \check{c}'° \check{z}'° \check{c}''° (где, по наблюдениям Н.Ф. Яковлева и моему (над произношением тт. Кобахия и Богапша) отличие этих последних, т. е. \check{c}'° \check{z}'° \check{c}''° (= \check{t} \check{d} \check{g} в AAA) от \check{c}° \check{z}° \check{c}'° (= \check{t} \check{d} \check{g} в AAA) – не в моменте <л. 16> интенсивности (– геминации, которую Н.Я. Марр и уславливается¹⁰ обозначать подстрочной чёрточкой _), а в том, что мы условно привыкли называть “мягкостью” согласного (или “палатальностью, дорсальностью”, “среднеязычностью”¹¹)^{<15>}.

4) Наиболее существенным недостатком AAA (и Яфетидологической транскрипции вообще) является употребление надстрочной точки $\dot{\quad}$ в \check{k} \check{q} (– для глубоко-заднеязычных q° x (МФА)). Ведь по трактовке Марра $\dot{\quad}$ над буквой (как напр. в \check{i} \check{g} = c° c') означает определённый сорт *аффрикат* (– в ряду передне-язычных, – свистящие аффрикаты). <л. 17> Но что же общего с аффрикатами¹² в \check{k} \check{q} (AAA) = q° x (МФА)? Очевидно, Марр совершенно упускает разницу между k и \check{k} (AAA), т. е. между k° и q° (МФА) *по месту образования* (в первом случае – *не-глубокий*, во втором – *глубокий* заднеязычный ряд), заменяя её *метафизическим* (– для данного случая) понятием аффрикатности.

Если на этот счёт есть какие-нибудь мотивы историко-фонетического характера (напр. корреспонденции типа: x ^{<16>} || $\check{t}s$ (МФА) = \check{q} || \check{i} (AAA) между двумя языками¹³), то в *фонетической* транскрипции, строимой <л. 18> на анализе фонетических артикуляций, а не из этимологических соображений, им нет места.

⁹ <текст сноски отсутствует>.

¹⁰ <текст сноски отсутствует>^{<14>}.

¹¹ <текст сноски отсутствует>.

¹² <текст сноски отсутствует; в рукописи, по-видимому, произошёл сбой в ссылке на подстрочное примечание: текста, который относился бы к этому месту, обозначенному одной звёздочкой, в подстрочном примечании нет, а имеющееся подстрочное примечание относится к месту, обозначенному в тексте двумя звёздочками – см. следующую авторскую сноску>.

¹³ Напр. между грузинским и семитическими (в виде груз. $\check{t}s$ || семитич. \check{z}) – см. “Предварительное сообщение о родстве...” (перепечатано в сборнике “По этапам развития яфетической теории” Н.Я. Марра)^{<17>}.

tongue (*apex*) does not participate at all (see Chochua's *Teach yourself Russian, Abkhaz and Georgian*, Suchumi 1926^{<12>}, p. 6, about *ɸ* (AAA): "pronounce <f. 15> on the lips"; page 8, about *ɸ* (AAA): "pronounce with a weak compression of the lips, *without participation of other organs of the mouth* (my italics, E.P.); *ibidem*, about *ɸ* (AAA): "pronounce with a strong compression of the lips"⁹).

The same thing must be said about labial spirants (particular variations) too *ɸ* (IPA), denoted by Marr as "labialized coronal consonants": *uɸ* (AAA).

3) The dash _ under the letters *ṭ ḍ ʒ̣* ^{<13>} is used by N.Ja. Marr evidently as a consequence of his wrong interpretation of *č' ʒ' č'* in contrast to *č'' ʒ'' č''* (where, as observed by N.F. Jakovlev and by me [upon the pronunciation of the comrades Kobachija and Bogapš] the difference between *č'' ʒ'' č''* (= *ṭ ḍ ʒ̣* in AAA) and *č' ʒ' č'* (= *ṭ ḍ ʒ̣* в AAA) does not lie in the moment <f. 16> of intensity (the gemination which Marr establishes¹⁰ to mark with a sublinear dash _), but in what we are accustomed to call "softness" of the consonant (or "palatal, dorsal character", "middle tongue"¹¹))^{<15>}.

4) The most significant shortcoming of the AAA (and in general of the Japhetidological transcription) is the use of the supralinear dot · in *ḳ q̣* (for the back velar *q' x* of the IPA). In fact, according to Marr's interpretation the dot above the letters (like in the case of *ṭ ʒ̣ = c' c'*) marks a certain kind of *affricate* (in the series of the coronal, hissing affricates). <f. 17> But what do *ḳ q̣* (AAA) = *q' x* (IPA) have in common with affricates¹²? Apparently, Marr completely overlooked the difference between *k* and *ḳ* (AAA), namely between *k'* and *q'* (IPA) depending on the *place of articulation* (*not back* velar series in the first case, *back* velar in the second), and replaced it with a *metaphysical* (in this case) notion of affricate.

If, in this regard, there are some reasons of historic-phonetic nature (for example, the correspondence as *x*^{<16>} || *ts* (IPA) = *q̣* || *ṭ* (AAA) between two languages¹³), there is no place for them in a *phonetic* transcription, built <f. 18> on the analysis of the phonetic articulation, and not on etymological considerations.

⁹ <no text>.

¹⁰ <no text>^{<14>}.

¹¹ <no text>.

¹² <no text. In the manuscript a failure occurred in the reference to the footnote: the footnote text does not correspond to the passage marked with one asterisk; it refers to the passage marked in the text with two asterisks – see the next footnote>.

¹³ For example, between Georgian and Semitic (like the Georgian *ts* and the Semitic *ç*), see "A preliminary report on the kinship of Georgian with the Semitic languages" (I copy from N.Ja. Marr's compendium *Along the Stages of Development of the Japhetic Theory*^{<17>}).

И, наконец, как допустить употребление одного и того же диакритического знака – $\dot{\quad}$ над буквой и в \dot{k} (AAA) = q^2 (МФА), т. е. в смычном, и в \dot{q} (AAA) = x (МФА), т. е. в спиранте?

Тут уже нанизывается одна путаница на другую, и в результате читателю, подходящему к AAA с лингвистическими (фонетическими) запросами, буквально ничего нельзя уяснить себе ни из этой транскрипции, ни из сообщённых Марром объяснений (ор. cit.)^{<18>} – относительно характера звуков, изображённых в виде $\dot{k} \dot{q}$ (AAA).

Сказанное распространяется, конечно, и на регулярные осложнения этих символов: $\dot{k} \dot{q} \dot{k}^{\circ} \dot{q}^{\circ}$ <л. 19>.

5) Подобная же непоследовательность в употреблении $\check{\quad}$ в составе \check{z} – для звонкого глубоко-заднеязычного спиранта (\check{z} ^{<19>} в МФА = арабско-турецкое ξ).

Этот значок ($\check{\quad}$) опять-таки в ряду переднеязычных обозначает звонкую аффрикату (и – благодаря надстрочности именно свистящую, т. е. $\check{d} = z$ (dz) в МФА). Но где же аффрикатность в \check{z} (ξ)?

Перейдём теперь к другой точке зрения – практической. Насколько хорош AAA в смысле удобств графического и полиграфического использования.

Тут тоже можно найти минусы, и как показывают современные голоса абхазского учительства – минусы весьма зловредного характера.

Ограничусь сначала двумя частными пунктами:

1) Если употребление точек $\dot{\quad}$ и $\check{\quad}$ в ряду переднеязычных (для звуков типа ζ и \check{c}) и может быть оправдано теоретически, как своеобразный аналитический приём, то технически – это приём убийствен-<л. 20>ный (комментарии, думаю, излишни: зачем в практическом письме запутывать так дело, когда можно для звуков данных типов найти особые буквы?)

2) Если теоретически перечёркивание буквы h , в \check{h} (= H в МФА = арабское \check{h}) и правильно, то практически эта чёрточка совсем излишняя, покуда в абхазском языке не нашлось другого – простого h (арабское h). И если, как я говорил выше, возможно и даже хорошо – из практических соображений – не употреблять диакритического знака в $p t k$ (AAA) = $p^2 t^2 k^2$ (МФА), то тут (в букве \check{h}) мы сталкиваемся как раз с обратным: с ненужной для практического письма научностью. Ещё более бросается в глаза это нежелание считаться с интересами школы и практики в том, что в AAA вводится замечательная по своей трудности буква w (для Q^h (в МФА)) – в то время как простая буква w остаётся неиспользованной. Можно подумать, что Н.Я. Марр сознательно ставил в число своих задач не простоту, а наоборот – сложность букв своего алфавита. <л. 21>

Наконец, укажу на главный недостаток AAA-та, как предназначенного для практической роли письма: одна и та же основная фигура (напр. t, d, ϑ, k, g, q) входит в начертание весьма солидного числа букв. Таким образом фигура “t” (или “T”)

And, finally, how can we admit the use of the same diacritical sign – supralinear \cdot for both the occlusive \dot{k} (AAA) = $q^?$ (IPA) and the spirant \dot{q} (AAA) = x (IPA)?

Here the errors accumulate one after another and, as a result, a reader who approaches the AAA with linguistic (phonetic) requests, can understand literally nothing from this transcription nor from Marr's explanatory reports (*op. cit.*) regarding the nature of the sounds represented as \dot{k} and \dot{q} (AAA).

What has been said applies, of course, to the regular complications of these symbols too: $\dot{k}, \dot{q}, \dot{k}^\circ, \dot{q}^\circ$ <f. 19>.

5) A similar incoherence is seen in the use of \cdot^v in \dot{g} for the voiced back-velar spirant ($\mathfrak{Z}^{<18>}$ in IPA = Arabic/Turkish \dot{g}).

Again, this sign (\cdot^v) in the series of the coronal consonants means a voiced affricate (and, due to the supralinear character, the hissing, namely $\dot{d}^v = \mathfrak{z}$ (dz) in IPA). But where is the affrication in \mathfrak{z} (\dot{g})?

Now let us move to the other point of view: the practical one. How good AAA is with respect to its commodity in graphic and polygraphic use.

Certain shortcomings can be found here too and, as contemporary comments by the Abkhazian teaching staff show, they are of a very negative nature.

I will limit myself firstly to two particular points:

1) Even if the use of the supralinear \cdot and sublinear \cdot dots in the series of the coronal consonants (for sounds of the type η and ψ) can be justified theoretically, as a peculiar analytical method, still this method is technically deleterious <f. 20> (I think that comments are unnecessary: why complicate things in practical writing when special letters can be found for these types of sounds?).

2) If the stroke on the letter h in \dot{h} (= H in IPA = Arabic \dot{h}) is theoretically correct, practically this stroke is unnecessary, since in Abkhaz no other simple h can be found (Arabic h). And if, as I said before, it is possible and even positive – from practical considerations – not to use the diacritical sign in $p t k$ (AAA) = $p^? t^? k^?$ (IPA), there again (in the letter \dot{h}) we meet the opposite: a scientific character which is unnecessary for a practical writing system. Even more evidently appears the unwillingness to take into account the interests of the school and of practical usage in the fact that in the AAA the exceptionally difficult letter ψ (for Q^u (in IPA)) has been introduced, while the simple letter w remains unused. One may think that N.Ja. Marr deliberately established, among his goals, not the simplicity but the complexity of the letters of his alphabet <f. 21>.

Lastly, I will show a large inadequacy of the AAA, as a writing system destined for a practical use: the same basic form (for example t, d, ϑ, k, g, q) recurs in the typeface of a very great number of letters. Therefore, the figure “t” (or “T”) is repeated through the al-

повторяется в составе алфавита 6 раз: $t t^{\circ} \acute{t} \grave{t} \check{t} \dot{t}$. Равным образом по 6 раз повторяются и фигуры “d” (“D”), “g” (“G”), “k” (“K”), “g” (“G”), “q” (“Q”). Различие же между шестью буквами, содержащими одну и ту же фигуру (напр. между буквами $\acute{g} \grave{g} \check{g} \dot{g}$ или между $q \acute{q} \grave{q} \check{q} \dot{q}$) зиждется на диакритических значках, в большинстве случаев на точке (над или под буквой). Отсюда и вытекает и основное неудобство алфавита. Во-первых, эти точки чрезвычайно затрудняют пишущего и читающего – приходится беспрерывно отрывать перо от строки; во-вторых, точка над буквой <л. 22> и под буквой весьма легко могут быть восприняты как относящиеся не к той строке: таким образом, вместо \acute{t} легко может быть прочитано t и т. п. (и такие случаи сплошь и рядом бывают, как мне сообщил т. Богапш). И в третьих – и это самое главное – эта система точек (и других значков, особенно $\check{\ } \grave{\ } \dot{\ }$ и $\grave{\ } \check{\ } \dot{\ }$) запоминается с большим трудом и требует колоссальных усилий как со стороны учащегося, так и со стороны преподавателя. Достаточно указать, что кружок абхазского языка в Секции Родных Языков при Сталинском Коммунистическом Университете весь учебный год занят был прохождением ААА-та, и в результате студенты так и не усвоили его в нужной степени: после двухнедельной паузы в занятиях родным языком распределение точек оказы- <л. 23>вается снова позабытым и приходится повторять алфавит.

Конечно, в защиту этой системы точек можно было бы сказать то, что они выражают подлинный физиологический состав соответствующих фонем. Но этого-то и нет – ибо в виду вышеуказанных теоретических недоразумений (‘ в \acute{t} и в $\grave{k} \acute{q}$ в связи с мнимыми “заднеязычными аффрикатами”, и т. д. и т. д.) анализ оказывается в корне ошибочным и таким образом ААА теряет своё значение *Аналитического* Алфавита. Этим отнимается всякая *raison d'être* системы точек: их, стало быть, приходится запоминать уже не сознательно – не исходя из в каждый момент доступного анализа своего собственного произношения, – а механически. Например, буквы $\acute{t} \grave{k} \acute{q}$ (для “ц”, глубокого “к” и “х”) приходится брать на память без всякой взаимной связи между данными буквами (тогда как исходя из понятия аналитического алфавита, эту связь и должна была знаменовать точка над каждой из этих 3 букв). И тут для всякого будет понятным, что было бы гораздо выгоднее обойтись (для данных <л. 24> 3 звуков) без точек, взяв, например, три совершенно различных буквы; хотя бы $c q x$.

Итак ААА не выдерживает ни тех требований, какие могут быть предъявлены к теоретической системе фонетической транскрипции, ни, тем более – тех, которые школа и жизнь предъявляют к практическому письму.

Какой же вывод?

А вывод тот, что чем скорее будет ликвидирован этот опыт с ААА в Абхазии, тем лучше и для Абхазии, сделавшейся объектом данного яфетидологического эксперимента, и для других народностей, стоящих перед реформой своей письменности: ликвидация абхазского прецедента даст им возможность избежать опасных рецептов “яфетидологической транскрипции”.

Е. Поливанов

phabet six times: $t \overset{\cdot}{t} \underset{\cdot}{t} \overset{\cdot}{t} \underset{\cdot}{t}$. Similarly, the figures “d” (“D”), “g” (“G”), “k” (“K”), “g” (“G”), “q” (“Q”) are repeated six times. The difference among the six letters containing the same figure (like between $\overset{\cdot}{d} \overset{\cdot}{d} \overset{\cdot}{d} \overset{\cdot}{d} \overset{\cdot}{d} \overset{\cdot}{d}$ or $q \overset{\cdot}{q} \overset{\cdot}{q} \overset{\cdot}{q} \overset{\cdot}{q} \overset{\cdot}{q}$) lies in their diacritical signs, in most cases a dot (above or under the letter). From this the main inconvenience of the alphabet is clear. Firstly, these dots make it extremely hard for the writer and the reader, because it is constantly necessary to lift the pen from the line; secondly, the dots above <f. 22> and under the letters can very easily be misinterpreted as not linked to the proper line: therefore, instead of $\overset{\cdot}{t}$ one may easily read t etc. (and these things happen all the time, as I was told by comrade Bogapš). And thirdly – and most importantly – this system of dots (and other symbols, especially $\overset{\cdot}{\ } \overset{\cdot}{\ } \underset{\cdot}{\ } \underset{\cdot}{\ }$) is very hard to remember and requires a colossal effort from both students and teachers. Suffice it to say that the circle of the Abkhaz language of the Section of Mother Tongues at the Stalin Communist University for the whole academic year was involved in the learning of the AAA and, as a result, students did not reach the level required: it has turned out that, after a two week break from lessons, the distribution of dots is <f. 23> forgotten and the alphabet has to be repeated once again.

Of course, in defense of this system of dots one could say that they express the authentic physiological composition of the corresponding phonemes. But exactly this does not hold true – for in view of the above mentioned theoretical misunderstanding (the dot $\overset{\cdot}{\ }$ in $\overset{\cdot}{t}$ and $\overset{\cdot}{k} \overset{\cdot}{q}$ linked to the alleged “velar affricates” etc. etc.) – the analysis proves to be wrong at heart and thus the AAA loses its meaning of *analytical* alphabet. This deprives the dot system of every *raison d'être*: consequently, the dots have to be remembered no longer consciously – through the introspective analysis of one’s own pronunciation, – but mechanically. For example, the letters $\overset{\cdot}{t} \overset{\cdot}{k} \overset{\cdot}{q}$ (for “ц”, back-velar “к” and “х”) must be learnt by heart without any mutual link between the given letters (while, from the concept of the analytical alphabet, this dot on each of these 3 letters was intended exactly to mark this link). And for everybody it would have been clearly more profitable to do without the dots (for these <f. 24> three sounds), taking, for example, three completely different letters; at least $c \ q \ x$.

So the AAA bears neither those requirements which may be imposed on a theoretical system of phonetic transcription, nor, especially, those which school or the everyday life may impose to a practical writing system.

What is the conclusion?

The conclusion is that the faster Abkhazia will rid itself of this experience with the AAA, the better it will be for both Abkhazia, being the object of this Japhetidological experiment, and for other nationalities facing the reform of their own writing system: the deletion of the Abkhaz precedent will give them the possibility to avoid the dangerous solutions of the “Japhetidological transcription”.

E. Polivanov

КОММЕНТАРИИ ИЗДАТЕЛЕЙ К ТЕКСТУ РУКОПИСИ

¹ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук – Russian Association of Scientific Research Institutes of the Social Sciences (1926-1930). At this institution, whose Presidium included N. Ja. Marr himself, Polivanov was carrying out research work on “social dialects, language theory, and Marxist ideology” – and their triple impact on contemporary Russian (Smith 1998: 67).

² Государственная академия истории материальной культуры (see Ун35: 223-235), ныне – Институт истории материальной культуры РАН – The State Academy of the History of Material Culture, today’s Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Kennedy Grimsted 2015: 499-504), was for many years headed by N. Ja. Marr (Сидорчук 2016).

³ See Поливанов 1928: 177 (English translation: Thomas 1957: ix).

⁴ While the *communis opinio* holds that the Abkhaz analytical alphabet lasted only two years, namely from 1926 to 1928, N. F. Jakovlev affirms that it was adopted already in 1924 and practically introduced in schools and the press one year later (Яковлев 1931: 49).

⁵ See Мapp 1926a.

⁶ In defining the phoneme as “sound image” Polivanov followed his teacher J. Baudouin de Courtenay: “Das Phonem = eine einheitliche, der phonetischen Welt angehörende Vorstellung, welche mittelst psychischer Verschmelzung der durch die Aussprache eines und desselben Lautes erhaltenen Eindrücke in der Seele entsteht = psychischer Aequivalent des Sprachlautes” (Baudouin de Courtenay 1895: 9; Russian translation Бодуэн де Куртенэ 1963: 271, English translation Baudouin de Courtenay 1972: 152). For more details see fn. 36 on p. 207.

⁷ The standard language is based on the Abzhywa dialect, whose consonant system is simpler than that of the Bzyb dialect.

⁸ See Щерба 1912.

⁹ On the third, middle phoneme *l* of the Western European type see also Поливанов 1931: 147-149 (= Поливанов 1968: 232-234; English translation: Polivanov 1974: 216-218).

¹⁰ The symbols \mathfrak{z} and x with this meaning are proposed by L.V. Ščerba (Щерба 1912: 172), following Brugmann (*ibid.*: 170) and Sievers (*ibid.*: 178); now in the IPA the symbols χ and \varkappa are used. However, according to the table of consonants in Polivanov's handbook (1928: 174) the symbol x denotes the non-back velar unvoiced spirant, while the back one is expressed by the symbol \varkappa (see also the notes 16 and 19). For more details see § 3.3.

¹¹ See Поливанов 1928: 108.

¹² See Чочуа 1926; cfr. fn. 37 on p. 208.

¹³ The dot and the “angle”, according to Marr's terminology (Mapp 1926a: 33), are in complementary distribution in the system of the Abkhaz Analytical Alphabet: the dot is used with voiceless consonants, the angle with voiced. As the phonological opposition voiced-voiceless is already distinguished by the basic characters, the use of both the dot and the angle does not make sense (Matthews 1953: 68). For more details see § 1.2.

¹⁴ See Mapp 1926a: 42-43.

¹⁵ After the semicolon the following text has been deleted with a pencil: “таким образом, $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ (= $\check{c}' \check{z} \check{c}'$ в МФА) противоплагаются звукам $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ ” (“Thus, $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ (= $\check{c}' \check{z} \check{c}'$ in IPA) contrast with the sounds $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ ”). Instead of the latter symbols the “soft” $\underline{t} \underline{d} \underline{\vartheta}$ (= $\check{c}' \check{z}' \check{c}''$ in IPA) should be used.

¹⁶ Here and at the end of the following paragraph the sign \varkappa above the symbol x has been deleted by Polivanov (see notes 10 and 19; cfr. Поливанов 1925: 114-116).

¹⁷ See Mapp 1908: 2 (reprinted in Mapp 1926b: 10 and Mapp 1933: 24), cfr. Франк-Каменецкий 1937: 172.

¹⁸ See Mapp 1926a: 43.

¹⁹ Here and at the end of the following paragraph Polivanov has deleted the symbol \varkappa , replacing it with \mathfrak{z} (see notes 10 and 16).

Сокращения

AAA:	Абхазский Аналитический Алфавит
МФА:	Международный Фонетический Алфавит
AAA:	Abkhaz Analytical Alphabet
IPA:	International Phonetic Alphabet
АБС:	<i>Абхазский биографический словарь</i> , под ред. В.Ш. Авицба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015.
ОЗ26:	<i>Объяснительная записка к “Смете на работу экспедиции на Кавказ и в Закавказье, организуемой Яфетическим Институтом” на 1926-1927 гг., 27 ноября 1926 г.</i> , “Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований”, IX, 2013, 1, с. 165-166, ср. < https://alp.iling.spb.ru/static/alp_IX_1.pdf > (29.05.2017).
ПВ26:	<i>Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля-5 марта 1926 г. (Стенографический отчёт)</i> , Бакинский рабочий, Баку 1926.
ПQR:	Е.Д. Поливанов, <i>Рецензия на книгу: Р.О. Якобсон. К характеристике евразийского языкового союза. 1931.</i> Рукопись в фонде Р. Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (коробка 17/С/15, папка 21 – 11 тетрадей, более 130 нумерованных листов).
ПП29:	<i>Пятилетний план работы Института яфетидологических разысканий на 1929-1934 гг. от 6 марта 1929 г.</i> , Фонд 77, Оп. 1 (1921-1929), Д. 34, Л. 27-29, “Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований”, IX, 2013, 1, с. 216-221, ср. < https://alp.iling.spb.ru/static/alp_IX_1.pdf > (29.05.2017).
СО1:	<i>Стенографический отчёт Первого пленума Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Баку с 3 по 7 июня 1927 года</i> , Издание ВЦКНТА, Москва 1927.
СО2:	<i>Стенографический отчёт Второго пленума Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Ташкенте от 7 по 12 января 1928 года</i> , Издание ВЦКНТА, Баку 1929.
СО3:	<i>Стенографический отчёт Третьего пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Казани от 18-20 по 23-е декабря 1928 г.</i> , Издание ВЦКНТА, Москва 1929.
Ун35:	<i>Университеты и научные учреждения</i> , Наркомпрос РСФСР, 2-е издание, переработанное и дополненное, Объедин. науч.-техн. изд-во, Москва-Ленинград 1935.

- УП36: *Уточнённый план работы Института на 1936 г.*, Архив Института Востоковедения РАН, Санкт-Петербург, ф. 152, оп. 1а, дело 348. Материалы об участии Института Востоковедения в работе по новому алфавиту, 15/II 1934 – 16/X 1936, с. 57.
- НИ30: *Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока*, “Учёные записки. Институт этнических и национальных культур народов Востока, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук”, II, 1930, с. 233-263.

Литература

- Абидзба 2015: В.Ш. Авидзба, *Хишба Мушни Лаврентьевич*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, М.-Сухум 2015, с. 695-696.
- Алпатов 1988: В.М. Алпатов, *Изучение японского языка в России и СССР*, Наука, Москва 1988.
- Алпатов 2012: В.М. Алпатов, *Языковеды, востоковеды, историки*, Языки славянских культур, Москва 2012.
- Ахвледиани 1926: გ. ახვლედიანი, *მასალები აფხაზურ ზგერათა ფიზიოლოგიისათვის*, “მომომხილველი. საქართველოს საისტორიო და საეთნოგრაფიო საზოგადოების ორგანო” / “Обозреватель. Орган Историко-этнографического Общества Грузии” / “L’observateur. Journal scientifique de la Société d’Histoire et d’Ethnographie de Géorgie”, I, 1926, с. 195-197.
- Ахвледиани 1937: *ფონეტიკური ლიტერატურის ანოტირებული ბიბლიოგრაფია*. I. *ქართველური ენები*, გ.ს. ახვლედიანის რედაქციით / *Аннотированная библиография фонетической литературы*. I. *Картвельские языки*, под ред. Г.С. Ахвледиани, СССР მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის გამომცემლობა, ტფილისი 1937 / Издательство Грузинского Филиала Академии Наук СССР, Тбилиси 1937 [на грузинском и русском языках].
- Ахвледиани 1938: გ. ახვლედიანი, *ზოგადი და ქართული ენის ფონეტიკის საკითხები*, სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, თბილისი 1938.

- Ахведиани 1940: Г.С. Ахведиани, *Звуковые возможности кавказских языков. I. Принципы классификации согласных абхазского языка*, “სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის მოამბე” / “Сообщения грузинского филиала Академии Наук СССР” / “Mitteilungen der georgischen Akademie der Wissenschaften der USSR”, I, 1940, I, с. 87-92.
- Ахведиани 1949: გ. ახვლედიანი, *ზოგადი ფონეტიკის საფუძვლები, სტალინის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, თბილისი 1949* (Репринт სულხან-საბა ორბელიანის სახელობის თბილისის სახელმწიფო პედაგოგიური უნივერსიტეტის გამომცემლობა, თბილისი 1999).
- Бгажба 1958: Х.С. Бгажба, *Абхазский институт к 40-летию Октября*, “Труды Абхазского института языка, литературы и истории”, XXIX, 1958, с. 3-6, ср. <http://apsnyteka.org/1295-bgazhba_kh_stati.html#2> (01.06.2017).
- Бгажба 1961: Х.С. Бгажба, *К истории Абхазского института*, “Труды Абхазского института ЯЛИ им. Д.И. Гулиа”, XXXII, 1961, с. 197-204, ср. <http://apsnyteka.org/1295-bgazhba_kh_stati.html#3> (01.06.2017).
- Бгажба 1964: Х.С. Бгажба, *Бзыбский диалект абхазского языка*, Издательство Академии Наук Грузинской ССР, Тбилиси 1964, ср. <http://apsnyteka.org/1478-bgazhba_kh_bzybsky_dialekt_abkhazskogo_jazyka_1964.html> (29.05.2017) (третье издание, переработанное, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, Сухум 2006).
- Бгажба 1967: Х.С. Бгажба, *Из истории письменности в Абхазии*, Мецниереба, Тбилиси 1967, ср. <http://apsnyteka.org/318-bgajba_h_iz_istorii_abkhazskoi_pismennosti.html> (29.05.2017).
- Бигуаа 2015а: В.А. Бигуаа, *Гу́лиа Дмитрий Иосифович*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 255-257.
- Бигуаа 2015б: В.А. Бигуаа, *Ча́мба Самсон Яковлевич*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 739-740.
- Бодуэн де Куртенэ 1963: И.А. Бодуэн де Куртенэ, *Опыт теории фонетических альтернаций. Глава из психофонетики*, в: Он же, *Избранные труды по общему языкознанию*, I, Издательство Академии Наук СССР, Москва 1963, с. 265-347 (русский перевод немецкого оригинала, см. Vaudouin de Courtenay 1895).

- Волкова, Сергеева 1999: Н.Г. Волкова, Г.А. Сергеева, *Трагические страницы кавказоведения: А.Н. Генко*, в: Д.Д. Тумаркин (сост. и отв. ред.), *Репрессированные этнографы*, I, Восточная литература, Москва 1999, с. 101-134, ср. <<http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/1/101-133.pdf>> (29.05.2017).
- Габуниа 2011: З.М. Габуниа, *Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания (на материале западнокавказских языков)*, ИПО СОИГСИ, Владикавказ 2011.
- Габуниа, Гусман Тирадо 2007: З.М. Габуниа, Р. Гусман Тирадо, *История российского языкознания XX века*, Кабардино-Балкарский университет, Нальчик 2007.
- Генко 1928: А.Н. Генко, *Абхазский вокализм*, “Известия Академии Наук СССР. Серия VII – Отделение гуманитарных наук” / “Bulletin de l’Académie des Sciences de l’URSS, Classe des Sciences Historico-Philologiques”, 1928, 1, с. 45-54.
- Генко 1998: А.Н. Генко (сост.), *Абхазско-русский словарь*, подготовил к печати, снабдил предисловием и комментариями Т.Х. Халбад, Алашара, Сухум 1998, ср. <http://apsnyteka.org/file/Genko_Abhzasko-russkiy_slovar_1998.pdf> (18.07.2017).
- Гранде 1936: Б.М. Гранде, *Аналитический алфавит Н.Я. Марра и проблема научной транскрипции для нового алфавита*, в: *Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н.Я. Марру. Сборник статей*, Издательство “Власть советов” при Президиуме ВЦИК, Москва 1936, с. 43-65, ср. <http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000202_000006_2561086/viewer/> (17.07.2017).
- Иванов 1957: В.В. Иванов, *Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова*, “Вопросы языкознания”, 1957, 3, с. 55-76, ср. <<http://www.ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1957-3.pdf>> (17.05.2017).
- Ионов 1917: *Saqali: suruk bicik*. Якутский букварь, составлен В.М. Ионовым, изменён и дополнен С.А. Новгородовым при ближайшем участии Н. Афанасьева, Областная типография, Якутск 1917, ср. <<https://vivaldi.nlr.ru/bx000022477/view>> (28.07.2017).
- Исаева 2011: Л.М. Исаева, *Из истории письменности на Кавказе: языковая политика СССР 1920-1930 гг.*, “Этнограф”, XXIII, 2011, с. 147-185, ср. <<http://www.caucasology.com/amirani23/luiza.pdf>> (29.05.2017).
- Каганович 2011: Б. Каганович, *Андре Жид и Фёдор Розенберг. История дружбы*, “Вопросы литературы”, 2011, 4, с. 423-479, ср. <<http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/ka21-pr.html>> (18.07.2017).
- Климов 1962: Г.А. Климов, *О проекте единой фонетической транскрипции для кавказских языков*, Академия Наук СССР, Институт языкознания, Москва-Ленинград 1962.

- Клычев, Чкадуа 1998: Р.Н. Клычев, Л.П. Чкадуа, *Абхазский язык*, в: М.Е. Алексеев (отв. ред.), *Языки мира: Кавказские языки*, Academia, Москва 1998, с. 113-131.
- Концевич 1991а: Л.Р. Концевич, *Примечания к "Введению в языкознание для востоковедных вузов"*, в: Е.Д. Поливанов, *Избранные труды по восточному и общему языкознанию*, Наука, Москва 1991, с. 282-294.
- Концевич 1991б: Л.Р. Концевич, *Послесловие (От составителя)*, в: Е.Д. Поливанов, *Избранные труды по восточному и общему языкознанию*, Наука, Москва 1991, с. 589-621.
- Коркина, Дмитриев 1977: Е.И. Коркина, С.К. Дмитриев, *Первый якутский лингвист*, в: С.А. Новгородов, *Первые шаги якутской письменности. Статьи и письма*, Наука, Москва 1977, с. 5-17.
- Коркина, Макаров 1991: Е.И. Коркина, Г.Г. Макаров, *Семён Андреевич Новгородов*, в: С.А. Новгородов, *Во имя просвещения родного народа. Сочинения, переписка, материалы*, Якутское книжное издательство, Якутск 1991, с. 5-16.
- Куправа 2015: А.Э. Куправа, *Чочуа Андрей Максимович*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 772-773.
- Ларцев 1988: В.Г. Ларцев, *Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности*, Наука, главная редакция восточной литературы, Москва 1988.
- Леонтьев 1968: А.А. Леонтьев, *Список работ Е.Д. Поливанова*, в: Е.Д. Поливанов, *Статьи по общему языкознанию*, Главная редакция восточной литературы, Москва 1968, с. 31-45.
- Марр 1899: Н.Я. Марр, *Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы*, I. Исследование, Типография Императорской Академии Наук, Санктпетербург 1899.
- Марр 1908: Н.Я. Марр, *Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими*, Типография Императорской Академии Наук, С.-Петербург 1908 [цитируемая глава *Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими* переиздана в: Марр 1926б: 8-30 и Марр 1933: 23-38].
- Марр 1918: Н.Я. Марр, *О записывании абхазских текстов*, Типография Российской Академии Наук, [Петроград] 1918 (= Пособия для работ по яфетическому языкознанию, 1)[перепечатано в: Марр 1938: 150-164].
- Марр 1925а: Н.[Я.] Марр, *Грамматика древнелитературного грузинского языка*, Издательство Российской Академии Наук, Ленинград 1925 (= Материалы по Яфетическому Языкознанию, 12).

- Март 1925б Н.Я. Март, *Основные достижения яфетической теории (Доклад прочитанный на учредительном съезде Горской Краеведческой Ассоциации в г. Махач-Кала, Северо-Кавказское краевое партийное издательство "Вуревестник", Ростов-Дон 1925 [перепечатано в: Март 1926б: 246-277 и Март 1933: 197-216].*
- Март 1926а: Н.Я. Март, *Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)*, ЦИК СССР, Ленинградский институт живых восточных языков имени А.С. Енукидзе, Ленинград 1926 (= Труды яфетического семинария, 12), ср. <<http://menadoc.bibliothek.uni-halle.de/id/221034>> (15.12.2016) [перепечатано в: Март 1936: 320-351 и Март 1938: 256-293].
- Март 1926б: Н.Я. Март, *По этапам развития яфетической теории. Сборник статей*, НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР, Москва-Ленинград 1926.
- Март 1926в: Н.[Я.] Март, *Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе*, Издание Академии абхазского языка и литературы, Ленинград 1926.
- Март 1926г: Н.Я. Март, *О происхождении языка*, в: Он же, *По этапам развития яфетической теории. Сборник статей Н.Я. Марра*, Издание Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР, Москва-Ленинград 1926, с. 286-335 [на немецком языке Магт 1926. Перепечатано в: Март 1936: 179-209].
- Март 1928 Н.Я. Март, *Отчёт Н.Я. Марра по весенней (14 апреля-3 мая 1928 г.) командировке в Абхазию*, "Известия Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик. VII серия. Отделение гуманитарных наук" / "Bulletin de l'Académie des Sciences de l'Union des Républiques Soviétiques Socialistes. VII série. Classe des humanités", 1928, 8-10, с. 544-549 [перепечатано в: Март 1938: 387-393].
- Март 1929а: Н.Я. Март, *Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком*, в: Он же (под ред.), *Языковедение и материализм*, Прибой, Ленинград 1929, с. 1-56, ср. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/Marr29.html>> (17.07.2017).
- Март 1929б: Н.Я. Март, *Письмо Н.Я. Марра в КЭИ АН СССР о Балкаро-Карачаевской экспедиции 28 июня 1929 г.*, "Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований", IX, 2013, 1, с. 234-235, ср. <https://alp.iling.spb.ru/static/alp_IX_1.pdf> (05.07.2017).
- Март 1933: Н.Я. Март, *Избранные работы. I. Этапы развития яфетической теории*, Издательство ГАИМК, Ленинград 1933.

- Март 1936: Н.Я. Март, *Избранные работы*, II. *Основные вопросы языкознания*, Государственное социально-экономическое издательство, [Ленинград] 1936.
- Март 1938: Н.Я. Март, *О языке и истории абхазов*, Издательство Академии Наук СССР, Москва-Ленинград 1938 (= Труды института абхазской культуры имени акад. Н.Я. Март, Академия Наук СССР, Грузинский филиал, 10), ср. <http://arsnyteka.org/2159-mart_n_o_yazyuke_i_istorii_abkhazov_1938.html> (24.08.2017).
- Март, Мегрелидзе 1984: Ю.Н. Март, И.В. Мегрелидзе, *Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов*, Мецниереба, Тбилиси 1984⁺ (1938⁺).
- Мегрелидзе 1985: И.В. Мегрелидзе, *У истоков абхазоведения. Воспоминания и документы*, Алашара, Сухуми 1985, ср. <http://arsnyteka.org/file/megrelidze_i_u_istokov_abkhazovedenia.pdf> (29.05.2017).
- Медвенский 2015: Н.И. Медвенский, *Март Николай Яковлевич*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 502-503.
- Мещанинов 1931: И.И. Мещанинов, *Пособие к пользованию яфетидологическими работами*, Государственная академия истории материальной культуры, Ленинград 1931.
- Оранский 1972: И.М. Оранский, *Древнеиранская филология и иранское языкознание*, в: *Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*, Наука, главная редакция восточной литературы, Москва 1972, с. 305-339, ср. <http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/14.%20spbios_antica_iranica.pdf> (29.07.2017).
- Поливанов 1925: Е.Д. Поливанов, *Краткая классификация грузинских согласных*, “Бюллетень среднеазиатского государственного университета”, VIII, 1925, с. 113-118.
- Поливанов 1928: Е.Д. Поливанов, *Введение в языкознание для востоковедных вузов*, Издание Ленинградского Восточного Института имени А.С. Енукидзе, Ленинград 1928, ср. <<http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=44277985>> (15.05.2017).
- Поливанов 1931: Е.Д. Поливанов, *За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей*, Федерация, Москва 1931 (переиздание: СГПУ, Смоленск 2003).
- Поливанов 1935-1937: Е.Д. Поливанов, *Толковый терминологический словарь по лингвистике*, в: Он же, *Избранные труды по восточному и общему языкознанию*, Наука, Москва 1991, с. 318-506.

- Поливанов 1968: Е.Д. Поливанов, *Фонетика интеллигентского языка*, в: Он же, *Статьи по общему языкознанию*, Главная редакция восточной литературы, Москва 1968, с. 225-235 [первоначально опубликовано в: Поливанов 1931: 139-151, ср. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/POLIVANOV31d/txt.html>> (27.04.2017)].
- Розенберг 1923: Ф.А. Розенберг, *О показателях множественности в языках согдийской группы*, "Яфетический сборник", II, 1923, с. 1-17.
- Розенберг 1927: Ф.А. Розенберг, *Материалы по двадцатому счёту*, в: *Языковедные проблемы по числительным. Сборник статей*, I, Издание института литературы и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете, Ленинград 1927, с. 165-170.
- Салакая 2006: Ш. Салакая, *Великий Марр как абхазовед*, в: Дж. Ахуба (сост.), *Уи атэыла ссир акны. Астатиақзеи ажэеинраалақзеи, Апцхэынтшэкэтыжыр, Акэа 2006 / В этой чудесной стране. Статьи и стихи*, Абгосиздат, Сухум 2006, с. 53-70, ср. <http://arsnyteka.org/1385-V_etoу_chudesnoу_strane.html> (18.07.2017).
- Саманба 2015: Л.Х. Саманба, *Күхба Виктор Иосифович*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 436.
- Сидорчук 2016: И.В. Сидорчук, *Деятельность Н.Я. Марра на посту председателя Государственной Академии Истории Материальной Культуры (1919-1920, 1922-1934 гг.)*, "Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, серия Гуманитарные и общественные науки", 2016, 4 (255), с. 96-107, ср. <<http://elib.spbstu.ru/dl/2/j17-204.pdf/view>> (02.06.2017).
- Сухотин 1932: А.М. Сухотин, *Спор об унификации алфавитов*, "Революция и письменность", 1932, 1-2 (11-12), с. 95-103, ср. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/Suxotin32.html>> (29.05.2017).
- Томеллери 2017: В.С. Томеллери, *Абхазский аналитический алфавит академика Н.Я. Марра. Эволюция, революция и языковое строительство*, "Revue des études slaves", LXXXVIII, 2017, 1-2 (1917 en Russie. La philologie à l'épreuve de la Révolution), с. 69-95.
- Услар 1887: П.К. Услар, *Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык*, Типография канцелярии Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе, Тифлис 1887.
- Франк-Каменецкий 1937: И.Г. Франк-Каменецкий, *Н.Я. Марр и изучение семитических языков*, "Язык и мышление", VIII, 1937, с. 171-181, ср. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/Frank-Kameneckij37.html>> (18.07.2017).

- Хашба 1936: А.К. Хашба, *Академик Н.Я. Марр о языке и истории Абхазов*, под ред. И.И. Мещанинова, Издание ИАК АН СССР, Сухуми 1936 (= Труды института абхазской культуры им. акад. Н.Я. Марра, Академия Наук СССР – Грузинский филиал, 4), ср. <http://apsnyteka.org/file/khashba_a_k_akademik_marr_o_yazyke_i_istorii_abhazov_1936.pdf> (24.04.2017).
- Хеция 2015: А.Д. Хеция, *Хашба Арсений Константинович*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 692.
- Чикобава 2010: ა. ჩიქობავა, “Н. Марр, *Грамматика древнелитературного грузинского языка*, Ленинград 1925. რეცენზია”, в: ა. ჩიქობავა, *მრომები*, 1, არნოლდ ჩიქობავას სახელობის ენათმეცნიერის ინსტიტუტი, თბილისი, с. 128-168 (первоначально опубликовано в: “მიმომხილველი. საქართველოს საისტორიო და საეთნოგრაფიო საზოგადოების ორგანო” / “Обозреватель. Орган Историко-этнографического Общества Грузии” / “L’observateur. Journal scientifique de la Société d’Histoire et d’Ethnographie de Géorgie”, I, 1926, с. 285-330).
- Чобан-Заде 1928: Б. Чобан-Заде, *Итоги унификации алфавитов тюрко-татарских народов*, “Культура и письменность Востока”, III, 1928, с. 18-34.
- Чочуа 1926: А.М. Чочуа, *Самоучитель русского, абхазского и грузинского языков*, Сухум 1926¹ (1934² [переиздано в Чочуа 1969: 151-292]).
- Чочуа 1969: А.М. Чочуа, *Собрание сочинений в трёх томах*, II, Алашара, Сухум 1969, ср. <http://apsnyteka.org/1805-tchotchua_a_sobranie_sotchineny_tom_2_1969.html> (04.06.2017).
- Щерба 1912: Л.В. Щерба, *К вопросу о транскрипции (Доклад, читанный в заседании лингвистической секции Спб. Неофилологического Общества 11 мая 1911 г.)*, “Известия отделения русского языка и словесности Академии Наук”, XVI, 1912, 4, с. 161-181, ср. <<http://dlib.rsl.ru/01003799484>> (23.12.2016).
- Юшманов 1937: Н.В. Юшманов, *Фонетические параллели африканских и яфетических языков*, в: *Africana. Труды группы африканских языков / Africana. Transactions of the section of African studies*, Издательство Академии Наук СССР, Москва-Ленинград 1937, с. 19-44.
- Яковлев 1928: Н.Ф. Яковлев, *Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории)*, “Культура и письменность Востока”, 1928, 1, с. 41-64, ср. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/JAKOVLEV28b/txt.html>> (30.05.2017).
- Яковлев 1930: Н.Ф. Яковлев, *Унификация алфавитов для горских языков Северного Кавказа*, “Культура и письменность Востока”, 1930, 6, с. 44-68.

- Яковлев 1931: Н.Ф. Яковлев, *Аналитический или новый алфавит?*, “Культура и письменность Востока”, 1931, 10, с. 43-60, ср. <<http://crecleo.seriot.ch/textes/Jakovlev31b.html>> (20.04.2017).
- Яковлев 1932: Н.Ф. Яковлев, *Унификация алфавитов в СССР в переходный период как элемент культурной революции*, “Революция и письменность”, 1932, 1-2, с. 87-89.
- Яковлев 1936: Н.Ф. Яковлев, *О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов*, “Революция и письменность”, 1936, 2, с. 25-38.
- Яковлев 2006: Н.Ф. Яковлев, *Грамматика абхазского литературного языка*, Алашара, Сухум 2006, ср. <http://apsnyteka.org/279-yakovlev_n_grammatika_abkhazskogo_literaturnogo_yazyka.html> (28.07.2017).
- Alpatov 2013: V.M. Alpatov, *E.D. Polivanov: Life and Works*, в: S. Archaimbault, S. Tchougounnikov (eds.), *Evgenij Polivanov (1891-1938). Penser le Langage au Temps de Staline*, Institut d'études slaves, Paris 2013, с. 9-16.
- Baudouin de Courtenay 1895: J. Baudouin de Courtenay, *Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik*, Commissionsverlag von Karl J. Trübner, Strassburg 1895.
- Baudouin de Courtenay 1972: J. Baudouin de Courtenay, *An Attempt at a Theory of Phonetic Alternations: A Chapter from Psychophonetics*, в: Он же, *A Boudouin de Courtenay Anthology: The Beginnings of Structural Linguistics*, Translated and edited by E. Stankiewicz, Indiana University Press, Bloomington-London 1972, с. 144-212.
- Catford 1972: J.C. Catford, *Labialisation in Caucasian languages, with special reference to Abkhaz*, в: A. Rigault, R. Charbonneau (eds.), *Actes du septième congrès international des sciences phonétiques. Tenu à l'Université de Montréal et à l'Université McGill 22-28 août 1971*, Mouton, La Haye-Paris 1972, с. 679-682.
- Catford 1977: J.C. Catford, *Fundamental Problems in Phonetics*, Indiana University Press, Bloomington 1977.
- Chirikba 2003: V.A. Chirikba, *Abkhaz*, Lincom Europa, München 2003.
- Colarusso 1988: J. Colarusso. *The Northwest Caucasian Languages: A Phonological Survey*, Garland Publishing, New-York & London 1988.
- Dumézil 1934: G. Dumézil, *Méthodes et mœurs de la linguistique caucasienne: réponse au Prince Troubetskoy*, Adrien-Maisonneuve, Paris 1934.
- Eribon 1992: D. Eribon, *Faut-il brûler Dumézil? Mythologie, science et politique* Flammarion, [Paris] 1992.

- Hewitt 1986: B.G. Hewitt, *The Labialised Sibilants of Ubykh (North West Caucasian)*, "Revue des Etudes Géorgiennes et Caucasiennes", II, 1986, с. 21-30, cp. <http://www.georgehewitt.net/pdf/Ubykh_hg.pdf> (17.07.2017).
- Hewitt 2010: B.G. Hewitt, *Abkhaz. A Comprehensive Self-Tutor*, Lincom Europa, München 2010.
- Hewitt, Khiba 2002: G. Hewitt, Z. Khiba, *An Exercise in Abkhaz Comparative Dialectology: In the Steps of N.Ja. Marr*, в: W. Bublitz, M. von Roncador, H. Vater (Hrsgg.), *Philologie, Typologie und Sprachstruktur. Festschrift für Winfried Boeder zum 65. Geburtstag / Philology, Typology and Language Structure. Festschrift for Winfried Boeder on the Occasion of his 65th birthday*, Lang, Frankfurt am Main u др. 2002, с. 47-64.
- Kennedy Grimsted 2015: P. Kennedy Grimsted (ed.), *Archives of Russia. A Directory and Bibliographic Guide to Holdings in Moscow and St. Petersburg*, English-language Edition, Routledge, London-New York 2015 (2000¹).
- Marr 1926: N. Marr, *Über die Entstehung der Sprache*, "Unter dem Banner des Marxismus", I, 1926, 3, с. 558-599 [репринт в: Stalin, Marr 1972: 85-146].
- Matthews 1950: W.K. Matthews, *The Soviet Contribution to Linguistic Thought*, "Archivum linguisticum", II, 1950, 1, с. 1-23; 2, с. 97-121.
- Matthews 1953: W.K. Matthews, *Marr's Analytical Alphabet*, "Archivum linguisticum", V, 1953, 1, с. 65-74.
- Polivanov 1974: E.D. Polivanov, *The Phonetics of the Language of Intellectuals*, в: Он же, *Selected Works. Articles on General Linguistics*, compiled by A.A. Leont'ev, Mouton, The Hague-Paris 1974, с. 211-219 [English translation of Поливанов 1968].
- Polivanov 2014: E.D. Polivanov, *Pour une linguistique marxiste. Articles choisis, édités et présentés par Elena Simonato*, traduction du russe par E. Simonato et P. Sériot, Lambert-Lucas, Limoges 2014.
- Sériot 2013: P. Sériot, *L'alphabet analytique abkhaze de N. Marr: une pasigraphie génétique?*, в: E. Simonato (éd.), *L'édification linguistique en URSS: thèmes et mythes*, Centre de linguistique et des sciences du langage, Lausanne 2013, с. 9-28 (= Cahiers de l'Institute de Linguistique et des Sciences du Langage, 35), cp. <https://www.unil.ch/clsl/files/live/sites/clsl/files/docs/publications/ILSL_35_Simonato_entier.pdf> (24.06.2016).

- Simonato 2005: E. Simonato, *Marr et Jakovlev: deux projets d'alphabet abkhaz*, в: P. Sériot (éd.), *Un paradigme perdu: la linguistique marriste*, Institut de Linguistique et des Sciences du Langage de l'Université de Lausanne, Lausanne 2005, с. 255-269 (= Cahiers de l'Institut de Linguistique et des Sciences du Langage, 20), ср. <<http://www.unil.ch/files/live//sites/clsl/files/shared/CILSL20.pdf>> (20.04.2017).
- Simonato-Kokochkina 2010: E. Simonato-Kokochkina, *Le mythe de l'unification des alphabets en l'URSS dans les années 1920-1930*, "Langage et Société", CXXXIII, 2010, 3, с. 103-123, ср. <https://www.cairn.info/load_pdf.php?ID_ARTICLE=LS_133_0103> (29.05.2017).
- Smith 1993: M. Smith, *The Eurasian Imperative in Early Soviet Language Planning: Russian Linguists at the Service of the Nationalities*, в: S. Gross Solomon (ed.), *Beyond Sovietology. Essays in Politics and History*, Sharpe, Armonk (NY) 1993, с. 159-191.
- Smith 1998: M.G. Smith, *Language and Power in the Creation of the USSR, 1917-1953*, de Gruyter, Berlin-New York 1998 (= Contributions to the Sociology of Language, 80).
- Stalin, Marr 1972: J. Stalin, *Marxismus und Fragen der Sprachwissenschaft* und N. Marr, *Über die Entstehung der Sprache*, aus dem Russischen von H.D. Bekker, Vorwort von P. Bulthaup, Rogner & Bernhard, München 1972.
- Thomas 1957: L.L. Thomas, *The Linguistic theories of N.Ja. Marr*, University of California Press, Berkeley-Los Angeles 1957 (= University of California Publications in Linguistics, 14).
- Tomelleri 2016a: V.S. Tomelleri, *Das abchasische analytische Alphabet. Einige linguistische und historisch-philologische Überlegungen*, "Rivista italiana di linguistica e dialettologia", XVIII, 2016, с. 115-173.
- Tomelleri 2016b: V.S. Tomelleri, *E.D. Polivanov and the Georgian Language: Synchronic Questions and Diachronic Perspectives*, в: S. Moret, E. Simonato (éd.), *Cinquante nuances du temps et de l'espace dans les théories linguistiques*, Centre de linguistique et des sciences du langage, Lausanne 2016, с. 53-81 (= Cahiers de l'Institut de Linguistique et des Sciences du Langage, 49).
- Troubetzkoy 1924: N. Troubetzkoy: *Langues caucasiennes septentrionales*, в: A. Meillet, M. Cohen (éd.), *Les langues du monde*, Librairie ancienne Edouard Champion, Paris 1924, с. 327-342.

- Troubetzkoy 1925: N. Troubetzkoy, *Trudy podrazrjada issledovanija severno-kavkazskix jazykov pri Institute Vostokovedenija v Moskve* – [Travaux de la Section des langues du Caucase septentrional de l’Institut Oriental à Moscou], – N° 1: N. Jakovlev, *Tablicy fonetiki kabardinskogo jazyka* [Tables phonétiques de la langue cabardé], Moscou, 1923. – N° 2: N. Jakovlev, *Slovar’ primerov k tablicam fonetiki kabardinskogo jazyka* [Glossaire des exemples aux tables phonétiques de la langue cabardé], Moscou, 1923. – N° 3: L. Žirkov, *Grammatika avarskogo jazyka* [Grammaire de la langue awar], Moscou, 1924, “Bulletin de la Société de Linguistique de Paris”, XXVI, 1925, c. 277-286, cp. <<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k32167m>> (29.05.2017).
- Trubetzkoy 1939: N.S. Trubetzkoy, *Grundzüge der Phonologie*, publié avec l’appui du Cercle linguistique de Copenhague et du Ministère de l’instruction publique de la République tchéco-slovaque, [s.n.], Prague 1939 (= Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 7), cp. <<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k924519/fi.image>> (29.05.2017).

Abstract

Aleksej Viktorovič Andronov, Elena Il’inična Simonato, Vittorio S. Tomelleri
Eugenij Dmitrievič Polivanov: The Abkhaz Analytical Alphabet. Text edition with an English Translation

The present paper features the publication of an unedited manuscript by the Soviet linguist E.D. Polivanov, submitted in November 1927 by its author not for publication but just as a contribution to the discussion around the so-called Abkhaz Analytical Alphabet. This graphic system was devised by the academician Nikolay Yakovlevich Marr on the basis of the Latin alphabet for the representation of all Japhetic (Caucasian) languages. In the first section of the introduction, the main characteristics of Marr’s Analytical Alphabet are presented; the second section addresses the linguistic discussion that followed its introduction in Abkhazia as the official alphabet in 1926 and its replacement two years later by a Latin-based alphabet. The third section comments on some questions of Abkhaz phonetics and transcription; the fourth is devoted to textual and editorial issues. The edition of the Russian text is accompanied by an English translation, prepared by Grazia Giannetta (Macerata).

Keywords

E.D. Polivanov; N.Ja. Marr; Abkhaz Analytical Alphabet; Soviet linguistics; Phonetics and Phonology.

Алексей Викторович Андронов

Графическое обозначение фонологических признаков как ориентир при совершенствовании алфавитного письма и свидетельство реальности фонологических категорий*

Настоящая статья обращает читателя к эпохе становления фонологии, однако основной её задачей является не изложение истории научного дискурса конкретного периода: анализируемые детали алфавитного строительства в СССР рассматриваются в качестве аргументов для обсуждения актуальных сегодня вопросов устройства фонологического компонента языка (минимальные линейные функциональные единицы и лингвистическая типология, различение сегментных и супraseгментных фонологических признаков, лингвистическая интуиция носителей языка и проблема реальности фонологических категорий, их связь с закономерностями развития письма). Предлагаемый анализ трудов лингвистов 1920-1930-х годов не исключает, разумеется, возможности изучения имевшей место дискуссии, однако, на наш взгляд, важно не столько восстановить её ход, сколько использовать результаты в современном языкознании¹.

1. *Язык и письмо: параллелизм эволюции*

Развитие письма (от рисуночного к звуковому) идёт по пути обозначения всё более мелких сегментных единиц соответствующей языковой системы². В определённом смысле эволюция письма повторяет этапы развития самого языка³ от цельных, не

* Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 16-18-02042.

¹ Ср. упрёк обратной ситуации, часто встречающейся в лингвистике: “not only reinterpreting the predecessors’ ideas in accordance with new paradigms, but, not infrequently, ignoring them as purely historical facts, with no value to modern scholarship” (Kleiner 2017: 149).

² О “принципе однонаправленного развития” в истории письма см. Гельб 1982: 193-198 (ср. также обсуждение вопроса, действительно ли письмо прогрессирует, переходя от ступени к ступени, там же: 222-226).

³ Ср.: “В специальной литературе возникновение и развитие письма часто рассматривается вне связи этой проблемы с эволюцией языкового строя. Вместе с тем такая связь несомненно существует” (Зиндер 1987: 45). См. также поучительную статью Л.И. Жиркова (1931) об отражении силлабического строя языка в системах письма северо-американских индейцев, написанную в духе представлений о стадильности развития языка. Связь фонологического типа языка и устройства письменных знаков подчёркивается и В.Б. Касевичем (1983: 151-152).

имеющих внутренней структуры звуковых жестов к членораздельным высказываниям, экспонент которых образуется комбинацией минимальных звуковых единиц, ср.:

Совершенно естественно думать, что на заре человеческой речи несколько внеязыковых звуковых жестов человека, начинавших употребляться с речевыми намерениями, были сложными артикуляциями (комплексами артикуляций – одновременных и последовательных) и при своей малочисленности не образовывали системы по своим сходствам и различиям друг с другом, а потому, не разлагаясь на звуковые элементы, противопоставались друг другу целиком и являлись, таким образом, “словозвуками”, если можно так выразиться. Это были “диффузные” или “нечленораздельные” звуки, которые были диффузными с биологической точки зрения только в том смысле, что говорящие не умели их дифференцировать, не имея к тому повода (Щерба 1974: 149).

Постепенное усложнение содержания, подлежащего передаче, вынуждало человека учиться дифференцировать речевые сообщения, сопоставляя их: формировалась обладающая внутренней структурой система знаков, в плане выражения которых выделялись всё более мелкие функциональные линейные единицы, названные И.А. Бодуэном де Куртенэ фонемами – “фонетическими неделимыми с точки зрения сравнимости фонетических частей слова” (Бодуэн де Куртенэ 1963а: 121), “психически живыми фонетическими единицами” (1963б: 351)⁴. Возникновение звукового письма справедливо считается одним из свидетельств реальности фонемы в сознании носителя языка.

Подобно тому как экспоненты знаков дифференцируются за счёт образующих их фонем, сами фонемы также поддаются классификации на основе своих признаков⁵. Иначе говоря, фонемы разлагаются на более мелкие единицы, не являющиеся, однако, линейными (фонемы отличаются друг от друга набором признаков, но не по-

⁴ В современной лингвистике противопоставляются два типа таких минимальных единиц – фонемы и силлабемы (Касевич 1983: 118; ср. Андронов 2016). Характерно, однако, пессимистическое замечание В.Б. Касевича: “Outside of Ščerba’s school, nobody seems to know anything about ‘syllabic vs. phonemic languages’ distinction in spite of its obvious importance for the typology of phonological systems” (Kasevich 2016).

⁵ Понятие “сознание” в настоящей статье используется нестрого – как недифференцированное обозначение всей психической сферы человека, подобно “душе” И.А. Бодуэна де Куртенэ (1912: 104-105): “Мы... читаем в душе обыкновенного человека, определяя свойственные ей взаимоотношения между отдельными элементами языкового мышления”.

⁶ Традиционно принято снабжать понятие “признак фонемы” определением “дифференциальный” (“дистинктивный”) или “релевантный”, однако первое определение не представляется адекватным, так как признаки фонем используются не только для различения последних, но и для объединения по общим функциональным свойствам (ср. Касевич *и др.* 1990: 56); второе же определение избыточно, так как у фонемы как абстрактной единицы логически не может быть никаких признаков, кроме релевантных (ср. Трубецкой 1960: 45: фонема – “совокупность фонологически существенных признаков”).

рядком их следования). О структурированности системы фонем в сознании носителя, то есть об их психологической реальности, также могут свидетельствовать особенности звукового письма. Интересный материал в этом отношении представляет проблематика создания и совершенствования алфавитов в период языкового строительства 1920-1930-х гг. в СССР.

2. *Фонологическая и графическая система: параллелизм устройства и реальность организующих признаков*

2.1. Совершенство графики в первую очередь определяется её способностью передавать все фонематические различия соответствующего языка. Кроме того, при научном моделировании графики выдвигается требование соответствия “фонематической и графической систематики”, ср.:

С алфавитной стороны шрифт должен представлять собой систему, графически отражающую фонематическую систематику; например, соответствующие непалатальные и палатальные в основном контуре должны совпадать, что указывает на их общий тип, различаться же они должны по добавочным признакам [...] Рациональный алфавит должен обладать не только индивидуальной дифференциальностью знаков, но и групповой, систематической дифференциальностью (Реформатский 1933: 49).

О “специфических закономерностях графического выражения звукового состава языка, вытекающих из лингвистических и психологических оснований”, говорил руководитель лаборатории по оформлению книги и нового алфавита Московского института психологии, педологии и психотехники В.А. Артёмов:

Недопустимы тождественные и сходные знаки (омонимика знака) для выражения звуков разного типа и разные знаки для выражения звуков общего типа, например, парных фонем (синонимика знака). Несоблюдение этого правила нарушило бы основной психологический закон графического выражения (репрезентации) фонематического состава языка, заключающийся в том, что сходство формы графического начертания необходимо вызывает в сознании сходство соответствующих им звуков, и обратно (Артёмов 1933: 60).

Неудивительно, что указанные принципы реализуются (частично⁷) в системах научной транскрипции, в целом склонных к аналитичности, или в искусственных системах письма, создаваемых лингвистами. Гораздо более интересны случаи соотносённости фонологических признаков и графических начертаний в истории письменности и в непрофессиональных алфавитных проектах⁸.

⁷ В основе транскрипционных систем обычно лежит тот или иной ‘естественный’ алфавит, иррациональность которого в той или иной степени наследуется транскрипцией.

⁸ Обзор некоторых таких систем – как научных, так и любительских – был произведён М.В. Спиричевой (2015): “Видимая речь” А.М. Белла и “аналфавитная” (“*analphabetic*”)

Наиболее часто фонологическая систематизация графических средств воплощается в использовании диграфов, лигатур или диакритических знаков⁹, ср. обозначение долготы гласного при помощи *h* по немецкому образцу в старолатышском (в корнях слов) или горизонтальной чертой над гласным в современном латышском (*māhte* = *māte* ‘мать’)¹⁰, обозначение палатальных сонантов в сербохорватской кириллице буквами *љ*, *њ* (но не палатальных шумных *ћ*, *ђ*) и т. п.

И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечает, правда, что

для простейших произносительно-звуковых элементов, т. е. для отдельных кинем и акусм, только в редких случаях имеются определённые писанно-зрительные символы. Применение таких особых отличительных диакритических значков, представление которых ассоциируется с отдельными кинемами и акусками, составляет исключение в области писанно-зрительных представлений (Бодуэн де Куртенэ 1912: 13-14).

Действительно, естественно было бы ожидать применения единообразного обозначения в первую очередь для нейтрализуемых коррелятивных фонологических признаков (твёрдости-мягкости, глухости-звонкости и т. п.), однако исторически вынужденная адаптация чужого алфавита¹¹ нередко позволяет ввести единообразные обозначения лишь для “периферийных” коррелятивных рядов, ср. в латышском обо-

транскрипция О. Есперсена (ср. Зиндер 2007: 335-336; Гордина 2006: 313-324, 446-447; см. также Гельб 1982: 229-230), “Алфавит Шоу”, созданный Р.К. Ридом, тенгвар Дж.Р.Р. Толкина, “симметрица” А.К. Макеева и др., в том числе рассматриваемый в данной статье проект И.Ф. Толамачёва (см. ниже, § 3). Ср. также геометральные слоговые алфавиты, созданные европейскими миссионерами для индейцев Северной Америки: “Внешняя форма букв в них чрезвычайно характерна и бросается в глаза при первом взгляде. В роли букв используются простейшие геометрические фигуры: треугольник, угол, полукруг и тому под. Каждая такая фигура обозначает согласный звук, а позиция этой фигуры в четырёх поворотах обозначает следующий за согласным гласный” (Жирков 1931: 43).

⁹ О родственности этих приёмов свидетельствуют примеры эволюции диграфов в диакритики, как в случае немецкого умлаута (*ae > ä > ä*). В целом диграфы чреватые неоднозначностью, так как могут обозначать и сочетания соответствующих фонем.

¹⁰ То, что долгота эстонских гласных теми же немецкими священниками передавалась не при помощи *h*, а удвоением гласного, закрепившимся в современной эстонской графике, может являться ещё одним примером параллелизма фонологического и графического уровней: латышские долгие гласные являются монофонемами, а эстонские обычно трактуются как сочетания двух кратких фонем.

¹¹ Р.О. Шор (1928: 71) справедливо указывает на адаптацию чужого алфавита, как на фактор, “способствующий анализу системы фонем родного языка с точки зрения (недостаточной) системы графем чужого языка”. (Вторым фактором является “развитие в языке самостоятельных фонем из старых вариантов фонем, требующее уточнения прежнего единоначертания”.)

значение шипящих при помощи гачека ($\check{\text{z}}, \check{\text{z}}, \check{\text{c}}, d\check{\text{z}}$) или среднеязычных при помощи запятой ($\check{\text{l}}, \check{\text{n}}, \check{\text{k}}, \check{\text{g}}, \check{\text{r}}$) при отсутствии единого приёма в обозначении звонких и глухих ($b : p, d : t, g : k$). Ср. аналогичные рекомендации Н.С. Трубецкого по фонологической транскрипции:

Хорошо было бы обозначать, по мере возможности, дизъюнктные признаки различными буквами, а признаки корреляций – диакритическими значками, в частности, члены признакового коррелятивного ряда (*série corrélatiue marquée*) помечать диакритическим значком, помещаемым вверху справа от буквы, тогда как члены беспризнакового коррелятивного ряда (*série corrélatiue non-marquée*) не снабжать диакритикой вообще (Трубецкой 1987а: 12).

Использование системно устроенных диграфов (вроде старолатышских сочетаний гласных с *b*, обозначающим долготу, или абхазских сочетаний согласных с *ə*, обозначающим лабиализованность)¹², то есть указание на чтение одной графемы посредством другой, отражает общность соответствующих фонем и способствует сокращению числа единиц в алфавите, однако нарушает ассоциацию “одна графема – одна фонема”¹³ и увеличивает длину текста.

2.2. “Слоговой принцип русской графики” в части обозначения мягкости согласных может рассматриваться как своеобразный случай использования диграфов (для обозначения бифонемных сочетаний, а не единичных фонем). Приём использования альтернативных гласных графем для обозначения мягкости предшествующего согласного ($/\text{ta}/ : /\text{t}'a/ = \text{та} : \text{тя}$) во многом замечателен. Во-первых, он сложился исторически как отражение определённого свойства фонологической системы, то есть является примером связи графики и фонологии. Во-вторых, он связан с фактом наиболее тесной функциональной связи твёрдых и мягких согласных в системе русских фонем, выявляемой и психолингвистически¹⁴. В-третьих, он удобен в свете сохранения графического единства морфем при словоизменении и словообразовании:

¹² В отличие от ‘индивидуальных’ диграфов – как фонетически ‘прозрачных’ (ср. литовское $dz = /z/$), так и не прозрачных (ср. литовское $ch = /x/$).

¹³ Поэтому диграфы не рекомендовались при разработке Нового алфавита: “Недопустимы двух- и многобуквенные обозначения. Каждая качественно своеобразная единица алфавита должна иметь единый знак” (Артёмов 1933: 60).

¹⁴ Правда, как указывал И.А. Бодуэн де Куртене, слоговой принцип вызывает “навязчивые идеи”, деформирующие языковое сознание носителя: “Каждая психически оживлённая графема вызывает, путём ассоциации по смежности, навязчивую идею из области произносительно-слуховой: графема гласная навязчивую идею работы средней части языка в момент, предшествующий непосредственно произнесению соответствующей гласной фонемы; графема согласная навязчивую идею отсутствия в ней самой ассоциации с работой средней части языка, свойственную соответствующей фонеме” (Бодуэн де Куртене 1912: 70).

вода, воде, водяной (ср. Шор 1928: 73). Наконец, он способствует экономии букв в алфавите, не увеличивая длину текста¹⁵.

Как известно, принцип, подобный слоговому принципу русской графики был обобщён Н.Ф. Яковлевым в его “математической формуле построения алфавита” (Яковлев 1970).

Другим примером ‘естественного’ формирования подобного принципа является “древнее, подлинно турецкое по происхождению, орхонское письмо” (Поливанов 1931: 106), учитывающее особенности сингармонистической системы языка: в этом письме, наоборот, использование различных знаков для парных согласных позволяет обойтись без разных знаков для гласных¹⁶.

2.3. В качестве одной из областей применения “тождественного способа сокращения числа букв в алфавите” Н.Ф. Яковлев (1970: 144) рассматривает последовательно-сингармонистические тюркские языки. В отношении таких языков следовало бы, правда, говорить не о *сокращении* числа графем (использовании числа графем, меньшего, чем число устанавливаемых в языке фонологических единиц)¹⁷, а о прямом (адекватном) отражении на письме фонологических единиц языка, заключающемся в раздельном обозначении 1) супрасегментного сингармонистического признака слова и 2) фонем, составляющих данное слово, но не обладающих собственным соответствующим признаком (рядом, мягкостью и т. п.):

...В этих языках... не может быть установлено ни отдельных твёрдых, ни отдельных мягких, как гласных, так и согласных фонем. Признак твёрдости точно так же, как и признак мягкости, служит не для различения кратчайших звуковых моментов речи – фонем, но для различения целых слов, для выделения целых слов в речи, для выделения в ней границ этих слов (Яковлев 1970: 145)¹⁸.

¹⁵ Называя “мягкие слияния” “принципиальным недочётом русской графики”, Е.Д. Поливанов считал их, тем не менее, приемлемыми не только для русского, но и для других языков с парными твёрдыми и мягкими согласными (Поливанов 1931: 104). Р.О. Яковсон (2002: 191-194) специально отмечал лучшую пригодность кириллицы в русском варианте с его слоговым принципом для языков с корреляцией по твёрдости-мягкости.

¹⁶ Использующийся в современных графиках некоторых тюркских языков обратный приём (различные буквы для гласных при недифференцированных знаках для согласных) основан как раз на применении подхода Н.Ф. Яковлева, обеспечивающего значительную экономию букв.

¹⁷ О теоретической возможности такого сокращения см. ниже, с. 261.

¹⁸ Ср. эмоциональное замечание Р.О. Шор (1928: 66): “В действительности, однако, подведение проф. Н.Ф. Яковлевым проекта т. Н.Т. Тюрякулова под свою формулу является чистой натяжкой, т. к. в названном проекте речь идёт не о замене графем парных фонем одного типа условными графемами другого, а об отказе вообще от двойных начертаний для парных вариантов фонем путём введения условных знаков перед целым словом, т. е. о совершенно другом графическом принципе”.

Н.Ф. Яковлев высоко оценивает предложенный А. Байтурсыновым в 1912 году приём самостоятельного обозначения сингармонистического признака слова в арабской графике для казахского языка: постановку специального знака (ء – даякши) перед словом с “передним” сингармонизмом (Н. Тюрякулов в проекте латинизации графики в функции даякши использовал апостроф):

Мы встретились с интереснейшим явлением: работники на местах, из которых некоторые даже здесь присутствуют, как тов. Байтурсун из Казахстана, по своей инициативе сделали до известной степени открытие, а именно, они использовали фонетические законы тюркских языков, те[x] из них, которые проводят явления сингармонизма без исключения, и вместо того, чтобы вводить для довольно большого количества гласных звуков особые буквы, они использовали тот факт, что в слове в этих языках могут быть или только твёрдые гласные, или только мягкие гласные. Они ввели особые знаки, которые должны это качество обозначать на целом слове, таким образом, алфавит, в котором все решительно звуковые отличия выражены, оказался на значительное число знаков экономней [...]. Этот вопрос самостоятельно решили работники мест, учёные, которые исследовали вопросы алфавита на местах, и решили этот вопрос вполне правильно. Теперь нам, учёным, остаётся только подыскивать подходящее объяснение из той же категории явлений, которые есть и исторически сложились и в системе русского письма, это обозначени[e] рядов твёрдых и мягких согласных через особые буквы, это явление, которое в русском языке приводит к экономии звуков алфавита (Яковлев 1926: 225)¹⁹.

“Прямо гениальным” называет это нововведение и Е.Д. Поливанов (1931: 106)²⁰, отмечая “настоящее лингвистическое чутьё у его изобретателя”, сумевшего воспри-

¹⁹ В вышедшей через два года статье Н.Ф. Яковлев более сдержанно характеризует изобретение А. Байтурсынова: “способ, интуитивно изобретённый одним из местных культурных работников-казак[ов], Байтурсуном” (Яковлев 1970: 144). Возможно, эта осторожность связана с политическими преследованиями Байтурсынова (Ашнин и др. 2002: 177-195). Недостаточно ясным указанием Яковлева на приоритет Байтурсынова счёл Х. Жубанов, в неопубликованной при жизни работе которого *Проект казахского алфавита* читаем: “Для доказательства применимости этой системы достаточно сослаться на “проекты алфавитов для всех языков” известного дилетанта – профессора Яковлева, дважды “открывшего Америку” своей математической формулой построения алфавита (см. его доклад на Тюркологическом съезде и статью в журнале “Культура и письменность востока”, 1928, 1), где он обосновал письменность “математически сформулированного алфавита” применительно к латинской графике. Что же касается существа дела, то премудрая “математическая формула построения алфавита” была лишь учёным плагиатом. Это была перевоплощённая в математику казахская система сокращения букв, созданная для заматания следов, как и сознавался сам Яковлев” (Жубанов 1966: 240). Подробный анализ взглядов А. Байтурсынова в контексте общей фонологической теории представлен в книге М. Джусупова (1995).

²⁰ В данной статье Е.Д. Поливанов не упоминает имени А. Байтурсынова, но в рукописи своей “quasi-рецензии” (на книгу Р.О. Якобсону о евразийском языковом союзе), подчёрки-

нять супрасегментный признак в отвлечении от фонемной базы, то есть дать адекватное описание системы своего языка. Ср.:

Звуковая характеристика слова состоит (не считая акцентуационного момента) из общего для всего состава представления заднего или переднего уклада (языка) и из представлений отдельных гласных и согласных, выбираемых из соответствующих друг другу парных вариантов (задних и передних) непосредственно в силу вышеуказанного общего представления (Поливанов 1924: 40).

Графический приём А. Байтурсынова был предвестником современной интерпретации сингармонизма как супрасегментного явления (Гард 2015: 77-81 и др.; ср. Джусупов 1995 и др.), однако вопрос о чисто фонологической или морфонологической природе казахского сингармонизма неоднозначен: принадлежит ли признак “передний-задний” именно и только *супрасегментной* области или же он является правилом об обязательной согласованности внутри слова соответствующих признаков *фонем*? Графика А. Байтурсынова отводит особое место заднеязычным согласным, предусматривая здесь различные обозначения для “твёрдых” и “мягких” коррелятов (ср. также Джусупов 1995: 15-16). Н.Ф. Яковлев считает, что в области заднеязычных имеются “не четыре самостоятельных фонемы, но лишь две фонемы, твёрдые и мягкие оттенки которых появляются в зависимости от твёрдости или мягкости целого слова” (Яковлев 1970: 147). Е.Д. Поливанов говорит о парных гласных и согласных как о “различных фонемах”, подчёркивая, что “разницы между психофонетическим составом вариантов согласных и гласных нет никакой” (Поливанов 1925: 179). Однако в другой статье он отмечает ведущую роль гласных (“на них главный психический стержень сингармонизма”, Поливанов 1924: 40), и в рукописи “quasi-рецензии” рассматривает парные гласные вместе с парными заднеязычными как самостоятельные фонемы, противопоставляя их прочим парным согласным, являющимся лишь аллофонами, хотя и способными к изолированию в сознании носителя – подобно узкому и широкому варианту /e/ в русском языке²¹.

вает его приоритет перед Н.Ф. Яковлевым и Н. Тюрякуловым: “На этот именно [...] алфавит и следовало бы ссылаться – вместо Яковлевского проекта и вместо Тюрякуловского проекта, который только хотел перенести в латиницу принцип Байтурсуновской реформы. Изобретение Байтурсунова в своём роде гениально” (Е.Д. Поливанов, [рец. на кн.:] *Р.О. Яковсон. К характеристике евразийского языкового союза. 1931. 59 стр.* – рукопись в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге: фонд Р. О. Яковсона, коробка 17/С/15). (При этом Поливанов спешит оговориться: “Это говорю я при полном сознании ложности того националистического пути реформы, по которому шли Байтурсунов и его последователи (напр. Арабаев в Киргизии) и проч. – вместо того, чтобы достигнуть maximum’a результатов в интернационалистическом русле реформы: в латинизации.”) Сам Яковсон (2002: 192) открыто называет Байтурсынова “выдающимся казахским писателем и языковедом”.

²¹ Е.Д. Поливанов, [рец. на кн.:] *Р.О. Яковсон. К характеристике евразийского языкового союза. 1931. 59 стр.* (см. выше, прим. 20); ср. Поливанов 1991: 419.

Алфавит Байтурсынова (в том числе его латинизированную версию, предложенную Н. Тюрякуловым) Н.Ф. Яковлев называет “едва ли не самым ‘малобуквенным’ алфавитом в мире”, “кратчайшим из известных нам алфавитов” (Яковлев 1970: 146, 147). Однако применение приёма обозначения коррелятивного признака согласного особым начертанием соседней гласной (“слогового принципа”) могло бы позволить ещё немного сократить его. Если для 14 парных по звонкости-глухости согласных казахского языка выбрать обозначение при помощи различного начертания 4 казахских гласных, то вместо предлагаемых Яковлевым 23 букв (не считая знака даякши) было бы достаточно 21 буквы: 5 для непарных по звонкости-глухости согласных, 7 для парных согласных, звонкое или глухое чтение которых дифференцируют 8 гласных букв (4 основных, употребляемых после глухих, и 4 дополнительных, употребляемых после звонких), а также “звонкий знак” для обозначения звонкости в позиции не перед гласным.

Тем не менее, Н.Ф. Яковлев не рассматривает варианта такого сокращения – возможно, из-за его малой эффективности (всего две “лишних” буквы), но скорее потому, что применение “слогового принципа” предполагает определённое родство признаков “увязываемых” фонем – гласного и согласного (ср. “навязчивые идеи” Бодуэна). Такое родство бросается в глаза в случае корреляции по твёрдости-мягкости (акустически – дизности) или неогубленности-огубленности (бемольности), но гораздо менее заметно в случае глухости-звонкости (глухость или звонкость согласного мало влияют на реализацию последующего гласного)²².

2.4. Абсолютная адекватность графики А. Байтурсынова для казахского языка не могла противостоять общегосударственной работе по унификации алфавитов народов СССР, предполагающей единообразное обозначение схожих звуков разных языков (на основе близости фонетических характеристик), а не фонем (на основе общности функциональных признаков):

Нет сомнения, что если бы вопрос о казахском письме и вместе с ним о киргизском, которое просто скопировало казахскую систему, мог бы решаться “вне времени и пространства” – без необходимости считаться с графикой соседних народностей (а тем более вне задач интернационализации графических приёмов) то казахская (и киргизская) школа вполне могла бы удовлетворяться “орфографией 1924 года” (Поливанов 1931: 106-107).

Вместо сингармонистического знака (даякши, апострофа) Единый тюркский алфавит передавал сингармонизм при помощи парных гласных букв: *a – ə, o – ø, u – y, ь – i* (в позднейшей, кириллической версии: *a – ə, o – ø, y – y, ы – i*).

²² О модификации гласных в соседстве с надгортанными согласными см. Трубецкой 1987б: 290-291, 294; Warner 1996).

Важно отметить, что Н.Ф. Яковлев при разработке унифицированного Нового алфавита считал целесообразным учитывать фонологические особенности языков, вводя понятие “относительной унификации”:

...Абсолютно унифицированный алфавит требует для своего осуществления максимального (суммарного) количества отличных друг от друга знаков-букв. При относительной унификации, наоборот, мы имеем возможность в отдельных случаях в том или ином отдельном языке применять графически одинаковые знаки-буквы в различных²³ фонетических значениях (Яковлев 1930: 46).

В качестве примеров Н.Ф. Яковлевым приводится выбор простейшего начертания (*x*) для обозначения в одних языках увулярного, в других – задненёбного согласного – на основе относительной частотности этих фонем в разных кавказских языках или использование латинских *z, s* для передачи осетинских “особых шипящих переднетвёрдонёбных звуков, производящих на наш слух впечатление шепелявых ‘з’ и ‘с’” (Яковлев 1930: 46-47). “Принцип простейшего графического изображения чаще встречаемых фонем” упоминается Н.Ф. Яковлевым и в статье 1928 г. (Яковлев 1970: 133, 139)²⁴.

В противоречие с требованиями фонетической унификации вступал и главный, фонологический по своей природе, приём обеспечения экономности алфавита: так, в проекте Н.Ф. Яковлева сокращение числа букв в кабардинском достигалось на основе корреляции подгортанных и надгортанных (эйективных), в кяхском – нелабиализованных и лабиализованных, в абхазском – твёрдых и мягких (Яковлев 1928: 136-143), то есть модификация начертаний графем гласных сигнализировала о разных фонологических признаках согласных.

2.5. Свою формулу Н.Ф. Яковлев характеризовал как “некоторое техническое средство”, призванное заменить то, “что раньше просто должно было выражаться в интуитивном творчестве каждого отдельного народа” (Яковлев 1926: 227). Некоторые формулировки при этом могут навести на мысль о чисто механическом, статистическом подборе ‘области’ для сокращения алфавита²⁵:

²³ То есть придавать одной и той же букве разное значение в разных языках.

²⁴ Ср. замечание Л.Р. Зиндера о фонологической транскрипции: “Стоя на фонематической точке зрения, можно... сказать, что было бы излишним, малооправданным педантизмом по-разному обозначать переднеязычные смычные согласные русского и эскимосского языков только потому, что один – дорсальный, а другой – апикальный. Поскольку и в том, и в другом языке нет к этому никаких фонематических препятствий, естественно избрать в обоих случаях наиболее простой знак, а именно – букву *t* без всякой диакритики” (Зиндер 1960: 320).

²⁵ Ср. уточнение Н. Яковлева (1970: 131): “формула построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита”.

...Экономия букв в алфавите... возможна в том случае, если в данном языке есть многочисленная группа парно различаемых согласных фонем и сравнительно немного гласных фонем, варианты которых могут сочетаться с вышеуказанными парными согласными (Яковлев 1970: 137).

Пользуясь выведенной формулой, мы можем наметить в абхазском языке 3 группы парных согласных фонем, за счёт графического изображения которых может быть произведено указанное сокращение. “Лабииализованных-нелабииализованных” парных фонем в абхазском 12...; “надгортанных-подгортанных” парных фонем – 14...; наконец, “мягких-твёрдых” парных фонем – 22... (*там же*: 142-143).

Это стало одной из причин острой критики, которой подход Н.Ф. Яковлева был подвергнут в обстоятельной статье Р.О. Шор, утверждавшей, что “формула сокращения алфавита, представленная в исторически сложившейся системе русского письма, отнюдь не может претендовать на общее значение” (Шор 1928: 74):

Нельзя не предостеречь от попыток переносить навыки русского графического мышления на вновь создаваемые национальные алфавиты, примером которых может служить попытка проф. Н.Ф. Яковлева превратить историческую формулу русской системы письма в общую “математическую формулу построения алфавитов” (*там же*: 75).

Р.О. Шор сомневается,

насколько реально для сознания говорящего то выделение в особые группы по известному признаку парных согласных, то противопоставление парных фонем, которое кладётся проф. Н.Ф. Яковлевым в основу его наиболее экономного построения алфавитов? (*там же*: 67)

Проанализировав алфавиты многих языков (древнеарабского, древнееврейского, древнеиндийского, древнегреческого, грузинского, готского), исследовательница приходит к выводу, что

языковое сознание коллектива далеко не всегда выделяет “парно-различаемые фонемы” в особые более близкие группы, но трактует их совершенно так же, как и другие фонемы, непарные (*там же*: 67).

перенос различения парных согласных на гласные возможен вообще лишь там, где (как в системе русского языка) налицо чередование вариантов фонем²⁶, связанное

²⁶ “Вариантами” Р.О. Шор неправоммерно называет парно соотносимые мягкие и твёрдые фонемы, желая, по-видимому, отметить нейтрализуемость соответствующих оппозиций. Ср. также следующую своеобразную формулировку: “пары ‘мягких’ и ‘твёрдых’ согласных в русском языке являются не только самостоятельными фонемами, но и вариантами фонем, появление которых обусловлено статическими законами языка” (Шор 1928: 72-73).

с чередованием гласных, т. к. только там оно будет иметь известную опору в языковом сознании говорящих (*там же*: 74).

Утверждение Р.О. Шор о том, что ряды парных фонем могут иметь разную функциональную нагрузку, безусловно, справедливо. С другой стороны, статистические показатели, которыми руководствовался Н.Ф. Яковлев, вполне могут выступать одним из ориентиров при определении такой нагрузки (фонологического содержания оппозиции парных фонем): чем больше членов она имеет, тем активнее используется, тем больше у неё шансов быть нейтрализуемой в определённых позициях корреляций, соответственно, тем лучше соответствующая группировка осознаётся. Фонологическая ориентация формулы и самого подхода Яковлева позволяет обеспечить не только заявленную “экономность в отношении числа букв”, но и оптимальность разрабатываемых алфавитов. Вопреки мнению Шор, во многих рассмотренных примерах можно усмотреть то или иное отражение “реальных для сознания говорящего” фонологических признаков, а не только самих фонем. Вряд ли можно согласиться и с категоричным утверждением Шор, что “всякий анализ фонемы на отдельные её элементы сопряжён с известными трудностями для усвоения грамоты” (Шор 1928: 73)²⁷.

3. *Непрофессиональный проект графической реформы: способность “наивного носителя” к фонологической категоризации*

Разумеется, главную ценность для подтверждения объективной реальности фонологических признаков являют свидетельства языковых представлений наивных носителей языка, а не лингвистов, профессионально разрабатывающих системы транскрипции или графику того или иного языка. Замечательный пример такого свидетельства относится к периоду языкового строительства в СССР – это проект реформы русского алфавита, предложенный служащим Правления Северо-Кавказской железной дороги Иваном Фёдоровичем Толмачёвым в письме народному комиссару просвещения

²⁷ Ср. также мнение Д.В. Бубриха (1931: 63): “...в практическом письме... анализ строения фонемы совсем ни к чему”. В целом, однако, вряд ли справедлива уничижительная критика статьи Р.О. Шор, данная Н.В. Юшмановым в 1941 году при рекомендации Н.Ф. Яковлева к присвоению звания доктора филологических наук: “К сожалению, наши языковеды не всегда умели правильно понять и по достоинству оценить работы Яковлева и его оригинальный ум. Так, сделавшая эпоху статья Яковлева “Математическая формула построения алфавита”, помещённая в № 1 журнала “Культура и письменность Востока” (1928), вызвала в следующем номере того же журнала ответную статью покойной Р.О. Шор с возражениями, которые совершенно несостоятельны, и, если бы редакция журнала была сколько-нибудь компетентна, она бы не поместила статьи Шор или внесла бы фактические поправки. Ныне действующие в СССР национальные алфавиты, построенные на основе русского письма, целиком подтверждают правильность формулы, выведенной Яковлевым” (Архив РАН, ф. 677, оп. 7, д. 183, л. 69). Анализ спора Р.О. Шор и Н.Ф. Яковлева дан в статье van Helden 2016.

РСФСР А.В. Луначарскому от 14 августа 1929 года (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 302, оп. 1, д. 271, л. 14-14об.; воспроизведено на с. 273-274)²⁸.

И.Ф. Толмачёв обращает внимание на парность (“созвучность”) многих букв русского алфавита (он имеет в виду фонетическое значение букв):

Имеем мы в русском алфавите 30 букв²⁹, совершенно разных очертаний и различных по произношению... но многие буквы в алфавите настолько схожи между собой в произношении, как говорится – созвучные, что, если писать так точно, как говорить, то получится безграмотное письмо, а между тем оно будет соответствовать вполне разговорному языку.

“Созвучные буквы” И.Ф. Толмачёв перечисляет на основе алфавитного порядка, но лингвистически они представляют несколько типов:

1. в свете “слогового принципа графики”: *а – я, е – э, и – ѳ, у – ю*;
2. по звонкости-глухости: *б – п, в – ф, г – х, д – т, з – с*;
3. по графической форме: *ц – ч, ш – щ*;
4. *л – р*.

В качестве не имеющих созвучия названы буквы *ж, к, м, н, о, в*.

Практическая сторона проекта И.Ф. Толмачёва состоит в предложении унифицировать обозначение “созвучных” букв:

...Вместо 30 букв получилось только 18 однозвучных произношений, т. е., иными словами, можно печатать и писать не 30-ю буквами, а только 18-ю. Достигается это следующим образом: выбираем одну из созвучных букв, которая по начертанию проще, например: Б и П – проще будет П, и считаем её за основную, а созвучную с ней Б изобразим как перевёрнутое П, т. е. П ...

Для двух букв, переверот которых не даёт ясного результата, предлагается ввести новое начертание: вместо *и* (“основной” буквы) использовать V, чтобы её перевёрнутое изображение Λ³⁰ могло обозначать *ѳ*, а для пары *ш – щ* использовать начертания *Ɑ – ʄ*

Исполнение проекта продумано также технически:

²⁸ 19 августа проект И.Ф. Толмачёва был направлен Наркомпросом на заключение в Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), однако ответ Института нам пока не известен, как и резолюция Наркомпроса, которую, “какова бы она ни была”, И.Ф. Толмачёв просил сообщить ему.

²⁹ И.Ф. Толмачёв не включает буквы *Ё, Ё̂, Ъ* в алфавит (А.А.).

³⁰ Опасности смешения такой буквы с Λ нет, поскольку *л* рассматривается И.Ф. Толмачёвым как созвучное с *р* и обозначается перевёрнутым знаком: *ᄀ*.

Техническая обработка в словолитнях такого алфавита затруднений не вызывает, потому что всё дело в канавочке, имеющейся на каждой литере типографского шрифта. С помощью этой канавки, наборщик имеет возможность правильно установить на верстаке буквы при наборе слов, и если прорезать эти канавки на другой противоположной стороне литеры, то наборщик по навыку поставит букву правильно, как ей надлежит стоять в данном слове. [См. рисунок И.В. Толмачёва на второй странице письма – А.А.]. Таким образом, вся выгода от этого состоит в том, что нет надобности вырезать форму и отливать 30 разных букв, а достаточно отлить только 18 основных; причём, для созвучных 12-ти букв прорезать канавки с другой противоположной стороны и мы получим те же 30 знаков для алфавита [...]. В отношении коммерческого эффекта – я сказать ничего не могу, не имея данных о стоимости изготовления шрифтов, но думаю, что простой расчёт говорит за экономическое достижение, а именно: изготавливается 20 букв (считая 2 знака новых – V вместо И и Ж вместо Ш), вместо 30-ти, – в процентах это выражается – 33% экономии при изготовлении шрифта.

Надо сказать, однако, что экономия касается лишь изготовления матриц для отливки шрифтов, экземпляров же литер для набора текста понадобится не меньше. Но нас интересует не экономический эффект, а лингвистическое содержание проекта И.Ф. Толмачёва.

Группировка по слоговому принципу отражена полностью (за исключением пары *o* – *ё*, поскольку буква *ё* Толмачёвым вообще не включена в алфавит).

Среди “созвучных” по звонкости-глухости показательно объединение *z* с *x* (а не с *κ*), отражающее фрикативность южно-русского звонкого заднеязычного; оно подтверждает то, что И.Ф. Толмачёв исходил именно из наблюдений над своим собственным русским языком, а не из правил, которые он мог бы знать из школы. Это непосредственное свидетельство сознательного оперирования фонологическими признаками. Следует подчеркнуть мотивацию, которая лежит в основе группировки букв И.Ф. Толмачёвым: “если писать так точно, как говорить” – здесь, безусловно, имеется в виду отражение оглушения и озвончения согласных. Иначе говоря, группировка букв, гесп. выявление фонологического признака, основывается на имеющихся в языке чередованиях, то есть на функциональном анализе.

Нарушением фонологической группировки является отсутствие в перечне “созвучных” по звонкости-глухости букв пары *ж* – *ш*: последнее объединено с *щ* на основе графического сходства. На такое решение могла повлиять и фонологическая соотнесённость соседних *ц* и *ч* (аффрикаты, непарные по глухости-звонкости и по твёрдости-мягкости), а также сходство элементов букв *ц* и *щ*. При первом перечислении эти буквы помещены в разные столбцы: в левом Толмачёв приводит *ц* и *ш*, что соответствует порядку букв в алфавите, зато во втором списке – с точки зрения простоты начертания – основной буквой считается *ч*, что приводит к определённому параллелизму в форме новых букв, ср. Ч : Ъ (*ц*) и Ў (*щ*) : Ж (*ш*): аффрикаты имеют одно “плечо”, целевые – два, у мягких оно сверху, у твёрдых – снизу (таким образом

устраняется фонологически неправомерная группировка /с/ и /š':/ по общности графического элемента).

В самой идее основных и созвучных букв отражено противопоставление исходного и маркированного члена привативной оппозиции, особенно ярко проявляющееся в области гласных графем: единообразный приём переверота букв подчёркивает их связь (парность А – V, У – Ё и т. п. гораздо прозрачнее, чем а – я, у – ю), а “необычность” начертания говорит о некотором дополнительном элементе звукового содержания соответствующих графем (“созвучные” гласные буквы кроме самого гласного обозначают ещё мягкость предшествующего согласного). При группировке согласных по звонкости-глухости выбор основной буквы, ориентирующийся на простоту начертания, к сожалению, даёт фонологически непоследовательные результаты: основными оказываются то звонкие (в, з), то глухие (т, с).

Относительно объединения р – л (фонологически – плавных) можно предположить, что на такую интерпретацию повлиял известный дефект произношения (как и вообще возможное при дислалии смешение /г/ и /л/), чего нельзя сказать о м и н (носовых), которые автор описываемой системы и считает “не имеющими созвучия”.

В целом, необходимо отметить, что И.Ф. Толмачёв предложил тщательно продуманный и аккуратно сформулированный проект, построенный на основе организующих систему фонологических признаков. Как говорил Н.Я. Марр (1936: 325), “эпидемия алфавитных новотворчеств [...] не страшна, её можно лишь приветствовать, если это искренне и серьёзно”.

4. Меризмография

Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что не только фонемы, но и фонологические признаки (как сегментные, так и супрасегментные)³¹ являются реально существующими языковыми единицами. Присутствие этих элементов звуковой системы в сознании носителя языка проявляется в различных чертах графических систем. Степень контроля сознанием оппозитивных и контрастивных признаков, вероятно, различна: чем протяжённее сегмент, тем легче его признак абстрагируется от своей “базы” (ср. семасиологизацию типов фразовой интонации). Это отражается и в эволюции письменности, поскольку типы письменных знаков

выстраиваются в определённую стадийно-историческую последовательность. Идеограммы как тип возникают в принципе раньше, чем фонограммы, а внутри каждого класса знаки, соотнесённые с высшими, более сложными единицами языка, возникают раньше, чем знаки, соотнесённые с единицами низшими и более

³¹ Фонологический признак всегда относится к какому-то сегменту, поэтому корректнее было бы противопоставлять признаки минимальных сегментов (“единиц”) и сложных сегментов (“единств”) или, в несколько другом аспекте, оппозитивные и контрастивные признаки (см. Гард 2015: 21-22 *et passim*).

простыми. Так, первые фразограммы предшествуют возникновению собственно письма, которое начинается с логограмм. Возникающие позже силлабограммы старше фонемограмм, а фонемограммы старше, чем знаки для отдельных ДП. Связано это с тем, что люди лишь постепенно научились анализировать свою речь, причём смысловые единицы были осознаны раньше, чем звуковые, и осознание более сложных единиц, таких как предложение, слово, а также слог, произошло раньше, чем осознание простейших, элементарных единиц – морфемы и фонемы, а тем более ДП фонемы (Маслов 2005: 262).

Итак, этап фонемографии (обозначения на письме минимальных линейных единиц) не становится последним в эволюции письменности: постепенно развивается отдельное обозначение фонологических признаков (“меризмография”³²), никогда не реализующееся, впрочем, полностью³³.

Литература

- Андронов 2016: А.В. Андронов, *О природе фонологических сегментов и минимальных линейных фонологических единицах*, в: *Фонетика сегодня. Материалы докладов и сообщений VIII международной научной конференции 28-30 октября 2016 года*, М.-СПб. 2016, с. 3-4, <<http://www.ruslang.ru/doc/phontoday16.pdf>> (30.03.2017).
- Артёмов 1933: В.А. Артёмов, *Технографический анализ суммарных букв Нового Алфавита*, в: *Письменность и революция*, I, М.-Л. 1933, с. 58-71.
- Ашнин и др. 2002: Ф.Д. Ашнин, В.М. Алпатов, Д.М. Насилов, *Репрессированная тюркология*, М. 2002.

³² Термин через посредство Ю.С. Маслова восходит к обозначению Э. Бенвениста: “уровень различительных признаков, которые мы предлагаем называть меризмами (греч. *μερίσμα*, *-ατος* ‘отграничение’), то есть меризматический уровень” (Бенвенист 1974: 131). Ср. термин “меризмограмма” у Ю.С. Маслова: “графемы, передающие дифференциальные признаки фонем... можно было бы назвать ‘меризмограммами’” (Маслов 2004: 773); “Системы письма, не имеющие “глобальных” знаков для значительной части фонем, но рационально использующие меризмограммы, достигают высокого совершенства и значительной экономии в инвентаре графем, а отчасти и в длине текста (ср. большинство систем, построенных на базе кириллицы с её ‘слоговым принципом графики’)” (*там же*: 777).

³³ За исключением проектов, подобных названным в сноске 8 (системы А.М. Белла и О. Есперсена отражают не фонологические признаки, а артикуляционные движения). Письмо конкретного языка никогда не развивается без внешних влияний, будь то адаптация чужого алфавита, предшествующая традиция или приоритеты дальнейшего развития в согласии с распространёнными графическими системами (об этих и других сковывающих развитие факторах см. Гельб 1982: 225-234).

- Бенвенист 1974: Э. Бенвенист, *Уровни лингвистического анализа*, в: Он же, *Общая лингвистика*, М. 1974, с. 129-140 (ориг. изд.: E. Benveniste, *Les niveaux de l'analyse linguistique*, в: *Preprints of Papers for the Ninth International Congress of Linguists*, Cambridge [MA] 1962, с. 491-498).
- Бодуэн де Куртенэ 1963а: И.А. Бодуэн де Куртенэ, *Некоторые отделы "Сравнительной грамматики" славянских языков*, в: Он же, *Избранные труды по общему языкознанию*, I, М. 1963, с. 118-126 (ориг. изд. "Русский филологический вестник", V, 1881, с. 265-344).
- Бодуэн де Куртенэ 1963б: И.А. Бодуэн де Куртенэ, *Фонема*, в: Он же, *Избранные труды по общему языкознанию*, I, М. 1963, с. 351-352 (ориг. изд.: J. De Courtenay, *Fonema, fonemat*, в: *Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana*, XXI, Warszawa 1898, с. 787-788).
- Бодуэн де Куртенэ 1912: И.А. Бодуэн де Куртенэ, *Об отношении русского письма к русскому языку*, СПб. 1912.
- Бубрих 1931: Д.В. Бубрих, "Унификаторы" в мировом масштабе, "Культура и письменность Востока", 1931, 10, с. 61-64.
- Гард 2015: П. Гард, *Ударение*, СПб. 2015 (ориг. изд.: P. Garde, *L'Accent*, Paris 1968, Limoges 2013²).
- Гельб 1982: И.Е. Гельб, *Опыт изучения письма*, М. 1982 (ориг. изд.: I.J. Gelb, *A Study of Writing*, Chicago-London 1963).
- Гордина 2006: М.В. Гордина, *История фонетических исследований (От античности до возникновения фонологической теории)*, СПб. 2006.
- Джусупов 1995: М. Джусупов, *Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма*, Ташкент 1995.
- Жирков 1931: Л.И. Жирков, *Ко всем ли языкам применим латинский алфавит*, "Культура и письменность Востока", 1931, 7-8, с. 38-57.
- Жубанов 1966: Х. Жубанов, *Проект казахского алфавита*, в: Он же, *Исследования по казахскому языку*, Алма-Ата 1966, с. 238-241 (архивная публикация, оригинал хранится в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, ф. 81 [Народный Комиссариат просвещения Казахской ССР], оп. 3, д. 680, л. 103-105).
- Зиндер 1960: Л.Р. Зиндер, *Общая фонетика*, Л. 1960.
- Зиндер 2007: Л.Р. Зиндер, *Общая фонетика*, в: Он же, *Общая фонетика и избранные статьи*, СПб.-М. 2007, с. 7-354 (ориг. изд.: М. 1979²).
- Зиндер 1987: Л.Р. Зиндер, *Очерк общей теории письма*, М. 1987.
- Касевич 1983: В.Б. Касевич, *Фонологические проблемы общего и восточного языкознания*, М. 1983.
- Касевич и др. 1990: В.Б. Касевич, Е.М. Шабельникова, В.В. Рыбин, *Ударение и тон в языке и речевой деятельности*, Л. 1990.

- Марр 1936: Н.Я. Марр, *Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)*, в: Он же, *Избранные работы*, II, Л. 1936, с. 321-351 (ориг. изд.: Л. 1926).
- Маслов 2004: Ю.С. Маслов, *Заметки по теории графики*, в: Он же, *Избранные труды*, М. 2004, с. 771-778. (ориг. изд. в: *Philologica: Исследования по языку и литературе: Памяти акад. В. М. Жирмунского*, Л. 1973, с. 220-226).
- Маслов 2005: Ю.С. Маслов, *Введение в языкознание*, СПб.-М. 2005.
- Поливанов 1924: Е.Д. Поливанов, *Новая казак-киргизская (Байтурсуновская) орфография: Спорные вопросы Киргизской графики и орфографии*, "Бюллетень Среднеазиатского государственного университета", 1924, 7, с. 35-43.
- Поливанов 1925: Е.Д. Поливанов, *Идеографический мотив в формировании орхонского алфавита (Гипотеза о происхождении орхонских букв)*, "Бюллетень Среднеазиатского государственного университета", 1925, 9, с. 177-181.
- Поливанов 1931: Е.Д. Поливанов, *Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР*, в: Он же, *За марксистское языкознание*, М. 1931, с. 95-116. (ориг. изд.: "Новый Восток", 1928, 23-24, с. 314-330.)
- Поливанов 1991: Е.Д. Поливанов, *Толковый терминологический словарь по лингвистике (1935-1937)*, в: Он же, *Труды по восточному и общему языкознанию*, М. 1991, с. 318-473.
- Реформатский 1933: А.А. Реформатский, *Лингвистика и полиграфия, в: Письменность и революция*, I, М.-Л. 1933, с. 42-58.
- Спиричева 2015: М. В. Спиричева, *Будетлянский алфавит: о графическом обозначении фонологических признаков как ещё одной ступени в общей истории развития письма*, в: Д.Н. Чердаков (отв. ред.), *XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 6-11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов*, СПб. 2015, с. 273-274, <<http://phil.spbu.ru/nauka/konferencii/arhiv/konferencii-2014-2015-goda/cbornik-tezisev-xviii-mezhhdunarodnoistudencheskoi-konferencii>> (22.07.2017).
- Трубецкой 1987а: [Н.С. Трубецкой], *Принципы фонологической транскрипции (Предложения Пражского лингвистического кружка)*, в: Он же, *Избранные труды по филологии*, М. 1987, с. 11-14. (ориг. изд.: *Principes de transcription phonologique [Propositions de Cercle Linguistique de Prague]*, "Travaux du Cercle Linguistique de Prague", IV, 1931, с. 323-326).

- Трубецкой 1987б: Н.С. Трубецкой, *Системы согласных в восточнокавказских языках*, в: Он же, *Избранные труды по филологии*, М. 1987, с. 283-323 (ориг. изд.: N.S. Trubetzkoy, *Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen*, "Caucasica", 1931, 8, с. 1-52).
- Трубецкой 1960: Н.С. Трубецкой, *Основы фонологии*, М. 1960 (ориг. изд.: N.S. Trubetzkoy, *Grundzüge der Phonologie*, Prague 1939 (= "Travaux du Cercle linguistique de Prague", 7).
- Шор 1928: Р.О. Шор, *К вопросу о сокращении алфавита (Критические замечания на статью проф. Н.Ф. Яковлева "Математическая формула построения алфавита". "Культура и письменность Востока". Кн. 1-ая. М. 1928)*, "Культура и письменность Востока", 1928, 2, с. 62-75.
- Щерба 1974: Л.В. Щерба, *О "диффузных" звуках*, в: Он же, *Языковая система и речевая деятельность*, М. 1974, с. 147-149 (ориг. изд.: *XLV академику Н.Я. Марру*, М.-Л. 1935, с. 451-453).
- Якобсон 2002: Р.О. Якобсон, *К характеристике евразийского языкового союза*, в: R. Jakobson, *Selected Writings*, I, The Hague 2002, с. 145-201 (ориг. изд.: Paris 1931).
- Яковлев 1926: Н.Ф. Яковлев, *Вопросы алфавита в связи с социальными и культурными условиями существования тюркских национальностей и проблема установления системы письма*, в: *Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля-5 марта 1926 года (Стенографический отчёт)*, Баку 1926, с. 216-227.
- Яковлев 1970: Н.Ф. Яковлев, *Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории)*, в: А.А. Реформатский, *Из истории отечественной фонологии: Очерк, хрестоматия*, М. 1970, с. 123-148 (ориг. изд. в: "Культура и письменность Востока", 1928, 1, с. 41-64).
- Яковлев 1930: Н.Ф. Яковлев, *Унификация алфавитов для горских языков Северного Кавказа*, "Культура и письменность Востока", 1928, 6, с. 44-67.
- Kasevich 2016: V. Kasevich, *Some Unsettled Problems in Theoretical Phonology*, в: *International Scientific Conference "Transformations of Contemporary Baltic Languages and Dialects", Institute of the Lithuanian Language, Vilnius, 19th-21st October 2016: Abstracts*, с. 29, <http://www.lki.lt/LKI_LT/images/A._Girdenio_KONFERENCIJOS_TEZ%C4%96S_2016_1_3.pdf> (22.07.2017).
- Kleiner 2017: Yu. Kleiner, *The Syllable according to Aristotle*, "Histoire. Épistémologie. Langage", XXXIX, 2017, 1, с. 137-153.

- van Helden 2016: A. van Helden, *Ingénierie linguistique ou “mentalité orthographique”?* R.O. Šor et la formule de N.F. Jakovlev, в: E. Velmezova, S. Moret (éds.), *Rozalija Šor (1894-1939) et son environnement académique et culturel*, Lausanne 2016, pp. 155-172 (= Cahiers de l’Institut de Linguistique et des Sciences du Langage, 47).
- Warner 1996: N. Warner, *Acoustic Characteristics of Ejectives in Ingush*, in: *ICSLP 96: Proceedings of the Forth International Conference on Spoken Language Processing, October 3-6, 1996, Philadelphia, Pennsylvania*, New York 1996, c. 1525-1528, <<http://www.asel.udel.edu/icslp/cdrom/vol3/273/a273.pdf>> (6.07.2017).

Abstract

Aleksey Viktorovič Andronov

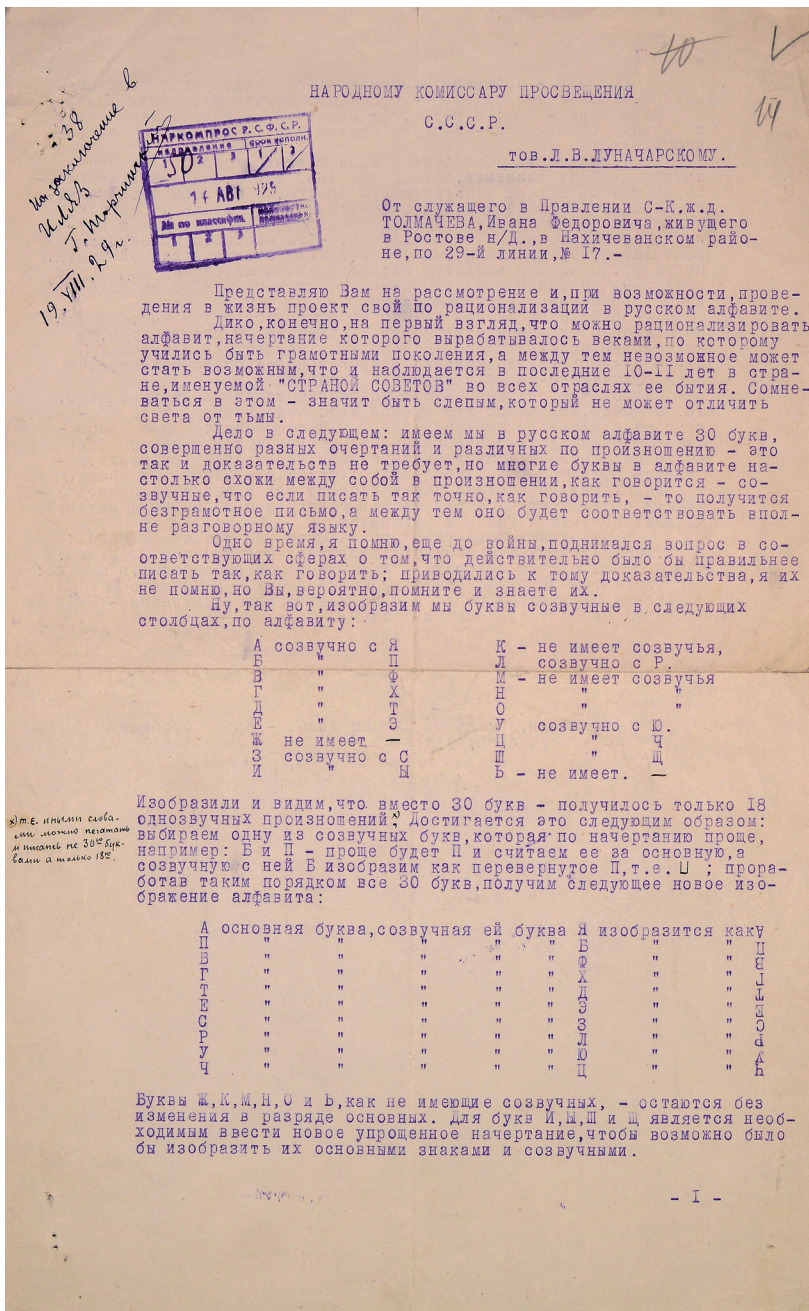
Graphetic Designation of Phonological Features as a Guide for the Rationalisation of Alphabetic Writing and Evidence for the Reality of Phonological Categories

The evolution of writing (from ideography to alphabet) is connected with the tendency to denote the smallest segmental units of a language system. The adequacy of graphetics depends on its ability to reproduce all phonemic distinctions. Whereas scientific transcription requires a one-to-one correspondence of phoneme and grapheme, various tools for reduction of grapheme inventory are applied in practical writing systems. This reduction is possible when the phonological structure of a language system is taken into account and the so-called featural elements of script develop, with phonemic traits acquiring unified graphetic expression (generalised elements of the basic symbol, diacritics, digraph series and modification of adjacent letters). Examples of such optimisation can be found both in conscious efforts of professional linguists (transcription adjustment, alphabet development) and in natural evolution of writing systems (cfr. “syllable principle of the Russian graphetics”), as well as in projects of amateur enthusiasts with their intuitive methods, which are very successful at times.

The article analyses some aspects of alphabet making and rationalisation in the USSR in the 1920s-30s. For example, Rosalija Šor brought into question speakers’ awareness of phonological features; she criticised the universality of Nikolaj Jakovlev’s mathematical formula of the alphabet. On the other hand, the speaker’s linguistic awareness manifested itself in Axmet Baitursynov’s supra-segmental sign for sound harmony in Kazakh, readily accepted by the public at large. There is also discussion of Ivan Tolmačev’s project of the rationalisation of the Russian alphabet presented to the first Soviet People’s Commissar for Education Anatolij Lunačarskij in 1929, discovered recently in the archive of the Russian Academy of Sciences.

Keywords

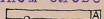
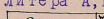
Phonology; Graphetics; History of Writing; Language Planning in the USSR (1920s-1930s).

Письмо И.Ф. Толмачёва народному комиссару просвещения РСФСР
А.В. Луначарскому от 14 августа 1929 года

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 302, оп. 1, д. 271, л. 14-14об.

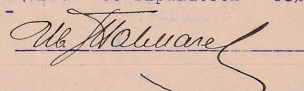
Букву И - изобразить знаком V и считать этот знак основным, а созвучную букву И - будет изображать этот знак в перевернутом виде - Λ; букву Ш, как основную, - изобразить Λ, а созвучную ей букву Щ - в перевернутом виде - Ψ. Вот и вся рационализация.

Техническая обработка в словолитных такого алфавита - затруднений не вызывает, потому что дело все в канавочке, имеющейся на каждой литере типографского шрифта. С помощью этой канавки наборщик имеет возможность правильно установить на верстаке буквы при наборе слов и если прорезать эти канавки на другой противоположной стороне литеры, - то наборщик по навыку поставит букву правильно, как ей надлежит стоять в данном слове. Например, по новому алфавиту литера буквы А имеет вид , созвучная ей буква И будет та-же литера А, но только канавка у ней прорезана с другой стороны .

Таким образом, вся выгода от этого состоит в том, что нет надобности вырезывать форму и отливать 30 разных букв, а достаточно отлить только 18 основных; причем, для созвучных 12-ти букв прорезать канавки с другой противоположной стороны и мы получим те-же 30 знаков для алфавита.

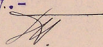
Конечно, возражений это новшество может вызвать не мало, но, по моему, страшного тут ничего нет: ведь читаем же мы безграмотное письмо и понимаем что в нем говорится; так и здесь - сначала будет дико смотреть на эти перевернутые буквы, но ведь нечто подобное мы, старограмотные люди, уже однажды пережили, лишившись букв Ъ, Ь, Е, , замененных другими, и - ничего, привыкли, а новым людям, начинающим учить грамоту, какие знаки не преподай - такими он и будет писать и читать совершенно свободно и ему наш алфавит покажется диким и устарелым.

В отношении коммерческого эффекта - я сказать ничего не могу, не имея данных о стоимости изготовления шрифтов, но думаю, что простой расчет говорит за экономическое достижение, а именно: изготовляется 20 букв /считая 2 знака новых - V вместо И и Λ вместо Ш/, вместо 30-ти, - в процентах это выражается - 33% экономии при изготовлении шрифта.-

14/VIII-29г.

Резолюцию, какова бы она ни была, - прошу сообщить по вышеуказанному адресу.-

Письмо И.Ф. Толмачёва народному комиссару просвещения РСФСР
А.В. Луначарскому от 14 августа 1929 года (продолжение)

© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 302, оп. 1, д. 271, л. 14-14об.

Sébastien Moret

Langues internationales, alphabets et Révolution. Les idées de N.V. Jušmanov

Au début des années 1920, “Moscou était en pleine ébullition” (Chalamov 1997: 13). Affichée dès les débuts, l’ambition des bolcheviques d’instaurer une société et un ordre nouveaux s’était répandue et les esprits bouillonnaient:

Des débats [...] s’élevaient à tout propos: sous le communisme, y aurait-il encore des parfums? (La parfumerie *Broquer* avait fermé à la Révolution, les ouvriers se demandaient si on la rouvrirait.) Est-ce que dans les phalanstères de Fourier les femmes sont mises en commun? et qu’en est-il de l’éducation des enfants? On ne s’interrogeait pas sur une éventuelle réforme du mariage, on s’interrogeait sur le mariage même, sur sa raison d’être, sur la famille, était-elle vraiment nécessaire? Et les enfants, devaient-ils être élevés par l’Etat, et lui seul? Aurait-on besoin d’avocats avec le nouveau droit? Aurait-on besoin de littérature, de poésie, de peinture, de sculpture...? Et si oui, sous quelles formes? En tout cas, pas sous les formes du passé (*ibid.*: 14).

La forme, c’était là l’obsession de l’époque. La volonté de faire table rase du passé, de créer un monde nouveau, – celui de la dictature du prolétariat –, qui ne ressemblerait en rien à celui que les tourbillons révolutionnaires avaient emporté, cette volonté appelait nécessairement des réflexions sur des problèmes de forme. Ainsi, “Schterenberg et Chagal et Malevitch et Kandinski, tous inventaient, tous dessinaient des formes nouvelles qu’ils proposaient au jugement des temps nouveaux” (*ibid.*). La conviction régnait qu’un nouveau monde, qu’une “nouvelle vie exige[ait] des formes nouvelles”, comme le proclamait en 1926 l’annonce d’un concours pour imaginer de nouvelles formes de logements (Gradow 1971: 49). Mais les artistes, les arts ou l’architecture n’étaient pas seuls concernés:

Tous les aspects de l’existence – l’aspect social, économique, politique, spirituel, moral, familial – étaient ouverts à un refaçonnage délibéré par des mains humaines. [...] Partout la même passion poussait à créer quelque chose de nouveau, à produire quelque chose de totalement différent par rapport à l’ancien monde’ et à sa civilisation (Steinberg 1953: 44-45).

C’était ainsi tous les aspects de la vie soviétique que l’on désirait transformer dans l’“atelier de la Révolution” (v. le titre de Steinberg 1953). Les langues n’échappèrent pas à la tendance, elles aussi furent concernées par ces discussions sur les problèmes de formes. Certains auteurs, linguistes ou non, s’attelèrent ainsi à introduire la Révolution dans la

langue russe: éliminer les mots anciens, introduire ceux reflétant les nouvelles réalités, rationaliser le système, simplifier les expressions, éviter les doublons, les ambiguïtés, etc. (Moret 2010). La période est aussi marquée par tout un travail de linguistique appliquée visant l’“amélioration et [...] la création de très nombreux alphabets” (Isaev 1979: 7) pour les peuples de l’Union aux langues sans écriture¹. Là également, la question de la forme que devaient prendre ces alphabets fut au centre de nombreuses discussions (Simonato 2003), comme en témoigne, notamment, le recueil *Alfavit Oktjabrja* (‘L’alphabet d’Octobre’, Nurmakov 1934a). Si le choix² d’alphabets à base latine s’imposait à tous, c’était parce que l’écriture cyrillique restait “associée à l’oppression des nationalités du temps des tsars” (Alpatov 2001: 14) et à ses campagnes de russification; à l’inverse, l’alphabet latin apparaissait comme l’“alphabet de la révolution” (*ibid.*), celui qui accompagnerait la libération des masses laborieuses (Nurmakov 1934b). Ce qui ne faisait pas consensus, par contre, c’était la manière d’adapter cette base latine aux particularités phonétiques et phonologiques des langues qu’il s’agissait de doter d’un alphabet, et notamment l’usage ou non de signes diacritiques; nous aurons l’occasion d’y revenir.

Dans le cadre de ces propos, nous allons nous intéresser au rapport entre alphabets et Révolution dans l’URSS des années 1920-1930, en présentant les idées du linguiste Nikolaj Vladimirovič Jušmanov³ (1896-1946) relatives à ce qu’il pensait être l’alphabet idéal pour une langue internationale artificielle destinée à être un outil révolutionnaire efficace entre les mains des prolétaires.

1. Révolution et langues internationales

L’anecdote est rapportée par Ilya Ehrenbourg (1891-1967) au tout début d’*Un écrivain dans la révolution*. A Petrograd en 1918, dans les premiers temps de l’effervescence révolutionnaire, un meeting se tient au cirque Ciniselli, et les orateurs se succèdent. Parmi eux, “[u]ne dame aux cheveux blancs s’efforçait de prouver que l’espéranto sauverait la révolution” (Ehrenbourg 1963: 8). Même si, dans le cas présent, l’auteur précise que “personne ne l’écoutait” (*ibid.*), force est de constater que dès les débuts du communisme l’idée d’une langue internationale sembla aller de pair avec l’idée de révolution mondiale. En effet, l’union des prolétaires de tous les pays ne se ferait que plus facilement si tout le monde parlait la même langue. Ainsi, dès son IIe Congrès en septembre 1867 à Lausanne, la Première Internationale

¹ Sur la création d’alphabets en URSS dans les années 1920-1930, v. Simonato 2003 ou Alpatov 2001.

² Ou le passage à l’alphabet latin pour les langues qui avaient reçu un alphabet de type cyrillique à l’époque impériale (Alpatov 2001: 14)

³ La forme “Jušmanov” est la transcription, selon les normes de la slavistique francophone, du nom russe Юшманов. Suivant la langue dans laquelle il écrivait, Jušmanov avait plusieurs façons d’orthographier son nom: il signe “Yushmanov” ses articles écrits en ido, “Jušmanov” ceux écrits en espéranto et “yucmanof” ceux écrits dans sa langue etem. C’est pour cette raison que l’on trouvera dans la bibliographie son nom écrit de plusieurs façons différentes.

entrevoyait déjà les avantages qu'une telle langue pourrait avoir pour la cause communiste: "Le Congrès est d'avis qu'une langue universelle et une réforme de l'orthographe seraient un bienfait général et contribueraient puissamment à l'unité des peuples et à la fraternité des nations" (cité dans Sériot 1988: 21). Le problème fut ainsi très rapidement posé: "la multiplicité des langues appar[issait] comme un grand frein sur le chemin vers l'union de l'humanité" (Izgur 1925: 17) et rendait impossible la réalisation du fameux slogan de Marx et Engels qui restait, dès lors, un "cri vide" (Artjuškin-Kormilicyn 1919: 14). La solution passait donc par l'adoption d'une langue internationale. Les difficultés inhérentes aux langues naturelles parlèrent en faveur d'une langue artificielle (dont de nombreux projets⁴ avaient vu le jour au XIXe siècle), simple, sans exception, et devant l'apprentissage de laquelle chacun se trouverait à égalité. Restait à se mettre d'accord sur la langue qui serait choisie, car, dans les années 1920, il n'y avait pas que l'espéranto à être considéré comme un "outil de la lutte révolutionnaire" (Drezen 1925: 7): à côté du "*Proletarioj de la tuta mondo, unuiĝu!*" des espérantistes résonnait en effet le "*Proletarii di omna landi unionez vi!*" des idistes, les partisans de la langue ido, dont il va être rapidement question.

Ludwik Lejzer Zamenhof (1859-1917), le père de l'espéranto, ne s'était jamais considéré comme le "créateur [*kreinto*]" d'un projet fini, pour lui, il n'était que l'"initiateur [*iniciatoro*]" de l'espéranto (D^{ro} Esperanto 1888: 12), celui qui n'avait fait que soumettre au monde un projet, attendant qu'on lui fit part des problèmes et des éventuelles imprécisions (D^{ro} Esperanto 1887: 30-31). Dans ces conditions, l'espéranto traversa plusieurs périodes de "réforme [*reformemo*]" (Korŝenkov 2005: 22). Les projets de réforme tournaient tous autour des mêmes problèmes, parmi lesquels, entre autres, les signes diacritiques, l'article défini ou l'accusatif (*ibid.*: 21-25; 37-39; 42-43). Si Zamenhof accepta au début certaines des modifications suggérées, il resta intransigent sur quelques points, comme l'accusatif et les signes diacritiques⁵. En 1907, un projet anonyme d'une langue nommée ido (*ido* signifie en espéranto "descendant, fils de") fut présenté, mais jamais les espérantistes et les idistes ne réussirent à s'entendre, surtout qu'il apparut que le projet ido avait été imaginé par des espérantistes dans le dos de Zamenhof (*ibid.*: 44ss). Cela fut vu comme une trahison par Zamenhof et la majorité des espérantistes qui refusèrent dorénavant tout changement dans la langue, et provoqua donc l'apparition d'un "schisme" (*ibid.*) qui aboutit à deux langues distinctes et à deux communautés linguistiques. Ces deux langues se distinguaient sur plusieurs points. L'ido, entre autres, n'avait pas conservé les signes diacritiques de l'espéranto qui avaient été soit remplacés par des digrammes (*ĉ* > *ch*; *ŝ* > *sh*), soit abandonnés (*ĝ*, *ĥ*, *ŭ*); l'accusatif n'y était indiqué à l'aide du suffixe {-n} qu'en cas d'ambiguïté et l'adjectif y était invariable, comme le montre cet exemple donné par Jušmanov (Yushmanov 1924a: 129): "Mi amas miajn bonajn fratojn" (espéranto) face à "Me amas mea bona frati" (ido) [J'aime mes bons frères].

⁴ Pour un catalogue des projets de langues artificielles internationales, v. Duličenko 1990.

⁵ Pour rappel, l'espéranto possède six lettres à signe diacritique: les cinq consonnes à circonflexe *ĉ* [tʃ], *ĝ* [dʒ], *ĥ* [x], *ĵ* [ʒ], *ŝ* [ʃ] et la semi-voyelle *ŭ* [w].

Dans les années 1920, l'espéranto et l'ido étaient donc deux langues internationales artificielles en concurrence, comme nous aurons l'occasion de le voir ici.

2. *Nikolaj Vladimirovič Jušmanov*

N.V. Jušmanov est surtout connu pour avoir été le fondateur, dans les années 1930, de la sémitologie et de l'africanistique soviétiques (Šumovskij 1977: 6-7); outre l'arabe, il fut le premier citoyen de l'URSS à s'intéresser aux langues éthiopiennes (Jušmanov 1936) et au haoussa (Jušmanov 1937), et certains de ses ouvrages marquèrent la science de son pays, comme sa *Grammaire de l'arabe littéraire* de 1928 (Jušmanov 1928), considérée comme le premier ouvrage scientifique soviétique sur le sujet. Ses compétences linguistiques semblaient largement au-dessus de la moyenne, puisqu'en plus de nombreuses langues africaines et sémitiques, il maîtrisait la plupart des langues européennes (y compris le hongrois, le lituanien, les langues scandinaves et le maltais); il s'intéressa aussi aux langues des Indiens d'Amérique et des Esquimaux, aux langues du Caucase, au sanskrit (Šumovskij 1975: 22-24 et 1977: 6). A cela il faut ajouter un intérêt marqué pour les langues artificielles. En 1910, il découvre l'espéranto, mais il l'abandonnera très vite au profit de l'ido, pour des raisons purement linguistiques dont certaines seront présentées par la suite. Outre ces deux langues, Jušmanov s'est intéressé à pratiquement tous les projets de langues construites de son époque, les analysant d'un œil critique de linguiste; ainsi ses reproches à l'espéranto et à l'Occidental (1922) d'Edgar de Wahl (1867-1948) (respectivement Yushmanov 1924a et 1924b). Face à ces langues à visée internationale qu'il jugeait imparfaites (ce qui ne l'empêcha pas de publier des articles dans plusieurs d'entre elles), Jušmanov finira par élaborer son propre "sistem kosmoglotik 'etem'" (yucmanof 1931) dont nous reparlerons et dans lequel il publia également plusieurs articles.

Ce "linguiste à large profil", comme il se qualifiait lui-même (Šumovskij 1977: 6), naît le 24 février 1896 à Saint-Petersbourg, ville qu'il n'a, semble-t-il, jamais quittée (*ibid.*: 7). A la fin de ses études au gymnase Štemberg, il entre à la Faculté d'orientalisme, où il se consacre à la linguistique générale, à la grammaire comparée des langues sémitiques et à l'arabistique (Ahlberg 1926: 105). Après avoir travaillé comme traducteur entre 1917 et 1921, il obtient en 1929 le titre de *kandidat* avec une thèse sur les racines sémitiques. Il devient docteur le 24 janvier 1938 (Judakin 2000: 875-876). Jušmanov fit toute sa carrière à l'Université de Léninegrad, où il forma plusieurs générations de sémitisants, mais il fut aussi membre, entre 1931 et 1946, de l'Institut de la langue et de la pensée (*Institut jazyka i myšlenija*), institut fondé en son temps par Nikolaj Marr (1865-1934). En 1943, malgré le blocus, Jušmanov fut nommé membre-correspondant de l'Académie des Sciences. Il meurt le 2 avril 1946 dans sa ville de Léninegrad.

Pour cet article consacré aux idées de Jušmanov relatives à l'alphabet d'une langue internationale, nous lirons des textes de lui écrits dans des langues artificielles peu courantes et à l'existence parfois éphémère. Nous analyserons des textes en ido et en etem, langue imaginée par Jušmanov et dont il sera question plus loin⁶.

⁶ Dans la bibliographie, les textes en ido sont ceux signés "Yushmanov"; ceux signés "yucmanof" sont en etem.

3. Pourquoi l'alphabet de l'ido est supérieur à celui de l'espéranto

Pour Jušmanov, les choses sont claires: “[l]e prolétariat international ne peut se passer d’une langue mondiale” (Yushmanov 1923a: 39). Sans elle, l’union des masses laborieuses internationales indispensable à l’éclosion de la dictature du prolétariat est impossible. De son point de vue, il n’est ni question de choisir une langue naturelle nationale, ni de faire renaître une langue morte comme le latin:

Souvent on propose de prendre comme langue mondiale une des langues naturelles (le plus souvent il s’agit du latin, du français ou de l’anglais). Mais il y a maintenant peu d’amateurs de langues anciennes, et le choix d’une langue actuelle est impossible à cause de la compétition nationale (Jušmanov 1987: 462).

Le choix s’impose donc, d’une langue internationale artificielle qui serait plus facile à apprendre que les langues naturelles et qui “exigerait [pour son apprentissage] le moins possible de temps, d’énergie et de moyens” (*ibidem*). Au moment où Jušmanov écrit, au début des années 1920, la plupart des projets de langues artificielles qui encombrèrent le XIXe siècle (Duličenko 1990) “sont momifiés dans les archives” (Yushmanov 1923a: 39) de l’histoire de la linguistique: certaines de ces langues ont échoué dans leur tentative de s’imposer, d’autres ont tout simplement disparu en même temps que leur auteur qui était aussi souvent leur seul utilisateur et adepte. Il ne reste donc que deux “concurrents” (*ibidem*), l’espéranto et l’ido. C’est donc entre ces deux langues que le choix doit se faire. Dans le contexte soviétique des années 1920, il s’agissait, entre autres, de déterminer laquelle des deux langues était la plus adaptée au prolétariat⁷. Après une analyse de l’alphabet utilisé par les deux langues, Jušmanov affirmera la supériorité de l’ido dans le contexte de la révolution prolétarienne de l’époque.

En mars 1923, Jušmanov s’était amusé à publier dans la revue idiste “Nia Standardo” (“Notre bannière”) un petit texte en ido écrit en vers avec rimes, par lequel il participait à la querelle, encore très sensible dans les années 1920, entre les espérantistes et les idistes (Yushmanov 1923b). Dans ce texte, il s’en prenait aux espérantistes, les accusant de soutenir une langue qui allait à l’encontre du “vrai progrès scientifique”. Pour Jušmanov, toutes les “choses arbitraires” qui s’accumulent sous l’“ombre ‘verte’” (en référence à la couleur de l’espoir qui est celle de l’espéranto) ne sont que des “balayures” dont les travailleurs doivent se débarrasser s’ils veulent avoir un moyen de communication mondial efficace. Il affirme l’aspiration de la nouvelle société prolétarienne issue de la Révolution à la science et à la raison (“Notre conscience [prolétarienne] ne digère [*digestas*] aucune arbitraire!”) et proclame que, pour cette raison, les travailleurs se doivent d’adopter l’ido et de rejeter l’espéranto. Dans ce poème est abordée la grande opposition qui doit, selon Jušmanov, faire préférer l’ido à l’espéranto: c’est l’opposition entre la science et l’arbitraire, entre la logique et la “chaos” (Yushmanov 1924a: 122).

⁷ Sur l’espéranto comme langue prolétarienne, v. Tom 1925.

Cette opposition entre la science et l'arbitraire ne doit pas nous surprendre dans le contexte soviétique des années 1920. La Révolution bolchevique est en effet la première révolution à avoir eu lieu à l'époque de l'incroyable "révolution technologique du vingtième siècle" (Stites 1989: 3), et de là découle un rapport particulier à la science: la science fut vue par les bolcheviques comme le moyen idéal qui allait permettre d'atteindre la société nouvelle et idéale prévue. Grâce à la science, pensait-on, l'efficacité, la raison et la logique allaient désormais régner en maître, et l'on vit apparaître différents mouvements rationalisateurs (Moret 2010), comme le mouvement NOT (*Naučnaja Organizacija Truda* ['Organisation scientifique du travail']) qui avait pour but "d'atteindre la plus grande et la meilleure production possible en dépensant le moins possible de force, d'énergie, de moyens matériels et de temps" (Drezen 1929: 3), ou celui intitulé *Naučnaja Organizacija Byta*, l'organisation scientifique de la vie de tous les jours, qui souhaitait appliquer aux nouvelles constructions des méthodes et des réflexions rationnelles, dans le but, notamment, d'"économiser l'énergie physique utilisée pour se déplacer dans un bâtiment" (Caldenby 1984: 272). Ainsi, la science devait permettre non seulement d'atteindre le monde nouveau de la dictature du prolétariat, mais aussi de contribuer à ce qu'il soit un monde d'efficacité et d'économies où il ferait bon vivre. Pour Jušmanov aussi, il fallait suivre la science et viser à la rationalisation. Il écrit par exemple que le monde nouveau, pour se construire, devra invoquer les "conclusions scientifiques" et "rejeter (*for-pulsar*) les conditions arbitraires" (Yushmanov 1923a: 41); il semble même convaincu que c'est là ce à quoi aspirent, par leur nature, les travailleurs, eux qui "ne sont pas des amateurs d'arbitraire", ni "de choses compliquées (*komplikaji*)" (*ibid.*), mais préfèrent, au contraire, la logique (*ibid.*: 43).

En 1923, Jušmanov proposait, dans un article intitulé *L'espéranto et l'ido face au prolétariat* (Yushmanov 1923a), de montrer "pour quoi le prolétariat trouvera dans l'ido un moyen de communication meilleur et une base pour sa culture" (*ibid.*: 41). Il s'agissait pour lui de présenter quelques-unes des "fantaisies" (*ibid.*) inacceptables de la langue de Zamenhof, qui en faisaient une langue tout sauf prolétarienne. Une année plus tard, il fera paraître un long article intitulé *Les 100 défauts fondamentaux de l'espéranto* (Yushmanov 1924a), dans lequel il opposera ce dernier à l'ido qui sera considéré comme une langue plus scientifique et plus logique que l'espéranto et qui finira par l'emporter sur la langue de Zamenhof (*ibid.*: 119). C'est à partir de ces deux textes que nous présenterons quelques-uns des arguments de Jušmanov en faveur de l'ido. Si Jušmanov, dans ces deux articles, avait également opposé les deux langues du point de vue de la grammaire et du lexique, nous nous concentrerons, pour notre part, sur ses arguments relatifs aux alphabets respectifs des deux langues⁸.

Le premier argument que donne Jušmanov pour rejeter l'espéranto concerne les six lettres à signe diacritique de ce dernier, lettres qu'il considère comme "fantaisistes (*fantaziala*)" (Yushmanov 1924a: 121). La première raison qu'il donne contre ces six lettres est purement statistique, puisqu'elles "n'existent dans aucune [autre] langue" (*ibid.*). Les

⁸ Pour une analyse des idées de Jušmanov concernant les différences entre l'ido et l'espéranto du point de vue de la grammaire et du lexique, v. Moret 2014: 388-402.

raisons qui suivront renverront à l'atmosphère scientiste et rationalisatrice de l'époque dont nous avons parlé. Ainsi Jušmanov relève-t-il ensuite les "difficultés techniques et les désavantages économiques" (Yushmanov 1923a: 41) des diacritiques, puisqu'ils augmentent les "coûts d'impression" (Yushmanov 1924a: 121), et le fait qu'ils "gênent (*impedas*) gravement l'écriture" (*ibid.*). Jušmanov ne développe pas outre mesure ses propos, mais nous pouvons comprendre ce qu'il entendait par là en nous appuyant sur d'autres textes de la même époque, écrits dans le contexte de la création d'alphabets pour les peuples sans écriture, dont il a été brièvement question. Les linguistes impliqués dans ce processus, quel que fût l'alphabet qu'ils avaient décidé de soutenir, affirmaient qu'il fallait tenir compte des efforts à fournir pour lire et écrire dans un alphabet, du temps nécessaire pour l'apprendre et le maîtriser, de la vitesse de l'écriture manuscrite et de la commodité pour fabriquer des caractères pour l'imprimerie (Simonato 2003). Ainsi, en 1931, le linguiste Nikolaj Feofanovič Jakovlev (1892-1974) reprochait-il à l'alphabet analytique abkhaze élaboré par Nikolaj Marr⁹ en 1926 son "abondance de signes diacritiques au-dessous ou au-dessus des lettres", tous ces "points", ces "hatcheks" "accrochés au corps des lettres" "qui compliqu[ent] l'emploi technique" de cet alphabet, parce que les caractères typographiques qui les représentent "se cassent facilement", parce que, une fois imprimés, ces signes diacritiques "s'estompent" fréquemment (Jakovlev 1931: 49).

Les reproches que Jušmanov faisait à l'espéranto et à ses signes diacritiques¹⁰, qui s'en prenaient aux pertes de temps (et donc d'argent) que supposerait la fabrication de tels caractères d'imprimerie (qui se casseraient plus facilement), mais aussi leurs réalisations manuscrites (puisque l'ajout de signes diacritiques empêche d'une certaine manière une écriture liée et coulée), étaient donc dans l'air du temps de l'époque. Contre les diacritiques, Jušmanov ajoute aussi une raison que l'on pourrait appeler médicale: "Malgré le fait que Zamenhof était oculiste, il a fait les signes diacritiques de l'alphabet de l'espéranto, qui sont dangereux pour les yeux" (Yushmanov 1923a: 41), car ils les "fatiguent trop" (Yushmanov 1924a: 121). Le fait de s'appuyer sur des données de la médecine pour justifier tel ou tel alphabet n'est pas propre à Jušmanov, cela se retrouvera quelques années plus tard, dans le cadre des discussions sur les alphabets (Simonato 2003: 197).

Un argument plus intéressant d'un point de vue linguistique est celui qui reproche au circonflexe de l'espéranto de "contredi[re] la science" en possédant "quatre significations" (Yushmanov 1924a: 121-122) linguistiques différentes. Si l'on considère les paires c [t̂s] / ĉ [tʃ] et s [s] / ŝ [ʃ], le circonflexe sert à passer d'une consonne alvéolaire à une consonne palato-alvéolaire; mais cette transformation phonique ne se retrouve pas dans les autres cas: pour la paire g [g] / ĝ [dʒ], le passage se fait entre une occlusive vélaire et une affriquée palato-alvéolaire; dans le cas de la paire h [h] / ĥ [x], le circonflexe permet le passage d'une fricative glottale à une fricative vélaire; enfin, pour la paire j [j] / ĵ [ʒ], le circonflexe indique un changement entre une spirante palatale et une fricative palato-alvéolaire. Il n'y a ainsi

⁹ Sur l'alphabet abkhaze de Marr, on peut consulter Sériot 2013.

¹⁰ Sur les diacritiques et les systèmes d'écriture en général, v. Sampson 1985.

aucune régularité dans la signification du circonflexe de l'espéranto. C'est un même genre de problème qui apparaît avec l'utilisation par l'espéranto de la brève sur le caractère *ŭ* qui sert à noter une semi-voyelle. Jušmanov explique qu'il y a le même rapport de voyelle à semi-voyelle entre "i : j" et "u : ŭ"; le problème, c'est que dans le premier cas, la semi-voyelle est indiquée par un caractère particulier, alors que dans le second cas l'espéranto emploie la brève diacritique. Il n'y a donc, dans ce cas-là non plus, aucune rigueur. Si l'espéranto avait voulu être rigoureux, il aurait dû avoir soit "i : j = u : w", soit "i : ĭ = u : ŭ", afin que le même rapport soit exprimé de la même manière, au moyen d'un caractère particulier ou du même diacritique (Yushmanov 1924a: 122). A cause des problèmes posés par le circonflexe et la brève diacritiques, l'alphabet de l'espéranto va à l'encontre de la science; les espérantistes ont donc "totalement" tort quand ils prétendent que leur alphabet est "scientifique"¹¹ (Yushmanov 1923a: 41 et 1924a: 122).

De façon plus générale, Jušmanov considère les signes diacritiques comme allant à contre-courant de l'évolution linguistique, puisqu'on voit à travers l'Europe, nous dit-il, de plus en plus de peuples se battre contre leur introduction dans les alphabets: sans donner ni exemples ni informations supplémentaires, il parle de la France et de l'Espagne "où existent des tendances à supprimer ou à économiser de tels signes"; quant à la nouvelle orthographe lettonne, nécessitant de nombreux diacritiques, elle a, dit-il, "peu de succès" (Yushmanov 1923a: 41). Toujours par rapport aux diacritiques, Jušmanov leur reproche d'être utilisés dans des monogrammes servant à exprimer des sons composés, ce qui va à l'encontre du principe phonétique "une lettre = un son" (*ibid.*). Pour Jušmanov, le système graphique de l'espéranto n'est pas "scientifique", puisqu'il contredit les "systèmes plus simples" que préfèrent depuis quelque temps déjà les "phonéticiens progressistes modernes" (*ibid.*) (là encore Jušmanov ne donne ni noms ni exemples). En fin de compte, il écrit que

[L]es prolétaires, en tant qu'hommes très conscients de l'économie de temps et d'efforts [*La proletario kom homo tre diciplinita en la ekonomial relato*] doivent bientôt remarquer que 1) il est plus avantageux de simplifier et de réduire que d'introduire des complications et d'augmenter inutilement le compost-bouillie [*kompost-kaso*]; 2) qu'il est plus avantageux d'écrire de façon internationale plutôt que de façon fantaisiste [*fantastike*]. (Yushmanov 1923a: 41)

Dans ces conditions, on ne s'étonnera pas de voir Jušmanov appeler les prolétaires à rejeter l'espéranto ("Les nombreux traits arbitraires de l'espéranto doivent être abominables pour chaque travailleur" [*ibid.*]) et à adopter l'ido et son alphabet "vraiment international" (*ibid.*), mais surtout dépourvu des signes diacritiques problématiques de l'espéranto et régi par une certaine rigueur, puisque, en ido, l'expression des deux semi-voyelles se fait par le même moyen, par un caractère particulier: "i : y = u : w" (Yushmanov 1924a: 122).

¹¹ Remarquons les guillemets utilisés par Jušmanov.

Il convient de dire rapidement que les espérantistes, contrairement aux idistes, ne se sentirent que peu concernés par toutes ces discussions opposant espéranto et ido¹², comme en témoignent ces quelques lignes d'Ernest Karlovič Drezen (1892-1937), chef de file des espérantistes soviétiques:

Les disputes des idistes avec les espérantistes à propos de “čevalo” ou “kavallo”, de “butero” ou “butro”, ou même à propos de l'accusatif ou des lettres à signe diacritique, ont une signification sociale insignifiante. Et par conséquent, dans tous les domaines, dans lesquels l'espéranto est déjà accepté pratiquement et dans lesquels on essaie d'introduire l'ido en louant ses mérites théoriques, ce dernier ne peut recevoir et subir que des échecs (Drezen 1926-1927: 11).

Ces discussions sur la forme que doit avoir un système graphique faisaient partie des préoccupations de l'époque. Jušmanov poursuivra ses réflexions sur les formes des lettres et des alphabets quelques années après avoir écrit ces articles sur les différences entre l'ido et l'espéranto, mais dans un cadre plus officiel. En effet, ses imposantes connaissances linguistiques l'amèneront à faire partie du Comité central fédéral pour le nouvel alphabet turc (*Vsesojuznyj central'nyj komitet novogo tjurkskogo alfavita*) (Šumovskij 1977: 6), créé à la fin du Congrès turcologique de 1926¹³; et à plusieurs reprises il écrira des articles dans la revue du Comité, à savoir la revue “Kul'tura i pis'mennost' Vostoka” (‘Culture et écriture de l'Orient’) (Jušmanov 1929a, 1929b, 1930 et 1931).

4. *Le “sistem kosmoglotik ‘etem”*

Jušmanov a beau avoir été un idiste convaincu une grande partie de sa vie, il a aussi appréhendé cette langue en linguiste pour qui “[l]a langue mondiale doit être un instrument parfait pour les relations internationales orales et écrites” (Yushmanov 1924a: 119). Plus encore qu'une langue internationale parfaite, il cherchait la langue internationale “idéale” (yucmanof 1922a: 33). Et il n'a donc pas manqué de trouver des défauts dans le système de l'ido, défauts qu'il a exposés dans deux articles parus en 1924, deux articles signés du pseudonyme Hereziano, l'hérétique (Hereziano 1924a et 1924b)¹⁴. Dans ces conditions, on ne doit pas s'étonner que Jušmanov ait fini par créer son propre projet de langue internationale, le “sistem kosmoglotik ‘etem” dont il va être maintenant question.

Dans le numéro d'août-septembre 1922 de la revue *Kosmoglott* publiée à Reval (Tallinn) paraît la traduction dans une langue appelée etem (yucmanof 1922c) d'un petit poème

¹² Probablement parce que leur langue était des deux celle qui était la plus répandue et la plus utilisée, les espérantistes n'avaient besoin de mettre en avant que la réalité pratique et comptable de leur langue.

¹³ Sur ce Comité du nouvel alphabet turc, v. Simonato 2008: 277-278.

¹⁴ L'affirmation selon laquelle Hereziano est un pseudonyme de Jušmanov se trouve dans Kuznecov 1987: 459.

Jušmanov a décidé d'écrire sa langue au moyen de l'alphabet latin. Il suit en cela le mouvement soviétique de création d'alphabets dont nous avons déjà parlé, mais aussi le courant des créateurs de langues qui ont (pratiquement) tous élaboré leurs langues à partir de l'alphabet latin.

On l'aura compris après l'analyse des idées de Jušmanov concernant l'alphabet de l'espéranto, il refusera tout signe diacritique dans le système graphique de la langue etem. Mais il n'adoptera pas non plus le système de l'ido dans lequel on rencontre les digrammes *ch* [tʃ] et *sh* [ʃ]. Pour Jušmanov, le principe qui doit régner, c'est celui "une lettre – un son" (yucmanof 1922a: 34), qui a l'avantage de ne pas utiliser deux lettres pour un son unique. Ainsi, en etem, "c = sh, j = zh [...]" (yucmanof 1922a: 34). Le "c = sh" a été commenté par Jušmanov (yucmanof 1922d: 58-59): le choix de cette lettre pour rendre le son [ʃ] est présent dans plusieurs langues artificielles, parmi lesquelles la langue Ro de Foster¹⁶; il remarque aussi que la lettre *c* rend le son [ʃ] dans certains mots anglais comme *ocean* ou *sociable*. Pour Jušmanov, le "c = sh" "est plus commode du point de vue technique (*in relat teknikal*) que le "s" avec diacritique", qu'il est "plus juste et plus simple que les groupes de deux ou trois" lettres des autres langues. Toujours à propos du son [ʃ], il ne comprend pas du tout le choix de la langue hongroise d'utiliser la lettre *s*, qui va à l'encontre de l'internationalité de la prononciation de cette lettre (yucmanof 1922d: 59).

Il faut encore retenir deux choses du système alphabétique de la langue etem. Il y a tout d'abord son absence de majuscules: Jušmanov dit que sa langue "est purifiée des majuscules" (yucmanof 1922 [1931: 334]). Pour lui, la présence de majuscules dans un alphabet est un trait "conservateur" (yucmanof 1922c: 51), puisqu'une lettre majuscule ne se prononce pas différemment de son équivalent minuscule (Yushmanov 1923a: 41). Linguistiquement parlant, une majuscule ne sert donc à rien et n'est pas pertinente dans un système qui se veut rationnel et efficace. D'ailleurs, tous les articles écrits en etem et publiés par Jušmanov sont dépourvus de majuscules, comme on peut le voir dans la traduction reproduite ci-

tion de sa langue etem. Concernant la grammaire, Jušmanov refusait la "conception vulgaire [qui] postule qu'un mot doit être plus économique que deux" (yucmanof 1922b: 44); convaincu que toutes les langues finiront par évoluer vers l'analytisme, il élabore ainsi une "gramatik psiko-ekonomik" (*ivi*: 43) dans laquelle chaque mot de la langue etem représente une seule idée sémantique ou grammaticale; de cette façon, explique-t-il, le cerveau dépense moins d'énergie, puisque le sens d'une phrase analytique n'est que la somme de tous les mots qui la composent, alors qu'une "phrase de grammaire synthétique doit être analysée, sans quoi aucune compréhension n'est possible" (*ivi*: 44). Pour doter sa langue d'un lexique, Jušmanov a élaboré un procédé rigoureux en six points (yucmanof 1931), rejetant ainsi l'"arbitraire individuel" (yucmanof 1922a: 34) qu'il avait reproché à Zamemhof. Parmi les six points, signalons sa volonté de faire entrer dans le système de l'etem les "mots internationaux qui sont communs à toutes les [langues] européennes (*cokolad, ananas, vagon, transform* [...])" (yucmanof 1931: 334), et de limiter, autant que possible, les synonymes (*ivi*: 335) qui, comme les majuscules dont nous allons parler, ne servent à rien dans un système qui se veut rationnel et efficace.

¹⁶ Sur cette langue artificielle Ro, v. Duličenko 1990: 177-178.

dessus¹⁷. Ces idées de Jušmanov sur les majuscules découlent peut-être de sa maîtrise des langues sémitiques, où, rappelons-le, ni l’arabe, ni l’hébreu, ni les langues éthiopiennes ne possèdent de majuscules. Enfin, il convient de dire quelques mots sur l’ordre alphabétique selon lequel se rangent les lettres de l’etem: “*i e a o u; p b m f v; t d n s (z); c j y l r; k g w; h*” (yucmanof 1922 [1931: 334]). Si Jušmanov range les lettres de sa langue dans cet ordre-là, c’est parce que ce dernier est, nous dit-il, “organique” (*ibid.*). Dans ses articles sur la langue etem, Jušmanov ne donne pas de précisions sur le sens de cet adjectif, mais on va trouver des indications dans un article de 1940 spécialement consacré au “Problème de l’ordre alphabétique” (Jušmanov 1940). Dès les premières lignes de cet article, ce dernier problème est abordé d’un point de vue rationalisateur:

Tout le monde sait quel rôle organisateur important joue, dans la vie et dans la production de l’humanité cultivée, l’ordre alphabétique, cet outil puissant d’inventaire [*učeta*] et de catalogage [*spravki*], qui permet de gérer [*upravljat*] des millions d’hommes et de choses. Cependant, dans notre époque de rationalisation et d’unification se produit une révision ininterrompue des valeurs [*nepreryvnaja pereocenka cennostej*], et beaucoup de ce qui semblait indestructible est en train d’être détruit, laissant la place à la nouveauté [*novomu*]. Le rationnel prend la place du traditionnel, l’international du micro-régional [*Na smenu tradicionnomu idet racional’noe, a na smenu uzkomestnomu – internacional’noe*]. Déjà maintenant il faut faire doublement attention au problème de l’ordre alphabétique, puisque, premièrement, pas toutes les variantes de l’alphabet latin ne possèdent le même ordre alphabétique [...]; et deuxièmement certaines variantes de l’alphabet latin sont surchargées [*nasyščeny*] d’ajouts [*popolnenijami*] d’écritures non latines ou de lettres latines totalement modifiées [*vovse izmenennymi latinskimi že načertanijami*], rendant difficile l’ordre alphabétique (Jušmanov 1940: 73).

Cet article de Jušmanov s’insère dans ses idées relatives à la rationalisation et analyse les différents ordres alphabétiques de différentes langues du monde: il est question de l’ordre alphabétique dans les langues sémitiques du Nord, en arabe, dans les langues européennes. Dans ces dernières, Jušmanov est amené à constater que les langues utilisant un alphabet latin auquel on a ajouté des lettres munies de signes diacritiques ont le plus souvent rompu avec l’ordre traditionnel hérité des Grecs et des Romains (Jušmanov 1940: 73). Bref, il n’y a pas d’unité dans les ordres alphabétiques des langues européennes. Jušmanov relève aussi qu’une “évolution [*razvitie*]” (*ibid.*: 77) est à constater dans la question de l’ordre alphabétique, puisque certains alphabets ont modifié l’agencement de leurs lettres en suivant un “ordre organique” (*ibid.*). Il en est ainsi de l’alphabet *devanāgarī* du sanskrit ou de l’alphabet arabe, dans lequel certains “philologues arabes anciens”, “fatigués de l’ordre traditionnel irrationnel”, ont tenté d’“introduire un ordre organique” (*ibid.*). Par “ordre organique”, Jušmanov entend un ordre agencé “selon les organes de la parole (*po organam reči*)” (*ibid.*), autrement dit selon les points d’articulation des différents phonèmes. Ainsi,

¹⁷ Il faut cependant relever la majuscule du début du titre (“*Poesi*”), qui est peut-être une coquille indépendante de l’auteur.

l'alphabet *devanāgarī* est-il agencé selon un ordre qui va “du thorax [*grudi*] aux lèvres” (*ibid.*). Pour Jušmanov, ces “principes d’une classification organique” (*ibid.*: 79) (qui n’est pas quelque chose de connu pour les “peuples européens” [*ibid.*: 78]) semblent être un objectif à atteindre, puisqu’il dit que “[d]ans le cas de la création de nouveaux alphabets, il y a toujours la possibilité d’introduire un nouvel ordre à la place de l’ordre traditionnel” (*ibid.*: 79). Pour Jušmanov, il y a plusieurs façons d’entrevoir l’introduction d’une classification organique dans un alphabet:

Pour élaborer un ordre alphabétique organique, il faut tenir compte des questions suivantes: 1) Dans quel ordre faut-il placer les organes [de la parole – SM]: d’arrière en avant (h-p) ou d’avant en arrière (p-h)? 2) Dans quel ordre faut-il placer les modes de formation [des sons – SM]: de l’occlusion au passage de l’air [*smyčka-prochod*] (k-a) ou du passage de l’air à l’occlusion (a-k)? Il en va de même des différences selon le voisement, l’aspiration et la résonance nasale [*različija po golosu, pridychaniju i nosovomu rezonansu*] [...]. 3) Jusqu’à quel point doit-on prendre en compte les phénomènes attendant aux deux caractéristiques de division déjà mentionnées: doit-on considérer de la même façon p, b, m, f, v, comme étant des “labiales”, ou distinguer f, v comme labio-dentales? Faut-il considérer les sons complexes (les affriquées, les diphtongues) comme insécables, ou au contraire les décomposer? (Jušmanov 1940: 79)

Jušmanov, dans cet article de 1940, ne donne pas son avis quant aux choix à faire, mais si on reprend l’ordre des lettres de la langue etem, on constate qu’il a choisi l’ordre qui considère les organes de la parole de l’avant vers l’arrière: les consonnes sont ainsi arrangées de p à h; c’est le même principe qui a été retenu pour les voyelles qui sont classées des voyelles d’avant vers les voyelles d’arrière (i, e, a, o, u). Dans son article de 1940, Jušmanov avait dit quelques mots sur l’agencement des voyelles: si les voyelles sont généralement ordonnées “dans l’ordre traditionnel de l’alphabet latin: a, e, i, o, ö, u, ü”, c’est parce qu’il est très difficile de “refaire à neuf le tableau de classification des voyelles” (Jušmanov 1940: 79). Il faudrait en effet placer selon un “ordre ‘linéaire’” des voyelles généralement représentées sous la forme d’un triangle ou d’un carré (*ibid.*); là aussi, quels critères retenir comme plus pertinents ou plus essentiels? Pour Jušmanov, cela engendrerait une “masse de difficultés”, et le moyen le plus simple reste de classer les voyelles soit en partant de l’avant, comme il l’a fait pour la langue etem, soit en partant de l’arrière (*ibid.*).

Il faut donc relier l’ordre alphabétique *organique* souhaité par Jušmanov à sa volonté d’ordre, d’organisation rigoureuse et de rationalité, en lien, peut-être, avec le désir de perdre le moins d’énergie possible lors, par exemple, de la récitation de l’alphabet par les enfants.

5. Conclusion

Dans le contexte particulier de l’URSS des années 1920, où rêves révolutionnaires, foi en la science et besoin d’efficacité semblaient aller de pair, N.V. Jušmanov tenta de démontrer par une analyse comparée du système alphabétique de l’espéranto et de l’ido

que ce dernier était supérieur à l'espéranto et mieux adapté aux besoins de la Révolution et du prolétariat, et aux exigences de "notre époque de rationalisation" (Jušmanov 1940: 73), puisque le système alphabétique de l'ido était plus rigoureux et plus scientifique que celui de l'espéranto. Mais le linguiste qu'il était se rendit aussi compte que tout n'était pas parfait dans l'ido, et c'est de cette prise de conscience que naquit sa langue etem, dont nous avons analysé le système graphique et alphabétique en faisant ressortir les idées de Jušmanov qui s'y trouvaient.

Comme nous l'avons vu dans l'introduction, la Révolution d'Octobre avait comme ambition, comme rêve, de tout toucher et de tout transformer. L'alphabet de la langue internationale des travailleurs ne fit pas exception. N.V. Jušmanov avait l'ambition, le rêve, qu'il fût parfait et pleinement adapté aux temps nouveaux et aux aspirations du prolétariat.

Bibliographie

- Ahlberg 1926: Per Ahlberg, *Pazilogio*, "Mondo. Mondo-revuo por la mondo-linguo", 1926, 4 (182), p. 105.
- Alpatov 2001: V.M. Alpatov, *Un projet peu connu de latinisation de l'alphabet russe*, "Slavica occitania", 2001, 12, pp. 13-28.
- Artjuškin-Kormilicyn 1919: V.P. Artjuškin-Kormilicyn, *Meždunarodnyj jazyk revoljucionnogo proletariata esperanto*, Peterburg 1919.
- Caldenby 1984: C. Caldenby, *The Vision of a Rational Architecture*, "Russian History / Histoire Russe", XI, 1984, 2-3, pp. 269-282.
- Chalamov 1997: V. Chalamov, *Les années vingt: réflexions d'un étudiant*, Lagrasse 1997.
- Drezen 1925: Ē. Drezen, *Pionery raboĉego Ēsperantskogo dviženija*, "Meždunarodnyj jazyk. Organ Central'nogo Komiteta Sojuza Ēsperantistov Sovetskich Stran", I, 1925, pp. 6-7.
- Drezen 1926-1927: Ē. Drezen, *Sredi protivnikov esperanto*, "Izvestija C.K. SESR. Ežeme-sjačnyj žurnal po voprosam meždunarodnogo jazyka, ego teorii, praktičeskogo primenenija i rasprostranenija", III-IV, 1926-1927, pp. 94-95.
- Drezen 1929: Ē. Drezen, *Vvedenie v racionalizaciju*, Moskva 1929.
- Duličenko 1990: A.D. Duličenko, *Meždunarodnye vspomogatel'nye jazyki*, Tallinn 1990.
- Ehrenbourg 1963: I. Ehrenbourg, *Un écrivain dans la révolution*, Paris 1963.
- D^o Esperanto 1887: D^o Esperanto [L.L. Zamenhof], *Langue internationale. Préface et manuel complet*, Varsovie 1887.

- D^o Esperanto 1888: D^o Esperanto [L.L. Zamenhof], *Dua libro de l'lingvo internacia*, Varsovio 1888.
- Gradow 1971: G. Gradow, *Stadt und Lebensweise*, Berlin 1971.
- Hereziano 1924a: Hereziano [N.V. Jušmanov], *Misterios de Ido*, "Kosmoglott. Jurnal scientific independent de lingue international", 1924, 1-2, p. 3.
- Hereziano 1924b: Hereziano [N.V. Jušmanov], *Mysteries de Ido*, "Kosmoglott. Jurnal scientific independent de lingue international", 1924, 5-6, p. 8.
- Isaev 1979: M.I. Isaev, *Jazykovoe stroitel'stvo v SSSR (Processy sozdanija pis'mennoj narodov SSSR)*, Moskva 1979.
- Izgur 1925: I.E. Izgur, *Organizacija meždunarodnoj solidarnosti – Meždunarodnyj jazyk na službe proletariatu*, Moskva 1925.
- Jakovlev 1931: N.F. Jakovlev, *'Analitičeskij' ili 'novyj' alfavit?*, "Kul'tura i pis'mennost' Vostoka", 1931, 10, pp. 43-60.
- Judakin 2000: A. Judakin, *Veduščie jazykovedy mira. Ėnciklopedija*, Moskva 2000.
- Jušmanov 1928: N.V. Jušmanov, *Grammatika literaturnogo arabskogo jazyka*, Leningrad 1928.
- Jušmanov 1929a: N.V. Jušmanov, *Ključ k latinskim pis'mennostjam zemnogo šara*, "Kul'tura i pis'mennost' Vostoka", 1929, 5, pp. 51-76.
- Jušmanov 1929b: N.V. Jušmanov, *Opyty vsemirnogo alfavita*, "Kul'tura i pis'mennost' Vostoka", 1929, 4, pp. 69-73.
- Jušmanov 1930: N.V. Jušmanov, *Arabskij jazyk latinskimi bukvami*, "Kul'tura i pis'mennost' Vostoka", 1930, 6, pp. 72-88.
- Jušmanov 1931: N.V. Jušmanov, *Evropejskie elementy tjurkskich jazykov SSSR*, "Kul'tura i pis'mennost' Vostoka", 1931, 7-8, pp. 109-124.
- Jušmanov 1936: N.V. Jušmanov, *Stroj amčarskogo jazyka*, Leningrad 1936.
- Jušmanov 1937: N.V. Jušmanov, *Stroj jazyka čausa*, Leningrad 1937.
- Jušmanov 1940: N.V. Jušmanov, *Problema alfavitnogo porjadka*, "Jazyk i myšlenie", IX, 1940, pp. 73-84.
- Jušmanov 1987: N.V. Jušmanov, *Vsemirnyj jazyk* [1928], "Izvestija Akademii Nauk SSSR, serija literatury i jazyka", XLIV, 1987, 5, pp. 462-468.
- Korženkov 2005: A. Korženkov, *Historio de Esperanto*, Kaliningrado 2005.
- Kuznecov 1987: S.N. Kuznecov, *O rabote N.V. Jušmanova Vsemirnyj jazyk*, "Izvestija Akademii Nauk SSSR, serija literatury i jazyka", XLVI, 1987, 5, pp. 457-462.
- Moret 2010: S. Moret: *From Technicians to Classics: On the Rationalization of the Russian Language in the USSR (1917-1953)*, "Russian Linguistics", XXXIV, 2010, pp. 173-186.

- Moret 2014: S. Moret, *Les linguistiques de l'Europe nouvelle: analyse comparée de l'utilisation des représentations sur la langue et de la linguistique dans la construction de l'Europe de Versailles et de l'URSS (1914-1953)*, Thèse de doctorat non publiée, Faculté des Lettres, Université de Lausanne, 2014.
- Nurmakov 1934a: N.N. Nurmakov (red.), *Alfavit Oktjabrja. Itogi vvedenija novogo alfavita sredi narodov RSFSR*, Moskva-Leningrad 1934.
- Nurmakov 1934b: N.N. Nurmakov, *Latinizacija alfavita – orudie proletarskoj revoljucii*, in: Id., *Alfavit Oktjabrja. Itogi vvedenija novogo alfavita sredi narodov RSFSR*, Moskva-Leningrad 1934, pp.3-8.
- Sampson 1985: G. Sampson, *Writing Systems: A Linguistic Introduction*, London 1985.
- Sériot 1988: P. Sériot, *Et ils n'auront qu'une seule langue (éléments pour une typologie des projets de langue universelle du communisme en URSS)*, "Essais sur le discours soviétique", 1988, 8, pp. 39-58.
- Sériot 2013: P. Sériot, *L'alphabet analytique abkhaze de N. Marr: une pasigraphie génétique?*, in: E. Simonato (éd.), *L'édification linguistique en URSS: thèmes et mythes*, Lausanne 2013 (= *Cahiers de l'ILSL*, 35), pp. 9-28.
- Simonato 2003: E. Simonato, *Choisir un alphabet, une question linguistique? Discussions sur le choix des systèmes d'écriture en URSS (1926-1930)*, in: P. Sériot (éd.), *Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne (épistémologie, philosophie, idéologie)*, Lausanne 2003 (= *Cahiers de l'ILSL*, 14), pp. 193-208.
- Simonato 2008: E. Simonato, *Langues et politiques linguistiques en Asie Centrale: les enseignements de Polivanov*, in: P. Sériot (éd.), *Contributions suisses au XIVe congrès mondial des slavistes à Ohrid, septembre 2008*, Bern et al. 2008, pp. 271-289.
- Steinberg 1953: I.N. Steinberg, *In the Workshop of the Revolution*, New York-Toronto 1953.
- Stites 1989: R. Stites, *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*, New York-Oxford 1989.
- Šumovskij 1975: T.A. Šumovskij, *U morja arabistiki. Po stranicam pamjati i neizdannyh dokumentov*, Moskva 1975.
- Šumovskij 1977: T.A. Šumovskij, *Vospominanija arabista*, Leningrad 1977.
- Tom 1925: A. Tom, *Počemu my nazываем Èsperanto jazykom proletarskim*, "Meždunarodnyj jazyk. Organ Central'nogo Komiteta Sojuza Èsperantistov Sovetskich Stran", II 1925, pp. 3-5.
- yucmanof 1922a: n. yucmanof [N.V. Jušmanov], *tri basis de lingu inter-european*, "Kosmoglott. Jurnal scientic independent de lingue international", 1922, 6, pp. 33-34.

- yucmanof 1922b: n. yucmanof [N.V. Jušmanov], *gramatik psiko-ekonomik*, “Kosmoglott. Jurnal scientific independent de lingue international”, 1922, 7-8, pp. 43-44.
- yucmanof 1922c: n. yucmanof [N.V. Jušmanov], ‘glott’ de v. *petracevite*, “Kosmoglott. Jurnal scientific independent de lingue international”, Octobre 1922, 9, pp. 51-52.
- yucmanof 1922d: n. yucmanof [N.V. Jušmanov], *buket de detal ne sin interes*, “Kosmoglott. Jurnal scientific independent de lingue international”, 1922, 10, pp. 58-60.
- yucmanof 1922e: n. yucmanof [N.V. Jušmanov], *Poesi rus, tradukt in etem*, “Kosmoglott. Jurnal scientific independent de lingue international”, 1922, 7-8, p. 48.
- yucmanof 1931: n. yucmanof [N.V. Jušmanov], *sistem kosmoglotik ‘etem’* [1922], “Interlinguages. Revue des interlinguistes”, 1931, 28, pp. 334-335.
- yucmanof 1932: n. yucmanof [N.V. Jušmanov], *internasionalism in lingu oriental*, “Interlinguages. Revue des interlinguistes”, 1932, 42, pp. 577-578.
- yucmanof 1933a: n. yucmanof [N.V. Jušmanov], *vokal-harmoni in neosiriak*, “Interlinguages. Revue des interlinguistes”, 1933, 53, pp. 764-765.
- yucmanof 1933b: n. yucmanof [N.V. Jušmanov], *piktografi en siberia*, “Interlinguages. Revue des interlinguistes”, 1933, 54, pp. 771-772.
- Yushmanov 1923a: N. Yushmanov [N.V. Jušmanov], *Espo ed Ido koram la proletariato*, “Nia standardo. Organo dil komunista ido-federuro internaciona”, IX, 1923, 4, pp. 39-43.
- Yushmanov 1923b: N. Yushmanov [N.V. Jušmanov], *Vaganta panoramisto*, “Nia Standardo. Organo dil komunista ido-federuro internaciona”, VIII, 1923, 3, p. 36.
- Yushmanov 1924a: N. Yushmanov [N.V. Jušmanov], *100 fundamental defekti di esperanto*, “Mondo. Mondo-revuo por la mondo-linguo”, 1924, 5-6 (159-160) pp. 119-134.
- Yushmanov 1924b: N. Yushmanov [N.V. Jušmanov], *40 peki di Occidental*, “Mondo. Mondo-revuo por la mondo-linguo”, 1924, 1-2 (155-6) pp. 34-42.

Abstract

Sébastien Moret

International Languages, Alphabets and Revolution. The Ideas of N.V. Jušmanov

Are the diacritical signs of Esperanto contrary to the interests and aspirations of the proletariat? In the early 1920s, Soviet supporters of Ido and Esperanto, two artificial languages with an international vocation, competed for a time about this kind of question. In this article, we intend to analyse the ideas of the linguist Nikolaj Vladimirovič Jušmanov, expressed in articles written in Russian, but also in Ido and Etem, an artificial language developed by Jušmanov himself. We will see that his ideas about the alphabets (which he believes must be precise, organised and rational) fit into the particular context of the USSR in the 1920s when intentions were to erase the past and create new forms.

Keywords

Soviet Union; Revolution; Linguistics; Alphabets; N.V. Jušmanov; International Languages; Esperanto; Ido; Etem.

Шамиль Хайров

Графика как объект лингвистической имагологии. О некоторых типах эстетических и идеологических оценок дореформенной кириллицы в России до и после 1918 г.

1. *О предмете лингвистической имагологии*

Цель настоящей статьи – рассмотреть некоторые типы оценочных суждений о буквах кириллического алфавита и о кириллице как о графической системе в целом с позиций лингвистической имагологии. Объектом лингвистической имагологии являются всевозможные оценки того или иного языка или его элементов как извне, так и самими носителями, а задачей – установление связей этих оценок с внеязыковыми стереотипами и установками – этническими, социальными или идеологическими. Лингвистическая имагология органично вписывается в комплекс междисциплинарных исследований национальных стереотипов (представлений одним народом других и себя самого на фоне других) в различных дискурсах, который, собственно, и принято называть имагологией (Leersen 2007)¹. Лингвистическая имагология вполне естественно вписывается и в еще более расширенное поле имагологии – как знания об образах различного свойства (Бойцов 2010: 7). Действительно, при таком понимании материал имагологии не ограничивается лишь образами ‘чужого’, но включает в себя и образы ‘своего’, получающего оценку с различных точек зрения. Следует подчеркнуть, что основная задача лингвистической имагологии – не в том, чтобы творить лингвистические мифы, как это обыкновенно происходит в жанре лингвистической культурологии², которая занята поиском языковых картин мира на этнической основе, а эти мифы обнаруживать, систематизировать, выявлять их истоки и идеологическую подоплеку, в самом широком понимании идеологии как внелингвистического мотива.

Наиболее богатый материал для лингвистической имагологии дают прежде всего суждения о языках через оценки их грамматики³ и лексики – обыкновенно той, что за-

¹ Leersen 2007: 17-32. Об имагологии см. также веб-портал группы по исследованию культурных стереотипов: <<http://imagologica.eu/>> (последнее посещение 19.08.17)

² Системная критика мифотворчества лингвокультурологов дается в сборнике: Павлова 2013.

³ Яркие ‘образы грамматик’ отдельных языков оценки можно найти в текстах самого различного толка, например, в эссеистике писателей и переводчиков (см., к примеру, Khaïrov 2014). Если говорить о письменной культуре прошлого, то религиозно-идеологическая интерпретация глагольных форм в дебатах о книжной справе XVII в. является главной темой работы В. Семакова (Семаков 2002) и дает немало ценного материала для лингвистической имагологии.

числяется в разряд ‘ключевых слов’. Немало стереотипов, особенно на уровне молвы, существует в отношении звучания того или иного языка или диалекта. Для имагологии интересны как типы оценок и устойчивых образов при восприятии того или иного языка или его отдельной подсистемы, так и механизмы мифологизации этих оценок. Графика – одна из таких подсистем, порождающих устойчивые оценочные интерпретации.

2. Дореформенная буква как идеологема

В августе 2016 г. российская общественность узнала о назначении новым министром образования и науки человека, известного своими одиозными обскурантистскими высказываниями. Эта новость вызвала волну саркастических заметок в печати и Интернете, одной из которых была и мгновенно разошедшаяся запись в блоге известного журналиста А. Бабченко с остроумным названием *ЕрЪ ПобѣдимЪ!* Для наших целей имеет смысл привести здесь основную часть этой исполненной сарказма записи дословно:

Ер, ять и ижица – вот те три столба, на которых держится современная наука двадцать первого века. Долженствование изучения консерватизма, сталинизма и православия делает людей более лучше грамотными. А также ношение платка. И иконами. Пойду учить правописание фиты в глаголице. Дабы врагам просвещения неповадно быть! Прошу всевозможествования в науках. ЕрЪ ПобѣдимЪ!⁴.

Важную роль в достижении саркастического эффекта здесь играют и архаическая лексика, и грамматика, и скрытая цитация, но прежде всего – дореформенные буквы русской кириллической азбуки – используя всю эту архаику Бабченко издевается над пропагандируемой властями идеологией ‘скреп’ с прошлым. Легко заметить, что само название текста подразумевает не букву *ep*, а иную букву – *xep*, название которой когда-то выполняло роль эвфемизма, заменяющего нецензурное слово, а затем и само стало практически нецензурным и в своем синтаксически обусловленном значении в сочетании с глаголами будущего времени служит для выражения отрицания: “Ер победим” = “Хер победим” = “Не победим”. Этот пример из блога журналиста наглядно демонстрирует, что несмотря на изгнание буквы ѣ [ятъ] из русского алфавита в 1918 г. и на изменение функции буквы ъ [ep], которая теперь употребляется лишь как разделительный твердый знак, они продолжают жить в сознании многих носителей языка как идеологемы – для одних, как для А. Бабченко, принимая во внимание его сарказм – как символы обскурантизма, а для других – как символы утраченной и идеализируемой дореволюционной России, а то и Святой Руси. Такая поляризация оценок букв алфавита уходит корнями к временам самих орфографических реформ в славянском мире и спорам о них.

⁴ <<http://echo.msk.ru/blog/ababchenko/1823532-echo/>> (последнее посещение 20.05.17).

Всплески апологии по отношению к исключенным из алфавита буквам приходятся в двадцатом веке на период первого пореформенного десятилетия, т.е. на конец десятых–двадцатые годы – как реакция на ломку исторических традиций, и на конец восьмидесятых–девяностые годы – как форма преодоления советской наднациональной идеологии в поиске ‘утраченной’ национальной идеи. Именно в годы распада СССР в России стали популярными названия газет, вывески и логотипы, содержащие буквы дореформенной азбуки: “Коммерсантъ”, “Губернія”, “Трактиръ”, “На днѣ” и т.п. Процесс намеренной архаизации происходил в эти годы одновременно с экспансией латиницы в публичное печатное пространство русской речи, что отражало и включение страны в мировой контекст и реинкарнацию противостояния сторонников западного (“рыночного”) и особого (“духовного”) путей развития страны. Эксплуатация этих двух направлений могла порождать самые нелепые эклектичные формы – сапоги всмятку, как, например, название магазина “Торговый домЪ МороZовой”, замеченное нами в 2004 в г. Петрозаводске, в котором уживаются дореформенный ъ на конце одного слова и латинская буква z в середине другого. Буква ъ в этой вывеске, очевидно, должна вызывать ассоциации с традициями русского купечества, а буква z – служить признаком открытого “окна в Европу”. Сама возможность подобной идеологической интерпретации употребления этих букв в данном контексте делает его материалом лингвистической имагологии.

Заметим, что в обоих приведенных примерах оценка и идеология не явлены непосредственно, а предполагаются нами через нашу интерпретацию, однако в текстах, предметом обсуждения которых является собственно язык, сами оценки звучат вполне открыто. В последующих разделах будут рассмотрены некоторые типы непосредственных оценочных суждений о кириллической азбуке как в зависимости от фокуса оценок, так и от сопутствующих им идеологических установок. Вопросы функционального соответствия букв принципиальным задачам графики и орфографии остаются вне рамок данной статьи.

3. *Оценка функции и идеологизация начертания буквы. Мистический иконизм*

Основным техническим (функциональным) критерием оценки графической системы является ее соответствие фонетико-фонологической системе конкретного языка. Именно гармонизация этого соответствия и является основной причиной реформ графики. С функциональной точки зрения связь между начертанием и звуковым значением буквы произвольна: глаголические буквы так же хорошо могут справляться с основной функцией – передачей звука на письме, – как и кириллические или латинские или любые другие, при условии, что их достаточно для данной звуковой системы (ср. использование дополнительных букв – например, латинского йота (j), ħ, њ, љ в сербском, буквы ш во всех кириллических алфавитах и компромиссные решения в виде диграфов или диакритических знаков в славянских латиницах для обо-

значения того же звука [ш])⁵. В дополнение к системному соответствию ‘графический знак – звук’ в функциональном аспекте учитывается и способность буквы указывать на грамматические отличия. Так, А.И. Солженицын, опубликовавший свои соображения по поводу офографической реформы 1918 г., называет эту реформу энтропийной, т. е. приводящей к размыванию, ‘нивелировке’ важных различий (лексических, падежных, произносительных), отображаемых, в частности, буквами ъ и і (Солженицын 1983: 557-559). Что касается идеологического критерия, то, учитывая роль алфавита в жизни общества, он зримо или скрыто всегда присутствует в дебатах о буквах, поскольку само желание реформ и противодействие им можно рассматривать как форму идеологии⁶. Кроме основной (фонетической) функции буквы объектом технической оценки часто становится само ее изображение, а именно - перцептивная различимость элементов (удобочитаемость), геометрическая выразительность графических средств, эргономические свойства (экономия движений при письме) и даже расход чернил на её компоненты⁷. В числе предложений по реформированию русской графики были, к примеру такие: отбросить букву и и использовать только і, так как она занимает вдвое меньше места; отбросить букву ъ, так как ее использование требует лишней бумаги, краски и времени на изображение (Панов 1965: 64, 67). От оценки технической – лишь один шаг к оценке эстетического порядка, в которой изначально заложен элемент субъективизма по причине отсутствия идеального образца. В отличие от технических эстетические оценки вполне можно считать видом оценок идеологических (при широком понимании идеологии), что хорошо применимо при анализе различных мистических интерпретаций букв, где они наделяют-

⁵ Не случайно в начале тридцатых годов двадцатого века в СССР всерьез разрабатывались проекты полной или частичной латинизации русской графики, а в латинизации график для языков народов СССР были достигнуты значительные успехи. См., к примеру: Alpatov 2015; Коркмасов *и др.* 1933.

⁶ Наиболее выпукло оппозиция и связанность функционального и идеологического аргументов в истории кириллических алфавитов, на наш взгляд, может быть представлена результатом введения Вуком Караджичем буквы *j* в сербский кириллический алфавит в середине XIX в. Эта буква, несмотря на функциональное удобство, вызвала шквал протестов со стороны ортодоксов, для которых она символизировала обращение в католицизм (см. об этом: Поповић 1981).

⁷ Рассуждая о визуальном восприятии печатной кириллицы пользователями латиницы, К. Треебюс (Treibus 1993: 66-71) озвучивает распространенное мнение, что “кириллическое письмо выигрывает в фонетическом отношении, но по критериям удобочитаемости и эстетики выигрывает латинский алфавит”. “В типографском аспекте, – замечает автор, – на кириллические буквы реагируют часто как на ‘старомодные’, ‘скучные’, ‘трудночитаемые’ и т.п.”. Сам автор, помимо прочего, находит причину “жесткости” и “статичности” кириллицы в большей ширине кириллических букв по сравнению с латинскими и в относительно низком количестве выступающих за строку элементов – “палок” и “хвостов”. “Это приводит к тому, – пишет Треебюс, – что строки кириллического текста следуют одна за другой как монотонная серая лента”.

ся эстетическими свойствами в зависимости от идеологической установки. Там, где идеологическим фоном оценки выступает апология старины или вероисповедания, кириллическая азбука, и в гораздо большей степени ее предшественница глаголица, нередко связываются с мистическим или религиозным откровением, не говоря уже о символической нагрузке буквенных начертаний. Именно в этом ключе чаще всего даются интерпретации, связанные с внешней формой букв азбуки, с ее изображением⁸. Что же касается кириллицы, то ее оценочно-символическая интерпретация, популярная в первые послереволюционные годы прошлого столетия, выражалась в иероглифической антропоморфизации буквенных начертаний, которую можно назвать мистическим иконизмом. Образцом мистического иконизма по отношению к дореформенной азбуке является эссе Сергея Есенина *Ключи Марии* (1918 г.) (Есенин 1962). В этой работе Есенин, тогда уже признанный поэт, рассматривает азбуку как составную часть русской крестьянской эстетики и интерпретирует изобразительную сторону азбуки, причем мистическое прочтение Есениным букв опирается исключительно на их начертание:

Люди должны научиться читать забытые ими знаки. Должны почувствовать, что очаг их есть та самая колесница, которая увозит пророка Илью в облака. Они должны постичь, что предки их не простыми завитками дали нам фиту и ижицу, они дали их нам, как знаки открывающейся книги, в книге нашей души. [...] а есть не что иное, как образ человека, ощупывающего на коленях землю. Опершись на руки и устремив на землю глаза, он как бы читает знаки существа ее. Буква **б** представляет из себя ощупывание этим человеком воздуха. Движение его уже идет от **а** обратно. [...] Знак сидения на коленях означает то, что между землей и небом он почувствовал мир пространства. [...] Прочитав сущность земли и почувствовав над нею прикрытое синим сводом пространство, человек протянул руки и к своей сущности. *Пуп* есть узел человеческого существа, и поэтому, определяя себя или ощупывая, человек как-то невольно опустил свои руки на эту завязь, и получилась буква **в**. [...] Его движения через символы знаков, тех знаков, которыми он ищет своего примирения с воздухом и землею, рождают весь дальнейший порядок алфавита, который так мудро оканчивается фигурой буквы **я**. Эта буква рисует человека, опустившего руки на пуп (знак самопознания), шагающим по земле, линии, идущие от середины туловища буквы, есть не что иное, как занесенная для шага правая нога и подпирающая корпус левая. [...] Он [человек] захотел найти свое место в пространстве, и обозначил это пространство фигурой буквы **о** [фита]. За этим знаком пространства, за горою его северного полюса, идет рисунок буквы **у** [ижица], которая есть не что иное, как человек, шагающий по небесному своду. Он

⁸ Наиболее богатый для лингвистической имагологии материал дают опыты интерпретации именно глаголицы. См., к примеру, окрашенные религиозной апологетикой символические толкования Л.Б. Карпенко (1998: 73-76), неоднократно перепечатанные в православной периодике, или историю поиска сакральных элементов в симметрии глаголических букв в статье Б.Успенского (Uspenskij 2013).

идет навстречу идущему от фигуры буквы я (закон движения – круг). Волнообразная линия в букве ө означает место, где оба идущих должны встретиться (с. 40-44).

Мы видим, что лишь отдельные буквы подвергаются у Есенина иероглифическому прочтению, хотя теоретически символично-иконическую интерпретацию можно подвести под начертание любой буквы. Идеологическим фоном здесь, как во многих оценках консервативного толка, выступает апология традиции и ‘утерянной’ старины, что дает простор сравнениям и метафорам определенного типа. Образы Есенина очень наглядны, красочны и поэтичны, но сама доказательная база в таком жанре не имеет существенного значения. В данном произведении Есенина, включая и буквенные образы, можно увидеть и более глубокую идеологическую основу. М. Никё полагает, что в нем поэт предстает носителем гностической традиции, популярной в теософии и антропософии тех лет: “Гностицизм является прежде всего учением о спасении через знание (гнозис), а не через веру – через знание того, ‘кто мы, откуда мы, куда мы’. Это знание – достояние немногих ‘совершенных’, ‘избранных’, оно является самопознанием (буква Я для Есенина – знак самопознания в виде человека, опустившего руки на пуп)” (Никё 1997: 125-126). Такое толкование внешнего вида букв было не новым в те годы: известно, что другой русский поэт – Николай Клюев, по свидетельству М. Бахтина, выступая в 1917 г. в Религиозно-философском обществе, читал свою *Русскую азбуку*, “истолкование различных букв, поэтические метафоры к каждой букве” (Бахтин, Дувакин 2002: 196). *Ключи Марии*, возможно, представляют собой стилистическую обработку идей Клюева, который имел в те годы сильное влияние на Есенина⁹.

Типологически сходные характеристики очертаний букв азбуки можно обнаружить в докладе по защите старой дореформенной орфографии, подготовленном в 1928 г. Д. Лихачевым (Лихачев 1993), тогда молодым студентом и членом самостоятельной “Космической академии наук”, а позднее – академиком, выдающимся специалистом по древнерусской литературе и культуре¹⁰. В докладе повторяются некоторые положения из *Ключей Марии*, но приводятся и иные аргументы в защиту исключенных в 1918 г. букв старой орфографии, – а именно, аргументы функционального и визуально-перцептивного порядка, на которые накладывается идеологическая апологетика старины. Так, в ‘утилитарном’ рассуждении, имеющем отношение к визуальному восприятию графики, говорится, что чем больше выступающих за строку

⁹ Никё (1997: 124) обнаруживает, что первоначальный вариант этого сочинения посвящался именно Клюеву.

¹⁰ Доклад не был прочитан, так как “Космическая академия” была разогнана, ее члены арестованы, а студент Дмитрий Лихачев был отправлен отбывать пятилетний срок в лагеря на Соловецкие острова. Тезисы доклада долгое время считались утерянными, однако были после распада СССР обнаружены в архивах КГБ и опубликованы. Как указывает сам автор в предисловии к публикации 1993 года, приводимые аргументы имели полушутливый, полусерьезный характер и были реакцией на беспощадное наступление на церковь.

букв, тем совершеннее алфавит, и, следовательно, “выбрасывать из алфавита две выступающие вверх буквы (ѣ, і) было непростительной ошибкой”. Примером собственно идеологической интерпретации начертания буквы в докладе Лихачева может служить аргумент в защиту буквы ѣ, где он воспринимает верхний элемент ее изображения как церковный крест:

Подобно тому, как церкви направлены алтарями и крестами на восток [...], подобно этому и в ѣ вынесенный над строкой крест направлен навстречу бегущим буквам; он как бы приставлен сбоку корпуса, символизирующего собой само здание церкви, направлен навстречу читающему глазу, благославляя и освящая собой весь ряд букв в строке (с. 51).

Сама реформа орфографии в докладе, который разбит на три “рассуждения” – “утилитарное”, “эстетическое” и “православное”, – названа делом антихриста, что задает идеологический тон всем оценочным суждениям автора о дореформенных буквах, включая и эстетическое. “Утилитарное” у Лихачева вполне соответствует “функциональному” в нашем понимании, а “православное” – “идеологическому”.

4. *Дореформенная буква как носитель преемственности культуры и как сертификат грамотности*

В “эстетическом” и “православном” рассуждениях Д. Лихачева содержатся и другие положения, которые имеют под собой нефункциональную ценностную платформу, и их можно также отнести к идеологическим, например: “Старая орфография эстетически более приемлемее как более трудная для изучения и представляющая более высокий уровень грамотности пишущего. Старая орфография эстетически приемлемее как вызывающая у каждого массу ассоциаций личного характера и из истории русского языка. Например Ѡ [фита] вызывает представления о культурных взаимоотношениях с Грецией (Византией)”. Нетрудно заметить, что в отличие от аксиологической системы координат реформаторов, “трудность изучения” является у Лихачева скорее достоинством, чем недостатком графической системы, и этот аргумент при оценке дореформенной кириллицы встречается неоднократно. Мы видим также, что у Лихачева само понятие “эстетичности” в данном рассуждении уже не относится собственно к геометрии буквы, а связывается с культурно-исторической традицией. Хотя оценки внешнего вида букв в докладе также имеются – к примеру, в отношении ера и ижицы, но и те даны в том же ключе – с привлечением образов иконописи и в духе апологии старины:

“Ъ” часто является заключительной виньеткой к слову. Это одна из самых красивых букв. Ижица пленяет своей редкостью. Это не столько буква, сколько украшение. Даже графическое начертание ее идет в разрез с всем русским алфавитом. Всю русскую азбуку можно сравнить с приготовленным к иконописанию материалом.

Простые буквы, в большинстве случаев соответствующие звукам, можно будет сравнить с чистыми красками: синий, белый, зеленый, желтый и т.д.; “Ѣ” следует уподобить золоту, серебру, а “ѵ” (ижицу) драгоценным камням (с. 49-50).

В своем заключении автор доклада заявляет, что введение новой орфографии равносильно изъятию церковных ценностей, выражая в открытой форме свою идеологическую позицию, которая, безусловно, накладывается и на рассуждения, которые сам автор назвал “утилитарными”.

Главной причиной исключения букв из кириллического алфавита в периоды реформ была либо утрата либо дублирование ими различительной фонетической функции, т.е. исключительно функциональный аргумент, ставящий конечной целью простоту и однозначность. Буква Ѣ была удалена по причине фонетического слияния с буквой е, и у сторонников очищения алфавита ее избыточное присутствие в азбуке получало негативную оценку. Они навешивали на нее всевозможные негативные ярлыки: “Буква Ѣ, потеряв настоящий свой выговор, походит на древний камень, не у места лежащий, о который все спотыкаются и не относят его в сторону затем только, что он древний и некогда нужен был для здания” (Д.И. Языков, 1809 г.); “[...] Лучше, конечно, если бы с этим корневым (т.е. употребляемым в корнях слов – Ш.Х.) Ѣ было порешено так же, как и с крепостным правом, кормившем многих, а вред приносившем целому государству. Предписать официально - не считать за ошибку учителям отсутствие Ѣ в корне – и всё с плеч долой. Тогда время и деньги, идущие на содержание этой глсты, нашли бы для себя лучшее применение” (И.А. Нигпарт, 1877 г.). Одной из ролей, приписываемых букве Ѣ, была роль “патента” на грамотность, причем эта роль могла получать как позитивную, так и негативную оценку. Как и у активного методиста-преподавателя Нигпарта, у беллетриста и журналиста П.А. Яковлева эта оценка также негативна: “Вот еще буква бесполезная; но которая как пронырливый лицемер или хлопотливый бездельник, сделалась не только нужною, но необходимою, полезною – она одна может дать вам патент на звание грамотного и ученого человека – только узнайте наперед, где ее употреблять...” (1828 г.) (Панов 1965: 54). Замечание аналогичного рода находим у А.И. Герцена в *Былом и думах* (гл. 18), где он вспоминает о том, как все чиновники, “состоящие в подозрении образования и уместного употребления буквы ‘ять’”, что должно было демонстрировать их грамотность, были призваны для помощи в издании провинциальных печатных органов по приказу министра юстиции.

Таким образом, именно отсутствие простоты, в отличие от реформаторов, в консервативном понимании становится достоинством. Один из тезисов “эстетического рассуждения” у Лихачева прямо указывает: “Старая русская орфография эстетически приемлемее как более трудная для изучения и представляющая более высокий уровень грамотности пишущего”. Значительное место в сочинении Лихачева посвящено роли буквы ‘ять’ как хранительницы культурных и религиозных связей и традиций: “Разве случайно, что через ‘Ѣ’ пишутся исконно русские слова и по боль-

шей части православно-церковные: вѣра, вѣчность, вѣнец, а не чёрт или пекло, печь. Не погасла ли в стране нашей вѣра от того, что мы стали писать ее через 'е' (с. 49). Заключительный риторический вопрос наиболее ярко демонстрирует тип идеологической оценки графики через призму религиозной апологетики. Эту оценку можно отнести к тому же типу сакрализации буквы (по употреблению в сакральных словах), что и предписание азбуковника XVI в, приведенное в популярной книге Льва Успенского.: "Везде пиши 'пса' покоем (т.е. через букву п ('покой')), а не псами (т.е. не через букву П ('пси')): кое общение псу со псалмом?!" (Успенский 1973: 20-24).

Аналогичную роль отводит автор *Медитаций* фите [Ѡ] и ижице [ѵ]: Уничтожив 'Ѡ', они (имя которым легион) хотят предать забвению ту ненавистную [им] связь, которая существовала когда-то между Византией и Русью, Россией. Уничтожив 'ѵ' (ижицу), они пытались достигнуть еще более ужасных целей: отторгнуть Россию от небесной благодати (вспомним те слова, которые пишутся через 'ѵ'). (Лихачев 1993: 51). Метафоры и сравнения, используемые в докладе Лихачева демонстрируют, как легко идеологическая апология подводится в поддержку любого аргумента внешне технического порядка. Эти образы дают также основания для более детальной классификации образов апологии по предмету сравнения. У Лихачева эта образность связана с иконописью, церковной архитектурой, историей церкви и традицией, и соответственно – с неприятием установок на новизну при новой безбожной большевистской власти.

Сочувственно и с подобных лихачевским позиций относится к букве Ѣ известный петербургский русист В. В. Колесов (1988). По его мнению, с изгнания буквы Ѣ началось уничтожение в русском языке высокого стиля, результатом чего стала, по его определению, "люмпенизация" языка печати. Колесов обращает внимание также еще на один критерий оценки, внешне – научно-лингвистический, а если взглядеться – то также являющийся формой апологии старины и традиции, а именно - на то, что данная буква могла служить показателем исконности слова: "Наличие в слове буквы 'ятъ' доказывает его русскость (в иностранных словах эта буква не употреблялась)" (с. 213). Из рассмотренных, а также многих других примеров, можно увидеть, что эстетическое и мистическое восприятие роли и формы букв у защитников старой орфографии очень плотно переплетаются. И даже такой 'технический' аргумент, который связан с практикой обучения азбуке и овладением грамотностью, может получать противоположные оценки в зависимости от идеологической установки.

5. *Защита старой азбуки в жанре современного духовного стиха*

Описание необычного и яркого образца апологии старой азбуки содержится в обстоятельной статье британского слависта Дж. Салливана (Sullivan 1996-1997) *Старообрядцы и орфографическая реформа в двадцатом столетии*. Работа Салливана, помимо основных исторических сведений о реформах, которые претерпела русская азбука, содержит публикацию и подробный комментарий рукописного стихотворного сочинения старовера с Кубани Анания Килина (1916-2002), напи-

санного в годы распада СССР и посвященного защите удаленных в разные эпохи букв азбуки. Салливан обнаруживает в произведении русского старообрядца своеобразно обработанную компиляцию текстов Д.С. Лихачева, А.И. Солженицына, а также переизданного в новое время учебника церковнославянского языка А. Гамановича. Ниже приводятся фрагменты публикуемого Салливаном сочинения Килина, которые можно истолковать как образец перенесения апологии буквы не только в идеологическую, но и в особую жанровую плоскость (строфы приводятся выборочно):

ЗАЩИТА СЛОВ

- 3 Защита слова ерь, твердый знак
 Без' ерь все слово - какъ пльный обнаженный
 разумный стражъ, вѣками подкрѣплѣнный
 домъ без замка не можетъ быть никакъ.
- 5 Без' ерь все слово - срезаное: какъ
 без' хвостый конь, и песь, хвоста лишенныи
 без' ерь пишеть лишь ума лишенныи: такъ
 все буквы грудить в общій кавардакъ.
- 10 Измѣнчиваго Є разцветь, и скрѣпа
 лицо в лицо гладить на честныхъ лть
 одинаковое Є вѣзде писать не лѣпо
 того лишь варваръ не сумѣлъ понать.
- 15 Взамѣнъ ѳиты два круга фертъ не лѣпо
 ї с точками, тонк їй жезликъ наконецъ
 пролететать несвязно непропѣто
 а иже, с двойною палкою, так ходит лишь слепецъ
-
- 101 А кто не хочет знать букву ять
 кто пренебрѣгает буквой ижица
 тот не можетъ в тонкости понать
 а неразуміе к нему такъ и близитса.
- 105 А кто не хочет знать букву ѳита
 и где и когда она ставитса
 тому близка незнаніа черта
 и он в незнаніи о ней состаритса.
-

137 И почему же буквы так обезславились
 ета потѣра кажетса обѣзсвѣчиваниемъ ихъ
 какъ пишеть Александръ Исаевичъ
 ибо тонкость интонации губитса безъ нихъ.

.....

146 Исаичъ намъ пишеть изъ вне
 но кто же скажетъ о нихъ добраго слова
 въ родимой нашей душевной стране¹¹.

Килин не только защищает изгнанные буквы, но и сам, пусть и не до конца последовательно, употребляет буквы ъ [кси], і [и десятиричное], Ѧ [юс малый], Ѣ [ять] и ѣ [ер] в своем пафосном сочинении. Что касается атрибуций источников этого компилятивного произведения, то не все они кажутся убедительными: к сожалению, вне поля зрения Салливана осталось стихотворение К. Бальмонта *Гонимым*, опубликованное поэтом в эмиграции в 1924 г. как реакция на новую большевистскую орфографию (Бальмонт 1924: 230). Так, источник заимствования в первой строке Салливан находит у Лихачева, в третьей – в грамматике церковнославянского языка Гамановича, а в одиннадцатой и тринадцатой – в заметках Солженицына. В действительности первые шестнадцать строк в духовном стихе Килина являются почти дословным вкраплением указанного стихотворения Бальмонта, а в качестве названия к своему сочинению Килин заимствует словосочетание из начала бальмонтского – *Защита слов(а)*. Для демонстрации этого источника компиляции в духовном стихе Килина уместно полностью привести сонет Бальмонта, который сам по себе является ярким образцом апологии старой азбуки:

ГОНИМЫМЪ

Защита слова Ъ, о, твердый знакъ,
 Без Ъ все слово – пьяный, обнаженный.
 Разумный стражъ, вѣками подкѣрпленный,
 Домъ безъ замка не можетъ быть никакъ.

Безъ Ъ все слово – срѣзанное “Квакъ!”
 Безхвостый конь, и песь, хвоста лишенный.
 Без Ъ лишь коммунисть умалишенный
 Все буквы грудить в общій кавардакъ.

Изменчиваго Е расцвѣтъ и скрѣпа,
 Лицо въ лицо, глядитъ на честныхъ Ъ
 Того лишь варваръ не сумѣлъ понять.

¹¹ Sullivan 1996-1997: 18-22.

Взамѣнь Ѡ два круга Ф нелѣпо.
І съ точкой, тонкій жезликъ, наконецъ,
Двойною палкой пишеть лишь слѣпецъ.

Обращает на себя внимание факт, что Килин проявляет осторожность, меняя сочетание “коммунист умалишенный” на “лишь ума лишенный”, несмотря на то, что его сочинение создавалось в 1993 г., т.е. после августовского путча 1991 г., приведшего к отстранению коммунистов от власти. Что же касается самого исходного стихотворения Бальмонта, то оно было вставлено им в обширный очерк апологии дореволюционного русского языка, в котором поэт отождествляет дореформенную графику и орфографию с иконой, а самого себя со старообрядцем, что, возможно, было дополнительным стимулом вкрапления его стихотворения Килиным в свое сочинение, если он имел доступ к этому очерку:

Для меня русская грамота, как я ее узнал, икона. Какой же верующий будет изменять свою икону или подрисовывать ее? Для ревнителей старины нашего Северного края, старообрядцев [...] такие обряды, как двуперстное крестное знамение, сугубая аллилуйя и ходы посолонь, суть догматы и не подлежат обсуждению. Икона русской грамоты для меня не подлежит обсуждению (Бальмонт 1924: 230).

Здесь же Бальмонт, ссылаясь на анонимного “языковеда”, старается привести и практический довод в защиту дореформенной орфографии:

Языковед сообщает, что иностранцы, изучающие русский язык под его наблюдением, изучают его медленно, если изучение опирается на новое правописание, изучение идет гораздо успешнее при пользовании правописанием старым, и в этом последнем случае чужеземцы быстро разбираются в самом родословном древе русского языка, а не только преуспевают в попугайном его запоминании.

Нетрудно заметить, что Бальмонт фактически использует технический аргумент реформаторов – легкость обучения, но только с отрицательным знаком (как, собственно, и Лихачев в своем “утилитарном” рассуждении), что говорит о пригодности доводов “легкости обучения” для идеологических интерпретаций практически в любом направлении.

6. Заключение

Графическая система любого языка, и русская кириллическая азбука здесь не исключение – слишком весомый элемент в культуре, чтобы оставаться вне идеологических интерпретаций и оценок. Эти оценки могут опираться на один и тот же факт, но получать противоположные знаки, что характерно для процессов мифологизации, где отношение важнее доказательства. Консервативные оценки (обычно апология) чаще всего апеллируют к уже сложившимся ценностям – таким, как традиция,

вера, история, перекрывая или переориентируя чисто технические функциональные и прагматические критерии. Неоднократно повторяясь и утрачивая доказательную базу, оценки образуют фонд образов, воспроизводимых и возвращаемых в обиход в ситуациях идеологического запроса. Дискуссии о дореформенных буквах, происходившие в два первых и два последних десятилетия двадцатого столетия в условиях крупных социальных катаклизмов, сформировали свой фонд образов. Этот фонд остается доступным, и не исключен новый всплеск его использования и обогащения на фоне идеологической поляризации современного российского общества. Внешние факторы также могут стимулировать оживление оценочных подходов к алфавитам. Так, на наш взгляд, в связи с недавней официальной декларацией Казахстана о переходе на латинский алфавит неизбежен всплеск дебатов о пригодности кириллицы для тюркских языков народов РФ, прежде всего, татарского¹². Задача лингвистической имагологии при этом остается той же: фиксировать типы оценок с точки зрения характера образов, предмета оценки, способов идеологизации, а также самих идеологий, лежащих в их основе.

Литература

- Бальмонт 1924: К.Д. Бальмонт, *Русский язык (Воля как основа творчества)*, “Современные записки”, XIX, 1924, с. 206-233.
- Бахтин, Дувакин 2002: М.М. Бахтин, В.Д. Дувакин, *М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным*, М. 2002.
- Бойцов 2010: М.А. Бойцов, *Что такое потестарная имагология*, в: М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский (под. ред.), *Власть и образ: очерки потестарной имагологии*, СПб. 2010, с. 5-37.
- Есенин 1962: С.А. Есенин, *Ключи Марии. Собрание сочинений в пяти томах, V. Автобиографии, статьи, письма*, М. 1962. с. 40-44.
- Карпенко 1998: Л.Б. Карпенко, *Семиотика глаголицы*, “Славяноведение”, 1998, 6, с. 61-78.
- Колесов 1988: В.В. Колесов, *Русская речь вчера, сегодня, завтра*, СПб. 1988.
- Коркмасов и др. 1933: Д. Коркмасов, К. Алавердов, С. Диманштейн, А. Нухрат (ред. колл.), *Письменность и революция*, М. 1933.
- Лихачев 1993: Д.С. Лихачев, *Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической орфографии, попорченной и искаженной врагом церкви Христовой и народа российского, изложенные в трех рассуждениях Дмитрием Лихачевым*, “Русская речь”, 1993, 1, с. 45-51.

¹² Об идеологизации дискуссии вокруг закона 2002 г. об обязательности кириллицы для татарского языка см. Sebba 2006.

- Никё 1997: М. Никё, *Гностические мотивы в "Ключах Марии" С. Есенина*, в: А.Н. Захаров, Ю.Л. Прокушев (под ред.), *Столетие Сергея Есенина, Международный симпозиум, Есенинский сборник*, III, М. 1997, с. 124-129.
- Павлова 2013: А.В. Павлова (сост.), *От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках этнической ментальности*, СПб. 2013.
- Панов 1965: М.В. Панов. "Лишние буквы" алфавита, в: В.В. Виноградов (под ред.), *Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII-XX вв.)*, М. 1965, с. 52-72.
- Поповић 1981: М. Поповић, *Јота*, Београд 1981.
- Семаков 2002: В. Семаков, *Споры о "временех" в полемической литературе Московской Руси*, "Russian and East European Studies" (Osaka), 2002, March, pp. 1-17.
- Солженицын 1983: А. Солженицын, *Некоторые грамматические соображения*, в: Он же, *Собрание сочинений*, X, Вермонт-Париж 1983, с. 557-572.
- Успенский 1973: Л. Успенский, *По закону буквы*, М. 1973.
- Alpatov 2015: V. Alpatov, *A Latin Alphabet for the Russian Language*, в: V. Tomelleri, S. Kempgen (eds.), *Slavic Alphabets in Contact*, Bamberg 2015, с. 1-12.
- Leerssen 2007: J. Leerssen, *Imagology: History and Method*, в: M. Beller, J. Leerssen (eds.), *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: A Critical Study*, Amsterdam-New York 2007, с. 17-32.
- Khairov 2014: S. Khairov, *Writers' Linguistic Observations and Creating Myths About Languages: Czesław Miłosz and Joseph Brodsky in Search of the 'Slavonic Genius of Language'*, "Modern Language Review", CIX, 2014, 3, с. 726-748.
- Sebba 2006: M. Sebba, *Ideology and Alphabets in the Former USSR*, "Language Problems & Language Planning", xxx, 2006, 2, с. 99-125.
- Sullivan 1996-1997: J. Sullivan, *The Old Believers and Orthographic Reform in the Twentieth Century*, "Slavonica", II, 1996-1997, 3, с. 7-26.
- Treebus 1993: K. Treebus, *Enige typografische aantekeningen bij het cyrillische schrift*, в: M. Delemarre, H. Kruyzen, I. Velding, V. Wintermans (eds.), *Cyrillische letterkunde: Bijdragen over geschiedenis, uiterlijk en bruikbaarheid van het Russische alfabet*, Rotterdam 1993, с. 65-85.
- Uspenskij 2013: B. Uspenskij, *Glagolitic Script as a Manifestation of Sacred Knowledge*, "Studi Slavistici", x, 2013, pp. 7-27.

Abstract

Shamil Khairov

The Alphabet in Linguistic Imagology. Ideological and Aesthetic Values in the Disputes on the Pre-Reform Cyrillic Letters in Russia Before and After 1918

The Cyrillic alphabet as a whole and some individual characters belonging to that alphabet in particular have always been associated in the conservative Orthodox mind with tradition, faith, patriotism and a glorified past. While reformers declared that they looked at the alphabet from the point of view of its functionality, traditionalists endowed its letters with various ideological, cultural and aesthetic values. This article considers the following evaluative approaches to the Cyrillic letters: 1. The mystical iconicity of some Cyrillic letters based on the shape of the characters. 2. Various arguments in defence of the letters excluded from the Russian alphabet in 1918. 3. The mythologisation of these arguments (The Old Believers' spiritual verse of the 1990s). The main purpose of the article is to show the ways in which the ideology is hidden or openly reflected in all the arguments, including those that are purely technical or aesthetic.

Keywords

Linguistic Imagology; Orthographic Reforms; Cyrillic Script; Russian Cyrillic Alphabet; Language and Ideologies; Language Attitudes.

Клавдия Алексеевна Прокопчук

Иностранные прагматонимы в современной русской литературе. Латиница или кириллица?

1. Постановка проблемы

Данная статья посвящена использованию латиницы и кириллицы при написании названий иностранных прагматонимов (т.е. названий товарных знаков, торговых марок, имен брендов) в русской художественной литературе XXI века. Интенсивное развитие рыночных отношений с начала 90-х годов XX века, рост открытости национальной экономики и свободы перемещения товаров, постоянное присутствие рекламы западного образца, распространяемой по всевозможным каналам, привели к тому, что торговые марки, бренды прочно вошли в повседневную жизнь и культуру потребления жителей России и их названия активно используются не только в обиходной речи, но и в языке литературных произведений. Показательно, что отдельные зарубежные марочные названия были даже зафиксированы лексикографически в *Толковом словаре современного русского языка: языковые изменения конца XX столетия* (Склярёвская 2005)¹ и в *Толковом словаре русского языка начала XXI века* (Склярёвская 2007), причем некоторые из них представлены только в оригинальном латиноалфавитном написании².

Таким образом можно утверждать, что начиная с постперестроечного периода при написании названий иностранных марок наравне с кириллической транслитерацией или транскрипцией активно используется и латиноалфавитная графика, позволяющая передать иностранное название в его исконном графическом облике. Сказанное касается не только рекламных текстов, в которых, по словам Мариновой (2007: 332),

¹ Например: *Ауди, БМВ = BMW, Вольво / Волво, IBM, кока-кола = Coca-Cola, Макинтош = Macintosh = Mac, Мерседес, пепси-кола, Юникс = UNIX, Windows* и др.

² Еще большее количество названий марок мы находим в цитатном материале, помещенном в обоих словарях с целью продемонстрировать особенности употребления того или иного слова – ср. примеры, которыми иллюстрируются лексемы ‘внедорожник’ и ‘hi-fi’: *PAFROL GR – первый из иностранных внедорожников, официально представленных в России [...]; Тяжело раньше жилось кинозвездам и ближневосточным шейхам: приходилось покупать обыкновенные телефоны и “доводить их до ума”, обильно украшая драгоценными камнями. ... Это VERTU. Платиновый корпус изготовлен вручную, стекло – сапфировое, а звуковые компоненты – полноценный hi-fi [...]* (Склярёвская 2007: 214, 1116).

вкрапления-онимы, представляющие собой наименования фирм, компаний, брендов и т. п., свой чужеземный образ сохраняют, подчиняясь законам экономическим, законам рынка, а не законам принимающего языка, т. к. традиционно имена собственные в русском письме передавались с помощью транскрипции или транслитерации (иногда в сочетании с дублированием оригинала),

но и публицистических текстов печатных СМИ, а также в определенной мере и произведений художественной литературы. Для начала – несколько характерных примеров из произведений русских писателей, написанных и изданных в 2000–2013 годах:

- (1) – [...] *Часы нацепите, которые английская тетьа прислала.*
– *Не люблю я их, они тяжелые, – пожаловался Фандорин.*
– *Зато “РОЛЕКС” (Б. Акунин, Ф.М.).*
- (2) *Главное – чтобы ROLEX было написано!*
– *Идиоты, – улыбнулся парень, – я не ношу ROLEX (О. Робски, Устрицы под дождем).*
- (3) *За сорок дней они успели одарить секретаршу Инну Евгеньевну всем – от больших коробок конфет “МОЦАРТ”, до духов “ШАНЕЛЬ” нового поколения (П. Дашкова, Легкие шаги безумия).*
- (4) *В тележке – сыр, конфеты MOZART, две бутылки MOËT & CHANDON (О. Робски, День счастья – завтра).*
- (5) *Я обернулся – и опять увидел Софи.*
– *ЭКСВОКС? – спросила она (В. Пелевин, Бэтман Аполло).*
- (6) *Вокруг него располагалось такое же кольцо бронзовых наблюдателей – только в руках у них были не камеры, а джойстики от “ХВОХ” [...] (В. Пелевин, Бэтман Аполло).*

Мы видим, что авторы, используя в своих текстах названия реально существующих иностранных торговых марок, имеют возможность свободно выбирать между их русским или латиническим вариантом написания. Возникает вопрос о факторах, влияющих на этот выбор. Зависит он исключительно от индивидуальных предпочтений писателя, является ли он результатом следования языковой “моды” или, наоборот, традициям, сложившимся в предшествующий период, или употребление разных шрифтов носит целесообразный характер и связано с выполнением определенных функций?

Рассматриваемая нами проблематика находится на пересечении двух направлений исследований, актуальных для современной русистики. Первое обращено к отношениям кириллицы и латиницы в русской письменной речи на современном этапе, к использованию в русском тексте иноязычных вкраплений с сохранением оригинальной графики – темой, активно разрабатываемой как российскими, так и зарубежными лингвистами в последние два десятилетия (Mustonen 1997; Mannewitz 2003; Маринова 2007; Шмелева 2009; Денисова 2012: 90–114; Кальнова 2015 и др.). Как пишет Григорьева (2009: 145),

постсоветский период обозначил новый поворот в развитии латино-кириллического сюжета. Лингвистические исследования постсоветского периода отмечают характерную для русского языка конца XX – начала XXI столетия свободу его реализаций; указывают на сверхактивную жизнь языка, характеризуя этот период как период интенсивного действия всех его механизмов. Выявленные особенности жизни языка нашли отражение и в его письменности, и одним из проявлений его свободного существования (наряду с параграфемикой и внедрением элементов до-реформенного письма в современный текст) оказалась латиница, которая проникла в письменность городской среды, в периодическую печать, в рекламные тексты.

Обращает на себя внимание, что несмотря на то, что использование двух графических систем в современных русских текстах было воспринято некоторыми исследователями неоднозначно и оценивалось скорее неодобрительно (подробнее см. Dunn 2000; Маринова 2007), отношение к массовому употреблению иноязычных вкраплений-онимов оказалось наиболее приемлемым как со стороны лингвистов (ср. мнение по этому вопросу в: Денисова 2004: 430; Филинкова 2004; Кальнова 2015: 59), так и со стороны законодательства. Р. Ратмайр (2013: 89) указывает в этой связи на то, что когда со стороны российских политиков предпринимались попытки ограничить волну латинских надписей и, например, мэр Москвы постановлением запретил чисто латинские рекламные слоганы, согласно части 2 статьи 5 Федерального закона *О рекламе*³ только зарегистрированные товарные знаки могли писаться в русскоязычных газетах и других средствах рекламы латинским шрифтом.

Второе направление связано с изучением функциональной специфики прагматонимов в русской художественной литературе. Лингвистические работы в этой области стали появляться сравнительно недавно и пока немногочисленны, представлены рядом статей и диссертационных исследований (например, Kiklewicz 2010; Фролова 2011; Шведова 2011; Крюкова 2016), в которых обсуждается социально-культурный контекст употребления прагматонимов как средства номинации в художественном тексте, способность прагматонимов выполнять стилистические функции – служить задачам типизации и стилизации, участвовать в языковой игре или создании комического эффекта, а также использование прагматонимов в литературном произведении с целью скрытой рекламы.

2. Понятие прагматонима

Термин ‘прагматоним’, вынесенный в заголовок статьи, широко используется в российской лингвистике (наряду с синонимичным ему термином ‘прагмоним’) применительно к названиям товарных знаков, торговых марок товара или услуг, частных торговых марок (*private label* – англ.), а также к самим марочным (или, иначе говоря,

³ Федеральный закон от 18.07.1995 г., №108-ФЗ *О рекламе*, <<http://kremlin.ru/acts/bank/8082>> (утратил силу с 01.07.2006).

фирменным) товарам (ср. Подольская 1978: 110; Крюкова 2004; Шведова 2011 и др.). Составленный из греческих слов “вещь, товар” и “имя”, термин прагматоним (прагмоним) показывает, что мы имеем дело с именами/наименованиями товаров. Для целей данного исследования этот термин удобен тем, что при обсуждении примеров написания наименований товаров в художественных текстах он позволяет обойти вопрос, является ли рассматриваемая номинация словесной частью товарного знака, торговой маркой, названием отдельного товара или серии товаров, именем бренда или окказиональной комбинацией, состоящей из названия предприятия или фирмы (т.е. имени собственного, обозначающего единичный/уникальный предмет) и имени нарицательного, называющего выпускаемый товар. Кроме того, в некоторых конкретных случаях контекст не позволяет однозначно определить, имеем ли мы дело с названием продукта, серии продуктов или торговой марки (подробнее см. Вайс, Куммер 2013: 43-45).

Так, торговая марка – в отличие от товарного знака – может быть зарегистрированной или не зарегистрированной в качестве знака собственности (ср. Важенина 2006). Например, имя *Mozart* не является зарегистрированным товарным знаком, поэтому в случае названия товара *конфеты Mozart / конфеты “Моцарт”* (ср. примеры [3] и [4]) мы имеем дело с торговой маркой, но не с товарным знаком.

С другой стороны, в художественном тексте часто задействованы не столько названия продукции определенных производителей, сколько наименования брендов. Бренд же включает в себя кроме названия товара (словесного товарного знака) и его логотипа ещё и такие нематериальные компоненты, как ожидание потребителем определенных выгод, устоявшуюся репутацию, широкую известность среди целевой аудитории и глубокую укорененность в массовом сознании. Так, самые сильные бренды (а именно такие особенно часто встречаются в современных художественных текстах)

опираются на четко сформулированную приверженность строго определенной ценности [...]: *Apple* – индивидуализм, *Nike* – достижение, *Fairy* – синоним понятия ‘быть хорошей хозяйкой’, *BMW* – агрессивное превосходство, а *Rolls-Royce* – высокий статус обладателя (Панкрухин 2011: 7).

Наблюдая использование прагматонимов в художественном тексте, часто можно заметить, что автору не столь важно сообщить, что какой-то персонаж пользуется предметами, например, машиной, часами, ноутбуком, имеющими определенные торговые названия. Прежде всего он апеллирует к имеющемуся у читателя эмоциональному образу-представлению, обусловленному “особенностями продукта и его обрамления”, ставшему “широко известным общественности” и принятому “определенными группами людей – аудиториями бренда” (Панкрухин 2011: 4).

Наряду с названиями товарных знаков и торговых марок к прагматонимам относят и номинации, состоящие из имени нарицательного, называющего товар, и имени выпускающего этот товар предприятия (ср. Стомпель, Спирина 2013) или из имени нарицательного и названия торговой фирмы, реализующей товар в роз-

ничной сети под частной торговой маркой (она же марка магазина/дистрибьютора, внутренняя марка). Название предприятия (фирмы) при этом обычно совпадает с названием торговой или частной торговой марки. Наблюдения над функционированием в художественном тексте названий марок, предприятий, фирменных магазинов дают основания утверждать, что в обиходно-разговорном языке они могут выступать как контекстуальные синонимы и образовывать синонимический ряд конструкций типа: *пижамы Brioni* (Brioni – название товарного знака), *пижамы от Brioni* (Brioni – предприятие), *пижамы у Brioni* (Brioni – предприятие или фирменный магазин, торгующий продукцией марки Brioni); *шейкер “ИКЕА”* (ИКЕА / ИКЕА – торговая марка), *шейкер от “ИКЕА”* (ИКЕА – торгово-производственная компания), *шейкер из “ИКЕА”* (ИКЕА – фирменный магазин одноименной торговой сети); *будильник “Слава”*, *будильник марки “Слава”*, *будильник, сделанный на заводе “Слава”*. Ср.:

- (7) *Еще я однажды подарила своему любовнику на День святого Валентина пижаму BRIONI за \$1200. [...] Не удержалась – и оставила чек в коробке. А то вдруг он не узнал, сколько стоит пижамы у BRIONI?* (О. Робски, *День счастья – завтра*).
- (8) *[...] и тут же затрещонил огромный будильник, купленный Катей. Сделанный на совесть аккуратными мастерами завода “СЛАВА”, он трещал, словно оповещающая о конце света [...]* (Д. Донцова, *Покер с акулой*).

Использование такого рода конструкций позволяет авторам художественных текстов разнообразить синонимические средства при использовании названий марочных товаров, особенно если учесть, что число прагматонимов в некоторых произведениях может составлять внушительную цифру. Например, в детективном романе *Покер с акулой* Д. Донцовой присутствует 80 названий торговых марок (как зарубежных, так и российских), в романе *День счастья – завтра* О. Робски – 73 названия, причём некоторые из них упоминаются в тексте многократно (так, обувь марки *Jimmy Choo* автор упоминает восемь раз, сумки *Louis Vuitton* – шесть).

3. Факторы, влияющие на выбор латиницы или кириллицы

Анализ употребления прагматонимов в современной русской художественной прозе показал, что выбор автором способа написания иностранного марочного названия зависит от ряда факторов, которые могут действовать изолированно или совместно в различных комбинациях, усиливая друг друга или конкурируя между собой. К таким факторам относятся: существующие традиции употребления иностранных слов в русском тексте; возможность использования шрифтов как косвенного оценочного средства, как указание на принадлежность языкового субъекта к определенной социальной группе, для реализации противопоставления ‘свой’ – ‘чужой’ графическими средствами; стилистико-морфологический фактор, связанный с возможностью/невозможностью приобретения прагматонимом русских падежных окончаний; выполнение шрифтом иконической функции.

При обсуждении действия перечисленных факторов в данной публикации мы, в основном, останавливаемся на обсуждении использования кириллической и латинской графики в произведениях двух представительниц современной русской массовой литературы – Дарьи Донцовой и Оксаны Робски. Выбор источника языкового материала определен высокой концентрацией прагматонимов в произведениях обеих писательниц, а также тем, что и у Донцовой, и у Робски значительное число торговых марок неоднократно упоминается в рамках одного произведения и/или встречается в разных произведениях автора. Благодаря этому мы можем в ряде случаев сравнивать функционирование одного и того же имени, написанного кириллическим или латинским шрифтом, в условиях различных контекстов. Вместе с тем у названных авторов прослеживаются явные различия: в то время как у Донцовой доминирует кириллическое написание, а латиница представлена только единичными примерами, в произведениях Робски большая часть названий зарубежных торговых марок передается латиницей. Для дополнительного иллюстрирования отдельных положений привлекаются примеры из произведений других писателей: Василия Шукшина, Виктора Пелевина, Бориса Акунина, Полины Дашковой. Отбор произведений для изучения употребления кириллицы и латиницы при написании иностранных прагматонимов проводился безотносительно к их жанровой принадлежности и художественным достоинствам. В значительной степени материал исследования относится к жанру массовой литературы. Именно в произведениях массовой литературы, действие которых разворачивается в крупном городе – типичной среде потребительского общества, определенная часть которого стремится к созданию своего стиля жизни прежде всего посредством потребления – наблюдается высокий удельный вес прагматонимов (ср. Шведова 2011).

3.1. *Прагматонимы в детективных романах Дарьи Донцовой: следование традиции написания иностранных прагматонимов в русском языке. Латиница в иконической функции*

В настоящее время, когда все больше исследователей русского языка считают вполне оправданным использование латинской графики при оформлении зарегистрированных названий известных компаний, торговых марок, брендов, можно констатировать, что многие современные авторы художественной прозы при написании иноязычных прагматонимов последовательно делают выбор в пользу кириллицы, продолжая традицию, сложившуюся в русской печати советских лет. Так как для практики письма советского периода было не характерно использование графико-орфографического иноязычия⁴, иностранные прагматонимы воспроизводились в русских

⁴ Монознаковость русского письма советского периода сформировалась под влиянием экстралингвистических факторов, основные из которых – запрет на исключенные реформой 1917-1918 годов буквы кириллицы как символ дореволюционной России и отношение

текстах различных стилей и жанров, в том числе и художественных, исключительно кириллицей, как в помещенных ниже примерах из советской прозы 70-х годов:

- (9) *Потом пойдём к Владуку... Я знаю, что он баран, но у него “Грюндик” – посидим...* (В. Шукшин, *До третьих петухов*).
- (10) *Аристарх включил дорогой магнитофон “Сони”* (В. Шукшин, *Энергичные люди*).

В постперестроечное время преимущественное использование кириллицы при написании прагматонимов можно наблюдать в произведениях, рассчитанных на самую широкую читательскую аудиторию. В данной публикации мы остановимся на демонстрации примеров использования прагматонимов у Дарьи Донцовой, работающей в жанре, обозначенном как ‘иронический детектив’, и являющейся одним из лидеров рынка современной русской массовой литературы. Начало писательской карьеры Донцовой приходится на 1999 г., начиная с 2003 г. и по настоящее время она неизменно лидирует среди русских авторов, пишущих взрослую художественную литературу, как в рейтингах по тиражу, так и по данным опроса общественного мнения⁵. Для нашего исследования интерес представляют романы Донцовой, написанные в период, приблизительно охватывающий 2000-2003 гг., так как концентрация прагматонимов в них особенно высока и количество названий иностранных марок явно преобладает над российскими прагматонимами или прагматонимами советского периода⁶.

Все детективы Донцовой содержат много деталей быта, нюансов в описании повседневной жизни, и присутствие большого количества прагматонимов в ранних произведениях уже само по себе передает одну из отличительных черт первого постперестроечного десятилетия: хлынувший в Россию после снятия “железного занавеса” поток новых зарубежных товаров, обилие марок как факт новой действительности и новой культуры быта, нашествие рекламы на экранах телевизоров, билбордах и страницах газет. Все это восхищает и изумляет персонажей Донцовой, новые мароч-

к латинице как к символу ориентации на буржуазную культуру Запада, сложившееся в 30-х годах, когда период активной латинизации письменностей народов СССР и подготовки к латинизации русского письма сменился периодом русификации письменностей. В условиях “орфографического режима” того времени с его строгой ориентацией только на кириллицу графические иноязычия были допустимы лишь в терминосфере, особенно в области медицины, фармакологии, музыки (см. Филинкова 2004; Григорьева 2009).

⁵ Ср. данные опроса Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ) за 2016 год <<http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116011>>.

⁶ Для сравнения: в романе *Жена моего мужа* (2000) насчитывается 55 названий марок (иностранных и российских), *Покер с акулой* (2000) – 80, *Обед у людоеда* (2001) – 48, *Жаба с кошельком* (2003) – 53, *Али-Баба и сорок разбойниц* (2003) – 31. Начиная с 2004 г. количество используемых прагматонимов снижается – об этом свидетельствуют выборка по отдельным книгам Донцовой, написанным после 2003 г.: *Тушканчик в бигудях* (2004) – 13, *Лампа разыскивает Алладина* (2005) – 8, *Муха в самолете* (2005) – 12, *Шопинг в воздушном замке* (2008) – 19.

ные товары становятся предметом их обсуждения, зарубежная продукция сравнивается с советской, как в (13), а окружающие оцениваются по маркам товаров, которые они потребляют:

- (11) *Я посмотрела на пакетик – “МАККОФЕ”. Тот самый, столь широко разрекламированный по телевизору. [...] Рука же схватила сейчас у кассы именно этот пакетик, хотя рядом лежали “ЯКОБС” и “ЧИБО” (Д. Донцова, Обед у людоеда).*
- (12) *Кстати, я научилась разбирать сигареты по вкусу. “МАЛЬБОРО” – кислые, “ВОГ” – горькие, а ментоловые напоминают жвачку (Д. Донцова, Обед у людоеда).*
- (13) *[...] к Новому году у Вики появились прехорошенькая шубка, мобильный и новенькая симпатичная “НИВА” цвета баклажан. Но все равно, это было не то. Шубку сшили из белки, “НИВА” явно проигрывала рядом с красавцем “ФОЛЬКСВАГЕНОМ” [...] (Д. Донцова, Покер с акулой).*
- (14) *Ему очень хотелось встретиться с Ниной Михайловной. Приехать в роскошном “МЕРСЕДЕСЕ”, сверкнуть золотыми часами, небрежно снять пиджак от ЛАГЕРФЕЛЬДА [...] (Д. Донцова, Покер с акулой).*

Почти все прагматонимы в романах Донцовой представлены в кириллической транскрипции, исключения встречаются редко. Например, в романе *Обед у людоеда* (2001) отмечено 17 названий российских товарных марок, 31 – иностранных; прагматонимы, написанные латинским шрифтом, отсутствуют. Так как произведения массовой развлекательной литературы рассчитаны на различные возрастные группы читателей и представителей самых различных уровней образования, автор может предполагать, что читатели не всегда смогут определить по оригинальному графическому облику иностранного наименования, как оно правильно произносится. Благодаря использованию кириллицы снимаются сложности при восприятии иноязычных названий, вызванных особыми правилами чтения слов из других языков. Такой подход к передаче иностранных прагматонимов можно было наблюдать и в российских женских журналах конца 90-х – начала 2000-х годов, рассчитанных на массового читателя. Манневитц приводит следующий пример: журнал “Работница” (7/99, 33), размещая рекламу заказа одежды по каталогу 3 *Suisses*, использует название каталога в латинской графике только один раз, а именно на фотографии обложки каталога. В самом же тексте это название употребляется исключительно в транскрибированном виде:

- (15) *Одежда из Франции по каталогу “Труа Сюис”. Каталог “Труа Сюис” – магазин, который всегда с Вами. “Труа Сюис” это: самая изысканная мода [...] (цит. по Mannewitz 2003: 74).*

Вместе с тем у Донцовой можно найти и единичные случаи написания иностранных прагматонимов латинским шрифтом. В проанализированных девяти романах обнаружено четыре иностранных прагматонима, написанных латиницей (*Levi's*,

Adidas, Ronson, VISA) и одно название продукта (кефир *Bio-Max*) производства крупной российской компании “Вимм-Билль-Данн”. В случае прагматонима *Ronson* использование латиницы (после того, как данный прагматоним был употреблен в том же контексте в русском варианте написания) выполняет иконическую функцию: при описании внешнего вида дешевой одноразовой зажигалки, которую продавец выдает за качественный марочный продукт, автору не надо специально сообщать, что помещенное на подделке название известного производителя зажигалок написано латинским шрифтом:

- (16) – *Граждане пассажиры, вашему вниманию предлагаются качественные газовые зажигалки по типу “РОНСОН”. Невероятно удобная вещь, элегантно оформленная, можно переделать клапан, и она станет многоцветной. Цена намного меньше, чем в ларьках и магазинах. Я обернулась. Тощий парень с испитым лицом держал над головой дешевую зажигалку черного цвета с белой надписью “RONSON”* (Д. Донцова, *Покер с акулой*).

В остальных примерах, зафиксированных нами у Донцовой, латиница не несет никакой функциональной нагрузки. Так, название платежных карт *VISA* (транснациональной компании Visa Inc.) воспроизводится в русских печатных текстах преимущественно в латиническом варианте и может быть причислено к узуальным иноязычным вкраплениям – устойчивым “международным” выражениям, регулярно употребляемым в русском языке в нетранслитерированной форме⁷:

- (17) – *У меня знакомая в ОМО-банке работает, как раз в отделе, который VISA-картами занимается [...]* (Д. Донцова, *Жаба с кошельком*).
- (18) – *Ужасно зависит от кого-то материально, – щebetала Кока, выуживая из портмоне карточку VISA [...]* (Д. Донцова, *Али-Баба и сорок разбойниц*).

Что касается использования латинского шрифта в написании прагматонимов *Adidas* и *Levi's*, то, возможно, это является следствием невнимательного редактирования текста, т.к. в других случаях названия этих брендов передаются у Донцовой кириллицей, ср.:

- (19) *Одет по-европейски: в светло-песочные вельветовые “LEVI’S” и тонкую бордовую рубашку* (Д. Донцова, *Жена моего мужа*).
- (20) *Довольно полный животик нависал над белыми “ЛИВАЙСАМИ” [...]* (Д. Донцова, *Жена моего мужа*).
- (21) *Ну носили же мы невероятно узкие джинсы “Ливайс”?* (Д. Донцова, *Обед у людоеда*).

С другой стороны, использование автором названных прагматонимов в их оригинальном написании и то, что это не было исправлено в ходе подготовки книги к

⁷ Ср. Маринова 2007: 328.

печати, свидетельствует о том, что в начале 2000-х названия товарных марок *Adidas*, *Levi's* уже были прочно закреплены в языковом сознании российского потребителя, легко узнавались как в русском, так и в латиническом вариантах, в случае оформленности латиницей они не создавали эффект непонятности, чуждости, а употреблялись исключительно как номинативное средство.

3.2. Противопоставление 'свой' – 'чужой'

Иногда выбор между кириллицей и латиницей связан с влиянием фактора 'свой' – 'чужой' на процесс кодирования информации, и написанный латиницей прагматоним, выполняя номинативную функцию, служит одновременно для создания эффекта 'чужого'. Так, в романе Виктора Пелевина *ДПП(нн) – Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда* (2003) название автомобиля "Астон-Мартин" / *Aston Martin* упоминается семь раз; в шести случаях оно дано в кириллической транскрипции, как в (22), и один раз написано латиницей:

- (22) *Надо запомнить, – подумал Степа, – не ляпнуть ему чего про "Астон-Мартин"...* (В. Пелевин, *ДПП(нн)*).
- (23) *Когда, как бы между делом, ты называл лондонских панков личинками страховых агентов, или говорил, что "ASTON-MARTIN" – пидорская машина, или предлагал тост за величайшего из хоббитов – Гарри Поттера, все это падало в копилку* (В. Пелевин, *ДПП(нн)*).

Использование оригинального написания марки автомобиля мы находим в письме одного из персонажей романа – британской славистки, живущей в Москве. Ее письмо, кроме названия марки "Астон-Мартин", содержит и другие написанные по-английски слова, фразы, части предложений, которые все вместе выполняют функцию речевой характеристики персонажа, создавая образ иностранки, представительницы западной культуры.

3.3. Связь между графическим оформлением и ценностными ориентациями

У писателей, активно прибегающих к приему кодового переключения, выбор кириллицы или латиницы при написании прагматонима может выступать как косвенное средство выражения эмоционально-оценочных отношений. В современной лингвистической литературе исследователи неоднократно указывали на такие цели и мотивы использования вкраплений в латинской графической форме, как стремление придать тексту видимость престижности, создание атмосферы или впечатления элитарности, эксклюзивности (Mustonen 1997: 91; Костомаров 1999: 128-129, 137; Денисова 2012: 95-96; Маринова 2012: 141-142 и др.). Реализация оценочной функции путем использования латинской графики становится возможной благодаря ее высокой престижности, и это касается не только России, но и многих других стран с нелатинской письменностью (Glück 1994: 757), а в случае прагматонимов – еще и благо-

даря усилению рекламного эффекта зарубежной (западной) марки, поскольку такие товары считались модными и самыми лучшими как в доперестроечное (ср. контекст употребления прагматонимов в [9] и [10]), так и в постперестроечное время.

Рассмотрим использование графического оформления прагматонима как косвенного средства выражения оценки с точки зрения социально-культурных приоритетов языковых субъектов на примере так называемой гламурной прозы⁸ Оксаны Робски. Дебютный роман Робски *Casual* (*Повседневное*), опубликованный в 2005 году, стал первым литературным повествованием о частной жизни постсоветской элиты, и прежде всего женщин – жен, бывших жен, любовниц, невест высокопоставленных чиновников и преуспевающих бизнесменов, обитающих в роскошных московских пригородах – Рублевке и Жуковке. Передача атмосферы власти, богатства, показного сверхпотребления, роскошной жизни среди вещей и услуг, недоступных для большинства, а также то, что одновременно с выходом книги широко сообщалось, что автор принадлежит к тому же избранному сословию, что и персонажи его романа (ср. Михайлова 2008), обеспечила *Casual* не только большой читательский успех⁹, но и интерес со стороны литературоведов, культурологов, а также лингвистов, изучающих употребление названий фирм, товаров, имен брендов и т.п. в художественных текстах (Kiklewicz 2010; Шведова 2011; Prokorsczuk 2013; Крюкова 2016). В последующих романах – *Про любовь/оп* (2005), *День счастья – завтра* (2006), *Устрицы под дождем* (2007), *Casual-2. Пляска головой и ногами* (2007) и *Эта Тема* (2009) – Робски продолжает описывать мир своих героинь с помощью списков вещей (домов, машин, одежды, украшений и др.), “как правило, с точным указанием цены и фирмы производителя [...] Более всего этот ‘художественный метод’ напоминает каталог или магазин мод. В сущности, каждый персонаж в романах Робски становится каталогом модных (или немодных) вещей” (Михайлова 2008).

⁸ Слово ‘гламур’ в значении “красивость и соответствие стандартам ‘роскоши’, ‘шика’, ‘внешнего блеска’” появилось в русском языке в 1990-х годах и поначалу связывалось прежде всего с глянцевыми журналами (Левонтина 2010: 79, 80).

⁹ Массовый интерес к гламуру, особенно активно проявившийся в России в первое десятилетие XXI в., является, по мнению Рудовой (2009), “в первую очередь продуктом экономической ситуации [...]. В 2000-е годы российская экономика, зависящая в основном от сырьевого экспорта, значительно выросла, а условия жизни населения начали постепенно улучшаться. По мере этого часть россиян начала оценивать свою жизнь как относительно благополучную. Важно подчеркнуть, что благополучие было именно ‘относительным’, так как, несмотря на достаточно высокие потребительские стандарты этой части населения (дорогая электроника, импортные машины, поездки за границу), российская провинция оставалась по преимуществу бедной. [...] К началу 2000 года происходит процесс ‘укоренения’ (рутинизации) ‘новых русских’, превратившихся из грубых, вульгарных, агрессивных и невежественных нуворишей в более утонченную и стремящуюся к образованию элиту [...]. Для них, как и для ‘средняка’, показное сверхпотребление становится ‘способом оптимизации личного и социального капитала’, символом утверждения своего привилегированного положения в обществе”.

Такие “каталоги вещей” содержат отчасти названия дорогих, недоступных для массового потребителя брендов (обычно они пишутся у Робски латиницей), которые, однако, хорошо известны в российском обществе (не столько благодаря непосредственному потреблению товара, сколько из рекламы, фильмов, телепередач, “гламурной прессы” и т.п.) и поэтому соотносятся с устоявшимися эмоционально-оценочными представлениями носителей языка о имидже, характерных чертах и свойствах товара. Такие прагматонимы, в кириллическом или латинском графическом оформлении, часто присутствуют в произведениях и других русских писателей, ср. (1), (3), (14), (22), (23). Вместе с тем помимо широко известных иностранных брендов в текстах Робски встречаются нагромождения наименований, не имеющих для большинства читателей практического смысла, т.к. они не вызывают четкой ассоциативной связи ни с маркой товара, ни с его свойствами (ср. Prokopczuk 2013):

- (24) *Мы заказали черную треску и бутылку “TERRE DI FRANCIACORTA CHARDONNAY” 2003 года от CA’ DEL BOSCO* (О. Робски, *Casual-2*).
- (25) *Регина листает еженедельник, контролируя боковым зрением вход в зал, откуда должен появиться официант с “LAURENT-PERRIER BRUT”. По 180 евро бутылка* (О. Робски, *Casual-2*).
- (26) *Вероника видела VAN CLIFF¹⁰, который он ей на Новый год подарил* (О. Робски, *Casual*).
- (27) *Перспектива зарыться в мягкие подушки Катиного PROVASI¹¹ перед телевизором показала мне более привлекательной* (О. Робски, *Causal*).
- (28) – *У меня угнали машину! – орал он в трубку. [...] У него был новый “FLYING SPUR”¹²* (О. Робски, *Casual-2*).

Эффект чуждости¹³ усиливается оригинальным латиноалфавитным написанием, вследствие чего многие читатели не всегда могут правильно прочесть наименования из английского, французского, итальянского, немецкого и др. языков. Такой способ использования иностранных прагматонимов в тексте позволяет утверждать, что автор не стремится предупредить возможное непонимание со стороны читателя отдельных фрагментов текста. Наоборот, можно предположить, что Робски стремится

¹⁰ Правильно: *Van Cleef* (эсклюзивные украшения ювелирного дома *Van Cleef & Arpels*).

¹¹ Правильно: *Provasi* (элитная мебель классических стилей итальянского бренда *Provasi*).

¹² Одна из моделей автомобиля марки *Bentley*.

¹³ По количеству ошибок/опечаток, встречающихся в написании отдельных прагматонимов, можно предположить, что соответствующие названия товаров или фирм-производителей неизвестны или плохо известны не только массовому читателю, но и корректорам, вычитывавшим текст. Помимо ошибок в (26) и (27) в текстах Робски встречаем: холодильник *Bosh* (правильно *Bosch*), минеральную воду *San Pelegrino* (правильно *San Pellegrino*), вино *Willa Antinori* (правильно *Villa Antinori*), юбку от *Diane von Furstenberg* (правильно *Furstenberg*), туалетную воду *Presence Cool* от *Mont Blank* (правильно *Mont Blanc*) и др.

создать ауру элитарности, роскоши, недоступности, используя код, понятный только в определенных узких кругах и тем самым сближающим его с жаргоном. Данная установка вообще характерна для создания разного рода индексов элитарности; как пишет Кармазин, т.к. элита принципиально предполагает нечто редкое, это должно передаваться сигналом, понятным лишь в определенной группе. Чем элитарней, тем реже, и поэтому тем больше выстраивается барьеров – нередко группы, которые понимают этот сигнал, очень малы. Сигнал, значение которого понятно всем, в принципе имеет сниженную элитную ценность (Кармазин 2007: 321).

Интересно отметить, что в произведениях Робски прослеживается, хотя и не всегда последовательно, корреляция между ценностными ориентациями и способами кодирования: латиницей пишутся названия наиболее дорогих и эксклюзивных товаров¹⁴ (см. примеры выше) и иногда – названия массово доступных вещей, принадлежащих “гламурным” персонажам, как например в (35) и (36). Иностранные прагматонимы, называющие недорогие, относительно доступные вещи, пишутся, как правило, кириллицей: “Ваниш” для стирки цветных тканей (в оригинальном графическом оформлении – Vanish), моющее средство для посуды “Фейри” (Fairy), сковородки “Тефаль” (Tefal), чай “Липтон” (Lipton), водка “Абсолют Цитрон” (Absolut Citron), шейкер из “ИКЕА” (ИКЕА), минеральная вода “Эвиан” (Evian), сигареты “Мальборо” (Marlboro), обувная спрей-краска “Саламандра” (Salamander) и др.:

(29) *Я совсем забыла, к чему обязывает седьмое число каждого месяца: людям нужно дать деньги, чтобы они отнесли их в свои семьи, купили еду и теплые вещи. И что-нибудь из предметов роскоши – настоящие сковородки “ТЕФАЛЬ”, например* (О. Робски, *Casual*).

В эту же группу попадают многие автомобильные марки: “мерседесы”, “тойоты”, “фольксвагены”, “опели”, “mitsubishi”; BMW встречается как в латинской графике, так и в кириллической.

Необходимо подчеркнуть, что прием противопоставления латиницы и кириллицы в кодировании социально-культурных приоритетов субъектов используется не только у Робски, но и у других авторов:

(30) – *Ты, кстати, не знаешь, чего бы по “Виндоуз” почитать? Какую-нибудь нормальную книжку, чтоб понятно было.*
– *Лучше начни сразу с UNIX, – сказал Степа. – Все-таки двадцать первый век на дворе* (В. Пелевин, *ДПП(нн)*).

Благодаря приему контраста, построенному на использовании кириллицы и латиницы при написании двух названий операционных систем, употребленных в одном отрезке текста¹⁵, автор косвенно выстраивает оппозицию: “Виндоуз” – для мас-

¹⁴ На это указывает и Михайлова (2008).

¹⁵ Напомним, что в словаре Складневской (2005: VI) указывается на преимущественное написание “многих частотных слов, в основном терминов информатики” латиницей, в т.ч. и

сового, неискушенного в компьютерной технике пользователя, непрестижное; *Unix* – для специалистов и индивидуалистов, прогрессивное.

3.4. Стилистико-морфологический фактор

Действие стилистико-морфологического фактора связано с грамматической (морфологической) адаптацией прагматонима и возможностью или невозможностью получения им падежных окончаний. Прагматонимы, функционирующие в кириллическом графическом выражении, хотя и могут оставаться несклоняемыми, как в (30) и (32), в большинстве случаев, однако, приобретают русскую систему окончаний – см. примеры (31) и (33):

- (31) *Я молча теребила в руках пачку “Вог”* (Д. Донцова, *Покер с акулой*).
- (32) – *Как убита? – пролетела манекенищица и схватилась за пачку “Вога”* (Д. Донцова, *Жена моего мужа*).
- (33) *Он достал из бара бутылку “РЕМИ МАРТЕН” [...]* (Д. Донцова, *Жена моего мужа*).
- (34) *За столом сидел Кешка, перед ним стояла бутылка все того же “РЕМИ МАРТЕНА” и рюмка* (Д. Донцова, *Жена моего мужа*).

Что касается прагматонимов в инографическом оформлении, то они функционируют в художественных текстах как неизменяемые имена – во всяком случае, в исследуемом нами материале не встретилось ни одного случая присоединения к написанному латиницей прагматониму русского окончания, как это, например, иногда происходит с инографическими вкраплениями в публицистике: *грязные motherfuckеры, выступление знаменитого [...] Mad Professor’a, новости компьютерного underground’a*¹⁶. Вместе с тем в устной разговорной речи и еще в большей степени в субстандарте имена зарубежных марок и фирм, особенно если они употребляются без классификатора, получают, за исключением класса несклоняемых существительных, русские падежные окончания, что было продемонстрировано в работе Долешаль (Doleschal 1999) на примере названий зарубежных автомобильных марок. Действительно, если в печатном рекламном тексте возможны синтаксические построения типа: *покупателей Škoda Felicia ожидает приятный сюрприз; автозапчасти для Ford, Opel* (Doleschal 1999: 41, 43), то в устной реализации такие высказывания будут звучать неестественно, стилистически предпочтительнее было бы использование синтаксической конструкции с классификатором (*автозапчасти для автомобилей Ford, Opel*). Но, как отмечает Долешаль, постоянное употребление классификаторов не совсем характерно для устной разговорной

прагматонима *Windows*. Маринова (2012: 208) также отмечает, что в литературном языке (в отличие от субстандарта) интернационализм *Windows* не получил русифицированную форму.

¹⁶ Примеры цитируются по Mustonen 1997: 107; Mannewitz 2003: 74; Маринова 2012: 100.

речи. Поэтому мы можем наблюдать, что в художественных текстах действие стилистического фактора (передача устной разговорной речи) в сочетании с морфологическим (необходимость употребить прагматоним в косвенном падеже или в именительном падеже множественного числа, приспособив его к русской словоизменительной системе) вынуждает автора использовать кириллицу там, где при прочих равных условиях он предпочел бы латиницу. Так, в следующих примерах прагматоним *Kinder-Surprise* употребляется сначала с классификатором (35), потом в форме винительного падежа, совпадающей с именительным (36), а при использовании этого прагматонима во множественном числе в составе конструкции, требующей изменяемое имя в родительном падеже, автор дает его в кириллическом написании:

- (35) *Наталья Петровна раздала гостям по шоколадному яйцу “KINDER-SURPRISE”* (О. Робски, *Эта Тета*).
- (36) *Вова положил телефон, послушно распаковал “KINDER-SURPRISE” и продемонстрировал всем фигурку ослика* (О. Робски, *Эта Тета*).
- (37) *Наталья Петровна молча пила виски и один за другим обдирала фольгу с КИНДЕР-СЮРПРИЗОВ* (О. Робски, *Эта Тета*).

Подобное чередование латинского и кириллического варианта одного и того же прагматонима мы регулярно наблюдаем в текстах Робски:

- (38) – *Папа купил себе МАУВАСН, – говорит Анжела с легкой завистью, – за четыреста тысяч долларов. [...]*
 – *Что это за МАУВАСН? – спросила я.*
 – *Машина такая. Клевая* (О. Робски, *День счастья – завтра*).
- (39) *Тебя что заводит? Ты, что ты трахаешь девушку, которая раньше из окошка своего “МАЙБАХА” [Автомобиль стоимостью 450 000 евро – примечание О. Робски] тебя бы даже не заметила?* (О. Робски, *Устрицы под дождем*).

В эту же группу примеров мы включаем диалог (39), в котором идет речь о юбке итальянского бренда *Prada*:

- (39) – *А знаешь что надень... – Девушка задумалась. – ПРАДУ зеленую сюда.*
Через минуту нам демонстрировали пиджак с зеленой юбкой. [...]
 – *Ну, с ПРАДОЙ вроде нормально, – подытожила Ларчик* (О. Робски, *Про любовь/он*).

Необходимостью передать устную речь объясняется, на наш взгляд, и написание кириллицей названия игровой приставки “*Эксбокс*” в примере (5). Вопрос, содержащий одно лишь слово, написанное латиницей (– *Хвох?*), выглядел бы в русском тексте несколько странно.

4. Заключение

Анализ контекстуального употребления в русских художественных текстах зарубежных названий товарных знаков, торговых марок, имен брендов показал, что авторы имеют возможность свободно выбирать между их кириллическим или латинским вариантом написания, однако этот выбор не является абсолютно произвольным. Так, несмотря на тенденцию продуктивного внедрения в русский рекламный или публицистический текст латиноалфавитной графики, многие современные писатели при написании иноязычных прагматонимов следуют традиции транскрибированного написания иностранных имен, сложившейся в русском письме в советский период (Дарья Донцова, чьи произведения мы использовали для анализа – это лишь один из многих современных русских авторов, у которых при написании иностранных прагматонимов доминирует кириллица).

У писателей, активно прибегающих к приему кодового переключения, мы не обнаруживаем, как можно было бы ожидать, последовательного оформления зарубежных прагматонимов латиницей, а российских (советских) – кириллицей. Проанализированные примеры употребления разных шрифтов при написании иностранных прагматонимов позволяют заключить, что выбор графического способа представления может быть обусловлен ценностными ориентациями автора, социальным контекстом. В этих случаях прагматоним, в зависимости от графического оформления, помимо номинативной выполняет параллельно и функцию косвенной оценки: латинский шрифт коррелирует с представлениями о престижности, эксклюзивности, прогрессивности, кириллица используется как косвенное указание на массовую доступность, непрестижность, банальность. Такая оппозиция латиницы и кириллицы может выстраиваться автором на всем протяжении повествования или только в отдельном эпизоде. Выбор между кириллицей и латиницей иногда обусловлен коннотацией: кириллица – “свое”, латиница – “чужое”, и написанный латиницей прагматоним, выполняя номинативную функцию, служит одновременно для создания эффекта “чужого”, например, косвенно указывая на принадлежность персонажа к иной культуре.

Фактор оценочных коннотаций, заложенных в противопоставлении латиницы и кириллицы, может перекрываться действием стилистического фактора, связанного с необходимостью оформить иностранный прагматоним русским окончанием для передачи стиля устной разговорной речи. Проанализированный нами материал позволяет утверждать, что действие этого фактора в сочетании с морфологическим (необходимость приспособить иностранный прагматоним к русской словоизменительной системе) заставляет автора сделать выбор в пользу кириллического написания.

В целом же следует отметить, что орфографическое оформление иностранных номенклатурных наименований, функционирующих в различных типах (кон)текста, и, в частности, написание их латиницей и/или кириллицей в произведениях художественной литературы, представляет собой один из наименее изученных и регламентированных вопросов русской речи. Выбор автором кириллицы или латиницы обусловлен во

многом его языковым чутьем, отношением к слову. Надо признать, что в проанализированном материале присутствуют отдельные примеры, в которых выбор автором латиницы или кириллицы для оформления прагматонима представляется нам произвольным, случайным. Наряду с этим проведенное исследование позволило выявить и описать ряд случаев несомненно функционального употребления прагматонимов в оригинальном латиническом или в транскрибированном кириллическом написании.

Литература

- Важенина 2006: И. Важенина, *Заклейменные. Товарный знак и торговая марка*, “Лаборатория рекламы, маркетинга и PR”, 2006, 4 (47), с. 24-28.
- Вайс, Куммер 2013: Д. Вайс, Р. Куммер, *Советский дискурс о пище*, в: Н. Розанова, А. Занадворова, У. Долешаль (под ред.), *Еда по-русски в зеркале языка*, М. 2013, с. 27-162.
- Григорьева 2009: Т.М. Григорьева, *Латиница против кириллицы и vice versa*, в: Т.В. Шмелева (под ред.), *Кириллица – латиница – гражданница*, Великий Новгород 2009, с. 136-151.
- Денисова 2012: Г.В. Денисова, *На изломе веков: русский язык в зеркале современной прозы*, М. 2012.
- Денисова 2004: С.П. Денисова, *Глобализмы в языке массовой коммуникации*, в: *Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс русистов. Труды и материалы*, М. 2004, с. 429-430.
- Кальнова 2015: О. Кальнова, *Новые иноязычные слова в русском языке: функциональный и методологический аспекты*, “Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica”, XI, 2015, с. 57-63.
- Костомаров 1999: В.Г. Костомаров, *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*, М. 1999³.
- Крюкова 2004: И.В. Крюкова, *Рекламное имя: от изобретения до прецедентности*, дис. д-ра филол. наук, Волгоград 2004.
- Крюкова 2016: И.В. Крюкова, *Прагматонимы как отражение социального статуса персонажей художественных произведений*, в: *In potuit spatium: Материалы I Междунар. ономастических чтений им. Е.С. Отина (16-18 окт. 2015 г.)*, Донецк 2016, с. 161-169, ср. <<http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/10/Kryukova.pdf>>.
- Левонтина 2010: И.Б. Левонтина, *Русский со словарем*, М. 2010.
- Маринова 2007: Е.В. Маринова, *Латиница в русском письме: проблема графического заимствования*, в: М.Л. Каленчук, Е.А. Земская (под ред.), *Жизнь языка: Памяти М.В. Панова*, М. 2007, с. 323-334.

- Маринова 2012: Е.В. Маринова, *Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие*, М. 2012.
- Михайлова 2008: Т. Михайлова, *Инъекция гламура: политика прозы Оксаны Робски*, "Неприкосновенный запас", 2008, 6 (62), ср. <<http://magazines.russ.ru/nz/2008/6/mis.html>>.
- Панкрухин 2011: А.П. Панкрухин, *Бренды и брендинг*, "Практический маркетинг", 2011, 4 (170), с. 4-15.
- Подольская 1978: Н.В. Подольская, *Словарь русской ономастической терминологии*, М. 1978.
- Ратмайр 2013: Р. Ратмайр, *Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении*, М. 2013.
- Рудова 2009: Л. Рудова, *Гламур и постсоветский человек*, "Интелрос", 2009, 6, <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_68/5149-larisa-rudova-glamur-i-postsovetskij-chelovek.html>.
- Скляревская 2005: Г.Н. Скляревская (под ред.), *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*, М. 2005.
- Скляревская 2007: Г.Н. Скляревская (под ред.), *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*, М. 2007.
- Стомпель, Спирина 2013: Е.М. Стомпель, Т.С. Спирина, *Прагмонимы как особый тип номинации*, "Гуманитарные исследования", 2013, 3 (47), с. 81-85.
- Филинкова 2004: Е.О. Филинкова, *Графико-орфографическое иноязычие в контексте полизнаковости русского письма постсоветского периода*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Барнаул 2004.
- Фролова 2011: Н.Н. Фролова, *Дискурсивные функции маркировочных наименований (брендов): лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты (на материале русского языка)*, автореф. дис. ... канд. филол. наук, Краснодар 2011.
- Шведова 2011: Н.Л. Шведова, *Функциональная специфика прагматонимов (на материале современной массовой литературы)*, дис. ... канд. филол. наук, Волгоград 2011.
- Шмелева 2009: Т.В. Шмелева (под ред.), *Кириллица – латиница – гражданица*, Великий Новгород 2009.
- Doleschal 1999: U. Doleschal, *Verfremdungen und Entfremdungen. Neues zur Indeklinabilität im Russischen*, в: U. Doleschal, E. Hoffmann (Hrsg.), *Linguistische Beiträge zur Slavistik aus Deutschland und Österreich. VI. Jungslawistinentreffen Wien 1997*, München 1999, с. 31-48.
- Dunn 2000: J.A. Dunn, *The Role of English in the Development of Modern Russian*, в: L.N. Zybatow (Hrsg.), *Sprachwandel in der Slavia*, 1, Frankfurt am Main 2000, с. 87-101.

- Glück 1994: H. Glück, *Schriften im Kontakt*, в: H. Günther, O. Ludwig (Hrsg.), *Schrift und Schriftlichkeit: ein interdisziplinäres Handbuch internationaler Forschung*, Berlin-New York 1994, с. 745-766.
- Karmasin 2007: H. Karmasin, *Produkte als Botschaften: Konsumenten, Marken und Produktstrategien*, Landsberg am Lech 2007⁴.
- Kiklewicz 2010: A. Kiklewicz, *Funkcjonowanie nazw własnych w języku potocznym noworuskich*, "Acta Neophilologica", XII, 2010, с. 5-16.
- Mannewitz 2003: C. Mannewitz, *Lexik zwischen unterschiedlichen Schriftsystemen*, в: L.N. Zybatow (Hrsg.), *Europa der Sprachen: Sprachkompetenz – Mehrsprachigkeit – Translation. Akten des 35. Linguistischen Kolloquiums in Innsbruck 2000*, 1. *Sprache und Gesellschaft*, Frankfurt am Main 2003, с. 69-79.
- Mustonen 1997: L. Mustonen, *Латинские инкрустации в русской печатной речи новейшего времени*, "Studia Slavica Finlandensia", XIV, 1997, с. 90-120.
- Prokopczuk 2013: K.A. Prokopczuk, *Konstruktion des elitären Codes durch Namenverwendung (zum Namensgebrauch in moderner Literatur und in Werbetexten)*, в: O. Prokopczuk, K. Bobowski (Hrsg.), *Wschód – Zachód. Sprachliche Einheiten in System und Text. Language Units in System and in Text*, Słupsk 2013, с. 81-89.

Abstract

Klaudia A. Prokopczuk

Foreign-language Pragmatonyms in Contemporary Russian Literature: Latin or Cyrillic?

The adoption of foreign lexical material with preservation of the original written in the Latin alphabet has been a common character for many modern Russian texts since the early 1990s. We observe it particularly in foreign-language brand and product names (pragmatonyms) that are generally written either in the Latin alphabet or transcribed into Cyrillic, not only in advertising but also in many other text types. This applies also to Russian literature, mainly popular fiction, where the occurrence of commercial names has significantly increased in the first decade of the millennium. The number of mentioned brands and commercial products exceeds in the works of some authors 80, whereas the portion of foreign, usually internationally known, brands is larger than of those that are known only in the domestic market. This paper shows the principles of use of Cyrillic and Latin scripting for commercial names in Russian fiction literature of the 21st century. Stylistic, morphological, pragmatic, as well as social pragmatic factors and their interrelation are analysed to decide whether it is Latin or Cyrillic scripting that the author chooses for presentation of a foreign-language commercial name.

Keywords

Pragmatonym; Verbal Trade Mark; Script-Mixing; 21st Century Russian Literature

**MATERIALI
E DISCUSSIONI**

I materiali pubblicati nella sezione *Materiali e discussioni* non sono sottoposti a referaggio.
Le opinioni espresse dagli autori non impegnano la responsabilità della redazione.

Владимир Карлович Кантор

Революция, или Безумие в облике истины*

1. *Война и безумие*

Хорошо образованные люди, как правило, принимают то положение, что мир дуален, что он двойствен, что есть добро и зло, свет и тьма, Ормузд и Ариман. Бог и Сатана, Христос и антихрист, святые и злые духи, необходимость и случайность, Восток и Запад, право и лево и т.д. Но почему-то все уверены со времен Гегеля, а может, и Декарта, что мировая история имеет разумный план, что существует только тот человек, который мыслит и что Мировой Разум господствует в истории и то, что нам кажется злом, есть лишь преходящий исторический момент. Однако безумие как антитезу Разума не рассматривает практически никто, хотя о безумии написано немало работ. Но везде безумие трактуется как некая флуктуация, некая случайность. Но если учесть, что по диалектическому закону случайность равноправна необходимости, нельзя ли и Безумие вставить в этот диалектический ряд, как полноценную антитезу Разума.

Я постараюсь показать роль безумия на историческом примере русской революции 1917 года. Начну с очевидного для всех факта безумия – войны, которая всегда пытается найти себе оправдание, начиная с Гераклита, говорившего, что война отец всего. Но, добавляя он, одних она поднимает, других превращает в рабов. Но положение раба вряд ли можно одобрить, не говоря уж о том, что рабство чревато новыми катаклизмами и поворотами. Например, новыми – освободительными – войнами. Жизнь человека в этом контексте находится безо всякой защиты. Все разумные нормы перестают существовать, война порождает безумие. Об этом писали не раз в России – Всеволод Гаршин в рассказе *Трус (Балканская война)*, Леонид Андреев в повести *Красный смех*, в которой он словно провидел ужас последствия атомной бомбардировки:

– Много раненых? – спросил я. Он махнул рукой. – Много сумасшедших. Больше, чем раненых.

– Настоящих?

– А то каких же?

Он смотрел на меня, и в его глазах было то же остановившееся, Дикое, полное холодного ужаса, как и у того солдата, что умер от солнечного удара.

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

– Перестаньте, – сказал я, отворачиваясь.

– Доктор тоже сумасшедший. Вы посмотрите-ка на него.

Доктор не слышал. Он сидел, поджав ноги, как сидят турки, и раскачивался, и беззвучно двигал губами и концами пальцев. И во взгляде у него было то же остановившееся, остолбенелое, тупо пораженное.

Но и Первая мировая уже была по сути предвестием и Второй мировой и Хиросимы. Русский философ Федор Степун писал с фронта будущей жене:

Война есть безумие, смерть и разрушение, потому она может быть действительно понятна лишь окончательно разрушенным душевно или телесно – сумасшедшим и мертвецам (Степун 2000в: 190).

Из войн, как правило, происходят революции: чем разрушительнее и безумнее война, тем разрушительнее следующая революция. Ханна Арендт писала в своей книге *О революции*, что эта связь особенно ясно проявилась в Новое время:

Война и революция до сих пор составляют две центральные темы политической жизни XX века (Арендт 2011: 5).

И далее:

Русская революция 1905 года, последовавшая за поражением царизма в русско-японской войне, явилась зловещим знаком судьбы, уготованной режимам в случае их военного поражения (Арендт 2011: 11).

Однако дело все-таки не только в поражении, а в возникновении особого состояния умов. Вспоминая начало войны в 1914 г., Троцкий приводит свой разговор с австрийским социалистом Фридрихом Адлером:

На улицу сейчас выходят все неуравновешенные, все сумасшедшие, это их время. Убийство Жореса – только начало. Война открывает простор всем инстинктам, всем видам безумия (Троцкий 1991: 230).

Как же произошел отказ от разума? Как случилась русская революция? Война очевидно не проиграна. По словам английского исследователя, Россия потерпела поражение и развалилась как государство, выиграв войну:

Брусиловский прорыв – наступление войск Юго-Западного фронта во время Первой мировой войны в мае-июле 1916 года. Российские войска под руководством генерала А.А. Брусилова прорвали позиционную оборону австро-венгерской армии и заняли значительную территорию. Противник потерял до 1,5 млн. человек (Ливен 2007: 451-452).

Голода в Петрограде нет, есть небольшие задержки с продажей хлеба, но толпы дезертиров и оборванцев бродят по столице, пугая мирных обывателей, порядок с улиц исчез. Женщины вышли на улицы, негодуя на задержку с хлебом. Их поведение вроде бы понятно, но во время войны ситуация нормальная, если не учитывать, что микроб безумия от дезертиров перешел мирных жителей города. Еда была, но бесила медленность ее подачи. Возникает странное ощущение зомбированности толпы. Хатическое движение женских толп по городу напоминает *Безумную Грету* Брейгеля. И все же никто не помышляет ни о революции, ни о перевороте. А что делает царь? Ровным счетом *ничего*. Он боится. Этот страх был своего рода сумасшествием.

Царь был трусоват, на него давило воспоминание, своего рода ночной кошмар, воспоминание о 9 января, когда он допустил расстрел народа, шедшего к нему с хоругвями. С.Н. Булгаков писал об этом так:

Агония царского самодержавия продолжалась все царствование Николая II, которое все было сплошным самоубийством самодержавия. <...> Раньше могло казаться, что революцию сделали революционеры. <...> К несчастью, революция была совершена помимо всяких революционеров самим царем, который влекся неудержимой злой силой к самоубийству своего самодержавия. <...> Я ничего не мог и не хотел любить, как Царское самодержавие, Царя, как мистическую, священную Государственную власть, и я обречен был видеть, как эта теократия *не удалась* в русской истории (Булгаков 1996: 332).

Втравив Россию по просьбе Великобритании в войну с Германией, царь потерял власть и империю. Столыпин считал, что должен укреплять союз с Германией, ибо англичанам и французам после Крымской кампании он не доверял. Подставив Столыпина под пулю террориста, сняв охрану премьер-министра, ревновавший к его силе и популярности, царь после его гибели произвел ревизию петровского наследия, ставшую, по сути, отрицанием русской государственности, что выразилось, прежде всего, в смене опорных символов. Скажем, произошло

бездарное и безвкусное переименование Петербурга Петра и Пушкина в Шишковско-националистический Петроград (Степун 2000в: 5), –

как написал воевавший на германском фронте русский философ Федор Степун. Царь не только русифицировал имя города, но лишил город его святого (убрав “Санкт”!), т.е. сломал один из главных имперских символов. А символ всегда есть сгущенное воплощение реальности. И, конечно, гораздо проще возникнуть Ленинграду из Петрограда, нежели из Санкт-Петербурга. Далее шла подмена исторических сущностей. Ставши Петроградом, Санкт-Петербург по сути обратился в инвариант Москвы. То духовное напряжение в стране, которое вызывал подлинно европейский город, противостояние двух столиц, создававшее духовное поле в ранее монологической куль-

туре, сошло на нет. Гибель Петербурга стала гибелью русской европейской империи. А когда надо было спасти государство, оказалось, что ни воли, ни силы у царя нет.

В поэме *Россия* Максимилиан Волошин увидел в этом переименовании открытие пути бесам:

Санкт-Петербург был скроен исполином
 Размах столицы стал не по плечу
 Тому, кто стер блистательное имя.
 Как медиум, опорожнив сосуд
 Своей души, притягивает нежить, -
 И пляшет стол, и щелкает стена –
 Так хлынула вся бестолочь России
 В пустой сквозняк последнего царя.

1924

Неслучайно Россия в последние дни империи уже жила так, как будто никакого царя не было. Как замечал русский историк В. Булдаков, общество всегда охотно осуждает убийц, оплакивает их жертв, но суеверно шарахается от самоубийц. Поведение последних пугает куда больше, ибо за ним кроется генетически обусловленная суицидальность человека. Революцию можно рассматривать как массово-историческое проявление этой склонности. И первым самоубийство совершил царь, убив империю, то есть тем самым и себя, и свою семью, как показало дальнейшее течение событий. Винаваты оказались все. Вслед за царем самоубийство совершило общество и народ. Все мифы о революции, выделяющие палачей и жертв, призваны удовлетворить потребность в легких, успокаивающих истинах. Но истины эти отнюдь не безопасны, ибо делают людей беззащитными перед всяким очередной эпидемией социального умопомешательства и массового насилия.

Собственно легкость февральского (мартовского) удара по империи показала готовность императора стать жертвой. Как пишет французская исследовательница:

Февральская революция началась в Петрограде – так был переименован Санкт-Петербург в начале войны, чтобы изгнать немецкий привкус из его названия – и длилась шесть дней, которых хватило, чтобы уничтожить монархию (Д'Анкос 2002: 143).

У нас в стране от главы государства всегда зависит очень многое. Николай II не обладавший ни волей, ни инстинктом власти, стал лишней фигурой для правящей верхушки и для народа. И либералы, и генералы хотели всего лишь сменить царя. *Это казалось простым и истинным решением. Но такая смена верховного правителя во время тяжелой войны на самом деле была безумием и вела к катастрофе, которая и произошла как бы сама собой.*

Солженицын писал:

Революционеры были готовы к этой удивительной революции не намного больше правительства. Десятилетиями наши революционные партии готовили только революцию и революцию. Но, сильно раздробленные после неудач 1906 года, затем сбитые восстановлением российской жизни при Столыпине, затем взлётом патриотизма в 1914 году, – они к 1917 оказались ни в чём не готовы. <...>. В совершении революции ни одна из революционных партий не проявила себя <...> Так революция началась без революционеров (Солженицын 2016: 9-10).

И возникает важнейший вопрос. *Была ли вообще в феврале революция или царство просто само по себе распалось?* Ушла армия, как хотел Лев Толстой, развалились суды, государство. Кстати, К. Леонтьев в статье, где он говорит о приходе антихриста, поминает Толстого:

И старый безумец Лев Толстой продолжает безнаказанно и беспрепятственно проповедовать, что Бога нет, что всякое государство есть зло и, наконец, что пора прекратить существование самого рода человеческого (Леонтьев 2007: 445).

Церковь тоже словно наслушалась толстовских проповедей, перестала окормлять самодержца:

Скажем, в марте 1917 г. русская православная церковь практически *in corpore* отступилась от своего формального главы – императора Николая II, но об этом сегодня не вспоминают. В наше время РПЦ канонизировала его в качестве страстотерпца, как результат, возникло представление, что самодержавие и православие жили душа в душу (Буддаков 2013: 61).

Политики были в полной растерянности, либералы срочно создали Временное правительство, у которого даже малейших планов не было на дальнейшее движение страны. Были благие намерения, но ими, как известно, вымощена дорога в ад. Антихрист пока мелькал на заднем плане. Ленина еще никто всерьез не принимал, поскольку та степень нечеловеческой жестокости, которую он ввел как норму политической жизни, еще не наступила.

Как замечал Чаадаев, живописность для описания нашей истории чрезвычайно важна. Эта живописность в высшей степени была свойственна Розанову. Приведу его знаменитые слова:

Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. <...> Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. <...> Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса (Розанов 2000: 6-7).

Что же произошло после распада государства?

Стоит напомнить описание Гоббсом догосударственного состояния:

Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно войной всех против всех. Ибо *война* есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения (Гоббс 1991: 95).

Иными словами, общественное состояние, когда жизнь человека в опасности, есть первый признак естественного состояния. Гоббс точно описывает то, что переживала Россия. Все, что характерно для времени войны, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую им дают их собственная физическая сила и изобретательность. Действительно, после невероятного экономического взрыва, когда Александр Блок увидел в России новую Америку, шайки бродяг, бездельников, дезертиров с оружием могли вызвать только ужас. Как вспоминал великий социолог Питирим Сорокин:

Обычный порядок жизни сломан. Магазины и учреждения закрыты. В университете вместо лекций идут политические митинги. На пороге моей страны стоит Революция. ...Полиция пребывает в бездействии и нерешительности. Даже казаки отказываются разгонять толпу. Это означает, что правительство беспомощно и его аппарат сломлен. Бунтовщики начали убивать полицейских. ...Конец близок... или это только начало? (Сорокин 1992: 72).

Но если это было и начало, то начало возврата к прошлому, к дикости.

Созданный композитором А. Гречаниновым на слова К.Бальмонта в начале марта новый Государственный гимн, невольно показал, что это не гимн государства, а гимн пугачевской вольницы:

Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!
Могучая держава, безбрежный океан!
Борцам за волю слава, развеявшим туман!
Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!

Поэту в этом виделась какая-то высшая правда. Стихия считает, что несет в себе истину мира, но она – стихия, т.е. находится вне разума. Поразительно точна реакция Бунина:

“Революция – стихия...”. Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются (Бунин 1990: 108).

А вот описание наблюдателя этого перехода безумия войны в безумие революции. Когда случается вдруг революция,

начинается реализация всех несбыточностей жизни, отречение от реальностей, погоня за химерами. Все начинают жить ультрафиолетовыми лучами своего жизненного спектра. Мечты о прекрасной даме разрушают семьи, прекрасные дамы оказываются проститутками, проститутки становятся уездными комиссаршами. Передоновы переходят из средне учебных заведений в чеку. Садистические “щипки и единицы” превращаются в террористические акты. Разворачивается *страшный революционный маскарад*. Журналисты становятся красными генералами, поэтессы – военкорами, священники – конферансье в революционных кабаке (Степун 2000а: 394).

2. Отречение как предательство

Историческое вырождение монархической системы правления, выразившееся в *бессилии* императора остановить народное возмущение, в *отречении* в самый критический для России момент правящей династии от трона, что лишило страну во время войны единственной – легитимной – на тот период власти и основы государства. Это отречение было равно предательству страны. Трудно не согласиться с Солженицыным:

Всякий народ вправе ожидать от своего правительства *силы* – а иначе зачем и правительство? (Солженицын 2016: 18).

Надо при этом понять, что самого царя предала политическая верхушка и, что было для него страшнее, от него потребовала отречение верхушка армии. Все боевые генералы.

Гоббс, переживший страшные революционные потрясения, писал:

Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется *государством*, по-латыни – *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владичеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой. <...> В этом человеке или собрании лиц состоит сущность государства, которая нуждается в следующем определении: государство *есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты* (курсив мой. – В.К.) (Гоббс 1991: 133).

Но беда была в том, что возникла идея отказа от всякого прошлого. Шло заискивание *всех* пришедших в феврале к власти *партий перед народом*. Это привело, во-первых, к развалу армии (издан приказ № 1 о возможности смещать и назначать командиров выборным путем, что неминуемо вело к распаду армии). Во-вторых, постоянные призывы отбирать у помещиков землю, не дожидаясь правовых решений, т.е. методами насилия, что лишало народ всякого уважения к закону. В-третьих, упразднение органов правопорядка (уже в марте была распущена полиция, что должно было символизировать победу над “царскими сатрапами и насильниками”, а на деле означало разрешение на грабежи и разбой всем темным элементам).

Были громкие поэтические и политические слова, произнесенные без понимания исторического ужаса исторической ситуации. 17 апреля 1917 г. в *Поэтохронике революции* Маяковский писал:

На крыльях флагов
стоглавой лавою
из горла города ввысь взлетела.
Штыков зубами вгрызлась в двуглавое
орла императорского черное тело.

Очень точен анализ этих дней у американского историка:

Ничто лучше не иллюстрирует отстраненность правительства от реальности, чем решение царя в этот напряженнейший и сложнейший момент отправиться в Могилев. Он намеревался провести там неделю для совещаний с генералом Алексеевым, только что возвратившимся в Ставку после лечения в Крыму. У Протопопова это решение не вызвало никаких сомнений. Вечером 21 февраля он уверял государя, что беспокоиться не о чем и он может ехать со спокойным сердцем в уверенности, что тыл в надежных руках. К вечеру следующего дня царь уехал. А две недели спустя он уже вернулся как частное лицо – “Николай Романов”, и под конвоем (Пайпс 1994: 306).

Царский поезд покинул волновавшийся Петроград. К этому надо добавить характеристику последнего министра внутренних дел, успокаивавшего царя, что все в порядке, – А.Д. Протопопова как “рокового человека”, данную Александром Блоком, который писал:

Личность и деятельность Протопопова сыграли решающую роль в деле ускорения разрушения царской власти (Блок 2005: 20).

Никто не хотел свержения царской власти. Все просто хотели нового царя. Но неповоротливость начальственных мозгов, которым не приходило соображение, что во время страшной большой войны главнокомандующего, тем более императора не

меняют: это путь к поражению. Коней на переправе не перепрягают – формула старая. Царь предал государство, армия предала самодержца. Морис Палеолог писал:

Решительная роль, которую присвоила себе армия в настоящей фазе революции, только что на моих глазах нашла подтверждение в зрелище трех полков, продефилировавших перед посольством по дороге в Таврический дворец. Они идут в полном порядке, с оркестром впереди. Во главе их несколько офицеров, с широкой красной кокардой на фуражке, с бантом из красных лент на плече, с красными нашивками на рукавах. Старое полковое знамя, покрытое иконами, окружено красными знаменами. <...> И все, офицеры и солдаты, заявляли о своей преданности новой власти, которой они даже названия не знают, как будто они торопились устремиться к новому рабству. Во время сообщения об этом позорном эпизоде я думаю о честных швейцарцах, которые были перебиты на ступенях Тюильрийского дворца 10 августа 1792 г. Между тем, Людовик XVI не был их национальным государем, и, приветствуя его, они не называли его “царь-батюшка” (Палеолог 1991: 353-354).

Армия, в которой пропала идея воинского долга и дисциплины, становится неуправляемой хаотической массой. Масса не имеет представления о ценности отдельного человека. Как писал великий русский ученый А.Л. Чижевский:

Массы и толпы могут ликовать при виде самых ужасных насилий, зверств, убийств. Ими изобретаются мучительнейшие казни. Безумие воплощается в жизнь (Чижевский 1924: 40).

Я бы сказал, в России наступало всеобщее безумие. Но необходим был безумный лидер. Он появится чуть позже.

3. *Отказ от прошлого – от истории и культуры*

Царь был в растерянности. Можно ли хоть на минуту вообразить Петра Великого, который прислушивался бы к трусливым нашептываниям бояр и верил страхам своих генералов! Он нашел бы на них управу, и это очевидно. А здесь семьянин оказался сильнее государя. Под давлением Думы и генералов, он полагал, что, отрекаясь, спасает семью. Отрекаясь в пользу сына, царевича Алексея, в последний момент он испугался за больного сына и отрекся в пользу младшего брата Михаила. В результате погибла не только империя, но и семья царя. Как не раз отмечали историки, было три бредовых пункта в этой передаче власти, поддержанной ошалевшей от вседозволенности либеральной Думой.

1. Не был спрошен Михаил, хочет ли он принять на себя тяжесть царства. Ему Николай отдал трон и царские атрибуты, как мальчишка в песочнице, наигравшись, передает лопатку, совочек и формочки приятелю. А Михаил и вправду не хотел.

2. Император не имел государственного права на отречение в час великой военной опасности для страны. Как его предали генералы и думские депутаты, так он предал Россию. Генералы спохватились, началось белое движение, но было поздно, предательство уже состоялось.
3. И, наконец, как верующий христианин, а мемуары об этом свидетельствуют, он должен был понимать, что помазанник Божий может уйти с поста только в результате смерти.

Я уже упоминал о склонности к суициду людей в моменты массовых волнений. Безумие масс оказалось страшнее безумия тех сумасшедших творцов, о которых писал Чезаре Ломброзо, поскольку безумие масс лишено творческого начала, оно несет только разрушительное начало. Увы, матрица человеческого развития держит основу людского бытия, меняя только внешнюю форму. У древних греков была одна из самых коварных и жестоких богинь, богиня Ата – дочь Зевса и богини раздора Эриды, богиня обмана, заблуждения, ослепления и помрачения ума.

И первое, что происходит, самое страшное для страны – развал армии. Еще не произошло отречение царя, но его враги (не болтливые думцы, создававшие атмосферу психоза, а левые радикалы, которых никто не принимал всерьез) уже составили 1 марта и опубликовали *приказ № 1*, позволявший рядовым расправляться с офицерами, в результате армия практически перестала существовать. Был наскоро организован радикалами *Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов*, не подчинявшийся ни царю, ни Думе.

Иосиф Гольденберг, член Совета рабочих и солдатских депутатов и редактор “Новой Жизни” говорил французскому писателю Claude Anet: “Приказ № 1 – не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы “сделали революцию”, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили – я смело утверждаю это – надлежащее средство (Деникин 1921: 66).

Историк Русского Зарубежья Г.М. Катков писал:

Приказ так и не поставили на голосование, и Исполнительный Комитет как таковой ничего о нем не знал, пока его не опубликовали, хотя этот Документ и появился за коллективной подписью. <...> Ни Соколов, ни солдаты не могли бы удержаться от неумеренности, типичной для революционного опьянения тех первых дней. Напечатанный же документ сух и сдержан, четкостью стиля напоминает Ленина (Катков 2006: 392-394).

На что был расчет? Скорее всего, на то, что молодежь, новое поколение готово принять любую неожиданную новацию, которая ведет к перевороту существующего порядка мира.

Знаменитая прокламация “Молодой России”, составленная радикалами 60-х годов XIX века, призывала к истреблению дома Романовых и всех высших сановников. Но Ленин – беспощадный враг императора (с момента казни старшего брата) – объявил царю дуэль без правил, повторяя идеи “Молодой России”. Вот несколько его высказываний:

“Полоумному Николаю II отрубить голову!”; “... надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых” (8 декабря 1911 г.); “в других странах... нет таких полоумных, как Николай” (14 мая 1917 г.); “слабоумный Николай Романов” (22 мая 1917 г.); “идиот Романов” (12 марта, 13 и 29 апреля 1918 г.); “изверг-идиот Романов” (22 мая 1918 г.) (Ленин 1967-1981, XXI: 85; XXXII: 215; XXXVI: 269, 362) и т.д., и т.п.

Как вспоминал русский мыслитель Федор Степун, современник происходившего:

Вглядываясь в революции 20-го века, нельзя не видеть, что свойственный им дух утопического активизма связан с молодостью их вождей. Требование русских бунтарей – Бакунина, Нечаева и Ткачева – “долой стариков” бесспорно сыграло в новейшей истории весьма значительную роль. Для большевистского бунта, как и для фашистских переворотов в Италии и Германии характерна, впрочем, не только та роль, которую в них играла молодежь, но и сознание этой молодежи своей революционной роли в истории. Причин, объясняющих этот факт, много и большинство из них налицо. <...> Чувством здешней бессмертности и объясняется прежде всего революционный титанизм молодости, ее жажда власти и славы, ее твердая вера в возможность словом и делом, огнем и мечом изменить мир к лучшему – одним словом всё то, что характерно для вождей, диктаторов, героев-революционеров, чувствующих себя не смертными человеками, а бессмертными полубогами (Степун 2000б: 292-293).

Поэт-футурист Хлебников так выразил свое понимание движение мироздания в тексте *Октябрь на Неве*:

Первая заглавная буква новых дней свободы так часто пишется чернилами смерти (Хлебников 2004, V: 186).

Разумеется, сам поэт не причастен к творившемуся тогда злу. Он просто выразил господствовавшее во взбаламученной стране умонастроение. А оно было вполне антиисторическим и антихристианским. Для сравнения: Христос слышал неслышимый другими голос своего Отца и повиновался ему. Хлебников задает себе и своим словам уровень *абсолютного нигилизма* по отношению к культуре:

Мы верим в себя, – пишет он в “Трубе марсиан” (1916), – с негодованием отталкиваем порочный шепот людей прошлого, мечтающих уклонить нас в пядь. Ведь мы босы. <...> Но мы прекрасны в неуклонной измене своему прошлому (разрядка В. Хлебникова. – В.К.) (Хлебников 2004, VI/1: 246).

Здесь очевидна внутренняя рифмовка с “ахиллесовой пятой” (“уклонить в пядь”), иными словами, будетляне выглядят почти гомеровскими героями. И далее он восклицает:

Старшие! Вы задерживаете бег человечества и мешаете клокочущему паровозу юности взять лежащую на ее пути гору. Мы сорвали печати и убедились, что груз – могильные плиты для юности (Хлебников 2004, VI/1: 251).

Можно сказать, что в этих словах звучит неплохо усвоенный Ницше, провозгласивший в своем *Заратустре* приход человека будущего – сверхчеловека. Но, как и многие другие последователи немецкого мыслителя, русский поэт задается *практическим* вопросом, пытается понять,

как освободиться от засилья людей прошлого (Хлебников 2004, VI/1: 251).

На этот вопрос с успехом ответили и большевики, и нацисты. Конечно, это абсолютно революционный, а не эволюционно-творческий путь.

А что же происходило в искусстве в этот момент? Была замечательная формула в первом манифесте футуристов, “будетлян”, – “бросить Пушкина, Толстого, Достоевского с парохода современности”. Не сбросить, а именно бросить. Как хлам, как ненужную вещь. Манифест назывался *Пощечина общественному вкусу*.

Питирим Сорокин видит у новых революционеров, лидеров толпы, не только вражду к буржуазии и самодержавию, но ненависть к старым революционерам, которые пролагали путь безумцам, считавшими себя обладателями истины, последнего слова науки, а потому готовыми на любое преступление.

Думали ли вы когда-нибудь о себе как о реакционном контрреволюционере? – спросил я Плеханова.

– Если эти маньяки – революционеры, то я горжусь, что меня называют реакционером, – ответил основатель партии социал-демократов.

– Берегитесь, господин Плеханов, – сказал я, – в конце концов вас арестуют, как только эти люди, ваши же ученики, станут диктаторами.

– Эти люди стали даже большими реакционерами, чем царское правительство, так что чего еще мне ждать, кроме ареста? – с горечью ответил он (Сорокин 1992: 91).

Победила однако языческая и нигилистическая “карамазовщина”. Большевики *вполне по-карамазовски* строили свою деятельность на отрицании, на уничтожении

“отцов”, звавших к цивилизации страны. Скажем, был отвергнут Лениным еще в начале века даже “отец русского марксизма” Г.В. Плеханов, по воспоминаниям всех очевидцев подлинный “русский европеец”. А после победы Октябрьской революции Плеханов был подвергнут таким унижениям, которые оказались равнозначны убийству. 21 мая 1918 г. Зинаида Гиппиус заносит в свой дневник:

... Умер Плеханов. Его съела родина... Он умирал в Финляндии. Звал друзей, чтобы проститься, но их большевики не пропустили. После Октября, когда “революционные” банды 15 раз (sic!) вламывались к нему, обыскивали, стаскивали с постели, издеваясь и гаумясь, – после этого ужаса, внешнего и внутреннего, – он уже не поднимал головы с подушки. У него тогда же пошла кровь горлом, его увезли в больницу, потом в Финляндию... Его убили те, кому он, в меру силы, служил сорок лет (Гиппиус 1991: 230-231).

Священное Писание ясно и определенно различает состояние отсутствия (или ослабления) разума как болезнь и безумие, как слепое и безрассудное отрицание Бога.

Сказал безумец в сердце своем: “нет Бога”. Развратились они и совершили гнусные преступления; нет делающего добро. Бог с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделали равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного. Неужели не вразумятся делающие беззаконие, съедающие народ мой, как едят хлеб, и не призывающие Бога? (Пс. 52, 2-5).

Что можно противопоставить этому безумию? Лекарству этому по меньшей мере две тысячи лет. Вспомним слова апостола Павла:

Мудрость мира сего есть безумие пред Богом, как написано: уловляет мудрых в лукавстве их (1 Кор. 3, 19).

Иными словами, революционеры, делавшие революцию, заставлявшие отречься царя, разваливавшие армию и государство полагали, что они строят “мир сей”, но такое строительство есть безумие перед Богом. Спокойно констатирует Степун:

Как безвыходна была бы история человечества, если бы она почти 2000 лет тому назад не осветилась бы светом христианства. <...> Чтобы не соблазниться всемогуществом зла, надо лишь понять, что истина побеждает и там, где отрицающая ее ложь, пытаясь на свой лад строить нашу жизнь, изо дня в день только разрушает ее (Степун 2000а: 292-293).

Самое главное: отречение от прошлого – есть отречение от христианства. Это прозвучало даже в стихах великого поэта Блока:

А вон и долгополый
Сторонкой за сугроб

“Клячу истории загоним!” – писал Маяковский. Пришла война, в искусстве возник модерн, который, по выражению Маяковского писал войной. Потом постмодерн, но к нормальному христианскому разуму так и не вернулись. “Можно не писать о войне, но *надо* писать *войною!*”, – утверждал Маяковский в 1914 в статье *Штатская шрапнель*. Это безумие, которое уже не знало границ.

В сомнамбулическом бреде массы совершают губительные для себя и страны поступки. Потом появляется реальный безумец, который ведет всех к безумной цели, навевая им “сон золотой”. С легкой руки Горького в пьесе *На дне* (1902) устами актера процитировавшего стих Беранже, эти строчки в каком-то смысле определили умственное состояние эпохи.

Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет –
Честь безумцу, который навевет
Человечеству сон золотой!

К правде святой дороги не нашли, но появился безумец, который навевал сон золотой, назвав его научной истиной по Марксу. Наука ведь истина мира сего. И толпа пошла за ним. Ленин полагал, что учение Маркса всеильно, а потому открывает человечеству путь к счастью и правде святой:

Учение Маркса всеильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание (*Три источника и три составных части марксизма*, см. Ленин 1967-1981, XXIII: 143).

В гениальной книге Густава Лебона *Психология народов и масс* сказано, что для убеждения вожаками толпы необходимо, чтобы какое-нибудь утверждение повторялось не раз, тогда

образуется то, что называется течением и на сцену выступает могущественный фактор – зараза. В толпе идеи, чувства, эмоции, верования – все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы. <...> Умственные расстройства, например безумие, также обладают заразительностью (Лебон 2016: 184).

В последних сценах романа Достоевского *Преступление и наказание* Раскольников посещает видение, что в людей вселялись мельчайшие существа – трихины, превращавшие людей в безумцев, абсолютно уверенных в своей правоте. Это безумие заставляло людей убивать друг друга, чтобы доказать свою правоту. Ленин не был ученым, каким, безусловно, являлся Маркс, но сила его убедительности была феноменальна. Он не уставал повторять, что учение Маркса всеильно, потому что верно. Он твердил, что с победой марксизма мир переходит по ту сторону необходимости. А потом наступит царство свободы, когда времени не будет. Это утверждение повто-

рялось им неоднократно и стало убедительным как формула. Но время есть, и пока есть Бог, история длится. Очевидно, прав Василий Розанов:

Евангелие бессрочно. А все другое срочно – вот в чем дело (Розанов 1990: 611).

Но бред о конце истории был, и имя Маркса наполнилось невиданными энергиями. Социалистическое дело – разумно, считает Степун, а здесь, в России, произошло противное разуму:

Вся острота революционного безумия связана с тем, что в революционные эпохи сходит с ума сам разум (выделено мной – В.К.) (Степун 2000а: 386).

4. *Главный безумец или конец иллюзий*

“Мы не сделали скандала, / нам вождя не доставало, / настоящих буйных мало, / вот и нету вожаков”, – слова Высоцкого из песни надо бы выбить на плите, посвященной Октябрю. Массы безумны, и ждут вождя из буйных сумасшедших. Еще раз только подчеркну, что безумцы считают себя здоровыми, только со стороны можно их угадать.

Первым увидел в Ленине “прирожденного преступника”, который не остановится ни перед чем и выполнит все затаенные желания массы, великий русский писатель Иван Бунин. Он писал:

Это Ленины задушили в России малейшее свободное дыхание, они увеличили число русских трупов в *сотни тысяч* раз, они превратили лужи крови в моря крови, а богатейшую в мире страну народа пусть темного, зыбкого, но все же великого, давшего на всех поприщах истинных гениев не меньше Англии (Бунин 1997: 69-70).

Степун замечал о Ленине:

Как природный вождь он инстинктивно понимал, что вождь в революции может быть только ведомым, и, будучи человеком громадной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов. В отличие от других деятелей революции, он сразу же овладел ее верховным догматом – догматом о тождестве разрушения и созидания и сразу же постиг, что важнее сегодня, кое-как, наконец, исполнить требование революционной толпы, чем отложить дело на завтра, хотя бы в целях наиболее правильного разрешения вопроса (Степун 2000а: 342).

Замечу, что о жестокости Ленина поначалу (до создания советского мифа для детей о добром дедушке Ленине) говорили его соратники, не только не стесняясь, но одобрительно. Скажем, Троцкий вспоминал о реакции Ленина на отмену смертной казни солдат-дезертиров:

Вздор, – повторял он. – Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить? (Троцкий 1990: 213).

Рождался страшный мир, и рождался он страшно. Чтобы достигнуть огромной власти, писал Бунин, нужна

великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колено ходить в крови. Главное же надо лишить толпу “опиума религии”, дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот “планетарный” скот другое – дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди дня спорят, благодетель он человечества или нет? (Бунин 1997: 132).

Поразительно, что безумным его называл сначала лишь Плеханов в связи с так называемыми *апрельскими тезисами*, текст которых он увидел как парафраз чеховской *Палаты №6* о сумасшедшем доме. Действительно перевод мировой войны в гражданскую, о которой мечтал и осуществил главный большевик, – это почти вагнеровское упоение реками крови, которые должны пролиться. Сам Ленин, по воспоминаниям сестры, прочитав повесть Чехова, почувствовал себя запертым в этой палате, выскочил на улицу и бежал по улицам. Продолжая игру с той темой, можно вообразить безумного доктора, вырвавшегося из палаты № 6 и всю Россию поместивший в эту палату, где сторож Никита жестоко избивал больных.

Как оценивал Ленина Морис Палеолог:

Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый, Ленин отдает на службу своим мессианистическим мечтам смелую и холодную волю, неумолимую логику, необыкновенную силу убеждения и умение повелевать (Палеолог 1991: 431-432).

Наблюдательный француз продолжает:

В скором времени Керенский будет неограниченным властелином России... в ожидании Ленина (Палеолог 1991: 466).

И Ленин пришел.

И народ в нем увидел искомого буйного, который свое безумие укладывал в разумные слова, ибо смысл ленинских речей

заклучался не в программе построения новой жизни, а в пафосе разрушения старой. <...> Этою открытостью души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс. <...> В июне 1917-го года мало кому было ясно, насколько легче революции входят в логику своего безумия, чем в разум своей истины (Степун 2000а: 383-385).

Просто безумие выступало под маской разума – с уверенностью безумия. Как не раз отмечалось в психиатрической литературе, безумцы считают себя вполне здоровыми. Более того, они вполне ориентированы на публику, к которой они обращаются, причем обращаются голосом повелителя. Но в чем сила безумия? Об этом жестко и точно сказал старый мудрец Лев Толстой, сам безумный в своей анархистской программе, но к концу жизни избавившийся от многих своих иллюзий, от своего сумасшествия. В своем дневнике от 27 июня 1910 году Лев Толстой записал, что сумасшедшие всегда лучше, чем здоровые, достигают своих целей. Происходит это оттого, что для них нет никаких нравственных преград, ни стыда, ни справедливости, ни даже страха.

Я бы добавил, что самое ужасное, что *они уверены в справедливости своих слов и действий*, поэтому не имеют преград.

Если Христос обращался к каждому, говоря, что в доме Отца Его всем есть место для жизни вечной, то Ленин требовал

считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист, член маленькой группы, не руководивший еще массами; тут надо считать миллионами и десятками миллионов (*Детская болезнь левизны в коммунизме*, см. Ленин 1967-1981, ХLI: 79).

И жалеть единиц невысказано при такой установке. Иными словами, он в принципе уничтожал шанс на жизнь у каждого, не жалея никого, особенно тех, кто хорошо ли, плохо ли проповедовал слово Христа. Перечислять все ленинские грубости, вроде того, что “боженька” – это “*труположество*”, приказы о расстрелах священников не буду. Слишком много заняло бы это места. Но не могу не привести его секретное письмо Политбюро от 19 марта 1922 года, оно очень впечатляюще:

Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. <...> На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церковей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше (РЦХИДНИ, Ф. 2. Оп. 1, Д. 22947, “Известия ЦК КПСС”, 1990, 4, с. 190-193).

И далее бывший юрист предлагает *узаконить террор*:

...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас (Ленин 1967-1981, XLV: 190).

Впрочем, история хитра и мудра. Труположество все же случилось. Мертвое тело самого Ленина уложили в специально построенный мавзолей, где его труп наполнялся демоническими энергиями, окормляя ими народ и страну. В заключение стоит вернуться к судьбе императора.

Была дуэль Ленина и царя. Ленин царя убил. Рассказ Троцкого:

В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

– Да, а где царь?

– Конечно, – ответил он, – расстрелян.

– А семья где?

– И семья с ним.

– Все? – спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

– Все! – ответил Свердлов, – а что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

– А кто решал? – спросил я.

– Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях (Троцкий 1994: 118).

И императора, и его семью убили по-бандитски, по-пугачевски, в подвале, словно в подворотне зарезали. Трудно удержаться, чтобы не сослаться на понимание природы революции Гоббсом, заметившим, что когда люди позволяют

некоторым из своих сограждан, которые, не предоставляя других чудес в подтверждение своего призвания, кроме иногда необычайного успеха и безнаказанности, могут клеветой на правительство вовлечь христианских подданных в мятеж, этим путем разрушить все законы божеские и человеческие и, опрокинув всякий порядок и правительство, ввергнуть общество в первоначальный хаос насилия и гражданской войны (Гоббс 1991: 335-336).

Так и случилось в России, а далее потребовалось по меньшей мере столетие, чтобы выйти из хаоса безумия и вернуться в историю.

Литература

- Арендт 2011: Х. Арендт, *О революции*, Европа, М. 2011.
- Блок 2005: А. Блок, *Последние дни императорской власти*, Захаров, М. 2005.
- Бунин 1990: И.А. Бунин, *Окаянные дни*, Советский писатель, М. 1990.
- Бунин 1997: И.А. Бунин, *Великий дурман*, "Совершенно секретно", М. 1997.
- Булгаков 1996: С.Н. Булгаков, *Тихие думы*, Республика, М. 1996.
- Булдаков 2013: В.П. Булдаков, *Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения*, "Вопросы философии", 2013, 8, с. 54-65.
- Гиппиус 1991: З.Н. Гиппиус, *Современная запись. 1914-1919 гг.*, в: Д. Мережковский, *Больная Россия*. Изд-во Ленингр. ун-та, Л. 1991, с. 207-237.
- Гоббс 1991: Т. Гоббс, *Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского*, в: Он же, *Сочинения в 2-х т.*, II, Мысль, М. 1991, с. 3-546.
- Д'Анкос 2002: Э.К. Д'Анкос, *Ленин*, РОССПЭН, М. 2002.
- Деникин 1921: А.И. Деникин, *Очерки русской смуты*, I, Paris 1921.
- Катков 2006: Г. Катков, *Февральская революция*, Центрполиграф, М. 2006.
- Лебон 2016: Г. Лебон, *Психология народов и масс*, Академический проект, М. 2016.
- Ленин 1967-1981: В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, I-LV, Издательство политической литературы, М. 1967-1981¹.
- Леонтьев 2007: К.Н. Леонтьев, *Над могилой Пазухина*, в: Он же, *Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах*, VIII/1, Владимир Даль, СПб. 2007, с. 444-459.
- Ливен 2007: Д. Ливен, *Российская империя и ее враги*, Европа, М. 2007.
- Ницше 1990: Ф. Ницше, *Так говорил Заратустра*, в: Он же, *Сочинения в 2-х томах*, II, Мысль, М. 1990, с. 5-237.
- Розанов 1990: В.В. Розанов, *Отавшие листья. Короб второй*, в: Он же, *Сочинения в 2 томах*, II, Правда, М. 1990, с. 421-629.
- Розанов 2000: В.В. Розанов, *Апокалипсис нашего времени*, Республика, М. 2000.
- Пайпс 1994: Р. Пайпс, *Русская революция*, I, РОССПЭН, М. 1994.
- Палеолог 1991: М. Палеолог, *Царская Россия накануне революции*, Политиздат, М. 1991.
- Солженицын 2016: А.И. Солженицын, *Размышления над февральской революцией. Черты двух революций*, Колибри, М. 2016.
- Сорокин 1992: П.А. Сорокин, *Дальняя дорога. Автобиография*. Московский Рабочий-ТЕРРА, М. 1992.

- Степун 2000а: Ф.А. Степун, *Сочинения*, РОССПЭН, М. 2000.
- Степун 2000б: Ф.А. Степун, *Бывшее и несбывшееся*, Алетейя, СПб. 2000.
- Степун 2000в: Ф.А. Степун, *Из писем прапорщика-артиллериста*, Водолей, Томск 2000.
- Троцкий 1990: Л.Д. Троцкий, *К истории русской революции*, Политиздат, М. 1990.
- Троцкий 1991: Л.Д. Троцкий, *Моя жизнь. Опыт автобиографии*, Восточно-Сибирское книжное издательство, Иркутск 1991.
- Троцкий 1994: Л.Д. Троцкий, *Дневники и письма*, Изд-во гуманитарной литературы, М. 1994.
- Хлебников 2004: В. Хлебников, *Собрание сочинений*, I-VI, ИМЛИ РАН, М. 2004.
- Чижевский 1924: А.Л. Чижевский, *Физические факторы исторического процесса*, Калуга-Марс, Калуга 1924.

Abstract

Vladimir Kantor

Revolution, or Madness in the Guise of Truth

In his article, Vladimir Kantor examines the mental causes of the Russian revolution of 1917. He analyses, as a matter of fact, the pan-European problem – the darkening of the Christian mind, and how, during social upheavals, elements that despise the mind awake and universal madness is born. The author shows how suicidal moods awake in the masses, leading to social disasters. In such epochs, historical experience is forgotten, and, like zombies, the crowd follows its leaders to the abyss, like in the paintings of Brueghel created on the eve of the Netherlands revolution: *Mad Greta*, *Triumph of Death* or *Parable of the Blind*. So it happened in Russia, and then it took at least a century to get out of the chaos of insanity and return to history.

Keywords

Russian Revolution; Europe; Society; Literature.

RECENSIONI

K. Stantchev, M. Calusio (a cura di), *San Clemente di Ocrida: allievo e maestro. Nell'undicesimo centenario del beato transito (912-2016)*, Biblioteca Ambrosiana-Bulzoni editore, Roma 2017 (= Slavica Ambrosiana, 7), pp. XV-240.

Sono poche le pubblicazioni in italiano che si possano raccomandare per una buona informazione scientifica e di divulgazione accademica sugli “inizi della civiltà scrittoria slava”, sulla più antica fase della letteratura antico-bulgara e su una personalità di grandissimo rilievo quale fu Clemente, discepolo di Cirillo e Metodio. Questa raccolta di studi, opera di alcuni dei migliori specialisti del settore, ci offre un quadro molto vario, ma aggiornato e sostanzialmente completo dell'attività intellettuale e letteraria di Clemente. Clemente non fu solo il discepolo forse più dotato e fortunato degli “apostoli degli Slavi” Costantino-Cirillo e Metodio, ma divenne egli stesso maestro, dando un contributo fondamentale allo sviluppo della creatività poetica e letteraria della lingua che era stata ‘codificata’ dai maestri Cirillo e Metodio e che divenne poi componente basilare della civiltà letteraria di molti popoli, come scrive K. Stantchev.

Il *corpus* degli scritti di Clemente ci è giunto in centinaia di manoscritti, per lo più di redazione slava orientale relativamente tarda, in compilazioni di genere diverso: in Bulgaria, tali scritti solo in parte mantennero la funzionalità liturgica (in particolare gli inni), in altri casi (gli encomi e le opere omiletiche e didattiche) si dispersero in varie collezioni di testi, come i *Sinassari*, i *Menologi* o i *Toržestvenniki* russi, solo in certi casi giungendo fino ai tardi *damaskin* bulgari. Nonostante la frammentarietà della tradizione manoscritta – continua V. Velinova –, riusciamo a ricostruire e percepire l'unità organica dell'opera di Clemente in cui i modelli retorici bizantini sono stati elaborati in capolavori di innografia celebrativa o in omelie didattiche ed esegetiche adatte alle funzioni pastorali nelle varie occasioni del calendario liturgico e della vita ecclesiastica. L'analisi linguistica di A.-M. Totomanova, d'altra parte, dimostra che, nonostante la tradizione manoscritta così lontana (sia geograficamente sia a volte cronologicamente), è possibile ricostruire le forme verbali della fase più antica del veterobulgaro: le omelie di Clemente, semplici e chiare perché rivolte ad un pubblico appena convertito, sono formate per un terzo del lessico da verbi, il che ha facilitato il raggiungimento di importanti risultati di ricerca nel campo della linguistica e della retorica. Le specificità della poetica di Clemente come innografo e come omileta e predicatore permettono di enucleare le peculiarità stilistiche della sua lingua e della sua arte retorica: secondo C. Diddi, è possibile distinguere, all'interno di testi che seguono abbastanza precisamente certi modelli bizantini, l'originalità di alcuni “termini-chiave” che conferiscono “un'aura semantica” particolare a tutto il testo, e l'espressività di fraseologie (esse si distinguono dai *topoi*) che “entro certi limiti può essere

ricondata a scelte stilistiche particolari”: tratti di “uno stile che potremmo definire ‘d’autore’, e poi ‘di scuola’, e che poi dovranno essere studiati nella loro specificità”. M. Živova analizza in particolare il *Sermone* che Clemente di Ocrida ha scritto in onore di Clemente di Roma e rileva la congruenza delle variazioni stilistiche e di certi segmenti compositivi con la sezione narrativa o encomiastica e il suo contenuto. La studiosa indica altresì alcuni interessanti paralleli con la tradizione bizantina. Il ruolo fondamentale della Bibbia nella creazione degli elogi e delle omelie (l’innografia non è qui presa in considerazione) viene illustrato con la consueta erudizione e vivacità da A. Naumow, che rileva opportunamente la presenza di motivi di solito considerati apocrifi ma allora accettati come canonici perché provenienti dalle opere dei padri della Chiesa. All’innografia dedica invece il suo articolo A.A. Turilov, che ripercorre il quarantennale lavoro di ricostruzione del *corpus* di inni sacri scritti da Clemente, rilevandone l’importanza anche per la successiva tradizione slava ortodossa dei secoli XIII-XV. Di carattere più specificamente filologico è il contributo di S.Ju. Temčin (Sergejus Temčinas) che avanza dubbi sulla possibilità di attribuire a Clemente alcuni inni sulla base degli acrostici “iperbrevi” (ovvero costituiti di due sole lettere), mentre postula la possibilità di distinguere la cronologia di composizione degli inni autentici di Clemente sulla base di altre forme di acrostico e della partecipazione o meno dei tropari alla Madre di Dio nella formazione dell’acrostico stesso. Altri contributi sono dedicati alla tradizione di lingua greca, alla storia delle rappresentazioni figurali del santo e alla storia dell’arcidiocesi di Ocrida. Analizzando le *Vite* e il *corpus* innografico scritto in greco S. Barlieva ricostruisce il percorso culturale e il significato ideologico della memoria letteraria e storica riferita a Clemente in otto secoli di storia. A. Džurova elenca un numero imponente di affreschi e icone che vanno dal culto iniziale in cui Clemente appare da solo, all’inclusione nel ‘ciclo’ dei Santi Sette (Cirillo, Metodio, Gorazd, Clemente, Naum, Angeliario e Sava), fino ai secoli più recenti in cui il santo assunse anche funzione ‘patriottica’. L’articolo è ricco di informazioni, peccato che manchi un po’ di spessore interpretativo. A. Delikari presenta le varie fasi della storia della istituzione ecclesiastica di Ocrida, sostanzialmente fedele alla tradizione bizantina, con le incerte fasi di lotta contro o di forme di collaborazione con i nemici.

Quasi tutti gli autori sono stranieri e la diversità nelle traduzioni suscita a volte qualche perplessità nel lettore italiano. Il fenomeno è fisiologico, ma è interessante rilevare che ci sono molte incertezze nella terminologia italiana per rendere termini specifici di titoli o concetti della tradizione slava ortodossa. Ciò risulta più evidente ad esempio nell’articolo di V. Velinova, dove non sempre sono stati usati con coerenza termini come panegirico, panegiristico, encomio, encomiale (*sic!*), encomiastico, prologo, sinassario, mineo, menologio o simili: riferiti in maniera imprecisa alle opere di Clemente o a titoli di opere più tarde della letteratura slava ecclesiastica essi creano una certa confusione nel lettore che non conosca esattamente gli originali a cui questi termini si riferiscono. Questo mette in luce l’urgenza di dedicare maggiore spazio e attenzione allo studio dei termini con i quali tradurre certi titoli o nomi che indicano opere molto specifiche della tradizione slava ortodossa (in particolare di quella russa, come il termine *Prolog*, che è fuorviante indicare semplicemente come ‘Prologo’, o ancora, *Toržestvennik*, *Četi-minej*, e altri simili, o di *Damaskin* per quella bulgara). Alcuni giovani studiosi vi si stanno dedicando, ma il lavoro è assai lungo e non sempre facile.

Vorrei concludere la presentazione di questo pregevolissimo volume con un *dulcis in fundo* che merita la massima considerazione: la bellissima traduzione in italiano di alcune fra le opere più notevoli di Clemente, eseguita e qui presentata da Marco Scarpa. È questo solo un assaggio di un più ampio lavoro che Scarpa sta preparando e che aspettiamo per poter meglio apprezzare, anche in Italia, la poesia di questo “discepolo” di Metodio e “maestro” di tutti i successivi omileti ed innografi anticoslavi, sostanzialmente scoperto e portato alla luce negli ultimi quarant’anni, grazie ai

lavori dedicati a Clemente di Ocrida dai colleghi bulgari tra i quali anche il curatore del volume K. Stantchev. Alla curatrice del volume M. Caluso va la riconoscenza per la difficile opera di revisione e rilettura dei testi, di controllo, di estensione dell'indice dei nomi e di tutto il lavoro connesso con la redazione di una raccolta di studi così complessa e di argomento inconsueto. E all'Accademia Ambrosiana va la gratitudine per aver offerto la possibilità di organizzare il *Dies academicus* e di pubblicare poi questo utile e interessante volume.

Giovanna Brogi Bercoff

S. Graciotti, *La Dalmazia e l'Adriatico dei pellegrini "veneziani" in Terrasanta (Secoli XIV-XVI). Studi e testi*, con un'appendice di L. Lozzi Gallo, Società Dalmata di Storia Patria-La Musa Talia Editrice, Roma-Venezia 2014, pp. 680.

Il libro è frutto di una vita di studi intensi e continui dedicati da S. Graciotti alla storia, la cultura e la letteratura delle terre dalmate, soprattutto alla fitta e ininterrotta rete di comunanze e commerci di ogni tipo fra le due coste dalmate, in quel bacino Adriatico che Venezia ha variamente dominato per secoli. Non a caso, nell'ampio *Studio* (pp. 16-200) che Graciotti antepone alla selezione di testi lasciati dai pellegrini che si recavano in Terrasanta, Venezia occupa un punto primario e privilegiato sia in quanto porto nel quale i pellegrini organizzavano il proprio viaggio e dal quale poi partivano, sia in quanto luogo privilegiato di incontro tra occidente e oriente, erede dell'Impero romano latino e di quello bizantino. Da quest'ultimo Venezia ha non solo ricevuto (predato) immense ricchezze, tesori d'arte e reliquie innumerevoli, ma anche mutuato – pur senza formalizzarla teoricamente – l'idea del *basileus-dux*, particolari del cerimoniale e delle magistrature. E non ha mancato di percepire se stessa come erede insieme di Costantinopoli e di Gerusalemme, non meno di Roma o di Kiev. Con infinita e puntuale erudizione, ma anche con una verve narrativa rara in un racconto così erudito, Graciotti passa dalla descrizione del funzionamento del *business* dei pellegrinaggi, alla tipologia dei personaggi che s'imbarcavano e hanno lasciato relazioni sul loro viaggio lungo le coste dalmate, alle caratteristiche che ogni 'nazione' sembra mantenere nell'osservazione di determinati fenomeni e luoghi. Così "i tedeschi sono pedanti, ma anche dotti, informati, organizzati, curiosi [...] innamorati di questo sud..."; i francesi preferiscono Venezia allo scalo di Marsiglia, osservano con attenzione il drappo con cui è fatta una reliquia di S. Simeone, riferiscono notizie rare sul regno di Bosnia e sui rapporti di Ragusa con l'Ungheria, che s'intensificano per ragioni politiche dopo il 1480 e all'inizio del '500, lasciano una testimonianza rara e preziosa sull'ampio uso dei "caratteri serviani" a Ragusa, città per la quale peraltro condividono con molti altri viaggiatori l'antipatia ("scimmie della repubblica di Venezia", p. 40). Importante e utile la prospettiva adottata da Graciotti per guardare alla navigazione lungo la Dalmazia dal punto di vista delle periferie d'Europa, sia orientali – Polonia e Boemia – sia occidentali, ossia Spagna, Portogallo, Inghilterra: una prospettiva che restituisce a Venezia e al "suo" bacino adriatico la centralità che essi avevano fra Trecento e Cinquecento nella storia dell'Europa e della sua civiltà. Più di una ventina, di gran lunga i più numerosi, sono poi i viaggiatori italiani. L'italiano era lingua di grande diffusione e prestigio, e affianca spesso il latino. Diversa sembra però la tipologia dei viaggiatori: molti sono i frati e monaci, pochi invece gli alti dignitari ecclesiastici; intraprendono il viaggio per motivi devozionali, ma più

spesso per affermazione di potere e per ragioni politiche principi e nobili, quali Martino della Scala, Nicolò III d'Este, il nobile padovano Capodilista, il principe Sanseverino e altri.

Le notizie riferite dai pellegrini sono in genere molto varie, anche se certi racconti o miti facevano parte di un fondo comune. Particolarmente radicato in area franco-germanica il mito di Orlando-Rolando di cui si identificano tracce in varie rovine o palazzi (Ogier lo identifica a Pola nell'anfiteatro!). Non mancano però riferimenti agli eroi del ciclo della Tavola Rotonda o riferimenti alle varie 'storie' di Alessandro Magno.

La Parte seconda dello *Studio* si sofferma sulla percezione da parte dei pellegrini delle terre dalmate che essi incontrano nelle loro peripezie marine e a volte visitano per cercare rifornimenti o per le cattive condizioni del mare. Luogo primario e privilegiato sono Pola e tutta l'Istria, ma non meno importanti le città di Spalato o, naturalmente, la ricca e superba Ragusa che viene descritta da varie angolature. Graciotti non esita a interpretare e avanzare nuove ipotesi su alcuni grandi monumenti del periodo della decadenza dell'impero romano: così per le imponenti rovine di Porto Palazzo a Meleda, di cui alcune fonti danno notizie più o meno leggendarie, ma che potrebbero essere testimonianza dell'attività di costruzione di un *comes Pierius* legato al re Odoacre, uno dei rappresentanti di quel profondo intreccio culturale che legò tante città e isole dalmate alla romanità degli ultimi secoli, da Pola a Spalato a Curzola e Meleda. Fondamentali poi le pagine dedicate ai rapporti, al tempo del "duca di Rassia Desa" e dopo, fra il monastero dei benedettini di Meleda e quelli di S. Michele del Gargano, di cui antichi documenti testimoniano i legami di discendenza e i comuni interessi, forse – ipotizza Graciotti – per opporsi alle crescenti ambizioni di Ragusa (pp. 146-159). Fra i racconti più notevoli è quello delle donne di Curzola che difesero la città dagli attacchi nemici (p. 143), e vengono in mente le varie storie o leggende che circolavano nel '500 e '600 sul valore delle donne slave o sulla 'slavità' delle Amazzoni, come racconta anche Mauro Orbini cui Graciotti fa riferimento per alcune notizie sull'isola di Meleda. Non meno importanti le testimonianze sull'uso del glagolitico e le credenze su S. Girolamo traduttore della Bibbia in "slavo" (pp. 139-141). E poi ci sono le narrazioni fantastiche su draghi e mostri, le leggende sulle donne, come quella che attraversava il mare a nuoto per andare dall'amante.

Ultima tappa dei pellegrini è quella che porta "oltre Ragusa: dall'Albania veneta a Corfù". Vi si fa più intensa la paura del "turco", con la memoria recente del massacro di Otranto (1480), ma anche la paura di gorgi marini, vari draghi del mare Jonio, il mutare delle fogge di abiti e cappelli in Albania, e le descrizioni dell'isola di Corfù di cui il tedesco von Zedlitz ricorda paesaggi, manufatti e costumi, e il milanese Casola descrive la struttura cittadina, il reggimento politico, le competenze degli ufficiali veneziani (p. 188).

Troppo lungo sarebbe dilungarsi sulle decine di personaggi di ogni genere e sulle infinite storie e storielle ricostruite e narrate da Graciotti che dimostra quanto complessi e profondi siano gli intrecci tra tradizione classica e tardo romana, miti e folclore dalmata, storia di continue guerre ma anche di intensa attività agricola, commerciale e intellettuale: rapporti continui fra le due coste adriatiche e, sempre presente, la dominanza politica, economica e, soprattutto, culturale e mentale di Venezia. Non mancano notizie che conservano il loro interesse storico e culturale anche oggi, come la descrizione della cattedrale dell'Assunta di Ragusa, distrutta da un terremoto nel 1667, o la constatazione della distribuzione sociale dell'uso linguistico fra coloro che intendono e parlano solo lo "slavo" e le classi superiori per le quali italiano e latino sono lingue d'uso e di appartenenza sociale. Restano molti interrogativi, come quello sulla possibile presenza di frammenti di ritualità o confessione ortodossa, come farebbe pensare un rito nuziale (forse glagolitico) a Zara, descritto dal Grünemberg (p. 198). Né manca, da una prospettiva europea centro-orientale, il ricordo dell'appartenenza della Dalmazia all'Ungheria.

La rotta adriatica dei pellegrini in Terra Santa si interrompe nel Cinquecento, allorché mutano radicalmente i rapporti di forza fra l'Europa e il mondo, e le rotte dei commerci. Si interrompono così anche le relazioni dei viaggiatori di cui vengono forniti, nella seconda parte del libro, i testi. Essi sono pubblicati nella lingua originale “per la raffinatezza [di alcune] scelte linguistiche” che esprimono “la diversità, sottile, ma essenziale, dei rapporti politici della città con la municipalità” e danno l'idea reale della molteplicità linguistica e culturale di quelle terre (p. 200). Al testo originale segue sempre la traduzione in italiano. I testi vanno da quello latino del frate irlandese-normanno Symon Symeonis (1322) a quello ceco di Kryštof Harant (1598), passando attraverso quelli tedeschi, inglesi, francesi, italiani, scritti nelle varie forme dialettali e con le ortografie più diverse, tutte testimonianze vive e affascinanti di epoche andate, ma ancor oggi sottese a tanti fenomeni (e conflitti) culturali sulle due sponde adriatiche e nell'Europa centro-orientale.

Di grande utilità sono le *Appendici* che offrono un elenco delle località toccate dai pellegrini, 43 illustrazioni a colori di estrema bellezza e interesse, un elenco delle carte geografiche, una ricca bibliografia e una *Appendice linguistica* di L. Lozzi Gallo, che offre informazioni molto utili per apprezzare il valore delle testimonianze linguistiche dei pellegrini. Scrive l'autore: “mentre i viaggiatori francesi, spagnoli e inglesi fanno riferimento a realtà politiche ben determinate, regni provvisti di una solida identità, questo non si può dire per italiani e tedeschi. I viaggiatori italiani sono accomunati dal riconoscimento del dialetto toscano come una comune interlingua [...] i territori di lingua tedesca appaiono divisi e frammentati” (p. 659). Sembrano considerazioni ovvie, ma anche le informazioni succinte di questa appendice sono utili per capire meglio il contesto del libro. Non sarebbe forse stato inutile un indice dei nomi: esso faciliterebbe la fruizione del lungo e studio di Graciotti, densissimo di notizie, riferimenti e nomi di ogni epoca e tipo, anche se l'organizzazione del materiale è chiara e non è poi molto difficile trovare i riferimenti necessari.

Si tratta dunque di un libro di grande interesse per varie discipline, utile e accattivante, un libro che merita l'attenzione degli studiosi e dovrebbe stare in ogni biblioteca umanistica, privata o pubblica che sia. Graciotti vi manifesta le sue migliori qualità di critico esaminatore di fonti, di impeccabile erudito, di storico della cultura e, insieme, di narratore affascinante e divertito osservatore della più varia umanità.

Giovanna Brogi Bercoff

I. Bjelaković, I. Cvetković Teofilović, A. Milanović (pried.), *Rečnik slavenosrpskog jezika. Ogledna sveska*, Matica srpska, Novi Sad 2017, pp. 299.

Habemus dictionarium! Dopo un'attesa di molti anni, gli appassionati dell'epoca slavoserba finalmente possono fare affidamento su un dizionario della lingua di quel periodo, seppur inteso come “fascicolo sperimentale”, come recita il sottotitolo. A cimentarsi in questa non facile impresa sono stati Isidora Bjelaković dell'Università di Novi Sad, Irena Cvetković Teofilović dell'Università di Niš e Aleksandar Milanović dell'Università di Belgrado, che hanno portato a compimento un lavoro concepito all'interno dell'omonimo progetto di ricerca della Matica srpska, la più antica istituzione culturale serba. Iniziato nel 1981 sotto il coordinamento dell'accademico Aleksandar Mladenović, il progetto è passato nel 2010 nelle mani di Ljiljana Subotić, affiancata nel 2012 da

Bjelaković, a cui si sono aggiunti Milanović e Cvetković Teofilović, nonché Jelena Stošić dell'Università di Niš e Milena Zorić dell'Università di Novi Sad. In realtà, l'elenco di quanti hanno contribuito alla realizzazione di quest'opera sfiora le ottanta unità, tra ricercatori, collaboratori e studenti, che in un periodo relativamente breve hanno raccolto ed elaborato in formato digitale i dati per la "prima fase del progetto".

A sostenere più di mezzo secolo fa la necessità di uno studio sistematico sulla lingua dell'epoca slavoserba da compiersi attraverso una compilazione *ad hoc* era stata Irena Grickat, anche se i primi risultati nell'ambito della lessicografia storica si ebbero solo grazie all'intervento di Velimir Mihajlović, con la pubblicazione, sempre presso la Matica Srpska, dei due dizionari *Građa za rečnik stranih reči u predvukovskom periodu* (2 voll., 1972 e 1974) e *Posrbice od Orfelina do Vuka* (2 voll., 1982 e 1984). Muovendo da tali premesse, nel 1981 Mladenović diede avvio al progetto, che tuttavia non andò oltre una breve serie di lavori svolti insieme a Jovan Kašić.

Ai membri del nuovo gruppo di ricerca spettava quindi il compito di riesaminare il materiale precedentemente radunato e completare l'impresa ormai tenuta in sospeso da decenni. A tal fine, proprio per riaffermare la linea di continuità tra le due fasi, gli autori avevano optato per il titolo *Dizionario dell'epoca slavoserba*, ma dal momento che la modifica avrebbe comportato una serie di complicazioni burocratiche, prevalse la decisione di mantenere il titolo originario.

Nel suo primo lavoro dedicato al dizionario della lingua letteraria slavoserba (1982), Mladenović accettò la posizione di Grickat, favorevole ad accogliere nel corpus, oltre a opere letterarie, anche scritti di vario tipo come atti amministrativi, testi scolastici, riviste ecc. In pratica si insisteva su un criterio di stratificazione funzionale e per generi. In quella prima fase non furono però individuate le opere da esaminare, ma si stabilì soltanto l'arco temporale dei testi interessati dallo spoglio: 1750-1850, periodo poi esteso agli anni 1748-1899. In un articolo del 1984, Mladenović sosteneva a chiare lettere che occorreva dare precedenza agli slavismi (lessico russoslavo, russo e, parzialmente, serbo-slavo) da individuare anch'essi alla luce di un criterio di stratificazione. Circa la selezione dei lemmi, Kašić e Mladenović propendevano per un dizionario onnicomprensivo. Dal 1982 al 2008 prevalsero poi alcune linee guida che fissavano una serie di cardini nell'inquadramento del lavoro: il dizionario doveva infatti basarsi su testi slavoserbi e non di lingua slavoserba; il corpus doveva riflettere la stratificazione dei testi slavoserbi; nel corpus primario non sarebbero comparsi testi in russoslavo; era necessaria l'inclusione di tutti gli slavismi; occorreva trascrivere il lemma d'entrata e presentare il contesto di citazione nella sua forma originale grafematica e ortografica; infine, si sarebbe trattato di un dizionario storico e ogni voce lessicale avrebbe dovuto essere completa della sua semantizzazione.

Nel 2012, dopo una pausa di quasi cinque anni, il nuovo gruppo di lavoro, composto da Bjelaković, Cvetković Teofilović e Milanović, si pose alacremente all'opera e già nel settembre del 2013 poté dare alla luce una prima bozza del fascicolo sperimentale, presentata tra l'altro nel blocco tematico del numero LXI/3 di "Zbornik Matice srpske za književnost i jezik". In pratica la redazione si svolse dal 2013 alla fine del 2014.

Per quanto riguarda la macrostruttura del dizionario, ossia il corpus e i lemmi indicizzati, va precisato che nel fascicolo sperimentale sono ricomprese opere di diverso genere, scritte e pubblicate dal 1750 al 1830, e più in specifico: la ricevuta di un sacerdote circa una somma di denaro incassata (*Potvrda sveštenika o primljenom novcu*, Novi Sad 1750); la prima rivista serba, "Slaveno-serbski magazin" (Venezia 1768) di Zaharije Orfelin; il testo *Sovjeti zdravago razuma* (Consigli della sana ragione, Lipsia 1784) di Dositej Obradović; la traduzione di *Robinson Crusoe* a cura di N. Lazarević (*Život i črezvičaina priklučenija slavnago Angleza Robinzona Kruse ot Jorka sobstvenom rukom njevogo spisana*, Buda 1799); il compendio di geografia *Ključić u moje zemljeopisanije* (Venezia 1804)

di Pavle Solarić; il giornale serbo pubblicato a Vienna “Novine serbske iz carstvuštega grada Viene” (1813); la traduzione del *Telemaco* di Fénelon a opera di S. Živković (*Priključenija Telemaka sina Uliseva*, Vienna 1814); infine, la commedia *Laža i paralaza* (Buda 1830) di Jovan Sterija Popović.

Circa la selezione dei lemmi, si poneva la domanda se il dizionario della lingua slavoserba dovesse configurarsi come completo oppure differenziale, dunque non era ancora stata sciolta la riserva sulle modalità di selezione (completa o parziale) delle voci. Nel dicembre del 2012 gli autori optarono per il primo criterio (seppur escludendo il materiale onomastico), giustificato dal fatto che un dizionario diacronico ideale consente sì di osservare lo sviluppo di una parola a partire dalle sue prime attestazioni nel corpus analizzato, ma permette anche di seguirne la presenza in epoche diverse e in un più ampio ventaglio di testi, con la possibilità di focalizzarsi sia sugli usi in contesti vari ed eventualmente con significati differenti, sia sull’etimologia e la derivazione, e sulle sue caratteristiche morfosintattiche. Un inserimento totale del materiale avrebbe inoltre permesso di stabilire una “continuità lessicale” tra più epoche, per cui il dizionario avrebbe svolto una duplice funzione, avendo come potenziali fruitori sia un pubblico di non esperti che una cerchia di studiosi più propriamente interessati a questioni di lessicologia storica, di derivazione, di sintassi e di semantica. Per tale motivo si è insistito che tra i lemmi indicizzati figurassero: 1) parole locali (di origine slava antica insieme a neologismi risalenti a quell’epoca, ma anche termini presenti nella lingua serba standard che però avevano ottenuto lo status di arcaismo o regionalismo); 2) slavismi (comprese le forme ibride) riconducibili a uno specifico strato linguistico che costituisce la cifra distintiva del periodo in esame; 3) termini d’origine straniera (germanismi, magiarismi, italianismi, romanismi, turchismi, internazionalismi, ecc.).

I circa mille lemmi prescelti sono riportati secondo uno schema costante che si articola in: lemma di entrata, informazione grammaticale di base, etimologia, espressione grafica, definizione, sinonimi, unità lessicali, espressioni composte da più voci lessicali. Ai fini di una maggiore accessibilità e per rendere più trasparente a ogni tipologia di lettore il materiale annotato, tutti i lemmi d’entrata sono stati trascritti in alfabeto serbo contemporaneo. Nel caso di coppie di varianti, dei grafemi proposti si dà al primo posto la forma con realizzazione vocalica russoslava o russa. L’informazione grammaticale si compone invece delle nozioni di base circa la categoria grammaticale, senza però prendere in considerazione il paradigma dei casi, ossia le desinenze del genitivo nei sostantivi e altre specificità morfonologiche e morfologiche. Del resto la presenza di tali desinenze non aggiungerebbe nulla sul piano informativo, perché si tratta di forme linguistiche non codificate e dove la presenza di due o tre varianti morfologiche è tutto usuale. Va da sé che si registrano anche qui alcune eccezioni, come nel caso di sostantivi con il plurale suppletivo. Per quanto riguarda i verbi, oltre all’aspetto sono talvolta menzionate le forme avverbiali. All’informazione grammaticale segue quella di base sull’origine del lemma, che offre uno sguardo sui processi dei transfert lessicali nell’epoca pre-standard della lingua letteraria serba. Va specificato che con ‘slavismi’ si intendono innanzitutto le forme letterarie tipiche del substrato slavoecclesiastico comune, poi quelle specifiche della lingua russoslava o russa, infine i cosiddetti “slavoserbismi”, cioè gli ibridi che racchiudono anche alcune caratteristiche dello slavoecclesiastico nelle sue varie redazioni.

All’etimologia segue la forma grafica originale del lemma, riportata all’interno di parentesi uncinate per la trascrizione grafematica. Tale forma non è data se non si differenzia dalla lingua contemporanea, oppure se si differenzia solo per l’uso dello *jer* in fine di parola.

Quanto alle definizioni, esse sono state in buona parte attinte, e con vari gradi di stilizzazione, dal dizionario di lingua letteraria serbo-croata della Matica srpska e della Matica hrvatska (Novi Sad-Zagabria 1969), dal dizionario di lingua serba della Matica srpska (Novi Sad 2007) e dal grande

dizionario (iniziato nel 1959 e non ancora ultimato) della lingua letteraria e popolare serbocroata dell'Accademia serba delle scienze e delle arti di Belgrado.

Il dizionario *Rečnik slavenosrpskog jezika* non contiene significati ricostruiti, bensì le realizzazioni semantiche dei lemmi presenti nel materiale analizzato. Alcune voci sono accompagnate da immagini riprese dal corredo iconografico del *Ključić* di Solarić.

Per concludere, quest'opera colma una lacuna nell'ambito degli studi sulla lingua slavoserba e rappresenta un insostituibile strumento di studio per tutti i cultori della materia, in particolare per gli appassionati del periodo. Una menzione speciale va ai curatori: se con il fascicolo hanno inteso sperimentare la futura redazione del dizionario di lingua slavoserba, essi hanno in primo luogo offerto un affidabile supporto per la comprensione dei testi dell'epoca, grazie alle frequenti citazioni dalle opere prese in esame, e uno stimolo importante all'approfondimento della produzione letteraria (e non solo) dell'Illuminismo serbo. Da parte nostra vi è l'auspicio che i lavori possano proseguire con lo stesso entusiasmo, attraverso l'ampliamento del corpus selezionato, per disporre in tempi ragionevoli di una nuova e ancora più ricca edizione del dizionario della lingua slavoserba.

Persida Lazarević Di Giacomo

A. Milanović, *Reč pod okriljem poetike*, Narodna biblioteka "Stefan Prvovenčani", Kraljevo 2016, pp. 200.

Il volume di Aleksandar Milanović, docente di storia della lingua serba e di linguistica diacronica alla facoltà di Filologia dell'Università di Belgrado, porta il sottotitolo *La lingua dei poeti serbi 2*, un richiamo esplicito al suo precedente studio del 2010.

Grazie a una scrittura concisa, vivace e avvincente, Milanović riesce a catturare l'attenzione di un pubblico costituito non solo da specialisti di questioni linguistiche. Una caratteristica rara, questa, condivisa da pochi studiosi: mi riferisco, ad esempio, a Ivan Klajn, noto per la sua rubrica di linguistica sul settimanale "NIN".

Di Milanović colpisce innanzitutto la capacità espositiva, vera cifra stilistica di questo volume, che prende in esame dieci tra i più importanti poeti contemporanei serbi, facendoli oggetto di un'analisi linguistica particolarmente attenta. Tutte le opere analizzate sono caratterizzate da un'ampia presenza di parole di nuovo conio e da complesse stratificazioni lessicali. L'analisi di queste caratteristiche permette all'A. di ricostruire l'itinerario di formazione di ogni singolo poeta e la rispettiva collocazione nelle correnti letterarie contemporanee.

Aprè il volume il capitolo su Branko V. Radičević (1925-2001) e sulla raccolta *Nove pesme* (Belgrado 1997), punteggiata di neologismi "individuali", cioè frutto della soggettività dell'autore. In questo caso la consuetudine di formare parole nuove assolve a una funzione prettamente stilistica, secondo una dinamica da cui traspare un innegabile compiacimento formale. Spetta allora al critico determinare gli usi e il valore di neologismi ai quali il poeta dedica uno spazio privilegiato nella sua produzione, muovendosi tra folklore, dialetto e parola poetica, in linea con quanto accade fin dai tempi di Vuk Karadžić. Non è sempre facile – nota Milanović – distinguere in Radičević la vena linguisticamente innovatrice e sperimentale dall'appartenenza a un'antica tradizione, ma Milanović

sembra giungere alla conclusione che il poeta rappresenti il modello verso cui convergono quasi tutti i poeti serbi contemporanei, accomunati dalla predilezione per i neologismi.

A seguire è un capitolo dedicato a Stevan Raičković (1928-2007), che nella raccolta *Stihovi iz dnevnika 1985-1990* (Novi Sad 1990) ha messo a punto una modalità espressiva fino ad allora assente nella poesia serba contemporanea, inedita persino nella sua precedente produzione: sfruttando i molteplici significati a cui si prestano alcuni lessemi (ad es. la parola 'diario') e simulando la descrizione dei fatti, Raičković introduce nel verso un alto numero di espressioni fortemente tipizzate per il loro richiamo al gergo giornalistico e alla lingua della pubblicistica. Inserite in un contesto del tutto diverso, tali formule ottengono, grazie a un effetto straniante, una nuova funzione poetica.

Particolare è la funzione poetica della patina antica dietro cui si cela la poesia di Miodrag Pavlović (1928-2014). In proposito, Milanović osserva la preferenza del poeta per gli arcaismi grammaticali e lessicali, grazie ai quali il poeta innesca un processo capace di riattivare la memoria linguistica e spirituale serba, connessa alla letteratura medioevale, popolare e barocca. Secondo Milanović, tuttavia, l'equilibrio formale e la maestria che guida la selezione degli strumenti linguistici permettono al poeta di inserire gli arcaismi in un contesto attualizzante che costituisce il repertorio tematico della sua poesia.

Diversa è la prospettiva che impronta l'analisi dei testi di Ljubomir Simović (1935), del quale Milanović analizza in particolare le metafore e le similitudini: esse assurgono non di rado a principio strutturale dell'intera poesia, con intensità crescente nei componimenti brevi. In Simović non esisterebbero metafore copulative, mentre l'iperbole e la litote valgono in primo luogo come eco del mondo ingenuo del soggetto lirico, alla maniera di un altro poeta, Milovan Danojlić. Sarebbe questo uno stimolo, auspica Milanović, per realizzare un dizionario delle similitudini e delle metafore della poesia serba contemporanea.

Singolare, a giudizio di Milanović, il ruolo del neologismo in Milovan Danojlić (1937), autore che dagli anni '80 ha scelto di vivere in Francia. In questa voce poetica è riconoscibile una vera e propria officina creativa, complice una lingua memore della funzione eminentemente sacra della tradizione medievale e barocca. Il contributo che Danojlić offre alla sua epoca e al proprio popolo in termini di poesia e saggistica è da considerare innanzitutto alla luce delle sue particolari scelte linguistiche e formali. E se egli può rivendicare una formazione letteraria autonoma, è innegabile la linea di continuità che lo unisce al Surrealismo, a Oskar Davičo, ma anche a Sterija e persino a Sima Milutinović Sarajlija e a Laza Kostić.

Frequenti neologismi si registrano anche nell'opera di Alek Vukadinović (1938), autore di versi che si librano tra folklore e mito, quasi sempre segnati da una lingua archetipica. Rivolgendosi a differenti tradizioni letterarie, Vukadinović vi attinge i modelli che lo portano a elaborare neologismi, tratteggiando così una sovrastruttura che riesce nei suoi scopi, come accade nella raccolta *Božji geometar*. Secondo Milanović, se un giorno verrà scritta la storia della creatività lessicale dei poeti serbi, un posto significativo spetterà senza dubbio a Vukadinović, a cui va il merito di avere influenzato e di influenzare tuttora le tendenze linguistiche e stilistiche della poesia serba a cavallo tra due secoli.

Degno di attenzione è il capitolo sul gioco linguistico nel poema *Ćeracemo se još* del serbo montenegrino Matija Bečković (1939), che ricopre un posto di rilievo nella storia letteraria serba per la sua produzione poetica, ma anche per la valenza politica di alcune sue prese di posizione. Nato in Vojvodina e cresciuto in Montenegro, Bečković evoca nei suoi versi la parlata dei Rovčani, una delle sette tribù del Montenegro stanziata nella regione storica di Rovca/Rovci. Come rileva Milanović, il poeta seleziona e riprende, in un processo combinatorio, costrutti già esistenti ai quali tuttavia attribuisce significati originali e un rinnovato accento lirico. È quanto accade nel poema *Reče mi jedan*

ček, dove si osserva da un lato la perdita della consonante sonora /v/ in posizione intervocalica, dall'altro la scomparsa di /-i/ nell'infinito, così come la sostituzione del nesso consonantico /st/ con /št/. In tal modo Bečković dà vita a un gioco linguistico che diverte il lettore, e al contempo imprime maggiori enfasi al testo, insistendo, a partire dal titolo, sulla frequenza del suono affricato /č/.

Non aliena da implicazioni politiche è la poesia di Rajko Petrov Nogo (1945). Le sue opere sono costellate di arcaismi, forme dialettali e formule talvolta insolite che rappresentano una vera sfida per l'analisi linguistica e stilistica su cui si concentra Milanović: soltanto incrociando i due piani espressivi delle scelte lessicali e grammaticali si rende ragione della compiutezza che rende la poesia di Nogo così apprezzata dal pubblico.

L'importanza raggiunta negli ultimi tempi da Milosav Tešić (1947) è dovuta al fatto che l'autore testimonia in ogni sua raccolta poetica della ricchezza del patrimonio letterario serbo, con voci popolari mirabilmente fuse a echi della tradizione. In questi procedimenti stilistici Milanović coglie la presenza di tutti gli elementi che fanno del verso una sorta di "pletenje sloves", ossia un vero 'ricamo' intimo, linguistico e strutturale. È così che Tešić realizza nella sua poesia un concetto moderno della lingua dositejana, in piena sintonia con il principe, poeta e *vladika* montenegrino Petar Petrović Njegoš.

L'ultimo capitolo del volume *Reč pod okriljem poetike* è dedicato a Novica Tadić e alla sua preferenza per i neologismi individuali con suffisso *-lo*, tecnica che sovrintende al processo di nominalizzazione nella poesia di alcuni poeti romantici serbi quali Branko Radičević e Jovan Jovanović Zmaj. Tuttavia, come sostiene Milanović, non si può certo dire che questi due autori abbiano influenzato Tadić. Il poeta insiste piuttosto sulla musicalità del verso, per poi cimentarsi in forme lessicali di nuovo conio, dove appunto il suffisso *-lo* rientra a pieno titolo nella vena grottesca e fortemente ironica che permea l'intera sua opera.

Il volume di Milanović ha una struttura essenziale: privo di introduzione e conclusione, concedendo poco spazio a dati biografici, si concentra sull'analisi linguistica e stilistica, senza addentrarsi in questioni ideologiche o politiche. Grazie a un approccio pragmatico al testo, lo studioso serbo offre ad ogni lettore gli strumenti necessari per comprendere al meglio l'opera dei poeti selezionati, senza imporre un proprio punto di vista. Con un atteggiamento raro nella critica dell'arte poetica contemporanea, Milanović indica piuttosto un percorso di analisi della lingua e delle strutture di base delle opere, rinunciando a servirsi di dati esterni che potrebbero spostare o stravolgere l'interpretazione dei testi. In fin dei conti ogni testo è assimilabile a un fatto – nulla di più, nulla di meno – ed è in tali termini che Milanović si muove in queste pagine: basandosi sui fatti linguistici rilegge in controluce la poesia, grazie a una profonda consapevolezza critica e un raro rigore metodologico.

Persida Lazarević Di Giacomo

B. Mitrović, M. Mitrović, *Storia della cultura e della letteratura serba*, Argo, Lecce 2015, pp. 248.

Publicata nel 2015, la *Storia della cultura e della letteratura serba* di Bojan e Marija Mitrović è la prima opera organica in italiano dedicata alla vita culturale e alla produzione scritta del popolo serbo. Un dato di per sé eloquente, se si pensa che le precedenti storie letterarie accorpavano, sotto un

medesimo titolo, il passato e il presente letterario dei serbi e dei croati, in riferimento al comune Stato della Jugoslavia. E difatti, fino a poco tempo fa i due testi più in uso per l'insegnamento del serbo-croato nelle università italiane erano *La storia della letteratura serbo-croata* di Arturo Cronia (Nuova Accademia, Milano 1956) e *Le letterature della Jugoslavia* di Bruno Meriggi (Sansoni, Firenze 1970).

Il disegno complessivo del lavoro di Cronia presentava la seguente periodizzazione: Medioevo, Rinascita (XVI sec.), Controriforma (XVII sec.), Il secolo dei lumi (XVIII sec.), Romanticismo e Realismo (XIX sec.), l'Era degli "Ismi" (XX sec.), per approdare al biennio 1960-1961. Uno spazio a sé occupava la poesia popolare, oggetto di trattazione separata in chiusura di volume. Dal canto suo, Meriggi, nella sezione riservata ai serbi e ai croati, ripercorreva nella prima parte le vicende storiche e le attestazioni letterarie dalle origini al XVIII secolo. La seconda parte abbracciava invece un arco temporale che dal risveglio nazionale giunge fino alla creazione dello Stato jugoslavo, con in primo piano il Realismo e il Modernismo, rispettivamente in Serbia e in Croazia. Infine, la terza parte, dedicata alle lettere serbe e a quelle croate nel periodo tra le due guerre, si spingeva ben oltre la seconda metà del secolo scorso, attestandosi al 1961. Anche qui la poesia popolare era posta nell'"Appendice".

Dopo la dissoluzione della Jugoslavia, soltanto nel 2005 è uscita in Italia la traduzione, a cura di Ruggero Cattaneo, della *Storia della letteratura croata* (Guépard Noir, Milano) di Dubravko Jelčić, pubblicata in croato nel 1997. All'exkursus sulle lettere croate, che arriva al 1992, il curatore aveva aggiunto due appendici: quella di Darko Žubrinić sul patrimonio glagolitico croato e quella di Radoslav Katičić sull'evoluzione della lingua letteraria croata. La letteratura popolare non era oggetto di trattazione autonoma e, se era citata, ciò avveniva solo nell'ambito di singoli autori (ad es. Hektorović).

Diversa impostazione segue invece il volume qui presentato, da cui traspare come Marija Mitrović, già professore ordinario di letteratura slovena a Belgrado (la sua *Geschichte der slowenischen Literatur* del 2001 è il testo di riferimento per la storia della letteratura slovena nei paesi germanofoni) e di lingua e letteratura serba e croata a Venezia e a Trieste, abbia maturato l'esperienza e il distacco necessari per guardare allo spazio letterario serbo in modo obiettivo, condizione essenziale per cogliere al meglio le reali necessità del lettore italiano.

La *Storia della cultura e della letteratura serba* segue un modello funzionale concepito secondo percorsi paralleli: ai capitoli e ai paragrafi che hanno per oggetto la storia e, in parte, la cultura, redatti dallo storico Bojan Mitrović, fanno riscontro i capitoli sulla letteratura curati dalla studiosa. I due autori approfittano di questa singolare partizione organizzativa per introdurre, anche solo in nota, appunti e nozioni su aspetti peculiari della civiltà serba, con voci che sfuggono già in partenza a una traduzione precisa proprio perché condensano fattispecie e caratteri che sono tratti identitari del mondo degli Slavi del Sud. Si pensi per esempio al termine *zadužbina*, con cui si indicano gli edifici fatti erigere da persone abbienti per assicurarsi la ricompensa divina dopo la morte.

Marija Mitrović dedica ampio spazio al "periodo d'oro" dell'arte medioevale serba, in particolare alla biografia, senza però trascurare altre sezioni dedicate ai testi giuridici o di altra natura. Molti testi sono riconducibili alla figura di san Sava, fondatore della Chiesa, della letteratura e della cultura serbe. Non manca la dovuta attenzione per le figure femminili che hanno avuto grande importanza nella tradizione serba medievale.

Diversamente da Cronia e Meriggi, Marija Mitrović redige un intero paragrafo sulla letteratura popolare nell'ampio capitolo sull'Ottocento, visto che l'interesse per la poesia e soprattutto per l'epica, come riconosce l'autrice, "coincise con il risveglio della coscienza nazionale", quando tale forma venne "issata a bandiera della nuova coscienza risvegliata" (65). La studiosa sottolinea poi un aspetto a volte trascurato al di fuori dei territori serbi, e cioè che la poesia popolare, a cui si attribuisce un ruolo di primo piano nella formazione del nuovo Stato serbo, trovò espressione più compiuta

come attestazione letteraria nel 1847, anno cruciale del Romanticismo, quando comparvero quattro pubblicazioni fondamentali per la storia letteraria di questo Paese: tra queste, il poema *Il serto della montagna*, del *vladika* montenegrino Petar Petrović Njegoš.

Notevole il medaglione dedicato a Svetozar Marković, portabandiera del Realismo serbo, dunque alfiere di quella corrente letteraria così ricca di spunti ma per qualche sconosciuto motivo così a lungo trascurata dagli studiosi italiani, pur vantando autori come Milovan Glišić, Laza Lazarević, Simo Matavulj, Stevan Sremac, Svetolik Ranković e Radoje Domanović.

Dopo il capitolo intitolato *L'età d'oro*, che prende in esame il periodo tra la fine dell'Ottocento e i primi decenni del Novecento – con prosatori come Bora (Borislav) Stanković, Branislav Nušić, Ivo Ćipiko, e i poeti Jovan Dučić, Milan Rakić, Sima Pandurović, Vladislav Petković Dis –, è la volta dei capitoli dedicati al “Novecento, il secolo breve”, con una rassegna delle poetiche d'avanguardia: tra i nuovi “ismi”, a risvegliare l'attenzione è lo “zenitismo”, vale a dire “il primo movimento autoctono jugoslavo”, come spiega l'autrice, “una variante locale dell'espressionismo, che includeva però anche alcuni elementi del Futurismo e del Costruttivismo. Paradossalmente, si trattò di un movimento antieuropeo, fautore del ‘balcanismo’, ovvero della ricerca delle origini balcaniche nell'arte dell'avanguardia” (p. 114).

Nel capitolo sugli anni '30, così fortemente caratterizzati da tematiche sociali e dominati dalla figura di Ivo Andrić, “unico premio Nobel jugoslavo” che “sicuramente trascende i confini nazionali” (p. 135), Marija Mitrović si concentra sulle voci letterarie “al femminile”, rievocando Isidora Sekulić e, soprattutto, Desanka Maksimović, considerata per il vasto pubblico “la più grande scrittrice di poesia” (pp. 133-134).

Se il paragrafo sulla letteratura d'impegno civile tra le due guerre (poesia “stacanovista” o “di brigata”) si rivela tutto sommato breve per la debolezza e la schematicità di queste attestazioni, Marija e Bojan Mitrović arricchiscono il capitolo sul periodo successivo al 1948, anno della rottura dei rapporti tra Tito e Stalin, insistendo sui linguaggi dell'arte e del cinema, con le figure emblematiche di Dušan Makavejev e Želimir Žilnik. Tra i paragrafi sulla “poesia giocosa”, sul “romanzo esistenziale” e sulla Shoah, figurano Danilo Kiš, Mirko Kovač, Borislav Pekić e Filip David, un “gruppo di scrittori e amici, curiosi del mondo e poco impressionati dalle mitologie nazionali, i quali sono riusciti a trasmettere perfettamente al lettore il senso dell'amarezza dei nostri tempi” (p. 166). Se gli autori di questo “Quartetto” sono tra i più letti e amati dal pubblico serbo, e anche i più tradotti all'estero, altrettanto noti sono gli scrittori postmoderni che hanno dominato la scena degli anni '70 e '80: tra questi, in particolare, spiccano Milorad Pavić, “il vero grande maestro del postmodernismo serbo” (p. 175), David Albahari, Radoslav Petković, Svetislav Basara, Aleksandar Gatalica e Dragan Velikić.

Meritevole d'attenzione è infine il capitolo sulla dissoluzione della Jugoslavia, con l'accurata analisi di Bojan Mitrović delle fasi e degli effetti di quel drammatico processo che ha alimentato, come annota Marija Mitrović, nuove correnti letterarie come quella pop, dove predomina il “divertimento” (p. 190), o la prosa neorealistica, in cui torna in auge il piacere della scrittura senza altro fine se non quello di raccontare. Marija Mitrović non trascura neppure gli scrittori in esilio, attualmente tra i più significativi della letteratura serba (Albahari, Kovač, Stevanović, Pištalo), e si sofferma su artisti con una doppia identità nazionale, “un fenomeno assolutamente nuovo” rappresentato da “giovani autori di origini jugoslave, che lavorano in paesi non-slavi e scrivono in lingue diverse dal serbo-croato” (ad es. V. Tasić, V. Goldsworthy). Nel quadro di questa recentissima esperienza letteraria scaturita dal crollo di un'entità geopolitica, l'autrice passa ancora una volta in rassegna una nuova generazione di scrittrici e sottolinea l'importante funzione del Centro per gli studi femminili sorto a Belgrado nel 1991.

Il volume si chiude con una panoramica sul romanzo della fine del secolo XX (i cui autori più rappresentativi sono Vladimir Arsenijević e Srđan Valjarević), senza però tentare un'analisi critica degli anni successivi, che l'autrice destina a un'occasione successiva, quando saranno maturi i tempi per valutare con il distacco necessario i due decenni appena trascorsi.

Suggellano questa storia letteraria serba le appendici, costituite da sei tavole cartografiche, una cronologia, una *Bibliografia ragionata* e una *Bibliografia delle traduzioni dal serbo in italiano*.

Nel complesso, la *Storia della cultura e della letteratura serba* si rivela un manuale per lo studio dal taglio essenziale ma onnicomprensivo nei contenuti, e farà di sicuro parlare per i criteri di periodizzazione, per la prospettiva storica nell'affrontare le singole tematiche, per l'attenzione al dettaglio, per la spinta innovativa e l'attualità dell'approccio, ma soprattutto per la selezione degli autori analizzati. Una storia destinata a imporsi come 'canone', similmente a quanto già avvenuto per quella sulla letteratura slovena.

Persida Lazarević Di Giacomo

E. Restagno, *Schönberg e Stravinsky, Storia di un'impossibile amicizia*, Il Saggiatore, Milano 2014, pp. 451.

Il libro consta di otto capitoli preceduti da un'Introduzione ("Per rendere più viva la storia e quasi storica la vita", pp. 9-16) e seguiti da una Nota bibliografica (pp. 417-433), un Indice delle illustrazioni (pp. 435-437), che sono inserite in una sezione centrale di pagine patinate non numerate, e un Indice dei nomi e delle opere (pp. 439-451). La narrazione si snoda secondo un principio cronologico, ricostruendo i percorsi biografici dei due compositori con approfondimenti su momenti rilevanti nella prospettiva scelta.

Il capitolo di apertura, *Berlino 1912* (pp. 17-24) è incentrato sul primo incontro diretto tra i due musicisti, che – scrive l'A. – "fu praticamente anche l'unico" (p. 17). Avvenuto il 4 dicembre alla Krolloper, in occasione di un'esecuzione di *Petruška* da parte della compagnia dei Ballets Russes, l'incontro "ebbe un seguito quattro giorni dopo alla Choralion-Saal in Bellevuestrasse con una rappresentazione del *Pierrot lunaire* alla quale Schönberg aveva invitato il collega" (p. 17). Da quel momento i due compositori "Si sfiorarono spesso, si intravidero da lontano, ma i contatti si ridussero a qualche dichiarazione un po' maliziosa, amplificata dai giornali e trasformata in opposizione radicale da seguaci ed esegeti" (seconda di copertina).

In *Vienna e San Pietroburgo* (pp. 25-100) sono ricostruiti i contesti, diversi e separati, a partire dai quali i due compositori si fecero strada negli anni giovanili: le origini e la formazione, i primi saggi compositivi e la loro ricezione. *I due più grandi scandali musicali del secolo* (pp. 101-133) rievoca la Prima del *Sacre du printemps* di Stravinskij al Théâtre des Champs-Élysées di Parigi (29 maggio 1913) e la *bagarre* generata da un concerto diretto da Schönberg la sera del 31 marzo 1913 nella sala grande del Musikverein di Vienna. Questi eventi li trovano lontani fisicamente, ma in un certo senso accomunati da un simile destino; questo momento di 'ideale vicinanza' tra i due autori avrebbe potuto portare a un incontro concreto a Venezia, quando entrambi furono invitati a partecipare al III Festival di musica contemporanea, eppure i due compositori evitarono di vedersi (*Venezia 1925*, pp. 134-177).

Il periodo francese di Stravinskij rappresenta la fase in cui i due musicisti furono più lontani, geograficamente e stilisticamente (*Parigi 1927*, pp. 178-256); gli Stati Uniti li vedranno avvicinarsi, e non solo dal punto di vista spaziale: dopo la prima veneziana di *The Rake's Progress* (1956) il compositore russo avrebbe manifestato una crisi creativa che lo avrebbe portato a tentare nuove strade e a cimentarsi con il linguaggio dodecafonico (*America*, pp. 257-354, *Le lacrime di Palmdale*, pp. 355-386; *Con l'approvazione del maestro*, pp. 387-415). In questo modo, Stravinskij avrebbe 'scoperto' il collega scomparso nel 1951, e si sarebbe trovato, come avrebbe ricordato il suo assistente Robert Craft, "ormai tutto assorbito da Schönberg" (p. 364).

Questa sorta di celato dialogo a distanza è evocato con efficacia anche se, a giudizio di chi scrive, le numerose digressioni costringono il lettore a uno sforzo a tratti eccessivo per seguire linee tortuose, a tratti interrotte per essere riprese. In alcuni punti le continue deviazioni mettono in difficoltà lo stesso conducente, che in certe (non troppe) ripetizioni pare mostrare di avere lui stesso perso l'orientamento.

Questo studio si aggiunge a una già vastissima letteratura su vita e opera di entrambi i musicisti, che peraltro l'A. tratta con tutta la dimestichezza del musicologo d'esperienza, com'è ben evidenziato nella *Nota bibliografica*. Tuttavia la peculiarità del lavoro fa sì che non si tratti di una ripetizione di quanto già espresso. Il libro ha il grande merito di tentare una prospettiva inedita, quella di un dialogo tra i mondi, lontani dal punto di vista dell'estetica e del linguaggio musicale, rappresentati da due musicisti che, come dice l'A., non avrebbero mai potuto diventare amici, ma nutrono l'uno per l'altro un interesse che non venne mai meno (p. 13). L'interesse del lavoro è prettamente musicologico: per tradizione si usa pensare a Schönberg come all'uomo che dal tardo romanticismo approda alla dodecaфонia, e a Stravinskij come a un traghettatore in senso inverso, dall'avanguardia del *Sacre* al neoclassicismo di *Pulcinella*. Eppure, la grande esperienza dell'A. in ambito analitico e la sua sensibilità sul piano estetico mettono in rilievo, – ed è questo uno dei motivi principali per cui il libro merita una e forse più riletture, – le sfumature stilistiche e le motivazioni estetiche caratteristiche delle scelte musicali di entrambi i compositori, che appaiono in conclusione meno monolitiche e univoche di quanto la letteratura divulgativa abbia finito per trasmettere.

Questo tentativo di ristabilire un confronto tra due artisti che gli schemi della storiografica musicologica hanno ridotto a mera opposizione attrae anche l'interesse del lettore non tecnico. Inoltre, trattando per buona parte di un autore legatissimo alla Russia quale fu Igor' Stravinskij e mettendo in relazione eventi coevi, – culturalmente vicini ma geograficamente distanti, – questo lavoro offre spunti interessanti dal punto di vista comparatistico, che inglobano (finalmente!) nell'analisi anche la realtà russa. Come fa ben intendere Restagno, nonostante l'esilio più o meno volontario, questa fu ben presente nella mente del compositore nel corso della sua lunga carriera internazionale: dopo il trasferimento in Francia, Svizzera e Stati Uniti, ma anche prima e dopo eventi come la visita della delegazione sovietica negli USA nel 1949 e la tournée che Stravinskij fece in URSS nel 1962.

Può dispiacere un poco al lettore russista che lo studio non abbia voluto (o potuto) considerare anche fonti russe, giacché l'evocazione dell'ambiente musicale Pietroburghese dal quale proveniva Stravinskij avrebbe potuto giovare di uno sguardo alle fonti locali. Non convince pienamente, ad esempio, la contrapposizione tra l'appoggio ricevuto da Glazunov da parte di Rimskij-Korsakov e dei musicisti Pietroburghesi dell'epoca, e lo snobismo riservato a Stravinskij nei suoi anni di pratica con lo stesso maestro e poi anche nei successivi. Rimskij è ritratto dall'A. come un maestro che "aveva propagato con tenacia l'idea di uno sviluppo graduale, *al riparo dai pericolosi influssi provenienti dalla musica dell'Occidente* [il corsivo è mio – A. G.]" (p. 39). In verità, il maestro aveva sicuramente tra

le sue convinzioni pedagogiche quella della preparazione tecnica, che aveva cominciato a percepire come lacunosa nella cerchia dei Cinque frequentata negli anni Sessanta dell'Ottocento. Da qui era nata quell'esigenza di 'studio matto e disperatissimo' che il compositore racconta nelle memorie (*Letopis' moej muzykal'noj žizni*), e che lo aveva trasformato, complice il mutato contesto istituzionale, da campione dell'avanguardia a insigne didatta e punto di riferimento istituzionale nell'ambiente musicale pietroburghese. C'è da chiedersi se il disinteresse per le esperienze occidentali di fine secolo non dipendesse da una certa abitudine all'autoreferenzialità, o a un legittimo orgoglio per il cammino percorso, piuttosto che a una vera opposizione nei confronti dell'Occidente, da parte di un musicista che aveva condiviso con i colleghi della *mogučaja kučka* ore di studi e letture cantate a quattro mani di partiture di Liszt, Schumann, Wagner, Chopin e molti altri autori europei, e che aveva anche collaborato (sebbene senza trarne sempre soddisfazione) con i Ballets russes di Djagilev.

Il mancato riferimento alla letteratura secondaria russa (non vengono menzionati, ad esempio, gli studi di Svetlana Savenko) si spiega sicuramente con il limite linguistico, che caratterizza molta parte della comunità musicologica italiana. Eppure stupisce proprio perché l'A. aveva mostrato un approccio diverso in precedenti lavori riguardanti la musica sovietica – penso alla curatela di opere su *Gubajdulina* (EDT, Torino 1991) e *Schnittke* (EDT, Torino 1993) e alla direzione scientifica del volume *Trascrivere la vita intera, Dmitrij Šostakovič*, a cura di E. Wilson, trad. it. di L. Dusio, Il Saggiatore, Milano 2006), – e all'analisi del repertorio ottocentesco: *Glinka, l'opera italiana e Ruslan e Ludmilla*, in: "Musica se extendit ad omnia": Studi in onore di Alberto Basso in occasione del suo 75° compleanno, Libreria Musicale Italiana, Lucca 2007, e *Le sinfonie di Čajkovskij* (con A. Cavicchi), Orchestra sinfonica dell'Emilia-Romagna "A. Toscanini", Parma 1988.

Questo aspetto, che paradossalmente leggiamo come 'non comparatistico' nella pur comparatistica prospettiva adottata dall'A., è per il russista come un 'sassolino nella scarpa' perché conferma l'eccessiva scissione tra comunità scientifiche, a dispetto della proclamata interdisciplinarietà. Ciò detto, per lo stesso motivo la comunità di studiosi slavisti ha tutto da guadagnare inserendo nella propria bibliografia questo testo, che rinnova l'invito a pensare alla Russia nel flusso di una circolazione di umori ininterrotta nel vecchio e finanche nel nuovo continente.

Anna Giust

Profilo degli autori

VLADIMIR MIKHAILOVICH ALPATOV è membro corrispondente dell'Accademia Russa delle Scienze e direttore dell'Istituto di Linguistica (RAN, Mosca). La sua attività di ricerca si concentra sulla storia della linguistica russa in età sovietica, sulla sociolinguistica e le lingue orientali (in particolare il giapponese).

ALEKSEJ VIKTOROVIČ ANDRONOV è professore associato presso il dipartimento di Linguistica Generale dell'Università di San Pietroburgo. Laureatosi presso la stessa Università (1995), ha proseguito gli studi nelle Università di Vilnius e Riga. La sua tesi di dottorato (1999) riguarda lo studio contrastivo della morfologia flessiva lituana e lettone. I suoi principali interessi di ricerca sono la fonologia, l'accentologia, la storia della linguistica, le lingue baltiche e la linguistica comparativa. A.V. Andronov è attualmente coinvolto nel progetto *Linguistics Lost and Found. The Lessons of the Language Building Policy in the USSR*, supportato dalla Fondazione Scientifica Russa (*Rossijskij Naučnyj Fond*).

DANIEL BUNČIĆ è *Juniorprofessor* di Linguistica Slava presso l'Università di Colonia. Nel 2006 si è addottorato presso l'Università di Bonn; in seguito (2011), ha ricevuto l'abilitazione presso l'Università di Tubinga. Da sempre si occupa di sistemi di scrittura, come testimoniano numerosi articoli sull'integrazione grafica dei prestiti negli alfabeti latino e cirillico (2003), sulla reale funzione dell'apostrofo (2004), sulla standardizzazione dell'ortografia polacca (2012) e sui diacritici (2013 ecc.). È inoltre autore principale della recente monografia *Biscriptality: A Sociolinguistic Typology* (2016).

MARIA DI SALVO ha insegnato Filologia slava presso l'Università di Milano. Oltre che di letteratura russa del Settecento si occupa dei rapporti fra la cultura russa e quella italiana e della storia delle teorie letterarie in Russia. Fa parte del comitato scientifico delle riviste "Russica Romana", "Russkij jazyk" e "Studi Slavistici".

LIANA GOLETIANI, addottoratasi in Slavistica presso l'Università "J.W. Goethe" di Francoforte, è Ricercatrice presso l'Università di Milano, dove insegna Linguistica e Traduzione Russa. Si occupa prevalentemente di linguistica del contatto, pragmatica e analisi conversazionale. È autrice di una monografia sugli errori di comunicazione nel dialogo russo-ucraino (*Kommunikativnaja neudača v russkom i ukraïnskomo dialoge*, Otto Sagner, München 2003). Negli ultimi anni ha studiato anche gli aspetti sociolinguistici della comunicazione pubblica e i tratti morfosintattici del linguaggio giuridico.

ROMAN HORBYK è nato a Kiev, dove ha studiato prima di ottenere la laurea magistrale nel 2012 (titolo congiunto Erasmus Mundus rilasciato dalle Università di Aarhus e Amburgo). Nel 2015 ha conseguito il titolo dottorale di primo livello (*kandidat nauk*) presso l'Università Nazionale di Kiev "Taras Ševčenko". Attualmente sta terminando il dottorato presso la Södertörn University di Stoccolma, con una tesi che analizza il dibattito pubblico sulla costruzione dell'Europa in Ucraina, Russia e Polonia durante l'Euromaidan. I suoi interessi di ricerca si concentrano sulla storia e l'archeologia dei media, gli studi postcoloniali e la storia delle idee in Europa Orientale. Oltre a ciò, R. Horbyk lavora come drammaturgo e sceneggiatore.

VLADIMIR KANTOR è scrittore, filosofo, professore di Filosofia presso la Scuola Superiore di Economia (HSE) di Mosca, città dove vive e lavora. È autore di racconti e romanzi e di una quindicina di monografie sulla filosofia e la storia della cultura russa.

KATERYNA KARUNYK si è laureata nel 2009 in Lingua e Letteratura Ucraina e Lingua Inglese presso l'Università Nazionale Pedagogica di Charkiv "H.S. Skovoroda". Ha pubblicato studi sul re-taglio linguistico di Ju.V. Ševel'ov nonché sulla politica linguistica nell'Ucraina Sovietica degli anni 1945-1991. È redattrice del sito web della Società Storico-Filologica di Charkiv.

SHAMIL KHAIROV insegna Lingua Russa presso la Scuola di Lingue e Culture Moderne dell'Università di Glasgow. Si occupa prevalentemente di Linguistica Slava in prospettiva assiologica, nel tentativo di ricostruire le complesse interazioni tra lingua, cultura e politica nella storia culturale dei paesi slavi, nonché la ricezione inter-culturale dei differenti strati del russo e delle altre lingue slave. Le sue recenti pubblicazioni analizzano le più antiche proiezioni della lingua sulla percezione del carattere nazionale russo, comparandole con le speculazioni contemporanee sulla psicologia russa. Si è occupato anche delle riflessioni linguistiche di Czesław Miłosz e Joseph Brodsky.

ALLA ANDREEVNA KOŽINOVA, dottore di ricerca in scienze linguistiche, è professore ordinario di Linguistica Teorica e Slava presso l'Università Statale Bielorusa. Si occupa di linguistica teorica, semantica, lessicologia storica e moderna, slavistica, linguistica cognitiva ed etnolinguistica. Ha all'attivo più di 240 pubblicazioni scientifiche e partecipa a diversi progetti di ricerca.

GIUSEPPINA LARocca è attualmente assegnista di ricerca all'Università degli Studi di Firenze. Nel 2011 ha conseguito il dottorato in Slavistica presso l'Università di Pisa, con una tesi dal titolo *Lev Pumpjanskij teorico della letteratura*. È stata docente di lingua e letteratura russa all'Università degli Studi di Firenze, Pisa, Siena (sede di Arezzo), Macerata, Viterbo e Napoli (L'Orientale). È stata membro del PRIN *Russi in Italia (1900-1940)*. I suoi interessi includono l'emigrazione russa, la storia della critica letteraria e la letteratura russa dei secoli XVIII e XX con particolare attenzione ai rapporti culturali con l'Italia.

IRINA MARCHESINI è professore a contratto di Storia della Lingua Russa presso il Dipartimento di Lingue dell'Università di Bologna. Dopo aver conseguito il titolo di dottore di ricerca (2012) ha proseguito la sua attività scientifica approfondendo diverse tematiche di rilievo nell'ambito degli studi sulla lingua, letteratura e cultura sovietica e postsovietica. È autrice di numerosi articoli pubblicati su riviste e volumi, nazionali e internazionali. Lo studio della diaspora armena in Russia è tra i suoi interessi di ricerca.

NICOLETTA MARCIALIS è professore ordinario di Filologia Slava presso l'Università di Roma "Tor Vergata". Si è occupata di teoria della letteratura (M.M. Bachtin e la sua cerchia, il problema dello *skaz*), di cultura russa antica e settecentesca (le eresie, il dibattito sul protestantesimo, la nascita del teatro, i dialoghi dei morti, l'immagine dell'America), di storia della lingua russa (paleoslavo e slavo ecclesiastico, il problema della diglossia, le tappe della codificazione, i dizionari). Ha tradotto e curato autori bulgari e russi (tra gli altri, N. Hajtov, E. Stanev, D. Fonvizin, N. Gogol', Z. Prilepin).

SÉBASTIEN MORET, dottore in lettere, ha studiato storia, slavistica e interlinguistica a Losanna (Svizzera), San Pietroburgo (Russia) e Poznań (Polonia). I suoi principali campi di interesse sono la storia delle idee linguistiche (in particolare nell'Unione Sovietica), l'interlinguistica e l'esperantologia, e la storia della slavistica. Nel 2015-2016 Sébastien Moret ha soggiornato al Dipartimento di Semiotica dell'Università di Tartu (Estonia) per un progetto di ricerca post-dottorale finanziato dal Fondo Nazionale Svizzero. Attualmente, è *senior lecturer* alla Sezione di lingue e civiltazioni slave e dell'Asia del Sud all'Università di Losanna (Svizzera).

PAOLO OGNIBENE dal 2010 è assegnista di ricerca presso il Dipartimento di Beni Culturali dell'Università di Bologna. Si è laureato in Lingue e in Storia (indirizzo orientale) e successivamente ha conseguito il dottorato di ricerca presso il Dipartimento di Beni Culturali; dal 2004 al 2015 è stato professore a contratto presso la medesima Università. Dal 2002 al 2011 è stato segretario dell'ISIAO Emilia-Romagna nonché, dal 2004 al 2011, segretario dei Corsi di formazione per operatori di pace della Provincia di Ravenna. È membro del direttivo dell'Associazione italiana per gli studi sull'Asia Centrale ed il Caucaso. Ricopre inoltre il ruolo di *Project Coordinator* del progetto europeo *Integrated Italy-Japan Exchange Project*. Ha partecipato a cinque spedizioni nella Valle dello Yaghnob. Si interessa principalmente di Iran esterno, lingue iraniche nord-orientali, lingue caucasiche e paleosiberiane, nomadismo.

OLENA PALKO è *visiting Fellow* presso l'Università dell'Anglia Orientale (Norwich), dove si è addottorata con una tesi dal titolo *Becoming Soviet: Lost Alternatives in Ukraine, 1917-1933*. Precedentemente, ha frequentato l'Università Nazionale di Kiev "Taras Ševčenko", dove ha conseguito la laurea e la laurea magistrale in Scienze Politiche e Filosofia. È autrice di numerose pubblicazioni sulla storia e la cultura ucraine degli anni Venti. Tra i contributi più recenti si segnalano: *Ukrainian National Communism: a Challenging History* ("Journal of Contemporary Central and Eastern Europe", 2014) e *Between two Powers: a Soviet Ukrainian Writer Mykola Khvylovyi* ("Jahrbücher für Geschichte Osteuropas", 2016, in corso di stampa).

KLAUDIA ALEKSEEVNA PROKOPCZUK ha conseguito il dottorato di ricerca in Filologia Germanica nel 1989, presso l'Università Statale di Leningrado. Dal 1989 al 1994 ha insegnato tedesco economico presso la Facoltà di Economia dell'Università di Charkiv (Ucraina); in seguito, ha insegnato presso l'Università Nazionale di Charkiv e presso l'Istituto di Filologia Moderna dell'Accademia di Pedagogia della Pomerania (Polonia). Dal 2010 è docente incaricata di russo presso l'Università di Erlangen-Norimberga. È autrice di numerose pubblicazioni nell'ambito della stilistica, della linguistica del testo e della pragmatica interculturale.

GIOVANNA SIEDINA è ricercatrice di Slavistica al Dipartimento di Lingue e Letterature Straniere dell'Università di Verona. Ha compiuto ricerche nell'ambito della lessicografia russa del XVIII secolo e della letteratura ucraina premoderna, come anche della letteratura ucraina dei seco-

li XVIII-XIX. I suoi interessi vertono soprattutto sulla ricezione degli autori classici, in particolare Orazio, nelle letterature ucraina e russa e sulla poesia neolatina ucraina dei secoli XVII-XVIII. Altri ambiti della sua ricerca sono la lingua ucraina del XX secolo e i prestiti italiani nella lingua russa (secoli XVIII-XX).

ELENA IL'INIČNA SIMONATO è *senior researcher* di Linguistica Russa presso l'Università di Losanna. Specializzatasi in Storia della Linguistica Sovietica degli anni '20 e '30 del XX secolo, si occupa prevalentemente di *language building*, politiche linguistiche, sociolinguistica e processi di immigrazione. Dirige il progetto *Comunità svizzere in Crimea e sulla costa del Mar Nero. Aspetti linguistici e identitari* (Fondo Nazionale Svizzero per la Ricerca Scientifica).

VITTORIO SPRINGFIELD TOMELLERI, professore associato di Filologia Slava e Lingua e Traduzione Russa presso il Dipartimento di Studi Umanistici dell'Università di Macerata, si è occupato di grammaticografia in area slavo-orientale, di traduzioni dal Latino a Novgorod fra il XV e il XVI secolo, di innografia bizantino-slava, di lingue caucasiche e del Caucaso, in particolare Georgiano e Osseto, di aspetto di tipo slavo e di questioni alfabetiche.

BLOCCO TEMATICO

1917-2017. *One Hundred Years of Graphic (R)evolution in the Soviet Space*
(a cura di M. Di Salvo, V.S. Tomelleri, N. Marcialis, G. Larocca)

M. DI SALVO, V.S. TOMELLERI, N. MARCIALIS, G. LARocca	
<i>Introduction</i>	7-8
V.M. ALPATOV	
<i>Scripts and Politics in the USSR</i>	9-19
D. BUNČIĆ	
<i>Factors Influencing the Success and Failure of Writing Reforms</i>	21-46
Л. ГОЛЕТИАНИ	
<i>Буква, которой не хватало. О возвращении буквы Г в законодательный украинский язык</i>	47-66
R. HORBYK, O. PALKO	
<i>Righting the Writing. The Power Dynamic of Soviet Ukraine Language Policies and Reforms in the 1920s-1930s</i>	67-89
K. KARUNYK	
<i>The Ukrainian Spelling Reforms, Half-Reforms, Non-Reforms and Anti-Reforms as Manifestation of the Soviet Language Policy</i>	91-110
G. SIEDINA	
<i>L'infinita quaestio del Pravopys ucraino nell'Ucraina indipendente</i>	111-132
А.А. КОЖИНОВА	
<i>Языки и графические системы Беларуси в период от Октябрьской революции до Второй мировой войны</i>	133-156
П. ОНЬИБЕНЕ	
<i>Алфавит как политический выбор. Палеоазиатские языки и их алфавиты</i>	157-170
I. MARCHESINI	
<i>Russian (1917-1918) and Armenian (1922) Orthographic Reforms. Assessing the Russian Influence on Modern Armenian Language</i>	171-190
А.В. АНДРОНОВ, Е.И. СИМОНАТО, В.С. ТОМЕЛЛЕРИ	
<i>Евгений Дмитриевич Поливанов, Абхазский Аналитический Алфавит. Издание текста с переводом на английский язык</i>	191-252
А.В. АНДРОНОВ	
<i>Графическое обозначение фонологических признаков как ориентир при совершенствовании алфавитного письма и свидетельство реальности фонологических категорий</i>	253-274
S. MORET	
<i>Langues internationales, alphabets et Révolution. Les idées de N.V. Jušmanov</i>	275-292
Ш. ХАЙРОВ	
<i>Графика как объект лингвистической имагологии. О некоторых типах эстетических и идеологических оценок дореформенной кириллицы в России до и после 1918 г.</i>	293-307
К.А. ПРОКОПЧУК	
<i>Иностранные прагматонимы в современной русской литературе. Латиница или кириллица?</i>	309-327

MATERIALI E DISCUSSIONI

В.К. КАНТОР	
<i>Революция, или Безумие в облике истины</i>	331-350
<i>Recensioni</i>	353-367
<i>Profilo degli autori</i>	369-372